

Н. Ст.

Т. VII

Кіевъ Дух. Академ

↓

НУМИЗМАТ. р. 234, 230, 365, 204, 57, 270, 238

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

издаваемыя

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

подъ редакціею

Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

ГОДЪ VII.

№№ 1 и 2.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1899

СОДЕРЖАНІЕ №№ 1 и 2.

Стр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1899 г. №№ 1—2.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Замѣтка о Посланіи Ивана Бѣгичева.

Во второй книгѣ Чтеній въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ на 1898 г. А. И. Яцимирскій напечаталъ открытое имъ въ своей рукописи *Посланіе* нѣкоего Ивана Бѣгичева къ нѣкоему многомилостивому государю Имркъ, передъ которымъ онъ называетъ себя рабомъ его милости, во-вѣки неотступнымъ искателемъ его великаго жалованья и, падъ лицомъ на землю, много челомъ бьетъ. Такое начало указываетъ, что Посланіе было писано къ лицу знатному и значительному. Оно заключаетъ въ себѣ жалобы, что это лицо, въ прежнее время благосклонное, оказывало ему „премногую милость и благопріятство незлобивое", теперь же воздвизаетъ на него гнѣвъ и негодованіе и безстудное поношеніе передъ людьми, безъ правды оклеветаніе и, мало того, называетъ его отступникомъ Вѣры Христіанской... Дѣло касалось богословскаго вопроса, весьма различно толкуемаго, и по этому поводу авторъ подвергался обвиненію въ еретическихъ мнѣніяхъ. „Ты нынѣ всегда поносишь меня передъ людьми, говоритъ авторъ, и великій соблазнъ во мнѣ полагаешь, не удерживая своей ярости и неубоявся Бога, возводишь лукавая на душу мою, каковаго лукавства и злодѣянія

во многихъ древнихъ еретикахъ искони не обрѣтеся... Обличаешь ты меня, что въ нѣкій день слышалъ ты отъ меня таковые богохульные глаголы, будто я возмогъ тако сказать, что Божіе на землю схожденіе и воплощеніе не было, а что и было, то все дѣйство ангельское... Но такого слова, безумія исполненнаго, я не говаривалъ... Одно вспоминаю, продолжаетъ авторъ, когда съ тобою я шествовалъ изъ вотчины твоей, зовомой *Черная Грязь* [1]), на ловъ звѣриный, тогда ты изволилъ бесѣдовать со мною на пути и сказывалъ мнѣ отъ Бытейскихъ книгъ втораго Исхода, что егда восхотѣ Богъ дати законъ Моисею и тогда сниде самъ Богъ на гору и бесѣдова со пророкомъ лицомъ къ лицу, показа ему Богъ задняя своя. И тогда я дерзнулъ прекословіемъ пресѣчь глаголы твои и сказалъ тебѣ: „Коя нужда Богу бесѣдовати къ людямъ и явитися Самому, кромѣ плотскаго смотрѣнія. Возможно бо есть и ангела послати да тоже сотворити по волѣ Его"... „Развѣ за это одно, что я дерзнулъ молвить тебѣ встрѣчно, ты поднялся на меня гнѣвомъ своимъ и клеветою", заключаетъ авторъ.

Оправдываясь и защищаясь отъ взводимой на него напасти, авторъ, смѣя не смѣя, и написалъ свое Посланіе, доказывая всѣми святыми и освященными текстами правду своего воззрѣнія на предметъ спора и обличая своего противника въ неразуміи и въ недостаточномъ знакомствѣ съ упомянутыми текстами. „И слѣпымъ мощно есть разумѣти, доказываетъ авторъ, яко не только задняя или передняя при Бозѣ глаголати и мнѣти, но и единыя части не мощно есть не только тѣлеснымъ окомъ зрѣти, но и разумнымъ ни мало уразумѣти... А ты дерзаеши тако рѣщи, яко Моисей задняя Божія видѣлъ"... „Я человѣкъ простой, пишетъ авторъ, и учился буквамъ единымъ, дабы могъ прочесть и написать что-либо ради своей надобности и чтобы можно было душу мою грѣшную спасти, а дальняго ничего не разумѣю и съ мудрыми философами и рачителями истины, которые искусны и благоразсудны въ божественныхъ писаніяхъ, никогда не бесѣдовалъ... И не дивно, что возможно мнѣ и погрѣшить, ради моего скудоумія и небреженія; но дивно то, что ты съ клеветою поносишь меня не только о сказанномъ мною, но прилагаешь еще больше и свои умышленія, а самъ и въ малой части не искусенъ въ божественныхъ писаніяхъ, какъ и совѣтники

---

[1]) Есть *Черная Грязь*, бывшая почтовая станція на Петербургскомъ шоссе, въ 28 верстахъ отъ Москвы. Упомянутая *Черная Грязь*, по всему вѣроятію, указываетъ на село Царицыно, которое прежде носило свое старое прозвище *Черная Грязь* и 13 августа 1775 г. переименовано по слѣдующему именному указу: «Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила купленное у отставнаго бригадира князя Сергѣя Кантемира и причисленное въ вѣдомство Главной Дворцовой Канцеляріи село *Черную Грязь* отнынѣ именовать селомъ *Царицынымъ*». Полное Собр. Законовъ, № 14359.

твои, Никифоръ Воейковъ съ товарищи. Сами они съ выѣденое яйцо не знаютъ, а вкупѣ съ тобою роптать на меня не стыдятся. И всѣ вы, кромѣ баснословныя повѣсти, глаголемыя еже *о Бовѣ Королевичѣ*, о которой думается вами душеполезной быти, что̀ изложено есть для младенецъ, иже *о Курѣ* и *о Лисицѣ* и о прочихъ иныхъ таковыхъ же баснословныхъ повѣстей и смѣхотворныхъ писаній (всѣ вы) божественныхъ книгъ и богословныхъ дохматъ ни какихъ не читали".

Кто же былъ тотъ человѣкъ, которому такъ прекословилъ авторъ Посланія? Въ спискѣ, напечатанномъ г. Яцимирскимъ, имя этого человѣка скрыто обычнымъ *имрекомъ*.

Въ нашемъ собраніи рукописей (№ 49) находится другой списокъ того же Посланія, помѣщенный въ концѣ книги, заключающей въ себѣ одинъ только такъ называемый Прохладный Вертоградъ, извѣстный старинный лѣчебникъ, списанный однимъ почеркомъ съ Посланіемъ во второй половинѣ XVIII ст.

Начало этого списка слѣдующее: „Многомилостивому государю моему *Семену Лукьяновичу* рабъ милости твоей и во вѣки неотступной искатель великаго твоего жалованья, падъ лицемъ на землю, много челомъ бью". Далѣе въ изложеніи своего Посланія авторъ не одинъ разъ обращается къ этому лицу, именуя его Семеномъ Лукьяновичемъ.

Такъ, убѣждая этого Семена Лукьяновича въ истинѣ своихъ мнѣній и выражая снова свое сомнѣніе въ его познаніяхъ относительно Св. Писанія, авторъ обращается къ нему съ такими словами: „Отъ неразумія своего и неразсужденія самъ ты, государь Семенъ Лукьяновичъ и таибницы (таинники - совѣтники) твои Никифоръ Воейковъ съ товарищи люди буи, а не мудри являетеся"...

Въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ, что нельзя основываться только на буквѣ Писанія, что слѣдуетъ сокровенное въ Писаніи разсуждать не по буквѣ, но по смыслу или по духу, ибо „духъ живитъ разумѣніе, а буква писмени умерщвляетъ, отчего и въ ереси впадаютъ, какъ и *нынѣ* многіе пострадали отъ таковаго недоумѣнія [2]),—такъ и ты, милостивый государь Семенъ Лукьяновичъ, не претыкайся о семъ единомъ, яже видѣхъ писано, что глагола Богъ съ Моисеемъ лицомъ къ лицу, и не стой на одной ногѣ да не явишься построменъ и всюду зыблемъ, но приступи и на вторую (ногу) и пойди далѣе"...

Указывая потомъ на толкованія о пророческихъ видѣніяхъ Божества Діонисія Ареопагита и Никиты Ираклійскаго, авторъ снова обра-

---

[2]) Указаніе на обстоятельства по дѣлу исправленія въ 1616 г. Потребника, когда произошла смута изъ-за того, что исключено было изъ молитвы водоосвященія излишнее слово: *и огнемъ*.

щается къ С. Л.: „Если силенъ ты, Семенъ Лукьяновичъ, иди, государь, и сварися съ Діонисіемъ и съ Никитою, а если не возможешь одинъ, то возми и совѣтника своего Никифора Воейкова, а меня, государь, столько не стало, что съ ними за то бранитися. Если не увѣришься (въ упомянутыхъ толкованіяхъ), то мнѣ съ тобою дѣлать нечего и будешь ты упрямъ, а не прямъ“, оканчиваетъ авторъ.

Надо замѣтить, что Посланіе проповѣдуетъ вообще разумность пониманія и толкованія текстовъ и потому явно склоняется къ раціонализму, за что автора и упрекали въ еретическихъ мнѣніяхъ.

Но кто же былъ этотъ Семенъ Лукьяновичъ? По нашему мнѣнію, не кто иной, какъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, родной братъ супруги царя Михаила Өедоровича, царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневыхъ. Сколько намъ извѣстно, съ 1626 г., то-есть со времени бракосочетанія царя, Семенъ Лукьяновичъ числился въ стольникахъ у самой царицы, потомъ съ 1631 г. въ стольникахъ у государя, причемъ именовался стольникомъ *изъ комнаты*. При царѣ Михаилѣ онъ и оставался только стольникомъ. Но особенно полюбилъ его молодой царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по кончинѣ отца въ 1645 г. назначивъ ему должность кравчаго. Потомъ, въ 1651 г., онъ получилъ званіе окольничаго, а въ 1655 году пожалованъ въ бояре.

Такое быстрое восхожденіе по степенямъ служебной чести для неродовитаго человѣка было случаемъ исключительнымъ, который свидѣтельствовалъ о немаловажныхъ служебныхъ и личныхъ достоинствахъ Стрѣшнева; тѣмъ болѣе, что въ тѣ же годы, съ 1647 по 1651 г., онъ находился въ опалѣ и былъ сосланъ на Вологду по обвиненію въ волшебствѣ, составленному, какъ оказалось, съ цѣлью удалить его отъ милостей государя. Онъ померъ въ 1666 году, и хоронилъ его лично самъ государь, присутствовавшій на похоронахъ, для чего нарочно тотчасъ же прибылъ въ Москву изъ Коломенскаго похода.

Судя по порученіямъ, которыя ему давали царь Михаилъ и царь Алексѣй, должно полагать, что Семенъ Лукьяновичъ, по своему времени, былъ человѣкъ очень образованный и начитанный въ церковной книжности. При царѣ Михаилѣ, какъ представитель государя, онъ участвовалъ въ стараніяхъ склонить нареченнаго жениха царевны Ирины датскаго королевича Вольдемара къ принятію Православной Вѣры. Какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ происходили большія препирательства о Вѣрѣ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ царской распрѣ съ патріархомъ Никономъ, Семенъ Лукьяновичъ, тоже какъ представитель государя, подалъ прибывшему тогда въ Москву ученѣйшему греку, Газскому митрополиту Паисію Лигариду, 30 вопросовъ о различныхъ дѣяніяхъ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

ГОДЪ VII.

№№ 1 и 2.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1899

щается къ С. Л.: „Если силенъ ты, Семенъ Лукьяновичъ, иди, государь, и сварися съ Діонисіемъ и съ Никитою, а если не возможешь одинъ, то возми и совѣтника своего Никифора Воейкова, а меня, государь, столько не стало, что съ ними за то бранитися. Если не увѣришься (въ упомянутыхъ толкованіяхъ), то мнѣ съ тобою дѣлать нечего и будешь ты упрямъ, а не прямъ", оканчиваетъ авторъ.

Надо замѣтить, что Посланіе проповѣдуетъ вообще разумность пониманія и толкованія текстовъ и потому явно склоняется къ раціонализму, за что автора и упрекали въ еретическихъ мнѣніяхъ.

Но кто же былъ этотъ Семенъ Лукьяновичъ? По нашему мнѣнію, не кто иной, какъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, родной братъ супруги царя Михаила Өедоровича, царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневыхъ. Сколько намъ извѣстно, съ 1626 г., то-есть со времени бракосочетанія царя, Семенъ Лукьяновичъ числился въ стольникахъ у самой царицы, потомъ съ 1631 г. въ стольникахъ у государя, причемъ именовался стольникомъ *изъ комнаты*. При царѣ Михаилѣ онъ и оставался только стольникомъ. Но особенно полюбилъ его молодой царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по кончинѣ отца въ 1645 г. назначивъ ему должность кравчаго. Потомъ, въ 1651 г., онъ получилъ званіе окольничаго, а въ 1655 году пожалованъ въ бояре.

Такое быстрое восхожденіе по степенямъ служебной чести для неродовитаго человѣка было случаемъ исключительнымъ, который свидѣтельствовалъ о немаловажныхъ служебныхъ и личныхъ достоинствахъ Стрѣшнева; тѣмъ болѣе, что въ тѣ же годы, съ 1647 по 1651 г., онъ находился въ опалѣ и былъ сосланъ на Вологду по обвиненію въ волшебствѣ, составленному, какъ оказалось, съ цѣлью удалить его отъ милостей государя. Онъ померъ въ 1666 году, и хоронилъ его лично самъ государь, присутствовавшій на похоронахъ, для чего нарочно тотчасъ же прибылъ въ Москву изъ Коломенскаго похода.

Судя по порученіямъ, которыя ему давали царь Михаилъ и царь Алексѣй, должно полагать, что Семенъ Лукьяновичъ, по своему времени, былъ человѣкъ очень образованный и начитанный въ церковной книжности. При царѣ Михаилѣ, какъ представитель государя, онъ участвовалъ въ стараніяхъ склонить нареченнаго жениха царевны Ирины датскаго королевича Вольдемара къ принятію Православной Вѣры. Какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ происходили большія препирательства о Вѣрѣ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ царской распрѣ съ патріархомъ Никономъ, Семенъ Лукьяновичъ, тоже какъ представитель государя, подалъ прибывшему тогда въ Москву ученѣйшему греку, Газскому митрополиту Паисію Лигариду, 30 вопросовъ о различныхъ дѣяніяхъ

Никона, касавшихся и самовластныхъ отношеній патріарха къ тишайшему царю. Изъ боярской среды едва ли не одинъ Стрѣшневъ обладалъ достаточными знаніями для составленія такихъ вопросовъ.

Все это служитъ свидѣтельствомъ, что Семенъ Лукьяновичъ не былъ далекъ отъ богословскихъ вопросовъ и съ любознательностію могъ разсуждать даже и на охотѣ о различныхъ текстахъ Писанія.

Повидимому, Никону онъ прекословилъ очень круто и, быть можетъ, потому подвергся отъ него великой карѣ: патріархъ наложилъ на него церковное проклятіе за то, что будто Семенъ Лукьяновичъ у себя на дому, назвався самъ патріархомъ, творилъ благословеніе по-патріаршии, сверхъ того, научилъ свою собаку сидѣть и передними лапами благословлять какъ патріархъ, въ поруганіе благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ. Оказалось, что это была враждебная сплетня.

Семенъ Лукьяновичъ свой послѣдній тридцатый вопросъ и поставилъ по поводу этого обстоятельства: „Достойно ли проклинать человѣка за это?“

Теперь о самомъ авторѣ Посланія. Онъ посредствомъ тайнописи наименовалъ себя только Иваномъ Бѣгичевымъ *). Но оказывается, что Бѣгичевыхъ на государевой службѣ съ именемъ Ивана было нѣсколько. Г. Яцимирскій тщательно собралъ этихъ Ивановъ: пять изъ нихъ явились съ отечествомъ: Алферьевъ, Васильевъ, Ивановъ, Кузминъ, Микулинъ; два съ однимъ именемъ Иванъ безъ отечества, къ которымъ можемъ присоединить и третьяго, стрѣлецкаго голову Ивана Бѣгичева, упоминаемаго въ служебныхъ спискахъ въ 1634 году. Всѣ эти Иваны служили только въ первой половинѣ XVII ст.

Г. Яцимирскій предполагаетъ, что авторомъ Посланія могъ быть Иванъ Кузмичъ Бѣгичевъ, и приводитъ нѣкоторыя указанія, не имѣющія, однако, никакой связи съ писательствомъ автора Посланія. Между прочимъ, есть основанія предполагать, что авторомъ Посланія былъ Бѣгичевъ, Иванъ Ивановичъ. Основанія эти находятся въ самомъ Посланіи, гдѣ авторъ, какъ видѣли, защищаетъ себя отъ клеветливаго обвиненія въ ереси и въ отступничествѣ отъ Христіанской Вѣры, упоминая, что противникъ его за то самое осуждаетъ его, ни въ чемъ неповин-

*) Свою тайнопись онъ расположилъ слѣдующимъ образомъ: четверица двоицею=*И*; двочисленница единицею=*В*; единица единожды=*А*; седмь седмерицъ со единемъ=*Н*; и съ приприжно—гласнымъ паеркомъ=*Ъ*. По отечествію—безчисленнее письмя=*Б*; четверица со единемъ=*Е*; троица=*Г*, съ осмерицею = *И*; десятица девятицею = *Ч*; дважды два со единемъ=*Е*; двоица съ паеркомъ=*ВЪ*.

наго, на смерть душевную и *тѣлесную*, что въ виду такого осужденія душа его трепещетъ, и сердце наполняется ужасомъ (трепетну душу и ужасно сердце имѣю).

Извѣстно, каковы были въ старое время послѣдствія для людей мало-мало заподозрѣваемыхъ въ еретическихъ мнѣніяхъ. Ихъ не только усылали въ далекія мѣста, но и живыми сожигали въ желѣзныхъ клѣткахъ. И вотъ здѣсь-то и скрывается причина, почему Иванъ Ивановичъ, какъ отмѣчено въ боярскихъ книгахъ, въ 1643 г. бѣжалъ, навѣрное безъ оглядки, въ Литву.

Написавши Посланіе къ знатному при Дворѣ человѣку съ укоризнами въ его дѣтскомъ младенческомъ неразуміи относительно пониманія текстовъ Св. Писанія, въ его полномъ невѣжествѣ по этому предмету, укоряя его вмѣстѣ съ тѣмъ за возводимую клевету и поношеніе, авторъ, конечно, не могъ ожидать никакого добра отъ возникшихъ отношеній къ многомилостивому государю и здраво разсудилъ лучше удалиться отъ ожидаемой для него напасти.

Можно полагать, что именно это Посланіе и послужило прямымъ поводомъ къ бѣгству, такъ какъ оно во всякомъ случаѣ было очень дерзкимъ отвѣтомъ на клеветы и преслѣдованія со стороны знатнаго человѣка.

Такимъ образомъ и время написанія этого Посланія можетъ совпадать съ годомъ бѣгства Ивана Ивановича въ Литву въ 1643 г.

Въ одной изъ приходныхъ книгъ Казеннаго приказа (бывшій Архивъ Оруж. Палаты, № 793) намъ встрѣтилась слѣдующая запись, относящаяся къ этому бѣгству.

„152 (1643) г. декабря въ 31 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу въ Казенный Приказъ къ казначею къ Богдану Миничу Дубровскому да къ діакомъ къ Григорью Панкратьеву да къ Алмазу Иванову по памяти и по росписи за приписью діака Степана Кудрявцова прислано (на Казенный дворъ) Божія милосердія образовъ изъ *измѣнничьихъ* животовъ *Ивашка Иванова сына Бегичева:* Деисусъ—образы Спасовъ да Пречистой Богородицы да Иванна Предтечи обложены серебромъ басменымъ;—образъ Преч. Богородицы Одегитрія въ кіотѣ обложенъ серебромъ, вѣнцы на образѣ и на створехъ рѣзные, возглавіе и ожерелье и рясы жемчюжные, серги на турское дѣло съ каменьемъ и съ жемчюги;—образъ Преч. Богородицы Казанскіе въ кіотѣ обложенъ серебромъ, возглавіе низано жемчюгомъ мелкимъ, вѣнецъ и цата рѣзные, на коронѣ каменье плохое, у кіота створы на золотѣ не обложены; — складни на четырехъ цкахъ кипарисные, двѣ цки обложены серебромъ рѣзнымъ, вѣнцы рѣзные жъ;

третья цка обложена серебромъ басменымъ, четвертая цка не обложена; — образъ чюдотворца Макарія Желтовоцкого съ дѣяніемъ, обложенъ серебромъ басменымъ, посреди образа оплечье обложено рѣзнымъ серебромъ, вѣнцы рѣзные, срачица бархатъ чернъ ветхъ на ней крестъ низанъ жемчюгомъ мелкимъ;—образъ Воскресеніе Христово обложенъ серебромъ басменымъ, вѣнецъ сканной; — образъ Преч. Богородицы Неопалимые Купины обложенъ серебромъ басменымъ вѣнецъ рѣзной; — образъ Покровъ Св. Богородицы обложенъ серебромъ басменымъ, вѣнцы рѣзные; — образъ Преч. Богородицы Умиленіе обложенъ серебромъ басменымъ вѣнецъ рѣзной въ немъ каменье плохое; — образъ Преч. Богородицы Умиленіе окладъ басменой; — образъ Николы Чюдотворца обложенъ серебромъ басменымъ вѣнецъ и цата и подпись рѣзные; — образъ Николы Чюдотворца Можайскаго обложенъ серебромъ басменымъ, вѣнецъ и цата рѣзные, каменье въ вѣнцѣ и въ цатѣ плохое; — образъ Московскихъ Чюдотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны обложенъ серебромъ басменымъ вѣнцы рѣзные, въ нихъ каменье плохое; — образъ Николы Чюд. Можайскаго обложенъ серебромъ басменымъ вѣнецъ чеканной; — образъ Св. Пророка Иліи обложенъ серебромъ басменымъ, вѣнцы рѣзные; — образъ Чюдотворца Варлама со святыми обложенъ серебромъ, вѣнцы рѣзные; — образъ Спасовъ во облацѣ, а Святого подписи не знать, обложенъ серебромъ басменымъ; — образъ Алексѣя человѣка Божія цка не велика обложенъ серебромъ басменымъ. И тѣ образы приняты, а присланы тѣ образы съ подъячимъ съ Иваномъ Степановымъ. И 154 (1646) года іюня въ 20 день тѣ образы по подписной челобитной за помѣтою думнаго діака Ивана Гавренева *отданы Ивану Бѣгичеву*".

Повидимому, возвращеніе этой святыни Ивану же Бѣгичеву должно указывать на самаго автора Посланія, возвратившагося изъ бѣговъ и прощеннаго за свой проступокъ, быть можетъ, по великодушному вниманію къ старой дружбѣ съ нимъ Семена Лукьяновича.

Иванъ Ив. Бѣгичевъ по боярскимъ книгамъ появляется на службѣ патріаршимъ стольникомъ у патр. Филарета Никитича въ 1627—1629 гг. потомъ стольникомъ государевымъ въ 1636—1640 гг. вмѣстѣ съ упоминаемымъ въ Посланіи Никифоромъ Воейковымъ, въ одни и тѣ же годы числившимся на службѣ и у патріарха и у государя.

Бывши товарищами во дворѣ умнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ патріарховъ, они разошлись въ своихъ понятіяхъ о текстахъ Писанія, сохраняя свою любознательность, пріобрѣтенную, конечно, въ патріаршихъ хоромахъ. Дальнѣйшая служба и судьба этихъ лицъ ожидаютъ разысканій. Припомнимъ, что, какъ Бѣгичевъ, Ив. Ив., сопровождалъ Стрѣшнева на звѣриную охоту, такъ и его сверстникъ и товарищъ по

службѣ, Воейковъ, въ 1636 и 1637 годахъ сопровождалъ самого государя Михаила Өедоровича при охотничьихъ выѣздахъ на лосей и на медвѣдя и стаивалъ въ саняхъ государя на *ухабѣ,* т.-е. на отводномъ крылѣ, отчего по этой должности и прозывался *ухабничимъ.*

Какъ литературный памятникъ Посланіе Бѣгичева отличается церковно-книжнымъ языкомъ во многихъ мѣстахъ по набору словъ очень невразумительнымъ; но въ то время такой слогъ почитался въ собственномъ смыслѣ литературнымъ. Любопытно свидѣтельство автора о существованіи уже въ первой половинѣ XVII ст. народныхъ повѣстей о *Бовѣ Королевичѣ* и о *Курѣ* и *Лисицѣ,* о которыхъ раньше конца XVII ст. свѣдѣній не встрѣчалось.

Ив. Забѣлинъ.

II.

Профессоръ А. С. Павловъ.

Очеркъ его учено-литературной дѣятельности *).

Мм. г-ни и г-да!

Императорское Московское Археологическое Общество, справляющее сегодня ученую тризну по своимъ недавно скончавшимся сочленамъ, предложило мнѣ сказать въ настоящемъ собраніи нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти одного изъ нихъ, заслуженнаго ординарнаго профессора Московскаго университета, *Алексѣя Степановича Павлова.* Высоко цѣня честь, сдѣланную мнѣ этимъ порученіемъ, я не счелъ возможнымъ отклонить его, такъ какъ былъ достаточно знакомъ съ почившимъ и его учеными трудами, а долгъ благодарнаго ученика побуждалъ меня содѣйствовать, въ мѣру моихъ силъ, сохраненію памяти о моемъ незабвенномъ учителѣ. Но, выступая теперь съ своимъ сообщеніемъ предъ вашимъ досточтимымъ собраніемъ, я не въ силахъ преодолѣть нѣкотораго смущенія, невольно закрадывающагося въ душу. Почившій ученый, о которомъ я долженъ говорить, представлялъ собою слишкомъ крупную научную величину, о которой трудно дать надлежащее представленіе въ немногихъ и по необходимости краткихъ чертахъ. Еще труднѣе передать на словахъ то обаятельное впечатлѣніе, какое производилъ А. С—чъ на меня (и, безъ сомнѣнія, не на одного меня) высокими качествами своей души, своимъ благороднымъ характеромъ и

---

*) Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 23 окт. 1898 г.

беззавѣтною преданностію наукѣ. Я успокоиваю себя лишь тѣмъ, что большинству здѣсь присутствующихъ знакома, конечно, и самая личность и еще болѣе—ученая дѣятельность почившаго: ваши собственныя впечатлѣнія и воспоминанія пусть восполнятъ то, что оставитъ недосказаннымъ мое слабое слово.

Я не стану задерживать вашего вниманія на внѣшнихъ біографическихъ подробностяхъ—между прочимъ потому, что онѣ уже дважды изложены мною печатно [1]); да при томъ же онѣ и не представляютъ особеннаго интереса. Сынъ причетника Томской епархіи, питомецъ трехъ духовныхъ школъ (мѣстнаго дух. училища, Тобольской семинаріи и Казанской академіи) и затѣмъ послѣдовательно профессоръ четырехъ высшихъ учебныхъ заведеній (той же Академіи и трехъ университетовъ: Казанскаго, Новороссійскаго и Московскаго), А. С—чъ всю свою жизнь отдалъ ученымъ трудамъ, и эта жизнь оказалась небогатою внѣшними происшествіями, какъ жизнь почти всѣхъ подобныхъ ему людей науки. Ученыя разысканія въ различныхъ архивахъ и книгохранилищахъ, кабинетная работа надъ добытымъ изъ нихъ и нерѣдко никому дотолѣ неизвѣстнымъ матеріаломъ, чтеніе лекцій съ академической или университетской каѳедры,—вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывалась эта жизнь въ продолженіе 40 лѣтъ послѣ окончанія академическаго курса. Единственными событіями, вносящими нѣкоторое разнообразіе въ ея по внѣшности столь однообразное теченіе, были тѣ печатные труды, которые сообщали ученому міру о результатахъ незримой и неутомимой кабинетной работы и создавали ученую репутацію ихъ автора. Но за то это были уже дѣйствительно *событія*—не въ личной только жизни А. С—ча, а и въ исторіи той науки, которой онъ отдалъ всего себя, свое время и силы. Это были драгоцѣнные вклады въ сокровищницу знанія, вызывавшіе удивленіе богатствомъ эрудиціи и силой научной мысли,—произведенія, дѣлавшія имя ихъ автора уважаемымъ и авторитетнымъ не только въ отечественной наукѣ, но и далеко за предѣлами родной земли, въ томъ западно-европейскомъ ученомъ мірѣ, который издавна привыкъ быть нашимъ руководителемъ и который такъ неохотно соглашается чему-нибудь учиться у насъ. Объ учено-литературныхъ трудахъ А. С. Павлова и будетъ главнымъ образомъ мое дальнѣйшее слово.

Какъ профессоръ церковнаго права, въ продолженіе 40 лѣтъ занимавшій каѳедру этой науки въ духовной академіи и трехъ универси-

---

[1]) См. Богосл. Вѣстн. 1898 г., сент., стр. 331—347 и Моск. Церк. Вѣдом., № 37, стр. 499—501. Оттиски первой изъ этихъ статей (вмѣстѣ съ статьей проф. Н. А. Заозерскаго, содержащей въ себѣ характеристику каноническихъ трудовъ почившаго) были розданы присутствовавшимъ въ засѣданіи.

тетахъ, А. С. этой именно отрасли научнаго знанія преимущественно посвятилъ свои ученыя силы. Общій характеръ и направленіе его научныхъ изысканій въ этой области опредѣлился, повидимому, при самомъ началѣ его ученой дѣятельности насущными нуждами названной науки въ ея тогдашнемъ состояніи. Наука церковнаго права, и въ настоящее время далеко не достигшая желаемаго совершенства въ разработкѣ своего предмета, 40 лѣтъ тому назадъ находилась въ состояніи, еще болѣе далекомъ отъ этого совершенства. Въ особенности это нужно сказать относительно собственно русскаго церковнаго права въ его догматической системѣ и въ историческомъ развитіи. За исключеніемъ небольшого числа трудовъ, разработанныхъ настоящимъ научнымъ методомъ и давшихъ дѣйствительно цѣнные результаты, эта область представляла въ полномъ смыслѣ слова невоздѣланное поле, на которомъ требовалось много самаго чернаго и упорнаго труда. Не были еще *изданы* надлежащимъ образомъ, а отчасти и не были извѣстны тексты многихъ весьма важныхъ по своему историческому значенію памятниковъ русскаго церковнаго права. Не была разработана даже въ главнѣйшихъ своихъ моментахъ *внѣшняя* исторія этого права, т.-е. происхожденіе и послѣдующая судьба церковно-юридическихъ памятниковъ. Нечего и говорить о его *внутренней* исторіи, т.-е. исторіи развитія на русской почвѣ церковно-правовыхъ институтовъ, какъ пересаженныхъ къ намъ изъ Византіи, такъ и созданныхъ мѣстными условіями и требованіями жизни. Даже само *дѣйствующее* право (по крайней мѣрѣ—нѣкоторые его отдѣлы) находилось въ довольно смутномъ состояніи — главнымъ образомъ вслѣдствіе невыясненности историческаго происхожденія и каноническаго достоинства источниковъ этого права, разновременныхъ по происхожденію и не одинаковыхъ по содержанію и характеру устанавливаемыхъ ими нормъ. Во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ открывался, такимъ образомъ, полный просторъ для плодотворной ученой дѣятельности,—и можно сказать, что изъ нашихъ канонистовъ никто не оказалъ въ такой же мѣрѣ услугъ церковно-юридической наукѣ и практикѣ, какъ А. С. Павловъ.

Извѣстно, что нормы русскаго церковнаго права и самые содержащіе ихъ памятники частію заимствованы нами изъ Византіи (непосредственно или чрезъ посредство южно-славянскихъ странъ), частію создались на русской почвѣ. Задача русскаго канониста, занимающагося историческими судьбами отечественнаго церковнаго права, сводится, такимъ образомъ, съ одной стороны—къ выясненію исторіи византійскаго права, внѣшней и внутренней, у насъ на Руси, съ другой—къ выясненію исторіи нашего мѣстнаго права, выросшаго уже на рус-

ской почвѣ, хотя и подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ основоположеній того же византійскаго права. То и другое съ одинаковой энергіей и успѣхомъ разрабатывалъ А. С—въ въ своихъ учено-литературныхъ трудахъ. Отмѣтимъ по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ нихъ.

Уже въ началѣ 70-хъ годовъ, по заявленію самого А. С—ча, у него вполнѣ созрѣлъ и принялъ опредѣленный обликъ планъ разработки полной исторіи византійскаго права у славянскихъ народовъ и въ частности—у насъ на Руси. При выполненіи этой задачи, по его убѣжденію, слѣдовало начать съ того же самаго, съ чего началъ извѣстный нѣмецкій юристъ-византологъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь по отношенію къ собственно византійскому праву, — „съ критическаго изданія славянскихъ текстовъ, въ которыхъ были приняты и въ продолженіе многихъ вѣковъ употреблялись у славянъ источники византійскаго права; вмѣстѣ съ этимъ должна идти разработка и такъ называемой внѣшней ихъ исторіи, т.-е. рѣшеніе вопросовъ о времени и мѣстѣ появленія того или другого источника въ славянскомъ переводѣ, о способахъ его распространенія и употребленія въ данной странѣ и о тѣхъ перемѣнахъ, какимъ онъ подвергался при этомъ въ своемъ составѣ и редакціи; затѣмъ уже должна слѣдовать такъ наз. внутренняя исторія, задача которой—объяснить, насколько юридическія нормы, содержащіяся въ томъ или другомъ источникѣ иноземнаго права, привились къ жизни принявшаго ихъ народа и какое общее вліяніе оказали онѣ на развитіе и установленіе мѣстной юридической догмы“ (предисл. къ изд. „Книгъ законныхъ“, стр. 1—2. Спб. 1885). Нѣтъ нужды подробно говорить о томъ, какъ вѣрно поняты и мѣтко указаны здѣсь существенныя задачи изслѣдованія въ области даннаго предмета и какихъ цѣнныхъ результатовъ можно было бы ожидать отъ исторіи византійско - славянскаго права, разработанной такимъ знатокомъ дѣла, какимъ былъ А. С. Павловъ. Къ сожалѣнію, благому намѣренію не было суждено осуществиться сполна; но въ одномъ изъ печатныхъ трудовъ А. С—ча, представляющемъ небольшую часть названной обширной работы, мы имѣемъ классическій образецъ того, какъ, по мысли покойнаго ученаго, слѣдовало издавать византійскіе памятники, перешедшіе на русскую почву. Я разумѣю „Книги законныя“, содержащія въ себѣ, въ древне - русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные (Спб. 1885. То же въ Сборн. отд. русск. яз. и слав. Имп. Акад. Наукъ; т. XXXVIII, № 3). Это изданіе выполнено по тому же методу, съ тою же ученою тщательностію и всеисчерпывающею широтою знанія рукописнаго матеріала, какія характеризуютъ собою издательскую дѣятельность упомянутаго юриста-византолога, Ц. фонъ-Лин-

юридическихъ памятниковъ, какъ „Законъ судный людемъ“, церковные уставы русскихъ князей и нѣкоторые другіе.

Уже при выясненіи внѣшней исторіи византійско-русскихъ церковно-юридическихъ памятниковъ въ указанныхъ трудахъ автору этихъ послѣднихъ невозможно было совершенно устраниться отъ изслѣдованія и нѣкоторыхъ вопросовъ изъ области внутренней исторіи права,—исторіи церковно-правовыхъ институтовъ въ ихъ развитіи на русской почвѣ. Но спеціальнымъ его трудомъ въ этой области былъ „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель на Руси“ (Одесса, 1871). Этотъ трудъ, оставшійся, къ сожалѣнію, не оконченнымъ (вышла только 1 часть, обнимающая время за 1503 — 1580 гг.), представляетъ мастерски составленный очеркъ попытокъ обращенія въ государственную собственность поземельныхъ владѣній русской церкви, причемъ обстоятельно, на основаніи широкаго изученія матеріаловъ, выяснены всѣ тѣ причины (финансовыя, политическія и нравственно-религіозныя), которыя, съ одной стороны, заставляли свѣтское правительство и нѣкоторую часть самихъ духовныхъ людей ставить вопросъ о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, съ другой—дѣлали неосуществимыми тѣ попытки, какія предпринимались въ этомъ направленіи въ указанное время. О научныхъ качествахъ этого изслѣдованія проф. Павлова говоритъ уже то, что оно также было увѣнчано академической преміей.

Таковы ученые труды А. С—ча, посвященные историческому изученію византійско-русскаго церковнаго права. Гораздо сложнѣе становилась работа изслѣдователя, когда ему приходилось имѣть дѣло съ такими церковно-юридическими памятниками, которые, теряясь своимъ историческимъ происхожденіемъ въ далекомъ прошломъ, не утратили— если не сполна, то хотя отчасти—и своего *практическаго* значенія въ качествѣ источниковъ и нормъ *дѣйствующаго* церковнаго права. Главная трудность изслѣдованія въ отношеніи къ нимъ именно и заключается въ выясненіи размѣровъ и степени ихъ практическаго значенія, которое и для самой церковно-правительственной власти иногда не вполнѣ ясно, вслѣдствіе чего въ ея отношеніи къ подобнаго рода памятникамъ обнаруживается нѣкоторая неустойчивость, весьма нежелательная въ церковномъ законодательствѣ и практикѣ. По отношенію къ такимъ памятникамъ задача ученаго изслѣдователя-канониста, по мысли проф. Павлова, должна состоять въ рѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ: „откуда происходятъ тѣ источники, историческое происхожденіе которыхъ неизвѣстно? каково было и остается ихъ практическое значеніе? какъ относятся они къ содержанію основного канона церкви, и насколько принадлежащія имъ особенныя, своеобразныя опредѣленія соотвѣтствуютъ

потребностямъ современной церковной жизни или природѣ того каноническаго института, котораго касаются?“ (50-я глава Кормчей, стр. 4. М. 1887). Блестящіе образцы разработки каноническихъ памятниковъ примѣнительно къ этимъ именно требованіямъ далъ самъ А. С—чъ въ двухъ своихъ классическихъ трудахъ, посвященныхъ двумъ весьма важнымъ, доселѣ сохраняющимъ (хотя и не сполна) свое практическое значеніе памятникамъ; разумѣю его изслѣдованія о 50-й главѣ Кормчей (М. 1887) и о Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ (Одесса, 1872; второе, отъ начала до конца переработанное изданіе—М. 1897). По отношенію къ этимъ памятникамъ, хотя и помѣщаемымъ въ авторитетныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, но издавна смущавшимъ церковную власть неизвѣстностью своего происхожденія и сомнительностью каноническаго достоинства своихъ опредѣленій, А. С—чемъ выполнена со всею тщательностью не только работа критическаго изданія, но и трудъ изслѣдователя: выяснено не только совершенно темное до него (по отношенію къ Номоканону) или недостаточно разъясненное (по отнош. къ 50 гл. Кормчей — въ изв. трудѣ проф. прот. М. И. Горчакова: „О тайнѣ супружества“) происхожденіе этихъ памятниковъ, но и ихъ историческая судьба и—что̀ самое главное—детально выяснено отношеніе ихъ во всѣхъ частяхъ къ основному каноническому кодексу, а отсюда—и значеніе ихъ въ качествѣ источниковъ дѣйствующаго церковнаго права. Я не имѣю возможности подробно излагать здѣсь научные результаты каждаго изъ двухъ названныхъ изслѣдованій [2]). Достаточно будетъ отмѣтить, что въ нихъ дѣйствительно данъ, согласно намѣренію изслѣдователя, богатый „положительный, критически очищенный матеріалъ какъ для будущей, давно желательной и настоятельно необходимой кодификаціи русскаго каноническаго права, такъ и для построенія научно-догматической системы его“ (50-я гл. Кормчей, стр. 4—5). И съ полнымъ правомъ къ обоимъ этимъ трудамъ можетъ быть примѣнено то, что сказано было проф. Горчаковымъ еще о первомъ изданіи „Номоканона при Бол. Требникѣ“: что этотъ трудъ есть заслуга проф. Павлова не только передъ отечественной наукой, но и передъ русской церковно-правительственной властью. Кстати нужно замѣтить, что для послѣдней заслуги А. С—ча въ области разработки вопросовъ дѣйствующаго права не ограничиваются двумя указанными трудами: отчасти по призыву и порученію самой этой власти, отчасти по собственному почину, во вниманіе къ насущнымъ интересамъ церковной жизни и прак-

---

[2]) Объ одномъ изъ нихъ—второмъ изданіи Номоканона при Бол. Требникѣ, см. нашу библіографическую статью въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, изд. при Св. Синодѣ, 1898 г., № 16, стр. 626—632.

тики, почившимъ было составлено нѣсколько трактатовъ чисто-практическаго характера, по обыкновенію—цѣнныхъ и въ научномъ отношеніи [3]). Есть основанія думать, что по призыву той же власти имъ составлено нѣсколько справокъ по практическимъ вопросамъ, остающихся пока не обнародованными.

Другой отдѣлъ учено-литературныхъ трудовъ А. С. Павлова представляютъ его изданія, изслѣдованія и статьи церковно-историческаго и историко-литературнаго характера, большею частію имѣющія нѣкоторыя точки соприкосновенія съ главнымъ предметомъ его учено-литературныхъ занятій. Въ ряду трудовъ этого рода на первомъ мѣстѣ какъ по объему, такъ и по научному значенію, нужно поставить его замѣчательные „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ" (Спб. 1878). Это собственно составленный по порученію Академіи Наукъ критическій отзывъ о книгѣ А. Попова, посвященной тому же предмету („Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ". М. 1875) и представленной на Уваровскую премію. Отзывъ о чужой книгѣ разросся въ цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, нисколько не уступающее разбираемому ни по цѣнности научныхъ результатовъ, ни по богатству и важности впервые обнародованныхъ въ печати памятниковъ (преимущественно византійскаго происхожденія) названной полемики. Кромѣ указаннаго труда, изслѣдователямъ, занимающимся исторіей отечественной церкви, хорошо извѣстна не обширная по объему, но цѣнная монографія о галицкой и литовской митрополіи (напечат. въ Русск. Обозр. 1894 г., май, стр. 214—251). Не упоминаю о цѣломъ рядѣ церковно-историческихъ памятниковъ, изданныхъ А. С—чемъ на страницахъ „Правосл. Собес." еще за время службы въ Казанской академіи.

Я боюсь, что уже достаточно утомилъ ваше вниманіе однимъ этимъ перечнемъ лишь наиболѣе значительныхъ учено-литературныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера А. С. Павлова. Но мой обзоръ ихъ былъ бы во всякомъ случаѣ не полонъ, если бы я не упомянулъ о томъ ученомъ наслѣдствѣ, какое оставилъ почившій въ своихъ рукописяхъ, не успѣвши

---

[3]) Еще въ 1862 г., почти при самомъ началѣ профессорской службы А. С—ча въ Казани, по порученію мѣстнаго епархіальнаго начальства, имъ былъ составленъ обстоятельно мотивированный соотвѣтствующими справками отзывъ на вопросъ о причетникахъ-двоеженцахъ (напечат. въ Руков. для сельск. паст. за указ. годъ, т. III, стр. 534—538). Изъ болѣе поздняго времени къ числу такихъ же трудовъ чисто-практическаго характера принадлежатъ его трактаты: о правѣ лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по винѣ ихъ прелюбодѣянія, вступить въ новый брачный союзъ (напечат. въ «Собраніи мнѣній» по этому вопросу, изд. по распоряженію г. оберъ-прокурора Св. Синода), о правѣ незаконнорожденныхъ на полученіе священныхъ степеней (Церк. Вѣд., изд. при Св. Синодѣ, 1889 г., № 9) и о давности въ отношеніи къ церковнымъ землямъ (Русск. Обозр. 1894 г., дек., стр. 602—625).

довести до конца многаго, что имъ было начато. По справедливому замѣчанію одного изъ ученыхъ друзей А. С—ча, вся масса напечатанныхъ послѣднимъ изданій и изслѣдованій представляетъ „лишь сравнительно ничтожную часть того необыкновенно обширнаго запаса знаній", какой собралъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ [1]), и во всякомъ случаѣ—далеко не все то, что намѣчалось имъ самимъ, какъ предметъ его ближайшихъ ученыхъ работъ, успѣло увидѣть свѣтъ при его жизни. Я уже упоминалъ о давнишнемъ намѣреніи А. С—ча, печатно заявленномъ имъ еще въ 1885 г., обработать полную исторію византійскаго права въ славянскихъ земляхъ; предполагалъ онъ издать славянскій текстъ „Закона суднаго" въ двухъ его редакціяхъ—полной и краткой, вмѣстѣ съ греческими источниками (см. „Мнимые слѣды", стр. 74); предполагалъ докончить свое монументальное изданіе „Памятниковъ древне-русск. канонич. права" за XVI — XVII в. Къ сожалѣнію, всѣ эти предначертанія остались не выполненными, и въ настоящее время трудно даже сказать, въ какой мѣрѣ осуществима мысль хотя бы, напр., о посмертномъ изданіи только что названнаго собранія русскихъ церковно-юридическихъ памятниковъ. Но зато вполнѣ осуществимо это по отношенію къ тому посмертному труду, на который самъ А. С—чъ справедливо смотрѣлъ, какъ на вѣнецъ своей 40-лѣтней ученой и профессорской дѣятельности, — по отношенію къ его „Курсу церковнаго права". Какъ извѣстно всѣмъ, близко знавшимъ покойнаго профессора, изданіе этого курса онъ считалъ непремѣннымъ дѣломъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни,—тѣмъ дѣломъ, къ которому надлежало приступить послѣ изданія во второй разъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, знаменитаго „Номоканона при Б. Требникѣ". И А. С. уже приступилъ было къ этому дѣлу: въ портфелѣ, съ которымъ онъ возвратился—уже совсѣмъ больной предсмертною болѣзнью—изъ своей послѣдней поѣздки въ Петербургъ, найдены листки, показывающіе, что именно это дѣло окончательнаго пересмотра курса занимало его въ послѣднее время. Смерть прервала эту работу при самомъ началѣ; но неужели не суждено названному многолѣтнему труду появиться хотя бы въ посмертномъ изданіи? Вѣдь упомянутые листки—послѣдній предсмертный завѣтъ почившаго своимъ сотоварищамъ по наукѣ и ученикамъ. Познакомившись съ собственноручными записями А. С—ча, содержащими въ себѣ „Курсъ", я могу засвидѣтельствовать, что изданіе это вполнѣ осуществимо. Правда, посмертное изданіе, кѣмъ бы оно ни было редактировано, не будетъ тѣмъ, чѣмъ вышло бы оно, послѣ окончательной обра-

---

[1]) Слова проф. Н. А. Заозерскаго, — см. его статью: «Памяти А. С. Павлова» (Богосл. Вѣстн. 1898 г., сент., стр. 349).

ботки, изъ-подъ пера самого автора. Но и въ томъ видѣ, какой имѣютъ эти записи теперь, онѣ драгоцѣнны для насъ. Будемъ желать и надѣяться, что лекціи проф. Павлова не останутся неизданными.

Такова, въ краткомъ очеркѣ, учено-литературная дѣятельность А. С. Павлова. Къ ней тѣсно примыкаетъ, по своему содержанію и характеру, дѣятельность его въ качествѣ члена различныхъ ученыхъ Обществъ [5]) и въ частности — того, въ засѣданіи котораго собрались мы сегодня, раздѣляя съ русскимъ ученымъ міромъ скорбь объ утратѣ одного изъ его лучшихъ и достойнѣйшихъ представителей. Въ члены Московскаго Археологическаго Общества А. С. былъ избранъ вскорѣ по переходѣ своемъ изъ Одессы въ Московскій университетъ (въ засѣданіи 26 апр. 1877 г.,—см. Древн., т. VIII, стр. 2 проток.) и, по своему обыкновенію, не остался лишь номинальнымъ участникомъ этого ученаго союза. Его живое участіе въ этомъ Обществѣ обусловливалось сколько личнымъ уваженіемъ къ графу А. С. Уварову, столько же и характеромъ дѣятельности самого Общества, къ которой почившій относился съ искреннимъ и постояннымъ сочувствіемъ. Выразительнымъ показателемъ этого сочувствія является весьма достаточное для всегда занятаго человѣка, какимъ былъ проф. Павловъ, количество рефератовъ, прочитанныхъ имъ въ засѣданіяхъ Общества [6]), не говоря уже о другихъ сторонахъ ученой дѣятельности послѣдняго, къ которымъ онъ также не оставался безучастнымъ [7]). Впрочемъ, заслуги А. С—ча въ качествѣ члена Моск.

[5]) Заслуги А. С. Павлова отечественной наукѣ были по достоинству оцѣнены многочисленными учеными учрежденіями и обществами, избравшими его въ число своихъ почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ. Онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Императ. Акад. Наукъ, почетнымъ членомъ духовныхъ академій—Московской и Казанской, Константинопольскаго Археол. института, Моск. Общества любителей дух. просвѣщенія, Юридическаго, Историч. Общ. Нестора лѣтоп. при Кіевскомъ унив. св. Владиміра, непремѣннымъ членомъ Общ. естествознанія, антропологіи и этнографіи при Моск. унив., дѣйствительнымъ членомъ Общ. ист. и древн. росс., Общ. любит. росс. словесности, церк.-археол. Общества при Кіевск. дух. акад. и др.

[6]) Вотъ списокъ этихъ рефератовъ: въ засѣданіи 11 окт. 1878 г.—Объ источникахъ 50-й главы Кормчей книги (Древн. VIII, стр. 64—65 прот.); 15 ноября 1882 г. — разборъ лѣтописныхъ извѣстій о времени первоначальнаго украшенія Моск. Успенскаго собора стѣнными изображеніями (Древн. IX, вып. 2—3, стр. 83—85); 28 марта 1883 г. — О византійскомъ земледѣльческомъ законѣ и его значеніи въ исторіи русскаго права (Древн. X, стр. 42—3 прот.); 30 окт. 1885 г.—О вновь открытой дополнительной статьѣ къ Русской Правдѣ (Древн. XI, вып. 2, стр. 60 прот.); 10 ноября 1887 г.—О вновь открытомъ памятникѣ древнерусской письменности XII в., святительскомъ поученіи новгор. владыки Іоанна-Ильи (Древн. XII, вып. 2, стр. 164 прот.; ср. «Неизд. памятникъ русск. церк. права XII в.» въ Ж. М. Н. Пр. 1890, окт., стр. 275-285); въ 1892 г.—О каталогѣ греч. рукописей Іерусалимской патріархіи (Древн. XV, вып. 1, стр. 69—79).

[7]) Онъ присутствовалъ, напр., на устроенныхъ Обществомъ Археолог. съѣздахъ,—между проч. на VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ (въ январѣ 1890 г.), въ одномъ изъ засѣданій котораго прочиталъ докладъ: «Къ вопросу о подлинности церк. устава св. Владиміра» (см. Труды восьмаго Археол. Съѣзда, т. IV, стр. 72—3. М. 1897; ср. Павлова—

Археологическаго Общества большинству здѣсь присутствующихъ, конечно, извѣстны лучше, чѣмъ мнѣ, и потому нѣтъ нужды говорить о нихъ подробнѣе.

Изложенными до сихъ поръ свѣдѣніями я и ограничу свой обзоръ ученыхъ трудовъ незабвеннаго дѣятеля родной науки, обезпечивающихъ ему славное имя и благодарную память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Безъ сомнѣнія, этотъ бѣглый и далеко не полный очеркъ, ради необходимой краткости сводящійся почти къ одной мало говорящей номенклатурѣ, не въ состояніи дать надлежащаго представленія о дѣйствительныхъ размѣрахъ и характерѣ этой колоссальной учености, о необыкновенномъ богатствѣ знаній и поразительной ихъ отчетливости, дававшихъ возможность каждый нужный фактъ и каждое свидѣтельство употребить во-время и съ его надлежащимъ значеніемъ. Но уже пора направить къ концу свое слово. Мнѣ не хотѣлось бы, однако, закончить его, не сказавши хотя кратко о личныхъ качествахъ почившаго: пусть это будетъ слабая дань ученика дорогой памяти о незабвенномъ учителѣ.

Основную черту въ личномъ складѣ А. С. Павлова, хорошо извѣстную всѣмъ, близко его знавшимъ, составляла беззавѣтная преданность наукѣ. Ей онъ отдалъ все свое время и всѣ свои силы. Не только постороннимъ, но и самымъ близкимъ членамъ семьи трудно было застать А. С — ча внѣ его обычныхъ занятій, отъ которыхъ не могла оторвать его даже тяжелая болѣзнь. Онъ и съ людьми сближался главнымъ образомъ на почвѣ научныхъ интересовъ. Всякій, кто имѣлъ случай сблизиться съ нимъ на этомъ поприщѣ, знаетъ, съ какою живою отзывчивостью относился онъ ко всякой новой мысли, заявленной въ сродныхъ для него областяхъ знанія,—какъ оживлялся онъ, когда начиналось обсужденіе серьезнаго вопроса, завязывался научный споръ. Выше всего цѣня научную истину и требуя безусловно честнаго отношенія къ ней, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ, когда въ святилище науки вторгалась недомысленная ложь или ученое шарлатанство.

Мнимые слѣды католич. вліянія, гл. IV). Сверхъ того, въ «Матеріалахъ для археологическаго словаря», печатавшихся въ *Древностяхъ* Общества за прошлые годы, А. С—чемъ напечатано нѣсколько разъясненій непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ памятникахъ нашей старинной письменности: *штарица, кáнура, капучь, прибожнокъ* (ящикъ), *протропь, Серкизова* (недѣля), *смильное заставанье, торлопы* (Древн. VIII, стр. 1—2, 9—11, 17, 21, 26 паг. «Матеріаловъ») и др. Здѣсь же считаемъ умѣстнымъ упомянуть, что проф. Павловымъ просмотрѣнъ и окончательно редактированъ каноническій отдѣлъ въ извѣстномъ «Описаніи рукописей собранія гр. А. С. Уварова», дающемъ возможность людимъ науки удобно пользоваться тою просвѣщенною готовностію, съ какою и самъ составитель этого драгоцѣннаго собранія, и его теперешняя владѣлица, всегда открывали желающимъ доступъ къ своимъ рукописнымъ сокровищамъ.

Нужно было слышать его возбужденную, но всегда основательную по существу и стройную по формѣ рѣчь, направленную противъ какого-нибудь явленія въ этомъ родѣ, чтобы оцѣнить по достоинству и эту замѣчательную силу знанія, и всю красоту этой благородной души. Такимъ же былъ А. С. и въ своей литературной полемикѣ, — въ немалочисленныхъ вышедшихъ изъ-подъ его пера критико-полемическихъ статьяхъ. Это не были orationes pro domo sua, самолюбивыя попытки отстоять во что бы то ни стало свой ученый авторитетъ: дѣло шло не о немъ, а о той научной истинѣ, представителемъ которой являлся А. С. въ отечественной канонической литературѣ. Выступая съ критическимъ изслѣдованіемъ противъ серьезнаго труда, устанавливающаго, однако, невѣрные, на его взглядъ, выводы, онъ руководился библейскимъ правиломъ: „даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ“. И учено-литературная полемика тотчасъ утрачивала для него интересъ, какъ скоро она отъ чисто-научныхъ вопросовъ уклонялась на почву личныхъ счетовъ и мелкихъ самолюбій...

Да, поистинѣ—это былъ человѣкъ великой души и великій дѣятель науки. И теперь, когда его нѣтъ въ средѣ живыхъ, мнѣ, одному изъ его учениковъ, невольно припоминаются слова, сказанныя другимъ ученикомъ о своемъ учителѣ:

Учитель и другъ!
Жилъ ты — и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту;
Сошелъ ты, сломленный недугомъ, въ могилу —
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.

Я не думаю, чтобы послѣднія слова показались кому-нибудь преувеличеніемъ въ примѣненіи ихъ къ А. С. Павлову: утрата его для отечественной науки—дѣйствительно незамѣнимая утрата... Но не хочется заканчивать это, хотя и поминальное, слово на грустной нотѣ, констатирующей еще разъ торжество смерти. Благодарная память объ умершемъ и любовь къ нему живыхъ способна и самое торжество смерти превратить въ торжество надъ смертію. Почившій ученый дѣятель отошелъ въ вѣчность, не докончивъ многаго изъ своихъ предначертаній; но его свѣтлый образъ, самый внѣшній обликъ его, „достойный быть запечатлѣннымъ рѣзцомъ художника“, не изгладится изъ памяти его учениковъ и друзей, а его непрерывная, неустанная дѣятельность будетъ припоминаться, какъ могучій и бодрый призывъ къ такой же дѣятельности для многихъ и многихъ поколѣній русскихъ ученыхъ. Благо-

родный примѣръ почившаго зажжетъ въ ихъ душѣ тотъ же священный огонь любви къ наукѣ, какимъ самъ онъ пламенѣлъ всю жизнь. Изучая его творенія, безъ знакомства съ которыми, по компетентному заявленію одного изъ нашихъ канонистовъ, не можетъ идти успѣшно изученіе православнаго церковнаго права въ его современномъ состояніи, въ этой богатой сокровищницѣ знаній они будутъ находить исходные пункты для новыхъ трудовъ въ томъ же духѣ и направленіи, пойдутъ тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ А. С. Павловъ, и докончатъ то дѣло, которое имъ начато. И это будетъ лучшими вѣнками къ подножію того памятника, который создалъ онъ себѣ своими учеными трудами. Пусть же украшается онъ такими вѣнками, и пусть не заростаетъ тропа, ведущая молодыхъ нашихъ ученыхъ къ этому памятнику.

И. Громогласовъ.

III.

Выставка Археологическаго института въ С.-Петербургѣ.

Въ декабрѣ прошлаго года С.-Петерб. Археологическій институтъ устроилъ въ своемъ помѣщеніи первую выставку русскихъ церковныхъ древностей, составившуюся изъ коллекцій А. М. Постникова, Н. П. Лихачева, И. М. Ивакина, И. П. Балашева, А. А. Парланда, В. В. Жерве, Н. Вл. Султанова, И. Ѳ. Рѣзункова, г. Жирова, Н. Ф. Романченко, В. И. и М. Ив. Успенскихъ, бр. Нелаевыхъ, М. В. Тюлина, Н. А. Комарова, А. И. Кудряшева, Г. М. Казакова, полк. Дубяго, І. Дм. Туренскаго, М. М. Воробьева, И. Терешова, И. В. Васильева, И. М. Ивакина, Л. П. Гусева, В. М. Иверсена и Археологическаго института.

„Само собою понятно, говорится въ предисловіи къ каталогу выставки [1]), что идеальной полноты, существенно важной для построенія цѣльной исторіи русской иконописи, здѣсь нѣтъ; да она и невозможна при наличномъ составѣ художественно-археологическихъ данныхъ, вошедшихъ въ научное обращеніе до настоящаго времени. Наша выставка даетъ наглядное представленіе о трехъ эпохахъ въ исторіи иконописанія: новгородской, московской и переходной эпохѣ, отмѣчающей собою переходъ отъ древней иконописи къ новой живописи въ смыслѣ академическомъ (стр. 3)“.

---

[1]) Перечень предметовъ древности на выставкѣ въ Археологическомъ институтѣ. Спб. тип. Лопухина. 1898, 16°, 42 стр. (Цѣна 15 коп.).

Соотвѣтственно упомянутымъ тремъ эпохамъ и расположены были выставленныя иконы.

Среди иконъ древнѣйшаго періода русской иконописи—преимущественно подражательнаго — обращаютъ на себя вниманіе икона Флора и Лавра (№ 295) въ обычной композиціи (въ верхней—реставрированной—части иконы арханг. Михаилъ поручаетъ Флору и Лавру охранять лошадей, а въ нижней части—3 всадника гонятъ коней на водопой), и икона пророка Иліи (№ 6). Пророкъ изображенъ у потока, среди горъ, исполненныхъ въ условной формѣ. Надпись возлѣ головы пророка (уставъ XIV—XV в.): „святому Иліи вранове приносятъ отъ небесъ пищу въ гор...", вверху по золотому фону — реставрированная надпись: „агіосъ пророкъ Божій Илія".

Иконы слѣдующей группы относятся къ московской эпохѣ XVI и середины XVII в., періоду развитія иконописнаго искусства. Изъ иконъ этой группы особенно интересна икона Николая, чудотворца Зарайскаго (№ 167) съ деревянными полями, украшенными рѣзнымъ орнаментомъ въ старомъ русскомъ стилѣ. Изображеніе обрамлено роскошными разноцвѣтными каймами въ стилѣ старинной византійско - русской орнаментики. Святитель представленъ во весь ростъ, въ кресчатой фелони и омофорѣ, съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; на ногахъ красные сапожки. Голова украшена нимбомъ, расцвѣченнымъ на подобіе старинной эмали съ драгоцѣнными камнями. Икона замѣчательна миніатюрностью отдѣлки деталей: бороды, одежды и т. д.

Замѣчательны также слѣдующія иконы:

№ 173. Нилъ Столбенскій, представленный предъ созданной имъ обителью на островѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ водой. Въ оградѣ обители находятся двѣ деревянныя церкви въ стилѣ русской старинной архитектуры. Внутри монастыря покоятся мощи Преподобнаго. Вверху, въ лѣвомъ углу, благословляющій Спаситель.

№ 447. Семь ефесскихъ отроковъ. Отроки почиваютъ въ пещерѣ, скалы которой исполнены въ той же шаблонной формѣ, какъ и на вышеуказанной иконѣ пророка Иліи (№ 6).

№ 451. Преп. Варлаамъ и царевичъ Іоасафъ. Царевичъ собственноручно извлекаетъ отца своего Авенира изъ ада, изображеннаго въ видѣ огненной пасти чудовища.

№ 8. Распятіе Христово съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. Иконописецъ хотѣлъ изобразить естественную отвислость тѣла скончавшагося Христа, но изгибъ тѣла получился неправильный.

№ 81. Софія Премудрость Божія, обычнаго новгородскаго иконо-

графическаго типа: вверху престолъ, на которомъ лежитъ Евангеліе— сама Премудрость, предвѣчное Слово Божіе, которому поклоняются ангелы, въ срединѣ — самъ Спаситель въ человѣческомъ образѣ, и, наконецъ, въ нижней части иконы въ срединѣ — Спаситель, сидящій въ видѣ огненнаго ангела, и по сторонамъ Его—Божія Матерь и Іоаннъ Предтеча.

№ 235. Рѣзная изъ дерева, большого формата икона Димитрія царевича съ живописными изображеніями разныхъ моментовъ его мученической кончины. Извѣстно, что указомъ св. Сѵнода и Сената 1722 г. запрещалось имѣть „рѣзныя и отливанныя“ иконы.

О произведеніяхъ главы Московской школы, знаменщика Симона Ушакова и его учениковъ можно судить по фотографическимъ съ гравюръ Ушакова и по изданнымъ рисункамъ изъ Сійскаго подлинника.

Изъ произведеній Строгановской школы на выставкѣ имѣется немного иконъ, и одну изъ нихъ (№ 325 „О тебѣ радуется“) можно назвать по ея миніатюрности характерной представительницей этой знаменитой школы, а также — нѣсколько снимковъ съ работъ Прокопія Чирина, мастера Строгановской школы (бывшаго въ тоже время царскимъ иконописцемъ Московской школы).

Слѣдующая группа иконъ характеризуетъ иконописаніе конца XVII и начала XVIII столѣтій, когда началось уже разложеніе основъ иконописанія и, благодаря распространявшимся во множествѣ западнымъ гравюрамъ, стало проникать вліяніе Запада какъ въ иконографическихъ сюжетахъ, такъ и въ техникѣ и стилѣ иконъ, сближавшее ихъ съ художественными произведеніями. Характерна въ этомъ смыслѣ икона № 135, иллюстрирующая псаломъ: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа, хвалите съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ“. Вверху представлены семь небесныхъ сферъ, съ солнцемъ, луною и звѣздами. На сферахъ надписи: „Хвалите небеса небесъ“, „хвалите Его солнце и луна“, „хвалите вся звѣзды и свѣтъ“. Въ небесахъ Вседержитель на тронѣ, окруженный ангелами. Ниже — летящія птицы съ надписью: „птицы пернати“. Слѣдуютъ надписи: „снѣгъ“, „духъ буренъ“, „градъ“, „древа плодоносніи и вси кедри“, „горы, огонь, скоти“, „вси звѣри и вси холми, гади, зміеве, бездна“. Соотвѣтственно этимъ надписямъ, изображенъ цѣлый живописный ландшафтъ съ деревьями разныхъ породъ, звѣрями, скотами и гадами,—въ видѣ льва, слона, медвѣдя, верблюда, волка, лани, ежа, змѣя. Бездна въ видѣ мрачной пещеры неправильной геометрической формы, а по сторонамъ — лики: ангеловъ („хвалите Его вси ангели Его“), преподобныхъ („пѣснь всѣмъ преподобнымъ Его“), царей, князей и судей („царіе земстіи и вси князи и

вси суди“), по другую сторону изображены—ангелы („хвалите Его вся силы Его“), толпа людей („сыновомъ израилевымъ людемъ“), старцы, юноши, дѣвицы и дѣти („юноши и дѣвы, старцы съ юношами“).

На иконѣ № 118, относящейся къ концу XVIII в. (1792 г.), замѣчателенъ тронъ Божіей Матери своею чисто художественною фигурностью, чуждою нашимъ древнимъ изображеніямъ, а на иконѣ № 156 рамка представляетъ вѣрную копію съ рамки какой-нибудь западной гравюры.

Особенное вниманіе заслуживаетъ икона № 191 (конца XVII в.) „Плоды страданій Христовыхъ“, представляющая русскую передѣлку западной картины XV в. На западно-европейской картинѣ (хранящейся въ собраніи Коммерара) [2]) изображено слѣдующее: изъ конечностей креста, на которомъ виситъ тѣло Христа, выросли вѣтви и 4 руки. Одна рука—нижняя—приковываетъ діавола къ подножію креста, другая—верхняя—отворяетъ ключомъ райскія врата (рай изображенъ въ видѣ городскихъ стѣнъ съ воротами), третья — правая — увѣнчиваетъ новозавѣтную церковь, изображенную въ видѣ молодой женщины, протягивающей къ кресту чашу, куда льется струей кровь изъ прободеннаго бока Христа; наконецъ, четвертая рука поражаетъ мечомъ еврейскую церковь, изображенную въ видѣ человѣческой фигуры на ослѣ, держащей въ рукѣ изображеніе скорпіона.

Русскій иконописецъ, сохранивъ идею картины, измѣнилъ ея частности, сдѣлавъ ее, такимъ образомъ, болѣе понятною для русскаго человѣка. Рай представленъ въ видѣ обычномъ: вертоградъ со святой Троицей, окруженною ангелами. Еврейская церковь изображена въ видѣ скелета на ослѣ, христіанская же—въ видѣ православной церкви. Ангелъ принимаетъ въ чашу льющуюся кровь Христову.

На ряду съ иконами русскими выставлены также два произведенія византійской перегородчатой эмали очень отдаленной эпохи (изъ собранія И. П. Балашева): № 176, Божія Матерь съ простертыми дланями (Богородица сидитъ на тронѣ съ предстоящими 2 ангелами. Изображеніе исполнено въ колерахъ: синемъ, голубомъ, красномъ и бѣломъ), и № 177, св. Димитрій—„*ὁ ἅγιος Δημήτριος*“ (Святой представленъ въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми руками. Одежды исполнены замѣчательно тонко и чисто и имѣютъ обычную форму одеждъ сановниковъ

---

[2]) Выставленная въ институтѣ для сравненія хромолитографіи съ этой картины имѣетъ слѣдующую подпись: Croix bracchiale vivante, tableau mystique de 15-e siècle: le bras droit couronne la Religion assistée de ses Apôtres, et le bras gauche frappe la religion juive, représentée par une figure à âne tenant pour enseigne un scorpion (Collection Du Commerard). Lion. Noël del. Lith. de A. Godard.

византійскаго двора; туника украшена клавами, а верхняя—табліономъ, и на правомъ плечѣ застегнута аграфомъ).

Для характеристики позднѣйшей эпохи греческаго искусства, аналогичной съ эпохою паденія въ исторіи русской иконописи, на выставкѣ имѣются образцы иконъ „новогреческихъ" и иконы такъ называемой Критской школы (изъ собранія Н. П. Лихачева), изъ которыхъ наиболѣе интересны новогреческія иконы: № 211, св. Іоаннъ Златоустъ, въ святительскихъ одеждахъ, возсѣдаетъ на фигурномъ византійскомъ тронѣ,—типъ совершенно чуждый русскому, и № 219, Георгій Побѣдоносецъ на конѣ, спасающій болгарина — рѣдко встрѣчающаяся подробность.

Обращаетъ на себя вниманіе рѣзное на камнѣ изображеніе Богоматери (№ 354), стоящей на лунѣ, очевидно, западнаго происхожденія, но съ греческими надписями (типъ—извѣстный нашей иконописи уже въ XVII в.).

Отдѣльно стоитъ такъ называемая Египетская Божія Матерь (№ 445), широко распространенная въ сѣверной Африкѣ.

Другой отдѣлъ выставки составляютъ образцы металлическихъ украшеній иконъ, металлическіе складни, кресты и другіе предметы церковнаго обихода, образцы древне-русскаго шитья, ларцы, замки, чернильницы и проч., иконнаго характера изображенія Ѳедора Кузьмича и Максима Грека, и, наконецъ, образцы мозаики и эскизы, назначенные для храма Воскресенія Христова въ память событія 1-го марта 1881 г.

Интересны выставленныя проф. А. А. Парландомъ четыре образца царскихъ вратъ (№№ 308 — 311), изъ которыхъ одни, съ изображеніями Благовѣщенія и 4 Евангелистовъ, имѣютъ дату: 7069 (1561 г.).

Назовемъ еще 2 фонаря изъ слюды для крестныхъ ходовъ (№№ 337 и 342), деревянное свадебное блюдо, украшенное живописными изображеніями (№ 339), вѣнчальные вѣнцы (№№ 350 и 351), деревянный потиръ съ изображеніемъ Деисуса (№ 352), деревянный дискосъ съ изображеніемъ Богомладенца въ чашѣ (№ 353), мѣдное кадило чеканной работы (№ 347), деревянную дарохранительницу, въ видѣ часовни (№ 348), деревянный трехсвѣчникъ (№ 349), 2 мѣдныя литыя люстры (№№ 356 и 357, послѣдняя съ орломъ наверху), хоругвь, шитую золотомъ, серебромъ и шелкомъ, съ изображеніемъ Воскресенія Христова (№ 422).

Коммиссія по постройкѣ храма Воскресенія Христова выставила 9 эскизовъ мозаичныхъ иконъ: (1) Бесѣда въ Еммаусѣ, Бѣляева, 2) Великій выходъ, его же, 3) 12-лѣтній Іисусъ во храмѣ, Отмара, 4) Свв. кн. Борисъ и Глѣбъ, Рябушкина, 5) Пантократоръ, Харламова, 6) Се-

рафимъ, В. М. Васнецова, 7) Серафимъ, А. А. Парланда, 8) Вознесеніе, Нестерова и 9) Сошествіе во адъ, его же), а также образцы мозаичныхъ иконъ, исполненные въ мастерской В. А. Фролова: 1) часть образа „Великій выходъ", Бѣляева, 2) Свв. Борисъ и Глѣбъ, Рябушкина, и 3) четыре имитаціи мозаичныхъ орнаментовъ изъ новгородскаго Софійскаго собора.

А. Э. М.

IV.

Древне-эстонскія письмена.

Въ изданной учителемъ Юнгомъ въ истекшемъ году археологіи эстонской земли (часть II) помѣщены двѣ надписи, найденныя на курганныхъ камняхъ и никѣмъ еще неразгаданныя. Одна надпись оказалась на камнѣ, найденномъ, какъ говорятъ, на курганѣ, на полѣ крестьянскаго участка Мульги въ им. Абья (Галлистскаго прихода, Перновскаго уѣзда). Камень этотъ хранится у Юнга, а другой съ надписью камень, найденный тамъ же, провалился, какъ говорятъ, на дно рѣки при мочкѣ льна. Письмена на сохранившемся камнѣ слѣдующія:

На другой сторонѣ этого же камня находятся нѣсколько разбросанныхъ угловатыхъ знаковъ, которые врядъ ли относятся къ письменамъ.

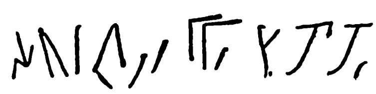

Рис. 1.
(Уменьшено въ 1/3).

Другая надпись сдѣлана на камнѣ, который замурованъ въ стѣнѣ дома въ мѣстечкѣ Нуія Каркусскаго прихода, Перновскаго уѣзда. Юнгу самому не удалось видѣть этой надписи, а онъ получилъ копію съ нея отъ любителя старины, который имѣлъ возможность видѣть самый камень. Надпись на немъ слѣдующая:

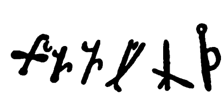

Рис. 2.
(Уменьшено въ 1/3).

Сопоставляя знаки въ этихъ надписяхъ со знаками въ прочитанныхъ мною надписяхъ на двухъ иконахъ въ Вожемской церкви (Воло-

годской губ.) и съ алфавитомъ Стефана Пермскаго (┼ 1396) и Орхонскими письменами (см. мое соч. Чудскія письмена), нельзя не придти къ заключенію о родствѣ древне-эстонскихъ письменъ съ Пермскими и Орхонскими. Вышеприведенныя древне-эстонскія надписи содержатъ въ себѣ 14 различныхъ знаковъ, выражающихъ столько же звуковъ, и представляютъ одну и ту же систему знаковъ, но съ признаками разнообразія, какъ и Пермскія письмена. Остроконечныя и угловатыя черты письменъ въ Мульги и закругленность такихъ же письменъ въ Нуія лишь отчасти могутъ быть объясняемы тѣмъ, что первыя сдѣланы долотомъ, а послѣднія сверломъ. Первая надпись читается на эстонскомъ языкѣ слѣва направо, какъ и вожемскія, „кыйвометц", т.-е. березовый лѣсъ. Конечный знакъ на подобіе запятой имѣетъ значеніе современной точки и вполнѣ сходится съ конечнымъ знакомъ одной Вожемской надписи. Вторая надпись читается на эстонскомъ языкѣ также слѣва направо, „кунингас", т.-е. царь. Очевидно, на курганныхъ камняхъ означены имена или прозвища лицъ, похороненныхъ подъ ними. Эти древнія эстонскія имена сохранились до-нынѣ въ фамиліяхъ эстонскихъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи составляющихъ эти слова 14 буквъ (а, в(б), г(х), е, и, к, м, н, о, с, т, у, ц, ы) оказывается слѣдующее: знакъ для означенія звука „а" состоитъ изъ трехъ крестообразно сложенныхъ чертъ и ближе всего напоминаетъ свой прототипъ въ финикійскомъ алфавитѣ; знакъ для в(б) имѣетъ видъ полузакрытаго остраго угла, образуемаго тремя чертами и напоминаетъ знаки вожемскіе и финикійскій; знакъ для звука г(х) состоитъ изъ двухъ крестообразно сложенныхъ чертъ съ черточкой посреди верхней части и ближе всего напоминаетъ соотвѣтствующій Орхонскій знакъ для выраженія гортаннаго звука; знакъ для звуковъ „е", „и", вполнѣ соотвѣтствуетъ пермскимъ знакамъ для тѣхъ же звуковъ; знаки для звуковъ „к", „т", очень похожи на Пермскія и Орхонскія письмена, но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что они представляютъ смѣшанный типъ; знакъ для звука „м" имѣетъ то отличительное сходство съ соотвѣтствующимъ знакомъ во множествѣ алфавитовъ, что онъ состоитъ изъ трехъ параллельныхъ прямыхъ или округленныхъ чертъ; знакъ для звука „н" болѣе всего напоминаетъ соотвѣтствующій Орхонскій знакъ; звукъ „о" въ древне-эстонскомъ письмѣ изображается двумя параллельными чертами, изъ коихъ и могло образоваться нынѣшнее круглое изображеніе; звукъ „с" выражается своеобразнымъ знакомъ, но очертанія его указываютъ на такое же образованіе его, какъ и знаковъ Пермскихъ и Орхонскихъ для выраженія звуковъ „с" и „ш"; знакъ для означенія звука „у" имѣетъ тотъ же видъ, какъ и многіе другіе древніе алфавиты; знакъ для „ц" напоминаетъ Пермскіе и Орхонскіе

знаки для „ц“ и „ч“; наконецъ знакъ для означенія звука „ы“ тожественъ съ тѣмъ же знакомъ въ одномъ Пермскомъ алфавитѣ.

Юрій Трусманъ.

Ревель, январь 1899 г.

V.

Археологическая хроника.

Русскій Археологическій институтъ въ Костантинополѣ.

Въ III томѣ „Извѣстій Русскаго Археологическаго института“ сообщаются слѣдующія данныя о занятіяхъ института за истекшій 1898 г., четвертый отъ его основанія. Весной и лѣтомъ институтъ сдѣлалъ двѣ экскурсіи: въ Малую Азію и въ Македонію. Цѣлью первой экскурсіи было изслѣдованіе древностей Никеи и главнѣйшее — древней никейской митрополіи, извѣстной своими мозаиками. Предстояло изучить архитектуру церкви Успенія и мозаики въ абсидѣ и нартексѣ. Занятія въ Никеѣ привели институтъ къ весьма интереснымъ наблюденіямъ и дали важные результаты. Во-первыхъ, оказалось, что мозаики въ нартексѣ и въ абсидѣ не могутъ быть относимы къ одной и той же эпохѣ; во-вторыхъ, получились нѣкоторыя данныя къ опредѣленію времени происхожденія древнѣйшей части храма и его мозаикъ. Полученный матеріалъ, въ видѣ фотографій, рисунковъ и замѣтокъ, въ настоящее время обрабатывается въ подробностяхъ и составитъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія. Независимо отъ изученія упомянутой главной святыни Никеи, институтъ имѣлъ случай собрать значительное количество разнообразнаго матеріала, по преимуществу надписей. Изъ послѣднихъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе огромная надпись въ 34 строки, найденная въ окрестностяхъ Никеи.

Экспедиція въ Македонію, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождалась разнообразными научными пріобрѣтеніями и притомъ столько же по отношенію къ средне-вѣковымъ христіанскимъ памятникамъ, сколько греко-римскимъ. Македонія представляетъ обширное и мало изслѣдованное поле для археологіи, здѣсь возможны еще открытія въ настоящемъ значеніи этого слова. Наиболѣе важныя пріобрѣтенія Института состоятъ въ слѣдующемъ [1]):

1) Открыто древнее кладбище по желѣзнодорожной линіи Салоники—Битоли, близъ селенія Натели, гдѣ произведены Институтомъ въ

---

[1]) Пополняемъ приведенныя указанія на основаніи сообщенія, сдѣланнаго Ѳ. И. Успенскимъ (директоромъ Института) въ засѣданіи М. Арх. Общества, 19-го февраля.

октябрѣ — ноябрѣ мѣсяцахъ раскопки, давшія около 600 предметовъ. Открытіе этого кладбища было сдѣлано случайно при проложеніи желѣзной дороги. Раскопки оказались возможными лишь благодаря содѣйствію г. Ашкенази въ Одессѣ, пожертвовавшаго на этотъ предметъ 3000 фр. Веденіе раскопокъ поручено было П. Н. Милюкову. Костяки лежали въ каменныхъ ящикахъ изъ плитъ; при нихъ или около находились вещи; бронзовыя фибулы изъ двойныхъ спиралей, бронзовыя булавки и другія украшенія, желѣзные наконечники копей, ножи, серпы, многочисленные сосуды и т. д., указывающіе на культуру Гальштадтской эпохи IV в.

2) Найдено нѣсколько древнихъ надписей, между ними въ особенности должна обратить на себя вниманіе славянская надпись царя Самуила, 993 г., написанная кириллицей. Надпись эта оказалась на погребальной плитѣ, украшенной крестами и сохранившейся въ с. Германъ, на оз. Преспѣ, гдѣ была столица и усыпальница царя Самуила. Надпись приблизительно слѣдующая: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Азъ Самуилъ рабъ Божій, полагаю память на крестахъ сихъ отцу, матери, брату, чьи имена усопши Никола, рабъ Божій, (имя матери, сохранилось только окончаніе *я*), Давыдъ. Написася въ лѣто отъ сотворенія міра 6501 индикта» (993). Палеографія надписи напоминаетъ греческую, кириллица здѣсь удержала юсы. Вообще, какъ древнѣйшій изъ доселѣ извѣстныхъ памятниковъ славянскаго языка и письма, эта надпись представляетъ громадный филологическій и палеографическій интересъ. Кромѣ того, она любопытна и въ историко-культурномъ отношеніи, указывая на существованіе тогда письменности и дѣлая сомнительными извѣстія, что Самуилъ убилъ своего отца и старшаго брата, бывшаго извѣстнымъ подъ именемъ Шишмана, а изъ надписи оказывающемся Николой. Мѣстность около озера Преспа интересна вообще во многихъ отношеніяхъ. На о—вѣ Аилъ былъ построенъ Самуиломъ соборъ въ честь св. Ахилла; величественныя развалины этой церкви еще сохранились. Въ абсидѣ собора за слоемъ штукатурки оказался другой, съ надписями, именно съ греческими названіями болгарскихъ епископій, существовавшихъ въ концѣ X и началѣ XI в. Оказывается, что тогда было 21 епархія, въ томъ числѣ верійская (отъ г. Веріи, въ 2 ч. ѣзды по жел. д. отъ Салоникъ).

3) Отмѣчено и частью изучено, а частью фотографировано нѣсколько интересныхъ греческихъ рукописей — въ библіотекахъ Охриды и Салоникъ (монастыря Чаушъ). Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ прекрасная рукопись на пергаментѣ Іоанна куропалата Скилицы, написанная въ XIII вѣкѣ и сохранившаяся въ цѣ-

лости, за исключеніемъ послѣдняго листа. Этотъ кодексъ долженъ будетъ получить первостепенное значеніе въ вопросѣ объ отношеніи Кедрина къ своимъ источникамъ. Не меньше значенія имѣетъ другой кодексъ каноновъ вселенскихъ соборовъ, въ концѣ котораго сохранилась небольшая тетрадь съ протоколами константинопольскихъ соборовъ. Здѣсь сохранились, между прочимъ, любопытныя данныя о положеніи провинціальныхъ церквей въ XII вѣкѣ и, между другими, церкви аѳинской. Въ сохранившихся здѣсь соборныхъ дѣяніяхъ трактуется вопросъ о харистикаріи, (т.-е. объ отдачѣ церковныхъ имуществъ въ кормленіе свѣтскимъ людямъ).

4) Путешествіе по Македоніи сопровождалось описаніемъ и изученіемъ многочисленныхъ монументальныхъ памятниковъ, главнѣйше церквей, сохранившихъ древнія росписи въ сводахъ и на стѣнахъ и надписи. Этотъ отдѣлъ памятниковъ многочисленъ и разнообразенъ, обнимаетъ періодъ отъ X по XVI—XVII столѣтіе и заслуживаетъ тщательнаго и внимательнаго изученія на мѣстѣ. Въ особенности важны: базилика царя Самуила на Преспѣ и другіе храмы въ той же мѣстности. Необходимость безотлагательнаго изученія и опубликованія остатковъ монументальныхъ памятниковъ Македоніи вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что эти памятники подвергаются въ послѣднее время злонамѣренной порчѣ и уничтоженію вслѣдствіе вражды и политической конкуренціи между сербами и болгарами, съ одной стороны, патріархистами и экзархистами—съ другой. Лѣтомъ прошлаго года, почти на глазахъ экспедиціи, уничтожены были росписи и изображенія историческихъ лицъ въ нѣсколькихъ храмахъ съ тою цѣлью, чтобы замаскировать факты, могущіе подать поводъ къ политическимъ притязаніямъ...

Изъ внутренней жизни института можно отмѣтить нижеслѣдующія явленія. Постепенно увеличивающійся научный матеріалъ побудилъ администрацію института измѣнить форму изданія „Извѣстій". Съ 1899 года труды института будутъ издаваться тремя книжками въ годъ. Пріобрѣтаемое русскимъ ученымъ учрежденіемъ значеніе на Востокѣ видно, между прочимъ, изъ того, что въ немъ начинаетъ организоваться школа для археологическаго образованія славянъ. Въ институтъ командированы сербскимъ правительствомъ двое молодыхъ людей съ цѣлью усовершенствованія въ византійской археологіи и южно-славянской исторіи. Недостаточный личный составъ института, состоящій изъ директора и секретаря, въ настоящее время можетъ быть пополненъ, благодаря увеличенію бюджета института съ нынѣшняго года. Вслѣдствіе увеличенія средствъ получается возможность развивать научную дѣятельность, равно какъ пополнить библіотеку и коллекціи.

—— **Археологическія раскопки въ Рязанской губерніи** велись лѣтомъ 1898 г. пятью членами Рязанской ученой архивной коммиссіи.

Въ теченіе лѣта сдѣлано 16 экскурсій въ уѣзды: Зарайскій, Егорьевскій, Рязанскій, Михайловскій, Пронскій, Скопинскій и Касимовскій.

Въ Рязанскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Оки, между деревнею Подлуги и селомъ Акаемово, изслѣдованъ бугоръ, извѣстный у мѣстныхъ крестьянъ подъ именемъ „Верея“. Пробными траншеями обнаружены *слѣды человѣка неолитической эпохи.* Въ песчаныхъ буграхъ, залегающихъ отъ деревни Рыково по лѣвому берегу Оки на протяженіи 6 верстъ, всюду оказались *остатки неолитической эпохи каменнаго вѣка.* Въ двухъ случаяхъ, вмѣстѣ съ обломками грубой глиняной посуды, украшенной орнаментомъ и гладкой, найдены желѣзные ножики, мѣдное плоское кольцо и привѣска. Послѣднія находки относились къ болѣе позднему времени, X или XI столѣтій.

Подъ Рязанью, на Борковскомъ островѣ, въ сосновой рощѣ, открыты слѣды погребеній, относящихся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка, и, вмѣстѣ съ ними, на болѣе высокомъ уровнѣ оказались *слѣды древнихъ трупосожженій.* Въ Михайловскомъ уѣздѣ, изъ вскрытыхъ въ окрестностяхъ села Осова семи кургановъ—въ 2-хъ при остаткахъ погребеній найдены мѣдныя украшенія и бусы.

Результаты археологическихъ экскурсій прошлаго лѣта цѣнны въ томъ отношеніи, что они пролили свѣтъ на доисторическое прошлое большей площади Мещерскаго края, занимающаго сѣверную часть Рязанской губерніи. До послѣдняго времени Мещерскій край не былъ тронутъ археологическими изслѣдованіями, если не считать раскопокъ г. Нефедова въ Касимовскомъ уѣздѣ, а между тѣмъ онъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ здѣсь сохранились въ болѣе чистомъ видѣ остатки древнихъ обитателей Окской долины, оттѣсненныхъ въ IX и X столѣтіяхъ съ береговъ Оки вглубь Мещерскихъ лѣсовъ новыми насельниками—славянами („Ряз. Губ. Вѣд.“).

—— Въ виду предстоящей перестройки въ Москвѣ гостинницы Метрополь, Моск. Археол. Общ. обратилось къ владѣльцамъ дома съ просьбою не доводить постройки до Китайской стѣны, а оставить между зданіемъ и стѣною бульваръ. Владѣльцы выразили готовность принять къ свѣдѣнію указаніе Общества и заявили, что будутъ держаться строительнаго устава.

—— Коммиссія Имп. Моск. Археол. Общества осматривала, по приглашенію Думы, Китайскую стѣну противъ Грузинскаго переулка, съ цѣлью дать свое заключеніе о предполагаемомъ проломѣ въ этомъ

мѣстѣ воротъ, для облегченія уличнаго движенія. Коммиссія не нашла препятствій къ устройству въ стѣнѣ воротъ, съ тѣмъ, чтобы сохранена была неприкосновенной верхняя часть стѣны.

—— Вслѣдствіе предположенія о передѣлкахъ въ храмѣ Св. Николая въ Драчахъ, Н. В. Никитинъ, осмотрѣвъ этотъ храмъ по порученію Имп. Моск. Археол. Общ., доложилъ Обществу слѣдующее:

„1) Храмъ Святителя Николая принадлежитъ къ числу каменныхъ храмовъ Москвы, построенныхъ стрѣлецкими полками; онъ замѣчателенъ по прочности постройки, мало потерпѣлъ отъ времени и искаженія и представляетъ хорошій образецъ послѣдняго періода русскаго искусства предъ натискомъ подражанія иноземнымъ образцамъ. Древній храмъ этотъ заслоненъ со стороны Садовой позднѣйшими пристройками трапезы съ придѣлами и колокольней, а съ улицы Драчевки церковными домами.

Къ храмамъ, построеннымъ стрѣльцами, принадлежатъ сохранившіеся: Николая чудотворца въ Воробинѣ—1697 г., Сергія чудотворца въ Пушкаряхъ—1684 г., Св. Троицы на Листахъ—1661 г., Николая чудотворца въ Драчахъ—1661, 1682 и 1688 г. (постройка прерывалась походами), Рождества Богородицы на Бутыркахъ—1683 г., Преображенія Господня на Пескахъ—?. Сломаны и перестроены: Преображенія въ Пушкаряхъ, Николая въ Дербентскомъ, Петра и Павла на Якиманкѣ, Казанской Б. М. у Калужскихъ воротъ и др.

4) Предположеніе о перестройкѣ храма Св. Николая, какъ изложено о. настоятелемъ въ прошеніи и объяснено при осмотрѣ, вызвано неудобствомъ отъ того, что прихожане вынуждены тѣсниться около одного изъ трехъ престоловъ, на которомъ совершается богослуженіе или передъ которымъ происходитъ собесѣдованіе, оставляя большую часть церкви пустою, потому что оттуда не видно и не слышно. Древняя церковь, высокая и звонкая, не вмѣщаетъ всѣхъ прихожанъ, особенно во дни большихъ праздниковъ; позднѣйшая трапезная съ двумя предѣлами глуха и люди страдаютъ отъ духоты. Это повело къ составленію двухъ проэктовъ расширенія трапезы; оба получили Высочайшее утвержденіе, но исполнены не были по незначительности увеличенія внутренняго пространства и по недостатку суммъ на постройку; ограничились расширеніемъ арки изъ древняго храма въ трапезу по проэкту архит. Финисова; но это мало помогло, и потому о. настоятель желалъ бы удлинить древній храмъ.

3) Предположеніе удлинить древній храмъ влечетъ за собой сломку алтаря, восточной стѣны храма и пяти каменныхъ главъ и клонится почти къ полному уничтоженію древняго памятника; а такъ какъ не-

удобство состоитъ не столько въ тѣснотѣ, сколько въ глухотѣ и духотѣ, происходящихъ отъ крутыхъ сводовъ новой постройки и недостатка вентиляціи, то, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ касаться древняго храма, но замѣнить крутые своды новой постройки сводами съ меньшимъ подъемомъ противъ существующихъ и устроить хорошую вентиляцію".

Коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ, въ засѣданіи 22 января 1899 года, единогласно присоединилась къ заключенію Н. В. Никитина.

—— „Новое Время" обратило вниманіе на запущенность въ Соловецкомъ монастырѣ могилы Авраамія Палицына, знаменитаго келаря Троице-Сергіевой лавры, умершаго въ ссылкѣ на Соловкахъ. Невысокая плита растрескалась, почти вросла въ землю, надпись сильно стерлась и уже съ трудомъ разбирается. Могила эта находится снаружи южной стѣны Преображенскаго собора; вокругъ ея нѣтъ ограды. Рядомъ находится заброшенная могила послѣдняго кошеваго атамана Запорожской Сѣчи, Кольнишевскаго, сосланнаго на смиреніе въ 1776 г. „Архангельскія губернскія вѣдомости" въ № 12 перепечатываютъ подробно статью „Нов. Вр."—Видѣть ли въ этомъ надежду на лучшую участь обѣихъ историческихъ могилъ? Съ другой стороны не Троицкой ли Лаврѣ особенно близка должна быть забота о могилѣ незабвеннаго келаря ея?

—— **Серенское городище,** Калужской губ., Мещовскаго уѣзда. Серенскъ — бывшій городъ, нынѣ село на р. Серенѣ; до настоящаго времени сохранилось городище. Въ первый разъ Серенскъ упоминается въ 1147 г., а какъ городъ упоминается подъ 1232 годомъ. По договору 1494 г. вел. кн. Іоанна III съ литовскимъ вел. кн. Александромъ, Серенскъ отошелъ къ Москвѣ. Герберштейнъ въ „Запискахъ о Московіи" упоминаетъ о Серенскѣ какъ о городѣ. Членъ Калужской Архивной Коммиссіи С. А. Никитинъ собралъ нѣсколько предметовъ съ городища и вблизи его: это—девять крупныхъ бусъ, каменныхъ и глиняныхъ; глиняныя грубыя грузила; двѣ части витыхъ бронзовыхъ браслетъ въ 7 и 8 проволокъ съ расплющенными концами; двѣ мѣдныя спиральки; два небольшихъ бронзовыхъ крестика съ расширеніями на концахъ и со щитками въ средокрестіи; 32 стеклянныхъ и стекловидныхъ обломка большею частью отъ браслетовъ, разныхъ цвѣтовъ (янтарный, свѣтлозеленый, темнозеленый, дымчатый, красный и др.), съ орнаментомъ спиральными (одинъ разъ — продольными) линіями, нѣкоторые съ эмалью (Изв. Кал. уч. Арх. Комм. № 9—10).

—— **Церковно-археологическій комитетъ въ городѣ Смо-**

ленскѣ учрежденъ 5-го ноября 1896 года, по мысли и почину преосвященнаго Никанора, епископа смоленскаго и дорогобужскаго. Изъ отчета за второй годъ существованія комитета видно, что онъ имѣетъ въ своемъ составѣ 2 пожизненныхъ, 10 почетныхъ и 51 дѣйствительныхъ членовъ. Дѣятельность комитета состоитъ въ разработкѣ мѣстной (преимущественно церковной) исторіи и археологіи. Въ отчетномъ году на засѣданіяхъ комитета прочитано 11 сообщеній. Въ числѣ многихъ вопросовъ, обсуждавшихся на засѣданіяхъ комитета, слѣдуетъ отмѣтить вопросъ объ охранѣ комитетомъ исторической святыни города Смоленска—остатковъ Борисоглѣбскаго монастыря, на рѣкѣ Смядыни. Въ настоящее время участокъ земли съ остатками этого монастыря находится въ рукахъ частнаго владѣльца. Смоленская духовная консисторія въ октябрѣ 1897 года просила городскую управу объ изъятіи, путемъ добровольнаго соглашенія, означеннаго участка изъ частныхъ рукъ, чрезъ обмѣнъ его на 1 дес. 1,875 кв. саж. земли, принадлежащей городу, въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Нашлось даже лицо, которое изъявило готовность пожертвовать до 25,000 руб. на сооруженіе небольшого каменнаго храма на мѣстѣ развалинъ Борисоглѣбскаго монастыря. Но такое благочестивое усердіе находитъ себѣ препятствіе въ владѣльцѣ участка земли съ остатками древняго монастыря. Владѣлецъ соглашается уступить землю только за наличныя деньги, въ количествѣ тысячи рублей. Есть надежда, что дѣло будетъ улажено, и что снова явится храмъ на томъ священномъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда, при устьѣ рѣки Смядыни, мученически скончался святой князь Глѣбъ, и, по преданію, нѣкоторое время почивали мощи обоихъ святыхъ братьевъ-страстотерпцевъ. Предметомъ особеннаго вниманія комитета было благоустройство церковно-археологическаго музея, помѣщающагося въ тимоѳеевскихъ покояхъ архіерейскаго дома, и составленіе систематическаго описанія предметовъ древностей этого музея. Въ настоящее время каталогъ музея приготовленъ къ печати, и самый музей предполагался къ открытію съ 1-го января 1899 г. Всѣхъ предметовъ древности въ музей поступило въ 1898 году—489; изъ нихъ памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры и разной церковной утвари—63; рукописей различнаго рода—18; періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ (въ названіяхъ)—156; монетъ, моделей и жетоновъ—248; первобытныхъ древностей—3 и фотографическихъ снимковъ—1. Съ поступившими въ 1897 г. число всѣхъ предметовъ древности въ музеѣ достигаетъ 2,104 („Церк. Вѣд.“).

—— **Воззваніе правленія Кіевскаго Общества древностей и искусствъ.** „Кіевское Общество древностей и искусствъ, основан-

ное въ 1897 году, имѣетъ своей задачей служить научному изученію памятниковъ старины, а равно развитію эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Для осуществленія поставленной задачи Общество прежде всего приступило къ сооруженію въ г. Кіевѣ музея, подъ усадьбу котораго городское управленіе, сочувствуя задачамъ Общества, отвело участокъ земли противъ Царскаго сада.

Въ музеѣ предполагаются два отдѣленія: 1) исторіи и этнографіи и 2) изящныхъ искусствъ и художественной промышленности.

Первый отдѣлъ имѣетъ въ виду интересы чисто научные. Второй отдѣлъ имѣетъ удовлетворять практическимъ нуждамъ Юго-Западнаго края, играя роль учебно-воспитательнаго учрежденія, гдѣ всѣмъ желающимъ будетъ предоставлена возможность полнаго ознакомленія съ образцами художественныхъ и художественно-промышленныхъ произведеній.

Въ настоящее время зданіе музея вчернѣ окончено и теперь надлежитъ приступить: во-первыхъ, къ отдѣлкѣ внутренняго помѣщенія зданія и, во-вторыхъ, къ пріобрѣтенію и составленію коллекцій для музея.

Въ виду недостатка средствъ на устройство музея, Кіевское Общество древностей и искусствъ обращается ко всѣмъ, кому дорого развитіе въ нашемъ отечествѣ искусствъ и охраненіе памятниковъ старины, съ покорнѣйшей просьбой о содѣйствіи ему въ устроеніи кіевскаго музея пожертвованіемъ деньгами или предметами искусства для коллекцій музея.

Пожертвованія въ пользу музея будутъ приняты съ благодарностью; отчеты о поступленіяхъ будутъ опубликованы, и имена жертвователей будутъ занесены въ особую книгу. Желающимъ поступить въ члены Кіевскаго Общества древностей и искусствъ уставъ Общества будетъ высланъ по первому требованію.

Обращаться лично или письменно въ правленіе Кіевскаго Общества древностей и искусствъ: Кіевъ, Бульварная ул., домъ № 9, къ предсѣдательницѣ общества графинѣ М. Н. Мусиной-Пушкиной, Екатерининская, д. № 18, или къ вице-предсѣдателю Б. И. Ханенко, Алексѣевская, соб. домъ". („Ж. и И", 356).

—— **Къ Кіевскому Археологическому Съѣзду** (1—20 авг. 1899 г.). Выставка при Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ будетъ состоять изъ 6-и отдѣловъ: 1) первобытныхъ древностей — подъ завѣдываніемъ В. Б. Антоновича, 2) церковныхъ древностей — завѣд. Н. И. Петровъ (въ Церк.-археол. музеѣ), П. А. Лашкаревъ и А. А. Дмитріевскій (въ отдѣленіи на общей выставкѣ), 3) историческихъ древностей — завѣд. В. З. Завитневичъ, 4) книгъ, рукописей и гравюръ — зав. И. М.

Каманинъ, 5) древнихъ географическихъ картъ—завѣд. В. А. Кордтъ, 6) классическихъ древностей — завѣд. Ю. А. Кулаковскій. Отдѣлы 1, 3 и 6 предполагается помѣстить въ музеѣ Кіевскаго Общества Любителей Древностей и Искусствъ, если музей будетъ готовъ къ Съѣзду, что представляется осуществимымъ; отдѣлъ 2—церковныхъ древностей—раздѣлится между Церковно-археологич. музеемъ и общей выставкой; отдѣлъ 3—въ помѣщеніи Кіевскаго Центральнаго Архива; отдѣлъ 5—въ университетской библіотекѣ. Подготовленіе каталоговъ уже значительно подвинулось впередъ.

—— Среди вопросовъ, по которымъ обѣщаны доклады на Съѣздѣ, и запросовъ, на которые высказаны желанія получить отвѣтъ, въ Кіевскомъ Отдѣленіи Предварит. Комитета Съѣзда выставленъ обширный рядъ „вопросовъ“ и „запросовъ“ по быту Лѣвобережной Украйны XVII—XVIII в.

—— В. Б. Антоновичъ собралъ богатый матеріалъ для составляемой имъ къ Съѣзду археологической карты Волынской губерніи; матеріалъ этотъ, по изготовленіи карты, предназначается для Городецкаго музея Волынской губерніи. Археологическую карту Подольской губ. намѣренъ изготовить къ Съѣзду о. Евф. Свѣцинскій. Карта Кіевской губерніи, какъ извѣстно, составлена В. Б. Антоновичемъ и издана въ т. XV „Древностей“ Имп. Моск. Археол. Общества.

—— Кіевское Отдѣленіе Предварит. Комитета Съѣзда получило согласіе попечителя Кіевскаго учебнаго округа на предоставленіе въ распоряженіе Хозяйственнаго Комитета на время Съѣзда, для размѣщенія пріѣзжихъ ученыхъ, зданій нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеній Кіева. Въ финансовой Коммиссіи Кіевской Городской Думы обсуждается, по просьбѣ Моск. Археол. Общ., вопросъ о пріемѣ Съѣзда городомъ Кіевомъ.

—— **Раскопки В. В. Хвойки.** Нашимъ читателямъ 1898 г. извѣстны уже раскопки г. Хвойки у мѣстечка Триполья, Кіевскаго у., верстъ 60 ниже Кіева по Днѣпру, гдѣ обнаружены остатки своеобразной культуры, относящейся къ концу каменнаго и къ началу металлическаго вѣка; на площадкахъ пережженой глины найдено громадное количество цѣлыхъ и разбитыхъ сосудовъ, весьма своеобразныхъ типовъ и формъ, съ росписнымъ и рельефнымъ орнаментомъ, глиняныя фигурки людей и домашнихъ животныхъ (овцы, коровы), кремневыя и полированныя каменныя орудія и орудія изъ чистой мѣди. Нѣкоторыя предметы сходны съ кипрскими и финикійскими и вообще въ характерномъ пошибѣ вещей какъ бы чуется вліяніе Востока. Тутъ же найденъ на одной изъ площадокъ слой обуглившейся пшеницы, не принадлежа-

щей ни къ одному изъ существующихъ видовъ [1]). „Археологич. Лѣтопись Южной Россіи“ въ „Кіевской Старинѣ“ даетъ любопытное дополненіе къ сообщенному уже у насъ: оказывается, что этимъ лѣтомъ былъ разрытъ и курганъ, расположенный тутъ же, и въ основаніи его обнаружена площадка изъ обожженой глины, одинаковаго характера съ ранѣе обнаруженными, въ площадкѣ же оказалась яма, а въ ней скелетъ *съ окрашенными костями*. Въ виду интереса и спорности вопроса о могилахъ съ окрашенными костями, въ виду крайней скудости ихъ инвентаря, находка такихъ костей въ обстановкѣ Триполья получаетъ особенное значеніе, хотя, какъ единичная, не даетъ еще права на твердые выводы.

—— Въ Археол. Лѣт. „Кіевской Старины“ г. М. К. сообщаетъ о раскопкахъ лѣтомъ 1898 г., В. В. Хвойкой городища въ Пастерскомъ имѣніи г. Ханенка, Чигиринскаго уѣзда. Городище круглое, обведено валомъ; площадь его—18 десятинъ, вышина вала 25—26 арш., ширина у основанія 19—22 арш.; верхъ вала большею частью состоитъ изъ обожженой глины и кирпичей; въ городище ведутъ четыре въѣзда. Небольшой рѣчкой городище раздѣляется на двѣ части, въ одной изъ коихъ имѣется небольшое внутреннее укрѣпленіе, образуемое тремя концентричными валами, упирающимися въ главный валъ. Поверхность городища покрыта буграми неправильной формы, въ коихъ открыты площадки обожженой глины и масса разбитыхъ амфоръ, греческихъ терракотъ, глиняныхъ сосудовъ, такъ наз. скиѳскаго типа, скиѳскіе желѣзные мечи, множество желѣзныхъ ножей, два бронзовыхъ ножа; желѣзные наральники, лопаты и серпы; масса бронзовыхъ стрѣлокъ, стеклянныхъ бусъ, глиняныхъ грузилъ; зола и кости лошадей, воловъ, барановъ, кабановъ, оленей. Уже ранѣе на этомъ городищѣ находили клады, пропадавшіе безслѣдно; при раскопкахъ г. Хвойки найденъ кладъ такого же типа: это—серебряныя фибулы, серьги, браслеты, всего 12 штукъ. Изъ сосѣднихъ съ городищемъ кургановъ распахано 14, относящихся къ скиѳской же эпохѣ и заключавшихъ въ себѣ погребеніе 3-хъ типовъ: 1) въ камерѣ, или склепѣ, 2) въ нишѣ, устроенной сбоку ямы и 3) сожженіе. Почти всѣ курганы оказались разграбленными въ близкое къ погребенію время. (О прекрасныхъ находкахъ въ одномъ изъ разграбленныхъ кургановъ, а особенно въ нетронутыхъ склепахъ, см. А. И. и З. 1898, 254—255).

—— **Городище Княжа гора** (у с. Пекарей, Черкасск. у.) не перестаетъ быть источникомъ многочисленныхъ и зачастую очень инте-

---

[1]) А. И. и З. 1898 г., стр. 29 (докладъ И. А. Линниченка) и 246.

ресныхъ находокъ. Оно принадлежитъ теперь крестьянамъ, и нѣкоторые изъ нихъ создали себѣ изъ поисковъ на немъ древностей постоянный и очень доходный промыселъ. Наученные опытомъ крестьяне - искатели обходятся теперь безъ посредства торговцевъ древностями, а собравъ партію предметовъ, отвозятъ ихъ въ Кіевъ и продаютъ въ музеи и частныя собранія. Осенью 1898 г. въ Кіевъ было доставлено четыре партіи древностей, между коими, помимо массы болѣе обычныхъ предметовъ великокняжеской эпохи: небольшая рѣзная на сланцѣ иконка съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Николая, а на другой четвероконечнаго креста (поступила въ собраніе древностей великокняжеской эпохи Н. П. Чернева); два цѣлыхъ мѣдныхъ креста-энколпіона, причемъ одинъ съ изображеніями чернью и со слѣдами позолоты, внутри наполненъ массою, среди коей небольшой кусочекъ дерева (пост. въ собр. В. В. Хвойки); кладъ изъ 13 височныхъ серебряныхъ колецъ и золотая привѣска въ формѣ геральдической лиліи, типъ извѣстный изъ находки въ усадьбѣ г. Лѣскова въ Кіевѣ (поступили въ собр. г. Чернева). Много находилось и желѣзныхъ предметовъ, типа раньше извѣстнаго и новаго (пост. въ собр. Н. Ф. Бѣляшевскаго).

—— Въ январѣ—доставлена оттуда въ Кіевъ новая партія древностей, въ коей кромѣ обычныхъ для этой мѣстности желѣзныхъ вещей, бронзовыхъ пряжекъ, привѣсокъ, зеркалъ, стеклянныхъ бусъ и кусковъ браслетовъ, частей мѣдныхъ складныхъ крестовъ и т. п., встрѣтились: два креста съ припаянными на оборотѣ гвоздями для прикрѣпленія къ чему то; часть бронзоваго штампованнаго диска, довольно большихъ размѣровъ, на коемъ было, повидимому, изображеніе св. Георгія; кусокъ иконы, сравнительно большой, изъ терракоты пепельнаго цвѣта, съ уцѣлѣвшимъ рельефнымъ изображеніемъ плачущаго ангела и части распятія; такая же терракотовая небольшая иконка св. Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ змѣя; бронзовый змѣевикъ на одной сторонѣ съ рельефнымъ очень тонкимъ и отчетливымъ образомъ Божіей Матери со Спасителемъ на рукахъ, а на другой — съ изображеніемъ головы съ исходящими отъ нея змѣями и съ заклинательной надписью. Большая часть вещей поступила въ собраніе Н. П. Чернева.

Сообщеніе это „Кіевская Стар." заключаетъ слѣдующими словами:

„Эти послѣднія раскопки еще разъ указываютъ на археологическій интересъ Княжой горы. Систематическими раскопками, произведенными въ 1891 и 1892 г., была изслѣдована только часть городища; раскопки были прекращены по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ лица, производившаго раскопки; въ послѣдующіе затѣмъ годы, гора, перешедшая въ собственность крестьянъ, подвергалась безпорядочнымъ раскопкамъ

послѣднихъ и, какъ видимъ, находки не прекращаются. Особенно интересно было бы обслѣдовать научнымъ образомъ сѣверный склонъ горы, на которомъ очевидны слѣды древняго поселенія; давно пора кому-нибудь изъ нашихъ учрежденій, вѣдающихъ археологію, поставить на очередь вопросъ о прекращеніи варварскихъ раскопокъ крестьянъ на этомъ замѣчательномъ городищѣ и о продолженіи научнаго изслѣдованія его".

—— Въ музей древностей унив. св. Владиміра поступило въ 1898 г. 708 предметовъ палеолитической, неолитической и металлической курганной эпохи, преимущественно изъ губерніи Кіевской, а затѣмъ Волынской, Подольской, Полтавской и Екатеринославской (перечислены въ Археол. Лѣт. „Кіевской Ст.").

—— „Кіевское Слово" сообщая о докладѣ Н. И. Петрова, въ Церковно-археологическомъ Обществѣ, 25 января, о лаврскомъ монетномъ кладѣ (см. въ отдѣлѣ Засѣданій ученыхъ Обществъ), замѣчаетъ, что мѣстными нумизматами кладъ оцѣнивается въ 200—300,000 рублей („К. Сл." № 3982).

—— **Новое пожертвованіе Кіевскому Церк.-Археолог. музею.** Въ замѣткѣ *о лаврскомъ кладѣ*, помѣщенной недавно на страницахъ нашей газеты, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, что проф. П. А. Лашкаревъ, при осмотрѣ великой Лаврской церкви во время ея ремонта, при которомъ найденъ былъ извѣстный кладъ, открылъ, что паруса сводовъ надъ хорами были заполнены, такъ называемыми, „голосниками"—глиняными сосудами, употреблявшимися въ строительномъ искусствѣ IX—XIII вѣковъ. По просьбѣ профессора, лаврская братія доставила на-дняхъ 12 экземпляровъ этихъ сосудовъ, изъ общаго числа имѣющихся у нея болѣе сотни, въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. Пожертвованіе это, въ виду его сравнительной рѣдкости и прекрасной сохранности сосудовъ, составляетъ весьма желательное пріобрѣтеніе для музея. Сосуды долгое время считались резонаторами, употребляемыми для большаго распространенія звука подъ церковными сводами, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они были находимы именно въ сводахъ, но въ недавнее время проф. Н. И. Петровъ имѣлъ случай наблюдать присутствіе голосниковъ въ стѣнѣ одной древней церкви, а настоящее открытіе проф. Лашкарева еще болѣе подтверждаетъ фактъ употребленія ихъ главнымъ образомъ въ качествѣ строительнаго матеріала. Данный случай служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, такъ какъ означенные своды служили поддержкой тяжелаго ценинпаго пола на хорахъ и, слѣдовательно, были разсчитаны на возможность вынести такую громадную тяжесть единственно благодаря

прочности матеріала, которому отдавалось предпочтеніе предъ кирпичемъ за его относительную легкость. Образчики разноцвѣтной ценины тонкихъ кирпичныхъ плитокъ, покрытыхъ гладкой, блестящей глазурью, доставлены въ музей вмѣстѣ съ „голосниками". Относительно послѣднихъ отмѣтимъ одну любопытную подробность, — именно, присутствіе на донышкахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ клеймъ, въ видѣ перечеркнутаго круга или креста въ кругѣ; на двухъ сосудахъ, впрочемъ, клейма напоминаютъ скорѣе нѣчто въ родѣ буквы Н или Z. Проф. Лашкаревъ видѣлъ одно изъ подобныхъ клеймъ (кругъ, далеко по обѣ стороны перечеркнутый) на ребрѣ одного древняго кирпича. Весьма возможно поэтому, что производствомъ такого строительнаго матеріала занималась какая-либо спеціальная мастерская, что еще болѣе доказывается тождествомъ глины и одинаковою величиной всѣхъ сосудовъ. Было бы интересно, въ видахъ болѣе подробнаго разъясненія этого вопроса, провѣрить сдѣланное наблюденіе на остальныхъ сосудахъ, находящихся еще въ Лаврѣ, число которыхъ въ общей сложности (считая и разбитые) весьма значительно („Ж. и И." № 25).

—— Кіевское Общество Грамотности постановило устроить Подвижной Музей учебныхъ пособій, разныя коллекціи коего разсылались бы для временнаго пользованія въ городскія и сельскія школы. Среди другихъ коллекцій имѣется въ виду составить коллекціи и по археологіи (К. Ст.).

—— „Кіевская Ст." обращаетъ вниманіе на продающіяся теперь въ Кіевѣ поддѣльныя древности не мѣстнаго, повидимому, происхожденія: мѣдная литая икона Константина и Елены съ греческими подписями, будто бы найденная въ Херсонесѣ; мраморные предметы съ греческими надписями. Авторъ замѣтки склоненъ видѣть здѣсь трудъ пресловутыхъ очаковскихъ братьевъ Гофмановъ.

—— Покойный Ник. Як. Тарновскій, скончавшійся въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1898 г., послѣдніе три года своей жизни посвятилъ археологіи, дѣятельно производя раскопки въ богатомъ курганами и городищами Каневскомъ и частью въ сосѣднемъ Черкасскомъ уѣздѣ, покупая случайныя находки и т. п. Онъ составилъ собраніе древностей въ нѣсколько тысячъ нумеровъ, и послѣднее время усиленно занимался приведеніемъ его въ порядокъ и составленіемъ каталога. Большая часть коллекцій, говоритъ Н. Ф. Бѣляшевскій, приведена въ образцовый порядокъ, и нужно удивляться массѣ терпѣнія, и труда, положеннаго на это кропотливое дѣло. Въ предсмертной болѣзни Н. Я. продолжалъ свою работу собиранія и разбора и сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ всего собраннаго въ Церковно-Археологическій музей въ

Кіевѣ. Но такъ какъ воля эта не была оформлена, то немногимъ болѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ его кончины состояніе пошло съ молотка [1]). Большая часть раскуплена товарищами, меньшая частными любителями. Оставалось непроданными, благодаря высокой оцѣнкѣ 26 небольшихъ витринъ, которыя на вторыхъ торгахъ были куплены родственниками покойнаго владѣльца для помѣщенія, сообразно волѣ его, въ одинъ изъ общественныхъ музеевъ Кіева. Археол. Лѣт. „Кіевск. Стар." даетъ обзоръ этихъ остатковъ большого собранія, которые и теперь составятъ цѣнный вкладъ во всякій музей. Всѣ предметы занумерованы и по оставшимся каталогамъ видно происхожденіе каждой вещи. Предметы добыты изъ Каневскаго, Черкасскаго, Кіевскаго уѣзда и относятся къ каменному вѣку, курганамъ, городищамъ, къ великокняжеской эпохѣ.

—— **Въ собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго** поступили въ числѣ прочаго: знамя Переяславскаго полка 1762 г. (рисупокъ въ Кіевск. Стар. 1890 г., № 10); серебряный вызолоченый шестоперъ черниговскаго полковника Павла Полуботка; стеклянный бокалъ кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербатскаго съ его гербомъ и инпціалами, разные предметы вооруженія и домашняго обихода (Арх. Лѣт. „Кіевск. Ст.").

—— Въ „Кіевскую Старину" г. М. К. сообщаетъ, что въ усадьбѣ Кіево-Софійскаго собора, при выемкѣ земли для фундамента уже нынѣ выстроеннаго дома, была произведена находка, къ сожалѣнію, потерянная для науки. Компетентный очевидецъ, со словъ коего дѣлается сообщеніе, посѣтилъ мѣсто постройки уже тогда, когда яма для фундамента была почти закончена. Здѣсь, на довольно большой глубинѣ, были обнаружены остатки громаднаго кострища, большая часть котораго была уже вывезена; среди предметовъ, которые удалось извлечь изъ кострища, большой интересъ представляетъ бронзовый котелокъ или курильница, покрытая патиной; въ большомъ количествѣ находились на кострищѣ куски перегорѣвшей парчи съ византійскимъ рисункомъ. Находка эта произведена въ архи-историческомъ мѣстѣ, гдѣ каждая пядь земли хранитъ въ себѣ остатки прошлаго; въ нѣсколькихъ шагахъ (въ усадьбѣ Еспкорскаго) не такъ давно еще былъ найденъ кладъ великокняжеской эпохи. — Нельзя не удивиться вмѣстѣ съ авторомъ замѣтки, что не нашлось при работахъ просвѣщеннаго лица присмотрѣть за выемкой земли въ такомъ мѣстѣ и не были своевременно извѣщены кіевскіе археологи.

---

[1]) А. И. и З. 1898, стр. 381.

цынъ пожертвовалъ историческому музею Черниговской ученой архивной коммиссіи свое собраніе мѣдныхъ складней, крестовъ, панагій, двѣ большія иконы и много литыхъ образовъ съ эмалью и безъ оной, всего сто три предмета („Вил. В.“ № 10).

—— По распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора С. М. Духовского, изданы два выпуска „Матеріаловъ по мусульманству“ (статьи: г. Наливкина „О современномъ состояніи и дѣятельности мусульманскаго духовенства“, Е. Т. Смирнова „О дервишизмѣ“ и др.). Есть слухъ о превращеніи „Матеріаловъ“ въ періодическое изданіе, и поэтому поводу г. Д. въ Спб. Вѣд. выражаетъ пожеланіе, чтобъ предполагаемый журналъ не ограничивался бы сравнительно узкой программой мусульманства, но чтобъ въ немъ воскресъ „Средне-Азіатскій вѣстникъ“. Искренне присоединяемся къ этому пожеланію, не разъ имѣвъ случай говорить на страницахъ А. И. и З. объ этомъ недолго существовавшемъ (очевидно, вслѣдствіе денежныхъ затрудненій), но по содержанію жизненномъ, интересномъ и симпатичномъ журналѣ, который отводилъ на своихъ страницахъ почетное мѣсто и для археологіи края.

—— **Любопытная находка съ антропологической точки зрѣнія** была сдѣлано недавно въ *Планкематтѣ, близъ Бьенна*, въ Швейцаріи рабочими, рывшими землю для фундамента строившагося тамъ новаго дома для городскаго училища, Они отрыли на глубинѣ двухъ метровъ, подъ слоемъ песка и гравія, человѣческій скелетъ, возлѣ котораго лежали кости различныхъ животныхъ. Эти доисторическіе останки были собраны докторомъ Крамеромъ, отправившимъ ихъ на храненіе въ бьенскій городской музей. Въ своемъ сообщеніи объ этой находкѣ, адресованномъ профессору Вирхову, докторъ Гроссъ заявляетъ, что черепъ скелета сохранился въ совершенной цѣлости и, судя по зубамъ, принадлежалъ женщинѣ среднихъ лѣтъ. Вмѣстимость черепа оказалась равною 1.350 сантим. Форма его приближается къ типу череповъ представителей индо-германскихъ и семитическихъ народовъ. Затѣмъ, онъ представляетъ въ своемъ строеніи много сходства съ черепами обитателей свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка. Обладательница найденнаго близъ Бьенна черепа, по всѣмъ признакамъ, принадлежала къ расѣ людей, отличавшихся правильностью сложенія и красотою формъ, т.-е. физическими свойствами, доставшимися въ удѣлъ цивилизованнымъ народамъ. „Ничего нѣтъ рѣзкаго и грубаго, — пишетъ Гроссъ, — въ линіяхъ черепа, и хотя замѣтны на немъ слѣды ударовъ, нанесенныхъ какимъ-либо тупымъ орудіемъ, но на многихъ найденныхъ въ разное время женскихъ черепахъ періода свай-

бывали случаи, что крестьяне препятствовали раскопкамъ лицъ, снабженныхъ и оффиціальными для этой цѣли полномочіями. Раскопано пять кургановъ, оказавшихся принадлежащими, по словамъ „Кіевск. Стар.", къ языческой славянской эпохѣ. Погребенія въ довольно глубокихъ ямахъ, въ гробахъ, иногда двойныя; инвентарь скуденъ: куски посуды, мѣдныя кольца и серьги, часть желѣзнаго предмета, кусочекъ орнаментованной кости, повидимому, отъ гребешка; въ верхнихъ частяхъ кургановъ встрѣчались разбросанныя въ безпорядкѣ кости другихъ скелетовъ.

—— Нѣкоторыя изъ **стоянокъ каменнаго вѣка на берегахъ Западнаго Буга,** обслѣдованныя прошлымъ лѣтомъ Н. Ф. Бѣляшевскимъ, вторично осмотрѣны о Рождествѣ И. Р. Дмитріюкомъ, коимъ добыто до полусотни отборныхъ экземпляровъ разныхъ кремневыхъ и каменныхъ орудій. Коллекція эта будетъ присоединена къ собранной г. Бѣляшевскимъ и поступитъ на выставку Кіевскаго Археологическаго Съѣзда (Археол. Лѣт. „Кіев. Ст.").

—— **Гдѣ жили Переяславскіе Торки?**—Въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, помѣщенной въ Кіевск. Стар. 1899 г., февр., г. А. Стороженко, приведя историческіе выводы о Торкахъ изъ книги проф. Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ", Кіевъ, 1884 г., разбираетъ лѣтописныя указанія на поселенія переяславскихъ Торковъ и приходитъ къ заключенію, что они жили „вдоль той оборонительной линіи, которая прикрывала древній Переяславъ и его область отъ кочевниковъ, а именно вдоль валовъ, на мѣстахъ нынѣшнихъ Малой и Великой Каратулей, и вдоль Трубежа, на правомъ берегу его, между г. Переяславомъ и с. Барышевкой".

—— Черниговское губернское земство въ засѣданіи 2 февраля подтвердило прошлогоднее постановленіе о принятіи въ даръ отъ В. В. Тарновскаго его *Украинскаго музея*. Въ каталогѣ музея значится 400 нумеровъ доисторическаго періода, 1728—великокняжескаго и 863—казацкаго. В. Б. Антоновичъ оцѣниваетъ музей въ 80,000 р. Въ собраніи большинствомъ 37 голосовъ противъ 15 принято предложеніе коммиссіи, разбиравшей этотъ вопросъ: назначить 20,000 р. на постройку и приспособленіе музейнаго зданія; ходатайствовать передъ городомъ о безплатномъ отводѣ земли; на завѣдываніе музеемъ назначить 1,500 руб. Въ исполнительную коммиссію по устройству зданія приглашенъ и самъ жертвователь, признанный почетнымъ членомъ музея; впредь до постройки зданія даръ хранится у него, принятый по описи. Постановлено ходатайствовать о субсидіи правительства и о разрѣшеніи пожертвованій („Ж. и И." № 40).

—— Землевладѣлецъ Новгородсѣверскаго у., князь В. Д. Голи-

цынъ пожертвовалъ историческому музею Черниговской ученой архивной коммиссіи свое собраніе мѣдныхъ складней, крестовъ, панагій, двѣ большія иконы и много литыхъ образовъ съ эмалью и безъ оной, всего сто три предмета („Вил. В.“ № 10).

—— По распоряженію туркестанскаго генералъ-губернатора С. М. Духовского, изданы два выпуска „Матеріаловъ по мусульманству“ (статьи: г. Наливкина „О современномъ состояніи и дѣятельности мусульманскаго духовенства“, Е. Т. Смирнова „О дервишизмѣ“ и др.). Есть слухъ о превращеніи „Матеріаловъ“ въ періодическое изданіе, и поэтому поводу г. Д. въ Спб. Вѣд. выражаетъ пожеланіе, чтобъ предполагаемый журналъ не ограничивался бы сравнительно узкой программой мусульманства, но чтобъ въ немъ воскресъ „Средне-Азіатскій вѣстникъ“. Искренне присоединяемся къ этому пожеланію, не разъ имѣвъ случай говорить на страницахъ А. И. и З. объ этомъ недолго существовавшемъ (очевидно, вслѣдствіе денежныхъ затрудненій), но по содержанію жизненномъ, интересномъ и симпатичномъ журналѣ, который отводилъ на своихъ страницахъ почетное мѣсто и для археологіи края.

—— **Любопытная находка съ антропологической точки зрѣнія** была сдѣлано недавно въ *Планкематтѣ, близъ Бьенна*, въ Швейцаріи рабочими, рывшими землю для фундамента строившагося тамъ новаго дома для городскаго училища, Они отрыли на глубинѣ двухъ метровъ, подъ слоемъ песка и гравія, человѣческій скелетъ, возлѣ котораго лежали кости различныхъ животныхъ. Эти доисторическіе останки были собра́ны докторомъ Крамеромъ, отправившимъ ихъ на храненіе въ бьенскій городской музей. Въ своемъ сообщеніи объ этой находкѣ, адресованномъ профессору Вирхову, докторъ Гроссъ заявляетъ, что черепъ скелета сохранился въ совершенной цѣлости и, судя по зубамъ, принадлежалъ женщинѣ среднихъ лѣтъ. Вмѣстимость черепа оказалась равною 1.350 сантим. Форма его приближается къ типу череповъ представителей индо-германскихъ и семитическихъ народовъ. Затѣмъ, онъ представляетъ въ своемъ строеніи много сходства съ черепами обитателей свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка. Обладательница найденнаго близъ Бьенна черепа, по всѣмъ признакамъ, принадлежала къ расѣ людей, отличавшихся правильностью сложенія и красотою формъ, т.-е. физическими свойствами, доставшимися въ удѣлъ цивилизованнымъ народамъ. „Ничего нѣтъ рѣзкаго и грубаго, — пишетъ Гроссъ, — въ линіяхъ черепа, и хотя замѣтны на немъ слѣды ударовъ, нанесенныхъ какимъ-либо тупымъ орудіемъ, но на многихъ найденныхъ въ разное время женскихъ черепахъ періода свай-

ныхъ построекъ встрѣчаются подобные же слѣды пораненій". Остальныя кости, лежавшія вокругъ отрытаго въ Планкематтѣ скелета, принадлежали оленю, козѣ и собакѣ. Что же касается вопроса о томъ, какимъ образомъ этотъ скелетъ могъ очутиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ его нашли, то профессоръ Шуцъ полагаетъ, что въ былое время Бьенское озеро занимало широкое пространство, и что трупъ доисторической женщины, принадлежавшей къ жительницамъ свайныхъ построекъ, былъ выброшенъ волнами въ томъ мѣстѣ, гдѣ его отрыли, и въ теченіе вѣковъ покрылся слоями наноснаго песка и гравія. (Прав. Вѣст., № 23).

—— **Развалины древняго города Отрара** раскинуты недалеко отъ впаденія рѣки Арыса въ Сыръ-Дарью.

Происхожденіе и прошлое Отрара совершенно неизвѣстны. Извѣстно только, что полчища Чингизъ-хана овладѣли Отраромъ и въ 1219 году подвергли его обычному для нихъ разграбленію. Говорятъ, далѣе, что другой великій опустошитель Средней Азіи, Тамерланъ, возвращаясь съ богомолья изъ Хазрета, останавливался каждый разъ въ Отрарѣ, гдѣ и проводилъ обыкновенно 40 дней самаго жаркаго времени. Въ одно изъ такихъ паломничествъ, Тамерланъ, простудившись, умеръ тамъ 17 шабани 807 гиджры, то-есть 18 февраля 1405 года. Вѣсть о смерти грознаго завоевателя такъ сильно подѣйствовала на горожанъ, что многіе изъ нихъ отъ страха разбѣжались въ горы.

Въ настоящее время, какъ сообщаетъ газета *Русскій Туркестанъ*, на ровномъ пространствѣ степи еще издали можно видѣть громадный одиноко стоящій холмъ — цитатель прежняго города. При болѣе подробномъ знакомствѣ съ мѣстностью и внимательномъ разсматриваніи небольшихъ холмовъ, равномѣрнымъ кольцомъ охватывающихъ курганъ, надо думать, что древній Отраръ состоялъ,—какъ почти всѣ средне-азіатскіе города,—изъ крѣпости, собственно города и обширныхъ предмѣстій, за которыми тянулись еще сады, раскидывающіеся въ общемъ болѣе чѣмъ на 100 кв. верстъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ цитадели сохранилось еще древнее кладбище, служащее мѣстомъ похоронъ до настоящаго времени. Тутъ живутъ нѣсколько Сартовъ-подвижниковъ.

Въ центрѣ города, съ наружной стороны громаднаго крѣпостнаго рва, въ откосѣ, существуетъ небольшое отверстіе, почти вертикально спускаясь черезъ которое можно проникнуть внизъ, въ ясно обозначенный подземный ходъ.

Съ годъ тому назадъ здѣсь появился какой-то дувана изъ Мекки, вычитавшій въ священныхъ книгахъ, что въ одномъ мѣстѣ зарыты не-

смѣтныя сокровища. Дѣйствительно, онъ напалъ на упомянутый ходъ, жилъ въ немъ мѣсяца два, работая ежедневно, и потомъ снова скрылся. Нашелъ ли онъ кладъ, осталось неизвѣстнымъ.

—— **По поводу могилы Ромула.** Не такъ давно заграницей съ большимъ интересомъ толковали объ открытой, будто бы, въ Римѣ могилѣ Ромула. Узнали ее, какъ передавали римскія газеты, по неоспоримому признаку: она вся должна была быть устлана чернымъ камнемъ, а между форумомъ и колизеемъ какъ разъ найдено было углубленіе съ настилкой изъ чернаго камня. Скоро, однако, обнаружилось, что подлинность находки подвергается большому сомнѣнію. Заимствуемъ изъ „Петерб. Вѣдомостей“ замѣтку объ этомъ проф. В. И. Модестова, находящагося теперь въ Римѣ.

„Открытіе такого рода невѣроятно не только потому, что, по твердо установившемуся въ Римѣ преданію, Ромулъ былъ взятъ къ богамъ и, слѣдовательно, о погребеніи его не было въ народѣ никакихъ свѣдѣній, но и потому, что римскіе историки, какъ и вообще римскіе писатели, дающіе намъ такъ много указаній относительно памятниковъ, наполнявшихъ форумъ и колизей, ничего не говорятъ намъ о памятникѣ, называвшемся могилой Ромула.

Пріѣхавъ въ Римъ, я при первомъ же взглядѣ на газеты увидѣлъ, что вопросъ о могилѣ Ромула—здѣсь вопросъ дня, но вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно, что въ общей періодической печати уже успѣло утвердиться мнѣніе, что подъ открытой на границѣ между форумомъ и колизеемъ настилкой изъ чернаго камня—о могилѣ Ромула рѣчи быть не можетъ.

Прежде всего вопросъ былъ поставленъ на очередь въ академіи Линчеевъ (такъ называется римская академія наукъ). Пренія въ засѣданіи 22 (10) января открылъ профессоръ Гатти, выразившій мнѣніе, что тутъ дѣло идетъ о священномъ мѣстѣ, называемомъ pu teal, какихъ было въ Римѣ не мало и какими считались мѣста, пораженныя молніей. Вслѣдъ за нимъ сталъ говорить ученый съ большимъ авторитетомъ, проф. Компаретти, который высказалъ мнѣніе, что здѣсь, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Проф. Ланчани, знаменитый спеціалистъ по римской топографіи, не счелъ себя вправѣ до поры до времени высказаться опредѣленно относительно того, что именно обозначала новооткрытая настилка изъ чернаго камня, не думая, конечно, вовсе о могилѣ Ромула.

Пренія въ академіи Линчеевъ, обнародованныя нѣкоторыми газетами, окончательно поколебали вѣру въ могилу Ромула среди римской публики“ („Ж. и И.“ № 27).

—— **Доисторическіе памятники острова Мальты** соста-

вили предметъ любопытнаго доклада, сдѣланнаго германскимъ археологомъ, докторомъ А. Майеромъ, въ январьскомъ засѣданіи Мюнхенскаго антропологическаго Общества. По словамъ докладчика, производившаго на Мальтѣ раскопки, угрюмый, непривѣтливый ландшафтъ острова до нѣкоторой степени отразился на характерѣ его древностей, многочисленныхъ пещерныхъ могильникахъ и первобытныхъ каменныхъ постройкахъ. Въ общемъ можно сказать, что Мальта — совершенно обособленный археологическій міръ, исторія котораго очень мало изучена. Отъ древнѣйшихъ, исторически извѣстныхъ, поселенцевъ этого острова, финикіянъ, не осталось никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ, за-то сохранилось много памятниковъ, относящихся къ тому времени, когда Мальта входила въ составъ Карѳагенскаго царства; въ особенности богатъ островъ въ этомъ отношеніи пуническими надписями и могильниками со всѣми соотвѣтствующими погребеніямъ того времени принадлежностями. Повидимому, пуническое населеніе просуществовало здѣсь много вѣковъ. Въ историческомъ отношеніи Мальту можно съ бо́льшимъ правомъ отнести къ африканскимъ островамъ, нежели къ европейскимъ. Ни длинный рядъ протекшихъ вѣковъ, ни испанское господство, ни послѣдовавшія за нимъ орденское управленіе и британская оккупація не могли стереть на Мальтѣ преобладающій понынѣ африканскій элементъ. Строители мегалитическихъ памятниковъ не принадлежатъ къ исторически извѣстному населенію острова, они, несомнѣнно, жили въ доисторическую эпоху, задолго до финикіянъ. Къ сожалѣнію, для сохраненія крайне любопытныхъ памятниковъ слишкомъ мало сдѣлано. Среди этихъ памятниковъ имѣются нѣсколько замѣтно выдѣляющихся какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по необычайной оригинальности основныхъ чертъ архитектуры; ихъ до сихъ поръ почему-то считали финикійскими храмами. Первоначальныя формы этихъ сооруженій, сильно измѣненныхъ перестройками и исправленіями, и теперь еще не трудно различить. Всѣ они окружены каменными стѣнами въ видѣ полукруга. Внутри каменныхъ оградъ имѣются по два зданія овальной формы, расположенныя одно позади другаго; извнѣ въ стѣнахъ ихъ виднѣются тикія же круглыя или многоугольныя ниши, какъ и внутри этихъ зданій. Наиболѣе типичными архитектурными формами отличается одно зданіе, до сихъ поръ существуюшее на Мальтѣ на самомъ краю плоскогорья Гозо и носящее названіе „Gigantia“. Высокій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ также крайне оригинальная постройка „Hagiarkim“, расположенная на высокомъ холмѣ на южномъ побережьѣ Мальты, а также крайне своеобразный памятникъ „Mnaidra“—на противоположномъ склонѣ того же холма.

VI.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи **Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества**, 13-го января, предсѣдатель Общества, графиня П. С. Уварова, сказала прочувствованную рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшихся: почетнаго члена Общества, вице-президента Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей, В. Н. Юргевича († 23 ноября 1898 г.) и чл.-корр. проф. М. С. Корелина († 3 января с. г.) и пригласила присутствовавшихъ почтить память почившихъ вставаніемъ. Свящ. І. І. Кузнецовъ сообщилъ: *Къ исторіи ремонтовъ Собора Василія Блаженнаго. I. Смѣта на ремонтъ 1781—1787 г.* Составленная въ суммѣ 16,682 руб. 89 коп., смѣта эта была представлена митрополиту Платону, который, осмотрѣвъ соборъ лично, призналъ необходимымъ вовсе упразднить 5 предѣловъ въ верхнемъ этажѣ, 3 предѣла въ нижнемъ и пристройку къ колокольнѣ; вслѣдствіе такой резолюціи, Владыко нашелъ возможнымъ уменьшить и смѣту до 10,000 рублей, каковые и были отпущены. Изъ подробностей смѣты интересно отмѣтить, что главы Собора тогда уже были покрыты жестью, а сопоставляя это указаніе съ данными рисунка въ „Книгѣ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича", составленной въ 1673 г., гдѣ главы показаны серебряными, можно думать, что теперешняя ихъ форма древнѣйшая, прикрытая жестью ради сохраненія и трудности ремонта въ XVII—XVIII вв. Въ виду происходящаго въ настоящее время ремонта и реставраціи собора это указаніе и многія другія, чисто строительнаго характера, получаютъ важное значеніе. Второй докладъ принадлежалъ А. А. Ивановскому—*О раскопкахъ г. Козубскаго въ Дагестанѣ*, на основаніи отчетовъ послѣдняго. Раскопки были произведены въ 3 пунктахъ: 1) громаднаго кургана, заключавшаго въ себѣ рядъ могилъ, у города Темиръ-Ханъ-Шуры, 2) нѣсколькихъ кургановъ на границѣ Терской области и Дагестана и 3) въ Кара-Будахъ-Кентѣ. Раскопки эти дали не мало интереснаго матеріала; между прочимъ, по замѣчанію гр. П. С. Уваровой, 2 сосуда изъ Кара-Будахъ-Кента и 2 же изъ Т.-Х.-Шуры напоминаютъ *лицевые сосуды*, находимые въ Пруссіи, но у насъ еще неизвѣстные. Третій и послѣдній докладъ былъ сдѣланъ гр. П. С. Уваровой—*Неолитическая стоянка близъ Сераево, въ Босніи*. Около Сераева, въ ближайшихъ окрестностяхъ его, въ мѣстности, называемой Улидзе, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки древнихъ римскихъ бань для пользованія сѣрными источниками, въ м. Бутмірѣ строили сельско-хозяйственную школу и напали на слѣды неолитической стоянки. Графиня лично участвовала въ раскопкахъ этой стоянки, эпоха которой можетъ быть опредѣлена, приблизительно, на основаніи найденныхъ глиняныхъ головокъ, тождественныхъ по работѣ съ таковыми же на Цикладскихъ островахъ, за 2000 лѣтъ до Р. Х. Сообщенія иллюстрировались найденными предметами, фотографіями и изданнымъ описаніемъ раскопокъ г. Радимскаго.

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества**, 14 января 1899 года, была доложена замѣтка *Л. З. Мсеріанца* о книгѣ Б. Тураева: „Богъ Тотъ". Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ. 1898 (182 стр.). Излагая содержаніе книги по главамъ, докладчикъ привѣтствовалъ ее какъ выдающуюся работу, въ которой не только спеціалистъ египтологъ, но и сравнительный миѳологъ и изслѣдователь исторіи религій, и изслѣдователь исторіи искусствъ найдутъ богатый, тщательно собранный и критически освѣщенный матеріалъ.—*Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ*, основываясь на статьѣ о. Гарегина въ „Араратѣ" (окт. 1898 г.) сообщилъ о новооткрытыхъ армянскихъ надписяхъ VII и XIII вѣковъ въ храмѣ св. Рипсиміи въ Вагаршапатѣ. Одна изъ нихъ, высѣченная на особомъ камнѣ,

вдѣланномъ въ восточную стѣну, надъ окномъ, гласитъ: „Христе Боже, помяни Комитаса, армянскаго католикоса, строителя св. Рипсиміи". Другая надпись того же католикоса, на западной стѣнѣ, была извѣстна ранѣе, но о. Гарегинъ даетъ нынѣ болѣе точное чтеніе ея, отличающееся, какъ и текстъ новооткрытой надписи, архаическими чертами, какъ то выяснилъ докладчикъ (*-ей* вм. *-эй* въ извѣстныхъ формахъ; сокращенное начертаніе безъ титла словъ: ***Христосъ*** и ***Богъ;*** двоегласное изображеніе звука *о*). Вотъ ея текстъ: „Я Комитасъ, хранитель святой Рипсиміи, призванъ на престолъ св. Григорія, построилъ храмъ свв. мученицъ Христовыхъ". Комитасъ былъ избранъ въ патріархи въ 617 г., строилъ храмъ св. Рипсиміи въ 618 г., и указанныя надписи являются поэтому древнѣйшими послѣ надписи дикорской, относимой къ V вѣку (по имени упоминаемаго въ ней патріарха Іоанна Мантакуни). Наконецъ на лѣвой стѣнѣ главнаго престола открыта надпись, кажущаяся неясной о. Гарегину, но которую Х. И., комментируя, переводитъ такъ: „Въ 745 году армянской эры (1296 по Р. Х.) во время патронства князя князей, великаго Шах-ин-шаха и Ахбуха (Ахабаха-хана?) я, Ширинъ-хатунъ и Паялунъ-хатунъ, и Тохтэ, и Талэ Ходже, и Хаиръ освободили Рипсимію отъ шаріата Бабака и отъ налога Шахна Бабака. И такъ, кто изъ нашихъ (родственниковъ) или чужихъ, изъ старшихъ или младшихъ нарушитъ (сіе постановленіе), тотъ да будетъ проклятъ 318 отцами, раздѣлитъ участь Каина и Іуды, будетъ отринутъ вѣрой, проклятъ всѣмъ народомъ, и освященная земля да не покроетъ его; исполнителей да благословитъ Богъ. Рѣзчикъ Вахрамъ". Надпись эта вполнѣ подходитъ къ категоріи анійскихъ надписей, изданныхъ въ 1881 г. г. Алишаномъ въ его сочиненіи „Ширахъ" и въ русскомъ переводѣ Н. О. Эминымъ въ томъ же году.—*А. Д. Григорьевъ* прочелъ докладъ: „Къ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ". Указавъ на какихъ восточныхъ языкахъ существуетъ сюжетъ этой повѣсти, докладчикъ раздѣлилъ извѣстные ему въ переводѣ три арабскіе текста на два редакціи и указалъ отношеніе къ нимъ первоначальной славянской редакціи. Изложивъ вкратцѣ исторію вопроса о происхожденіи этой повѣсти, А. Д. перешелъ къ своему взгляду на сей предметъ, выражающемуся въ слѣд. выводахъ: повѣсть ведетъ свое начало отъ индійскаго цикла разсказовъ о мудромъ совѣтникѣ, отражающагося въ индійскихъ разсказахъ о Нандѣ и южно-сибирскихъ о Шюнѣ и входящаго въ смѣшанный циклъ разсказовъ о мудромъ совѣтникѣ и мудрой совѣтницѣ; циклъ этотъ перешелъ около VII в. до Р. Х. въ Западную Азію; повѣсть объ Ахикарѣ явилась изъ разсказа о мудромъ совѣтникѣ путемъ расширенія, происшедшаго въ Ассиро-Вавилоніи, ранѣе II—I вѣка до Р. Х., когда расширенная форма отразилась въ книгѣ Товита; часть матеріала, послужившаго для расширенія—странствующая; біографія Эзопа есть передѣлка сюжета повѣсти объ Ахикарѣ.—При обсужденіи доклада, Н. Н. Дурново прочелъ свою замѣтку, гдѣ указывалъ ассиро-вавилонскія черты повѣсти въ нѣкоторыхъ именахъ и въ подробностяхъ относящихся къ культу, видѣлъ нѣкоторое иранское вліяніе въ имени Ašeghni и на основаніи имени Акиръ въ славянскомъ переводѣ заключалъ, что греческій переводъ сдѣланъ съ арабскаго. При обсужденіи доклада В. Ѳ. Миллеръ указалъ на шаткость выводовъ Бенфея объ индійскомъ происхожденіи повѣсти, крайнюю гадательность какихъ-либо заключеній о сношеніяхъ Ассиріи съ Индіей и ненадежность и ошибки историческихъ указаній словаря Брокгауза и Эфрона, которыми пользовался докладчикъ. Ставя вопросъ объ ассирійскомъ или вавилонскомъ происхожденіи разсказа, В. Ѳ. признаетъ его происхожденіе ассирійскимъ (черты культа; упоминаніе не Навуходоносора, а Сеннахерида). Съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера согласился Ѳ. Е. Коршъ, который, вмѣстѣ съ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ, указалъ дальнѣйшее, послѣ книги Товита, движеніе разсказа объ Ахикарѣ—черезъ христіанскую Сирію.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи**, 4 февраля 1899 г., *Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ* сдѣлалъ два сообщенія: 1) представилъ полученные имъ изъ Эчміадзина снимки ново-

открытыхъ надписей св. Рипсиміи (см. предыдущее засѣданіе), писанныхъ очень красивымъ крупнымъ уставомъ, и сравнивъ ихъ съ образцами крупнаго устава XV—XI вѣковъ (о. Алишана-Айраратъ, Ширакъ; статьи о. Дашьяна) и IX вѣка (Евангеліе Лазар. инст.), заключилъ о близости новооткрытыхъ надписей больше всего къ послѣднему, чѣмъ подтверждается современность ихъ патріарху Комитасу, VII в. 2) Сообщилъ о надписяхъ на мѣдной посудѣ изъ Эчміадзинскаго клада въ Историческомъ музеѣ. Кладъ этотъ найденъ въ 1896 г. при разборкѣ зданія духовной школы, и содержалъ болѣе 1,300 предметовъ [1]). Въ Истор. музей препровождено Императорской Археологической Коммиссіей 84 предмета (подносы, блюда, тарелки, чаши, котлы, кувшины, ложки, фонарь и т. п.), около 20 совершенно новыхъ. Х. И—чемъ списано съ нихъ 57 надписей, изъ коихъ видно, что предметы эти жертвовались въ Эчміадзинъ на поминъ въ XVII и XVIII вв. Вотъ образцы надписей: „Ахбатская (церковь) св. Знаменія лѣта арм. эры 1106 (=1667 г.)—память Григорія сына Симеона изъ г. Тохата (Мал. Азія), пожертвовано въ св. Эчміадзинъ черезъ архимандрита Хазара“.—„На пользованіе владыки Ехіазара (1682—91), католикоса эчміадзинскаго лѣта 1135 (=1686)“. „На память въ св. Эчміадзинъ лѣта 1170 (=1721)“.—„На пользованіе католикоса Авраама отъ Нерсина“ (изъ трехъ кат. Авраамовъ одинъ жилъ въ VII в., два другіе правили въ 1730—34 и 1734—7 годахъ), и т. д.

Въ томъ же засѣданіи *А. Е. Крымскій* сообщилъ „О нѣкоторыхъ арабскихъ документахъ, вывезенныхъ имъ изъ Сиріи“. Сказавъ кратко о своихъ пріобрѣтеніяхъ (въ томъ числѣ великолѣпная писанная на шелку рукопись медицинскаго содержанія, восходящая по меньшей мѣрѣ къ XIII вѣку; рукопись конца прошлаго вѣка, неполная, путешествія патр. Макарія въ Россію и др.), А. Е. остановился на рукописи шейха Зіяде ибн-Яхъи „Объ истинной вѣрѣ“ — апологія мусульманства противъ христіанства. (Къ особенностямъ Зіяде относится то, что онъ, съ благоговѣніемъ поминая имя Іисуса Христа, но отрицая божественность Его, объясняетъ Евангеліе въ несторіанскомъ и аріанскомъ смыслѣ; толкуетъ мусульманскую заповѣдь борьбы съ невѣрными въ смыслѣ оборонительномъ, и т. п.). Далѣе А. Е. привелъ три небольшихъ документа: преданіе, записанное въ Месопотаміи, будто русскій народъ произошелъ во времена халифа Омара I отъ арабскихъ выходцевъ, кочевавшихъ сперва между Аной, Кербелой и Багдадомъ; разрѣшеніе діярбекрскаго кадыя на похороны христіанина-халдея, данное въ 1790 г. и полное поносныхъ для христіанъ выраженій; письмо сирійца Спиридона Абуды изъ Москвы къ брату въ Дамаскъ, съ порученіемъ списать для Москвы рукопись путешествія Макарія, придавъ списку сколь возможно древній видъ и дату, ибо это цѣнится въ Россіи. По поводу послѣдняго сообщенія С. С. Слуцкій пояснилъ, что рукописи Мин. Ин. Дѣлъ, по коимъ сдѣланъ Г. А. Муркосомъ переводъ путеш. Макарія, списаны несомнѣнно съ одного и того же оригинала въ Дамаскѣ, одна въ 1847 г., а другая по заказу Спир. Абуды, въ 1859 г., о чемъ имѣются на нихъ записи, а на послѣдней и удостовѣренія, сдѣланныя на мѣстѣ.

Въ томъ же засѣданіи *Ѳ. Е. Коршъ* прочелъ замѣтку о сирскихъ словахъ bar (сынъ) и treyn (два). Обративъ вниманіе на замѣну въ этихъ исключительно словахъ обще-семитскаго n посредствомъ r, и сдѣлавъ подробный разборъ этихъ случаевъ, Ѳ. Е. предполагалъ объяснить ихъ частымъ проклитическимъ употребленіемъ данныхъ словъ, причемъ выпадала коренная согласная, и вслѣдствіе потребности охранить чистоту первой согласной явилась, по диссимиляціи, перемѣна n на r.

Въ засѣданіи **Археологической Коммиссіи Имп. Московскаго Археол. Общества** 30 ноября 1898 г. Г. М. Шмелевъ прочиталъ докладъ: „Новая работа по соціальной

---

[1]) Арх. Изв. и Зам. 1896 г., стр. 113.

исторія Россіи". Предметомъ доклада послужила книга проф. Дьяконова „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія Московскаго государства".

Отмѣтивъ крупное достоинство работы — интересъ темы и обиліе архивнаго матеріала, собраннаго авторомъ для ея разработки и существенный недостатокъ, заключающійся въ скудости обобщеній, референтъ далѣе высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ выводовъ г. Дьяконова, главнымъ образомъ, по поводу его взглядовъ на половниковъ и бобылей. По мнѣнію докладчика, половники XVI и XVII вв. были не столько *арендаторами*, сколько *сельскими рабочими*, нанимавшимися обработывать хозяйственную землю и получавшими за эту опредѣленную долю урожая, въ большинствѣ случаевъ, половину. Что касается бобылей, то нельзя считать *безземелье и бѣдность* ихъ главными, характерными признаками: многіе изъ нихъ, въ особенности въ XVII в., занимались хлѣбопашествомъ, а другіе были ремесленниками, или же нанимались въ работники, при чемъ иные изъ нихъ достигали матеріальнаго благополучія.

Въ общемъ собраніи **Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества**, 22-го января, предсѣдатель А. Ѳ. Бычковъ, сообщилъ о послѣдовавшей 18-го января смерти почетнаго члена и члена-основателя Общества, академика А. А. Куника. Въ очеркѣ трудовъ и научной дѣятельности покойнаго А. Ѳ. Бычковъ обратилъ вниманіе на тотъ живой интересъ къ научнымъ вопросамъ, который сохранилъ А. А. до самой своей смерти; такъ, напримѣръ, за двѣ недѣли до кончины онъ съ живымъ интересомъ обсуждалъ въ засѣданіи Археологической коммиссіи одно темное мѣсто въ договорѣ Олега съ греками и, предложивъ свою поправку, обѣщалъ въ слѣдующемъ засѣданіи сообщить собранные имъ по этому вопросу матеріалы. Память А. А. Куника была почтена вставаніемъ. Затѣмъ послѣдовало обсужденіе и утвержденіе проекта смѣты Общества на 1899 годъ. Доходы Общества исчислены въ 9,510 р. 42 к., а расходы—9,510 р. Въ смѣту расходовъ на 1899 г., по предложенію Н. И. Веселовскаго, внесено совѣтомъ 200 р. на производство раскопокъ; эти 200 р. совѣтъ предполагаетъ вносить въ смѣту ежегодно, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Н. И. Веселовскаго, что раскопки кургановъ, чтобы онѣ дали цѣнные научные результаты, должны вестись по извѣстной системѣ Обществомъ, а не случайно частными лицами. Затѣмъ были произведены выборы 3-хъ членовъ ревизіонной коммиссіи; большинствомъ голосовъ были избраны Н. И. Покровскій, В. В. Латышевъ и А. М. Позднѣевъ. Послѣ этого Н. И. Веселовскій сообщилъ о произведенныхъ имъ прошлымъ лѣтомъ раскопкахъ въ Кубанской области, по р. Ловѣ. Предметовъ было найдено имъ очень немного, такъ какъ изслѣдованные имъ курганы подверглись уже расхищенію грабителей, но въ научномъ отношеніи интересны новыя данныя о конскомъ погребеніи. А именно, въ большомъ курганѣ изслѣдователь обнаружилъ скелеты болѣе чѣмъ пятисотъ лошадей, расположенныхъ совершенно правильно и симметрично вокругъ устроеннаго въ курганѣ шатра. Скелеты находятся какъ на грунтѣ, такъ и на высотѣ двухъ съ половиной саженъ отъ грунта на насыпи; очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло или съ двойнымъ погребеніемъ, или же съ остатками тризны, произведенной на курганѣ послѣ погребенія. Скелетовъ человѣческихъ найдено не было; предметовъ же было найдено немного; таковы: золотое украшеніе съ колчана, желѣзные наконечники, стрѣлы, удила, небольшая разбитая ваза, относимая спеціалистами къ предметамъ античнаго міра V вѣка до Р. Хр., много черепковъ, обломки мѣдныхъ котловъ, остатки желѣзнаго панцыря. Всѣ эти предметы, кромѣ вазочки, относятся, повидимому, къ такъ называемой сарматской эпохѣ. Но, въ виду скудости находокъ, невозможно дѣлать предположеніе ни о времени погребенія, ни о томъ, какому народу оно принадлежитъ Затѣмъ были произведены выборы въ дѣйствительные члены гг. М. Я. Дьяконова и И. А. Лося. Оба были выбраны единогласно.

Въ засѣданіи **Классическаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества.**

[illegible]

Въ засѣданіи **Русскаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества.**

[illegible]

женія. Въ обоихъ случаяхъ стѣны и полъ дольменовъ особенно тамъ, гдѣ лежитъ скелетъ, густо выкрашены яркой краской; у головы скелета въ обоихъ долменахъ было найдено много вещей, каковы, напримѣръ, каменные наконечники копій, очень мелко и тщательно зазубренные, мѣдные топоры, золотыя украшенія, иглы и разные другіе предметы; у стѣнъ долменовъ были расположены большіе глиняные горшки, а на полу въ части, не занятой покойникомъ, было разбросано много костяныхъ бусъ. Всѣ вещи были Н. И. Веселовскимъ показаны собравшимся членамъ Общества, послѣ чего референтъ остановился на вопросѣ, какое имѣетъ значеніе круглое отверстіе находимое всегда во внѣшней стѣнѣ долмена. Признавая долменъ изображеніемъ жилища, референтъ считаетъ отверстіе это окномъ; то же обстоятельство, что окно это обыкновенно бываетъ плотно закрыто каменной пробкой, припертой плитами, должно быть, по мнѣнію докладчика объясняемо, желаніемъ погребавшихъ лишить покойника возможности самовольно покидать свое вѣчное жилище и, бродя по свѣту, причинять зло людямъ; повѣріе же, что покойники могутъ выходить изъ могилъ пользовалось и даже до сихъ поръ пользуется, какъ извѣстно, широкимъ распространеніемъ.

Въ засѣданіи **Восточнаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества**, 14-го января, В. Р. Розенъ сдѣлалъ докладъ объ одной повѣсти, приписываемой арабскому писателю Джахизу. Установивъ, что Джахизъ не можетъ считаться авторомъ разбираемой повѣсти, референтъ далъ дословный ея переводъ. Содержаніе повѣсти слѣдующее: очень красивой вдовѣ одинъ сподвижникъ былъ долженъ вручить 1,000 динаровъ, взятые имъ у ея мужа; явившись для уплаты долга, онъ такъ увлекся красотой женщины, что предложилъ ей 2,000 дин., если она согласится сойтись съ нимъ. Получивъ отказъ, сподвижникъ удалился, не заплативъ долга; вдова тогда пошла искать правосудія, но нигдѣ не могла найти его: всѣ три высшихъ должностныхъ лица, которымъ она приносила жалобу, обращались къ ней съ тѣмъ же предложеніемъ, какъ и сподвижникъ. Въ отчаяніи она пустилась на хитрости; она пригласила всѣхъ четверыхъ къ себѣ въ одинъ и тотъ же день. Когда же явился къ ней сподвижникъ, то первые трое были уже заключены въ сундукѣ о трехъ отдѣленіяхъ, о чемъ, конечно, онъ не зналъ. Она изъявила готовность принять предложеніе сподвижника, если онъ предварительно поклянется ей въ томъ, что онъ дѣйствительно долженъ ей 1,000 дин. Но лишь только онъ поклялся, она прогнала его, а сама пошла жаловаться къ царю. На вопросъ послѣдняго, имѣетъ ли она свидѣтелей, женщина сказала, что имѣетъ сундукъ, который скажетъ всю правду; царь засмѣялся, но тѣмъ не менѣе позволилъ принести сундукъ; тогда женщина, положивъ на сундукъ руку, приказалъ ему сказать всю правду, грозя въ противномъ случаѣ сжечь его. Конечно, угроза возымѣла дѣйствіе, и изъ сундука тотчасъ же раздались голоса, клятвенно подтвердившіе справедливость иска женщины. Повѣсть эта, принадлежащая къ циклу чрезвычайно распространенныхъ разсказовъ объ умныхъ и находчивыхъ женахъ, легко дурачащихъ другихъ, въ арабской версіи возникла, какъ указалъ бар. В. В. Розенъ, въ IX вѣкѣ. Въ дополненіе къ этому сообщенію С. Ѳ. Ольденбургъ указалъ 10 извѣстныхъ ему восточныхъ варіантовъ данной повѣсти, при чемъ древнѣйшій варіантъ относится къ II—III вѣку до Р. Хр. Такая распространенность повѣсти, по справедливому замѣчанію С. Ѳ. Ольденбурга, вполнѣ уничтожаетъ высказанное г. Bedier въ его „Fabliaux“ мнѣніе, что совершенно сходный древне-французскій разсказъ „Constin du Hamel“ возникъ безъ всякаго вліянія восточной литературы. По мнѣнію г. Ольденбурга родиной разсказа была Индія, откуда онъ при посредствѣ персовъ проникъ къ арабамъ, которыми былъ занесенъ въ Европу. Затѣмъ С. Ѳ. Ольденбургъ далъ небольшой критическій отзывъ о роскошно изданномъ путешествіи Свена Хедина на Востокъ. По мнѣнію референта, книга эта, появившаяся уже и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Свенъ Гединъ. Въ странѣ патріарховъ земледѣлія“, не имѣетъ научнаго значенія: авторъ ея изъ мно-

гаго видѣннаго имъ, къ сожалѣнію, останавливается на наименѣе достойномъ вниманія и вдобавокъ рисунки его не внушаютъ довѣрія.

Въ собраніи **Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности** 29-го января доложено о пожертвованіи вдовою покойнаго Г. Д. Филимонова обществу 5000 рисунковъ. Затѣмъ Б. А. Тураевъ сдѣлалъ сообщеніе объ имѣющихся въ музеѣ Общества предметахъ древне-восточныхъ письменности и археологіи. Докладчикъ разобралъ и перевелъ надписи на предметахъ и выяснилъ ихъ значеніе. Египетъ представленъ въ музеѣ общества пятью предметами, въ числѣ которыхъ находятся: а) деревянная погребальная статуэтка съ обычною надписью, XIII вѣка до Р. Хр.; б) маленькая каменная фигурка не древнѣе VII в. до Р. Хр., представляющая бога Гора, попирающимъ крокодиловъ и служившая талисманомъ противъ укушенія гадовъ; в) шесть кусочковъ папирусовъ съ отрывками изъ такъ называемой книги мертвыхъ (сборника заупокойныхъ, большею частью магическихъ текстовъ) и иллюстраціями къ нимъ; г) три коптскихъ листа пергамента съ отрывками изъ Библіи, и д) нѣсколько кусочковъ коптскихъ папирусовъ съ обрывками писемъ. Затѣмъ въ музеѣ имѣется глиняный кирпичъ съ надписью, сдѣланной архаическимъ клинообразнымъ шрифтомъ: „Навуходоносоръ, царь вавилонскій, украситель храмовъ Эсагиль и Эзидда, сынъ Набополассара, царя вавилонскаго, я есмь“. Остальные два предмета принадлежатъ древней Персіи и представляютъ кирпичи съ эмалью. На первомъ находятся части рельефныхъ фигуръ, облицовавшихъ стѣны дворца, на второмъ клинописный знакъ *а*—часть надписи. Три послѣднихъ предмета пожертвованы М. А. Гамазовымъ и происходятъ изъ русской экспедиціи 1849—1852 гг. по турецко-персидскому разграниченію. Персидскіе предметы, въ виду рѣдкости ихъ въ музеяхъ, представляются наиболѣе цѣнными въ собраніи. Затѣмъ секретаремъ прочитанъ присланный М. Н. Сперанскимъ докладъ о трепетникахъ. Подъ этимъ названіемъ извѣстна книга, запрещаемая индексомъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, какъ содержащая вѣрованія въ предзнаменовательное значеніе дрожи, зуда, непроизвольныхъ мускульныхъ и нервныхъ явленій человѣческаго тѣла и его отдѣльныхъ частей. Для славянской литературы существованіе этой книги восходитъ къ XV, если не къ XIV вѣку, но исторію трепетника необходимо начинать съ очень отдаленнаго времени. Примѣты по „трепету“ различныхъ частей человѣческаго тѣла принадлежатъ къ числу такихъ, которыя вмѣстѣ съ гаданіемъ являются достояніемъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ и восходятъ ко временамъ доисторическимъ. Давъ обозрѣніе и анализъ извѣстныхъ ему иностранныхъ текстовъ трепетника и отмѣтивъ, что до сихъ поръ неизвѣстно одного опредѣленнаго иноземнаго текста, который могъ бы быть сочтенъ оригиналомъ славянскаго трепетника, докладчикъ перешолъ къ анализу славянскихъ текстовъ. Они дѣлятся на три группы. Въ XIV вѣкѣ, едва ли позднѣе, трепетникъ былъ переведенъ съ греческаго языка на языкъ болгарскій, съ котораго, въ свою очередь, не позднѣе XV в. сдѣланъ сербскій переводъ, сохранившій свою популярность до XIX вѣка. Рядомъ съ старымъ переводомъ появляется другой, младшій, по греческому же тексту, но иной редакціи; послѣдній переводъ даетъ матеріалъ для переработки стараго трепетника на новый ладъ. Старый южно-славянскій переводъ, уже осложненный болѣе позднимъ, или вмѣстѣ съ нимъ, перешелъ на Русь и послужилъ источникомъ русскаго трепетника. Независимо отъ стараго перевода, въ новое время въ Сербіи и Болгаріи явился еще одинъ переводъ трепетника, на этотъ разъ имѣвшаго своимъ источникомъ текстъ румынскій, въ свою очередь, восходящій къ французскому. По вопросу объ отношеніи славянскаго трепетника къ живымъ вѣрованіямъ, докладчикъ приходитъ къ выводу, что разсмотрѣнные имъ тексты оказали очень незначительное вліяніе на народное повѣрье. Въ концѣ засѣданія В. Н. Перетцъ сообщилъ вирши изъ раскольничьяго сборника конца XVIII вѣка, описывающія жизнь въ скитахъ. (Прав. Вѣстн. № 26).

Въ засѣданіи **Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Дух. Академіи** 25 января былъ прочитанъ отчетъ о состояніи общества и музея за 1898 годъ и сдѣлано профессоромъ П. И. Петровымъ сообщеніе объ археологической находкѣ на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры.

Въ составъ общества, состоящаго подъ покровительствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича и попечительствомъ кіевскаго митрополита, входило, кромѣ предсѣдателя, 22 почетныхъ члена, 118 дѣйствительныхъ членовъ и 42 члена-корреспондента.—Въ церковно-археологическій музей въ отчетномъ году поступило 584 №№ предметовъ, книгъ и брошюръ, что съ прежними поступленіями составитъ сумму до 29,562 №№. Въ теченіе 1898 года было 9 засѣданій общества, на которыхъ заслушаны были отчетъ общества и 10 рефератовъ. Для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ составлялись изъ членовъ общества особыя коммиссіи. Такъ, въ засѣданіи 11 іюня 1898 года составлена была, на основаніи указа св. синода отъ 19 января 1869 г., за № 4, коммиссія изъ 5-ти членовъ для разбора и описанія старыхъ дѣлъ архива кіевской дух. консисторіи. Для занятій коммиссіи временно отведены, по распоряженію кіевскаго митрополита Іоанникія, три комнаты въ кіево-софійскомъ митрополитскомъ домѣ, куда перенесены тщательно выбранныя дѣла за все XVIII столѣтіе, которыя въ настоящее время уже расположены въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ. Въ засѣданіи 2 декабря 1898 г. составлена была обществомъ коммиссія изъ 4-хъ членовъ для опредѣленія нумизматической находки подъ поломъ на хорахъ въ великой лаврской церкви.

Этой же находки касается и рефератъ проф. Петрова, который разобралъ всѣ записи на польскомъ и русскомъ языкахъ, найдены при монетахъ, и сдѣлалъ подробное описаніе золотой медали князя К. К. Острожскаго. Старѣйшія записи суть реестры податей съ лаврскихъ имѣній въ нынѣшнихъ Волынской, Минской и Черниговской губерніяхъ за 1636 и 1638 годы, а собственно записи о состояніи секретной кассы, ревизіи и выемкѣ изъ нея относятся къ 1697, 1712, 1717, 1731 и 1753 годамъ. Относительно самаго клада проф. Петровъ высказываетъ предположеніе, что собираніе заключавшейся въ немъ казны, судя по наиболѣе позднимъ монетамъ 1702 года, закончилось вскорѣ послѣ этого года, передъ измѣной Мазепы, можетъ быть въ виду приготовленій Петра къ битвѣ съ Карломъ XII, когда Петръ потребовалъ отъ Лавры 200,000 червонцевъ для войска. Референтъ устраняетъ предположеніе о томъ, что эта секретная казна могла лишиться своихъ распорядителей въ 1769—71 гг., во время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ чумы, такъ какъ преемникомъ кіево-печерскаго архимандрита Луки Бѣлоусовича, подписавшагося на актѣ ревизіи казны въ 1753 году, былъ Зосима Валкевичъ, бывшій на печерской архимандріи съ 1762 до 1786 года, и слѣдовательно онъ пережилъ кіевскую чуму 1769—71 гг. и не могъ потерять изъ виду секретной лаврской казны. Въ 1786 году Зосима Валкевичъ смѣщенъ былъ съ кіево-печерской архимандріи, которая съ этого времени присвоена была кіевскимъ митрополитамъ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ и можно поставить сокрытіе и затѣмъ забвеніе секретной лаврской казны. Важнѣйшимъ, для русской археологіи, предметомъ въ этой находкѣ представляется золотая медаль князя Константина Константиновича Острожскаго, вѣсомъ около 5-ти червонцевъ, на лицевой ея сторонѣ—погрудный портретъ князя Острожскаго, съ длинною бородою, въ горностаевой шубѣ, съ круговою латинскою подписью, которая въ переводѣ читается такъ: „Константинъ Кон. Божіею Милостію Князь Острожскій, воевода Кіевскій, Маршалокъ Земли Волынской, Староста Володимірскій". На оборотной сторонѣ медали — гербъ князя Острожскаго, точно такой же, какъ награвированъ на оборотѣ 1-го листа изданной имъ Острожской Библіи 1581 г. Четыре части этого герба толкуютъ въ предисловіи къ этой Библіи аллегорически, въ смыслѣ тѣхъ средствъ, какими владѣлъ князь К. К. Острожскій для приведенія своихъ единовѣрцевъ, т.-е. православныхъ, къ вѣчному спасенію или на небо. Въ связи съ этимъ толкованіемъ референтъ читаетъ и латинскую надпись на оборотной сторонѣ. По выслушаніи реферата,

собраніе общества выразило желаніе издать отъ 15 до 20-ти болѣе типичныхъ и рѣдкихъ медалей и монетъ находки и постановила отнестись о семъ въ духовный соборъ Лавры. Къ изданію намѣчены: по монетѣ Михаила Өеодоровича, Алексѣя Михайловича и Петра I; медали: кн. Острожскаго, Баторія, Сигизмунда III (2 экз.), трансильванскія, фамилій Бочки и Апафи (2 экз.), шведскія, отъ коихъ одна 1543 г., съ московскимъ штемпелемъ, Густава Вазы, датскія и другія. (К. Сл. 3982 и Ж. и И. 41).

VII.

Библіографія.

Археологическая лѣтопись Южной Россіи (Кіевская Старина).

Съ нынѣшняго года „Кіевская Старина“ открываетъ, подъ приведеннымъ заглавіемъ новый отдѣлъ, для помѣщенія, въ сжатомъ видѣ, свѣдѣній, касающихся южно-русскихъ древностей и старины; сюда должны входить извѣстія о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, случайныхъ находкахъ древностей, музеяхъ и собраніяхъ, краткія библіографическія указанія и т. п. Для достиженія возможной полноты „Лѣтописи“, редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу изученія мѣстныхъ древностей не отказать въ присылкѣ такого рода свѣдѣній (сообщенія просятъ адресовать въ редакцію „Кіевской Старины“ для Н. Ф. Бѣляшевскаго, которому порученъ этотъ отдѣлъ).

Сердечно радуемся появленію собрата по оружію и притомъ въ обстановкѣ, столь благопріятной для успѣха. Кіевъ не только обиленъ древностями, но и богатъ научными силами по археологіи. Потребность въ археологическомъ органѣ сказывалась въ немъ настоятельнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ большомъ городѣ Россіи. Изъ Кіева и въ 1890 г. шло предложеніе Московскому Археологическому Обществу—издавать журналъ по русской археологіи [1]). Съ тѣхъ поръ какъ музейное богатство, такъ и научный интересъ къ древностямъ продолжали расти въ Кіевѣ, а въ этомъ году предстоитъ и праздникъ археологіи въ Кіевѣ—Археологическій Съѣздъ. Все это дѣлаетъ вполнѣ своевременнымъ появленіе въ Кіевѣ органа по мѣстной археологіи

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ Археологической Лѣтописи отдано 22 страницы, богатыхъ интереснымъ матеріаломъ. Сообщены свѣдѣнія по подготовленію *Археологическаго Съѣзда*; свѣдѣнія о *раскопкахъ* В. В. Хвойки на Кирилловской улицѣ [2]), у Триполья и у с. Пастерскаго; о *случайныхъ находкахъ*: въ усадьбѣ Софійскаго собора, на Княжей горѣ, о большомъ монетномъ складѣ въ Лаврѣ [3]); *о музеяхъ и частныхъ собраніяхъ*: постройка Кіевскаго музея, воззваніе правленія Кіевскаго Общества Древ-

---

[1]) Труды VIII Московскаго Археологическаго Съѣзда, т. IV, стр. 204; Древности, т. XV, стр. 191—192.

[2]) А. И. и З. 1898, стр. 378.

[3]) Тамъ же, 381.

ностей и Искусствъ, университетскій музей древностей, собраніе Н. Я. Тарновскаго, подвижной музей учебныхъ пособій Кіевск. Общ. Грам. Подъ рубрикой *разныхъ извѣстій* сообщено о поддѣльныхъ древностяхъ на антикварномъ рынкѣ Кіева и объ обсужденіи въ Имп. Русск. Археол. Общ. вопроса о живописи Кіевскаго Кирилловскаго монастыря. Мы воспользовались большею частью этихъ свѣдѣній выше въ отдѣлѣ Хроники.

Въ *библіографическихъ замѣткахъ* разсмотрѣны три книги: Лашкаревъ— Церковно-археологическіе очерки. Кіевъ, 1898 г., 8°, 240 стр., съ планами и рисунками. (Очерки и доклады, большею частью уже напечатанные раньше, нынѣ собранные къ XI Археол. Съѣзду); Собраніе В. Н. и Б. И. Ханенко. Древности русскія. Кресты и образки. Кіевъ, 1899, 4° (на 16-ти фототипныхъ таблицахъ изображеніе 169 крестиковъ и образковъ; объяснительный текстъ и вступительная статья; большая часть крестовъ и образковъ относится къ до-татарской эпохѣ) [1]); Каталогъ собранія В. В. Тарновскаго, оканчиваемый печатаніемъ. *С. С.*

Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи. Очерки по этнографіи края. Подъ редакціей В. В. Иванова. Т. I. Харьковъ 1898 г. 8° XXXII + 1008 стр.

Лежащій передъ нами громадный томъ изданъ Харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и заключаетъ въ себѣ матеріалы по этнографіи, обычному праву и т. п. одного только уѣзда Харьковской губерніи, именно Старобѣльскаго. Громадный матеріалъ собранъ учительскимъ персоналомъ уѣзда, чрезвычайно серьезно отнесшимся къ этому дѣлу по приглашенію бывшаго инспектора народныхъ училищъ Старобѣльскаго уѣзда г. Ознобишина. Въ краткой замѣткѣ невозможно дать, хотя бы слабое, понятіе о достоинствѣ этого труда, появленіе котораго будетъ встрѣчено радостно и этнографомъ, и историкомъ, и юристомъ, и филологомъ, и археологомъ. Нельзя не выразить глубокой признательности почтеннымъ труженикамъ и отъ души пожелать, чтобы и другіе гг. сельскіе учителя и учительницы послѣдовали ихъ примѣру. Мы выпишемъ здѣсь часть программы, которой слѣдовали собиратели этнографическаго и прочаго матеріала по Старобѣльскому уѣзду. Краснорѣчивѣе всякихъ похвалъ эта выписка покажетъ все достоинство сборника и обиліе матеріала. Вотъ она: Мѣстоположеніе описываемаго села. Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села? Преданія о прошломъ. Численность и наружность жителей. Не обнаруживается ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей? Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и произношеніи словъ. Мѣстныя слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка. Что читаетъ народъ? Какія книжки распространяются и какимъ способомъ? Жи-

---

[1]) О рѣдкостяхъ въ собраніи гг. Ханенковъ даетъ понятіе статья гр. Уваровой въ А. И. и З. 1898 г., стр. 281.

лище. Устройство хатъ и ихъ убранство. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порогъ и т. д.? Устройство двора и расположеніе надворныхъ построекъ. Украшенія хатъ: рѣзьба, раскраска. Надписи на хатахъ (на сволокахъ). Способъ освѣщенія. Одежда, мужская и женская; зимная и лѣтняя; праздничная и будничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Стоимость ея. Пища. Болѣзни и ихъ лѣченіе. Болѣзни скота и и лѣченіе его. Знахари, народныя средства. Главное занятіе: земледѣліе, пчеловодство и т. п.; кустарные промыслы. Религіозное настроеніе народа. Секты. Сказанія о мѣстныхъ святыхъ, иконахъ и т. п. Положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Нравственность. Кабаки, проституція и т. п. Пѣсни и обычаи при рожденіи, крещеніи. Вечерницы. Свадебные обряды и пѣсни. Причитанья, поминки и похоронные обряды. Народный календарь. Народныя игры и забавы. Танцы. Музыка и мѣстные инструменты. Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, оборотни, лѣшіе, русалки и т. п. Народная зоологія и ботаника: повѣрья о животныхъ и растеніяхъ. Юридическіе обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, преступленій и т. п. Народная поэзія: сказки, пѣсни. Кобзари и Лирники. Къ программѣ приложено еще особое добавленіе, указывающее, что̀ именно желательно знать о мѣстныхъ народныхъ говорахъ, напримѣръ: примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*; какъ произносятся звуки: *е*, *ы*, *и*; какъ измѣняются губные и зубные звуки и т. д. Весь матеріалъ распредѣленъ по селамъ, всего до 50 селъ. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія этого почтеннаго и замѣчательнаго труда. *А. С.*

Philipp Paulitschke. Prähistorische Funde aus dem Somâllande. Mittheil. d. Anthrop. Ges. in Wien. XXVIII, 1898, III).

Изученіе доисторической археологіи Африки, начавшееся лѣтъ 30 тому назадъ, дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Правда, что большинство изслѣдователей обращали преимущественно вниманіе на сѣверное побережье материка, долину Нила и южную оконечность Африки. Восточныя части чернаго материка почти остались неизслѣдованными въ отношеніи вопросовъ доисторической археологіи. Работами Révoil'а, Santelli, Fourot, Bricchetti-Robecchi, Seton-Karr и Paulitschke почти исчерпывались немногочисленные, хотя и крайне интересные матеріалы о „каменномъ вѣкѣ“ восточныхъ частей Африки. Къ этимъ матеріаламъ прибавилась довольно обширная коллекція каменныхъ орудій, собранныхъ гр. Эдуардомъ Виккенбургомъ (Wickenburg) во время его путешествія въ восточную Африку, въ область, населенную народностью Сомали. Коллекція состоитъ изъ 408 предметовъ. Австрійскій путешественникъ прислалъ ее въ Вѣну. Эта-то коллекція и послужила матеріаломъ для интересной работы г. Пауличке—одного изъ выдающихся знатоковъ быта африканскихъ народностей, уже раньше лично производившаго изслѣдованія по доисторической археологіи въ восточной Африкѣ. Коллекція графа Виккенбурга собрана преимущественно въ сѣверной и сѣверо-

восточной части области, населенной сомали, но такіе же предметы встрѣчаются болѣе или менѣе повсемѣстно на восточномъ выступѣ Африки. Большинство предметовъ взготовлено изъ сланца, кварцита, діорита и долерита, известковыхъ породъ и роговика. Около половины (40%) собранныхъ каменныхъ орудій изготовленно именно изъ послѣдняго и изъ кварцита. Кремневыхъ орудій найдено лишь незначительное количество. Обработка предметовъ довольно грубая. Ланцетовидныя формы преобладаютъ, но большинство орудій отличается массивностью, приближаются скорѣе къ грушевиднымъ типамъ, чѣмъ къ листообразнымъ, плоскимъ. Наконечники стрѣлъ и дротиковъ, топоры, долота, скребки и пр.—оказываются преобладающими. Ножей, пилокъ и ядрищъ (nuclei) въ коллекціи гр. Виккенбурга не встрѣчается, равно какъ и мелкихъ осколковъ. Отсутствіе ядрищъ представляется тѣмъ болѣе интереснымъ, что, судя по горнымъ породамъ, служившимъ для обработки, не можетъ быть сомнѣнія въ существованіи мѣстнаго производства: всѣ поименованныя выше горныя породы встрѣчаются въ мѣстахъ обитанія сомали, чѣмъ исключается мысль о занесеніи орудій со стороны. Остается принять предположеніе, что обработкѣ подвергались куски естественно отпавшіе отъ горныхъ породъ при ихъ разрушеніи, т.-е., что каменныя орудія изготовлялись тѣмъ же пріемомъ, какъ и въ древнѣйшій европейскій палеолитическій періодъ (т. н. Chelles-Moustier). Дѣйствительно, по своему внѣшнему виду и способу обработки африканскія каменныя орудія, какъ собранныя гр. Виккенбургомъ, такъ и его предшественниками по изслѣдованію „Каменнаго вѣка" на востокѣ Африки—ближе всего подходятъ къ типамъ, извѣстнымъ изъ St. Acheul, Chelles, Moustier, St. Isidro и изъ другихъ мѣстъ Европы, гдѣ подобныя орудія были находимы въ дилювіальномъ слоѣ, относящемся къ началу постпліоценоваго періода. Очевидно, это внѣшнее сходство побудило извѣстнаго John Evans'а признать аналогичныя орудія, собранныя Seton-Karr'омъ въ восточной Африкѣ, за палеолитическія. Это же внѣшнее сходство побуждаетъ и г. Paulitschke признать палеолитическими и другія коллекціи гр. Виккенбурга. Для этого заключенія однако пока еще нѣтъ достаточно прочныхъ научныхъ основаній. Геологическій слой, въ которомъ находятся орудія, напоминающія европейскія палеолитическія, въ восточной Африкѣ не можетъ быть пока точно опредѣленъ: большинство орудій, древность которыхъ, конечно, неоспорима, находится на поверхности, благодаря сильному вывѣтриванію почвы и размыванію ея вслѣдствіе дождей и рѣчныхъ разливовъ. Такимъ образомъ, единственный прочный критерій для отнесенія извѣстнаго орудія къ палеолитическому (дилювіальному), а не къ неолитическому (аллювіальному) періоду отсутствуетъ до настоящаго времени въ восточной Африкѣ; типъ и внѣшній видъ предмета недостаточны для причисленія его къ палеолитическимъ. Г. Пауличке старается подтвердить свое положеніе свѣдѣніями о весьма раннемъ знакомствѣ жителей восточнаго выступа Африки съ металлами, онъ доказываетъ, что приблизительно за 1700 лѣтъ до Р. Хр. металлы уже были извѣстны населенію изслѣдованной об-

ласти Африки, въ то время, какъ жители нѣкоторыхъ мѣсть зап. Европы лищь позже познакомились съ металлическими издѣліями. Но эти данныя не могутъ служить доказательствомъ въ пользу принадлежности орудій Африки палеолитическому періоду. Очевидно, г. Пауличке смѣшиваетъ опредѣленія палеолитическаго и неолитическаго періода на основаніи геологическихъ признаковъ съ опредѣленіемъ ихъ на основаніи техники производства (оббитаго и полированнаго камня). Только этимъ и возможно объяснить странное утвержденіе г. Пауличке, что страна сомали, повидимому, не переживала неолитическаго періода, хотя уже употребленіе (отчасти ритуальное, напр., при обрѣзаніи) и въ настоящее время каменныхъ орудій у сомали должно было бы привести къ противоположному заключенію. *Н. Х.*

— Интересные матеріалы для исторіи жилищъ древняго населенія Европы сообщены въ статьѣ г. Fischer'а: Eine neolitische Ansiedelung in Wien помѣщенной въ Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien (1898, III). Г. Фишеръ произвелъ раскопки холма, извѣстнаго подъ названіемъ Gemeindeberg; результатомъ раскопокъ было открытіе стоянки каменнаго вѣка, точнѣе конца его, такъ какъ нахожденіе окрашеннаго мѣдной окисью предмета свидѣтельствовало, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими косвенными указаніями, что въ эпоху существованія стоянки металлы хотя и были уже извѣстны древнему населенію, но, очевидно, еще крайне мало распространены. Далѣе раскопки обнаружили, что вся сѣверная часть холма, и быть можетъ его вершина, была покрыта хижинами. Остовомъ послѣднихъ служили вбитые стоймя, на подобіе забора, колья, толщина которыхъ варіировала отъ 1—10 сантим.; слѣдовъ плетня не удалось открыть несмотря на то, что г. Фишеръ, повидимому, обратилъ особенное вниманіе на тщательное опредѣленіе способа постройки. Колья закидывались глиной. Размѣры помѣщенія были не велики; длина каждой изъ стѣнъ хижины, представлявшей прямоугольникъ, не превышала 4—5 метровъ. Хижины стояли изолированно, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Полъ жилыхъ помѣщеній, повидимому, лишь очень мало углублялся отъ общаго уровня почвы. Слѣды огня наводятъ изслѣдователя на предположеніе, что большинство домовъ открытаго имъ неолитическаго поселка погибло отъ пожара. Къ сожалѣнію, въ описаніи г. Фишера мы не находимъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на устройство очаговъ. Изслѣдованіе внутреннихъ помѣщеній хижинъ дало наиболѣе обильныя находки г. Фишеру: именно, тамъ найдено имъ наибольшее количество и лучше сохранившихся черепковъ глиняной посуды, грубо орнаментированной, равно и наибольшее число предметовъ изъ камня, кости и проч. *Н. Х.*

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за декабрь 1898 г. и январь 1899 г.

В. С. Иконниковъ. Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ († 2 января 1897 г.). Кіевъ. 1898.

Его же. Значеніе царствованія Екатерины II-й. Кіевъ. 1898.

Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. Изд. Виленского Св.-Духовскаго Братства. Вильно. 1898.

И. Спрогисъ. Древній русскій документъ-декретъ граничнаго коннаго суда 1831 г. 15 ноября, оттискъ изъ Витебскихъ губ. Вѣд. 1897.

Archeografo Triestino, edito per cura della Società del Gabinetto di Minerva, vol. XXII, Fascicolo primo. Trieste. 1898.

Отчетъ по Кавказскому Музею и Тифлисской Публичной Библіотекѣ за 1897—1898 гг. Тифлисъ. 1898.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Изд. подъ редакціей д-ра Г. И. Родде, т. I, вып. 1 и 2-й. Тифлисъ. 1897.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ, т. XIV, вып. 5. Казань. 1898.

П. И. Щукинъ. Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г., ч. III. Москва. 1898.

Beiträge zur Kunde Ehst Liv und Kurlands, herausgegeben von der Ehstländischen Literärischen Gesellschaft. Band V. Heft III. Reval. 1898.

А. Н. Минхъ. Историко-Географическій словарь Саратовской губ., т. I, вып. 1. Лит. А—Г. Саратовъ. 1898.

Записки Крымскаго Горнаго Клуба въ г. Одессѣ, № 9, 10. Одесса. 1898.

Aarboger for nordisk oldnyndighed og historie udgivne of det Kongelige Nordisne Oldskrift. Selskab. 11. Raekne. B. Bind, 3 Hefte.

Отчетъ Общества изученія Амурскаго края за 1896 г. Владивостокъ. 1898.

Записки Общества изученія Амурскаго края, т. VI, вып. 1. Владивостокъ. 1897.

І. Сибирцевъ. Историческія свѣдѣнія изъ церковно-религіознаго быта г. Архангельска въ XVII и первой половинѣ XVIII в. Архангельскъ. 1899.

Его же. Къ исторіи Михаило-Архангельскаго монастыря въ гор. Архангельскѣ. Опись монастыря 1683 г. Арх. 1895.

Его же. Къ исторіи Трифоно-Печенгскаго монастыря. Арх. 1896.

Его же. Историческія свѣдѣнія о Рождественской церкви въ г. Архангельскѣ. Арх. 1893.

С. Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI стол. Москва. 1899.

С. Бѣлокуровъ. Русскія лѣтописи. I—III т. по рукописи, принадлежавшей Н. П. Никифорову. Москва. 1898.

Извѣстія Импер. Томскаго Университета. Книга XIV. Томскъ. 1898.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Книга IV. Москва. 1898.

Бугославскій. Установленіе праздника въ честь св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба. Смоленскъ. 1898.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Т. XIII, вып. 2. Ряз. 1898.

Сборникъ Археологическаго Института. Книга VI. Спб. 1898.

Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ. Вып. 10. Спб. 1898.

Систематическій каталогъ дѣлъ архива Московскаго Дворянства, съ предисловіемъ проф. Н. Я. Грота. Вып. 1. М. 1898.

Журналъ Мин. Нар. Просв. Декабрь 1898. Январь 1899.

Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. Кн. XXIV, XXV. Омскъ. 1898.

Српска Краљевска Академија. Годишнак X. 1896. Београд. 1898.

Споменица о преносу праха Вука Стеф. Караџитча из Беча у Београд. 1897. Београд. 1898.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 7—10. 1898. Калуга. 1898.

К. Д. Головщиковъ. Дѣятели Ярославскаго края. Вып. 1. Изданіе Ярославской Уч. Арх. Ком.

И. А. Тихомировъ. Отчетъ о раскопкахъ въ Ярославской губ. и уѣздѣ, подъ с. Михайловское. Ярославль. 1898.

Бруно Доссъ. О находкѣ мамонта въ дилювіи г. Ярославля на берегу р. Волги. Переводъ Э. Н. Берендтса. Ярославль. 1897.

Прот. *А. Израилевъ*. Упраздненные храмы въ бывшемъ Борисоглѣбскомъ приходѣ г. Ярославля. Ярославль. 1898.

П. Мизинова. Мелочи Ярославской исторіи XVIII и XIX вв. Ярославль. 1895.

Университетскія Извѣстія, № 11, 12, 1898. Кіевъ. 1898. № 1, 1899.

Publikationen des Verreins zur Kunde Osels. Heft II. 1897. Riga. 1898.

Богословскій Вѣстникъ, изд. Москов. Дух. Академіей. Декабрь, 1898. Сергіевъ-Посадъ. 1898.

Ученыя записки Импер. Казанскаго Университета. Декабрь, 1898. Казань. 1898. Январь, 1899.

Notizie degli Scavi di antichita, comunicate alla R. Accademia dei Lincei, №№ 8, 9, 10. Roma. 1898, № 11.

Вѣстникъ „Народнаго дома“, № 12. Львовъ. 1898; № 1. Львовъ. 1899.

Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. 6. Спб. 1898.

Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. Т. I. Москва. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

1899 г. №№ 3—4.

Археологическія
Извѣстія и замѣтки
издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Извѣстія Пальмквиста о Россіи.

Въ 1673 году шведское правительство, находившееся со времени Кардисскаго мира въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ съ Москвой, снарядило торжественное посольство къ царю Алексѣю Михайловичу. Во главѣ посольства былъ поставленъ графъ Густавъ Оксеншерна; предметомъ переговоровъ должно было служить окончательное приведеніе въ исполненіе нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, обсужденіе вопроса о торговомъ трактатѣ и, наконецъ, заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза, который долженъ былъ, съ одной стороны, навсегда обезопасить Швецію отъ Россіи, съ другой — дать возможность Россіи обратить свои силы на борьбу съ Турціей. Посольство пробыло въ путешествіи цѣлый годъ; оно присылало изъ Москвы за особымъ разрѣшеніемъ предстать предъ царя безъ шляпъ и вслѣдствіе этого потеряло даромъ 3 мѣсяца, но результата, въ сущности, оно не добилось никакого, такъ какъ договоръ о союзѣ былъ заключенъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Однако, Шведское правительство, желая заключить дружественный союзъ съ сосѣдомъ, въ то же время не прочь было, при случаѣ, поживиться на его счетъ и усердно собирало различныя свѣдѣнія о русскихъ военныхъ силахъ. Для этой цѣли, къ посольству

былъ прикомандированъ спеціальный агентъ, на котораго была возложена обязанность вывѣдать все, что можно, о силахъ и средствахъ защиты, какими могло располагать Московское государство. На отвѣтственную должность военнаго агента былъ назначенъ молодой талантливый инженеръ, капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, который прекрасно справился со своей задачей и, по возвращеніи, представилъ правительству рукописный отчетъ о своей командировкѣ [1]). Этотъ отчетъ является, по нашему мнѣнію, самымъ интереснымъ и важнымъ результатомъ посольства 1673—4 годовъ.

Рукопись Пальмквиста болѣе двухъ столѣтій сохранялась въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ и только въ прошломъ, 1898 году она, наконецъ, увидѣла свѣтъ. Шведскимъ правительствомъ было предпринято ея изданіе въ видѣ факсимиле; благодаря этому обстоятельству, въ настоящее время является возможность нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ этимъ интереснымъ сказаніемъ о Россіи XVII вѣка, тогда какъ донынѣ наши свѣдѣнія о немъ были весьма скудны.

Первое извѣстіе объ этомъ памятникѣ, принесенное въ Россію, относится, повидимому, къ 1840 году, когда императору Николаю I были доставлены 5 рисунковъ изъ занимающей насъ рукописи, нашедшихъ тогда же мѣсто въ извѣстномъ „Историческомъ описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“ Висковатова [2]).

Частью небольшихъ извлеченій изъ Пальмквиста, находимыхъ у Висковатова, воспользовался Бриксъ въ своемъ сочиненіи о старинномъ русскомъ войскѣ: именно у него мы находимъ взятое у Висковатова описаніе знаменъ стрѣлецкихъ полковъ [3]).

Въ началѣ 1881 года шведскій ученый д-ръ Т. Вестринъ, нынѣ архиваріусъ Стокгольмскаго Государственнаго Архива, воспользовавшись благодарнымъ матеріаломъ, какой представляла рукопись Пальмквиста, напечаталъ въ Ny illustrerad Tidning статью, въ которой помѣстилъ, во-первыхъ, подробныя свѣдѣнія о посольствѣ Оксеншерны, почерпнутыя изъ архивныхъ документовъ и біографическій очеркъ о самомъ Пальмквистѣ, во-вторыхъ, нѣкоторыя извлеченія изъ текста рукописи, содержащія сужденія автора о Россіи и русскихъ и, наконецъ, 4 рисунка.

Со статьей г. Вестрина ознакомилъ русскую публику покойный ака-

[1]) Весьма интересно отмѣтить, что имя Пальмквиста не упоминается ни въ одномъ изъ офиціальныхъ русскихъ списковъ именъ членовъ посольства Оксеншерны; вѣроятно, онъ разумѣется въ общемъ числѣ „королевскихъ дворянъ 12 человѣкъ“. Моск. Гл. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Шведскія 1673 г. № 3, и 1674 г. № 3.

[2]) Висковатовъ. Объяснит. текстъ т. I, стр. 88 и приложеніе 165. Висковатовъ ошибочно называетъ Пальмквиста посланникомъ.

[3]) Brix. Geschichte der alten russischen Heereseinrichtungen. Beilage № 8.

демикъ Я. К. Гротъ[4]), сообщивъ ея содержаніе въ сокращенномъ извлеченіи. Наконецъ, та же статья г. Вестрина, въ оригиналѣ или въ извлеченіи акад. Грота, послужила матеріаломъ для статьи С. Н. Шубинскаго „Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году“[5]); здѣсь также помѣщены 4 рисунка, напечатанные Вестриномъ въ Иллюстрированной Газетѣ. С. Н. Шубинскій дополняетъ статью Вестрина изложеніемъ переговоровъ въ Москвѣ по Соловьеву.

Вотъ и все, что было напечатано объ интересующемъ насъ памятникѣ: это — или частичныя извлеченіи заключающагося въ немъ матеріала, или изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ рукопись Пальмквиста появилась на свѣтъ. Самый памятникъ стоитъ въ тѣни: его подробное содержаніе, его общій характеръ, не говоря уже о историко-критической оцѣнкѣ заключающагося въ немъ матеріала, остаются намъ совершенно неизвѣстными.

Трудъ Пальмквиста представляетъ рукопись въ листъ, переплетеную кожей и содержащую 53 рисунка перомъ различнаго фармата, 16 географическихъ картъ и плановъ городовъ и пояснительный текстъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ, иногда довольно длинныхъ, приложенныхъ къ рисункамъ и географическимъ чертежамъ[6]). Въ этой послѣдовательности мы и разсмотримъ изучаемый памятникъ.

I.

Рисунки.

Ставя обзоръ рисунковъ рукописи Пальмквиста особо, слѣдуетъ оговориться, что здѣсь возможно лишь дать понятіе о нихъ съ художественной стороны, а также сгруппировать данныя о томъ, какіе изъ нихъ и гдѣ были изданы и напечатаны. Что же касается содержанія рисунковъ, то ознакомленіе съ нимъ представляется намъ неотдѣлимымъ отъ обзора содержанія самого текста рукописи. 53 рисунка рукописи дѣлятся на 2 категоріи; въ первой 42 рисунка, изображающихъ виды го-

---

[4]) Гротъ. „Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ“. Сначала въ Моск. Вѣд. 1881 г. № 236; затѣмъ эта же статья была перепечатана въ Журналѣ Министерства Нар. Просв. (1881 г. октябрь.) Къ этой статьѣ мы отсылаемъ лицъ, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ исторіей самого посольства. О переговорахъ въ Москвѣ см. также Соловьева т. XII гл. IV (компакт. изд. кн. 3, ст. 521—523.) Подлинные русскіе документы, касающіеся пріѣзда и пребыванія въ Москвѣ посольства Оксеншерны, находятся въ Моск. Гл. Архивѣ. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла шведскія 1673 № 3 и 1674 № 3.

[5]) Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени СПБ. 1888 ст. 98 — 108; первоначально эта статья была помѣщена въ Историческомъ Вѣстникѣ.

[6]) А не „28 картъ и рисунковъ, приложенныхъ къ рукописи“, какъ говоритъ акад. Гротъ; ibid. стр. 69.

родовъ, мѣстности, сцены изъ путешествія посольства и сцены изъ русской жизни; во второй 8 чертежей, изображающихъ разрѣзъ зданій, артиллерійскія орудія разнаго рода и т. п.

Обѣ категоріи поражаютъ художественнымъ исполненіемъ; Пальмквистъ не только инженеръ, солдатъ и военный агентъ, но онъ художникъ въ полномъ смыслѣ слова. Въ особенности хорошо исполнены рисунки, изображающіе переѣздъ пословъ черезъ русскую границу въ Муравейнѣ, церковь въ Торжкѣ, церковь села Никольскаго, изображенія пѣшихъ служилыхъ людей, казнь кнутомъ и подъемъ колокола.

Художественность исполненія рисунковъ еще болѣе заставляетъ жалѣть о томъ, что рукопись издана и сдѣлалась доступною лишь въ столь недавнее время, такъ какъ то, что было извлечено изъ рукописи до сихъ поръ, представляетъ ничтожную часть художественнаго матеріала, который заключается въ ней.

Мы уже указывали отчасти, какіе изъ рисунковъ рукописи Пальмквиста были въ свое время изданы. Первымъ изъ воспользовавшихся рисунками нашего автора былъ Висковатовъ: въ 1-омъ томѣ своего труда онъ помѣстилъ изображенія стрѣлецкихъ начальныхъ людей, жильца, (по Пальмквисту драбанта), рядового стрѣльца, стрѣлецкаго знаменщика и рисунки знаменъ 14 стрѣлецкихъ полковъ[7]). Снимки съ рисунковъ, помѣщенныхъ на листахъ 18 и 19 рукописи, были, какъ мы уже знаемъ, доставлены въ подарокъ Императору Николаю I. Вестринъ, а за нимъ Шубинскій[8]) напечатали рисунки, изображающіе выѣздъ знатной русской дѣвицы (л. 25), пытку водой (л. 26), церковь села Никольскаго, которая Шубинскимъ ошибочно названа Николо-Угрѣшскимъ монастыремъ (л. 16) и пріемъ шведскаго посольства царемъ (л. 20). Первые 4 рисунка Висковатова и первые 2 рисунка Вестрина были вторично изданы Брикнеромъ въ первомъ томѣ его иллюстрированной исторіи Петра Великаго. Другихъ случаевъ пользованія художественнымъ матеріаломъ, имѣющимся въ рукописи Пальмквиста, мы не знаемъ. Слѣдуетъ надѣяться, что теперь, когда рукопись стала болѣе доступною ея художественныя богатства будутъ, наконецъ, тщательно и систематически использованы.

II.

Географическія карты и планы.

Рукопись Пальмквиста на ряду съ рисунками содержитъ 16 географическихъ картъ и плановъ; это столько же географическій атласъ,

---

7) Висковатовъ. Т. I, табл. 104, 108, 112, 113, 126.

8) Послѣдній въ значительно уменьшенномъ видѣ.

сколько художественный альбомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ картъ и плановъ, помѣщенныхъ авторомъ въ его трудѣ, содержатъ цѣнныя данныя и возбуждаютъ любопытные вопросы. Вслѣдствіе этого мы отдѣлили вопросъ о картахъ отъ общаго обзора содержанія текста рукописи, чтобы остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Карты и планы, приводимые Пальмквистомъ, дѣлятся на двѣ категоріи: 3 карты и 6 плановъ составлены имъ самимъ; 2 плана и 5 картъ заимствованы имъ изъ другихъ источниковъ. И та и другая категоріи интересны по-своему.

Изъ трехъ картъ, составленныхъ самимъ Пальмквистомъ, двѣ относятся къ дорогѣ между Новгородомъ и Москвой; первая изображаетъ путь отъ Новгорода до Торжка; вторая — путь отъ Торжка до Москвы; обѣ карты составлены въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ и исполнены прекрасно. Собственно говоря, это лишь детальныя карты дороги, составленныя, вѣроятно, на основаніи глазомѣрной съемки, промѣровъ разстояній и разспросовъ. Но даже въ этомъ видѣ онѣ поражаютъ своею вѣрностью; въ особенности вѣрна по чертежу 2-ая карта. Названія мѣстностей и рѣкъ большею частью правильны или же легко могутъ быть возстановлены. Важнѣйшая ошибка та, что Пальмквистъ близъ г. Клина помѣщаетъ р. Дубну, которая, какъ извѣстно, течетъ по нынѣшнему Дмитровскому уѣзду Московской губ. Обѣ эти карты, видимо, составлены авторомъ съ цѣлью исправить карты, существовавшія въ его время.

Что касается 3-ей карты этой категоріи, то она представляетъ чертежъ пограничной мѣстности между Россіей и Ливоніей, въ окрестностяхъ Печорскаго монастыря и Нейгаузена и составлена авторомъ вслѣдствіе того, что здѣсь между обоими сосѣдними государствами существовалъ пограничный споръ за владѣніе нѣсколькими десятинами земли.

Первымъ по порядку планомъ, составленнымъ Пальмквистомъ, является планъ Великаго Новгорода. Этотъ планъ на 25—30 лѣтъ старше того, который изображенъ на иконѣ Знаменія въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ и помѣщенъ въ атласѣ Замысловскаго, и, такимъ образомъ, является древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ.

Онъ составленъ по масштабу 100 шаговъ въ дюймѣ. То обстоятельство, что масштабы указаны въ шагахъ и что изъ улицъ означены на планѣ лишь нѣкоторыя, очевидно, тѣ, по которымъ авторъ проѣзжалъ, доказываетъ, что планъ снятъ съ помощью глазомѣрной съемки.

На Софійской сторонѣ показанъ Дѣтинецъ; изъ зданій, находящихся въ немъ отмѣчены только каменные дворы воеводскій и митрополичій

(wojewodens och metropolitens logement af steen). Остальная часть Софійской стороны окружена стѣнами; внутренними стѣнами она дѣлится на три части. Кромѣ стѣнъ Дѣтинца, всѣ остальныя, судя по примѣчаніямъ, деревянныя, но съ каменными башнями и находятся въ состояніи сильнаго упадка[9]). Повидимому, три отдѣльныя части Софійской стороны, означенныя у Пальмквиста, соотвѣтствуютъ древнимъ концамъ Людину, Загородскому и Неревскому, но этихъ названій на планѣ нѣтъ; тѣмъ не менѣе, Пальмквистъ указываетъ разницу въ населеніи трехъ частей Софійской стороны: въ части, соотвѣтствующей Людину концу, живутъ солдаты; въ Загородскомъ концѣ—ремесленники; въ Неревскомъ процвѣтаетъ кожевенный промыселъ. На какомъ основаніи дѣлаетъ Пальмквистъ такіе выводы, остается неизвѣстнымъ, но характерно, что Софійская сторона является заселенною преимущественно небогатымъ ремесленнымъ людомъ. На Торговой сторонѣ онъ не отмѣчаетъ никакихъ внутреннихъ дѣленій; точно также нѣтъ у него никакихъ указаній на Ярославово Дворище и Торгъ; населеніе состоитъ, по его словамъ, изъ купцовъ и знатнѣйшихъ гражданъ. За-то на этой сторонѣ мы находимъ планъ улицы, по которой ѣхали послы отъ моста до воротъ, выходящихъ на Московскую дорогу. Здѣсь же находимъ и посольское подворье, недавно, какъ говоритъ авторъ, выстроенное вновь изъ камня. Изъ другихъ зданій здѣсь указаны Шведскій и Любскій дворы, находящіеся вблизи другъ отъ друга, на двухъ почти параллельныхъ улицахъ, идущихъ отъ моста по Славенскому концу. Шведскій (Готскій?) дворъ находится западнѣе и ближе къ рѣкѣ. Изъ мѣстностей, лежащихъ въ окрестностяхъ города, мы находимъ Антоніевъ монастырь къ сѣверу и Юрьевъ къ югу; здѣсь же нѣсколько къ востоку означено мѣсто „Городища" подъ именемъ „Grodisca kloster." На Волховѣ, нѣсколько выше моста, расположены три водяныхъ мельницы. Изъ ручьевъ и рѣкъ, окружающихъ Новгородъ, у Пальмквиста названы по именамъ Волховецъ и Копань („*Kobaw*"). Около Антоніева монастыря указаны слѣды старыхъ засѣкъ и тайниковъ; у стѣнъ Неревскаго конца находимъ слѣдующую надпись: „здѣсь прорвался въ городъ покойный королевскій полководецъ Делагарди и велъ свою аттаку на городъ". („По русскимъ извѣстіямъ Шведы вошли въ Чудинцевы ворота").

Общіе выводы, какіе можно сдѣлать, ознакомившись съ этимъ планомъ, сводятся, какъ намъ кажется, къ слѣдующему: планъ этотъ на 30 лѣтъ древнѣе самаго стараго изъ извѣстныхъ намъ плановъ Новгорода; составленъ онъ въ очень строгомъ масштабѣ, но, къ сожалѣнію,

[9]) Нелишне упомянуть, что на планѣ Знаменской иконы никакихъ внутреннихъ стѣнъ на Софійской сторонѣ уже не имѣется.

военный агентъ имѣлъ очень мало свободы, а съ другой стороны, все свое вниманіе онъ обращалъ на стратегическую сторону плана, между тѣмъ какъ внутренность города, которая для изученія Новгородскихъ древностей была бы для насъ значительно болѣе интересною остается совершенно въ тѣни. Изъ немногихъ, приводимыхъ Пальмквистомъ данныхъ интереснѣе всего разница въ населеніи Софійской и Торговой стороны; напомнимъ, что демократическій характеръ первой и аристократическій послѣдней—довольно ярко выступаютъ въ исторіи внутреннихъ волненій Новгорода въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Слѣдующіе планы, Торжка и Твери, нужно признать за древнѣйшіе изъ когда-либо существовавшихъ. Планъ Торжка такъ же, какъ и планъ Новгорода сообщаетъ намъ мало свѣдѣній о внутренной части города; указывается только съѣзжая изба и дорога къ ней; надо думать, что далѣе путешественниковъ не пустили, и они могли гулять свободно только по окружавшимъ городъ слободамъ; эти послѣднія нанесены на планъ подробно. Стратегическій характеръ плана особенно виденъ изъ того, что отмѣчаются всѣ мѣстности въ окрестностяхъ города, которыя господствовали надъ нимъ, и откуда, слѣдовательно, городъ удобнѣе всего было обстрѣливать. Масштабъ плана—300 шаговъ въ дюймѣ. На одномъ листѣ съ планомъ Торжка, на правой сторонѣ, изображенъ прекрасно исполненный разрѣзъ городской деревянной башни, хорошо знакомящій насъ съ устройствомъ древне-русскаго укрѣпленія; на лѣвой—художественный рисунокъ одной изъ Новоторжскихъ церквей; этотъ маленькій рисунокъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести къ числу лучшихъ изъ всей рукописи.

Планъ Твери составленъ болѣе подробно; это произошло вслѣдствіе того, что въ Твери, какъ мы увидимъ ниже, путешественники пользовались большею свободой, и Пальмквистъ, воспользовавшись русскою халатностью и небрежностью, могъ прокрасться въ городъ и снять планъ всей внутренней его части, а также болѣе основательно, чѣмъ гдѣ-либо, ознакомиться съ состояніемъ городскихъ укрѣпленій.

Большой интересъ представляетъ планъ города Пскова, черезъ который посольство Оксеншерны возвращалось изъ Москвы, хотя и онъ страдаетъ тѣми же недостатками съ точки зрѣнія историка, какіе выше отмѣчены въ планѣ Новгорода. Такого счастья, какое онъ имѣлъ въ Твери, Пальмквисту не пришлось испытать нигдѣ. Очевидно, московскіе пристава и городскіе воеводы бдительно относились къ своимъ обязанностямъ въ такой важной порубежной крѣпости, какъ Псковъ. Планъ Пскова такъ же, какъ и планъ Новгорода, снятъ, нужно полагать, глазомѣрною съемкой; что касается масштаба, то здѣсь, вѣроятно, при-

нятъ тотъ же, что и въ планѣ Новгорода,—100 шаговъ въ дюймѣ, но авторъ, должно быть по разсѣянности, забылъ нарисовать его; есть только слова „scala passuum“, но самой шкалы нѣтъ. Такъ же, какъ и въ планѣ Новгорода, мы находимъ много свѣдѣній чисто-стратегическаго характера и очень мало извѣстій о внутреннемъ состояніи города. Пальмквистъ во внутренности города указываетъ лишь улицы, по которымъ посольство ѣхало отъ воротъ, выходящихъ на Новгородскую дорогу и называемыхъ имъ Петровскими, до Дѣтинца, нѣкоторыя улицы въ Завеличьѣ и нѣкоторыя городскія зданія.

Какъ ни скудны всѣ эти извѣстія, но они, по нашему мнѣнію, все-таки представляютъ извѣстную цѣнность, такъ какъ топографія древнихъ русскихъ городскихъ республикъ служитъ рамками, въ которыхъ легче изучить многія черты ихъ своеобразной исторіи; потому мы приведемъ ихъ здѣсь по возможности полностью.

Въ Дѣтинцѣ указывается большой монастырь по имени „Троицкая церковь“. Эта церковь покрыта золоченою жестью; возлѣ нея живетъ архіепископъ [10]). Собственный городъ окруженъ весь каменными стѣнами и такими же стѣнами раздѣленъ на три части; эти три части Пальмквистъ называетъ: ближайшую къ р. Великой—„*Демантоу*“, лежащую у самого Дѣтинца, „*Арсемоу*“ и третью, обращенную, выражаясь его словами, во внутрь страны—„*Среднею частью*“. Названіе „Демантоу“ (Довмонтовъ) происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ Довмонтовой стѣны, которая находилась какъ разъ въ этой части города; терминъ „Средній городъ“ или „Застѣнье“ встрѣчается и въ Псковскихъ лѣтописяхъ; но какъ объяснить названіе „Арсемоу“, мы не знаемъ. Близъ Дѣтинца указана большая площадь („stora torget)“, рыбный рынокъ, и между ними какое-то зданіе, носящее названіе „*Влосисковъ*“. Въ Довмонтовомъ городѣ расположенъ и посольскій дворъ, въ которомъ останавливались Пальмквистъ и его спутники. Мы уже говорили о Петровскихъ воротахъ, выходившихъ на Новгородскую дорогу; ворота, ведущія къ мосту черезъ рѣку Великую, названы Плоскими или „*Блошадно*“ (?). Указаны еще названія двухъ угольныхъ городскихъ башенъ по р. Великой до впаденія Псковы: Фроловская и Варламская [11]). Близъ Варламской башни городская стѣна перекинута аркой надъ Псковой; эта арка, или ворота, носитъ названіе „Рѣшетки“. За городомъ по Новгородской дорогѣ расположено предмѣстье. По р. Псковѣ, по словамъ Пальмквиста, лежатъ кожевенные заводы. Запсковье, которое нашъ путеше-

---

[10]) Названіе Kloster въ приложеніи къ не монастырскимъ соборамъ и церквамъ попадается у Пальмквиста довольно часто.

[11]) По положенію сооответствующая древнему Кутнему Костру.

ственникъ называетъ „*Sabsco*“, — что, по его мнѣнію, значитъ „за Псковомъ, внѣ Пскова“; населено, какъ онъ говоритъ, бѣглецами изъ уступленныхъ Швеціи городовъ Нарвы и Ивангорода. Завеличье Пальмквистъ относитъ къ городскимъ предмѣстьямъ ведетъ пловучій мостъ черезъ р. Великую. Здѣсь расположены шведскій и любскій дворы и между ними кабакъ. Изъ другихъ зданій отмѣчены Ивановскій и Спасовъ монастыри, изъ которыхъ второй служилъ въ свое время батареей при осадѣ Пскова Эвертомъ Горномъ въ 1610 г. Наконецъ около Запсковской стѣны Пальмквистъ указываетъ и мѣсто, гдѣ Горнъ былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ.

Послѣдній планъ изъ составленныхъ самимъ авторомъ, это—планъ пограничной крѣпости — монастыря Печоръ. Кромѣ плана крѣпости и окружавшаго ее посада, Пальмквистъ даетъ еще три небольшихъ вида ея; такому вниманію, кромѣ стратегическихъ соображеній, способствуетъ также оригинальное положеніе Печорскаго монастыря; вотъ какъ описываетъ его нашъ авторъ: „Печоры расположены на высокомъ и плоскомъ холмѣ въ формѣ прямоугольника, окруженнаго толстыми и довольно высокими стѣнами и башнями. По серединѣ монастыря течетъ маленькій ручей по имени Бѣлая, вытекающій прямо передъ стѣной съ сѣверной стороны изъ прекраснаго и чистаго источника. Берега этого ручья очень высоки; онъ течетъ на 18 или 20 локтей ниже уровня окружающей мѣстности и проходитъ по самой серединѣ крѣпости, параллельно ея длиннымъ сторонамъ; такимъ образомъ, выходитъ, что стѣны сѣверной и южной сторонъ заложены по склону оврага и потому имѣютъ посрединѣ большія углубленія и отверстія, черезъ которыя можно съ противоположныхъ мѣстъ вредить этой крѣпости. Впрочемъ, стѣны и башни сами по себѣ вполнѣ хороши и, какъ намъ казалось, достаточно вооружены артиллеріей“. Оба рисунка и планъ съ указателемъ сообщаютъ еще нѣсколько подробностей. Между прочими башнями монастыря находятся Богородицкія ворота, которымъ, по словамъ автора, приписывается бóльшее значеніе, чѣмъ прочимъ башнямъ, такъ какъ на нихъ находится образъ Божіей Матери, помощью котораго поляки были однажды отбиты отсюда. Съ восточной стороны монастыря расположенъ обширный посадъ съ многочисленными лавками, монастырскимъ страннопріимнымъ домомъ, таможней и т. п.

Важнѣйшій изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ второю категоріей картъ и плановъ, находимыхъ у Пальмквиста и заимствованныхъ имъ изъ другихъ источниковъ, заключается въ томъ, откуда взялъ онъ нѣкоторыя изъ этихъ картъ? Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что наши старанія изслѣдовать этотъ вопросъ обстоятельно, далеко не увѣнчались пол-

нымъ успѣхомъ, и здѣсь мы въ большинствѣ случаевъ можемъ представить лишь немногія предположенія, нуждающіяся въ серьезной дальнѣйшей провѣркѣ.

Изъ двухъ плановъ, принадлежащихъ сюда, первымъ является планъ Москвы, помѣщенный на л. 17. Одинъ взглядъ на этотъ планъ убѣждаетъ насъ, что онъ совершенно тожественъ съ планомъ, помѣщеннымъ у Олеарія [12]). Масштабъ, содержаніе указателя, буквы, которыми на планѣ означена та или другая мѣстность Москвы, все совершенно сходно съ тѣмъ, что мы находимъ у послѣдняго. Разница заключается, во-первыхъ, въ томъ, что у Олеарія, по старому картографическому обыкновенію, весь планъ Москвы усѣянъ домами и церквами, тогда какъ у Пальмквиста внѣшній видъ плана носитъ чисто современный характеръ; затѣмъ всѣ надписи Пальмквистъ старательно перевелъ на шведскій языкъ и прибавилъ къ нимъ нѣсколько собственныхъ указаній, характеризующихъ московскія окрестности, а также отмѣтилъ нѣкоторыя зданія и мѣста въ городѣ и другія особенности, которыхъ мы не находимъ у Олеарія. Сюда относятся: а) въ Кремлѣ: болѣе подробный планъ дворца; посольскій приказъ какъ будто на мѣстѣ соборовъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго; Архангельскій соборъ на мѣстѣ Спаса за Золотою Рѣшоткой, (очевидно по ошибкѣ); большой колоколъ на особой звонницѣ близъ Успенскаго собора, (у Олеарія на планѣ звонница эта помѣщена близъ Спасскихъ воротъ, а по тексту—рядомъ съ Иваномъ-Великимъ); в) въ Китай-городѣ: Персидскій дворъ, гдѣ продаются товары, привезенные въ подарокъ царю изъ Персіи—на Ильинкѣ; тюрьма, называемая земскимъ дворомъ—на мѣстѣ Историческаго Музея; монетный дворъ—на Варваркѣ; царская аптека—на Ильинкѣ, с) въ Бѣломъ городѣ: квартира посольства (на Маросейкѣ); Шведское подворье (Шведскій пер., близъ Леонтьевскаго пер.), тюрьма, окруженная палисадомъ (Мясницкая, уг. Кривоколѣннаго пер).; печатный дворъ (между Мясницкой и Милютинскимъ пер.).

Безъ сомнѣнія, авторъ, по обстоятельствамъ, конечно, отъ него не зависѣвшимъ, не могъ изготовить оригинальнаго плана Москвы и, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ своей работы, заимствовалъ готовый планъ изъ самаго извѣстнаго и распространеннаго въ его время сочиненія о Россіи.

2-й планъ—планъ Терской крѣпости; на немъ находимъ обозначе-

---

[12]) Olear. Schleswig MDCLXIII (3-е нѣм. изданіе). Чуть ли не единственный экземпляръ первоначальнаго оригинала этого плана, гравированный Л. Киліаномъ и составленный въ началѣ XVII столѣтія, находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ; онъ изданъ въ IV томѣ Извѣстій Имп. Русскаго Археол. Общества.

ніе голландскими словами „Городъ и крѣпость“. Въ Теркахъ незадолго до Пальмквиста была, какъ онъ сообщаетъ, выстроена каменная крѣпость голландскимъ инженеромъ фанъ-Цаленомъ. Какъ и гдѣ добылъ планъ Пальмквистъ, остается неяснымъ.

Изъ картъ сюда относятся слѣдующія:

1) Двѣ карты Сибири.

2) Карта побережья Бѣлаго моря и Ледовитаго океана.

3) Карта теченія Волги.

4) Карта Каспійскаго моря.

Обѣ карты Сибири представляютъ очень много сходнаго между собою. Характерная ихъ особенность та, что сѣверъ обращенъ книзу, а югъ кверху. Весь сѣверный берегъ Сибири вытянутъ по совершенно прямой линіи, а побережье Тихаго океана составляетъ такую же прямую линію, идущую подъ прямымъ угломъ къ первой. На Таймыръ, Чукотскій носъ и Камчатку нѣтъ ни малѣйшаго намека. Въ общихъ географическихъ атласахъ XVII столѣтія, начиная съ Меркатора, мы не находимъ ничего похожаго на эти карты; точно также въ нихъ очень мало сходства съ картами Сибири, помѣщенными у путешественниковъ XVI и XVII столѣтій [13]) и съ извѣстнымъ Сибирскимъ чертежемъ Ремезова 1701 г. Касательно происхожденія одной изъ этихъ картъ, озаглавленной „Копія карты Сибири и части Тобольска, составленной по повелѣнію царя“, мы находимъ, впрочемъ, указаніе въ надписи, помѣщенной на ней самой; эта надпись, очевидно, переведенная авторомъ съ русскаго, гласитъ: $\frac{1668}{7176}$ года при державѣ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, по государеву указу составленъ распоряженіемъ Тобольскаго стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова“. Проф. Анучинъ указываетъ на эту карту какъ на образецъ оригинальныхъ русскихъ чертежей XVII вѣка [14]). Карта составлена въ масштабѣ одной Московской мили въ дюймѣ.

Далеко не такъ просто рѣшается вопросъ о происхожденіи второй карты Сибири и картъ Волги и Бѣлаго моря. Вторая карта Сибири носитъ ясные признаки того, что Пальмквистъ взялъ ее изъ какихъ-то нѣмецкихъ источниковъ, такъ какъ объяснительныя надписи на картѣ

---

13) См. Древности. Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIV, статью проф. Анучина «Объ ознакомленіи съ Сибирью до Ермака», гдѣ приводится нѣкоторыя изъ такихъ картъ.

14) Энц. слов. Брокгауза и Эфрона, т. 14. Подъ словомъ: „карты географическія“: «О старинныхъ русскихъ картахъ мы можемъ получить понятіе изъ карты Сибири, составленной въ 1667 г. по повелѣнію П. Годунова, и копія которой сохранилась въ Стокгольмскомъ Госуд. Архивѣ.

сдѣланы на нѣмецкомъ языкѣ [15]); собственныя же имена представляютъ въ большинствѣ случаевъ точную транскрипцію русскихъ именъ, что, казалось бы, съ своей стороны указываетъ на русскій чертежъ какъ на первоначальный источникъ этой карты. На ту же мысль наводитъ отмѣченное выше сходство между разсматриваемой картой и картой воеводы Годунова.

Карта теченія Волги названа просто „Сообщенная копія теченія Волги" [16]) и исполнена довольно неискусно. Надпись на картѣ составлена на латинскомъ языкѣ. Съ вопросомъ о первоначальномъ оригиналѣ этой карты можно сопоставить то обстоятельство, что въ книгѣ Большого Чертежа [17]) описаніе теченія Волги и ея притоковъ составлено отдѣльно и представляетъ нѣкоторое сходство съ разсматриваемой картой [18]).

Карта Бѣлаго моря и побережья Ледовитаго океана озаглавлена такъ: „копія карты Вайгачскаго залива или *Nassovium* (?) и части Сибири, составленная по приказанію царя"; такимъ образомъ, здѣсь прямо указывается на русскій источникъ, подобно картѣ Годунова. Карта обнимаетъ восточный берегъ Бѣлаго моря, начиная отъ устья Двины, побережье океана до Вайгача и западные берега Новой Земли; характерная особенность та, что Канинскій полуостровъ отдѣляется отъ материка проливомъ, находящимся въ его узкой части; собственныя имена представляютъ транскрипцію русскихъ названій. Между ними есть двѣ нѣмецкія надписи: Канинъ носъ названъ: „Sartoy nos es ist heilige Naase", а одинъ изъ заливовъ Новой Земли: „Archangelskaja guba oder Mündung. Въ книгѣ Большого Чертежа [19]) описаніе сѣвернаго побережья отъ устья Двины на востокъ помѣщено совершенно отдѣльно отъ описанія побережья Кольского полуострова и западной части Бѣлаго моря и въ общемъ весьма схоже съ номенклатурой карты Пальмквиста; однако тамъ за описаніемъ береговъ Вайгача слѣдуетъ описаніе береговъ Сибири и вовсе нѣтъ описанія береговъ Новой Земли; на картѣ же, помѣщенной у Пальмквиста, мы видимъ какъ разъ обратное [20]). Какъ ни заманчивъ,

---

15) На нѣмецкомъ же языкѣ написаны общія замѣчанія о Сибири, составляющія, повидимому, приложеніе къ этой картѣ.

16) Communicerad copia af Wolga Stromens löpp.

17) Книга глаголемая Большой Чертежъ, изд. Г. И. Спасскимъ по порученію И. М. О. И. и Др. Росс. 1846 г., стр. 139—157.

18) Эта карта помѣщена также во французскомъ изданіи путешествія Олеарія 1659 г. При этомъ переводчикъ Wicquefort сообщаетъ въ предисловіи, что эта карта въ его изданіи Олеарія впервые дѣлается извѣстной во Франціи. Надписи здѣсь латинскія. Масштабъ не указанъ.

19) Книга Большого Чертежа, стр. 181—188.

20) Такъ называемая карта царевича Ѳедора Борисовича, составленная на основаніи

однако, вопросъ о приведеніи въ связь нѣкоторыхъ изъ картъ, находимыхъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи съ частями утраченнаго Большого Чертежа, онъ не можетъ быть рѣшенъ прежде сравненія этихъ картъ со всѣми картами Руси, изданными заграницей до 1674 г., а этого мы, къ сожалѣнію, сдѣлать не могли. Впрочемъ, если даже послѣ такого сравненія происхожденіе занимающихъ насъ картъ останется темнымъ, то предположеніе о возможной связи съ ними знаменитаго Большого Чертежа еще не падаетъ само собой; нашъ авторъ, какъ мы увидимъ ниже, въ предисловіи къ своему труду самъ признаетъ, что „для полученія нужныхъ свѣдѣній онъ не останавливается даже предъ подкупами"; путемъ подкупа ему естественнѣе всего было добывать государственныя карты, которыя такъ старательно охранялись Московскимъ правительствомъ, что даже не сохранились для потомства. Масштабъ обѣихъ картъ не указанъ.

Послѣдняя карта разбираемой категоріи — карта Каспійскаго моря, составленная въ масштабѣ 5 нѣмецкихъ миль въ дюймѣ, несомнѣнно голландскаго происхожденія: на самой картѣ мы находимъ надпись: Pass caert van de Caspische Zee; на томъ же языкѣ и всѣ остальныя надписи.

III.

Текстъ рукописи.

Переходимъ теперь къ тексту рукописи Пальмквиста или, вѣрнѣе, къ обширнымъ, но отрывочнымъ примѣчаніямъ, которыя сопровождаютъ всѣ планы и рисунки.

Несмотря на отрывочный характеръ этихъ примѣчаній, не трудно уловить общую мысль, крѣпко связующую ихъ между собой и красною нитью проходящую по всѣмъ страницамъ рукописи, придавая внутреннее единство ея содержанію. Эта мысль опредѣляется тою ролью, которую Пальмквистъ игралъ при посольствѣ Оксеншерны. Она ясно показываетъ намъ цѣль всей работы Пальмквиста, а также и неофиціальныя задачи самаго посольства: Россія должна быть завоевана Шведами. Трудъ Пальмквиста есть работа тайнаго военнаго агента, предназначенная для облегченія будущихъ побѣдоносныхъ военныхъ дѣйствій Шведской арміи.

Большого Чертежа, представляетъ въ соотвѣтственной своей части нѣкоторое сходство съ занимающей насъ картой: Канинъ полуостровъ, напримѣръ, также представленъ въ видѣ острова, но общія очертанія карты значительно грубѣе; особенно это замѣтно въ изображеніи теченія рѣкъ.

Эту мысль Пальмквистъ достаточно опредѣленно высказываетъ въ посвященіи своего труда королю Карлу XI, помѣщенномъ въ началѣ рукописи въ видѣ предисловія: „я надѣюсь и почти предсказываю подданнымъ Вашего Величества, что они съ помощью Всевышняго Бога, подъ предводительствомъ Вашего Величества будутъ имѣть счастіе и воздвигнутъ многочисленные трофеи на вѣчную славу Вашего Королевскаго Величества въ различныхъ частяхъ свѣта, а особенно въ восточныхъ странахъ, гдѣ будетъ для этого достаточно мѣста и средствъ, и я считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы могъ положить въ основаніе этихъ будущихъ трофеевъ хотя бы самые мелкіе и ничтожные камни“. Въ этомъ отрывкѣ видно болѣе надеждъ, нежели предсказаній, но можно найти и другіе, гдѣ онъ дѣйствительно тономъ предсказателя говоритъ о скоромъ наступленіи Шведскаго владычества въ Россіи: описывая Новгородъ, Пальмквистъ совершенно вѣрно подмѣчаетъ всѣ выгоды его географическаго положенія и глубокую разницу между былымъ величіемъ города и современнымъ его упадкомъ; выставляя виновникомъ послѣдняго московское правительство, онъ добавляетъ: „процвѣтанія города слѣдуетъ ожидать въ будущемъ отъ новаго хозяина, который сумѣетъ лучше воспользоваться его преимуществомъ“.

Весьма естественно, что мысль о завоеваніи налагаетъ свою печать и на содержаніе примѣчаній вообще. Военнаго агента привлекаетъ главнымъ образомъ все, что носитъ военный характеръ. Во всѣхъ городахъ, которые ему пришлось посѣтить, онъ прежде всего старается вывѣдать свѣдѣнія о городскихъ укрѣпленіяхъ, о количествѣ вооруженныхъ силъ въ городѣ, о качествѣ и состояніи артиллеріи. Во все время путешествія, какъ мы уже не разъ указывали на это, говоря о планахъ городовъ, его занимаютъ стратегическія соображенія. Въ каждомъ городѣ онъ внимательно осматриваетъ окрестности, отыскиваетъ слѣды старыхъ укрѣпленій, вѣроятно, съ цѣлью воспользоваться ими впослѣдствіи, изучаетъ свойство мѣстности, чтобы найти лучшіе подходы для приступа къ городу отмѣчаетъ пункты окрестностей, господствующіе надъ городомъ, и подготовляетъ мѣста для будущихъ батарей.

Наконецъ, его чрезвычайно интересуетъ вопросъ о переправахъ черезъ русскія рѣки, въ особенности черезъ Волгу; при описаніи города Твери онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. „Русскіе считаютъ это мѣсто ключемъ всей Россіи, потому что здѣсь единственно возможна переправа черезъ Волгу, когда хотятъ проникнуть къ Москвѣ съ запада *(sic)*. Русскіе не хотятъ позволить постройку мостовъ черезъ всю Волгу, ради безопасности государства, но тѣмъ не менѣе можно найти другіе пути для переправы не только зимой, но и лѣтомъ“. Далѣе слѣ-

дуетъ разсказъ, какъ самъ авторъ, дѣйствительно, нашелъ такую переправу. Къ этому разсказу мы еще возвратимся ниже.

Пальмквистъ родился 18 лѣтъ спустя послѣ смерти Густава-Адольфа; онъ былъ ребенкомъ во время побѣдоносныхъ войнъ Карла X съ Польшей и Россіей; неудивительно поэтому, если изъ его труда ясно видно, что онъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое съ дѣтства упивалось разсказами о величіи и славѣ Шведскаго оружія. Правда, въ сѣверо-западномъ русскомъ краѣ, въ XVII столѣтіи, можно было найти много такого, что вызывало чувство справедливой потріотической гордости въ Шведѣ. Видно, что и авторъ отдаетъ дань этому чувству.

Проѣзжая черезъ мѣстности, ознаменованныя побѣдами Шведовъ надъ Русскими, Пальмквистъ старательно ихъ отмѣчаетъ. Мы уже знаемъ, что на планѣ Новгорода онъ указываетъ мѣсто, гдѣ вошелъ въ городъ Делагарди. Селеніе Бронницы возбуждаетъ въ немъ патріотическое воспоминаніе о побѣдѣ того же Делагарди надъ Трубецкимъ въ 1614 году. Подобныя же замѣчанія, относящіяся къ десятымъ годамъ XVII столѣтія, мы находимъ и при описаніи Пскова.

Таковы общія мысли, положенныя Пальмквистомъ въ основу его труда о Россіи. Мы остановились на нихъ потому, что ими опредѣляется самый характеръ его сочиненія; но помимо того, онѣ имѣютъ, какъ намъ кажется, и болѣе общій интересъ, знакомя насъ съ воззрѣніями образованныхъ Шведовъ на Россію во второй половинѣ XVII столѣтія и съ тѣми политическими аппетитами, предметомъ которыхъ служило Московское государство всего за четверть вѣка до начала великой сѣверной войны [21]).

Нужно отдать полную справедливость Пальмквисту: его авторская скромность является образцовой. Преслѣдуя въ своей работѣ такую великую цѣль, какъ завоеваніе Московскаго государства Шведами, онъ въ то же время самаго скромнаго мнѣнія о достоинствѣ своего труда. Мы уже видѣли, что онъ называетъ его „мелкими и ничтожными камнями, положенными въ основаніи будущихъ трофеевъ“. Въ томъ же посвященіи королю онъ говоритъ что „не безъ трудностей и усилій“

---

[21]) Не лишено, какъ намъ кажется, интереса сопоставленіе идеи о завоеваніи Московскаго государства съ лестными отзывами о военныхъ силахъ его, которые послы давали своему приставу на обратномъ пути, о чемъ тотъ немедленно сообщалъ правительству: «а какъ поѣхали послы изъ (Иверскаго) монастыря и имъ говорено, какъ они великіе послы разсуждаютъ о войскахъ царскаго величества, которыя подъ Москвою ихъ встрѣчали и сколько ихъ въ то время было. И послы говорили: по устроенію полковыхъ обычаевъ... войскъ чаютъ они, что было на встрѣчѣ съ 5000, да съ 30000 пѣхоты, о которой пѣхотѣ и о пушкахъ выдивитися они не могутъ, понеже никоторые монархи лутче тѣхъ пѣхотныхъ войскъ имѣти не могутъ»... А. М. Ин. Д., ibid. 1674 г., № 3, 2-ая половина.

онъ набиралъ матеріалы для своего сочиненія, что „онъ не могъ узнать отъ этого непріятнаго и труднаго въ обращеніи народа болѣе того, что тамъ помѣщено, и что поэтому его трудъ и въ самой ничтожной мѣрѣ недостаточенъ для той цѣли, осуществленія которой онъ желаетъ отъ всего сердца, и которая впослѣдствіи да будетъ достигнута побѣдоноснымъ оружіемъ короля“.

Намъ остается рѣшить еще одинъ вопросъ, стоящій въ извѣстной связи съ отмѣченнымъ нами общимъ характеромъ работы Пальмквиста. Имѣя въ виду съ одной стороны уже извѣстныя намъ цѣли, которыя ставилъ себѣ авторъ, а съ другой стороны постоянную подозрительность русскихъ къ иностранцамъ, отъ которой, несомнѣнно, страдалъ и самъ Пальмквистъ, разъ онъ называетъ русскихъ народомъ, труднымъ въ обращеніи, наконецъ, бдительность московскихъ приставовъ при охранѣ иностранныхъ пословъ отъ всякаго общенія съ русскимъ міромъ, невольно возникаетъ вопросъ: откуда и какъ получалъ Пальмквистъ матеріалы для своего сочиненія? гдѣ черпалъ онъ свѣдѣнія о военныхъ силахъ Россіи? какимъ образомъ, наконецъ, онъ могъ снимать оригинальные планы русскихъ городовъ? Одной наблюдательности и любознательности здѣсь мало. Къ счастью, самъ авторъ даетъ намъ возможность ознакомиться съ его способомъ дѣйствія. Онъ говоритъ намъ, что пускалъ въ ходъ болѣе сильныя средства: „для снятія той или другой мѣстности я не только отваживался тайно отправляться туда, но пріобрѣталъ нѣкоторыя свѣдѣнія и съ помощью подкуповъ русскихъ подданныхъ“. Въ двухъ случаяхъ онъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ онъ добывалъ нужныя свѣдѣнія, и мы имѣемъ возможность узнать, въ чемъ заключалась его отвага. Оба случая относятся къ его пребыванію въ Твери. Находясь тамъ, онъ „нашелъ открытыя ворота въ острогъ, у которыхъ не было стражи и вошелъ внутрь его для наблюденія“. Эти ворота онъ отмѣчаетъ на своемъ планѣ. Мы уже знаемъ, что благодаря этому обстоятельству онъ получилъ возможность, во-первыхъ, снять планъ всего внутренняго города, тогда какъ въ Новгородѣ и Псковѣ ему пришлось довольствоваться снятіемъ тѣхъ улицъ, по которымъ онъ проѣзжалъ; во-вторыхъ, онъ сообщаетъ особенно подробныя свѣдѣнія о состояніи городскихъ стѣнъ.

Другой случай еще интереснѣе. Мы говорили выше, что его особенно интересовалъ вопросъ о переправахъ черезъ Волгу; будучи въ Твери, онъ усердно занялся этимъ вопросомъ; здѣсь, однако, лучше всего предоставить слово самому автору: „мнѣ сообщили, что въ полуверстѣ выше города, Волга становится гораздо мельче и что тамъ существуетъ бродъ. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, я отправился туда

подъ предлогомъ купанья и нашелъ, что человѣкъ средняго роста можетъ пройти черезъ всю рѣку, при чемъ вода будетъ доставать ему только до плечъ. Русло состояло изъ чистѣйшаго песка".

Что касается подкуповъ, то, какъ выше уже сказано, только такимъ способомъ можно объяснить появленіе въ рукописи снимковъ съ картъ, которыя, по собственнымъ словамъ Пальмквиста были изготовлены по повелѣнію царя. Зная, что иностранца, да еще члена посольства ни въ какомъ случаѣ не могли допустить къ копированію государственныхъ „чертежей", остается предположить, что какой - нибудь подъячій осмѣлился рискнуть головой, чтобъ заработать деньги отъ шведскаго военнаго агента. Помимо такого всесторонняго ознакомленія съ матеріалами, которые можно было добыть въ Россіи, слѣдуетъ предположить, что Пальмквистъ, который, повидимому, серьезно относился къ своей задачѣ, основательно познакомился со всѣмъ, что до него было издано объ этой странѣ заграницей. На такое предположеніе наводитъ его сужденіе о картахъ Россіи, изданныхъ печатно въ его время. Онъ рѣшительно считаетъ ихъ плохими и по большей части невѣрными. Не будучи знакомъ съ иностранными матеріалами о Россіи, онъ не могъ бы высказаться такъ опредѣленно. Наконецъ, въ связи съ описаніемъ путей, ведущихъ отъ шведской границы къ Пскову и Новгороду, возникаетъ предположеніе, что Пальмквисту могли быть, въ извѣстной степени, знакомы даже архивы балтійскихъ городовъ. Къ этому предположенію, мы вернемся въ свое время.

Тотчасъ за посвященіемъ королю, Пальмквистъ помѣщаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о странѣ и ея обитателяхъ.

Замѣчанія о странѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, содержатъ главнымъ образомъ стратегическія соображенія, касающіяся географическихъ картъ крѣпостей и дорогъ; къ нимъ мы уже не будемъ возвращаться. Замѣчанія о жителяхъ рисуютъ намъ отношеніе Пальмквиста къ „непріятному и трудному въ обращеніи народу", обитавшему въ странѣ, которую ему пришлось посѣтить. Уже эти эпитеты показываютъ, что, въ общемъ, взглядъ Пальмквиста на русскихъ не можетъ быть благосклоннымъ.

Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, Пальмквистъ не является исключеніемъ. Съ отрицательнымъ взглядомъ на русскій народъ намъ приходится встрѣчаться въ большинствѣ сказаній о Россіи. Внѣшняя грубость русской жизни, систематическая ложь и скрытность, которой были окружаемы иностранцы, особенно иностранные послы, какъ только они вступали на русскую землю, естественно не могли внушить симпатіи къ жителямъ

Московскаго Государства. Пальмквистъ, какъ военный агентъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой долженъ былъ почувствовать всю прелесть отношеній русскихъ къ любознательному иностранцу; понятно, поэтому, его почти враждебное отношеніе къ русскому народу. Народъ этотъ отличается, по его словамъ, рабскимъ духомъ и въ то же время высокомѣріемъ и самомнѣніемъ; русскіе презираютъ иностранцевъ. Нравственныя понятія самыя плачевныя; русскіе склонны къ разврату; у нихъ вовсе нѣтъ чувства великодушія, и ложь они считаютъ украшеніемъ. Русскіе умѣютъ такъ хорошо притворяться, что приходится поступать совершенно противоположно тому, что они говорятъ. Они лѣнивы, работаютъ только по нуждѣ, и особенно склонны къ барышничеству; надувательство, обманы процвѣтаютъ въ Московскомъ государствѣ.

Вотъ его мнѣніе о русскомъ народѣ. Зная отношеніе русскихъ къ иностраннымъ посольствамъ, повторяемъ, не слѣдуетъ этому удивляться. Однако, Пальмквистъ не можетъ отказать русскимъ людямъ хотя бы въ нѣкоторыхъ качествахъ. Онъ признаетъ ихъ народомъ сильнымъ, крѣпкимъ, способнымъ къ труду. Русскіе, по природѣ своей, говоритъ онъ, особенно искусны въ ремеслахъ; выносливость народа его видимо поражаетъ.

Но это все; указанныя качества носятъ скорѣе пассивный характеръ и не могутъ уравновѣсить пороковъ, которыми такъ щедро надѣляетъ русскихъ шведскій капитанъ.

За общими замѣчаніями, которыя авторъ предпосылаетъ своему труду, слѣдуютъ: во-первыхъ, особое описаніе дорогъ въ Водской землѣ отъ балтійскаго побережья до Новгорода; во-вторыхъ, рисунки, снабженные примѣчаніями и расположенные въ порядкѣ его путешествія.

Описаніе дорогъ возбуждаетъ нѣсколько особо стоящихъ вопросовъ и его удобнѣе будетъ разобрать подробно ниже; теперь же мы прямо перейдемъ къ обзору путевыхъ замѣтокъ Пальмквиста, какъ мы ихъ находимъ въ рукописи. Дороги въ Новгородской области займутъ насъ здѣсь лишь по стольку, по скольку это нужно для опредѣленія пути слѣдованія Пальмквиста отъ Нарвы до Новгорода.

Несмотря на то, что первый рисунокъ рукописи представляетъ переѣздъ посольства черезъ русскую границу въ Муравейнѣ на р. Лугѣ, по зимнему пути,—несмотря на то, что слѣдующій рисунокъ представляетъ намъ изображеніе соляныхъ варницъ на р. Мшагѣ на продолженіи той же дороги отъ Нарвы до Новгорода, что заставляло бы думать, что посольство ѣхало именно этой дорогой, утвердительное рѣшеніе этого вопроса на первый взглядъ встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія. Дѣло въ томъ, что водный путь черезъ Неву и Ладогу описанъ такъ,

какъ это могло сдѣлать только лицо, дѣйствительно ѣхавшее тамъ. Объясненіе этого страннаго недоумѣнія можно найти при ознакомленіи съ исторіей самаго посольства Оксеншерны.

Посольство переѣхало русскую границу 18 ноября и прибыло въ Москву въ концѣ декабря; слѣдовательно, оно могло ѣхать до Новгорода только по зимнему пути черезъ Муравейню. Въ Москвѣ его ждала неожиданная непріятность. Отъ пословъ потребовали, чтобъ на царскую аудіенцію они явились безъ шпагъ и съ непокрытой головой. Соглашаясь на первое, послы рѣшительно отвергли второе требованіе. Чтобъ прекратить споръ, понадобилось посылать гонца въ Швецію для полученія разрѣшенія отъ короля предстать предъ царемъ съ непокрытой головой. Гонецъ—переводчикъ Самуилъ Эосандеръ—выѣхалъ изъ Москвы 15 января, явился обратно 19 марта, съ требуемымъ разрѣшеніемъ. Весьма возможно, что Эосандеръ за распутицей уже не могъ ѣхать на обратномъ пути въ Москву прямымъ путемъ черезъ лѣса и болота и, быть можетъ, принужденъ былъ ѣхать берегомъ Невы черезъ Орѣшекъ и Ладогу, а оттуда берегомъ Волхова въ Новгородъ, и такимъ образомъ, сообщилъ свои наблюденія надъ Ладогой и р. Волховомъ Пальмквисту.

Какимъ бы, впрочемъ, путемъ посольство ни ѣхало, оно не могло миновать Новгорода. Кромѣ плана и двухъ видовъ города Пальмквистъ посвящаетъ ему еще почти цѣлую страницу текста. Географическое положеніе Новгорода дѣлаетъ его по словамъ Пальмквиста какъ бы созданнымъ для того, чтобы быть сильною крѣпостью и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ Россіи.

„Городъ прежде былъ въ большой славѣ, что доказывается до сихъ поръ его многочисленными полуразрушенными башнями и монастырями. Новгородъ могъ бы и теперь владѣть всей русской торговлей, но этому мѣшаетъ то обстоятельство, что выгодное положеніе города не достаточно принято во вниманіе его государемъ и обладателемъ". Вообще Пальмквистъ винитъ Московское правительство въ небрежности, которая довела Великій Новгородъ до сильнаго упадка. Контрастъ между современнымъ жалкимъ состояніемъ бывшей жемчужины русскаго сѣвера и сохранившимися еще повсюду слѣдами ея былого величія видимо поражаетъ его. „Пока городъ имѣлъ собственныхъ великихъ князей, его могущество и богатство было такъ велико, что русскіе до сихъ поръ говорятъ: „кто противъ Бога и Великаго Новгорода". Любопытный фактъ переживанія пословицы 200 лѣтъ спустя послѣ паденія Новгородской вольности. Мы уже указывали выше, какую мѣру рекомендуетъ Пальмквистъ для поднятія экономическаго значенія Новгорода.

Изъ Новгорода путь посольства лежалъ на Торжокъ и Тверь. Во все время пути наблюдательность Пальмквиста не ослабѣваетъ ни на минуту; вездѣ онъ старается найти и записать то, что кажется ему интереснымъ. Оттого, несмотря на краткость и отрывочный характеръ, его замѣтки читаются съ интересомъ. Онъ старается узнать національную жизнь страны, черезъ которую онъ проѣзжаетъ; его вниманіе привлекаютъ населеніе, преданія и разсказы, связанные съ той или другой мѣстностью и т. д.

Проѣзжая черезъ Валдай, онъ сообщаетъ намъ, что городъ этотъ населенъ плѣнниками изъ Литвы, которые занимаются торговлей. Нѣсколько далѣе дорога проходитъ близъ знаменитаго выстроеннаго Никономъ, или патріархомъ „Ника“, какъ наказываетъ его Пальмквистъ, Иверскаго монастыря, который особенно возбуждаетъ любознательность въ нашемъ авторѣ. Онъ нашелъ случай осмотрѣть его [22]) и даетъ планъ всего монастыря; а рисунокъ, изображающій монастырскій соборъ, таковъ, что отъ него не отказался бы и современный художникъ. Этотъ монастырь, выстроенный на островѣ, привлекъ вниманіе Пальмквиста, какъ сильная крѣпость, снабженная значительнымъ гарнизономъ.

Преданія и разсказы, приводимые Пальмквистомъ и относящіеся къ прошлому мѣстностей, черезъ которыя онъ ѣхалъ, записаны имъ, какъ кажется, на вѣру; Пальмквистъ—инженеръ и потому, быть можетъ, историко-критическая точка зрѣнія ему вовсе незнакома. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ такихъ мѣстныхъ преданій, записанныхъ у нашего автора.

Около Валдая посольство проѣзжало черезъ селеніе „Красные Станки“, по поводу котораго находимъ слѣдующее замѣчаніе: „это единственное мѣсто между Москвой и Новгородомъ, которое было пощажено тираномъ Иваномъ Васильевичемъ, потому что здѣсь его встрѣтили съ хлѣбомъ и солью, умоляя о жизни, которая и была имъ дарована. Поэтому село это съ тѣхъ поръ и доселѣ носитъ названіе „Красные Станки“, то есть красная остановка, потому что здѣсь не пролилась кровь“.

---

[22]) Посѣщеніе Иверскаго монастыря шведскимъ посольствомъ состоялось на обратномъ пути: „въ нынѣшнемъ 7182 году, іюня въ 14 день... посланъ съ Москвы до Великаго Новгорода стрѣлецкій полуголова Иванъ Нелидовъ. А что ѣдучи съ Москвы дорогою съ послами говорено въ рѣчахъ и въ которыхъ мѣстѣхъ какова имъ была встрѣча, и тому записка. Іюля въ 7-й день говорили послы.... чтобъ имъ быти въ Иверскомъ монастырѣ, и къ архимандриту о томъ посылано, и архимандритъ въ монастырѣ... посломъ да въ торговыхъ дѣлѣхъ думному, да переводчику Эосандеру *да четыремъ человѣкамъ королевскимъ дворяномъ* быти поволилъ». М. А. М. И. Д. Дѣла Шведскія 1674 г., № 3. 2-ая половина. И здѣсь Пальмквистъ не названъ по имени. Очевидно, приставъ не предполагалъ, какое важное дѣло возложено на одного изъ королевскихъ дворянъ.

Между Валдаемъ и Торжкомъ, въ нынѣшнемъ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, находится село Коломна; близъ этого села, на большой дорогѣ, лежалъ огромный плоскій камень, о которомъ Пальмквистъ сообщаетъ, будто онъ былъ везенъ по повелѣнію Ивана Грознаго въ Москву изъ Ливоніи, и былъ брошенъ вощиками на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ имъ встрѣтился гонецъ съ извѣстіемъ о смерти царя. „Теперь", добавляетъ авторъ, „онъ лежитъ разбитымъ на нѣсколько кусковъ и показывается русскими людьми какъ особенная рѣдкость". Любознательный путешественникъ оставилъ намъ рисунокъ этого камня.

За Тверью, ближе къ Москвѣ, Пальмквистъ разсказываетъ еще одно преданіе, относящееся на этотъ разъ къ очень близкому отъ автора времени. На берегу Волги, въ 30 верстахъ ниже Твери, на холмѣ авторъ увидѣлъ развалины стараго укрѣпленія. „Это укрѣпленіе", продолжаетъ онъ, „было выстроено княземъ (sic) Б. И. Морозовымъ во время возмущенія въ Москвѣ, когда онъ долженъ былъ удалиться сюда вслѣдствіе покушенія на его жизнь. По этой причинѣ укрѣпленіе это и близъ лежащая деревня доселѣ называется Морозова Городня" [23]).

Эти разсказы, кромѣ объясненія названія „Красные станки", не представляютъ сами по себѣ ничего невѣроятнаго, и мы привели ихъ здѣсь какъ образчикъ мѣстныхъ преданій XVII вѣка, случайно дошедшихъ до насъ благодаря любознательности шведскаго путешественника.

Есть однако случаи, когда Пальмквистъ разсказываетъ такія вещи, которыя приходится безъ колебанія отнести къ разряду небылицъ. Такъ, напримѣръ, при описаніи того же пути отъ Новгорода къ Москвѣ, мы находимъ у него замѣтку о монастырѣ св. Николы Столбенскаго близъ Вышняго Волочка. „Въ этомъ монастырѣ", говоритъ Пальмквистъ, „живутъ 7 монаховъ, всѣ—бѣглецы изъ Ингерманландіи [24]). Одинъ изъ нихъ въ горячкѣ и безуміи четыре года тому назадъ разрѣзалъ себѣ болѣе половины горла и когда онъ хочетъ ѣсть, то долженъ всегда крѣпко связывать себѣ шею. Дыра въ горлѣ величиною съ монету каролинъ".

Остановимся еще на одномъ замѣчаніи, которое Пальмквистъ дѣлаетъ при описаніи пути изъ Новгорода въ Москву,—замѣчаніи, показывающемъ, насколько это былъ смѣлый и талантливый человѣкъ. Дѣло въ томъ, что ни кому иному, какъ Пальмквисту, должна принадлежать честь первой мысли о соединеніи бассейна Волги съ бассейномъ Балтій-

---

[23]) Нынѣ с. Городня на Волгѣ по Моск.-Петерб. шоссе.

[24]) Пальмквистъ старательно отмѣчаетъ бѣглецовъ изъ Ингерманландіи вездѣ, гдѣ можетъ ихъ найти; напомнимъ, что вопросъ о побѣгахъ русскаго населенія изъ уступленныхъ Швеціи областей былъ одной изъ причинъ отправленія посольства Оксеншерны въ Москву.

скаго моря посредствомъ канала. Вотъ какъ излагаетъ самъ Пальмквистъ свою мысль о созданіи, такъ называемой нынѣ, Вышневолоцкой системы каналовъ: „въ 25 саженяхъ отъ р. Цны (близъ Вышняго Волочка) находится ручей и болото, изъ котораго начинается и вытекаетъ р. Тверца, впадающая затѣмъ въ Волгу. Здѣсь слѣдуетъ хорошо замѣтить, что если прокопать эти 25 сажень, то можно было бы соединить Балтійское море съ Каспійскимъ. Это важное предпріятіе тѣмъ легче можетъ быть выполнено, что положеніе ручья Тверцы возвышается на 2 сажени надъ уровнемъ Цны и на пространствѣ 25 саженей не встрѣчается ни одного камня". Очевидно, выгодныя стороны русской рѣчной сѣти поразили шведскаго инженера.

На пути отъ Новгорода до Москвы Пальмквисту встрѣтились два значительныхъ города: Торжокъ и Тверь; впрочемъ, Торжокъ занялъ его вниманіе исключительно съ военной стороны; наоборотъ, относительно Твери его замѣчанія значительно полнѣе и разнообразнѣе. Тверь, по мнѣнію Пальмквиста, занимаетъ выдающееся положеніе въ отношеніи торговли, благодаря сліянію нѣсколькихъ рѣкъ подъ ея стѣнами. Рѣка Волга позволяетъ Твери распространять свои торговыя сношенія до Персіи и даже далѣе на востокъ. Главный предметъ торговли Твери—рыба и осетровая икра, которая ловится здѣсь во множествѣ [25]).

Посольству не былъ разрѣшенъ сразу въѣздъ въ Москву. Пальмквистъ разсказываетъ, что они остановились въ какомъ-то Никольскомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, гдѣ послы обыкновенно ждутъ нѣсколько дней, пока ихъ не ввозятъ въ Москву по торжественному церемоніалу. Что же это за Никольскій монастырь? Акад. Гротъ, дѣлая обширныя извлеченія изъ статьи Вестрина, въ которой упоминается объ остановкѣ посольства передъ въѣздомъ въ Москву, не пытается вовсе выяснить вопроса о томъ, гдѣ былъ этотъ монастырь и даже почему-то называетъ этотъ монастырь Михайловскимъ [26]). С. Н. Шубинскій [27]), котораго статья представляетъ мѣстами дословное сходство со статьей Грота, въ вопросѣ о Михайловскомъ монастырѣ проявляетъ самостоятельность и отожествляетъ его съ Николо-Угрѣшскимъ, несмотря на то, что этотъ послѣдній лежитъ въ діаметрально противоположной отъ Москвы сторонѣ, и что, ѣдучи отъ Угрѣши, не пришлось бы переѣзжать рѣчки Ходынки, какъ это случилось со шведскими послами.

Намъ кажется, что вопросъ о Никольскомъ монастырѣ не долженъ

---

[25]) Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ предѣлахъ Тверской губ. осетровъ въ Волгѣ нѣтъ.

[26]) Ж. М. Н. П. 1881. Окт., стр. 72.

[27]) Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени, стр. 102.

представлять особенныхъ затрудненій. То, что Пальмквистъ называетъ Kloster, не есть непремѣнно монастырь; достаточно указать, въ подтвержденіе высказаннаго сужденія, что нашъ авторъ называетъ соборъ Св. Троицы въ Псковѣ и соборъ Св. Софіи въ Новгородѣ — Kloster. Церковь, окруженную оградой и жилищами причта, онъ легко могъ принять за монастырь, и Никольскій монастырь, по нашему мнѣнію, есть просто село, нынѣ деревня, Никольское на рѣкѣ Химкѣ, находящееся въ настоящее время по Петербургскому шоссе въ 6 верстахъ отъ Тверской заставы. Такое предположеніе подтверждается русскими офиціальными актами, касающимися посольства Оксеншерны. Въ наказѣ, данномъ приставу Бекетову, сопровождавшему посольство на пути въ Москву, было сказано: „и ты бъ съ полномочными послы шолъ къ Москвѣ неспѣшно, *а къ Москвѣ на подхожей станъ въ село Никольское за восемь верстъ отъ Москвы* пришелъ съ ними декабря въ 25-й день, на праздникъ Рождество Христово“ [28]). О существованіи въ Никольскомъ церкви въ XVII вѣкѣ мы находимъ нѣсколько извѣстій. Въ переписныхъ книгахъ 1646 года, мы читаемъ, что здѣсь находилась деревянная церковь, построенная въ 1627 г. на мѣстѣ старой, также деревянной: „въ селѣ Никольскомъ церковь Николая Чудотворца деревянная, у церкви попъ Ѳедотъ да 5 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 15 человѣкъ“... Въ Писцовыхъ книгахъ 1685—1686 гг. находимъ, что с. Никольское на р. Химкѣ составляло вотчину боярина кн. Мих. Як. Черкасскаго, „а въ селѣ церковь деревянная, съ нижнею службою, въ верхней службѣ Николая Архіепископа Мирлѵкійскаго Чудотворца, а въ нижней службѣ Алексѣя Митрополита Московскаго Чудотворца“ [29]). Описываемая здѣсь церковь и есть, вѣроятно, та самая двухэтажная деревянная церковь, которая изображена на рисункѣ Пальмквиста.

Съ пріѣздомъ въ Москву характеръ наблюденій Пальмквиста нѣсколько измѣняется. Ему пришлось проститься съ той относительной свободой, какой онъ пользовался во время пути. Если мы припомнимъ, что отношенія между послами и московскимъ правительствомъ обострились до того, что пословъ заперли на посольскомъ дворѣ, то будетъ ясно, что Пальмквисту стало гораздо труднѣе собирать матеріалы для своего труда.

Прежде всего это выразилось въ томъ, что ему не удалось снять своего собственнаго оригинальнаго плана Москвы и пришлось, въ сво-

---

[28]) М. А. М. Ин. Д., ibid. 1673 г., № 3.

[29]) В. и Г. Холмогоровы. Истор. матеріалы о церквахъ и селахъ XVII и XVIII вв. Вып. 3-й, стр. 133—136.

емъ сочиненіи помѣстить готовый, взятый у Олеарія. Примѣчанія, которыя прилагаетъ Пальмквистъ къ плану Москвы, кратки и носятъ довольно общій характеръ; видно, что автору пришлось довольствоваться тѣмъ, что ему попадало подъ руку. Онъ говоритъ о внѣшнемъ видѣ Москвы, при чемъ высказываетъ традиціонную у иностранцевъ мысль о противоположности между великолѣпіемъ Москвы извнѣ и грязью и убожествомъ, которыя поражаютъ путешественника при въѣздѣ въ русскую столицу. Его поражаетъ множество деревянныхъ построекъ и еще большее изобиліе церквей, которыхъ онъ насчитываетъ до 2000; наконецъ, онъ отмѣчаетъ характерную особенность старорусской жизни, по которой дома считались движимостью и продавались въ готовомъ видѣ на рынкахъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что, если Пальмквистъ былъ стѣсненъ въ своей личной свободѣ и не могъ, гуляя по Москвѣ, собирать интересовавшія его свѣдѣнія, онъ покорно сложилъ руки и терпѣливо дожидался возвращенія гонца Эосандера, чтобы послѣ царской аудіенціи скорѣе выѣхать изъ города, гдѣ съ нимъ и его товарищами обращались почти какъ съ плѣнниками. Его дѣятельная натура искала выхода и нашла его въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, онъ далъ волю своему художественному таланту; во-вторыхъ, окольными путями старался, и довольно удачно, добывать нужныя свѣдѣнія изъ московскихъ приказовъ. Посмотримъ, чего добился онъ въ этихъ обоихъ направленіяхъ.

Ко времени пребыванія Пальмквиста въ Москвѣ относится большинство тѣхъ, по истинѣ художественныхъ рисунковъ, которые украшаютъ страницы его труда [30]). Эти рисунки своимъ содержаніемъ показываютъ намъ, какія явленія русской жизни онъ считалъ наиболѣе достойными быть увѣковѣченными. Прежде всего, его интересуютъ церемоніи царскаго двора и своеобразная жизнь московскихъ бояръ; отсюда его рисунокъ, изображающій аудіенціи пословъ у царя и другой, изображающій поѣздъ знатной русской боярышни, снабженный любопытнымъ примѣчаніемъ, будто московскія боярышни во время выѣздовъ всегда сажаютъ у ногъ безобразныхъ татарскихъ рабынь, чтобъ въ сравненіи съ ними казаться красавицами.

Впрочемъ, наблюдать жизнь двора и высшаго московскаго круга было трудно шведскому инженеру, сидѣвшему, по большей части, подъ замкомъ на посольскомъ подворьѣ; легче было наблюдать другія болѣе доступныя и не менѣе своеобразныя стороны русской жизни, какъ напримѣръ, правежъ, батоги, наказаніе кнутомъ, что Пальмквистъ и исполнилъ, оставя намъ свои впечатлѣнія въ рисункахъ.

[30]) До 30.

За невозможностью снимать планы и осматривать городскія укрѣпленія, Пальмквистъ обратился къ изученію внѣшней стороны русской военной жизни и далъ намъ прекрасно исполненные рисунки, одежды и вооруженія русскихъ ратныхъ людей, причемъ рисунки изображающіе экипировку и знамена различныхъ стрѣлецкихъ полковъ написаны даже красками: военный агентъ изучалъ будущихъ противниковъ Шведовъ.

Намъ кажется, что будетъ умѣстно здѣсь же отмѣтить стоящіе какъ бы отдѣльно рисунки и чертежи артиллерійскихъ орудій, снабженные краткими, но цѣнными примѣчаніями чисто техническаго характера, которыя будетъ очень полезно имѣть въ виду при изслѣдованіи вопросовъ, касающихся исторіи вооруженія русскихъ войскъ. Любопытно, что Пальмквистъ, который, какъ мы видѣли, далеко не благосклонно относится къ русскимъ и смотритъ на завоеваніе Московскаго государства, какъ на дѣло, не требующее особенныхъ усилій, отзывается съ большою похвалой о русской артиллеріи. „Артиллерія русскихъ" говоритъ онъ, „вообще очень хороша и состоитъ не только изъ употребляемыхъ у насъ обыкновенныхъ видовъ картечныхъ полевыхъ и полковыхъ орудій, пищалей и мортиръ, но имѣетъ, кромѣ того, свои собственные образцы какъ пушекъ и мортиръ, такъ и другихъ мелкихъ снарядовъ. Относительно русскихъ артиллеристовъ онъ замѣчаетъ, что они при стрѣльбѣ почти не даютъ промаховъ, и что у русскихъ вообще достаточно хорошихъ пушкарей и затинщиковъ.

Наконецъ, нужно упомянуть еще объ одномъ рисункѣ Пальмквиста, относящимся къ Москвѣ—именно о рисункѣ, изображающемъ поднятіе большого колокола. Колоколъ этотъ, вѣсомъ въ 11000 пудовъ, отлитъ въ 1637 г. [31]). На рисункѣ онъ изображенъ поднимающимся изъ высокаго сруба на особую каменную звонницу; колоколъ подымается на канатахъ, проходящихъ на верху звонницы черезъ лебедки; на концахъ этихъ канатовъ прикрѣплены тяжести.

Пальмквистъ самъ говоритъ намъ, что онъ не останавливался передъ подкупами съ цѣлью добыть нужныя для него свѣдѣнія. Мы уже говорили выше, что именно этимъ способомъ онъ долженъ былъ добывать русскія карты. Слѣдуетъ думать, что кромѣ картъ онъ подобнымъ же путемъ досталъ и тѣ свѣдѣнія о Московскихъ войскахъ, которыя мы у него находимъ.

Въ организаціи ратныхъ силъ Московскаго государства болѣе всего привлекаютъ его вниманіе служилые иноземцы. Онъ старательно соби-

---

[31]) Подробныя свѣдѣнія о большихъ Московскихъ колоколахъ того времени сообщаетъ Павелъ Алеппскій. Путешествіе Митр. Макарія Антіохійскаго. Пер. Г. А. Муркоса, вып. III, стр. 110—114.

раетъ о нихъ свѣдѣнія; въ концѣ его труда мы находимъ цѣлый списокъ, заключающій перечень именъ всѣхъ иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ, съ обозначеніемъ страны ихъ происхожденія и русскаго города, въ которомъ каждый изъ нихъ находится на службѣ. Къ списку приложены данныя объ окладахъ, которые получали служилые иноземцы. Эту таблицу мы помѣщаемъ здѣсь:

Фенрихъ получаетъ въ годъ..	25 рублей, что составляетъ почти 50 кронъ.
Корнетъ	36 рублей.
Лейтенантъ въ пѣхотѣ.......	40
Лейтенантъ въ конницѣ	45
Капитанъ.......	54 р. 25 к.
Ротмистръ...............	64
Майоръ въ пѣхотѣ.........	69
Майоръ въ конницѣ.... ...	88
Подполковникъ въ пѣхотѣ ...	70 или 75
Подполковникъ въ конницѣ ..	90
Старшій полковникъ въ пѣхотѣ.	250
Слѣдующій за нимъ........	200 или 175
Полковникъ въ конницѣ.....	250

Быть можетъ, въ особомъ интересѣ къ положенію служилыхъ иноземцевъ Пальмквистъ руководился тайными политическими цѣлями; можно предположить, что среди иноземцевъ онъ надѣялся впослѣдствіи найти союзниковъ Швеціи.

Кромѣ свѣдѣній о военныхъ силахъ, Пальмквиста, видимо, очень интересовало все, что касалось Сибири; кромѣ 2-хъ картъ этой страны мы находимъ у него данныя о дорогахъ въ Сибири, о разстояніи между Сибирскими городами, о сибирскихъ инородцахъ и т. п.

Вниманіе нашего автора привлекаетъ еще и другая русская окраина: низовье Волги, Каспій и пути въ Персію. Здѣсь можно усматривать вліяніе Олеарія, сочиненіе котораго въ это время было извѣстно каждому образованному человѣку въ Западной Европѣ. Впрочемъ, карта Каспійскаго моря, планъ и сообщаемыя при немъ свѣдѣнія о крѣпости Теркахъ не имѣютъ ничего общаго съ разсказомъ Олеарія. Къ сожалѣнію, Пальмквистъ не сообщаетъ ничего о томъ, откуда взялъ онъ свѣдѣнія о юго-восточной окраинѣ Россіи.

Проживъ въ Москвѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, посольство Оксеншерны двинулось въ обратный путь въ іюнѣ 1674 г.

До Новгорода посольство слѣдовало по той же дорогѣ, по какой ѣхало зимой, затѣмъ, по новому пути черезъ Псковъ и Печоры въ Шведскую Ливонію. О такомъ измѣненіи пути говоритъ самъ Пальмквистъ при описаніи дороги между Новгородомъ и Псковомъ, помѣщенномъ въ ряду описаній прочихъ проѣзжихъ путей Новгородской области, упоминая о „пастбищахъ, называемыхъ по русски пустошами", среди которыхъ члены посольства, согласно мѣстному обычаю, отдыхали подъ шатрами на обратномъ пути.

Измѣненіе маршрута дало Пальмквисту возможность ознакомиться съ сильнѣйшей и знаменитѣйшей изъ русскихъ крѣпостей. Весьма естественно, что благодаря такому значенію Пскова, вниманіе нашего автора почти исключительно заняли стратегическія соображенія, касающіяся возможной въ будущемъ осады его, и тщательный осмотръ городскихъ укрѣпленій, о чемъ Пальмквистъ и распространяется весьма подробно. Мы уже имѣли случай коснуться описанія Пальмквистомъ Пскова и Печоръ при ознакомленіи съ планами этихъ городовъ, и потому здѣсь уже не будемъ возвращаться къ этому вопросу.

При проѣздѣ черезъ Новгородскую область Пальмквистъ обратилъ вниманіе на соляной промыселъ, издавна существовавшій въ мѣстности между Новгородомъ и Псковомъ, и оставилъ намъ рисунокъ, планъ и разрѣзъ одной ихъ соляныхъ варницъ, видѣнныхъ имъ по пути въ Москву на р. Мшагѣ. Какое значеніе имѣлъ еще во времена Пальмквиста этотъ промыселъ, нынѣ вовсе исчезнувшій, можно видѣть изъ того, что, по его словамъ, въ одинъ городъ Нарву отправлялось ежегодно болѣе 1000 ластовъ соли. „Самая лучшая соль", говоритъ нашъ путешественникъ далѣе, „добывается близъ Старой Русы и по берегамъ Ильменя; что же касается соли съ р. Мшаги, то она, хотя и мелка, но менѣе солона. Впрочемъ, изъ одного мѣста рукописи Пальмквиста можно видѣть, что уже во второй половинѣ XVII вѣка соляной промыселъ въ Новгородской области находился въ упадкѣ: такъ, онъ говоритъ, что изъ 8 варницъ, бывшихъ ранѣе на р. Мшагѣ, въ его время существовали только три.

Я думаю, не будетъ безъинтереснымъ здѣсь же при разборѣ показаній Пальмквиста освѣтить его извѣстія о соляномъ промыслѣ по русскимъ извѣстіямъ, которыя въ то же время покажутъ намъ, съ одной стороны, какія дѣлались попытки поднять этотъ промыселъ, давно уже клонившійся къ упадку, а съ другой — нѣкоторыя изъ причинъ, способствовавшихъ этому упадку.

Всего за 8 лѣтъ до путешествія Пальмквиста въ Московское государство Псковскій воевода, знаменитый А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, какъ извѣстно, много положившій труда для того, чтобъ поднять торговлю и промышленность въ Псковѣ, обратилъ вниманіе и на соляной промыселъ, который когда-то существовалъ тамъ. Изъ Старой Русы былъ вызванъ соляного варенья мастеръ, которому было поручено осмотрѣть старыя соляныя варницы на р. Губѣ въ 12 верстахъ отъ Пскова, на дворцовой пустоши Селинѣ Соленикѣ и, если возможно, привести ихъ снова въ дѣйствіе. Изъ отписки Ордына - Нащокина въ Москву видно, что „по сказкѣ государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ окольныхъ людей, слышали они отъ старыхъ людей, что тѣ соловары больше 100 лѣтъ какъ покинуты по челобитью городовыхъ и уѣздныхъ людей для оскудѣнія дровъ". Изъ дальнѣйшаго выясняется, что для возстановленія соляныхъ промысловъ нужно произвести земляныя работы, чего мѣстные мастера сдѣлать не могутъ, потому что не умѣютъ [32]). Сопоставивъ это дѣло съ показаніями Пальмквиста, можно заключить, что недостатокъ топлива, неискусное производсво, соединенное, можетъ быть, съ конкурренціей, и были, вѣроятно, причиною паденія древняго промысла.

Сдѣлавъ это длинное отступленіе, возвращаемся къ нашему путешественнику.

Мы уже нѣсколько разъ указывали на стоящій особнякомъ отдѣлъ работы Пальмквиста, посвященный подробному описанію важнѣйшихъ путей между Новгородомъ, Псковомъ и ближайшими къ русской границѣ шведскими городами, Юрьевомъ и Нарвой. Теперь мы остановимся на этомъ отдѣлѣ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что здѣсь затрогивается очень важный вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался нашъ авторъ.

Пальмквистъ даетъ описаніе слѣдующихъ дорогъ:

1) Лѣтней сухопутной дороги, идущей мимо Сумерскаго озера къ р. Мшагѣ.
2) Такой же дороги отъ Нарвы до Новгорода по рр. Лугѣ и Мшагѣ къ востоку отъ первой.
3) Прямого зимняго пути отъ Нарвы до Новгорода.
4) Воднаго пути по Невѣ и Волхову.
5) Сухого пути между Орѣшкомъ и Ладогой.
6) Дорогъ отъ Юрьева до Пскова.
7) Дороги между Нарвой и Псковомъ.
8) Дороги между Новгородомъ и Псковомъ.
9) Зимняго пути отъ Ніеншанца до Новгорода.

[32]) Архивъ Мин. Юстиціи столбецъ Новгородскаго стола № 188, лл. 512—518.

Описаніе всѣхъ этихъ дорогъ составлено весьма подробно, вѣроятно, потому что всѣ онѣ могли служить для передвиженія будущей завоевательной арміи. Но эта самая подробность въ описаніи интересуетъ насъ въ другомъ отношеніи. Является вопросъ, откуда могъ Пальмквистъ брать такія подробныя свѣдѣнія о дорогахъ въ Новгородской области? Самъ лично онъ проѣхалъ только по двумъ дорогамъ: зимней Нарвско-Новгородской и Новгородско-Псковской. Нѣкоторые члены посольства могли сообщить ему свѣдѣнія о третьей—водной черезъ Ніеншанцъ и Ладогу. Въ Новгородѣ и Псковѣ онъ пробылъ слишкомъ мало времени, чтобъ быть въ состояніи узнать объ этихъ дорогахъ путемъ справокъ и разспросовъ. Помощью подкупа онъ не могъ достать ничего, потому что русскихъ описаній этихъ дорогъ не существовало. Мы осмѣливаемся высказать такое мнѣніе на основаніи нѣсколькихъ официальныхъ документовъ того времени [33]). Не ранѣе чѣмъ въ 1662 году рѣшено было въ Новгородѣ осмотрѣть и привести въ извѣстность состояніе большой проѣзжей дороги между Новгородомъ и Псковомъ. До насъ дошелъ черновой наказъ, который предполагалось дать лицу, командированному для осмотра дороги. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого наказа: „ѣхать ему въ Водскую и Шелонскую пятины мостовою дорогой до Сольцы и до Дубровны и до Пскова и досматривать ему ѣдучи тое дороги, гдѣ какія мѣста сухія и грязи и мхи и болота и насколько въ которыхъ мѣстѣхъ саженъ мху и грязей будетъ, да ему жъ переписать рѣки и на которыхъ рѣкахъ есть броды и перевозы, и въ которыхъ мѣстѣхъ и на которыхъ рѣкахъ броду нѣтъ и безъ мостовъ пробыть нельзя, и тѣ дороги измѣрить и около тое дороги переписать села и деревни и чьи въ тѣхъ деревняхъ живутъ крестьяне... и сколь далеко тѣ села и деревни отъ псковской дороги... и про тое псковскую мостовую дорогу допрашивать тутошнихъ и окольныхъ погостовъ крестьянъ"... Такова была программа; выполнить ее пришлось на долю нѣкоему Афанасію Свербееву съ товарищи — подъячимъ и 15 стрѣльцами. Какъ же пошла ихъ работа? Не прошло и мѣсяца какъ отъ нихъ пришло челобитье слѣдующаго содержанія: „мы отъ великаго Новгорода къ митрополичьей мельницѣ не со многими людьми со крестьяны мосты мостить и гати гатить начали, а стрѣльцовъ разослали въ Государевы дворцовыя села и въ митрополичьи вотчины и тѣ крестьяне безъ государева указу... мостовъ мостить нейдутъ и стрѣльцамъ подводъ недаютъ, и вы о томъ что укажете, и намъ мостовъ мостить и гатей гатить некѣмъ, людей нѣтъ". Неизвѣстно, какъ пошло дѣло далѣе,

---

[33]) А. М. Ю. столб. Новг. стола № 126, лл. 275 и 63, № 136, лл. 198—199.

но черезъ два мѣсяца послѣ начала работъ, А. Свербеевъ представилъ описаніе части Псковской дороги отъ Мшажскаго рядка до р. Деряги, впадающей въ Ильмень; характеръ этого описанія, въ которомъ обращается главное вниманіе на состояніе мостовъ, на рѣки и броды, значительно разнится отъ описанія дороги у Пальмквиста, такъ что трудно думать, чтобы именно это описаніе послужило оригиналомъ для нашего автора. Кромѣ того, разъ самая главная сухопутная дорога этой области впервые была описана всего за нѣсколько лѣтъ до путешествія Пальмквиста, трудно предположить, чтобы въ 1674 году были переписаны всѣ тѣ дороги, которыя мы у него находимъ. Гораздо естественнѣе думать, что матеріалы для помѣщеннаго имъ въ своей рукописи описанія дорогъ къ Новгороду и Пскову, нашъ авторъ почерпнулъ гдѣ-нибудь за рубежомъ. При этомъ матеріалы эти могутъ имѣть двоякое происхожденіе: Пальмквистъ могъ ихъ отыскать въ архивахъ Швеціи, гдѣ такія описанія дорогъ могли остаться послѣ войнъ 10-хъ и 50-хъ годовъ XVII столѣтія, или же онъ нашелъ ихъ гдѣ-нибудь въ Ревелѣ или другомъ городѣ Балтійскаго края, быть можетъ даже, въ какомъ-нибудь городскомъ архивѣ. Если мы допустимъ такое предположеніе, то нѣкоторыя изъ дорогъ, описываемыхъ Пальмквистомъ, получаютъ особый интересъ. Въ старинныя времена, когда Новгородъ торговалъ съ Ганзой, были извѣстны кромѣ воднаго пути черезъ Неву и Ладогу, еще три сухопутныхъ или „горныхъ" дороги, по которымъ совершалась ганзейская торговля. Эти дороги извѣстны намъ, главнымъ образомъ, по источникамъ не русскимъ, но зарубежнымъ. Пр. Никитскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи объ экономическомъ бытѣ Новгорода сообщаетъ возможно полныя извѣстія объ этихъ трехъ дорогахъ [34]). Сравнивая эти извѣстія съ описаніемъ Пальмквиста, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: одна изъ этихъ трехъ дорогъ— Псковская проходила въ XIV и XV столѣтіяхъ черезъ Порховъ и по р. Узѣ, т. е. нѣсколько южнѣе, чѣмъ въ XVII вѣкѣ. Въ дорогѣ, обозначенной у насъ подъ № 2, можно безъ труда узнать древній Лужскій путь. О третьемъ пути Водскомъ пр. Никитскій говоритъ слѣдующее: Вотскій путь имѣлъ исходнымъ пунктомъ Ревель и тянулся черезъ Вотскую землю; дальнѣйшее направленіе его неизвѣстно [35]). У Пальмквиста встрѣчаемъ, во-первыхъ, прямую дорогу отъ Нарвы до Новгорода; во-вторыхъ, дорогу, означенную подъ № 1; и та и другая въ извѣстной части своего протяженія могутъ быть отождествлены съ стариннымъ Вотскимъ Ганзейскимъ путемъ.

---

[34]) Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 105—106.
[35]) Ibid., стр. 107.

Чтобъ покончить съ обзоромъ содержанія рукописи Пальмквиста намъ остается рѣшить еще одинъ очень важный вопросъ о томъ, насколько вообще нашъ авторъ достовѣренъ въ своихъ показаніяхъ и насколько, поэтому, можно на него полагаться. Въ предыдущемъ изложеніи мы нѣсколько разъ затрогивали этотъ вопросъ мелькомъ; здѣсь мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Описаніе дорогъ прежде всего можетъ помочь намъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Мы, конечно, нисколько не сомнѣваемся въ показаніяхъ Пальмквиста касательно качества русскихъ дорогъ; какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ считаетъ ихъ очень скверными, хотя, нужно отдать ему справедливость, онъ очень скроменъ въ своихъ требованіяхъ, и его описаніе гораздо менѣе картинно рисуетъ всѣ прелести древне-русскихъ дорогъ, чѣмъ описаніе уже извѣстнаго намъ Свербеева, у котораго мы постоянно встрѣчаемъ ужасающія картины въ родѣ слѣдующей: „У Голина села рѣка велика впадетъ (въ Ильмень), а въ ней плытья и броду на версту, плытья будетъ съ половину да брести будетъ лошадямъ съ другую половину, а брести будетъ лошади по холку сажень ста съ три, а иное по тебенекъ и по черево“... Оставимъ вопросъ о качествѣ дорогъ въ сторонѣ, и взглянемъ на разстоянія между пунктами, которыя даетъ Пальмквистъ. Эти разстоянія указаны очень добросовѣстно; такъ, напримѣръ, разстояніе отъ Москвы до Твери онъ опредѣляетъ въ 145 верстъ; теченіе Невы въ 56 верстъ. Названія селеній, попадающихся ему на пути и имена рѣкъ хотя и исковерканы, но нигдѣ настолько, чтобъ не могли быть возстановлены.

Военныя извѣстія и соображенія Пальмквиста также могутъ быть въ извѣстной степени провѣрены. Вопросъ о состояніи укрѣпленій городовъ, черезъ которые проѣзжалъ Пальмквистъ всегда, какъ мы видѣли, занималъ его очень сильно и почти вездѣ, кромѣ единственно Печорской крѣпости, онъ находилъ, что города укрѣплены слабо, стѣны ветхи, и это обстоятельство, быть можетъ, особенно придавало ему увѣренность въ легкости завоеванія Московскаго государства. Дѣйствительно ли это было такъ? Въ трехъ случаяхъ, касающихся Ладоги, Печоръ и отчасти Пскова мы имѣемъ возможность провѣрить нашего автора, и вездѣ онъ оказывается болѣе или менѣе правымъ.

Вотъ какъ описываетъ онъ городъ Ладогу: „этотъ городъ во всю длину открытъ со стороны р. Волхова; въ немъ находится большая деревянная крѣпость съ 5-ю или 6-ю очень старыми и развалившимися круглыми башнями“. 13 лѣтъ спустя мы находимъ слѣдующее описаніе Ладоги въ росписномъ спискѣ воеводы Мих. Палибина [36]). „Го-

[36]) А. М. Ю. Столб. Новгород. стола № 322, лл. 295–297.

родъ Ладога каменный, башни и прясла стоятъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта и въ башняхъ мосты отъ дождя и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣнѣ съ великою нуждою и въ нужное время къ тѣмъ пищалямъ притти будетъ немочно, что мостовъ въ башняхъ нѣтъ, да въ томъ же каменномъ городѣ стоитъ въ каменной въ проходной башнѣ въ полатяхъ ваша великихъ государей зелейная казна и та проходная башня непокрыта и сверху сыплется, мосты огнили, а двери у тое полатки, гдѣ та зелейная казна, худы и не построены, а блиско тое башни въ городѣ и на посадѣ стоятъ деревянныя хоромы и та ваша великихъ государей зелейная казна отсырѣла, а иная мокра, а пушечные припасы и ружейная казна стоитъ въ деревянномъ анбарѣ и на томъ анбарѣ кровля худа и тотъ анбаръ огнилъ, а городъ деревянный стоитъ безъ кровли и отъ мокроты все валится врознь".

Въ другой русской пограничной крѣпости Печорахъ по словамъ Пальмквиста, стѣны и башни сами по себѣ вполнѣ хороши и толсты, и, какъ казалось, достаточно вооружены артиллеріей. Здѣсь всегда содержится гарнизонъ изъ 150 стрѣльцовъ".

Къ сожалѣнію, русскія извѣстія о состояніи Печорской крѣпости намъ удалось найти только за 1641 г., то есть на 33 года ранѣе проѣзда Пальмквиста черезъ этотъ городъ [37]). Въ это время гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 180 ратныхъ людей различнаго рода и, такимъ образомъ, близко подходилъ по численности къ цыфрѣ, указываемой Пальмквистомъ. Состояніе городскихъ стѣнъ было также, повидимому, довольно исправнымъ, но за-то артиллеріи не было почти вовсе; до насъ дошла слезная челобитная печорскаго архимандрита Рафаила царю о присылкѣ въ Печоры нѣкотораго количества артиллерійскихъ орудій: „наряду государь отписано намъ немного, и тотъ плохъ а городъ окладомъ великъ, по городу девять башенъ, да трои ворота, а въ воротехъ однѣхъ пушечка дробовая и та не велика, а въ двоихъ государь воротехъ пушечекъ нѣтъ, а по башнемъ, государь, въ одномъ среднемъ бою по пушечкѣ мѣдной и тѣ не велики, а дробовыхъ и полковыхъ пушечекъ нѣтъ. А есть въ Псковѣ въ твоей государевѣ казнѣ нарядъ Себежской... государь смилуйся пожалуй насъ богомольцевъ твоихъ вели государь дать намъ въ Печерскій монастырь изъ того себежскаго наряду пушечекъ дробовыхъ и полковыхъ сколько тебѣ праведному государю Богъ извѣститъ". Но и такимъ способомъ Печерскій игуменъ не достигъ своей цѣли. Изъ Пскова не могли выслать всего Себежскаго наряда не смотря на

---

[37]) А. М. Ю. Столб. Новгород. стола, № 88, лл. 265—274.

приказанія изъ Москвы; дѣло въ томъ, что въ самомъ Псковѣ, этой важнѣйшей русской крѣпости, артиллеріи было недостаточно.

Перечисленные примѣры показываютъ, что показанія Пальмквиста всегда стоятъ близко къ истинѣ; единственное разногласіе его съ русскими источниками касается Печорской артиллеріи; но не слѣдуетъ забывать, что между челобитной игумена Рафаила и путешествіемъ Пальмквиста прошло болѣе 30 лѣтъ. Общее согласіе между показаніями нашего автора и данными, взятыми изъ русскихъ офиціальныхъ актовъ, заставляетъ насъ съ довѣріемъ относиться и къ его сужденіямъ о состояніи другихъ видѣнныхъ имъ русскихъ городовъ въ военномъ отношеніи.

Общее количество русскихъ войскъ Пальмквистъ полагаетъ, на основаніи словъ русскихъ людей, въ 300000. Эта цыфра какъ нельзя лучше сходится съ выводами о численности русскаго войска въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVII столѣтія, къ какимъ на основаніи детальнаго изученія архивныхъ источниковъ приходитъ П. Н. Милюковъ: у него для 1681 года мы находимъ цыфру 264025 человѣкъ, считая до 100000 иррегулярныхъ войскъ [38]).

Пальмквистъ подмѣтилъ также одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ организаціи войскъ иноземнаго строя. Онъ говоритъ, что иностранцы-офицеры „находящіеся въ Москвѣ не имѣютъ за исключеніемъ очень немногихъ, наличнаго состава нижнихъ чиновъ подъ своимъ начальствомъ, но состоятъ только въ запасѣ, получая между тѣмъ жалованье“. Дѣло въ томъ, что 2 московскихъ „выборныхъ“ полка иноземнаго строя составляли въ эту эпоху ядро, къ которому примыкали во время похода служилые и даточные люди. Послѣдніе въ мирное время распускались, но кадръ ихъ начальниковъ-иноземцевъ сохранялся въ полномъ комплектѣ. Въ военное время каждый изъ двухъ выборныхъ полковъ развертывался въ цѣлую дивизію, причемъ команду надъ новосформированными полками получали „кадровые“ иноземные офицеры [39]).

Есть еще одно обстоятельство, которое сильно говоритъ въ пользу достовѣрности и добросовѣстности показаній автора. Онъ вездѣ строго различаетъ то, что составилъ самъ, отъ заимствованнаго имъ изъ другихъ источниковъ: это въ особенности замѣтно въ картахъ и планахъ, которые онъ помѣстилъ въ своей рукописи. На всѣхъ картахъ, составленныхъ не имъ, онъ добросовѣстно отмѣчаетъ, что эта карта или планъ сообщены ему другими лицами или составляютъ копіи. Конечно, и онъ является иногда сыномъ своего вѣка и не чуждъ басенъ и глу-

---

[38]) Милюковъ. Государственное хозяйство въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго, стр. 52—53.

[39]) Подробности см. у Милюкова, ibid, § 17.

постей. Вспомнимъ „красную остановку“ или монаха, совершившаго надъ собою нѣчто въ родѣ трахеотоміи и могущаго говорить только заткнувъ дыру въ горлѣ... Но подобныхъ небылицъ насчитывается въ его трудѣ очень мало; онъ инженеръ и военный агентъ: ему некогда давать волю воображенію; все что онъ рисуетъ и записываетъ, должно быть представлено въ генеральный штабъ и служить впослѣдствіи для военныхъ дѣйствій. Его работа—это отчетъ о трудной отвѣтственной командировкѣ, а не повѣствованіе досужаго и любознательнаго путешественника. Вотъ почему текстъ его рукописи сжатъ, кратокъ и сухъ. Нужно думать, что и самъ онъ придавалъ своимъ планамъ и рисункамъ равное, если не большее значеніе, чѣмъ тексту, приложенному къ нимъ; текстъ ему нуженъ тамъ, гдѣ необходимо добавить что-нибудь, чего нельзя помѣстить на рисункѣ или на картѣ. Для насъ, и говорить нечего, рукопись Пальмквиста имѣетъ главнымъ образомъ значеніе благодаря интереснымъ планамъ и картамъ и художественнымъ рисункамъ:—въ этомъ ея главная цѣнность. Объяснительныя примѣчанія стоятъ на второмъ планѣ. Однако и ими пренебрегать не слѣдуетъ: историческій матеріалъ, даваемый этими примѣчаніями, не богатъ, но онъ драгоцѣненъ, потому что авторъ былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ и старался добывать истинныя свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ. Онъ помнилъ, что отъ одного его ложнаго извѣстія можетъ въ будущемъ зависѣть участь цѣлой арміи и исходъ великаго предпріятія. Работа Пальмквиста имѣла чисто прикладное назначеніе; она должна была послужить матеріаломъ для выработки подробнаго плана завоеванія Россіи—плана, которымъ, видимо, увлекались въ это время въ Швеціи.

Грандіозныя мечты не осуществились; военные, для которыхъ предназначалась рукопись Пальмквиста, не воспользовались ею и она осталась лежать въ архивѣ, пока, за давностью времени, не сдѣлалась достояніемъ мирныхъ изслѣдователей старины.

Ю. Готье.

II.

О золотой медали князя Константина Константиновича Острожскаго.

Въ числѣ предметовъ нумизматической находки, сдѣланной 26 ноября 1898 года подъ поломъ на хорахъ въ Великой церкви Кіево-печерской лавры, самымъ замѣчательнымъ для русской археологіи представляется золотая монета князя К. К. Острожскаго, воеводы кіевскаго, съ его портретомъ и гербомъ, доселѣ неизвѣстная. Медаль — вѣсомъ около 5 червонцевъ, за исключеніемъ неподвижнаго ушка, придѣланнаго впослѣдствіи и сдѣланнаго изъ золота низшей пробы.

На лицевой сторонѣ ея изображенъ погрудный портретъ князя съ лицомъ, обращеннымъ немного въ правую сторону и съ длинною, постепенно суживающеюся бородою, спускающеюся во всю длину груди. На князѣ надѣта шуба съ отложнымъ мѣховымъ (горностаевымъ) во-

ротникомъ и довольно широкими рукавами; голова—безъ шапки. Кругомъ—латинская надпись: Constantinus. Cô. D(ei). G(ratia). Dux Ostrogiae. P(alatinus). Kio(viensis). M(areschalcus). T(errae). Wo(lhyniae). C(apitaneus). W(olodimiriensis), т.-е. „Константинъ Константиновичъ Божіею милостію князь Острожскій, воевода Кіевскій, моршалокъ земли Волынской, староста Володимірскій". Это—обычный титулъ князя К. К. Острожскаго, приписываемый ему и въ другихъ памятникахъ [1]). Если сравнить медальный портретъ К. К. Острожскаго съ живописнымъ его портретомъ, изданнымъ въ книгѣ П. Н. Батюшкова „Волынь" [2]), то оказывается, что на послѣднемъ князь К. К. Острожскій представленъ

[1]) См., напр., въ 15 № «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей» за 1875 г., стр. 515.

[2]) «Волынь», изд. П. Н. Батюшкова, Спб., 1888 г., стр. 141.

послужившій для него знаменіемъ побѣды надъ супостатами, и обезпечивалъ князю Острожскому побѣду надъ еретиками и бѣсами [8]).

Съ этимъ символическимъ толкованіемъ герба князя К. К. Острожскаго имѣетъ, по нашему мнѣнію, тѣсную связь латинская надпись вокругъ герба на оборотной сторонѣ медали князя К. К. Острожскаго. Надпись эта читается такъ:

ANAG^{r}(amma). *E*n *U*t *V*ox *I*nsons [9])
*D*ucit *IN* *A*stra *SUOS*.

Изъ самаго наименованія этой надписи *анаграммою* можно видѣть, что она должна давать двоякое чтеніе и двоякій смыслъ прямой и непрямой.

Прямой смыслъ дается обычнымъ текстомъ надписи и въ русскомъ переводѣ даетъ слѣдующее чтеніе: „Вотъ какъ голосъ невинный (можетъ быть, громогласный) ведетъ своихъ на небо“ (собственно—на звѣзды)! Какъ бы указывая на копье и мечъ двухъ всадниковъ герба, какъ на символическія орудія борьбы съ діаволомъ и еретиками, и на крестъ Христовъ на гербѣ, какъ на орудіе спасенія человѣка и возведенія его въ рай, надпись представляетъ эти средства и пути спасенія, находящіеся въ рукахъ князя К. К. Острожскаго, какъ бы наглядными, символически изображенными на самомъ гербѣ князя, и лишь указываетъ конечную цѣль этихъ средствъ и путей, т.-е. возведеніе людей на небо: „Вотъ какъ невинный (можетъ быть, громогласный) голосъ ведетъ своихъ на небо!“ Болѣе близкое, непосредственное отношеніе надпись имѣетъ къ двумъ частностямъ медали и герба: во-первыхъ, къ титулу *князь—Dux,* отъ котораго одна грамматическая надпись заимствовала слово *ducit*; и во-вторыхъ, къ серпу луны и звѣздѣ (въ третьей части герба), представляющимъ собою *Astra,* т.-е. *звѣзды,* подъ которыми въ данномъ случаѣ разумѣется небо и видимое и невидимое, т.-е. рай.

Но, кромѣ этого прямого смысла, анаграмма даетъ и другой особенный смыслъ, который долженъ заключаться въ заглавныхъ буквахъ надписи. Эти заглавныя буквы, выдѣленныя изъ основного ея текста, даютъ слѣдующія слова:

Eu vid. in a. suos!

Въ соотвѣтствіи съ основнымъ текстомъ надписи, мы читаемъ эти

---

[8]) «Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-русскихъ фамилій», и проч., С. Голубева, въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи», октябрь, 1872 г., стр. 348—9.

[9]) *Insons,* можетъ быть, есть сокращеніе слова *insonans*.

моложе и съ менѣе длинною бородой, чѣмъ на медальномъ, но въ подобной шубѣ и, сверхъ того, въ мѣховой шапкѣ.

На оборотной сторонѣ медали изображенъ гербъ князя К. К. Острожскаго, точно такой же, какой представленъ на гравюрѣ на оборотѣ заглавнаго листа Острожской Библіи 1581 года, изданной этимъ княземъ. Этотъ гербъ раздѣленъ на 4 части: въ верхней лѣвой (отъ зрителя)— св. Георгій Побѣдоносецъ на конѣ, поражающій копьемъ змѣя, какъ гербъ русско-литовскихъ князей, встрѣчающійся еще на вислой печати Подольскаго русско-литовскаго князя Александра Коріатовича, 1375 г. [3]); въ верхней правой части—изображенъ всадникъ съ поднятымъ мечемъ въ рукѣ, составляющій собственно гербъ Литвы; въ нижней лѣвой— двѣ фигуры, изъ коихъ верхняя представляетъ копье, утвержденное, по мнѣнію однихъ, на сломанномъ кольцѣ или на дугѣ [4]), а по мнѣнію другихъ,—на княжеской шапкѣ [5]), нижняя же—серпъ луны, обращенный рогами вверхъ, между которыми помѣщена звѣзда [6]); въ нижней правой части герба, неупоминаемой въ польскихъ гербовникахъ, изображены, судя по аналогіи съ другими гербами, копье съ крестомъ [7]), утвержденнымъ въ центрѣ дуги, обращенной вверхъ концами. — Всѣ четыре части герба князя К. К. Острожскаго символически объясняются въ посвятительныхъ виршахъ князю К. К. Острожскому въ предисловіи къ изданной имъ Острожской Библіи 1581 года. Св. Георгій, поражающій копьемъ змѣя, подъ которымъ разумѣется исконный врагъ рода человѣческаго—діаволъ, знаменуетъ самого князя К. К. Острожскаго, побѣждающаго этого мысленнаго врага и другимъ подающаго непобѣдимое оружіе противъ него, т.-е. слово Божіе, острѣйшее обоюдоостраго меча. Всадникъ съ поднятымъ мечемъ учитъ князя отсѣкать идольскія лести и прогонять умовредные еретическіе полки. Звѣзда въ гербѣ князя напоминала звѣзду отъ Востока, указывавшую волхвамъ путь къ родившемуся Спасителю, и должна была служить путеводною звѣздой для достиженія рая, а луна подъ звѣздой должна была означать, что убываетъ луна Ветхаго Завѣта, такъ какъ сіяетъ солнце неприступнаго свѣта, т.-е. І. Христосъ.—Крестъ въ четвертомъ отдѣленіи герба, которымъ Христосъ Богъ содѣлалъ спасеніе посреди земли, напоминалъ собою также крестъ, видѣнный Константиномъ Великимъ и

---

[3]) См. грамоту этого князя въ книгѣ «Подолія», того же П. Н. Батюшкова, 1890 г.

[4]) Herbarz Polski K. Niesieckiego, Лейпцигъ, 1841 г., т. VII, стр. 175—176 и т. VI, стр. 39. Этотъ гербъ есть лишь соединеніе двухъ гербовъ родственныхъ князьямъ Острожскихъ гербовъ Огоньчика и Деливы. Ib., VII, 176.

[5]) Encyklopedia Powszechna, Warszawa, 1865. T. XII, стр. 163.

[6]) Herbarz, Niesieckiego, in loco citato.

[7]) Ibidem. T. VI, s. 320.

слова такъ: *Eu, vid(it) in a(stris) suos-,* что въ русскомъ переводѣ значитъ: „Ахъ, онъ увидѣлъ своихъ на небѣ!" т.-е. уже умеръ. Въ такомъ случаѣ, медаль должна быть чеканена уже по смерти князя К. К. Острожскаго, послѣдовавшей 13 февраля 1608 года [10]), и, можетъ быть, по поводу этой смерти.

Н. Петровъ.

Кіевъ. 27 января 1899 г.

III.

О надписи, находящейся на древнемъ зданіи Московскаго губернскаго правленія.

Во дворѣ Московскаго губернскаго правленія, что у Иверскихъ воротъ, существуетъ каменное двухэтажное зданіе, отличающееся отъ окружающихъ его построекъ своеобразнымъ древнимъ видомъ; на стѣнѣ его сохранилась надпись, высѣченная на бѣлокаменной плитѣ. Въ надписи говорится о времени построенія и назначенія этого зданія; изъ этой же надписи дѣлается очевиднымъ, что мы видимъ передъ собою зданіе древне-русской гражданской архитектуры конца XVII вѣка. Это указаніе придаетъ зданію особую цѣнность, такъ какъ таковыхъ весьма мало сохранилось до нашего времени, не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи.

Съ вышеозначенной надписи мною сдѣланъ фотографическій снимокъ лѣтомъ 1898 года, который полагаю небезынтереснымъ помѣстить здѣсь въ копіи; насколько мнѣ извѣстно, означенная надпись не была помѣщаема въ изданіяхъ съ подлиннаго (фотографическаго) снимка. Но прежде, чѣмъ говорить подробно о надписи, полагаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ зданіи, гдѣ оно находится, и о другихъ древнихъ зданіяхъ, нѣкогда бывшихъ близъ него.

Изъ различныхъ историческихъ свѣдѣній узнаемъ, что въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ, у Иверскихъ воротъ, возникали нѣсколько большихъ зданій (или дворовъ), расположенныхъ по правой и по лѣвой сторонамъ проѣзда отъ Иверской площади въ Иверскія ворота; эти зданія принадлежали царскому двору и относились къ числу выдающихся построекъ древней Москвы, какъ по своей величинѣ, красотѣ архитектуры, такъ и по мѣстоположенію и назначенію.

---

[10]) «Объяснительные параграфы по исторіи Западно-Русской церкви», С. Голубева, Кіевъ, 1893 г., стр. 15 и 16.

Миновало старое время, наступилъ новый XVIII вѣкъ, которому перешли въ наслѣдіе отъ стараго быта многоцѣнныя, и оригинальныя созданія древне-русскаго искусства во всѣхъ его видахъ и въ томъ числѣ вышеозначенныя зданія. Продолжая служить помѣщеніемъ для разнаго рода учрежденій, они просуществовали, повидимому, безъ существенныхъ измѣненій до 1782 г. Въ этомъ году состоялось торжественное открытіе Московской губерніи, и губернскія присутственныя мѣста были помѣщены именно въ этихъ зданіяхъ. Новое назначеніе ихъ потребовало передѣлокъ и перестроекъ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, и производились, начиная съ того года, въ разное время, до 1873 г., когда лѣвое изъ нихъ было сломано.

Не смотря на значеніе зданій, занимаемыхъ въ разное время государственными учрежденіями и примѣчательность ихъ по архитектурѣ, до сего времени не было составлено подробнаго ихъ описанія, а имѣющіяся отрывочныя свѣдѣнія о нихъ, разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ, весьма скудны и не точны.

Вотъ тѣ историческія свѣдѣнія, какія я могъ найти, и которыя, полагаю, могутъ освѣтить исторію зданія въ общихъ чертахъ.

Просматривая древнія описи, планы и проч. относящіяся до Москвы, какъ-то: 1) Рисунокъ Кремля 1605 г. [1]), 2) Опись о. Аладьина 1629 г. [2]), 3) Чертежъ Афанасія Ѳомина [3]) (относящійся ко 2-й половинѣ XVII вѣка) и 4) Планъ Москвы 1661 г. [4]),—не находимъ въ нихъ рисунка или описанія вышеозначенныхъ зданій по сторонамъ Иверскихъ воротъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они появляются уже позднѣе 1661 года.

Изъ другихъ указаній узнаемъ, что въ 1663 году „Приказъ Денежнаго Дѣла" переведенъ изъ урочища Москвы „Серебрянники" [5]) гдѣ онъ находился—къ Иверскимъ воротамъ; это указаніе даетъ возможность предположить, что къ 1663 году у Иверскихъ воротъ были построены зданія значительнаго размѣра, въ которыхъ могъ помѣститься Приказъ Денежнаго Дѣла.

Указанія и предположенія эти подтверждаются старинными планами дворовъ Москвы [6]), гдѣ среди многихъ другихъ находимъ и планы дворовъ по обѣ стороны Иверскихъ воротъ; такъ, по правую сторону изображенъ большой дворъ съ многими зданіями, изъ которыхъ одно по своему положенію и размѣрамъ подобно существующему (гдѣ имѣется

---

[1]) Видъ Кремля въ началѣ XVII стол.—Румянцева.

[2]), [3]) Воскресенскія ворота. С. С.

[4]) Планъ приложенъ къ книгѣ путешествія барона Мееберга.

[5]) Сѣдая старина Москвы; улицы и переулки Москвы. Состав. Мартыновъ. Москва, 1881 г.

[6]) Древняя картографія. М. 1898 г.

надпись). По лѣвой сторонѣ изображенъ Отдаточный Государевъ Дворъ, на немъ показано нѣсколько построекъ небольшаго размѣра, очевидно, предшествовавшихъ болѣе поздней постройкѣ одного большого корпуса, со дворомъ по срединѣ (просуществовавшаго до 1873 года).

Далѣе, въ общераспространенныхъ описаніяхъ и путеводителяхъ по Москвѣ (старыхъ годовъ) говорится, что зданія у Иверскихъ воротъ существуютъ съ XVII вѣка и что въ нихъ помѣщались слѣдующія учрежденія: въ зданіи налѣво: 1) царская аптека [7]), австерія [8]); 2) университетъ (съ 1755—1771 г.), типографія, книжная лавка, гоубвахта, городская шестигласная дума [9]). Затѣмъ это зданіе было разобрано, а

Рис. 1.

Видъ воротной арки зданія Моск. губ. Правленія съ западной стороны.

на мѣсто его выстроенъ Историческій музей. Въ зданіи на правой сторонѣ: 1) Приказъ Денежнаго дѣла (монетный дворъ) [10]); 2) губернскія присутственныя мѣста [11]), которыя находятся тутъ и теперь.

Въ дополненіе къ этому слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ вышеозначенныхъ построекъ, выходившихъ на Красную площадь, было еще зданіе на правой же сторонѣ, но пройдя Иверскія ворота, между Китайскою стѣной и рѣчкою Неглинной; въ XVII вѣкѣ тутъ былъ „Льви-

---

[7]), [8]) и [10]) Опис. Москвы съ планами 1739 и 1843 г. Хавскаго. М. 1868 г.
[9]) и [11]) Планъ Москвы 1849—52 года.

ный“ дворъ [12]), на мѣстѣ котораго въ XVIII вѣкѣ построено большое каменное зданіе, принадлежавшее также присутственнымъ мѣстамъ. По сломкѣ его тутъ было выстроено новое зданіе Городской Думы.

Пропуская болѣе подробное описаніе зданія по лѣвой сторонѣ, какъ не относящееся къ предмету этой замѣтки, перейду прямо къ разсмотрѣнію другого, стоящаго по правой сторонѣ проѣзда, на которомъ сохранилась вышеупомянутая древняя надпись.

Зданіе имѣетъ форму длиннаго прямоугольника, расположеннаго отъ Китайской стѣны до Никольской улицы, т.-е. параллельно лицевому корпусу, съ башней, по проѣзду къ Иверскимъ воротамъ [13]). Оно въ

Рис. 2.

Видъ той же арки съ восточной стороны.

два этажа: нижній имѣетъ видъ нежилаго служебнаго этажа соотвѣтственно древнему назначенію „подклѣта“, онъ раздѣленъ на два яруса верхній и нижній, въ немъ мало оконъ и дверей, и большинство изъ нихъ вновь пробиты; такъ по западному фасаду почти всѣ окна и двери новыя, но на восточномъ есть и древнія окна, одни изъ нихъ

---

[12]) Иверскія ворота. С. С., изд. Мартынова.

[13]) См. Матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М. 1841 г., тамъ на стр. 105 читаемъ: «Монетный дворъ построенъ и покрытъ крышею въ 1737 году»; очевидно, эта замѣтка относится къ зданію, стоящему по улицѣ и надъ которымъ въ 1807 г. построена деревянная башня, существующая и теперь.

восьмиугольныя (такъ на фотографіи № 2)—другія прямоугольныя, наличники которыхъ, къ сожалѣнію, оттесаны, но судя по остаткамъ ихъ въ кладкѣ стѣнъ, формы ихъ были конца XVII вѣка съ разрывными фронтонами. Нижній этажъ отдѣляется отъверхняго карнизомъ, причемъ на восточной сторонѣ карнизъ имѣетъ видъ полнаго антаблемана, на западной въ видѣ пояска. Другихъ украшеній на стѣнахъ нѣтъ. Нижній этажъ пересѣкаютъ проѣздныя ворота, раздѣляя его на двѣ немного неравныя части. Воротныя арки богато обработаны архитектурными формами и орнаментами, высѣченными изъ бѣлаго камня (смотри рисунки съ фотографій № 1 и 2).

Рис. 3.
Видъ правой доски надъ воротами (ср. рис. 1).

Самый проѣздъ крытъ сводами, подъ которымъ имѣется невысокое помѣщеніе отвѣчающее, древнему назначенію „палатки", съ окнами на востокъ и на западъ.

По обѣ стороны окна на западъ находятся мѣста для двухъ вышеупомянутыхъ „закладныхъ" досокъ, украшенныхъ кругомъ богатымъ орнаментомъ, высѣченнымъ изъ бѣлаго камня (см. рис. 1 и 3); къ сожалѣнію, изъ нихъ сохранилась на мѣстѣ только правая, лѣвая же утратилась, но квадратная впадина или ниша, въ которой она была вдѣлана, видна и теперь...

На сохранившейся доскѣ высѣчена вязью нижеслѣдующая надпись:

„Въ $\frac{15}{\text{єı}}$ лѣто Богомъ хранимыя державы его при благороднѣйшемъ

сынѣ его великомъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Алексіи Петровичѣ въ $\frac{\text{8-ое}}{\text{и}}$ лѣто отъ рождества его построенъ сей дворъ ради дѣланія денежныя казны въ лѣто отъ сотворенія міра $\frac{7206}{\text{зсѕ}}$, отъ рождества же по плоти Бога слова $\frac{1697}{\text{ахчз}}$«.

Для удобства сличенія этого текста съ подлинною надписью помѣщаю какъ фотографическій снимокъ съ нея (см. рис. съ фот. № 3) такъ и копіи текста (рис. 4 и 5).

По смыслу текста ясно, что на этой доскѣ было продолженіе и

Рис. 4.

Надпись высѣченная на каменной доскѣ (Списана съ фотографическаго снимка, ср. рис. 3).

окончаніе закладной надписи, начало же ея находилось на лѣвой утраченной доскѣ. Подобное раздѣленіе надписи можно видѣть на закладныхъ доскахъ надъ воротами Сухаревой башни [14]); можно указать также на закладную доску надъ воротами древняго Гостинаго двора въ Москвѣ: въ ней редакція текста близко подходитъ къ разсматриваемой нами [15]).

---

[14]) На Сухаревой башнѣ доска съ царскимъ титуломъ на правой сторонѣ, а продолженіе ея на лѣвой.

[15]) Привожу полный текстъ надписи надъ воротами Гостиннаго двора (съ сокращ. титула).

«Божіею Милостію, повелѣніемъ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Вел. Госуд. Царя и Вел. Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россія Самодержца и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточн. и Западн. и Сѣверныхъ, Отчича и Дѣдича и Наслѣдника и Обладателя, сдѣлали сей Гостинный дворъ въ 25-ое лѣто Благочестивыя

Возвращаюсь къ описанію зданія. Верхній этажъ, въ противоположность нижнему, имѣетъ архитектурную обработку; въ простѣнкахъ между окнами расположены пилястры, окна имѣютъ наличники, верхъ стѣны законченъ карнизомъ въ формѣ полнаго антаблемана, во фризѣ котораго видны остатки кафельныхъ украшеній- сверхъ карниза возвышается парапетъ; разбивка оконъ и пилястръ равномѣрна и вся обработана однообразно по всей длинѣ зданія и на обоихъ фасадахъ его (смотри рис. № 2, гдѣ видна часть верхняго этажа).

На основаніи указаній вышеприведенной надписи, зданіе слѣдуетъ отнести къ разряду древне-русскихъ построекъ конца XVII вѣка, оха-

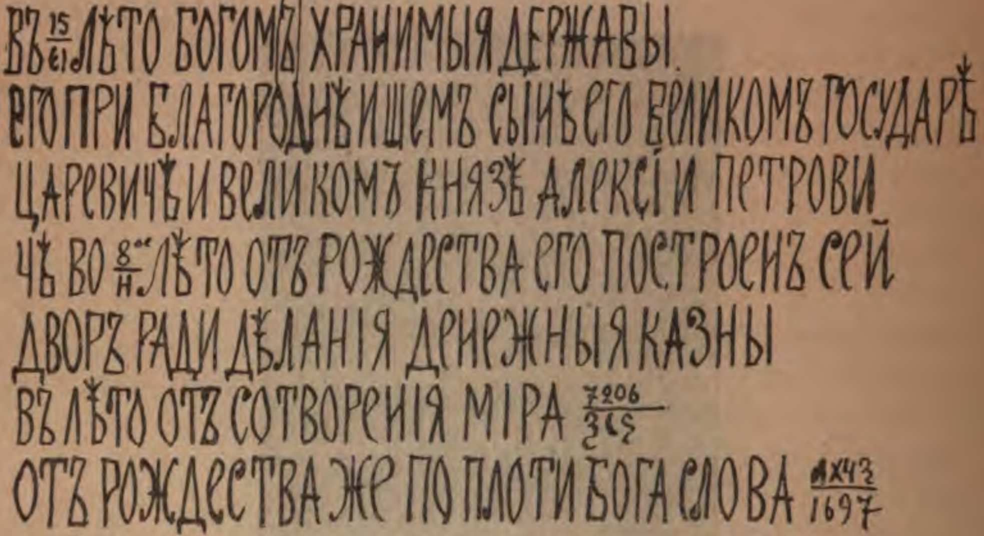

Рис. 5.
Та же надпись, разобранная.

рактеризованныхъ общеизвѣстнымъ названіемъ „Нарышкинскихъ“, „Петровскихъ“.

Дѣйствительно, тутъ мы встрѣчаемъ извѣстныя формы, присущія означенному разряду построекъ, какъ то верхній и междуэтажный карнизъ въ видѣ антаблемановъ, шаблоны оконныхъ наличниковъ и пилястръ, восьмиугольныя окна нижняго этажа и проч.; но на ряду съ этимъ видимъ правильную равномѣрную разбивку оконъ и пилястръ [16]),

Державы Царствія его при благородныхъ и христолюбивыхъ чадѣхъ его, Госуд. Цесарев. и Вел. Князѣ Алексѣе Алексѣевичѣ въ 11 лѣто возраста его, и при Госуд. Цесаревичѣ и Велик. Князѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ 4-ое лѣто возраста его и при Госуд. Царев. и Вел. Князѣ Симеонѣ Алексѣевичѣ въ 1-ое лѣто возраста его отъ созданія міра 7173, отъ воплощенія же Бога - Слово 1664-ое». См. Матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М. 1841 г.

[16]) Изъ разсмотрѣнія многихъ зданій гражданской архитектуры второй половины

орнаментное украшеніе, вмѣсто обычныхъ фонтоновъ надъ окнами и проч.; это особенности, не встрѣчающіяся на другихъ извѣстныхъ намъ зданіяхъ указаннаго періода; такъ, напримѣръ: 1) ц. села Сафорина—1691 г., 2) ц. на Филяхъ—1693 г., 3) Сухарева башня—1692—95 г., 4) ц. Успенія на Покровкѣ—1696 г., 5) ц. Рождества Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ—1715 г.

Но вышеизложеннымъ не исчерпывается разсмотрѣніе зданія, такъ какъ оно не сохранилось въ первоначальномъ видѣ; слѣды многихъ утратъ и измѣненій, происшедшихъ въ теченіе вѣковъ, видны во многихъ частяхъ зданія внутри и снаружи. Для опредѣленія характера нѣкоторыхъ изъ этихъ измѣненій требуется болѣе подробное и внимательное изученіе зданія, другія же измѣненія могутъ быть отмѣчены и теперь; такъ, напримѣръ, формы пилястръ и слѣды стесанныхъ камней въ архитравѣ карниза, въ мѣстахъ соединенія его съ пилястрами, могутъ служить указаніями на то, что передъ пилястрами стояли коллоны, какъ это можно видѣть при одинаковыхъ пріемахъ на другихъ вышеуказанныхъ зданіяхъ. Далѣе—пилястры и наличники оконъ лишены окончаній, и нижняя часть стѣны отъ подоконка до междуэтажнаго карниза перелицевана; это даетъ указаніе, что нижнія части пилястръ и подоконники первоначально существовали, но впослѣдствіи были уничтожены. Это же указаніе и общій видъ (западной) стѣны нижняго этажа, лишенной украшеній и древнихъ оконъ, даютъ мѣсто предположенію, что около этой стѣны существовали какія то пристройки; подтвержденіемъ этому предположенію можетъ служить планъ Москвы 1849—52 год., гдѣ изображено это зданіе съ пристройками; я полагаю, пристройки эти могли быть древними и служили какъ входы и переходы для второго этажа, подобно тому, какъ это было въ другомъ древнемъ зданіи, стоявшемъ на лѣвой сторонѣ у Иверскихъ воротъ.

Въ заключеніе, возвращаясь къ надписи на древнемъ зданіи Губернскаго Правленія устанавливающей время постройки и назначенія этого зданія, позволяю себѣ указать, что примыкая къ другимъ постройкамъ Петровскаго времени, оно открываетъ намъ многія новыя интересныя и своеобразныя архитектурныя формы.

Архитекторъ А. Потаповъ.

XVII вѣка можно установить, что размѣщеніе пилястръ или коллонъ на стѣнахъ соотвѣтствовало пересѣченію внутреннихъ стѣнъ съ наружными, а расположеніе оконъ было группами и соотвѣтствовало внутреннему расположенію комнатъ.

„Городищу на Кн. горѣ, повидимому, суждено занимать постоянное мѣсто въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ нашей лѣтописи. За послѣднее время снова были привезены въ Кіевъ три партіи древностей, превзошедшія по цѣнности предметовъ всѣ предъидущія. Предметы добыты какъ раскопками, которыя продолжались все это время, такъ и скупкой прежде найденныхъ. Нужно вообще замѣтить, что благодаря интересу, который возбудила Княжа гора среди ученыхъ, любителей и торговцевъ древностями, заинтересовались древностями и мѣстные крестьяне, и вотъ, съ одной стороны ими безпрестанно ведутся раскопки на городищѣ, съ другой же нѣкоторые изъ нихъ занялись скупкой древностей и по окрестнымъ селамъ; скупку они ведутъ энергично, переправляются и на лѣвый берегъ Днѣпра и тамъ рыщутъ по селамъ, такъ что можно съ увѣренностью сказать, что въ томъ раіонѣ, очень богатомъ древностями, ни одна находка не теряется безслѣдно; фактъ этотъ представляется намъ явленіемъ очень отраднымъ, благодаря ему много цѣнныхъ находокъ спасается отъ гибели и, что главное, открываются новыя мѣста нахожденія древностей. На этотъ разъ, среди обычныхъ для Княжей горы предметовъ, заслуживаютъ вниманія: нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, небольшой янтарный крестикъ прекрасной сохранности, мѣдный крестъ - энколпіонъ, найденный вполнѣ нетронутымъ и даже съ цѣпочкой, на которой онъ носился (эти предметы поступили въ собраніе Н. П. Чернева), особенно же большой художественный интересъ представляетъ мѣдный крестъ - энколпіонъ, также прекрасной сохранности, украшенный разноцвѣтной перегородчатой эмалью; судя по нѣкоторымъ раньше найденнымъ образцамъ, его нужно считать произведеніемъ русскаго ювелира половины XIII вѣка (поступилъ въ собраніе Б. И. Ханенка).“

Мы съ намѣреніемъ дословно привели статью Кіевск. Стар., ибо въ насъ невольно закрадывается сомнѣніе въ неподдѣльности этого множества вещей великокняжеской эпохи, плывущихъ такъ обильно на рынокъ сначала съ Княжей горы, а тамъ и вообще и неопредѣленно „изъ той мѣстности“, и являются результатомъ „рысканій по селамъ“ и правой и лѣвой стороны Днѣпра, — т.-е. съ полнымъ отсутствіемъ точныхъ указаній на мѣсто находки. А эта неопредѣленность происхожденія является уже сама по себѣ весьма опасной, при оживленіи, какое получилъ въ послѣдніе годы антикварскій рынокъ, при появленія теперь все большаго и большаго числа любителей - коллекціонеровъ и при замѣчательно развившемся, особенно на югѣ, искусствѣ поддѣлокъ. Не говоря уже о знаменитыхъ поддѣлкахъ классическихъ древ-

ностей [1]), еще въ 1896 году Н. Ф. Бѣляшевскій сообщалъ о мастерскихъ великокняжескихъ древностей:

„Въ Кіевѣ и, кажется, въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей... поддѣлываются тутъ древности главнымъ образомъ великокняжескаго періода... при сбытѣ вещей употребляются и одинаковыя пріемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаютъ слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки пока еще довольно грубы; но... онѣ все таки имѣютъ сбытъ“ (см. Арх. Изв. и Зам. 1896 г., 400). Въ примѣръ участія крестьянъ припомнимъ изъ статьи Э. Р. Штерна разсказъ о „большой ловкости братьевъ Гохмановъ, которые заставили парутинскихъ крестьянъ разыграть хитро задуманную комедію“ и такимъ образомъ сбыли одну изъ своихъ поддѣльныхъ коронъ г. Суручану (Ж. М. Н. Пр. 1896, 12, стр. 139). Въ 1896 году великокняжескія вещи были грубо поддѣланы. Но съ тѣхъ поръ и техника могла усовершенствоваться и взяться за дѣло могли лучшіе мастера,— можетъ быть, и тѣ же, что работали съ такимъ высокимъ совершенствомъ на братьевъ Гохмановъ. Въ той же книжкѣ „Кіевской Старины“, гдѣ сообщаются о новыхъ партіяхъ великокняжескихъ древностей, сообщается и о накрытіи въ Кіевѣ антикварія Дарнгейма, который фабриковалъ изъ низкопробнаго серебра и провозилъ безпошлинно изъ за границы поддѣльныя „старинныя вещи“,— правда, не заходившія, повидимому, за „XVIII“, въ крайнемъ случаѣ „XVII“ вѣкъ. Но вещи эти исполнены, повидимому, прекрасно въ техническомъ и антикварномъ отношеніи, такъ что вводили въ заблужденіе и экспертовъ — золотыхъ дѣлъ мастеровъ, призванныхъ для отдѣленія поддѣльнаго отъ неподдѣльнаго и весьма поразившихся заявленіемъ мастера, что *всѣ* эти древности „прошлогоднія“, и что и самую „несомнѣнную“ изъ нихъ онъ дѣлаетъ по рублю за штуку. *С. С.*

—— Въ мартѣ вышло новое и послѣднее передъ Съѣздомъ изданіе брошюры: „Одиннадцатый Археологическій Съѣздъ въ Кіевѣ 1—20 августа 1899 г.“, содержащее правила Съѣзда, списки предварительныхъ комитетовъ и списки вопросовъ, по коимъ обѣщаны доклады къ Съѣзду и запросовъ, на нѣкоторые желательные отвѣты на Съѣздѣ.

Въ виду того, что и обѣщанія докладовъ, и указанія запросовъ продолжаютъ поступать въ Московскій предварительный комитетъ, они будутъ печататься въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“.

---

[1]) Докладъ Э. Р. Штерна на Рижскомъ Съѣздѣ 1896 г. и статья его въ Ж. М. Н. Пр. 1896, 12; статья А. Л. Бертье-Делагардъ въ Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. XX, 1897, Арх. Изв. и Зам. 1896, 239, 399, 400 и др.

А. И. Бунинъ намѣренъ прочитать докладъ: „Гдѣ находились города Липецкъ и Ворголъ, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283 — 84 гг., и указываетъ на „желательность точнаго и подробнаго *описанія* южныхъ городищъ къ востоку отъ Полтавщины, по Сѣв. Двину, Мжу, Удамъ, Коломану и т. д. (указанія на кои встрѣчаются въ Книгѣ Большаго Чертежа, Ист.-Стат. описаніи Харьковской епархіи Филарета, у Пассека въ Очеркахъ Россіи), и на желательность *раскопокъ* ихъ съ цѣлью опредѣленія эпохъ, къ какимъ эти городища относятся.

—— **Витачевское городище.** (Кіевск. у.). В. В. Хвойко произвелъ здѣсь пробныя раскопки. Городище занимаетъ площадь около десятины, обнесено двумя валами. Въ части, прилегающей къ Днѣпру, масса погребеній христіанской эпохи, на глубинѣ $^3/_4$ — 1 арш., безъ внѣшнихъ признаковъ могилъ, безъ предметовъ при костякахъ. Въ другой части—слѣды жилищъ съ частями глинобитныхъ печей; здѣсь найдены вещи XII — XIII в.: ручка, украшенная плетенымъ византійскимъ орнаментомъ, двѣ золотыя серьги, серебряные и бронзовые витые браслеты, бусы, желѣзные топоры, копья, ножи, серпы и т. п. вполнѣ аналогичные съ находками Княжей горы (Арх. Лѣт. Кіевск. Ст.).

—— Апрѣльская книжка „Кіевской Старины“ опять сообщаетъ: „Съ наступленіемъ весны привозъ въ Кіевъ древностей съ Княжей горы значительно усилился,—древности привозятся сотнями. Изъ послѣднихъ партій укажемъ на довольно полный (?) подборъ желѣзныхъ предметовъ (поступили въ собраніе Н. Ф. Бѣляшевскаго), на каменные крестики съ металлическими обложками, кресты-энколпіоны, гривны, бусы, привѣски и т. п. (поступили въ собраніе Н. П. Чернева); особенно замѣчательна бронзовая подставка (быть можетъ, отъ подсвѣчника), состоящая изъ орнаментированнаго обруча, стоящаго на ножкахъ, изображающихъ звѣриныя головы и снабженнаго наверху такими же головками — произведеніе русскаго искусства половины XIII вѣка, впервые встрѣченное на Княжей горѣ (поступила въ собраніе Б. И. Ханенка)“.

Всѣ эти сообщенія лишь укрѣпляютъ наше недовѣріе къ „древностямъ великокняжеской эпохи“ привозимымъ въ такомъ изобиліи на Кіевскій рынокъ.

—— Въ числѣ пріобрѣтеній церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи за 1898 г. „Археол. Лѣт.“ отмѣчаетъ: кладъ, найденные въ г. Луцкѣ — 26 литовско - русскихъ и чешскихъ монетъ XIV—XV в. и при нихъ оригинальная серебряная привѣска къ серьгѣ; двѣ мраморныя колонны и четыре капители изъ трапезной церкви Михайловскаго монастыря, повидимому, современныхъ первоначальной по-

стройки храма; коллекцію первобытныхъ древностей, собранную Л. Заводовскимъ, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврич. губ.

—— **Раскопки въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херс. губ.** Проф. Н. А. Оболонскій совершилъ для Кіевскаго Физико-Медицинскаго общества, раскопки близъ г. Бобринца, у деревни Андреевки. Изъ четырехъ находящихся тамъ кургановъ имъ разрыто два, причемъ находки сдѣланы лишь въ одномъ. Въ верхней части кургана найденъ каменный ящикъ (безъ крышки и дна) о двухъ отдѣленіяхъ: въ одномъ были кости человѣка, лошади, собаки и большаго грызуна, другое было пусто. Затѣмъ, прорывъ сквозь курганъ колодезь, діаметромъ въ три аршина, нашли на материкѣ дубовый ящикъ, совершенно истлѣвшій; дна онъ не имѣлъ, крышкой служила березовая кора; въ ящикѣ лежалъ скелетъ, головой къ западу, съ кистями рукъ у нижнихъ реберъ, съ вытянутыми ногами; у головы валялась серебряная серьга; у таза найдены два желѣзныя кольца, желѣзное кресало, кремень, желѣзный ножъ и пряжка. В. Б. Антоновичъ, присутствовавшій въ засѣданіи Физико-Медицинскаго Общества, на коемъ г. Оболонскій докладывалъ о раскопкѣ, согласился съ мнѣніемъ докладчика, что его курганъ—славянскій.

—— **Раскопки въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., деревни Луковки.** В. Н. Доманицкій любезно сообщилъ дневникъ своихъ раскопокъ, произведенныхъ лѣтомъ 1898 г. редакціи „Археолог. Лѣтописи“ Кіевской Старины. Раскопано два кургана, при чемъ второй далъ рѣдкую и интересную находку.

„Одинъ изъ кургановъ въ прежнее время былъ, повидимому, большихъ размѣровъ, а нынѣ имѣетъ около $1^1/_2$ арш. высоты и 50 шаговъ въ окружности; при раскопкѣ его на глубинѣ $^1/_2$ аршина обнаруженъ скелетъ въ полной сохранности, головой на сѣверо - востокъ; по бокамъ черепа замѣтны слѣды двухъ вбитыхъ въ землю кольевъ, у черепа масса раздавленной землею посуды хорошей выдѣлки, по бокамъ скелета слѣды деревяннаго гроба; надъ скелетомъ найденъ сильно окислившійся желѣзный кинжалъ, точило и много костей крупныхъ животныхъ. Погребеніе это открыто въ сѣверо - восточной части насыпи кургана. Въ центрѣ же кургана открыта круглая яма, глубиной въ $2^1/_2$ аршина, по бокамъ коей также стояли четыре колка вбитые въ землю, а у юго-западнаго края найденъ глиняный кувшинчикъ, сдѣланный на кругѣ, пепельнаго цвѣта, наглухо закупоренный небольшой терракотовой чашкой; въ ямѣ были части 3—4 скелетовъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ, одинъ надъ другимъ, череповъ при нихъ не найдено“.

„Другое погребеніе открыто сейчасъ же возлѣ перваго кургана. На поверхности земли не было замѣтно почти никакихъ признаковъ

насыпи. На глубинѣ $^1/_2$ — $^3/_4$ арш. обнаружено 5 скелетовъ, почти совершенно истлѣвшихъ, расположенныхъ головами къ центру и туловищами по радіусамъ. При каждомъ скелетѣ были сосуды, при чемъ черепъ одного изъ скелетовъ лежалъ на самомъ сосудѣ; сосуды грубой ручной лѣпки, небольшіе, съ плоскими и остроконечными днищами. По сосѣдству найдена каменная стрѣлка."

Редакція „Арх. Лѣт." относитъ первое погребеніе къ скиѳамъ-земледѣльцамъ, второе — къ болѣе раннему времени, можетъ быть, къ каменному вѣку.

—— **Историческій Съѣздъ въ честь Павла Діакона,** по случаю исполненія XI столѣтій съ кончины знаменитаго историка Лонгобардовъ, назначенъ въ Чивидале, въ Фріулѣ (Италія). Съѣздъ откроется въ воскресенье 3 сентября (22 августа) и продолжится до конца недѣли. Предметъ его занятій: время, жизнь и труды Павла. Членскій взносъ въ 10 лиръ даетъ право на экземпляръ трудовъ Съѣзда и на уменьшеніе цѣны проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ Италію. Срокъ заявленія о сообщеніяхъ — по возможности, конецъ іюля. Адресъ: Italia, Cividale del Friuli, sede municipale. Congresso Storico in onore di Paolo Diacono. Кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ Съѣздѣ изъявили намѣреніе участвовать многія учрежденія, какъ: университеты и академіи итальянскіе, университеты: гиссенскій, женевскій, эрлангенскій, кенигсбергскій, іенскій, оксфордскій, лондонскій, Матица Славянская Полабская, академія гренобльская; университетъ Колошварскій въ Венгріи назначилъ премію за переводъ Павла на венгерскій языкъ, а представитель этого университета, проф. Марки, прочтетъ докладъ о „Лонгобардахъ въ Панноніи."

—— **XII Международный Съѣздъ Оріенталистовъ** соберется въ Римѣ съ 1 по 12 октября новаго стиля (18—30 сентября) 1899 года. Предсѣдателемъ организаціоннаго комитета состоитъ маститый почетный предсѣдатель Итальянскаго Азіатскаго Общества, бывшій секретарь Съѣзда во Флоренціи въ 1878 г., членъ Моск. Археолог. Общ., проф. санскрита въ Римѣ, графъ Анджело де-Губернатисъ, а секретаремъ графъ Пуллэ, профессоръ санскрита въ Пизѣ. Отдѣлы намѣчены такъ:

1. Общая индо-европейская лингвистика (особенно языки италійскіе, этрусскій, ѳрако-иллирійскіе, древніе мало-азійскіе).

2. Географія и этнографія Востока (историческая картографія, путешествія, сношенія съ Западомъ, особенно съ побережьемъ Средиземнаго моря; переселенія народовъ, нравы и обычаи).

3. Сравнительная исторія религій Востока, сравнительная миѳологія и фольклоръ (отношенія къ религіямъ, миѳамъ и преданіямъ Запада).

4. Китай и Японія (литература, исторія, археологія).

5. Бирманія, Индо-Китай, Малазія, Мадагаскаръ (то же).

6. а) Индія и б) Иранъ (то же).

7. Средняя Азія (урало-алтайскіе языки и народы, литература, исторія, археологія).

8. Семитскіе языки и литература (еврейскій, армянскій, эѳіопскій, ассиріологія).

9. Мусульманство (исторія, литература, цивилизація).

10. Египтологія и африканскіе языки (древній Египетъ — языки и народы Африки).

11. Греція и Востокъ (особенно въ періоды византійскій и мусульманскій).

12. Языки, народы и цивилизаціи Америки (въ отношеніяхъ къ аріатскимъ).

Съѣздъ принятъ подъ покровительство короля Гумберта. Открытіе и закрытіе его произойдетъ на Капитоліи, въ Думѣ, а остальныя засѣданія въ университетѣ. Во Франціи отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ оповѣщеніямъ комитета; на Съѣздъ собираются ѣхать: Масперо, Секаръ, Барбье де Мейнаръ, М. Бреаль; далѣе Веберъ, Э. Навиль, Максъ Мюллеръ, А. Марръ, Э. Кунъ, Вамбери, Гольдцигеръ, г-жа Куттäль. Въ Съѣздѣ примутъ, повидимому, участіе и петербургскіе оріенталисты, а Моск. Археол. Общество намѣтило своимъ представителемъ Л. З. Мсеріанца.

—— **Раскопки вавилонскихъ развалинъ,** представляющія огромный научный интересъ, были предприняты на счетъ германскаго правительства, отправившаго на мѣсто произведенныхъ за послѣднее время открытій вавилонскихъ древностей цѣлую археологическую экспедицію, подъ руководствомъ извѣстнаго ассиріолога доктора Роберта Кольдевея. Отправкѣ экспедиціи предшествовали изысканія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ на мѣстѣ знаменитой столицы вавилонскаго царства. Предпринимаемыя въ наступившемъ году правильныя раскопки вавилонскихъ древностей продолжатся по меньшей мѣрѣ пять или шесть лѣтъ. По своему значенію и важности историческаго интереса, сопряженнаго съ этимъ предпріятіемъ, раскопки вавилонскихъ развалинъ безспорно сравняются съ работами, произведенными французскими и англійскими учеными на мѣстѣ древней Ниневіи, если только не превзойдутъ ихъ въ научно-историческомъ отношеніи. Ниневія была столицею ассирійскаго царства, основаннаго, по преданію, Ниномъ или Немвродомъ, на восточной сторонѣ рѣки Тигра, напротивъ нынѣшняго Моссула. Въ новѣйшее время, благодаря розысканіямъ

Ботта въ 1843 году, Лэйярда въ 1845 и Пласса въ 1853 году, были открыты нѣкоторыя части развалинъ Ниневіи въ Хорзабадѣ, Немвродѣ, Калохъ - Шергадѣ, Куюнджикѣ и Наби - Юнусѣ; но всѣ эти раскопки производились какъ то безсвязно, въ разныхъ пунктахъ, тогда какъ германская археологическая коммиссія предприметъ систематическія раскопки отъ периферіи къ центру. На всемъ пространствѣ древняго Вавилона, красовавшагося величіемъ своихъ сооруженій на берегу Евфрата, въ разстояніи двухдневнаго пути отъ нынѣшняго Багдада, высятся холмами наносные пески, указывающіе на присутствіе подъ ними главнѣйшихъ памятниковъ столицы вавилонскаго царства. Наибольшій изъ холмовъ, прозванный арабами „Эль-Касромъ“ или „Замкомъ“, по предположенію археологовъ, прикрываетъ развалины дворца Навуходоносора, въ которомъ этотъ грозный и славный въ исторіи повелитель вавилонянъ провелъ большую часть своей жизни, и въ которомъ умеръ Александръ Македонскій. Раскопки германской миссіи начнутся съ этого холма, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ представится возможность судить о томъ, во что превратили войны и всесокрушающее дѣйствіе времени остатки памятниковъ, воздвигнутыхъ на берегу Евфрата за семьсотъ лѣтъ до Р. Хр.

—— **О Вавилонскихъ висячихъ садахъ** не упоминалось до сихъ поръ ни въ одной изъ древнѣйшихъ клинообразныхъ надписей, а между тѣмъ съ висячими садами исторически связано имя Семирамиды. Ассиріологъ Бруно Мейснеръ открылъ на одномъ большомъ алебастровомъ обломкѣ отъ дворца вавилонскаго царя Ассурбанибала, хранившемся въ подвалѣ британскаго музея, среди другихъ остатковъ древностей, еще мало изслѣдованныхъ, вполнѣ явственное изображеніе знаменитыхъ висячихъ садовъ, представляющихся на рисункѣ въ слѣдующемъ видѣ: съ лѣвой стороны, на холмѣ, возвышается храмъ, украшенный многочисленными и высокими колоннами. Лѣвѣе храма, на гребнѣ того же холма, высится на камнѣ идолъ, къ подножію котораго восходитъ широкая тропа. Вся правая сторона алебастроваго осколка занята изображеніемъ висячихъ садовъ, считавшихся, какъ извѣстно, однимъ изъ чудесъ свѣта. Тутъ арки на пирамидахъ и на аркахъ холмистые сады, среди которыхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ высятся колоннады съ террасами. По склонамъ холмовъ извиваются дорожки и мѣстами текутъ ручейки, снабжавшіеся водой посредствомъ особыхъ гидравлическихъ машинъ. До сихъ поръ полагали, что создателемъ искусственныхъ садовъ Вавилона былъ Навуходоносоръ, который, женившись на мидійской княжнѣ и думая, что она тоскуетъ по своимъ роднымъ горамъ, рѣшилъ создать искусственныя горы, покрытыя роскошною растительностью. Однако,

Мейснеръ пришелъ къ заключенію, что Навуходоносоръ только возстановилъ сады, существовавшіе въ Вавилонѣ задолго до его царствованія и подвергшіеся вмѣстѣ съ городомъ разрушенію въ 648 году до Р. Хр.

—— **Удаленіе ржавчины съ желѣза посредствомъ электричества.** Очищеніе отъ ржавчины желѣзныхъ вещей легко производится по способу Carl Hering'а, причемъ безразлично, насколько глубоко онѣ ею покрыты. Съ этою цѣлью привязывается къ обрабатываемому предмету кусокъ цинка и затѣмъ все опускается въ воду, подкисленную небольшимъ количествомъ сѣрной кислоты.

Въ такомъ видѣ предметъ остается въ жидкости въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пока вся ржавчина не исчезнетъ; съ прибавленіемъ сѣрной кислоты дѣйствіе ускоряется. При этомъ необходимо обращать вниманіе, чтобы цинкъ былъ хорошо соединенъ съ обрабатываемымъ предметомъ. Отличнымъ средствомъ для этого служитъ обертываніе обрабатываемаго предмета вмѣстѣ съ цинкомъ желѣзною проволокой. Цинки для этой цѣли могутъ быть взяты старые, изъ батарей.

Части предмета, подвергшіяся этой обработкѣ, выходятъ изъ ванны по цвѣту темносѣрыми или даже черными; остается ихъ затѣмъ только вымыть и покрыть масломъ. Способъ этотъ особенно рекомендуется для тѣхъ предметовъ, которые содержатъ въ себѣ углубленія и выступы, не позволяющіе полировочнымъ инструментамъ доходить до всѣхъ частей металла („Почт.-Тел. Журн.“).

—— **Древній кладъ.** Въ февралѣ 1897 года одинъ англійскій отрядъ завоевалъ открытый уже 400 лѣтъ тому назадъ, но вскорѣ снова забытый городъ Бенвини, на сѣверо-западномъ берегу Нигера въ Африкѣ. Въ покинутой и разрушенной части одного изъ зданій нашли теперь, по словамъ Allgemeine Zeitung, большое количество древнихъ произведеній искусствъ. Рядомъ съ громадными слоновыми клыками длиною до двухъ метровъ, покрытыхъ снизу до-верху рѣзьбой, были открыты бронзовыя фигуры, отличающіяся такою величиной и художественностью, какъ трудно было ожидать отъ негровъ. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ считаются двѣ пантеры, въ половину натуральной величины, пріобрѣтенныя германскимъ императоромъ; затѣмъ нѣсколько громадныхъ бронзовыхъ пѣтуховъ, также замѣчательно художественно выполненныхъ.

—— **Раскопки въ Помпеѣ.** Въ нераскопанной части города между базиликою Porta Marina недавно найдены остатки какого-то громаднаго зданія, какъ-то: гигантскіе куски мрамора, стволъ колонны, колоссальныхъ размѣровъ базы и капители. Быть можетъ это—остатки храма Венеры, столь жадно отыскиваемаго археологами.

Изъ Помпеи же сообщаютъ и о томъ печальномъ обстоятельствѣ, что подъ вліяніемъ сѣрныхъ испареній, которыми насыщенъ воздухъ близъ Помпеи, столь яркая красная краска, которой расписанъ домъ Веціевъ [1]), становится совершенно черною.

—— Въ засѣданіи Acad. d. inscript. отъ 8 іюля 1898 г., г. Шлумбергеръ предъявилъ любопытные фотографическіе снимки съ рѣзного ларца изъ слоновой кости, византійской работы, конца X или начала XI в. Изображены, главнымъ образомъ, различные эпизоды изъ жизни царя Давида, при чемъ многочисленныя фигуры людей и животныхъ, несмотря на малый размѣръ, поражаютъ своею жизненностью. Чрезвычайно любопытны также изображенія военнаго византійскаго костюма и разной утвари. На ларцѣ находится длинная надпись въ стихахъ, свидѣтельствующая, что ларецъ былъ сдѣланъ по поводу бракосочетанія нѣкоего базилевса съ базилиссою. Въ настоящее время ларецъ находится въ Римѣ въ собраніи музея Кирхера. Въ томъ же засѣданіи Равессонъ (Ravaisson) обратилъ вниманіе присутствующихъ на тотъ любопытный фактъ, что одна изъ статуй Мадонны, украшающихъ надгробіе Рафаэля, работы Лоренцетто, представляетъ собою подражаніе греческой статуи, сохранившейся въ садахъ Ватикана и являющейся по своему стилю какъ бы прабабкой Венеры Милосской. А такъ какъ Рафаэль самъ при жизни распорядился во всѣхъ подробностяхъ относительно своихъ похоронъ и надгробнаго памятника, то ясно, что онъ самъ заказалъ и эту копію.

—— Въ засѣданіи той же Академіи отъ 15 іюля де Мели (de Mély) былъ представленъ оттискъ (эстампажъ) съ одной любопытной византійской камеи, находящейся нынѣ въ Вѣнѣ, въ ризницѣ церкви „Heiligenkreutz. Камея величиною въ 17 сантиметровъ въ діаметрѣ изображаетъ голову Пр. Дѣвы, вокругъ которой помѣщена надпись: „Матерь Божья, Святая Дѣва, прими подъ свой покровъ (или „сохрани") Никифора Ботоніата, раба Христова." Благодаря этой надписи установлена точная дата этой камеи, именно года 1078—1081 по Р. Х., а такъ какъ до сихъ поръ точно датированныхъ византійскихъ камей не находилось, то эта камея является чрезвычайно важнымъ пособіемъ къ разсѣянію мрака неизвѣстности, которымъ окутана болѣе шести вѣковъ искусство рѣзьбы на камнѣ въ Византіи.

—— Въ засѣданіи той же Академіи отъ 22 іюля членъ румынской академіи профессоръ Точилеско сообщилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ Румыніи, при чемъ настаивалъ на томъ, что извѣ-

---

[1]) См. „Археол. Изв. и Зам. 1898 г., стр. 324".

стный памятникъ въ Адамъ-Клисси [1]) долженъ быть отнесенъ ко времени Траяна, хотя нѣкоторые ученые, н. п. Фуртвенглеръ, въ Мюнхенѣ, относитъ его къ эпохѣ Августа. Затѣмъ, проф. Точилеско представилъ полную реставрацію мавзолея, воздвигнутаго близъ этого памятника въ честь воиновъ, павшихъ въ битвѣ съ Даками. Реставрація исполнена вѣнскимъ архитекторомъ Ниманомъ (Niemann). Далѣе имъ открыта еще одна постройка вблизи, вышиною въ 50 метровъ, служившая, повидимому, обсерваціонной башней. Наконецъ въ городѣ „Tropaeum Trajani" имъ открыты: трое городскихъ воротъ, восемь башенъ, и три базилики, изъ которыхъ одна напоминаетъ своею величиною извѣстную базилику Юліи (basilica Julia) въ Римѣ.

—— Въ засѣданіи той-же Академіи отъ 3 авг. г. Едм. Потье, помощникъ хранителя въ Луврскомъ музеѣ, прочелъ рефератъ, гдѣ доказываетъ, что греки (какъ и египтяне, у которыхъ они заимствовали этотъ способъ), прибѣгали, при изображеніи черныхъ фигуръ на вазахъ, къ способу, употреблявшемуся еще недавно при рисованіи силуэтовъ, т.-е. наносили на вазы очертанія, получаемыя на бѣломъ экранѣ при отбрасываніи на него тѣни головы или всей фигуры. Въ подтвержденіе сего реферата г. Потье привелъ много древнихъ текстовъ, относящихся до этого способа рисованія.

—— Въ Дельфахъ недавно найдено при раскопкахъ, произведенныхъ французскимъ институтомъ въ Аѳинахъ, нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, между прочимъ, голова быка и статуэтка (римской эпохи), изображающая Артемиду. Произведенными же нѣсколько времени тому назадъ раскопками на островѣ Паросѣ, нѣмецкимъ институтомъ въ Аѳинахъ, открытъ храмъ Эскулапа, неоднократно описанный древними авторами, и къ которому стекалась нѣкогда масса поклонниковъ. Храмъ имѣетъ въ длину $41^1/_4$ метра и $19^1/_2$ метра въ ширину. Къ сожалѣнію, этотъ чудный памятникъ древности столь часто подвергался разграбленію, что нельзя разсчитывать найти въ немъ какихъ-либо интересныхъ статуй, барельефовъ или иныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ.

---

[1]) См. выше стр. 328.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи **Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества**, 27 января, въ присутствіи Е. И. В. Великаго князя Сергѣя Александровича, Августѣйшаго Почетнаго Члена Общества, было сдѣлано три сообщенія. Первое принадлежало академику архитектуры *С. У. Соловьеву* и касалось реставраціи собора Василія Блаженнаго, въ Москвѣ. Въ 1889 году, по просьбѣ причта собора, указавшаго, что своды ризницы грозятъ паденіемъ, былъ произведенъ осмотръ всего собора, результатомъ чего было выясненіе еще нѣсколькихъ опасныхъ пунктовъ въ храмѣ, печальное положеніе его главъ, облицовки, окраски и настоятельная необходимость серьезнаго ремонта всего собора и его реставраціи. Общество, принявъ на себя наблюденіе за археологической стороной реставраціи, назначило наблюдателемъ д. чл. акад. архит. А. М. Павлинова и вошло съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о полной реставраціи собора и объ отпускѣ необходимыхъ для сего средствъ, полагая, что возстановленіе такого замѣчательнаго памятника древне-русскаго зодчества, не имѣющаго себѣ подобнаго, не можетъ быть совершено на частныя средства или пожертвованія. Ходатайству этому былъ данъ ходъ по соотвѣтствующимъ инстанціямъ и результатомъ было постановленіе Св. Синода производить ремонтъ и реставрацію на суммы собора изъ его доходовъ. Малыя средства эти (соборъ не имѣетъ прихода) дали возможность исправить лишь самую незначительную часть его ветхостей, что же касается реставраціи, то общая, потребная для исправленій сумма, была исчислена А. М. Павлиновымъ въ 156,000 р., безъ возобновленія окраски собора. Акад. Павлиновъ завѣдывалъ работами по собору до дня его кончины въ ноябрѣ 1897 г., и преемникомъ его былъ избранъ референтъ. За всѣ 10 лѣтъ работъ было сдѣлано слѣдующее: при акад. Павлиновѣ—открыты ходы въ нижней церкви, ремонтированы двѣ главы, переложены своды ризницы, исправлены части галлереи 2-го этажа и мѣстами возобновлена облицовка ветхихъ частей; при акад. Соловьевѣ — исправленъ и возобновленъ въ первоначальномъ видѣ главный шатеръ храма, облицованный изразчатыми узорами по стариннымъ образцамъ, сохранившимся подъ позднѣйшею желѣзною покрышкою. На все это, за 10 лѣтъ соборъ израсходовалъ всѣ свои средства, въ количествѣ 45,000 р. и нѣтъ никакихъ надеждъ на продолженіе работъ, такъ какъ вся реставрація, исправленіе опасныхъ и ветхихъ частей и окраска собора должны бы быть произведены одновременно и въ возможно короткій срокъ, дабы замѣчательный памятникъ этотъ могъ бы явиться во всей своей красѣ и въ однообразно-свѣжемъ видѣ и на все это, по разсчету референта, достаточно было бы 175,000 рублей, съ окраской, и всѣ работы могли бы быть закончены въ три года. Докладъ сопровождался демонстраціей рисунковъ, плановъ и видовъ собора и образцами старинныхъ и новыхъ, сдѣланныхъ по этимъ образчикамъ, изразцовъ. Второе сообщеніе сдѣлалъ проф. *В. Ѳ. Миллеръ* „Къ былинѣ о 40 каликахъ“. Указавъ на мѣсто, занимаемое этой народной пѣсней на межѣ между былинами и духовными стихами, референтъ отмѣтилъ, что она входитъ равно въ репертуаръ каликъ и сказателей былинъ, и поставилъ вопросъ, въ какой средѣ она могла первоначально слушаться. Для отвѣта на этотъ вопросъ онъ подвергнулъ разбору всѣ извѣстные до сихъ поръ варіанты пѣсни, стараясь возстановить наиболѣе архаическій ея изводъ. При этомъ разборѣ референтъ старался объяснить географическія указанія, встрѣчающіяся въ былинѣ, каковы: Евфиміевъ скитъ, Даниловъ монастырь, рѣка Черега, оз. Маслеево, Боголюбовъ монастырь и др. Такому же разбору были подвергнуты личныя имена въ былинѣ. Изъ разбора содержанія пѣсни выясни-

лось, что хотя духовные стихи и наложили на нее свой отпечатокъ, она представляетъ въ основѣ былину Владимірова цикла, сложенную на сѣверѣ, въ предѣлахъ новгородскаго культурнаго района. Для доказательства послѣдней мысли были приведены черты, сближающія былину съ другими завѣдомо-новгородскими былинами о Василіѣ Буслаевѣ и Садкѣ. Подтвержденіе мысли о новгородскомъ происхожденіи былины о сорока каликахъ референтъ находитъ въ недавно открытомъ письменномъ памятникѣ, лѣтописномъ отрывкѣ, содержащемъ извѣстія, относящаяся къ 1163, 1329 и нѣсколькимъ другимъ годамъ XIV в. и касающіяся частью Новгорода, частью Торжка. Отрывокъ этотъ, находящійся въ Сборникѣ XVI и началѣ XVII в., поступившемъ въ Имп. Публ. Библіотеку въ 1894 г., содержитъ запись, сдѣланную книжникомъ, народной легенды о хожденіе сорока каликъ изъ Новгорода въ Іерусалимъ при новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ и русскомъ (кіевскомъ) князѣ Ростиславѣ. Изъ подробнаго разбора лѣтописнаго отрывка выяснилось, что въ основѣ записанной книжникомъ легенды служитъ историческій фактъ хожденія новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ между 1169 и 1168 годами. Поводомъ внесенія легенды въ лѣтопись церкви Спаса въ Торжкѣ было то, что калики, по возвращеніи изъ Іерусалима, принесли въ даръ притворянамъ этого храма чашу, которая хранилась еще въ XIV в. По поводу чаши, видѣнной при посѣщеніи Торжка кн. Иваномъ Даниловичемъ Калитою въ 1329 году, авторъ церковной лѣтописи изложилъ вкратцѣ народную легенду о сорока каликахъ, сохранивъ, какъ показалъ референтъ, въ разборѣ, ея народный эпическій складъ. Изъ словъ лѣтописи видно, что хожденіе сорока каликъ пользовалось широкой извѣстностью въ половинѣ XIV в., хотя для фабулы народной былины — похожденія атамана каликъ Касьяна въ Кіевѣ—новооткрытая легенда въ краткомъ изложеніи книжника не даетъ объясненія, но все-же подтверждаетъ предположеніе, что слагатель пѣсни о сорока каликахъ переработалъ старинную народную новгородскую тему, уже воспринявшую нѣкоторыя эпическія очертанія, въ настоящую былину Владимірова цикла, внеся въ нее рядъ эпическихъ лицъ—князя, Апраксію, Добрыню, Алешу, съ ихъ установленными характерами. Разборъ былины, въ связи съ новооткрытой легендой привелъ автора къ слѣдующимъ заключеніямъ о первой: 1) былина свидѣтельствуетъ о замѣчательной консервативности старинныхъ темъ въ нашемъ устномъ эпосѣ, такъ какъ основа сказанія о сорока каликахъ восходитъ къ XII вѣку; 2) оно представляетъ примѣръ обработки въ былину Владимірова цикла популярной народной легенды; 3) она подтверждаетъ высказанное авторомъ въ другихъ его статьяхъ предположеніе, что такъ называемыя былины Кіевскаго цикла могли быть слагаемы въ болѣе позднее время (XV, XVI вв.), въ тѣхъ-же предѣлахъ новгородскаго культурнаго вліянія, въ которыхъ были живы и былины такъ называемаго новгородскаго цикла. Калики, согласно народной легенды, жившіе еще въ XIV в., вышедшіе изъ Новгорода и возвратившіеся туда изъ Іерусалима, уже забываютъ въ болѣе позднее время свое новгородское происхожденіе и стремятся къ эпическому центру, къ городу Кіеву и князю Владиміру. Такимъ образомъ, какъ еще въ дотатарскій періодъ мѣстныя сказанія о богатыряхъ,—черниговскія, переяславскія, ростовскія, — тянули къ Кіеву, такъ кіевскій былинный циклъ продолжалъ дѣлать завоеванія на счетъ новгородскаго въ тотъ періодъ, когда старанія Москвы и потомъ времени сгладили черты новгородской особенности и когда историческое прошлое Великаго Новгорода „поросло быльемъ". Послѣднимъ читалъ *В. А. Городцовъ*, доложившій „Отчетъ о раскопкахъ въ долинѣ р. Оки лѣтомъ 1898 г.", служившихъ продолженіемъ таковыхъ, начатыхъ референтомъ ранѣе и результаты каковыхъ были уже доложены Обществу прежде.

Въ засѣданіи **того-же общества**, 19 февраля, о. *І. І. Кузнецовъ* прочелъ докладъ „Къ исторіи реставраціи и ремонтовъ собора Василія Блаженнаго, въ Москвѣ. Смѣта на ремонтъ 1737 г.". Какъ и первая часть сообщенія, прочитанная авторомъ въ засѣ-

даніи 13 января с. г. [1]), такъ и настоящая, заключала въ себѣ разборъ обыкновенной строительной смѣты, въ которой, особенно первой, оказалось нѣсколько интересныхъ, съ точки зрѣнія характера постройки этого храма, указаній, имѣющихъ значеніе при совершающейся въ настоящее время реставраціи собора. Затѣмъ *М. В. Довнаръ Запольскій* прочиталъ, за отсутствіемъ автора, рефератъ проф. *П. В. Голубовскаго*, „Опытъ опредѣленія хронологической даты слова о князьяхъ". Въ заключеніе директоръ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, проф. *Ѳ. И. Успенскій*, сдѣлалъ устное сообщеніе о результатахъ археологической экспедиціи въ Македонію, совершенной Институтомъ въ 1898 г. [2]).

Г. Голубовскій въ своемъ докладѣ подвергъ анализу изданное г. Лопаревымъ въ трехъ варіантахъ: „Слово о князьяхъ" или (въ другомъ заглавіи) „Кончина и мученіе св. Бориса и Глѣба". Прежде всего авторъ отмѣтилъ тѣ мѣста проповѣди, которыя указываютъ на ея отношеніе къ современному положенію вещей въ Сѣверской землѣ; разсмотрѣніе этихъ мѣстъ привело автора къ заключенію, что проповѣдь сказана въ Черниговѣ послѣ 1162 г., т.-е. послѣ смерти Изяслава Давидовича. Затѣмъ, разсмотрѣвъ политическое положеніе Сѣверской земли въ это время, авторъ пришелъ къ выводу, что проповѣдь была направлена противъ междоусобій въ этой области, а не противъ споровъ князей изъ-за Кіева. Доказавъ, что проповѣдникъ имѣлъ въ виду мѣстныя событія, авторъ, подробно пронизировавъ тогдашнія событія, пришелъ къ выводу что 2 мая 1175 г. единственный подходящій моментъ для произнесенія проповѣди: если отнести ее къ этому моменту, то легко объяснить всѣ намеки проповѣдника на современныя событія. Вторая часть доклада была посвящена анализу трехъ текстовъ „Слова" и указанію на то, что эта проповѣдь послужила источникомъ для литературныхъ передѣлокъ. Такимъ образомъ проповѣдь была сказана какъ разъ въ то время, когда Святославъ Всеволодовичъ, какъ старшій изъ черниговскихъ князей, занялъ черниговскій столъ, замысливъ отсюда удалить и своего соперника Олега Святославича. Но въ Черниговѣ еще оставалась партія Олега. Поэтому, епископъ Антоній (бывшій сторонникомъ Святослава) или кто-нибудь другой изъ духовенства и воспользовались днемъ празднованія перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба, чтобы сказать проповѣдь о повиновеніи младшихъ князей старшимъ, проповѣдь, разсчитанную противъ сторонниковъ Олега.

Въ годичномъ засѣданіи **Имп. Московскаго Археологическаго Общества**, 2 марта, былъ прочитанъ секретаремъ Общества, *В. К. Трутовскимъ*, составленный имъ „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за время съ 17 февраля 1898 г., по 17 февраля 1899 г.". Наиболѣе крупнымъ фактомъ за отчетный періодъ было отмѣчено возбужденіе Обществомъ вопроса о воспрещеніи законодательнымъ путемъ иностранцамъ производить въ Россіи археологическія раскопки и вывозить древности заграницу. Такъ какъ вопросъ этотъ возникъ главнымъ образомъ съ цѣлью оградить археологическія сокровища Кавказа отъ посягательствъ иностранныхъ ученыхъ и туристовъ, то Общество обратилось сперва къ Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу, бывшему Августѣйшему Намѣстнику Кавказа, какъ всегда крайне благосклонно отнесшемуся къ ходатайству Общества. Его Высочество повергъ это ходатайство предъ Его Императорскимъ Величествомъ, и Державному Покровителю Общества благоугодно было поручить это дѣло гг. Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ и возложить на Общество выработку правилъ соотвѣтствующаго закона. Глубоко осчастливленное такимъ актомъ Монаршаго благоволенія, Общество принялось и разрабатываетъ въ настоящее время проектъ закона, сообразуясь съ подобными законами въ Италіи, Франціи, Турціи, Алжирѣ

---

[1]) См. Арх. Изв. и Зам., 1899 г., №№ 1 - 2, стр. 50.

[2]) См. Арх. Изв. и Зам., 1899 г., №№ 1—2, стр. 28—30.

и др. странахъ.— Въ виду предстоящаго съ 1 по 20 августа с. г. созыва въ Кіевѣ XI Археологическаго Съѣзда, внѣшняя дѣятельность Общества за истекшій годъ была направлена, главнымъ образомъ, на подготовительныя къ этому Съѣзду работы, о чемъ имѣетъ быть представленъ къ Съѣзду особый отчетъ, и такимъ образомъ могло посвятить лишь меньшую часть времени и средствъ на какія либо археологическія экскурсіи въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Таковыхъ экскурсій было 6, а именно: Н. Е. Бранденбургъ производилъ раскопки въ Полтавской губ., И. Д. Четыркинъ—въ Калужской, В. А. Городцовъ—въ бассейнѣ р. Оки, въ Рязанской губ., И. А. Тихомировъ—въ Ярославской губ., А. С. Хахановъ изучалъ книгохранилища и рукописныя собранія въ Тифлисской и Кутаисской губ. и В. и А. И. Успенскіе совершили поѣздку въ г. Ригу, для ознакомленія съ церковными древностями Рижскаго музея, единовѣрческой часовни и Ѳедосѣевской молельни. Въ то-же время Общество, частью чрезъ своихъ представителей, частью телеграммами участвовало: въ празднованіи 100-лѣтія рожденія Фр. Палацкаго, въ 250-лѣтіи г. Симбирска, въ чествованіи 40-лѣтія ученой дѣятельности проф. В. И. Герье, 35-лѣтней—И. Я. Спрогиса и др. Засѣданій Общества было въ минувшемъ году 21 и въ томъ числѣ спеціально посвященное памяти скончавшихся за это время—послѣдняго члена-основателя Общества Г. Д. Филимонова, проф. А. С. Павлова, проф. Н. Ѳ. Красносельцева и А. Л. Обера. Докладовъ всѣхъ прочитано было 31, 26-ю референтами. Въ личномъ составѣ Общества за то-же время произошли слѣдующія измѣненія—въ секретари Общества, за окончаніемъ срока, вновь избранъ былъ В. К. Трутовскій; въ д. члены избраны пр. чл.-кор. В. Н. Щепкинъ и М. В. Довнаръ-Запольскій; въ чл.-кор. А. И. Бунинъ, Г. Е. Кизерицкій и Н. В. Тепловъ; въ иностранные—о. П. Пирлингъ, въ Парижѣ. Къ сожалѣнію, Общество за отчетный періодъ понесло много тяжелыхъ утратъ; такъ скончались: послѣдній членъ-основатель Общества Г. Д. Филимоновъ († 26 мая 1898 г.), почетные члены — А. А. Куникъ († 18 января 1899 г.) и В. Н. Юргевичъ († 23 ноября 1898 г.); дѣйств. члены—проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ († 13 сентября 1898 г.), акад. А. Л. Оберъ († 16 сентября 1898 г.), проф. А. С. Павловъ († 16 августа 1898 г.), В. Н. Ястребовъ († декабря 1898 г.) и чл.-корресп. — проф. М. С. Корелинъ († 3 января 1899 г.) и А. А. Хованскій († 29 января 1899 г.). Весь составъ Общества къ 17 февраля 1899 г. состоялъ изъ 8 почетныхъ членовъ, 135 дѣйствительныхъ чл., всего изъ 396 членовъ. Изъ изданій Общества, въ отчетномъ году вышли въ свѣтъ: IV т. Трудовъ VIII Археологическаго Съѣзда, VII вып. „Минераловъ по археологіи Кавказа, и брошюра съ рѣчами, посвященными памяти архіеп. Саввы, еп. Амфилохія, проф. А. И. Павинскаго и гр. М. В. Толстого, не считая изданій Коммиссіи Общества. Печатаются: I и II т. Трудовъ X Археологическаго Съѣзда, XVI т. Древностей, III в. Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній Россіи, и VIII вып. матеріаловъ по археологіи Кавказа. Подготовляются къ печати: III т. Трудовъ X Археологическаго Съѣзда и VI вып. по матеріаламъ археологіи Кавказа. Издаваемыя Обществомъ „Археологическія Извѣстія и Замѣтки", выходили подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина и А. И. Кирпичникова; они же остались редакторами и на текущій годъ. Музей Общества обогатился различными приношеніями и матеріалами изъ экспедицій Общества. Наиболѣе цѣннымъ и крупнымъ вкладомъ надо отмѣтить пожертвованіе д. чл. Ф. Д. Нефедова, результатовъ раскопки 540 кургановъ въ губ. Костромской и Казанской, представляющихъ богатый научный матеріалъ.

Изъ состоящихъ при Обществѣ Коммиссій — *Коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ*, имѣла 22 засѣданія, въ коихъ разсмотрѣла 170 дѣлъ и вопросовъ по реставраціямъ, передѣлкамъ, сломкамъ и перестройкамъ древнихъ церковныхъ и историческихъ памятниковъ. Крупнѣйшимъ дѣломъ ея, въ которомъ она принимала участіе, была реставрація собора Василія Блаженнаго, въ Москвѣ [1]). Въ число 12 членовъ

[1]) См. выше докладъ акад. С. У. Соловьева, въ засѣданіи 27 января с. г.

Коммиссіи, вмѣсто скончавшагося акад. А. Л. Обера вступилъ проф. А. И. Кирпичниковъ.—*Восточная Коммиссія* имѣла 5 засѣданій, на коихъ доложено было 15 рефератовъ 9 авторами. Нынѣ она приступила къ печатанію 2 вып. II т. своихъ „Трудовъ".—*Славянская Коммиссія* имѣла также 5 засѣданій съ 12 докладами, принадлежащими 9 авторамъ; въ составъ администраціи ея, вмѣсто выѣхавшаго въ Одессу проф. П. А. Лаврова, секретаремъ Коммиссіи приглашенъ былъ В. А. Погорѣловъ.—*Археографическая Коммиссія* имѣла 11 засѣданій, на коихъ доложено было 17 рефератовъ 12 авторами; по указанію Коммиссіи былъ совершенъ рядъ поѣздокъ ея членовъ по Россіи и заграницей для ознакомленія съ постановкой архивнаго дѣла въ общественныхъ и частныхъ архивахъ [1]). Кромѣ того, она была занята разборомъ старыхъ дѣлъ Московскаго Губернскаго Архива, чѣмъ завѣдывали члены Коммиссіи: С. К. Шамбинаго, В. Н. Рогожинъ, Ю. Н. Татищевъ, Г. Г. Лукьяновъ и Н. П. Марковъ. Необходимо также отмѣтить предоставленіе во временное завѣдываніе и храненіе при Обществѣ Пензенскимъ губернаторомъ гр. А. Адлербергомъ семейнаго архива гг. Полянскихъ, дотолѣ заброшеннаго въ глухой деревнѣ. Коммиссія выпустила въ отчетномъ году 2 вып. I т. своихъ „Трудовъ" и нынѣ приступила къ печатанію 3 выпуска.—Послѣ отчета сдѣлано было 2 доклада. Первый изъ нихъ: „Генеральскія дѣла въ Лефортовскомъ архивѣ", принадлежалъ *М. Н. Прокоповичу*. Подъ названіемъ „Генеральскія дѣла", числится въ Московскомъ Военномъ архивѣ, въ Лефортовѣ, дѣла, принадлежащія канцеляріямъ военныхъ начальниковъ крупныхъ отдѣльныхъ частей въ XVIII в. Такъ какъ большинство такихъ начальниковъ вѣдали не только одни спеціальныя военныя дѣла, но часто являлись въ то же время и администраторами и гражданскими правителями, что дѣла эти крайне разнообразны и даютъ богатый матерьялъ для бытовой исторіи Россіи прошлаго столѣтія. Особенно богатъ отдѣлъ бумагъ фельдмаршала гр. Миниха, бывшаго также строителемъ Ладожскаго канала, первымъ и самымъ крупнымъ овцеводомъ и основателемъ первой шерстопрядильни въ Россіи. Изъ разбора его документовъ выяснилась еще полнѣе его личность, какъ общественнаго дѣятеля, затмѣвающая собой его военный обликъ. Вторымъ читалъ *С. Н. Кологривовъ*—„Замѣтка о написаніи нѣкоторыхъ иконъ государевыми иконописцами въ 1656 и 1658 гг.". Въ московскомъ Отдѣлѣ общаго архива Министерства Двора референтъ нашелъ, среди богатѣйшаго вообще историческаго матеріала, между прочимъ, два любопытныхъ документа, весьма важныхъ для исторіи иконописанія на Руси въ XVII в. Послѣ этихъ докладовъ состоялось распорядительное засѣданіе, въ коемъ были произведены, между прочимъ, выборъ товарища секретаря Общества. Избраннымъ оказался *Ю. В. Готье*, но какъ членъ-корреспондентъ лишь исправляющимъ пока должность.

Въ засѣданіи **того-же Общества**, 13 марта, въ Августѣйшемъ присутствіи Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича, Почетнаго Члена Общества, были сдѣланы три сообщенія. Первымъ читалъ проф. архит. *К. М. Быковскій*, „О соборѣ св. Георгія, въ г. Юрьевѣ - Польскомъ". Упомянувъ въ началѣ доклада, что нынѣ возбужденъ вопросъ о сохраненіи и реставраціи этого замѣчательнаго памятника русскаго зодчества XIII в., благодаря просвѣщенному вниманію мѣстныхъ землевладѣльцевъ, гг. Егоровыхъ и кн. Голицыной, рожд. кн. Вяземской, референтъ перешелъ, затѣмъ, къ описанію самого собора. Построенный въ 1234 г. княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, соборъ этотъ представляетъ интереснѣйшій образчикъ древне-русскаго зодчества. По характеру постройки и стилю, онъ долженъ быть отнесенъ къ группѣ храмовъ Владиміро-Суздальской эпохи. Расположенъ онъ въ кремлѣ г. Юрьева-Польскаго, сохранившаго до сихъ поръ слѣды валовъ, нѣкогда его окружавшихъ. Осмотръ и изслѣдованіе собора, произведенные командированными для сего Обществомъ членами его Коммиссіи, по сохра-

[1]) См. Арх. Изв. и Зам., 1898 г., №№ 11-12, стр. 402—403.

нению древнихъ памятниковъ—референтомъ и архитекторами З. И. Ивановымъ и А. А. Потаповымъ, показали, что цѣльность храма сильно нарушена позднѣйшими пристройками и передѣлками. Стѣны собора облицованы бѣлымъ камнемъ и украшены изваяніями людей, животныхъ и орнаментовъ; къ сожалѣнію изваянія эти сохранились не на всѣхъ сторонахъ храма и возстановленіе ихъ очень затруднительно. Полная реставрація его крайне желательна, ибо, подходя къ группѣ храмовъ Владиміро-Суздальской эпохи, изъ коихъ наиболѣе характерны и замѣчательны—Дмитровскій соборъ, въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ, и соборъ Покрова, на Нерлѣ—Юрьевъ-Польскій соборъ выдѣляется между ними нѣкоторыми весьма характерными особенностями и является единственнымъ въ своемъ родѣ. Позднѣйшія пристройки, при реставраціи, должны быть уничтожены; новая колокольня, стоящая на древнемъ основаніи, должна быть удалена; крыша новѣйшей конструкціи—замѣнена возстановленіемъ стариннаго покрытія по закомарамъ и тогда съ ней возстановится и древняя форма шейки главы; самыя главы также должны быть исправлены сообразно съ древними остатками первоначальныхъ формъ. Сообщеніе было иллюстрировано рисунками, планами, фотографіями и приблизительнымъ проэктомъ вида собора въ реставрированномъ видѣ. — Второе сообщеніе принадлежало проф. *И. В. Цвѣтаеву* и носило заглавіе: „Русскій художникъ въ римскихъ катакомбахъ“. Предметомъ этого сообщенія служила дѣятельность художника Ѳ. Реймана, по снятію копій-факсимиле съ фресокъ катакомбъ. Въ теченіе 10 лѣтъ г. Рейманъ неутомимо занимается этимъ крайне важнымъ, но въ то же время и крайне тяжелымъ дѣломъ, при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, вслѣдствіе отсутствія свѣта въ катакомбахъ, сырости, полной неприспособленности ихъ къ занятіямъ, недостатка удобствъ и отдаленности отъ Рима, такъ что художникъ принужденъ питаться въ ближайшихъ сельскихъ тавернахъ. Результатомъ этихъ непосильныхъ трудовъ явился, съ одной стороны, рядъ замѣчательнѣйшихъ и точнѣйшихъ копій съ фресокъ, передающихъ вполнѣ точно оригиналы и представляющихъ незамѣнимый вкладъ въ науку, такъ какъ по важности и точности передачи копіи эти неизмѣримо превосходятъ всѣ предшествовавшія попытки въ этомъ направленіи, совершенныя въ теченіе 300 лѣтъ со дня открытія катакомбъ; но за то, съ другой стороны, явилось полное разстройство здоровья художника. До сего времени г. Рейманъ работалъ благодаря матеріальной поддержкѣ сперва К. С. Попова, а потомъ кн. Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстонъ, но теперь срокъ отпускавшихся ему суммъ кончается, и если не явится продолженіе поддержки, то неутомимому талантливому художнику грозитъ нищета при потерянномъ здоровьи. При сообщеніи референтомъ были представлены работы г. Реймана, поражающія своей техникой и мастерствомъ передачи всѣхъ характерныхъ чертъ и особенностей оригинала. При этомъ проф. Цвѣтаевъ представилъ объясненія къ нѣкоторымъ изъ рисунковъ, отмѣтивъ особенно плафонъ изъ катакомбы Домитиллы, изображеніе Христа съ предстоящими апостолами Петромъ и Павломъ и внизу съ пастыремъ и агнцемъ, изъ катакомбы Петра и Марцелины и др.—Третій докладъ сдѣланъ былъ проф. *Д. Н. Анучинымъ*, „О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно найденныхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ“. Сообщеніе это имѣетъ быть отпечатано въ III выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній“.

Въ засѣданіи **того же Общества**, 23 марта, *А. И. Успенскій* прочелъ „Предварительный отчетъ В. И. и А. И. Успенскихъ о командировкѣ ихъ въ 1898 г., по порученію Общества, въ Ригу для обозрѣнія церковныхъ древностей“. Въ іюлѣ и августѣ ими были осмотрѣны—церковно-археологическій музей, старообрядческая молельни ѳеодосеевцевъ, женская община сестеръ Мансуровыхъ, каѳедральный соборъ, Алексѣевскій мужской монастырь и церкви: единовѣрческая, Александро-Невская, Николаевская (она же Благовѣщенская), Ивановская и другія. Церковно-археологическій музей, несмотря на краткій срокъ своего существованія (съ 3 ноября 1895 г.), успѣлъ собрать

значительное количество древностей, и въ отношеніи иконъ и церковной утвари является однимъ изъ богатѣйшихъ провинціальныхъ музеевъ. Изъ древнихъ иконъ, хранящихся въ музеѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ: „Благовѣщеніе", съ изображеніемъ свв. Евѳиміи и Евѳимія; „Чинъ иноческаго постриженія"; „Св. Архангелъ Михаилъ великому Пахомію принесе монастырскъ уставъ"; „Св. архангелъ Михаилъ ведетъ изъ Египта израильтянъ въ пустыню"; „Брань ангеловъ съ бѣсами"; „Что ти принесемъ"; „Похвала Богородицы"; „Образъ Тріипостаснаго Божества"; святцы XVI в. и др., а также изъ церковной утвари нѣсколько потировъ, крестовъ, дарохранительницъ, и шитье прошлаго вѣка — воздухи и епитрахиль. — Въ молельнѣ ѳедосеевцевъ весьма интересны по композиціи, сюжетамъ и надписямъ: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа, „Семь вселенскихъ соборовъ", „Величитъ душа моя Господа", „Спасъ — благое молчаніе", „Умовеніе ногъ апостоламъ", „Ангелъ, сидящій на камнѣ у Гроба Господня", „Архистратигъ Михаилъ, поражающій діавола", „Покровъ Пр. Богородицы", „Архангельскій Деисусъ" и др.—Въ единовѣрческой церкви обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія иконы: „Іоаннъ Богословъ", „Положеніе во гробъ Господа нашего Іисуса Христа", „Видѣніе кошницъ", „Служба божественная литургіи" и др. Въ церкви Алексѣевскаго монастыря изслѣдователи встрѣтили иконы прошлаго вѣка, написанныя подъ сильнымъ вліяніемъ Запада. Многія иконы этой церкви датированы и съ подписью художниковъ, напр., „1755 г., писалъ Алексѣй Контаревъ", „1758 году, марта 31 дня, писалъ дорогобуженинъ Ѳеодоръ Леоновъ.

Въ Ригѣ оказалось довольно значительное количество памятниковъ русскаго искусства XVI—XVII вв., что представляется, повидимому, страннымъ, такъ какъ Рига—городъ издавна нѣмецкій, сначала католическій, а потомъ протестантскій. Это-то, однако, обстоятельство, на самомъ дѣлѣ и благопріятствовало стеченію сюда разнаго рода древнихъ предметовъ изъ другихъ областей Россіи. Фанатически настроенный и озлобленный раскольникъ-старообрядецъ, признавъ, что въ Россіи воцарился антихристъ и изсякло благочестіе, нерѣдко бѣжалъ заграницу, чтобы подъ защитою иновѣрной власти укрыться отъ посягательства на его вѣру и культъ со стороны Московскаго и Петербургскаго правительства; туда-же, заграницу, тащилъ раскольникъ и свою завѣтную святыню—старинныя иконы и утварь, старопечатныя и старописанныя книги и т. п. Между прочимъ, пріютомъ для раскольниковъ служила и Рига, гдѣ имъ среди разнаго рода иновѣрческаго населенія жилось и живется гораздо свободнѣе, нежели ихъ собратьямъ по вѣрѣ въ мѣстностяхъ съ чисто русскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, находящіяся въ Ригѣ православныя церковныя древности, относящіяся по времени до XVIII в.—не мѣстнаго происхожденія, но завезены сюда изъ другихъ мѣстностей. Памятники церковной старины мѣстнаго происхожденія относятся, большею частью, ко времени, начиная съ XVIII в. Замѣчательно, что вліяніе инородческаго элемента и Запада невольно сказалось здѣсь не только въ средѣ православныхъ, но и въ средѣ раскольниковъ, особенно, какъ извѣстно, неподатливыхъ на всякое новое воздѣйствіе. Рижскія древности мѣстнаго происхожденія носятъ на себѣ очевидные слѣды вліянія Запада. Въ Ригѣ русское искусство, по необходимости, должно было испытывать это вліяніе даже вслѣдствіе недостатка въ художникахъ и ремесленникахъ, русскихъ по происхожденію. Въ числѣ конфискованныхъ у раскольниковъ, на таможнѣ, иконъ, хранящихся въ рижскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, есть икона св. Адріана и Наталіи, настолько похожая, по своему исполненію, на лубочныя картинки свѣтскаго характера, что, кажется, ее отвергъ бы каждый, даже не разборчивый по отношенію къ иконописи, православный. Въ раскольнической молельнѣ находятся нѣкоторыя иконы, на которыя наложилъ свою неопытную руку нѣмецъ, незнающій ни православной вѣры, ни даже русскаго языка. Такова, напр., икона—„житіе Алексѣя, Божьяго человѣка".

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи Имп. Московскаго Археологич. Общества** 16 марта 1899 г. читано два доклада: *Г. А. Муркосъ* представилъ Описаніе арабской рукописи Путешествія Макарія Антіохійскаго, принадлежащей Моск. Главн. Архиву Мин. Ин. Дѣлъ, съ краткимъ обзоромъ остальныхъ извѣстныхъ арабскихъ рукописей Путешествія. Рукописи: архивская 1859 г., Учебнаго отдѣленія при Мин. Ин. Дѣлъ 1847 г. и Порфиріевская (Имп. Публ. Библ.) 1849 г., писаны очевидно съ одного и того же оригинала—съ дамасской рукописи 1700 г. (вѣроятно, погибшей въ 1860 г.). Оригиналъ англійскаго перевода Бельфура (Лондонъ, 1829—1836) писанъ въ 1765 г. и нынѣ принадлежитъ Британскому музею. Сенковскій видѣлъ на Ливанѣ рукопись, писанную почеркомъ кершуни, т.-е. сирскими буквами по-арабски. А. Е. Крымскій недавно вывезъ изъ Сейданайскаго монастыря въ Сиріи неполную рукопись Путешествія. Изъ подробнаго описанія архивской рукописи явствуютъ добросовѣстность и тщательная точность, съ какими изготовленъ этотъ списокъ. Такъ, въ противоположность рукописи Учебнаго отдѣленія, въ которой переписчикъ мудрствуетъ,—въ спискѣ архивскомъ сохраненъ живой народный языкъ текста, примѣчанія стоятъ на своихъ мѣстахъ и даже размѣщеніе текста подогнано, повидимому, страница въ страницу къ оригиналу. Въ концѣ рукописи переписчикъ, Илія, сынъ Іосифа, Жибаръ, въ послѣсловіи своемъ, опредѣленно обозначаетъ дату окончанія переписки: „15-го благословеннаго февраля, одного изъ мѣсяцевъ 1859 года христіанской эры", и указываетъ, что списокъ снятъ „съ книги Ніиматулла, сына священника Георгія, сына Насима; дата ея—отъ Адама 7208". Далѣе идутъ, за именными печатями, подписи шести свидѣтелей, изъ коихъ особенно замѣчательны двѣ: высоко-христіанскаго и просвѣщеннаго дѣятеля протоіерея Іосифа Мухаина Аль-Хаддада и Михаила Аббуда, весьма обстоятельная. Аль-Хаддадъ свидѣтельствуетъ, что книга „списана со стариннаго списка и сличена съ нимъ въ точности". Михаилъ Аббудъ говоритъ: „..эту книгу...я... позаботился списать со старинной изветшавшей книги, помѣченной 7208 г. отъ сотворенія міра. Эта книга есть вкладъ; она старинная, пришла въ ветхость и не можетъ быть перенесена изъ города въ городъ, ибо близка къ уничтоженію. Въ виду того, что къ намъ обратился съ просьбою возлюбленный братъ нашъ синьоръ Испиръ (Спиридонъ) Аббудъ достопочтенный и поручилъ намъ, чтобы мы позаботились снять съ нея списокъ для него, мы тотчасъ приступили къ дѣлу, согласно его приказанію, и заказали снять съ нея копію, истративъ на это, что потребовалось; и сличили ее со старымъ спискомъ слово въ слово, строка въ строку и листъ въ листъ, со всевозможной точностью и тщательностью, согласно желанію вышеупомянутаго брата нашего..." Далѣе идутъ свидѣтельства еще двухъ Аббудовъ (третьяго брата и, вѣроятно, отца, послѣдняя по-турецки), зятя ихъ, Іоанна Попандопуло, протонотарія Антіохійскаго патріарха (по-гречески) и нѣкоего Константина сына Михаила Маллука. Докладчикъ полагаетъ, что вслѣдствіе точной передачи дамасскаго оригинала въ архивскомъ спискѣ „позволительно думать, что списокъ этотъ болѣе другихъ близокъ къ оригинальному тексту Павла Алеппскаго. Послѣ чтенія доклада Г. А. Муркосъ показывалъ въ изданіи Бельфура части, оставленныя безъ перевода и приведенныя Бельфуромъ по-арабски, а также списанную докладчикомъ копію съ архивской рукописи.

Л. З. Мсеріанцъ прочелъ докладъ „О реставраціи Карнакскаго храма", подробно остановившись на исторіи этого храма въ связи съ общей исторіей египетской культуры, и затѣмъ, на основаніи свѣдѣній и рисунковъ, помѣщенныхъ въ Temps и Illustration, познакомилъ слушателей съ самой реставраціей.

Въ засѣданіи **Археографической Коммиссіи Имп. Московскаго Археологическаго Общества**, 27 марта 1899 г., *Г. Н. Шмелевъ* прочелъ докладъ: „Изъ практики архивныхъ описей". Сначала докладчикъ вкратцѣ указалъ на то, какими должны быть архивныя описи: по его мнѣнію, онѣ должны отличаться 2 качествами: 1) научностью,

т.-е. строгой систематичностью, и 2) возможной краткостью; для облегченія справокъ къ описямъ нужно прилагать различные указатели: предметные, личные, географическіе и др. Затѣмъ, опираясь на свѣдѣнія, присланныя въ Арх. Ком. изъ разныхъ архивовъ, референтъ сообщилъ данныя о томъ, какъ ведутся описи въ этихъ архивахъ. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ архивахъ совсѣмъ нѣтъ описей, а существуютъ только алфавиты, въ другихъ же — ведутся *канцелярскія* описи, т.-е. описи, мало пригодныя для научныхъ цѣлей. Коснувшись въ заключеніе вопроса о причинахъ *печальнаго* состоянія большинства нашихъ архивовъ, докладчикъ указалъ на 2 такихъ причины: 1) недостаточность средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе архивовъ, и 2) тѣсную связь этихъ послѣднихъ съ канцеляріями. Чтобы улучшить положеніе русскихъ архивовъ, нужно снабдить ихъ болѣе значительными денежными средствами и оторвать отъ канцелярій, т.-е. сдѣлать *самостоятельными* учрежденіями.

Второй докладъ былъ сдѣланъ *П. И. Ивановымъ*: „Опись Сійскаго монастыря 1598 г. и лѣтописныя замѣтки". Сборникъ составленъ между 1694—1696 гг. Матеріалъ по большей части разгруппированъ по содержанію, а не въ хронологическомъ порядкѣ. Значительная его часть имѣетъ прямое или косвенное отношеніе съ монастырскому хозяйству. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоятъ смѣты расходовъ по постройкѣ двухъ церквей: одной отъ 1588 — 1606 гг., другой отъ 1638 — 1644 года, и выписки изъ приходо-расходныхъ книгъ. Смѣты не даютъ одиночныхъ цѣнъ ни на матеріалъ, ни на трудъ. Все, что онѣ даютъ, это — цѣнность всей постройки, цѣна матеріала и труда, за 6 въ одномъ и за 17 въ другомъ случаѣ лѣтъ; въ частности мы здѣсь находимъ: а) данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ за первый 17-тилѣтній (1588 — 1606) періодъ на вологодскомъ рынкѣ и за второй 6-тилѣтній (1638—1644) на холмогорскомъ; въ томъ и другомъ случаѣ цѣны выше умѣренныхъ; b) данныя о цѣнахъ на предметы мѣстнаго производства: лѣсъ—и на предметы привозные: желѣзо, гвозди и пр.; въ выпискахъ изъ приходо-расходныхъ книгъ есть цѣны на мѣдь, серебро, драгоцѣнные камни, ртуть; c) смѣта сообщаетъ въ каждомъ продуктѣ труда относительную стоимость матеріаловъ—сырья и мануфактуръ и труда, заработной платы и содержанія рабочихъ; по двумъ смѣтамъ эти отношенія совершенно различны: по первой (1588—1606) на матеріалъ ушло 51% всѣхъ затратъ, а на трудъ 49%, по второй (1638—1644): на матеріалъ 22,9%, на трудъ 77,1%. Если принять въ разсчетъ, что заготовка хлѣба въ первый разъ произведена по болѣе дешевымъ цѣнамъ (въ 2 съ лишнимъ раза), чѣмъ во второй, то такое разнорѣчіе памятника надо отнести (не на счетъ его неточности) на счетъ колебанія цѣны на трудъ, въ зависимости отъ заготовительной цѣны хлѣба, а не отъ одной только рыночной, которая на мѣстномъ холмогорскомъ рынкѣ во время первой постройки были выше, чѣмъ во второй. Въ разныхъ отрасляхъ труда отношеніе между затратами на матеріалъ и на трудъ должно быть различное; изслѣдуемый памятникъ даетъ одинъ примѣръ изъ области другого производства: устройство вѣнца къ иконѣ, въ которомъ это отношеніе сильно измѣняется въ пользу затратъ на матеріалъ, благодаря значительной цѣнности послѣдняго.— Первое мѣсто по количеству листовъ занимаетъ отписной списокъ 1598 г., составленный также въ хозяйственныхъ цѣляхъ: для передачи монастырскаго имущества отъ стараго игумена къ новому. Опись посвящаетъ каждому предмету столько вниманія, сколько заслуживаетъ его хозяйственная цѣнность. Она даетъ нелишенный интереса матеріалъ о степени духовныхъ интересовъ и нуждъ монастырской братіи XVI в.

Въ бывшемъ недавно засѣданіи **Имп. Русскаго Археолог. Общества** въ Петербургѣ *С. В. Рождественскій* сдѣлалъ сообщеніе о „Земскомъ Соборѣ 1642 г.". Референтъ поставилъ нѣсколько вопросовъ, а именно: сколько было засѣданій собора, кто принималъ въ нихъ участіе, и когда происходили засѣданія? Въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ напечатанъ офиціальный актъ о засѣданіи 3 января 1642 г.; этимъ

актомъ пользовались всѣ наши историки, и въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ. Но ближайшее ознакомленіе съ актомъ, напечатаннымъ въ „Собраніи", показываетъ намъ, по мнѣнію докладчика, что было не одно, а два засѣданія; при чемъ на первомъ засѣданіи, 3 января, въ присутствіи Алексѣя Михаиловича и освященнаго собора было рѣшено представить выборнымъ условія, предложенныя Турціей относительно Азова. По мнѣнію докладчика, на первомъ засѣданіи 3 января дѣло ограничилось тѣмъ, что думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ объявилъ собравшимся, что имъ предстоитъ обсудить важный государственный вопросъ, на второмъ же засѣданіи ни царя, ни представителей освященнаго собора не присутствовало, а были лишь представители сословій, которые и дали отвѣтъ относительно принятія Азова. Когда было второе засѣданіе, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ оно было не раньше конца января, такъ какъ мы можемъ утвердительно сказать, что отвѣтъ на рѣчь Лихачова отъ нижегородскихъ мурянскихъ дворянъ послѣдовалъ лишь 17-го января. Въ преніяхъ принялъ участіе С. Ѳ. Платоновъ, замѣтившій, что мнѣніе докладчика подтверждается, между прочимъ и тѣмъ, что имена выборныхъ людей помѣщены послѣ акта собора 3-го января. Затѣмъ *А. С. Спицынъ* сдѣлалъ сообщеніе о „шаманизмѣ, въ отношеніи къ русской археологіи". Исходя изъ той точки зрѣнія, что религіозныя вѣрованія должны отразиться на памятникахъ древности, по мнѣнію докладчика, на древнѣйшихъ находкахъ, въ особенности пермскихъ, отразилось вліяніе шаманизма на памятникахъ сравнительно позднихъ, такъ называемыхъ чудскихъ образкахъ. Господствующимъ типомъ является борьба оленя (добраго начала) съ змѣемъ — представителемъ начала злого. Въ своемъ возраженіи Я. И. Смирновъ указалъ, что невозможно современный вѣрованія шаманистовъ сравнивать съ воззрѣніями шаманистовъ III вѣка. Послѣ этого *С. А. Бѣлокуровъ* сдѣлалъ небольшое сообщеніе о поступившихъ въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ замѣчательной рукописной библіотеки Ѳ. Ѳ. Мазурина, въ которой, среди рукописей, есть нѣсколько пергаментныхъ очень цѣнныхъ, XV — XVII вѣка, а также нѣсколько писемъ Петра I, Екатерины II и Александра I, между прочимъ отъ 1812 года.

Въ засѣданіи **Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества**, 11-го марта, приватъ-доцентъ *В. В. Бартольдъ* сообщилъ о полученныхъ имъ отъ г. Калаура изъ Аулиеатинскаго уѣзда персидской рукописи, которая содержитъ въ себѣ вновь найденное сочиненіе извѣстнаго писателя Молла Сейфа-Эддина Асхикенти, „Исторія шейховъ города Кайсана". Затѣмъ Д. А. Клеменцъ представилъ вниманію Общества свой отчетъ объ „Археологическихъ результатахъ Турфанской экспедиціи". Рецензентъ указалъ, что единственными изслѣдователями Затяньшанскаго края являются русскіе ученые и путешественники, каковы: Регель, Пржевальскій и Грумъ-Гржимайло, а также русскія экспедиціи: 1) Пѣвцова, Козлова, Роборовскаго и 2) Богдановича, Козлова и Роборовскаго. Давъ затѣмъ краткую оцѣнку трудовъ названныхъ путешественниковъ и экспедицій, *Д. А. Клеменцъ* перешелъ къ отчету о своей поѣздкѣ. Кургановъ удалось экспедиціи встрѣтить сравнительно немного, но почти на всѣхъ видѣнныхъ курганахъ находились болѣе или менѣе грубыя каменныя изваянія. Среди же остатковъ городовъ первое мѣсто занимаетъ городъ Яркото, лежащій въ 6-ти верстахъ къ западу отъ Турфана и прекрасно сохранившійся, благодаря своему малодоступному положенію на искусственномъ островѣ, образуемомъ развѣтвленіемъ рѣки. Всѣхъ пещеръ экспедиціей было осмотрѣно до 130. Всѣ онѣ расположены вдоль теченія рѣкъ, изъ которыхъ многія теперь уже превратились въ болото, и имѣютъ узкую форму; во многихъ изъ нихъ сдѣланы углубленія въ видѣ нишъ, а у нѣкоторыхъ есть второе, меньшее отдѣленіе. За исключеніемъ одной, имѣющей четырехскатную крышу и плафонъ, всѣ онѣ завершаются сводомъ. Всѣ пещеры оштукатурены извнутри; тѣ изъ нихъ, которыя предназначались для жилья, известью

съ примѣсью розовой краски, а тѣ, которыя предназначались для храма, имѣютъ стѣны и потолокъ бѣлые: на потолкѣ находили въ нихъ изображенія Будды, а по стѣнамъ— картины изъ буддійской миѳологіи или сцены свѣтскаго содержанія. При нѣкоторыхъ изображеніяхъ встрѣчаются китайскія, уйгурскія и индійскія надписи. Интересно, что индійскія надписи встрѣчаются и въ тѣхъ пещерахъ, гдѣ изображенія Будды китайскаго типа. Кромѣ этихъ надписей, въ одной пещерѣ въ Ярхото, были найдены надписи руническія; отдѣльные руническіе знаки встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напр., по дорогѣ изъ Сингимауза въ Муршукъ, экспедиція встрѣтила два руническихъ знака. Въ одной пещерѣ были найдены на полу въ пескѣ и въ обвалившейся штукатуркѣ отрывки рукописей и обрывки шелковыхъ матерій съ различными изображеніями. Чтеніе свое Д. А. Клеменцъ иллюстрировалъ множествомъ фотографій, снятыхъ имъ на мѣстѣ, и рисунками.

Засѣданіе **Императорскаго Общества любителей древней письменности**, 26-го марта, было открыто заявленіемъ предсѣдателя о Высочайшемъ соизволеніи на внесеніе Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича въ списокъ членовъ Общества. Затѣмъ *А. В. Половцовъ* сдѣлалъ сообщеніе о любопытномъ эпизодѣ изъ исторіи малороссійскаго казачества. Въ 1646 году, при осадѣ Дюнкерка арміею великаго Конде, на французской службѣ находились казаки. Кардиналъ Мазарини обратился къ Польскому Королю Владиславу, съ просьбою оказать французскому правительству помощь въ войнѣ съ испанцами. Владиславъ предложилъ казакамъ принять участіе въ этой войнѣ, и они въ числѣ 2,000 чел. отправились во Францію, гдѣ участвовали въ осадѣ и взятіи Дюнкерка въ 1646 году. До сихъ поръ эпизодъ этотъ былъ извѣстенъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. А. В. Половцовъ произвелъ изслѣдованія въ архивахъ Дюнкерка и въ архивѣ графовъ Конде, въ Шантильи, и нашелъ цѣлый рядъ подлинныхъ писемъ кардинала Мазарини и другихъ выдающихся дѣятелей тогдашней Франціи; въ этихъ письмахъ нашлись интересныя подробности о пути, которымъ прибыли казаки во Францію, о переговорахъ съ французскимъ правительствомъ и объ участіи ихъ въ осадѣ Дюнкерка. Эти неизвѣстные до сихъ поръ матеріалы приготовляются А. В. Половцовымъ къ печати. *Я. И. Смирновъ* представилъ вниманію собранія новое изданіе: „V. Schultze. Die Quedlinburger Stala-Miniaturen. Fragmente der ältesten christlichen Buchmalerei", и ознакомилъ съ описательнымъ и объяснительнымъ текстомъ издателя. Фрагменты миніатюръ и текста принадлежатъ латинскому до-іеронимовскому переводу Книги Царствъ и найдены въ 1865 и слѣдующихъ годахъ въ Кведлинбургѣ, заклеенными въ переплетахъ книгъ начала XVII в. Сохранились 14 миніатюръ, но очень плохо. Исполнены онѣ спеціально для этой рукописи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ скорописныя латинскія надписи, обнаружившіяся подъ краскою фона миніатюръ и дающія указанія художнику, какъ и что̀ писать. Общій характеръ миніатюръ близокъ къ античнымъ римскимъ памятникамъ и особенное сходство представляетъ съ миніатюрами извѣстной латинской рукописи Вергилія. Вслѣдствіе того, что Книга Царствъ чисто историческаго содержанія, ничего спеціально-христіанскаго въ миніатюрахъ кведлинбургскихъ отрывковъ нѣтъ и быть не могло, но интересны рѣзкія отличія отъ манеры иллюстрированія древнѣйшихъ рукописей греческаго происхожденія. Шульце относитъ рукопись къ IV вѣку, но по мнѣнію Н. П. Холодняка она — первой половины V вѣка (Пр. Вѣстн.).

Въ собраніи членовъ **Археологическаго Института** 8-го октября 1898 г. проф. *А. И. Соболевскій* сообщилъ о нѣкоторыхъ интересныхъ новыхъ изданіяхъ по части археологіи.—Таково, прежде всего, изданіе Мирославова евангелія (отъ XII в.),—находившагося долгое время на Аѳонѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ. Сербскій король Александръ въ свою поѣздку на Аѳонъ получилъ на подержаніе это евангеліе и не-

давно издалъ его. Такъ какъ изданіе евангелія въ цѣломъ видѣ стоило бы весьма дорого, то большая часть книги издана въ половину. Изданная рукопись находится по своимъ палеографическимъ особенностямъ въ связи съ Боснійскими рукописями. Орнаментъ въ евангеліи смѣшаннаго характера—чудовищный (змѣи, звѣри и т. п.) въ связи съ завитками и листьями. Въ цѣломъ рядѣ буквъ, и между тѣми и другими сходства нѣтъ почти никакого.—Костюмы на изображаемыхъ лицахъ, не имѣя ничего похожаго въ современной намъ дѣйствительности, представляютъ не малый интересъ. Текстъ евангелія — особенный, самостоятельный, не совпадающій съ текстомъ другихъ извѣстныхъ списковъ евангелія.—Вторая новинка—это трудъ чеха Хитиля на чешскомъ языкѣ.—Развитіе сербскаго искусства за конецъ XV и начало XVI вв. (Vrvoj miniaturniho malirstvi ceskeho za dobikrálu rodu Jagellonskeho. Napsal a vrdal Dr. Karel Chrfil. v Prase 1895). Здѣсь приведены рукописи исключительно церковнаго характера. Внутри иниціальныхъ буквъ рукописей находятся изображенія — событій церковной жизни, птицъ, животныхъ, и т. п. Изданіе исполнено фототипическимъ путемъ, а не раскрашено.—Третья новинка—это снимокъ съ письма Лжедимитрія къ папѣ на польскомъ языкѣ. (Изданіе: „Lettre de Dmitri dit le faut a Clement VIII publiée par le p. Pierling, T. J. Avec quatre, fac-similés en phototypie. Paris. 1898).—Оригиналъ найденъ въ Ватиканскомъ архивѣ. Лжедимитрій писалъ по-польски хорошо, но въ концѣ письма дѣлаетъ уклоненія въ сторону Московской скорописи (русскія окончанія съ титломъ, русское „зѣло" и т. п.). На ряду съ спеціальными полонизмами встрѣчаются и ошибки фонетики. Очевидно, письмо составлено природнымъ полякомъ и переписано Лжедимитріемъ, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ письма и выдаетъ свое великорусское происхожденіе.

Въ заключеніе проф. А. И. Соболевскій сказалъ нѣсколько словъ о новомъ критико-библіографическомъ журналѣ, издаваемымъ подъ редакціей профессора Пражскаго университета Нидерлэ - это „Вѣстникъ славянскихъ древностей". Въ немъ печатаются тексты на всѣхъ славянскихъ языкахъ, а также на нѣмецкомъ и русскомъ. Предметъ журнала довольно узкій—древности доисторическія и этнографія.

Въ собраніи 5-го ноября 1898 года былъ заслушанъ рефератъ вольнослушательницы *В. М. Холодникъ* „О кодексѣ Hortus deliciarum".—Изложивши судьбу рукописи, ея содержаніе, библіографію статей о ней и указавши полеографическія особенности, г-жа Холодникъ остановилась подробно на изданіи „Hortus deliciarum par l'abbesse Herrade de landspèrg.—Reproduction neliographique d'une série de miniatures, calguées sur l'original de ce manuscrit du douziéme siecle.—Texte explicatit par le chanoine A. Staub".—Изданіе это начато въ 1873 г. До настоящаго времени вышло 10 выпусковъ по 10 рисунковъ въ каждомъ выпускѣ. Своей обширной работѣ Геррада посвятила двадцать лѣтъ. У нея проза чередуется со стихами ея собственными, а также и другихъ авторовъ. Библейскія событія излагаются очень кратко, но зато иллюстрируются громаднымъ количествомъ миніатюръ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Онѣ отразили въ себѣ широкое вліяніе византійскаго искусства. Трудъ Геррады—это первая научная энциклопедія, составленная въ цѣляхъ обученія.

Директоръ Археологическаго Института, профессоръ Н. В. Покровскій, замѣтилъ, что по широтѣ византійскаго вліянія и разнообразію цикловъ изображеній миніатюры „Hortus deliciarum" представляютъ глубокій интересъ для интересующагося византійскимъ и западнымъ искусствомъ. Едва ли еще какой западный памятникъ XI—XII вв. можетъ итти въ сравненіе съ „Hortus deliciarum" по богатству миніатюръ.

Въ собраніи 12-го ноября 1898 года былъ доложенъ рефератъ члена Института *В. М. Страшкевича*: „Обозрѣніе церковныхъ древностей Пскова членами и слушателями Археологическаго Института въ экскурсію 11—14 мая 1898 года". Въ маѣ 1898 г. слушатели Археологическаго Института, въ количествѣ 16 человѣкъ, съ директоромъ Н. В. Покровскимъ, проф. Н. И. Веселовскимъ и др. совершили экскурсію въ Псковъ,

при чемъ осмотрѣли древности Мирожскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, церквей: Климента, папы Римскаго, Успенія Божіей Матери Пароменской, Іоанно-Предтеченскаго монастыря, Троицкаго собора и единовѣрческой церкви. Какъ извѣстно, въ соборѣ Мирожскаго монастыря, съ именемъ котораго соединяются воспоминанія о древнихъ дѣятеляхъ русскаго религіознаго просвѣщенія, находятся подъ слоемъ штукатурки стѣнныя живописи. Ясные слѣды ихъ замѣтны были въ алтарѣ и въ средней части храма, гдѣ штукатурка обвалилась. Догадывались, судя по контурамъ изображенія евхаристіи въ алтарной абсидѣ, что эти фрески современны первоначальному сооруженію собора, т. е. относятся къ XII вѣку. Въ настоящее время фрески расчищены сполна, и прежнія довольно смутныя догадки археологовъ получаютъ блестящее подтвержденіе. Всѣ внутреннія поверхности Спасо-Преображенскаго собора покрыты фресками, замѣчательными какъ со стороны художественнаго стиля, такъ и иконографическихъ композицій. По нѣкоторымъ изъ этихъ послѣднихъ мирожскія фрески составляютъ единственный памятникъ въ Россіи. Стиль фресокъ тотъ же самый, что и въ фрескахъ нередицкихъ и староладожскихъ. Искусство здѣсь вполнѣ греческое, хотя бы исполненіе и принадлежало русскимъ мастерамъ. Типы лицъ греческіе, костюмы также традиціонные византійскіе; даже надписи, уцѣлѣвшія отчасти при нѣкоторыхъ изображеніяхъ, сдѣланы тоже по-гречески. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы величественны и превосходны, костюмы условны и нѣкоторые отличаются роскошью; постановка фигуръ по большей части нормальна. Размѣщеніе изображеній въ храмѣ носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Здѣсь, прежде всего, ясно различаются два цикла изображеній: въ алтарѣ и въ средней части храма; а въ этой послѣдней опять возможно различать нѣсколько отдѣльныхъ цикловъ. Посѣтивши церковь Климента Римскаго, члены и слушатели Института направились въ Успенскую Пароменскую церковь, построенную въ 1444 году. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе голосники, помѣщенные подъ сводами съ сѣверной и южной сторонъ. Въ алтарѣ интересны три иконы конца XVII в., отличной работы: 1) Іоанна Крестителя, 2) Богоматери и 3) Іоанна Богослова. Замѣчательно хранящееся въ средней части храма блюдо, которое имѣетъ уже цѣлую литературу, и надпись котораго: WISBI·RÄME, повторяющаяся около блюда шесть разъ, — еще до сихъ поръ не разъяснена. Орнаментъ блюда готическій XIII–XIV вв. При обозрѣніи Іоанно-Предтечевскаго женскаго монастыря члены и слушатели Института были пріятно поражены тѣмъ порядкомъ, какой царствовалъ во всемъ храмѣ въ частности, въ ризницѣ, гдѣ каждый предметъ снабженъ особымъ ярлычкомъ, содержащимъ въ себѣ его описаніе. Въ ризницѣ находится, между прочимъ, и замѣчательное старинное паникадило. Въ заключеніе экскурсанты подробно обозрѣли древности Троицкаго собора.

Въ собраніи 12-го ноября 1898 года докладывался рефератъ члена Института Вл. Лотоцкаго: „О раскопкахъ древнихъ могильниковъ въ Псковской губ., произведенныхъ слушателями Археологическаго Института во время ихъ учебно-образовательной экскурсіи въ маѣ 1898 года“.

13 мая всѣ, участвующіе въ археологической экскурсіи, отправились на раскопки кургановъ въ Кривовичи,—урочище иначе называемое „Валунья долина“. Всего было разрыто 28 могилъ. Хоронили покойниковъ здѣсь на глубинѣ около $1^1/_2$ арш., прямо въ землѣ, головою на западъ; положеніе корпуса вообще прямо навзничь, хотя встрѣчааись (рѣдкіе и, кажется, случайные) примѣры обращенія лица къ сѣверу. Ноги вытянуты параллельно, ступни придвинуты одна къ другой; руки протянуты вдоль туловища. Средняя длина скелета до пятокъ 2 ар. 5 в. – 2 ар. 7 в. Никакой насыпи на могилахъ нѣтъ. Зато каждая могила обнесена кругомъ рядомъ камней-булыжниковъ громадной величины — до $^3/_4$ ар. въ діаметрѣ. Найденные въ могилахъ предметы трехъ родовъ: а) желѣзный ножикъ, который обыкновенно полагался возлѣ лѣваго бедра по-

койника; б) желѣзный гвоздь, полагавшійся у изголовья, также съ лѣвой стороны, и в) мѣдныя кольца и серьги, найденныя также съ лѣвой стороны, ближе къ изголовью. Ножикъ и гвоздь были находимы въ большинствѣ могилъ, именно въ могилахъ мужскихъ. Такъ слѣдуетъ думать потому, что въ этихъ могилахъ отсутствовали тѣ вещи (кольца и серьги), какія найдены въ нѣсколькихъ могилахъ (женскихъ), съ своей стороны обращавшихъ на себя вниманіе присутствіемъ въ нихъ ножика и гвоздя. По мнѣнію проф. Н. И. Веселовскаго, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типомъ *финскаго* погребенія, а происхожденіе раскопанныхъ могильниковъ должно быть отнесено ко времени не позже начала XI вѣка.

На той же „Валуньей долинѣ" было вскрыто четыре кургана, въ мѣстномъ названіи „сопки", средняя величина которыхъ около четырехъ саженъ въ діаметрѣ (чрезъ вершину), кругомъ у основанія около 15 саж. Въ одномъ изъ нихъ найдено остріемъ кверху стальное копье (наконечникъ), прекрасно сохранившееся и очень хорошей работы. Во второмъ курганѣ найдено также копье, но значительно отличающееся отъ перваго какъ своими большими размѣрами, такъ и меньшимъ совершенствомъ работы. Въ каждомъ курганѣ былъ находимъ горшокъ съ мелкими жжеными костями и немного углей. По объясненію проф. Н. И. Веселовскаго, это обычный типъ погребенія языческихъ славянъ, посредствомъ трупосожженія. Слѣдовательно, по времени происхожденія своего курганы эти должны быть отнесены къ эпохѣ язычества Ильменскихъ славянъ, до начала XI вѣка.

Профессоръ Н. И. Веселовскій замѣтилъ референту, что въ числѣ находокъ въ могилахъ „Валуньей долины" есть одна серебряная монета—греческая имп. Іоанна Цимисхія, которая позволяетъ опредѣлить хронологическую дату разрытыхъ могилъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ произведенныя раскопки весьма удачными. Указанная монета—большая рѣдкость въ подобныхъ могилахъ; служила она умершему въ качествѣ привѣски.

Въ годовомъ собраніи Института, происходившемъ 15-го января, директоръ института Н. В. Покровскій сдѣлалъ обзоръ дѣятельности 18 губернскихъ архивныхъ коммиссій. Къ сожалѣнію, архивныя коммиссіи слишкомъ запаздываютъ доставленіемъ о себѣ институту свѣдѣній. Характеристика ихъ дѣятельности касалась 1894, 1895 и 1896 гг. Особенно дѣятельною оказывается костромская коммиссія, благодаря горячему участію въ ея занятіяхъ статсъ-секретаря Н. Н. Селифонтова. Нижегородская коммиссія успѣшно занималась изданіемъ мѣстныхъ историческихъ документовъ и возбудила вопросъ объ охранѣ отъ разрушенія древняго Нижегородскаго кремля о реставраціи старинной Дмитровской башни съ приспособленіемъ ея подъ художественный музей. Оренбургская коммиссія устроила мѣстный историко-этнографическій музей, въ которомъ собрано много любопытныхъ предметовъ древности и естественно-историческихъ коллекцій. Орловская коммиссія дѣятельно занималась разборомъ архивныхъ документовъ. Печальное положеніе пермской коммиссіи значительно улучшилось. Коммиссія устроила выставку древностей Пермскаго края и организовала экскурсіи для отысканія и обслѣдованія чудскихъ могильниковъ и для раскопокъ. По части изслѣдованія мѣстныхъ древностей выдѣляется рязанская коммиссія, благодаря неутомимости А. П. Черепнина, произведшаго много раскопокъ. Симбирская коммиссія занималась разсмотрѣніемъ описей архивовъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Музей коммиссіи обогатился пожертвованіями нѣсколькихъ лицъ и, между прочимъ, цѣнной нумизматической коллекціей, поступившей въ музей по завѣщанію А. В. Толстого. Таврическая коммиссія заботилась объ охраненіи мѣстныхъ памятниковъ древности при реставраціи Бахчисарайскаго дворца, при сломкѣ древней стѣны вблизи деревни Эски-Сарай и въ другихъ подобныхъ случаяхъ и занималась производствомъ раскопокъ. Тамбовская коммиссія передала богатыя коллекціи по палеонтологіи, археологіи,

нумизматикѣ и др. отдѣламъ въ вѣдѣніе мѣстнаго общества по устройству народныхъ чтеній. Общество это воспользовалось коллекціями и лишило коммиссію участія въ дальнѣйшей судьбѣ собранныхъ ею коллекцій. Вслѣдствіе этого возникъ антагонизмъ между двумя учрежденіями, вызвавшій у архивной коммиссіи желаніе образовать новый историческій музей для передаваемыхъ ей коллекцій. Калужская коммиссія просмотрѣла описи дѣлъ нѣсколькихъ учрежденій, предсѣдатель коммиссіи г. Четыркинъ произвелъ раскопки по нижнему теченію Калужки, обнаружившій слѣды до-историческаго человѣка. Съ 1896 г. стала дѣйствовать Черниговская, съ 1898 г.—Владимірская, Херсонская и Бессарабская архивныя коммиссіи.

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности на-дняхъ состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе: „Логика“ жидовствующихъ и „Тайная тайныхъ“ было сдѣлано *А. И. Соболевскимъ*. Въ московской синодальной библіотекѣ имѣется рукопись второй половины XVI в., упомянутая въ „Указателѣ“ преосв. Саввою, какъ „Метафизика на южно-русскомъ нарѣчіи“. Смыслъ текста этой рукописи представляетъ очень большія затрудненія (въ немъ находятся, между прочимъ, слова, несомнѣнно сочиненныя, въ родѣ: душевенство, гдѣчество, чтовство и т. п.). Лишь при очень внимательномъ чтеніи можно догадаться, что первая часть текста — краткая логика, а вторая часть заслуживаетъ, кажется, названія метафизики. Рядъ данныхъ приводитъ референта къ заключенію, что синодальная рукопись представляетъ переводъ сочиненія знаменитаго Моисея Маймонида, сдѣланный прямо съ еврейскаго. Синодальный текстъ имѣетъ всѣ права на названіе „Логики“ жидовствующихъ: только его могъ имѣть въ виду архіеп. Геннадій, и къ его экземпляру, можетъ быть, восходитъ синодальная рукопись. „Тайная тайныхъ“ — обширное сочиненіе энциклопедическо-поучительнаго характера, написанное будто бы Аристотелемъ для Александра Македонскаго, появилось на русскомъ языкѣ до половины XVI в. Вопросъ объ оригиналѣ „Тайная тайныхъ“ не рѣшается пока окончательно, но докладчикъ указалъ на слѣдующее. Въ словарномъ матеріалѣ русскаго текста есть поздніе грецизмы, есть латинизмы, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть рядъ непонятныхъ словъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, по справкѣ, оказались еврейскими; по-еврейски же звучатъ собственныя имена арабскихъ ученыхъ, наставленія медицинскаго характера излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ лица Моисея Маймонида и т. п. Переводъ обоихъ текстовъ, довольно сходныхъ по языку, сдѣланъ или въ Западной Руси, или скорѣе въ Московской Руси людьми, недавно прибывшими изъ Западной Руси и не успѣвшими еще освоиться съ московскою бытовою терминологіею. Затѣмъ *С. О. Долговъ* прочелъ рефератъ объ одномъ русскомъ описаніи Китая, составленномъ до Спаѳарія. Это „Вѣдомость о Китайской землѣ и глубокой Индѣи“. Написана она въ 1669 г. тобольскимъ стольникомъ и воеводой П. И. Годуновымъ. Вѣдомость даетъ обстоятельное понятіе о государственномъ устройствѣ Китая, религіи, нравахъ и обычаяхъ жителей, о производствѣ страны, ея естественныхъ богатствахъ и торговлѣ. Мимоходомъ приведено нѣсколько баснословныхъ разсказовъ о началѣ китайскаго народа и его переселеніяхъ. *Е. А. Ляцкій* сдѣлалъ сообщеніе о вновь открытомъ журналѣ Екатерининской эпохи: „Не всіо и не ничево“. Этотъ журналъ началъ выходить въ Петербургѣ въ 1786 г. и представляетъ собою тетрадку въ 6-ти номерахъ или „листахъ“, изъ которыхъ первый напечатанъ, а остальные писаны четкимъ, красивымъ почеркомъ и, очевидно, были предположены къ изданію. По своему содержанію, онъ заключаетъ рядъ протоколовъ общества, образовавшагося съ издательскими и просвѣтительными цѣлями, и нѣсколькихъ литературныхъ произведеній. Нѣкоторыя данныя позволяютъ установить связь этого изданія съ кружкомъ лицъ, работавшихъ въ петербургскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія для заведенія училищъ въ столицѣ. Особенно любопытны страницы, гдѣ издатели касаются вопроса о положеніи литературы и дѣятельности управы

благочинія, въ которой была сосредоточена тогда цензура свѣтскихъ произведеній печати. Журналъ хранится въ библіотекѣ П. М. Дмитріева, въ Петербургѣ. Въ члены-корреспонденты избраны В. М. Васнецовъ, С. О. Долговъ и С. А. Пташицкій.

Въ засѣданіи **Историко-Филологическаго Общества** при **Харьков. Университетѣ,** 23 февраля, были прочитаны доклады: *Е. К. Рѣдина* и *Н. А. Федоровскаго* „Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго уѣзда" и *Е. К. Рѣдина* „Памяти И. А. Голышева" (по поводу посмертнаго изданія его трудовъ).

Е. К. Рѣдинъ, описавъ курганъ, находящійся въ слободѣ Сеньково на одномъ изъ его кладбищъ, и разсказавъ, при какихъ условіяхъ былъ открытъ могильникъ этого кургана, сообщилъ о всѣхъ предметахъ, найденныхъ въ немъ. Принимая во вниманіе эти предметы, извѣстные и по другимъ находкамъ, докладчикъ полагалъ, что данный могильникъ принадлежитъ древнѣйшему обитателю Харьковской губерніи—того періода, когда наряду съ предметами каменными, кремневыми были въ употребленіи и бронзовые. *Н. А. Федоровскій* подробно остановился на найденныхъ предметахъ того же могильника, представивъ результатъ изслѣдованія ихъ въ различныхъ отношеніяхъ. Кромѣ костей человѣка въ могильникѣ находились кости домашнихъ животныхъ (коровы, овцы, свиньи); части дерева (истлѣвшія) отъ сруба или колоды, въ которую было положено тѣло умершаго — принадлежатъ дубу; краска кирпично-красная съ окисью желѣза; фрагменты орудій: шлифованнаго долота—изъ желѣзистаго песчаника, какого то полированнаго орудія—изъ бѣлаго песчаника; и орудія съ желобкомъ посрединѣ—изъ красноватаго песчаника; различные кремневые осколки; бронзовый ножъ (длина съ рукояткой—9 сант.); глиняные черепки отъ сосудовъ съ веревочнымъ или цѣпочнымъ орнаментомъ. Сравнивая указанный матеріалъ съ тѣмъ, что извѣстно, благодаря другимъ находкамъ, въ Харьковской же губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, докладчикъ полагаетъ, что данный могильникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ предѣлахъ Харьковской губерніи жилъ какой-то народъ уже въ періодъ болѣе древній, чѣмъ „желѣзный".

Нѣсколько замѣчаній по поводу докладовъ было сдѣлано М. Д. Линдой и Д. И. Багалѣемъ.

Е. К. Рѣдинъ въ докладѣ своемъ изложилъ біографію покойнаго И. А. Голышева († 9 дек. 1896 г.) и остановился подробно на его художественно-научныхъ археологическихъ изданіяхъ и трудахъ, обогатившихъ науку весьма полезнымъ и цѣннымъ матеріаломъ для исторіи русской культуры въ широкомъ значеніи этого слова. (Х. В. № 54).

Въ засѣданіе **того же Общества,** 19 марта, были прочитаны доклады М. Е. Халанскимъ и В. И. Саввой. *М. Е. Халанскій* въ докладѣ о происхожденіи имени и прозвища Ильи Муромца, указалъ на возможность возвести слово Илья къ предполагаемому древнерусскому варіанту имени Олега-Ельга, передававшему сѣверно-германскія формы Helgi или Helga, черезъ посредствующую форму Елья, на существованіе которой указываетъ сообщеніе Эриха Ляссоты объ Elia Morovlin. Прозваніе Ильи — Муромецъ, возникло изъ болѣе древней формы Муровецъ. Родной городъ богатыря Ильи въ древнѣйшей записи былины Муровъ или Муръ. Эти названія докладчикъ сближалъ со старымъ словомъ Мурскій, т.-е. Мурманскій, Норманскій, Норвежскій.

Въ Якимовской лѣтописи Олегъ названъ княземъ Урманскимъ. Т. о. пріуроченіе Олега, Урманскаго князя, т.-е. Олега Вѣщаго къ Мурому, вызвано созвучьемъ эпитета героя съ названіемъ города Муриинъ. Во второмъ своемъ докладѣ о Леденцѣ-Ледянѣ градѣ, М. Е. Халанскій представилъ нѣсколько новыхъ соображеній въ пользу своего прежняго мнѣнія, оспариваемаго проф. Миллеромъ, что Леденецъ городъ есть переводъ названія Исландіи.

Въ третьемъ докладѣ—было указано научное значеніе сборника сербскихъ героическихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Загребѣ Матицей Хорватской.

В. И. Савва прочелъ докладъ о сочиненіи Павла Алеппскаго: „Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII вѣка", переведенномъ съ арабскаго г. Муркосомъ. По отзыву докладчика—описанія памятниковъ, быта, нравовъ,—предложенныя въ указанномъ сочиненіи отличаются богатствомъ и важностью матеріала для исторіи Россіи; сочиненіе—выше различныхъ другихъ записокъ иностранцевъ, посѣщающихъ Россію. Павелъ имѣлъ возможность наблюдать русскую жизнь такъ широко, какъ никто изъ иностранцевъ, и это отразилось на его „Описаніи". Сочиненіе до изданія его въ переводѣ Муркоса было извѣстно русскимъ историкамъ (преос. Макарію, Костомарову, Рущинскому и др.), но они пользовались англійскимъ переводомъ Бальфура, не отличающимся ни полнотой, ни правильностью.

Докладчикъ отмѣтилъ весьма важныя свѣдѣнія у Павла относительно Богдана Хмельницкаго, широкаго развитія грамотности въ Малороссіи, Кіево-Печерской лавры, отношеній московскаго правительства къ иновѣрцамъ, обычаевъ, нравовъ населенія,—и особенно относительно патріарха Никона, его отношеній къ царю Алексѣю Михайловичу, къ духовенству, боярамъ и др.

Въ обсужденіи докладовъ приняли участіе: Д. И. Багалѣй, М. С. Дриновъ, Б. М. Ляпуновъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ (Х. В. № 78).

Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій **Генеалогическаго Общества**, членъ правленія общества, кн. *М. С. Путятинъ*, сдѣлалъ докладъ о гербовникѣ Князева. Познакомивъ собраніе съ личностью и дѣятельностью А. Т. Князева прочтеніемъ отрывковъ изъ статей Н. П. и А. П. Барсуковыхъ объ этомъ замѣчательномъ „трудолюбцѣ" прошлаго вѣка и упомянувъ о заслугахъ Князева спеціально по межевой части, докладчикъ перешелъ къ описанію самого Гербовника, представивъ на обозрѣніе собранія точныя копіи заглавнаго листа съ текстомъ посвященія императрицѣ Екатеринѣ II и четырехъ первыхъ страницъ съ 16-ю гербами—все это исполнено акварелью на бумагѣ того же типа, какъ и подлинный Гербовникъ. Затѣмъ, изложивъ обстоятельства, послужившія поводомъ къ собиранію Князевымъ гербовъ и систему расположенія ихъ въ Гербовникѣ, докладчикъ въ заключеніе обратилъ вниманіе собранія на то, что трудъ Князева, какъ до сихъ поръ неизданный, представляетъ собою „unicum", точная копія котораго, въ виду цѣлей и задачъ общества, по разработкѣ вопросовъ отечественной геральдики, явилась бы цѣннымъ вкладомъ въ библіотеку общества и предложилъ исполнить эту работу, принося ее въ даръ обществу. Секретарь общества *В. В. Руммель* прочелъ докладъ о способахъ подачи дворянскими родами въ Разрядъ, въ XVII вѣкѣ, родословныхъ росписей. Докладчикъ, выяснивъ причины, вызвавшія появленіе такъ называемыхъ разрядныхъ родословныхъ росписей, а именно: указы царя Ѳеодора Алексѣевича 1862 г. и царей Іоанна и Петра и царевны Софіи 1686 г., объ „обновленіи" стараго государева Родословца (1555 г.) и установленія четырехъ другихъ, новыхъ, родословныхъ книгъ, въ которыя имѣли быть внесены дворянскіе роды по опредѣленнымъ категоріямъ, упомянулъ о судьбѣ этихъ росписей, часть которыхъ, по мнѣнію докладчика, растеряна при разныхъ переноскахъ разряднаго архива изъ одного помѣщенія въ другое въ первой половинѣ XVIII вѣка, а другая часть погибла въ 1812 г. (изъ 600 росписей, числившихся по реестрамъ XVIII вѣка, послѣ 1812 г. уцѣлѣло въ подлинникѣ 163), указалъ, что благодаря принятымъ еще въ XVIII вѣкѣ мѣрамъ многія росписи оказались переписанными, вслѣдствіе чего до насъ дошло въ копіяхъ свыше 300 росписей, окончательно же утраченными докладчикъ считаетъ около 100 росписей. Засимъ докладчикъ указалъ на внутреннее содержаніе росписей, большая часть коихъ изложена въ обычной формѣ старинныхъ русскихъ родословій, т.-е. заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе достовѣрное сказаніе о происхожденіи рода, постепенно излагаетъ развѣтвленіе родословнаго древа, при чемъ очень часто приводятся весьма цѣнныя данныя служебно біографическаго характера (какъ примѣръ докладчикъ привелъ роспись Матвѣевыхъ,

въ которой стольникъ А. А. Матвѣевъ, впослѣдствіи графъ, обстоятельнѣйшимъ образомъ изложилъ свѣдѣнія о службѣ своего отца, знаменитаго боярина А. С. Матвѣева); оканчиваются росписи указаніями: „а нашего роду только“ или „а что пишутся нашимъ прозваніемъ (такіе-то) — и тѣ не нашего роду“; здѣсь докладчикъ привелъ окончаніе росписи, поданной представителями боярскаго рода Салтыковыхъ, которые писали, что еще при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ присвоилъ себѣ фамилію Салтыкова—дмитровецъ, сынъ боярскій Тимоѳей Салтыковъ, который за это „въ Разрядѣ бить батоги“, съ воспрещеніемъ именоваться Салтыковымъ; по изысканіямъ докладчика, потомкомъ этого Тимоѳея Салтыкова былъ извѣстный сатирикъ М. Е. Салтыковъ. Въ концѣ росписи помѣщались представленныя „на свидѣтельство“ граматы, часть которыхъ, XIV—XVI вѣкъ, напечатана А. И. Юшковымъ въ „Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей за 1898 г.“. Описавъ наружный видъ росписей и упомянувъ, что 5 изъ нихъ были поданы въ видѣ родословныхъ таблицъ и что при 18 росписяхъ были представлены рисунки гербовъ, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ виду ошибокъ, встрѣчающихся въ изданіи Юшкова, и крайней неполноты этого изданія, поданныя въ Разрядъ росписи, съ приложенными при нихъ документами, были изданы полностью безъ пропусковъ.

VI.

Библіографія.

Д. И. Иловайскаго, Исторія Россіи. Эпоха Михаила Θедоровича. Стр. VII—375. М. 1899.

По обозначенію почтеннаго автора, эта книга составляетъ второй выпускъ IV тома, который посвящается Московско-Царскому періоду русской исторіи. Выдающіяся достоинства Исторіи Д. И. Иловайскаго, являющейся первой и очень удачной попыткой подвести въ живой и общедоступной формѣ итоги всѣмъ крупнымъ спеціальнымъ работамъ послѣдняго времени, освѣтивъ ихъ единствомъ идеи, на столько извѣстны, что говорить объ нихъ въ общихъ чертахъ считаемъ излишнимъ; давать же обстоятельный разборъ его Исторіи не наше дѣло. Мы только укажемъ, что̀ даетъ настоящая его книга для распространенія среди большой публики свѣдѣній по русской археологіи. Здѣсь, какъ и въ предъидущей книгѣ („Смутное время Московскаго государства“ М. 1894), нѣтъ обзора внутренняго состоянія Московскаго царства (см. въ т. IV, стр. 408—534): его, безъ сомнѣнія, авторъ отлагаетъ до окончанія царскаго періода; но въ его обстоятельномъ и красивомъ разсказѣ о царствованіи Михаила своеобразный строй нашей жизни выступаетъ очень ярко и въ общемъ и во многихъ частностяхъ; достаточно, напр., со вниманіемъ прочесть такъ называемую „Смоленскую эпопею“ — а кто начнетъ ее читать, тотъ отъ нея не оторвется,—чтобы получить совершенно ясное понятіе о русскихъ военныхъ древностяхъ первой половины XVII вѣка, тѣмъ болѣе, что авторъ снабдилъ примѣчанія къ этой главѣ воспроизведеніемъ польской почти современной гравюры (къ стр. 328). Кромѣ того, авторъ съ этой книги начинаетъ пользоваться особымъ литературно-историческимъ пріемомъ

емомъ, который сослужилъ такую почтенную службу одному изъ самыхъ даровитыхъ нѣмецкихъ историковъ культуры — Фрейтагу въ его Bilder aus der deutschen Vergangenheit: онъ заключаетъ царствованіе Михаила Ѳедоровича довольно обстоятельнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ изъ знаменитой книги „иноземнаго наблюдателя“ голштинца Олеарія; г. Иловайскій улучшаетъ пріемъ Фрейтага: онъ въ примѣчаніяхъ пополняетъ и исправляетъ нарисованную Олеаріемъ картину русской жизни по другимъ иноземнымъ и туземнымъ источникамъ. Подобнымъ же образомъ онъ иллюстрируетъ XIII главу (Украйна и Казачество въ первой половинѣ XVII в.) довольно обширными выписками изъ Лясcоты и Боплана. Надѣемся, что въ послѣдующихъ выпускахъ такія выписки будутъ еще обширнѣе: мы убѣждены, что чѣмъ чаще историкъ ставитъ своего читателя лицомъ къ лицу съ важнѣйшими источниками, тѣмъ лучше.

Позволяемъ себѣ дать почтенному автору одинъ совѣтъ, исполненіе котораго особенно важно для нашихъ цѣлей: отчего бы ему не присоединить указателя (Index nominum et *rerum*) къ каждому тòму своей исторіи, или по крайней мѣрѣ не заключить царскій періодъ такимъ указателемъ ко всей допетровской исторіи? Указатель общій, конечно, очень почтенная вещь, но ждать его долго, да и необходимое для будущихъ археологовъ окажется въ немъ въ механическомъ смѣшеніи съ массой именъ и фактовъ, нужныхъ только для тѣхъ, кто интересуется исключительно новой исторіи. *А. К.*

Э. фонъ Штернъ, Содержаніе гробницы, раскопанной въ 1896 г. въ Керчи (съ тремя таблицами). Одесса. 1898.

Это чрезвычайно интересная въ археологическомъ отношеніи находка, описанная замѣчательно обстоятельно и научно. Вотъ что разсказываетъ почтенный авторъ (едва ли не лучшій въ настоящее время археологъ-классикъ на нашемъ югѣ) въ самомъ началѣ своего небольшого, но во многихъ отношеніяхъ поучительнаго труда. „Въ концѣ 1896 г. въ Керчи, на Глинищѣ, по правую сторону отъ Кладбищенскаго шоссе, въ Школьномъ переулкѣ, во дворѣ Карпѣева, открыта была древняя гробница. Раскопкой ея, увѣнчанной богатыми результатами, распорядились, по керченскимъ обычаямъ, такъ наз. „счастливцы“, перепродавшіе найденныя вещи извѣстному торговцу древностями Ермолаю Запорожскому, который предложилъ ихъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей“. Узнавъ объ этой находкѣ, Э. Р. ф. Штернъ немедленно навелъ справки (черезъ В. В. Шкорпила) объ устройствѣ гробницы и объ извлеченныхъ изъ нея предметахъ и убѣдился, что предлагаемое Е. Запорожскимъ Одесскому Музею, дѣйствительно, составляютъ все содержаніе гробницы; получить же подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ послѣдней оказалось уже невозможно: она была засыпана, и „мѣсто ея планировано“. Тѣмъ не менѣе вещи все же представляли значительную научную цѣнность, какъ сами по себѣ, такъ и потому, что происхожденіе ихъ было точно установлено. Въ виду этого Музей и не замедлилъ пріобрѣсти всю

серію, и обслѣдованіе ея поручилъ тому же проф. Штерну; при самомъ началѣ этого обслѣдованія оказалось, что удила, замокъ и украшенія сбруи, проданныя за бронзовыя, сдѣланы изъ низкопробнаго серебра, любопытный фактъ, показывающій, какъ легко впасть въ ошибку относительно матеріала не только ученымъ археологомъ, но даже такъ называемымъ счастливцамъ (для нихъ цѣнность матеріала важнѣйшее дѣло) и Ермолаю Запорожскому, въ рукахъ котораго перебывали сотни тысячъ вещей, непосредственно вынутыхъ изъ земли.

Относительно первоначальнаго размѣщенія вещей изслѣдователь долженъ былъ обратиться къ тому же Ермолаю, показаніямъ котораго нѣтъ причины не довѣрять; по его словамъ, гробница, выложенная камнями, состояла изъ 2-хъ камеръ: въ одной находился человѣческій скелетъ, въ другой—остовъ лошади; при первомъ въ нишѣ камеры стояли 3 стеклянныхъ сосуда (въ томъ числѣ одинъ почти шарообразный съ ушками для ношенія на поясѣ); на лбу покойника былъ золотой вѣнокъ изъ хорошо отдѣланныхъ лавровыхъ листьевъ, на шеѣ—8 бусъ изъ мягкаго камня и круглый кусокъ ракушки; на рукѣ дутый золотой браслетъ и массивный перстень съ головой черкеса и кадуцеемъ, здѣсь же лежали 6 мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, а у изголовья трупа когда то былъ небольшой деревянный сундукъ, отъ котораго сохранились только металлическія части: 2 бронзовыхъ кольца, служившихъ ручками, 4 мѣдныя петли, въ которыя были вдѣты эти кольца, нѣсколько гвоздей и наконецъ довольно хитрый и искусно сдѣланный „секретный“ замокъ съ двумя клѣтками. Этому замку проф. Штернъ посвящаетъ небольшое, но очень содержательное изслѣдованіе (стр. 4—8), изъ котораго оказывается, что найденный образчикъ пока представляетъ unicum своего рода. Наконецъ, изъ той же камеры вынуто 7 небрежно сдѣланныхъ листьевъ изъ тонкаго листоваго золота. Изъ камеры, гдѣ находился остовъ лошади, вынуто такое множество украшеній сбруи, что изслѣдователь усматриваетъ въ нихъ остатки по крайней мѣрѣ 2-хъ конскихъ уборовъ. Очень любопытно наблюденіе изслѣдователя относительно тонкости и „непрочности состава“ удилъ, которая показываетъ, что они служили не для дѣйствительнаго употребленія, а были сфабрикованы исключительно для цѣли обрядовой—погребальной.

Это подтверждается и золотыми тонкими пряжками, „которыя никакъ не могли служить для застегиванія ремней дѣйствительной конской сбруи“ (стр. 9). Но здѣсь же рядомъ мы находимъ и рядъ прочныхъ пряжекъ изъ бронзовыхъ удилъ и пр. Украшенія конскаго убора (или уборовъ) чрезвычайно разнообразны (есть между ними и круглыя бусы изъ горнаго хрусталя) и по сравненію съ другими подобными часто поучительны.

Закончивъ обстоятельное описаніе найденнаго, проф. Штернъ ставитъ вопросъ: въ виду полнаго отсутствія монетъ, фибулъ, терракотовыхъ статуэтокъ и расписныхъ вазъ, слѣдуетъ ли пытаться опредѣлять народность и время погребеннаго въ этой гробницѣ или ограничиться одной регистраціей?

Совершенно справедливо (по нашему мнѣнію) осуждая излишнюю скромность археологовъ - каталогизаторовъ, которые ничего не даютъ наукѣ кромѣ грубаго сырья, авторъ дѣлаетъ все возможное, чтобы, несмотря на вышеуказанныя неблагопріятныя обстоятельства, доказать принадлежность этой гробницы варвару босфорянину приблизительно I-го вѣка нашей эры. Конечно, выводы его суть только *вѣроятность;* но вѣдь девять десятыхъ археологическихъ заключеній носятъ тотъ же характеръ, а изъ ряда вѣроятностей, сходящихся другъ съ другомъ, получается твердая научная истина. *А. К.*

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Российскихъ при Моск. Унив. 1899 г., книга I (188-ая). Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова.

„Чтенія" продолжаютъ дарить насъ драгоцѣнными изданіями матеріаловъ. Въ настоящей ихъ книжкѣ помѣщены:

Угличскіе акты 1400 — 1749 г. съ предисловіемъ *С. А. Шумакова* (8+236 стр.). Какъ въ „Тверскихъ актахъ" своихъ, С. А. Ш—въ преслѣдуетъ цѣль издать грамоты Коллегіи Экономіи и снабжаетъ изданіе сжатымъ историко юридическимъ комментаріемъ и указателями: принявъ поуѣздную систему описанія, издатель въ предѣлахъ каждаго уѣзда держится порядка строго систематическаго (по содержанію документовъ, по субъектамъ и объектамъ ихъ) и хронологическаго; а по окончаніи изданія, или по крайней мѣрѣ описанія, всѣхъ грамотъ Коллегіи по уѣздамъ, имѣетъ въ виду посвятить особый томъ общему систематическому и хронологическому обзору ихъ содержанія. Съ той научностью труда, выработанностью системы, ученой полнотой и серіозной сжатостью, какими характеризуются работы С. А. Ш—ва, здѣсь издано 105 актовъ 1440—1732 гг. и описанъ (въ текстѣ и въ сноскахъ) цѣлый рядъ книгъ, выписей и грамотъ.

Строельная книга города Пензы. Съ предисловіемъ *В. Л. Борисова* (1—59). Строельныя книги, содержащія въ себѣ „самый важный матеріалъ для исторіи заселенія и для характеристики сословныхъ отношеній и отчасти даже экономическаго быта населенія, опредѣляющія въ исторіи города первый основной моментъ, который нерѣдко предрѣшалъ и его дальнѣйшую судьбу" (Д. А. Багалѣй)—являются и особо цѣннымъ и рѣдкимъ памятникомъ: такихъ книгъ XVI—XVII в. извѣстно всего около двадцати. Строельная книга Пензы сохранилась вся, кромѣ перваго листа, и относится, по всей вѣроятности, къ 1672 г. (предисл. стр. 6—7). Въ составѣ первоначальнаго населенія Пензы любопытно присутствіе ссылочныхъ за воровское денежное дѣло, т.-е. по дѣланію фальшивой монеты. При изданіи краткій указатель личныхъ именъ и указатель именъ географическихъ.

Пензенскій уѣздный архивъ, гдѣ въ концѣ 20-хъ годовъ зналъ эту рукопись мѣстный исторіографъ Мѣшковъ, былъ позднѣе растраченъ архиваріусомъ, и рукопись исчезла безслѣдно. Въ 1861 г. тотъ же Мѣшковъ нашелъ ее въ Саратовѣ и водворилъ въ канцелярію пензенскаго губернатора.

Отсюда, въ концѣ 70-хъ годовъ, рукопись была временно отдана въ распоряженіе Казанскаго Общ. Археологіи, Ист. и Этногр. и пролежала въ архивѣ Общества „безъ употребленія до сей поры, хотя пензенцы нѣсколько разъ справлялись о судьбѣ ея и даже жертвовали деньги на ея изданіе; наконецъ и они забыли о существованіи памятника исторіи ихъ города, сочтя, вѣроятно, его окончательно утраченнымъ".

А. Кирпичниковъ. — До-Петровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу В. Кн. Николаю Александровичу въ 1859—60 г. (1—20).

Новое изданіе „Не всё и не ничего", журналъ 1786 г., текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго (I—XII, 1—36)—перепечатанъ текстъ вышедшихъ шести нумеровъ листковъ по единственному экземпляру. Журналъ долженъ былъ служить органомъ новаго общества съ просвѣтительными цѣлями.

Изъ разсказовъ донъ Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства чрезъ Россію, отъ Астрахани до Архангельска въ 1599 — 1600 г. Переводъ съ испанскаго *С. И. Соколова* (I—IV, 1—20). Хуанъ—крещеный въ Испаніи персъ, и сочиненіе его въ трехъ книгахъ (описаніе Персіи, исторія ея и описаніе путешествія персидскаго посольства въ Европу) переведено на испанскій съ персидскаго языка, будучи при этомъ снабжено дополненіями ученаго переводчика, на основаніи древнихъ и новыхъ писателей. Самыя свѣдѣнія о Россіи и скудны, и часто спутаны, между прочимъ, представляя намъ ясно безпомощность наблюдателя безъ языка въ чужой странѣ, и лишній разъ ярко подчеркивая то счастливое богатство, которое мы имѣемъ въ „Путешествіи" Павла Алеппскаго, печатаемомъ въ тѣхъ же „Чтеніяхъ". Для археологіи здѣсь еле найдется нѣсколько словъ о каменныхъ стѣнахъ Астрахани, о красивыхъ постройкахъ Московскаго Кремля, большомъ его колоколѣ, двухъ неуклюжихъ львахъ предъ входомъ въ царскую сокровищницу; о роскошныхъ нарядахъ двора; о „прекрасныхъ и своеобразныхъ" храмахъ Ярославля и Вологды; о дорожныхъ двумѣстныхъ крытыхъ саняхъ, съуживающихся кверху, съ выступомъ сзади для вещей. Подробнѣе описана пріемная палата царя: „она такъ велика, что отъ дверей съ трудомъ различаешь, что дѣлается на концѣ ея; построена въ видѣ галлереи или нефа церковнаго; ея фонари и своды поддерживаются, черезъ извѣстные промежутки, сорока деревянными золочеными, въ добрыхъ два обхвата, колоннами, украшенными рѣзьбой въ видѣ крупныхъ листьевъ и иныхъ орнаментовъ; царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, обложенномъ прекрасными каменьями". Въ описаніи пути упоминается промыслъ икрой на Волгѣ и дубленія кожи въ Муромѣ. Въ историческомъ отношеніи отчетъ любопытенъ указаніемъ на торжественность, дружественность и пышность, съ которыми были приняты персидскіе послы.

Сочиненія Константина Багрянороднаго: о ѳемахъ и о народахъ. Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина, 1—262. Столь важный источникъ переводился доселѣ лишь частями. Переводъ г. Ласкина сопровождаютъ: преди-

словіе; критическое изслѣдованіе въ обильныхъ и нерѣдко обширныхъ примѣчаніяхъ, основанныхъ и на широкомъ знакомствѣ съ литературой предмета, и на личныхъ изысканіяхъ автора; рядъ приложеній и изслѣдованія въ приложеніи; перечисленіе выводовъ автора въ 79 пунктахъ; указатель имен. Переводъ не можетъ замѣнить подлинника въ источникѣ подобнаго рода, возбуждающемъ столько споровъ и недоумѣній, и гдѣ имѣетъ значеніе часто каждая форма; тѣмъ болѣе вѣско это относительно К. Б., для коего давно создана необходимость провѣрки греческаго текста. Но нельзя отрицать извѣстной пользы перевода и при наличныхъ пока условіяхъ.

В. О. Эйнгорнъ. — О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Глава 7-ая (1672—1676 г.), 795—922.

Въ „Смѣси“ помѣщены: сообщеніе И. С. Бѣляева *о штрафѣ за русское платье при Петрѣ Великомъ. — Челобитная пикарщика Якушки Беза 1647 г.* (сообщена была А. Н. Зерцаловымъ): когда король Владиславъ съ Сагайдачнымъ стояли подъ Москвой въ 1818 г., то въ ночь на 1 октября бѣжали отъ него къ царю два брата пикарщика (петардщика)—Юрій и Яковъ Безъ (или Безсоновы) и возвѣстили царю о готовящемся на утро рѣшительномъ приступѣ; это дѣло ихъ было щедро вознаграждено государемъ и было славно въ народѣ, и оба приняты были на русскую службу; въ 1647 г. Яковъ Безъ, живя въ Нижнемъ, бьетъ челомъ, чтобъ государь его пожаловалъ, велѣлъ крестить въ православную вѣру, и съ женою, сыномъ и дочерью,—что и было исполнено.—*„О нуждахъ и недостаткахъ Московскаго университета“ (въ 1775 г.)*—сообщилъ по рукописи Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ и снабдилъ примѣчаніемъ Н. В. Рождественскій.—*Указъ царя Алексѣя Михайловича о пожарныхъ набатахъ въ Москвѣ, 1668 г.* сообщилъ С. А. Бѣлокуровъ по рукописи съ собственноручными передѣлками царя: различными набатами давалось знать, въ какой части города горитъ.—*Къ юбилею Франца Палацкаго*: привѣтствіе Общества, отправленное въ Прагу и полученный Обществомъ отвѣтъ. *С. С.*

Новые нѣмецкіе труды по анализу древней бронзы и мѣди.

Лишнее доказательство въ пользу мнѣнія, что бронзовому производству въ Европѣ предшествовало производство предметовъ изъ мѣди, доставлено работой *Mertins'a (Kupfer-und Bronzefunde in Schlesien*, напеч. въ Schlesiens Vorzeit, 1898, VII). Химическій анализъ многихъ предметовъ т. н. „бронзоваго вѣка“ какъ, извѣстно, привелъ къ заключенію, что немалая часть ихъ изготовлена не изъ бронзы, а изъ мѣди. Это положеніе привело нѣкоторыхъ изслѣдователей (Монтеліуса, Мука, Гампеля и др., къ гипотезѣ, что „бронзовому вѣку“ въ Европѣ предшествовалъ „мѣдный вѣкъ“—періодъ, когда бронза не была еще извѣстна и мѣдь служила единственнымъ металломъ для производства оружія и орудій. Мертинсъ занялся изученіемъ другого вопроса: въ отношеніи Силезіи привелъ химическій анализъ довольно значительнаго количества

предметовъ „бронзоваго вѣка“, хранящихся въ Бреславльскомъ музеѣ, и пришелъ къ выводамъ, подтверждающимъ вышеупомянутую гипотезу. Изслѣдованные имъ топоры и кельты представляли различные типы; исходя изъ предположенія, что наиболѣе простые типы металлическихъ орудій, ближе всего подходящіе по формѣ къ орудіямъ изъ камня, должны считаться и наиболѣе древними, онъ могъ установить слѣдующее положеніе: топоры, повторяющіе формы, господствовавшія во внѣ-металлическій періодъ жизни населенія современной Силезіи, именно каменные топоры, съ возникновеніемъ металлургіи изготовлялись исключительно изъ чистой мѣди; чѣмъ болѣе развивается металлическое производство, тѣмъ чаще встрѣчаются предметы изъ мѣди съ примѣсью олова, и, наконецъ, въ эпоху наивысшаго расцвѣта т. н. бронзовой культуры, когда встрѣчаются и наиболѣе искусно сдѣланные топоры и кельты, предметы изготовляются изъ типичной для того періода бронзы, гдѣ мѣдь и олово встрѣчаются въ опредѣленной, постоянной пропорціи. Конечно, интересные и весьма вѣроятные выводы автора нуждались бы для своего подкрѣпленія въ бо́льшей провѣркѣ, бо́льшемъ количествѣ опытовъ. Было бы также желательнымъ провѣрить результаты Мертинса, устанавливаемые имъ только для Силезіи, и относительно другихъ областей, гдѣ вопросъ о смѣнѣ „каменнаго вѣка“ непосредственно „бронзовымъ“ оказывается принятымъ болѣе или менѣе на вѣру. Нѣкоторое подтвержденіе взгляды Мертинса находятъ себѣ въ результатахъ разысканій, произведенныхъ во Франціи въ Севеннахъ г. Raymond'омъ *(P. Raymond: Nouvelles recherches sur l'âge du cuivre dans les Cevennes.* Bull. de la Soc. d'anthrop. de Paris. 1898, IX, дополн. къ его статьѣ *Deux grottes sépulcrales dans le Gard*, помѣщ. тамъ же, 1897, VIII). Среди типичной неолитической культуры г. Раймонъ нашелъ кинжалъ и предметъ украшенія, при чемъ произведенный химическій анализъ доказалъ, что оба предмета сдѣланы изъ чистой мѣди. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ одновременно съ предметомъ изъ камня были открыты еще кинжалы, также изъ мѣди. Форма кинжаловъ приводитъ г. Раймона къ заключенію, что они не имѣютъ ничего общаго съ аналогичными предметами, относящимися къ расцвѣту бронзоваго производства; они подражаютъ формѣ орудій неолитическаго періода или, скорѣе, оказываются простыми воспроизведеніями изъ мѣди каменныхъ орудій; мѣдные кинжалы, найденные Раймономъ, относятся къ эпохѣ перваго знакомства съ металлами, и фактъ, что они сдѣланы изъ мѣди одновременно съ примитивностью типа ихъ, служитъ, такимъ образомъ еще указаніемъ на знакомство древне-европейскаго населенія съ металлическимъ производствомъ до появленія искусства дѣлать сплавъ изъ мѣди и олова. Западно-европейскіе изслѣдователи вообще посвящаютъ немало труда химическому анализу древностей и совершенно основательно усматриваютъ въ результатахъ подобныхъ изслѣдованій немаловажный матеріалъ для рѣшенія многихъ вопросовъ доисторической археологіи. Вѣра въ послѣдовательную смѣну „каменнаго вѣка“ „бронзовымъ“ для странъ зап. Европы была поколеблена именно этого рода изысканіями. Вопросы объ

экспортныхъ рынкахъ металлическихъ издѣлій древности, а слѣдовательно и о вліяніи одного центра на другой, рѣшаются не только на основаніи сходства типовъ предметовъ, но и путемъ опредѣленія различныхъ качествъ металла, характера лигатуры, $^0/_0$ отношенія послѣдней къ основному металлу и проч. Если многіе вопросы, которые могли бы быть рѣшены этимъ путемъ, оказываются часто еще спорными и недостаточно выясненными, то объясняется это главнымъ образомъ какъ трудностью и сложностью самыхъ вопросовъ, такъ сравнительно еще незначительнымъ количествомъ работъ въ указанномъ направленіи. Такъ, напр., противъ мнѣнія, что бронзовому производству предшествовало производство изъ мѣди, по крайней мѣрѣ въ области Шлезвигъ-Голштиніи, высказывается г. *Otto Kröhnke* въ своей диссертаціи *Chemische Untersuchungen an vorgeschichtlichen Bronzen Schleswig-Holsteins*. Имъ подвергнуто химическому анализу 44 бронзовыхъ предмета изъ собраній, хранящихся въ Килѣ и Фленсбургѣ (кельты, мечи, кинжалы, браслеты и пр.). Всѣ предметы обнаружили присутствіе олова, хотя $^0/_0$ примѣси послѣдняго очень неровенъ (отъ 2—8$^0/_0$). Г. Крёнке, конечно, дѣлаетъ слишкомъ поспѣшный выводъ, отрицая на основаніи произведенныхъ имъ изслѣдованій вообще фактъ существованія искусства производства изъ мѣди раньше знакомства съ бронзой; въ лучшемъ случаѣ его выводы могли бы относиться только къ Шлезвигъ-Голштиніи; но и для рѣшенія этого вопроса, хотя бы только для такой небольшой области, матеріалъ, изученный г. Кренке, оказывается слишкомъ недостаточнымъ. Болѣе интересны заключенія г. Крёнке относительно вопроса объ экспортныхъ рынкахъ металлическихъ издѣлій Шлезвигъ - Голштиніи. Сравнивая химическій составъ изслѣдованныхъ имъ предметовъ съ результатами химическаго анализа древней бронзы изъ различныхъ областей Европы, онъ приходитъ къ выводу, что гипотеза о существованіи ввоза бронзовыхъ издѣлій въ Шлезвигъ-Голштинію изъ Англіи должна быть отвергнута. Мѣстами вывоза должны, повидимому, считаться Силезія, Венгрія и Трансильванія. Изученіе химическаго состава бронзы приводитъ г. Крёнке и къ другому, не менѣе интересному, вопросу о содержаніи въ подвергнутыхъ анализу предметахъ антимона. Антимонъ находитсявъ нѣкоторыхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ предметахъ западной Европы въ довольно значительномъ количествѣ, и это-то присутствіе антимона привело, напр. Hampel'я, къ заключенію, что древніе литейщики прежде, чѣмъ научиться, для приданія большей твердости орудіямъ изъ мѣди, примѣшивать олово, пользовались въ этихъ цѣляхъ примѣсью антимона. Г. Крёнке старается доказать, что именно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы (въ частности въ Семиградской области), мѣдь въ самородкахъ встрѣчается часто съ сравнительно значительною примѣсью антимона. Въ этомъ отношеніи выводъ г. Крёнке находитъ себѣ полное подтвержденіе въ изслѣдованіи г. *Helm*'а: *Chemische Untersuchung vorgeschichtlicher Bronzen* (Verhandl. d. Berl. anthrop. Ges. XXIX). Г. Гельмъ произвелъ химическій анализъ нѣсколькихъ бронзовыхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ въ Эльбингѣ; западно-прусскія древности обнаружили также значительный $^0/_0$

антимона, который достигаетъ въ одномъ изъ предметовъ почти $4^1/_2{}^0/_0$. Это обстоятельство, въ связи съ сравненіемъ мѣдныхъ издѣлій Венгріи и Семиградской области, заставляетъ г. Гельма выставить предположеніе, что и въ зап. Пруссію металлическое производство проникало изъ указанныхъ мѣстъ, такъ какъ присутствіе антимона особенно характерно для самородковъ мѣди, находимыхъ въ Венгріи и Трансильваніи. Г. Гельмъ также опровергаетъ, какъ и г. Крёике, вышеуказанную гипотезу Гампеля. Краткія свѣдѣнія о результатахъ сравнительнаго химическаго изученія предметовъ т. наз. бронзоваго вѣка въ зап. Европѣ, производимаго къ тому же преимущественно относительно небольшихъ географическихъ областей, достаточно выясняетъ научную цѣлесообразность подобныхъ изслѣдованій и оттѣняетъ важное значеніе вопросовъ, которые могутъ быть подняты, а впослѣдствіи освѣщены этимъ путемъ. Остается пожелать, чтобы и русскіе ученые обратили вниманіе на эту сторону изученія предметовъ т. наз. бронзоваго производства, находимыхъ въ предѣлахъ нашей родины: въ интересѣ и обиліи научныхъ результатовъ, къ которымъ приведетъ этого рода изслѣдованіе, едва ли возможно сомнѣваться.

Н. Х.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

въ февралѣ и мартѣ 1899 г.

Филологическія записки. Вып. 5. Воронежъ. 1898.

Slovenské Pohlády. Časopis zábavno-poučný. Turčiansk. Sw. Martin. 1899. Ročnik. XIX. Sošit. 1, 2.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1897 годъ. Одесса. 1898.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, №№ 1—2, 3 4. Варшава. 1898.

Прот. *Н. Румовскій*. Описаніе Великоустюжскаго Успенскаго Собора. Вологда. 1862 г.

Етнографічний Збірник, видає Этнографічно Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Т. V. Львов. 1898.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XXVIII. Band. Heft. V и VI. Wien. 1898.

Проф. *И. Филевичъ*. Отчетъ о заграничной командировкѣ на лѣтнее вакаціонное время въ 1895 г. Варшава. 1896.

Отчетъ о дѣятельности Севастопольской Морской Офицерской Библіотеки за 1897 г. Севастополь. 1898.

Полтавскій Земскій Естественно-Историческій Музей за 1891 и 1892 г. Полтава. 1892—1893.

B. Hausmann. Estnische Alterthümer aus der Gegend von Oberpahlen. Dorpat. 1894.

Его же. Ueberblick über die Entwickelung der archäologischen Forschung in den Ostseeprovinzen während der letzten fünfzig Jahre. Riga. 1896.

Его же. Hügelgräber zu Santen. Dorpat. 1893.

Его же. Ueber eine neue Quelle russisch-livländischer Geschichte des XVI Jahrhunderts. Göttingen. 1873.

Его же. Ein zeitgenössischer Bericht über die Grenzen des russischen Staates in der Mitte des XVI Jahrhunderts. Спб. 1873.

Его же. Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands bis 1227. Leipzig. 1870.

Его же. Studien zur Geschichte des Königs Stephan von Polen. I. Dorpat. 1880.

Его же. Grabfunde aus Estland. Eine archäologische Studie. Reval. 1896.

Его же. Uhlenlesk, C. C., Verslag aangaandeen onderzoek in de archieven van Rusland ten leate der Nederlandsche geschiedenis. 1891. Dorpat. 1892.

Н. Спроісъ. Духовное завѣщаніе Мстиславскаго Каштеляна Семена Войны. 1599 г. 1 марта. Кіевъ. 1897.

The Tokyo Imperial University Calendar. 2557—58 (1897—98).

Этнографическій журналъ (по-армянски), ч. I, кн. 1-я. Шуша. 1896.

Свящ. *В. Г. Карбеловъ*. Карталино-Кахетинское Церковное пѣніе „Карбеловскаго напѣва". Ч. II „Утреня". Тифлисъ. 1898.

Národni Hlásnik. Ročnik. XXXII. Cislo 2, 3, 4. Turc. Sw. Martin. 1899.

Finskt Museum. Finsko Fornminnesföreningens Mänadsblad. V. 1898, № 1—12. Helsingfors. 1899.

Suomen Museo. Suomen Muinaismuistophdistpksen Kannauslehti. V, № 1—12, 1898. Helsingissä. 1899.

Н. Н. Пантусовъ. Матеріалы къ изученію нарѣчія таранчей Илійскаго округа. Вып. 2. Казань. 1898.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Т. IX, № 5. Спб. 1898. Т. X, № 1. 1899.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 25. Тифлисъ. 1898.

L'Anthropologie-Matériaux pour l'histoire de l'homme. T. IX, № 6. Paris. 1898.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Т. VIII. 1733—1734 г. Спб. 1898.

Воспоминанія о Святой землѣ и Аѳонѣ. Изд. Прав. Палест. Общ. Спб. 1898.

Чтенія о Святой землѣ. Изд. Прав. Пал. Общ., №№ 17—21. Спб. 1898.

А. И. Яцимирскій. Новый трудъ по старой славянской библіографіи. Спб. 1898.

Его же. Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. М. 1898.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XXI. Одесса. 1898.

Juliusz Hr. Ostrowski. Księga Herbowa Rodów Polskich. Leszyt. V. Warszawa. 1898.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1899 г. Изд. Ков. Губ. Стат. Ком. Ковно. 1898 г.

Marie A. Shipley (née Brown). The Norse Colonization in America by the light of the Vatican Finds. Lucern.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 4. Орен. 1898.

Записки Крымскаго Горнаго Клуба, №№ 11—12, 1898. Одесса. 1898.

Tarikh Es-Soudan par Abderrahman ben Abdallah ben'Imran ben'amir es-sa'di. Documents arabes relatifs à l'histoire du Soudan. Paris. 1898.

А. Э. Мальмгренъ. Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Т. I, вып. 1. Спб. 1899.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. Т. XIV, вып. 6. Казань. 1898.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1899 г. Кіевъ. 1899.

Kwartalnik historyczny. Rocznik XII, zeszyt IV. Lwow. 1898.

Н. И. Троицкій. Тульская старина. Изд. Тульскаго Историко-Археологическаго Товарищества. 1. Тула. 1899.

Уставъ Тверскаго Музея. Тверь. 1898.

Тверской Музей и его пріобрѣтенія за 1896, 97 гг. Тверь. 1899.

Upsala Universitets Arsskrift. 1897. Upsala. 1897.

L. E. Lögdberg. Animadversiones de actione παρανομων. Commentatio academica Upsaliae. 1898.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Кн. 6, т. XXVI. Львів. 1898.

Vjesnik Hrvatskoga Archeološnogo Družtva Nove serije svesna. III. Zagreb. 1898—1899.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. XXV. Вильна. 1898.

Памятная книжка Волынской губ. на 1899 г. Изд. Волынскаго Губ. Стат. Комит. Житоміръ. 1899.

Отчетъ о состоянія Маріупольской Александровской гимназіи за 1898 г. Маріуполь. 1899.

Отчетъ о состояніи Маріупольской Маріинской женской гимназіи за 1898 г. Маріуполь. 1899.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. II. Хар. 1899.

Monuments Égyptiens. Notice sommaire. Musée Impérial Ottoman. Constantinople. 1898.

Bronzes et bijoux. Catalogue sommaire. Musée Impérial Ottoman. Constantinople. 1898.

Kongl. Vitterhets Historie och Antiqvitets Akademiens Mònadsblad. 1895. Stockholm. 1898.

Stanisław J. Czarnowski. Wykopalisna Miechowskie zogresu neolitu. Miechów. 1899; 1898. Teka I, II.

Его же. Wykopalisko monet w Jaskini „okopy“ wielkiej pod Prądnikiem Ojkowskim. W Krakowie. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

1899 г. №№ 6—7.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Памяти И. А. Голышева

(по поводу посмертнаго изданія его археологическихъ трудовъ).

Недавно вышелъ въ свѣтъ одинъ изъ послѣднихъ альбомовъ покойнаго Голышева, посвященый миніатюрамъ повѣсти о видѣніи Козьмы игумена, приготовленный имъ къ изданію еще при жизни, но увидѣвшій свѣтъ лишь послѣ его смерти († 9 декабря 1896), и 1-й выпускъ полнаго собранія его сочиненій. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы помянуть его имя, указавъ на труды его и значеніе ихъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, въ русской археологіи. Имя покойнаго Голышева заслуживаетъ полнаго и глубокаго уваженія какъ выдающагося труженика и дѣятеля, не покладавшаго рукъ въ теченіи всей своей жизни и, несмотря на тяжелыя, неблагопріятныя обстоятельства, старавшагося внести свѣтъ просвѣщенія въ ту среду, въ который онъ жилъ, изъ которой самъ вышелъ, и въ то же время работавшаго для науки, для изученія родной старины, для сохраненія ея, для распространенія о ней научныхъ знаній. Покойный Иванъ Александровичъ Голышевъ, какъ извѣстно, не былъ присяжнымъ ученымъ, не получилъ спеціальной подготовки; онъ былъ самоучка, но талантливость, само-

стоятельныя занятія, любовь къ знанію—выработали изъ него образованнаго человѣка, который умѣло оріентировался среди научнаго матеріала и далъ цѣлый рядъ несомнѣнно полезныхъ и цѣнныхъ трудовъ, которые нашли уже давно достойную оцѣнку въ научной литературѣ.

И. А. Голышевъ былъ крестьянинъ-самоучка и лишь собственнымъ трудомъ, энергіей добился блестящихъ результатовъ въ своей дѣятельности. Съ этой стороны онъ представляетъ собою замѣчательное, поучительное явленіе.

Родился Голышевъ въ 1838 г. [1]), въ семьѣ крѣпостного крестьянина слободы Мстеры Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губ., принадлежавшей графу В. Н. Панину.

Отецъ его и дѣдъ, и вся родня издавна занимались иконописаніемъ, мастерствомъ, которымъ занято большинство населенія Мстеры. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ приходскомъ училищѣ; оно состояло только въ умѣніи читать часословъ и псалтырь. Дома мальчикъ учился рисованію у отца. Онъ былъ слабый, болѣзненный, но несмотря на это, 11 лѣтъ поступилъ въ ученье къ литографу въ Москвѣ, потомъ въ металлографическое заведеніе; въ то же время, по собственному почину, изъ любви къ искусству онъ посѣщалъ школу рисованія, куда ему приходилось ходить за пять верстъ отъ своей квартиры. Итакъ съ весьма большимъ трудомъ, почти самоучкою, пятнадцатилѣтній крестьянинъ сдѣлался литографомъ. Но вотъ наступила пора солдатчины; отецъ было внесъ за него деньги, чтобы освободить отъ рекрутчины, но вотчинное управленіе не хотѣло принять денегъ, желая проучить „московскаго школьника". Лишь ходатайство предъ помѣщикомъ, которому отецъ привезъ рисунки сына „виды храмовъ села Мстеры"—спасло послѣдняго: помѣщикъ милостиво разрѣшилъ принять деньги въ зачетъ рекрута, и Голышевъ такимъ образомъ былъ спасенъ отъ красной шапки.

Тяжелое положеніе для будущаго научнаго и общественнаго дѣятеля измѣнилось къ лучшему съ новымъ царствованіемъ.

Голышевъ поселяется въ своемъ родномъ селѣ и еще въ 1857 г. открываетъ литографію, которая подъ его опытномъ руководствомъ процвѣтала, доставляя духовную и естественную пищу народу. Пять ручныхъ станковъ выпускали ежедневно до 3000 картинъ, которыя по-

---

[1]) См. *Стромиловъ*, Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Голышева. Владиміръ. 1887.—Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Ивана Александровича Голышева, бывшаго крестьянина-самоучки. Владиміръ. 1886.—*Шипинъ*. Пятидесятилѣтіе книжнаго и картиннаго производства фирмы Голышева (1844—1894). Владиміръ. 1895.

томъ раскрашивались молодыми дѣвушками изъ бѣдныхъ семей. Картины, выпускаемыя Голышевымъ, пользовались большимъ успѣхомъ, такъ какъ отвѣчали народнымъ потребностямъ, запросамъ на нихъ. Какъ сынъ народа, онъ отлично зналъ его вкусы и потому выбиралъ для изданія картины преимущественно нравственнаго содержанія, равно и тѣ, что полны живого русскаго юмора, (сказка о Ершѣ сынѣ Щетинниковѣ, Какъ мыши кота погребали и пр.), равно иллюстрированные пѣсни, романсы, басни Крылова, стихотворенія Кольцова, Пушкина. Дѣятельность Голышева въ указанномъ направленіи весьма замѣчательна, его мастерская въ теченіе полвѣка удовлетворяла духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ народа; она являлась почти единственной въ томъ краю, просуществовавъ такъ долго. Лишь энергія, неустанный трудъ, любовь къ своей родинѣ, и благу ея—давали возможность вести это дѣло, не приносившее ему никакихъ прибылей.

На ряду съ распространеніемъ картинъ Голышевъ велъ дѣло распространенія въ народѣ книгъ. И это дѣло онъ велъ добросовѣстно, и выбиралъ для продажи лучшія книги, продавая ихъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Онъ постоянно обращалъ самое серьезное вниманіе на улучшенія въ этомъ дѣлѣ, вытѣсняя изъ обращенія грубыя изданія народной литературы. Въ то же время имъ открыта была воскресная школа для рисованія и библіотека для чтенія. Онъ принималъ вообще близко къ сердцу народное образованіе, и благодаря его хлопотамъ земство увеличило содержаніе сельскихъ учителей.

Какъ человѣкъ энергичный, живой, Голышевъ помимо указанныхъ дѣлъ нашелъ и иное—научное. Пополняя постепенно собственное образованіе, развиваясь, цѣня культуру, онъ полюбилъ родную старину, древніе памятники искусства, быта.

Существенную помощь и поддержку ему въ этомъ направленіи оказали извѣстный владимірскій дѣятель, археологъ, секретарь Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета и редакторъ Губернскихъ Владимірскихъ Вѣдомостей *К. П. Тихонравовъ*, и знаменитый археологъ графъ А. С. Уваровъ. Имена ихъ, какъ своихъ учителей, принесшихъ ему большую пользу въ его научныхъ занятіяхъ, онъ вспоминалъ съ благоговѣніемъ, а первому изъ нихъ онъ посвятилъ прочувствованный некрологъ—обстоятельную біографію [2]); въ немъ онъ говоритъ о Тихонравовѣ: „онъ оказывалъ мнѣ большое содѣйствіе, совѣты и наставленія по изслѣдованіямъ старины русской, училъ разбирать старинныя рукописи и акты и помогалъ мнѣ словомъ и дѣломъ;

---

[2]) Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. Владиміръ. 1887.

во Владимірѣ я разсматривалъ у него археологическія и другія изданія, выписывалъ изъ нихъ матеріалы, а изъ лишнихъ дублетовъ изданій онъ мнѣ дарилъ, а нѣкоторыя давалъ на время; въ интересахъ научныхъ занятій онъ былъ сильнымъ покровителемъ, въ нуждахъ помощникомъ, въ затрудненіяхъ наставникомъ“ (14—15 стр.).

И вотъ, начиная съ 1862 г., до самой смерти Голышевъ неустанно работаетъ и въ литературно-научной области, онъ пишетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ статей по статистикѣ, этнографіи, исторіи, археологіи: во Владимірскихъ губернскихъ, епархіальныхъ, и столичныхъ вѣдомостяхъ, въ изданіяхъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета и изданіяхъ ученыхъ обществъ имъ помѣщено болѣе 600 статей. Въ своей сельской литографіи онъ печатаетъ по своимъ рисункамъ альбомы, посвященные различнымъ памятникамъ старины, искусства, быта. Въ то же время онъ занимается собираніемъ подобнаго рода памятниковъ и жертвуетъ ихъ различнымъ ученымъ учрежденіямъ, собраніямъ; такъ, напр., для изданій Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета—39 названій разнообразныхъ рисунковъ—видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, памятниковъ и портретовъ въ 10 тыс. экземплярахъ; въ Общество Исторіи и Древностей имъ пожертвовано 6 т. экземпляровъ хромолитографическихъ рисунковъ съ древней рукописи къ изданію „О Задонскомъ боѣ“; имъ сдѣланы приношенія и въ Комитетъ Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ и въ Публичную Библіотеку; около 600 вещей имъ пожертвовано чисто археологическихъ, около 1000—предметовъ графическаго искусства.

Не имѣя возможности остановиться подробно на всѣхъ археологическихъ трудахъ Голышева, значительная часть которыхъ заключена въ недоступныхъ періодическихъ изданіяхъ, мы остановимся лишь на главнѣйшихъ изъ нихъ, наиболѣе выдающихся, которыми онъ принесъ пользу русской археологіи.

Главный предметъ, которому посвящены его археологическіе труды—различные памятники его родины — собственно Мстеры и затѣмъ Владимірской губ.; далѣе—различные памятники графическаго искусства, гравюры, рѣзьбы, лубочныя картины, и т. п.; въ этой области онъ былъ спеціалистомъ, такъ какъ самъ практически изучилъ эти искусства, и его изданія рѣдкихъ гравюръ, картинъ, снимковъ съ старинныхъ деревянныхъ, мѣдныхъ досокъ, а равно его историческія справки по этимъ отдѣламъ, его описанія указанныхъ памятниковъ—особенно цѣнны и важны.

Главные труды, помимо мелкихъ статей, какъ сказано, заключа-

ются въ его альбомахъ, рисунки для которыхъ приготовлялись имъ, и выполнялись въ его сельской литографіи.

Въ альбомѣ „Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву во Владимірской губерніи“ (Мстера. 1877) авторъ знакомитъ съ лучшими, типичными образцами этой отрасли древне-русскаго искусства, которая особенно процвѣтала и пользовалась широкимъ распространеніемъ, благодаря доступности матеріала и сравнительной легкости его обработки.

Въ предисловіи къ изданнымъ таблицамъ сообщаются свѣдѣнія изъ исторіи рѣзьбы по дереву на Руси и замѣчается справедливо, какое богатство матеріала представляютъ собою памятники этой отрасли искусства, находившей самое широкое примѣненіе во всѣхъ предметахъ быта, обстановки различныхъ классовъ населенія—для трудовъ по народной этнографіи, поэзіи, археологіи въ широкомъ значеніи этого слова.

Памятники этого рода особенно подвержены порчѣ, истребленію, и заслуга Голышева во вниманіи къ нимъ, изданіи ихъ—изъ числа тѣхъ, съ которыми онъ былъ знакомъ во Владимірской губерніи.

Среди богатаго и разнообразнаго орнамента, которымъ надѣлены различные памятники изъ изданныхъ Голышевымъ, выдѣляется—растительный—изъ травъ, цвѣтовъ, переплетающихся въ различныхъ сочетаніяхъ, и звѣриный—съ изображеніями фантастическихъ львовъ, сиренъ; съ изображеніями птицъ по сторонамъ сосуда—пѣтушковъ, павлиновъ, поводырей съ медвѣдями; рыбъ, единороговъ (на рѣзной дугѣ).

Къ предыдущему атласу примыкаетъ другой,—посвященный „Памятникамъ деревянныхъ церквей, сооруженнымъ во Владимірской губерніи“ (Голышевка, 1879)—вновь таблицы со снимками съ деревянныхъ церквей—матеріалъ для исторіи русской архитектуры.

Еще въ 1865 г. Голышевъ посвятилъ своей родной слободѣ Мстерѣ подробное описаніе [3]) съ ея исторіей и различными статистическими, археологическими и этнографическими свѣдѣніями. Какъ въ научномъ изслѣдованіи авторомъ приведены всѣ извѣстные ему и найденные документы, грамоты, надписи и—въ концѣ книги они изданы въ качествѣ приложенія. Авторъ, какъ сказано, старался коснуться всѣхъ сторонъ жизни Мстеры, и сообщилъ много интереснаго матеріала, напр., объ различныхъ народныхъ обрядахъ, народныхъ названіяхъ, костюмахъ; объ иконописаніи, составляющемъ одно изъ спеціальныхъ ремеслъ слободы, авторъ говоритъ особенно подробно и изла-

---

[3]) Богоявленская слобода Мстера, Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда. Владиміръ. 1865.

гаетъ содержаніе одного изъ подлинниковъ 1658 г.), которыми пользуются иконописцы при писаніи своихъ иконъ не только въ отношеніи техники, но и содержанія ихъ.

Въ 1870 г. Голышевъ посвящаетъ той же слободѣ Мстерѣ—другой трудъ, но спеціально лишь памятникамъ — Богоявленской церкви этой слободы [1]). Помимо описательнаго текста, въ видѣ небольшой книжечки, авторъ издалъ альбомъ, въ которомъ воспроизведены литографскимъ способомъ нѣкоторые памятники указанной церкви. Среди этихъ памятниковъ отмѣтимъ храмовой образъ Богоявленія Господня, съ любопытными фигурами, можетъ быть олицетворенія рѣки въ видѣ дѣвушки, затѣмъ сирены и морскихъ животныхъ и гиппопотама.

Памятникамъ древностей своей родины, но не одной Мстеры, а всей Владимірской губерніи, Голышевъ посвятилъ три альбома [2]). Въ одномъ изъ нихъ воспроизведены разнообразные памятники искусства и старины: внѣшній видъ Спасо-Преображенскаго собора въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, церкви св. Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ, Вязниковскаго Никольскаго собора, 12 Апостоловъ въ селѣ Станкахъ, Вязниковскаго уѣзда; далѣе, изъ находящихся въ различныхъ церквахъ: кресты, царскія двери, входныя двери, храмовая икона (XVII в.), подзоры, деревянныя иконы (плащаница св. Георгія, въ Мстерѣ), рѣзная икона на кости, финифтяные образа, серебряные тѣльные кресты; различныя вещи князей Ромодановскихъ, кубки, кувшины (XVI в.), фаянсовые кувшины и кружка (XVIII в.), серебряные стаканы (XVIII в.), мѣдные домашніе подсвѣчники, коробочки и ларчики, чернильницы, жемчужныя и металлическія серьги, кокошники, женскіе головные уборы, полотенцы—словомъ всевозможные памятники церковной обстановки, и домашней свѣтской жизни—со всѣмъ разнообразіемъ, богатствомъ народнаго орнамента — цѣнный матеріалъ для научныхъ археологическихъ изслѣдованій, для знакомства съ культурной, бытовой стороной жизни русскаго народа.

Во второмъ альбомѣ, сопровождаемомъ (какъ и въ первомъ) объяснительнымъ текстомъ съ историко-литературными справками, воспроизведены весьма интересныя для исторіи древне-русскаго искусства, для знакомства съ народными вѣрованіями, обычаями — икона св. Сисинія и Фотинія съ Арх. Михаиломъ, поражающимъ двѣнадцать дѣвъ—

---

[1]) Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ, Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда. Г. Владиміръ.

[2]) Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи. Голышевка. 1881. Памятники русской старины Владимірской губерніи. Голышевка. 1882. Сборникъ русской старины Владимірской губерніи. Голышевка. 1891.

олицетвореніе двѣнадцати лихорадокъ (трясовицъ, дочерей Ирода); икона св. Флора и Лавра, Модеста, Иліи, покровителей домашнихъ животныхъ; старинныя ризы, оклады, вѣнцы—съ разнообразными орнаментальными изображеніями, украшающими ихъ; цѣлая серія пряниковъ, столь популярныхъ еще и нынѣ на Руси, и игравшихъ весьма важную роль въ древней Руси, доски съ разнообразными рисунками—богатѣйшій матеріалъ для сравнительнаго изученія русскаго орнамента—съ орнаментомъ другихъ народовъ [6]); наконецъ, доски лубочныхъ картинъ, наиболѣе популярныхъ — „міробытіе“ „убіеніе антихриста“, страшный судъ.

Въ третьемъ альбомѣ воспроизведенъ—внѣшній видъ Спасо-Евфиміевскаго монастыря въ Суздалѣ, памятникъ на могилѣ князя Дмитрія Мих. Пожарскаго [7]), образцы орнамента, заставокъ рукописнаго канонника 1721 года, Псалтари и различныя вещи изъ находокъ въ раскопкахъ близь сл. Холуя, Вязниковскаго уѣзда; далѣе, вновь – оттиски съ старинныхъ печатныхъ досокъ—деревянныхъ и мѣдныхъ.

Уже въ указанныхъ выше альбомахъ Голышевъ пользовался нѣкоторыми лицевыми рукописями, давая образцы орнамента, заставокъ. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности онъ предпринялъ изданіе нѣкоторыхъ рукописей цѣликомъ, собственно ихъ миніатюръ и обогатилъ науку русской археологіи весьма цѣннымъ матеріаломъ. Изданія эти воспроизводятъ миніатюры такъ, какъ онѣ въ оригиналѣ, и по качеству работы, исполненной по рисункамъ Голышева въ его мастерскихъ, не уступаютъ нисколько извѣстнымъ изданіямъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности [8]).

Среди русскихъ лицевыхъ рукописей, пользовавшихся особенной популярностью, были тѣ, въ которыхъ трактовались вопросы о жизни за гробомъ, о смертномъ часѣ, объ участи души по смерти, о страшномъ судѣ, раѣ, адѣ, мученіяхъ грѣшниковъ и радости праведниковъ. Таковъ Синодикъ, въ XVII – XVIII в. бывшій въ полномъ смыслѣ народной книгой, распространявшійся въ огромномъ количествѣ списковъ и перешедшій въ началѣ XVIII вѣка въ лубочную литературу. Въ составъ этого „Синодика“ входили различныя разсужденія, поучительные разсказы, объединенные темой о необходимости поминовенія усопшихъ

---

[6]) Пряникамъ авторомъ былъ посвященъ спеціальный альбомъ: «Атласъ рисунковъ со старинныхъ пряничныхъ досокъ Вязниковскаго уѣзда». 1874 года.

[7]) Мѣсту погребенія князя Пожарскаго посвященъ авторомъ особый альбомъ—съ подробнымъ описаніемъ его и надгробнаго надъ нимъ памятника «Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ боярину и воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому въ въ городѣ Суздалѣ. Владиміръ. 1885.»

[8]) Достаточно отмѣтить, что нѣкоторыя изъ изданій этого Общества приготовлялись въ мастерской Голышева: такъ здѣсь было раскрашено «Житіе Александра Македонскаго» по рукописи XVII вѣка, «Житіе Николая чудотворца».

душъ, о пользѣ покаянія, о тщетѣ всего земного; дополненіемъ, поясненіемъ и при томъ весьма существеннымъ ко всему этому являются миніатюры. Онѣ еще болѣе популяризировали идеи и разсказы, входившіе въ составъ Синодиковъ, и изъ нихъ онѣ вошли затѣмъ въ иконопись, въ роспись иконостасовъ.

Если историко-литературное значеніе даннаго памятника болѣе или менѣе выяснено, напр., въ извѣстномъ трудѣ *Е. В. Пѣтухова*, „Очерки изъ литературной исторіи Синодика" (Спб. 1895), то значеніе миніатюръ, украшающихъ его въ различныхъ спискахъ и редакціяхъ—далеко не выяснено, не указано ни источниковъ ихъ, ни извѣстной связи и и зависимости ихъ между собой, ни отношенія къ другимъ памятникамъ древне-русскаго искусства. Изданія Голышева тѣмъ и цѣнны, что даютъ богатый матеріалъ для такого рода научныхъ изслѣдованій и Синодикамъ посвящены имъ два альбома. Въ одномъ изданы—заглавные листы Синодиковъ 1679 и 1686 года и всѣ миніатюры Синодика 1651 года [9]) весьма интереснаго содержанія: Притча о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ, Прѣніе человѣка со смертію, Побѣда смерти, Возстаніе мертвыхъ при наступленіи страшнаго суда, Суета житейской славы, Участь сребролюбца, Внезапное наступленіе смерти, Разлученіе души съ тѣломъ, и т. д., Вѣсы правосудія, „Душа чистая" (рис. 19-й) въ видѣ дѣвы преукрашенной, превыше солнца, съ луной подъ ногами, связавшая льва постомъ, смиреніемъ укротившая змѣя, превратившая дьявола въ кота, съ молитвой въ видѣ пламени изъ устъ, слезами погасившая пламя грѣховнаго тернія—образъ, полный глубокаго символизма, перешедшій и въ иконопись, и въ монументальную живопись; два послѣднихъ рисунка (20 и 21) представляютъ любопытный варіантъ въ изображеніяхъ извѣстной притчи изъ житія Варлаама и Іосафа „О сладости сего міра" [10]): вмѣсто единорога, преслѣдующаго человѣка, здѣсь изображены два льва; надъ его головой—видна горлица и змій; внизу дерева двѣ мыши, но не четыре, и три змія; человѣкъ же самъ—то сидитъ на вершинѣ дерева, то у корня его, то, наконецъ, летитъ въ пропасть.

Во второмъ альбомѣ изданъ замѣчательный наиболѣе полный и выдѣляющійся обиліемъ повѣтствованій, легендъ, поучительныхъ разсказовъ—въ утвержденіе и распространеніе мысли о необходимости поминовенія усопшихъ—Синодикъ Богородицерождественской церкви села Климовскаго (Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда) 1746 года [11]).

---

[9]) Альбомъ рисунковъ рукописныхъ Синодиковъ 1651, 1679, 1686. Голышевка. 1885.
[10]) См. нашу статью, посвященную этой притчѣ въ „*Арх. Изв. и Зам.*" № 12, 1893 г.
[11]) Рукописный Синодикъ 1746 года. Голышевка. 1889.

Издатель воспроизвелъ всѣ 67 рисунковъ подлинника и къ каждому пояснительный текстъ; укажемъ, что среди поучительныхъ разсказовъ, иллюстрированныхъ въ этомъ Синодикѣ, имѣется и извѣстная повѣсть о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ (рис. 38—44).

Обращаемся теперь къ посмертнымъ изданіямъ сочиненій Голышева. Одно изъ нихъ 1-й выпускъ 1-го тома собранія сочиненій Голышева, первое систематическое изданіе въ одномъ цѣломъ всѣхъ статей и замѣтокъ покойнаго, какъ вышедшихъ отдѣльными книгами, такъ и помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ; другое—альбомъ, воспроизводящій миніатюры повѣсти „О видѣніи Козьмы игумена", 1688 года.

Содержаніе указаннаго выпуска 1-го тома составляютъ мелкія статьи автора, посвященныя излюбленной области покойнаго, наиболѣе извѣстной ему—лубочнымъ старинымъ народнымъ картинкамъ—объ ихъ происхожденіи, гравированіи и распространеніи; (1—18) тѣмъ же картинамъ, гравированнымъ на мѣдныхъ доскахъ: Аптекѣ духовной, Мыши кота погребаютъ, ершѣ, Философія и мальчикъ и др.; далѣе, Синодику гравера XVII вѣка Василія Андреева—съ подписями въ стихахъ; оттиску старинной деревянной печатной доскѣ съ изображеніемъ храма; вновь—народнымъ гравюрамъ и спеціально старинной лубочной картинкѣ „Мыши кота погребаютъ"—и, наконецъ, оттискамъ съ двухъ старинныхъ гравировальныхъ досокъ съ изображеніемъ распятія Христова и Іисуса Христа, сидящаго на гробѣ въ багряницѣ; и лубочной картинѣ „Душа чистая", и граверу Матвѣеву.

Такимъ образомъ, этотъ выпускъ—спеціально, какъ видимъ, посвященъ одной изъ отраслей индустріальныхъ искусствъ—гравюрѣ, при томъ служившей цѣлямъ распространенія въ народѣ наиболѣе популярныхъ образовъ, излюбленныхъ, поучительныхъ, и народнымъ лубочнымъ картинамъ, служившимъ наряду съ гравюрами той же цѣли. Это въ общемъ—весьма полезный и важный матеріалъ для исторіи русской культуры, русскаго искусства.

Второе изданіе — посвящено миніатюрамъ Видѣнія Козьмы игумена—вновь богатый матеріалъ и для исторіи древне-русскаго искусства, и для различныхъ историко-литературныхъ штудій (Объ этомъ изданіи см. подробно далѣе въ приложеніи).

Труды Голышева нашли достойную оцѣнку еще при жизни, и онъ—крестьянинъ-самоучка былъ избранъ почетнымъ, дѣйствительнымъ членомъ, членомъ-корреспондентомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, какъ, напр., Императорской публичной библіотеки, Московскаго Археологическаго Общества, Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Кіевскаго Историческаго Общества, Обще-

ства Любителей Древней Письменности и др. За тѣ же заслуги онъ получилъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина и нѣсколько наградъ.

Вниманіе къ его трудамъ, дѣятельности особенно выразилось въ день празднованія имъ 25-лѣтія научно-литературный дѣятельности (1886 г., 8 іюня) и пятидесятилѣтія книжнаго и картиннаго производства фирмы И. А. Голышева (7 дек. 1894), когда многія ученыя Общества и отдѣльныя лица прислали свои привѣтствія, въ которыхъ справедливо отмѣчались его заслуги, какъ собирателя памятниковъ старины, искусства, важныхъ для исторіи культуры, какъ дѣятеля, обогатившаго своими многочисленными археологическими изданіями историко-археологическую науку, посвятившаго себя изученію родной старины и народности, какъ дѣятеля выступившаго въ избранной имъ области совершенно самостоятельно, самоучкою, передававшаго въ своихъ изданіяхъ духъ родной старины...

Трогательную картину представляла собою слобода Мстера въ день празднованія юбилея своего крестьянскаго дѣятеля, Голышева, равно его усадьба, гдѣ помѣщается литографическое заведеніе и всѣ мастерскія.

„Массы народа изъ сл. Мстеры (читаемъ въ описаніи празднованія юбилея [12]), съ писчебумажной фабрики окружили домъ юбиляра; малыя дѣти—воспитанники училищъ, дѣвицы, мужчины всѣхъ возрастовъ заняли площадку, образовали обширный кругъ хоровода... Отрадно было видѣть эту собравшуюся пеструю толпу, по праздничному нарядную, явившуюся сюда привѣтствовать радушнаго хозяина...

Вѣроятно, никогда не было такого значительнаго собранія, какое составилось въ этотъ день, а что всего важнѣе—въ этомъ выразилась русская самобытность, отголосокъ русской добросердечности“. Это былъ праздникъ русскаго самородка, и совершенно былъ правъ одинъ изъ ораторовъ, привѣтствовавшихъ юбиляра, когда говорилъ: „Если Холмогоры справедливо гордятся родиной великаго ученаго Ломоносова, Нижній-Новгородъ гордится родиной патріота Минина и ученаго механика Кулибина, Вельяминовъ гордится родиной великаго патріарха Никона, то и Мстерѣ сравнительно свойственно гордиться родиной И. А. Голышева, какъ почтеннаго самоучки и заслуженнаго археолога!“.

Е. Рѣдинъ.

---

[12]) Строминовъ, указ. брошюра, 64.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Лицевыя рукописи повѣсти о видѣніи Козьмы игумена.

Второе посмертное изданіе трудовъ Голышева, какъ мы сказали, воспроизводитъ миніатюры рукописи Видѣнія Кузьмы игумена, XVII вѣка, одной изъ популярныхъ—среди многочисленныхъ видѣній на-ряду съ житіемъ Василія Новаго, видѣніемъ мниха Іоанна, словомъ Палладія мниха, словомъ о славѣ небеснѣй и радости праведныхъ и др. имъ подобными, которыя встрѣчаются сгруппированными въ сборникахъ, составъ которыхъ часто одинаковъ и отмѣченъ эсхатологическимъ направленіемъ. Такіе сборники, укра-

Рис. 1.

Видѣніе бѣсовъ.

шенные особенно миніатюрами, были распространены въ XVII—XVIII вв., и нѣкоторые изъ нихъ являются какъ бы копіями одного общаго оригинала, произведеніями одной школы.

Самимъ миніатюрамъ въ изданіи Голышева предпослано введеніе, составленное В. Георгіевскимъ, и текстъ видѣнія.

Во введеніи указывается содержаніе видѣнія, источники имѣющимся въ немъ описаніямъ рая, мученіямъ ада—въ Евангеліи, Апокалипсисѣ; дается перечень миніатюръ и указывается въ общихъ чертахъ сходство издаваемыхъ миніатюръ съ тѣми, что иллюстрируютъ то же видѣніе въ рукописяхъ Общества Любителей Древней Пись-

менности: 1) въ сборникѣ № XXV (354) и 2) № XVIII (1373); но ни характеристики издаваемыхъ миніатюръ, ни детальнаго сравненія съ указанными рукописями Общ. Люб. Древней Письменности—издателемъ не предложено. Издатель не нашелъ въ библіотекѣ покойнаго И. А. Голышева самой рукописи, и, такимъ образомъ, неизвѣстно, заимствована ли она изъ сборника, или представляетъ самостоятельную рукопись; не извѣстно также, откуда взята эта дата 1688 г., пріурочиваемая къ рукописи. Правда, по характеру исполненія миніатюры близки къ тѣмъ, что извѣстны отъ XVII вѣка, но не въ меньшей степени онѣ близки и къ миніатюрамъ XVIII вѣка.

Рис. 2.
Козьма предъ буякомъ.

Кромѣ указываемыхъ г. Георгіевскимъ рукописей О. Л. Д. П., намъ извѣстны еще двѣ другихъ рукописи, въ которыхъ имѣется то же видѣніе: это въ собраніи гр. А. С. Уварова — сборникѣ № 1973 (360), лл. 161—180 и № 1947 (630), лл. 331—360 — оба XVIII вѣка.

Сравненіе всѣхъ этихъ четырехъ списковъ съ изданнымъ Голышевымъ приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію: при общемъ сходствѣ въ составѣ композицій и даже характерѣ работъ—между ними видно и различіе; при этомъ рукопись, изданная Голышевымъ, имѣетъ болѣе сходства—въ колоритѣ, въ деталяхъ архитектуры, композиціяхъ—съ рукописью собранія графа А. С. Уварова № 1973 (360), чѣмъ съ рукописями Общ. Люб. Др. Письменности; что же касается второй рукописи собранія графа А. С. Уварова № 1947, то миніатюры видѣнія почти копіи тѣхъ, что въ рукописи Общ. Люб.

Др. Письм. № XXV (354); миніатюры № XXVIII (1373) близки къ первой, за нѣкоторыми исключеніями въ деталяхъ.

Итакъ, сравнивая миніатюры, изданныя Голышевымъ, съ тѣми, что въ сборникѣ гр. А. С. Уварова № 1973 (360), видимъ, что въ тѣхъ и въ другихъ ясный, свѣтлый колоритъ съ преобладающими красками: красною, зеленою, малиновою и желтою, отчасти—голубою, бѣлою, черною. Раскраска не сплошная, какъ это бываетъ въ миніатюрахъ плохого, небрежнаго, чисто-лубочнаго исполненія, видна нѣкоторая градація въ тонахъ: отъ темно-малиноваго къ свѣтло-малиновому, отъ темно-зеленаго къ свѣтло-зеленому и т. д. Контуры обведены чернилами и, вѣроятно, исполнены по шаблону.

Рис. 3.
„Велій Елеонъ".

Фигуры людей, позы, жесты—весьма однообразны, равно и предметы обстановки—архитектурныя детали. Архитектура воспроизводитъ таковую, очевидно, какъ исполненную въ деревѣ, — это шатеръ съ шахматнымъ полемъ, опирающійся на вырѣзныя колонки, утончающіяся по мѣрѣ приближенія къ абаку; бордюръ шатра украшенъ цвѣтнымъ зеленымъ орнаментомъ; поверхъ шатра-башенки кегелеобразныя съ шарами или звѣздами поверхъ нихъ. Золота нѣтъ ни въ одной детали; нимбы у всѣхъ желтые. Картины ада и рая далеко не воспроизводятъ того, что рисуется въ текстѣ; очевидно, полной иллюстраціи, согласной съ данными текста, миніатюристъ не въ состояніи былъ дать; но способъ его иллюстрацій картинъ ада, рая, красотъ, которыми онъ надѣлялъ послѣдній — весьма интересенъ для насъ, какъ отраженіе народныхъ идеаловъ, какъ воспроизведеніе данныхъ дѣйствительности (что касается архитектуры) въ примѣненіи къ небеснымъ явленіямъ, какъ образецъ народнаго искусства древней Руси.

Въ качествѣ матеріала для сравнительнаго изученія иллюстрацій видѣнія Кузьмы

игумена, укажемъ на отличія и сходства изданныхъ Голышевымъ миніатюръ съ извѣстными въ рукописяхъ Общ. Люб. Др. Письм. и собранія гр. А. С. Уварова.

Въ 1-й миніатюрѣ, изображающей избраніе Козьмы въ игумены, представлена внутренность храма съ характернымъ трехъ-арочнымъ шатромъ, поле котораго выложено какъ бы кирпичами. Согласно условности, наблюдаемой въ памятникахъ византійскаго искусства и усвоенной въ древне-русскомъ искусствѣ, миніатюристъ представляетъ одновременно и внутренній и наружный видъ храма, или поперечный разрѣзъ его; мы видимъ не только аркады, стѣну алтаря, царскія двери, но и крышу, куполъ (въ Голышевской рук. ихъ пять, равно въ сборникѣ № 354 О. Л. Д. П., въ № 1373 и въ рук.

Рис. 4.
Небесный градъ.

гр. Уварова № 1973 — ихъ три). Игуменъ представленъ въ Голышевской стоящимъ, а во всѣхъ другихъ сидящимъ и бесѣдующимъ съ монахами, стоящими спереди и сзади его кресла.

Во 2-й миніатюрѣ изображенъ Козьма сидящимъ во время болѣзни на ложѣ и смотрящимъ, скрестивъ руки на груди, вверхъ; предъ нимъ, прикасаясь его руки, стоитъ одинъ монахъ и сзади у ложа—другой. Въ другихъ рукописяхъ въ общемъ то же самое, только крыша и арка и число куполовъ варьируютъ.

Въ 3-й миніатюрѣ Козьма представленъ сидящимъ на томъ же ложѣ и бесѣдующимъ съ монахами, которые стоятъ предъ нимъ. Въ рукописи № 354 (л. 126 об.) онъ поднялъ голову вверхъ и держится за одежду одного изъ стоящихъ предъ нимъ монаховъ; стоящій сзади него держитъ его за рукава.

Въ 4-й миніатюрѣ Козьма уже не на ложѣ, а на креслѣ бесѣдуетъ съ монахами,

стоящими по обѣимъ сторонамъ его. Этой миніатюры нѣтъ въ рукописи О. Л. Д. П., № 354, а въ рукописи собранія гр. А. С. Уварова она имѣется (л. 163 об.).

Въ 5-й миніатюрѣ, съ которой начинается иллюстрація самого видѣнія,—Козьма изображенъ сидящимъ на томъ же креслѣ, поддерживаемый двумя монахами. Онъ смотритъ вправо, гдѣ стоитъ толпа бѣсовъ съ вклокоченными волосами. Какъ отмѣчали уже, миніатюристъ не даетъ полной иллюстраціи текста и въ своихъ изображеніяхъ часто отступаетъ отъ него. Такъ, по тексту, бѣсы съ лицами почернѣлыми, какъ смола, съ звѣриными взорами...; въ рукописи, изданной Голышевымъ, это—нагія человѣческія

Рис. 5.
Небесный градъ.

фигуры, только зеленаго цвѣта, съ вклокоченными волосами, высунутыми языками. Въ рукописи О. Л. Д. П. онѣ—различныхъ цвѣтовъ (л. 128 об.), а въ рук. собр. гр. А. С. Уварова—онѣ уже болѣе уродливыя, крылатыя, № 197 3 (л.175 об.). (См. рис. 1-й стр. 161).

Шестая миніатюра представляетъ гору, усѣянную цвѣтами. Справа видно зданіе, а слѣва темное пространство—какъ бы пещера съ пламенемъ; по краю пещеры извивается зеленая полоса („стезя"). Вверху горы Козьма стоитъ, окруженный бѣсами, а внизу онъ идетъ, подталкиваемый ими.

Этой миніатюры нѣтъ въ рукописяхъ О. Л. Д. П., но имѣется въ указанной рук. собр. гр. А. С. Уварова (л. 167 об.); бѣсы изображены здѣсь, какъ сказали выше, болѣе уродливыми: различныхъ цвѣтовъ—зеленаго, сѣраго, желтаго; съ крыльями зелеными, коричневыми; съ мордами свиней.

Седьмая миніатюра представляетъ ту же гору съ цвѣтами, но большую часть ея занимаютъ „врата“, представляющія шатеръ въ томъ же видѣ, какъ въ предыдущихъ миніатюрахъ, съ одною аркадой, опирающеюся на вырѣзныя колонки различныхъ цвѣтовъ (красн., зел., желтаго); въ глубинѣ видны двери, украшенныя орнаментомъ; предъ этими-то дверьми, но собственно влѣво—сидитъ на стулѣ громадная фигура бѣса (буякъ – названъ онъ въ текстѣ) зеленаго цвѣта, съ длинною бородой, съ высунутымъ языкомъ; изо рта его выходитъ огонь—все согласно описанію въ текстѣ; справа—стоящій на зеленой стезѣ и смотрящій въ сторону бѣса Козьма, окруженный бѣсами (меньшаго размѣра, чѣмъ сидящій на тронѣ), ниже стези полукругъ съ огнемъ, въ которомъ видны красныя человѣческія фигуры (грѣшники).

Рис. 6.
Царскіе чертоги и трапеза.

Одинаково эта миніатюра повторена въ рук. собр. гр. А. С. Уварова (л. 161 об.), только бѣсъ изображенъ здѣсь болѣе уродливымъ, „ч҃цы“, находящіеся во тьмѣ,—въ рубашкахъ; они печалуются (прикладывая руку къ щекѣ, а одинъ двуперстно крестится).

Въ рукописи О. Л. Д. П. (№ 354, л. 130 об.), въ одной миніатюрѣ (см. рис. 2-й) соединены предыдущая и данная рукописей Голышева и собранія гр. А. С. Уварова: слѣва гора, желтоватая, безъ цвѣтовъ; по ней сверху внизъ тянется лиловаго цвѣта стезя. Вверху бѣсы тащутъ Козьму, и внизу они подводятъ его къ буяку, уродливому, сидящему на креслѣ; сзади его огонь; правую руку онъ поднялъ вверхъ; врата, подъ которыми онъ сидитъ, — уже иной архитектуры, чѣмъ въ рукописи, изданной Голышевымъ, и въ собр. гр. А. С. Уварова,—это небольшой балдахинъ, съ куполообразною крышей, опирающеюся на простыя колонки съ двумя кольцами; ниже видны въ огнѣ грѣшники.

Восьмая миніатюра представляетъ вновь бѣса, сидящаго у тѣхъ же вратъ, но отвернувшись отъ Козьмы, по сторонамъ котораго стоятъ Апостолы Андрей и Іоаннъ, оба старца (Козьма ихъ узналъ по виду, зная ихъ по изображеніямъ на святыхъ иконахъ, какъ говорится въ текстѣ).

Эта миніатюра имѣется въ рукописи О. Л. Д. П. № 354, л. 133 об., и въ рукописи собр. гр. А. С. Уварова, л. 169, но въ послѣдней—передъ указанною миніатюрой помѣщена еще другая, не имѣющаяся въ другихъ, и изображающая (л. 168 об.) моментъ, предшествующій появленію Апостоловъ: Козьма—у самой пропасти, одинъ изъ бѣсовъ тащитъ его въ сторону сатаны, простирающаго къ нему руки.

Рис. 7.
Царскіе чертоги и трапеза.

Девятая миніатюра изображаетъ одну изъ обычныхъ картинъ—рая „лоно Авраама“; здѣсь, по описанію текста, „мѣсто злачно и прекрасно, ему же красную доброту и будущую благодать сказати словомъ зѣло немощно“. Гора съ тремя пригорками, на которыхъ цвѣтки лиліи; у подошвы, на креслѣ сидитъ старецъ Авраамъ; предъ нимъ кланяющійся Козьма и стоящіе сзади него Андрей и Іоаннъ; сзади Авраама мальчики въ длинныхъ разноцвѣтныхъ (красныхъ, зеленыхъ, малиновыхъ) рубашечкахъ, сзади нихъ видны въ нѣсколько рядовъ лишь края нимбовъ.

Въ рукописи О. Л. Д. П., № 354, л. 135 об.—вверху деревья съ цвѣтами; большую часть горы занимаютъ души-мальчики въ три ряда (между которыми видны опять нимбы). Въ рукописи гр. А. С. Уварова, л. 170 об., весьма сходно, какъ въ обѣихъ рукописяхъ.

Десятая миніатюра изображаетъ одну изъ другихъ картинъ рая—„веліи елеонъ, его же дубравъ древесъ множае звѣздъ: ѧбныхъ и на коемждо древе сѣнь стоѧше и на коемждо сѣни бѧше одръ и на коемждо одре бѧше чл҃къ" (ркп. О. Л. Д. П. № 354, л. 138).

Во всю длину миніатюры два цвѣткообразныхъ дерева, выше ихъ вверху двѣ сѣни: небольшіе шатры съ одною аркой—того же характера, какъ въ предыдущихъ миніатюрахъ; ниже три сѣни; подъ каждой сѣнью, изображающей, очевидно, горницу съ окномъ, на одрѣ лежитъ пожилой человѣкъ, въ нимбѣ, прикрытый краснымъ одѣяломъ.

Внизу идутъ Козьма и его спутники Апостолы.

Въ рукописи О. Л. Д. П., № 354, л. 137 об. (см. рис. 3-й) — миніатюра ближе

Рис. 8.
Птица Сиринъ и чертоги.

иллюстрируетъ текстъ: въ два ряда деревья, на вершинѣ которыхъ, какъ бы произрастая изъ нихъ, горница со спящими на постеляхъ праведниками. Въ рукописяхъ собр. гр. А. С. Уварова—то же, что въ указанной выше.

Какъ трудно было иллюстрировать миніатюристу текстъ, видно особенно по 11-й, которая должна представлять собою небесный градъ; стѣна его, по описанію, имѣетъ 12 препоясаній, съ драгоцѣнными камнями, врата золотыя и серебряныя; золотыя сѣдалища, подножія и всходы.

Въ миніатюрѣ „градъ" 2-этажный съ шатрами, аркады которыхъ опираются на колонны; бутыльной формы стержень послѣднихъ изъ разноцвѣтныхъ полосъ рядами: красныхъ, зеленыхъ, малиновыхъ, голубыхъ; въ центральныхъ аркадахъ по херувиму. Внизу справа видна лѣстница, а слѣва стоитъ Козьма со спутниками.

Въ иномъ родѣ, какъ бы подражаніе восточнымъ картинкамъ (персидскимъ) жи-

лище въ два этажа — съ арками, витыми колонками, разноцвѣтными куполами, софами съ подушками, съ пиршественнымъ столомъ: въ рук. О. Л. Д. П. № 354, л. 139. (см. рис. 4-й).

Возлѣ лѣстницы, ведущей въ 1-й этажъ, стоятъ два ангела, бесѣдующіе съ Козьмой и путниками его; двѣ лѣстницы видны во 2-мъ этажѣ.

Въ рукописи О. Л. Д. П. № 1373, л. 71 об. (см. рис. 5-й) — вновь 2-этажное зданіе, но болѣе простое: стѣны въ верхнемъ этажѣ съ двумя окнами, а въ нижнемъ открытыя аркады — чисто русской архитектуры. Предъ лѣстницей Козьма со спутниками; вверху двѣ лѣстницы. Весьма близко къ этому изображенію въ рукописи собранія гр. А. С. Уварова, л. 171 об.

Рис. 9.
Лоно Авраама.

Въ двѣнадцатой миніатюрѣ изображены царскіе чертоги съ трапезой: подъ тремя аркадами — столъ съ чашами, а внизу миніатюры — Козьма со спутниками. Въ 13-й — два ангела предъ ними и въ верхней части миніатюры за трапезой уже сидятъ тѣ же лица вмѣстѣ съ другими святыми. Въ 14-й — та же обстановка. Козьма со спутниками спускаются по лѣстницѣ, уходя изъ чертога.

Въ рукописи О. Л. Д. П. № 354 (л. 141 об.) — та же обстановка, что въ миніатюрѣ, изображающей градъ; соединены два момента: Козьма со спутниками за трапезой; они удаляются въ сопровожденіи двухъ Ангеловъ. (см. рис. 6-й).

Въ рукописи О. Л. Д. П. № 1373, — въ одной миніатюрѣ трапеза (л. 73 об.), въ другой — приглашеніе ангелами Козьмы со спутниками, и они сидящіе за трапезой (л. 74 об.). (см. рис. 7-й).

Въ рукописи собранія гр. А. С. Уварова — такъ же, какъ въ изданной Голыше-

вымъ—три миніатюры, почти тождественныя (л. 173 об., 174 об., 175 об.); на послѣдней—съ весьма оригинальною сѣнью надъ трапезой, на завиткѣ первой, какъ указаніе на райскія мѣста, представлена птица сиринъ — съ женскою головой, съ короной, съ птичьимъ туловищемъ (см. рис. 8-й).

Къ тексту, разсказывающему далѣе о видѣніи Козьмою озеръ, въ которыхъ мучатся грѣшники: мрачное, огненное со смердящею мглой, червями и друг., изображена въ 15-й миніатюрѣ гора, усѣянная цвѣтами и внизу среди огненнаго большого озера—четыре другихъ, изъ коихъ два имѣютъ зеленый фонъ; Козьма со спутниками смотритъ на нагія фигуры, помѣщенныя въ этихъ озерахъ.

Въ рукописи О. Л. Д. П. № 354, л. 143 об.—вмѣсто озеръ—пять квадратиковъ, съ надписями, поясняющими родъ мученія: „тма" (лиловаго цвѣта), „огнь" (огонь—краснаго цвѣта), „червь" (красныя линіи), „мразъ" (зеленыя фигуры), „страхъ" (рѣшетка), въ квадратахъ нагія фигуры грѣшниковъ, съ длинными бородами.

Въ рукописи собранія гр. А. С. Уварова, л. 176 об. — тѣ же озера или пещеры: 1) всѣ фигуры бѣлыя, надъ ними точки (черви); 2) зеленыя (мразъ); 3) бѣлыя, но въ темномъ мѣстѣ; 4) бѣлыя, но окруженныя огнемъ (огонь); 5) во тьмѣ (тма), окруженная огнемъ (м. б. страхъ).

Въ 16-й миніатюрѣ повторено почти то же, что въ девятой, т.-е. изображено то же „лоно Авраама", только Козьма не на колѣняхъ, а стоя, принимаетъ отъ Авраама, протягивающаго ему чашу и космаги.

Въ рукописи О. Л. Д. П. № 354, л. 145 — чаша уже въ рукахъ Козьмы и одна космага, двѣ другихъ подаетъ Авраамъ. Въ рукоп. собр. гр. А. С. Уварова, л. 147 об.—Авраамъ передаетъ Козьмѣ большую чашу и держитъ въ рукѣ космаги. (см. рис. 9-й).

Въ 17-й миніатюрѣ Козьма представленъ проходящимъ вновь мимо бѣса, сидящаго на тронѣ. Сходно въ рук. собр. гр. А. С. Уварова (л. 178) и въ рук. О. Л. Д. П.

Заключительная миніатюра представляетъ смерть преп. Аѳанасія въ Трояновомъ монастырѣ: онъ на ложѣ, возлѣ монахи. Сходно въ рук. О. Л. Д. П., № 354, л. 149 об. и въ рук. собр. гр. А. С. Уварова, л. 179 об.

Е. Рѣдинъ.

II.

Выдержки изъ журнала по работамъ возобновленія внѣшности Сухаревой башни (1896—97—98 гг.).

Два лѣта, изо дня въ день, я бывалъ на Сухаревой башнѣ; по должности архитектора велъ поденную запись работамъ ремонта и реставраціи историческаго памятника Петровской старины.

Главное завѣдываніе постройкой поручено было, хозяйственнымъ способомъ, отъ Моск. Городскаго Управленія, умершему 14 сентября 1898 года, извѣстному архитектору А. Л. Оберу. Постановка дѣла реставраціи принадлежала также ему—я былъ производителемъ работъ по его приглашенію. Ему же обязана текущая реставрація тѣмъ, что производится подъ авторитетомъ Императорскаго Моск. Археологическаго Общества, чрезъ уполномоченныхъ членовъ коммиссіи, въ 1897 г.— А. М. Павлинова, а нынѣ—Н. В. Никитина.

Первая половина предположенной А. Л. Оберомъ задачи—*возобновленія внѣшности Сухаревой башни*—почти окончена; мнѣ довелось докладывать о подробностяхъ исполненія дѣла, начатаго успѣшно трудами многихъ, по имѣвшаго исключительно преданнаго дѣлу человѣка.— Будетъ весьма жаль, если за смертью заботливаго дѣятеля, внутренность башни и мѣстность кругомъ останутся въ прежнемъ, надо признать, хаотическомъ состояніи.

Цѣль выдержекъ изъ записаннаго мною: передать подробности, относящіяся къ конструкціи зданія, интереснаго въ историческомъ и архитектурномъ отношеніяхъ.

Снегиревъ справедливо утверждаетъ, „что назначеніе Сухаревскаго зданія всегда было гражданское, а не военное, ибо нѣтъ нигдѣ ни амбразуръ для пушекъ, ни другихъ пристроекъ, употребительныхъ въ оборонительномъ зданіи“.

„Преданіе именуетъ Лефорта зодчимъ этого зданія, но какъ Петръ любилъ архитектуру и есть примѣры собственныхъ его плановъ для построекъ, то весьма вѣроятно, что башня сія сооружена по его мысли; неизвѣстно только кто были исполнители“. Удачное уподобленіе Сухаревой — прежнему адмиральскому кораблю, башнею - мачтѣ, галлереями—корабельнымъ шканцамъ, восточнымъ и западнымъ выступами,— носу и кормѣ—все это выражаетъ преобладающую страсть Петра къ морю, и въ Сухаревой башнѣ послѣдовательно были помѣщены: *морская* академія, *адмиралтейская* контора, *навигацкое* училище; здѣсь въ особой пристройкѣ находился *Петровскій ботикъ*, а сейчасъ имѣются резервуары воды — не для плаванія впрочемъ, а для питья москвичей.

Съ юношескихъ лѣтъ Петръ сравнивалъ себя съ Ноемъ — „*яко Ной масличному суку радуюсь*“ — писалъ онъ, получая пріятную вѣсть; „*яко Ной, мало отдохнувъ и не тужа о невозвратномъ* (смерти матери), *обращаюсь къ живому*, т.-е. строенію кораблей. Всѣ эти выраженія въ устахъ Петра означали преобладающую страсть къ морской наукѣ и заключались глубоко знаменательною надписью заграничной печати Петра, когда, смѣнивъ царскую одежду на простую одежду работника, онъ страстно взывалъ: „*Азъ въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую!*“

Если когда нибудь придется украшать голыя стѣны Сухаревскихъ палатъ, то приведенныя выраженія—морскіе и научные атрибуты—наиболѣе приличны такому убранству.

По неимѣнію данныхъ не будемъ добиваться знать имя зодчаго, строившаго Сухареву башню, но замѣтимъ, что постройка ея, какъ

зданія государственнаго, принадлежала вѣдѣнію древняго *Каменнаго приказа* или тожъ *Каменнаго стола*, гдѣ въ то время судьями были: *Дашковы*—Андрей и Василій, бояринъ Тихонъ Никитичъ *Стрѣшневъ* (1689 — 1708 гг.); дьяками: *Михаилъ Воиновъ* (1676) и *Перфилій Оловянниковъ* (1681)—и подмастерьями каменныхъ дѣлъ—*Ларіонъ Ковалевъ*... (1692—1694—1700). (Азбучн. Ук. Ист. именъ).

Постройка палатъ 3-го этажа сдѣлана была въ промежутокъ времени съ 1698 г. по 1701 г.—во время Азовскаго похода и заграничнаго путешествія Петра. Въ 3-мъ этажѣ помѣщались, какъ говорится въ рѣдкой теперь книгѣ:— „*Опытъ исторіи россійскаго флота*“ *В. Берха*. Спб. 1831 г.—*Морской кадетскій корпусъ и училище математическихъ и навигацкихъ наукъ*.

То же извѣстіе подтверждаетъ Голиковъ, говоря, что Государь, составя вмѣстѣ съ проф. Фарварсиномъ, планъ морскому училищу, далъ ему повелѣніе учредить оное на Сухаревой башнѣ, что и исполнено по отъѣздѣ государевомъ въ Воронежъ: августа 19 числа 1699 года. „По штату морскому кадетскому корпусу означено, что въ 1701 году учреждено было въ Москвѣ училище математическихъ и навигацкихъ наукъ, въ которое опредѣлялись дворянскія и другихъ чиновъ дѣти“.

Далѣе въ той книгѣ сказано, что государево повелѣніе приведено въ полное дѣйствіе въ началѣ 1704 года, а въ 1706 г. отправлено изъ морскаго училища 30 учениковъ въ Амстердамъ и Англію; списокъ этихъ 30 учениковъ приведенъ во 2-ой части книги Берха, стр. 313. По рапорту отъ 17 марта 1712 г. перваго учителя Морскаго училища Якова Протопопова, значилось 517 учениковъ, изъ коихъ послано въ Спб.—15, къ инженерной наукѣ—6, къ *архитектурнымъ дѣламъ—10*.

Съ 18 марта состоитъ въ готовности:

Для науки за море.............	50
Къ инженерной наукѣ...........	170
Итого.....	220 учен.

Кромѣ этихъ 220, окончившихъ, повидимому, курсъ Сухаревскаго училища, оставалось тамъ 297 учениковъ; раздѣливъ ихъ предположительно на три класса, получимъ по 99 въ классѣ. Возможно ли такое число учениковъ въ классѣ и хватитъ ли помѣщенія въ залахъ Сухаревой? Вотъ любопытные вопросы.

Судя по описаніямъ, надобно полагать, что изъ Москов. училища переведены были въ Спб. только учителя; самое же училище осталось

тамъ на прежнемъ основаніи и существовало до 1752 года, когда всѣ учителя и воспитанники поступили въ Спб. Морской кадетскій корпусъ.

Назначеніе Сухаревой башни со времени устройства верхнихъ палатъ было исключительно учебное и таковымъ оставалось въ теченіе полувѣка. Внутренность ствола башни занята была обсерваторіей; здѣсь наблюдалось затмѣніе 1709 г., находился глобусъ, перемѣщенный съ Ивановской колокольни, принадлежавшіе Фарварсону *астрономическіе часы*, разные инструменты и большая библіотека. Вещи сіи выданы родственникамъ его три года спустя послѣ его смерти въ маѣ 1742 г.,—такъ долго не могли разобрать, что принадлежало ему и что казнѣ; академія удержала у него 277 книгъ, за кои выданы родственникамъ деньги.

Кружокъ ученыхъ преподавателей Сухаревой башни: Фарварсона, Гвина, Л. Магницкаго (см. подроб. Сл. Брокг., т. 35, стр. 328), библіотекаря навигацкой школы Василія Кипріянова (Сл. Брокг., т. 29, стр. 89)—заключается извѣстными учениками ихъ: Андреемъ Красильниковымъ, Н. И. Кургановымъ, Ив. Смирновымъ.

Въ спискахъ учениковъ Сухаревской школы значатся также извѣстные архитектора: Иванъ Мичуринъ, помощникъ его Иванъ Мордвиновъ; при снятіи архит. Мичуринымъ плана Москвы 1739 г. употреблены были Сухаревскіе геодезисты: Савва Кашинцевъ, Максимъ Екуатовъ, Алексѣй Карцевъ, Александръ Коптевъ, Степанъ Чичаговъ, Василій Шишковъ, Яковъ Красильниковъ, Сергѣй Щелковъ. Адмиралъ Мятлевъ былъ начальникомъ морскаго училища на Сухаревой въ 1732 г. На восточной сторонѣ зданія Сухаревой имѣются во 2-мъ и 3-мъ этажахъ двѣ большихъ залы, каждая по 35 кв. саж.: одна изъ этихъ залъ, верхняя, была рекреаціонной, фехтовальной или *ратушой* и совершенно достаточной для общаго числа учениковъ. Четыре меньшихъ залы на западъ по 17 кв. саж. и нижняя большая зала составляютъ помѣщеніе въ 105 кв. саж., т.-е. по 0,36 кв. с. на одного ученика (норма отъ 0,40 до 0,75 кв. с.); изъ этого видно, что помѣщеніе едва вмѣщало учениковъ, было переполнено; въ особенности если взять въ соображеніе, что классы Сухаревой, частію чертежные, геодезическіе, требовали большаго простора противъ обыкновенныхъ. Кромѣ ратушной, классовъ, значительной библіотеки, въ стволѣ башни была обсерваторія. Упоминаемые выше, бывшіе на Сухаревой *астрономическіе часы* были выписаны изъ Голландіи сперва для Спасской башни въ 1704 г.; они были боевые съ курантами и стоили 42,474 руб.; часы эти были „съ танцами, противъ маніра, каковы въ Амстердамѣ“. Дорогая цѣна часовъ указываетъ, что это былъ сложный инструментъ, показывающій теченіе луны и планетъ, различныя явленія неба, въ особенности зат-

мѣнія, высокосные годы и т. п. Извѣстны такіе часы въ Страсбургѣ и Майнцѣ. Подробности о часахъ въ Страсбургѣ есть въ Encyclopedie des Beaux-arts far Auguste Demmin. Т. II, стр. 1628—29.

Сухаревой башнѣ посвященъ Снегиревымъ отдѣльный выпускъ „*Русскихъ достопамятностей*". М. 1883 г. (тоже *Русская Старина* изд. 1848—50—53). По Снегиреву—стиль Сухаревой представляетъ смѣсь *Ломбардскаго съ готическимъ;* Ломбардскій и готическій стили для старыхъ русскихъ описателей зданій выражали собою совокупность того, что не похоже на итальянскій классическій стиль архитектуры (См. *Боровкова*. Рѣчь о Ломбардскомъ стилѣ въ архитектурѣ. М. 1845). „Повидимому, образцомъ его служили Агсбургская и Амстердамская старыя ратуши". Въ Parallèle d. edificesp. J. Durand, Табл. 17, есть чертежъ Амстердамской ратуши, имѣющей очень мало сходства въ планѣ и фасадѣ съ сравниваемымъ зданіемъ. Башня (круглая) по срединѣ многоэтажнаго зданія — вотъ единственно сходная черта; тогда столько же сходства будетъ между Сухаревой и палатами старой кунстъкамеры въ Спб. (зданіе Акад. Наукъ).

„Грани башни, продолжаетъ Снегиревъ, оканчиваются мысообразными теремками; въ срединѣ ея видно мѣсто, гдѣ до 1812 г. стояли часы, сдѣланные въ 1795 г. для этой части города. Съ сѣверной стороны надъ воротами поставленъ образъ пр. Сергія, какъ покровителя россійской артиллеріи, съ южной стороны образъ Казанской Божьей Матери (теперь не имѣется) — избавительницы Москвы въ 1612 г. и покровительницы С.-Петербурга".

„Подъ надворотными иконами—флотскій гербъ россійскій съ Мальтійскимъ крестомъ"; онъ свидѣтельствуетъ о морскомъ значеніи Сухаревой башни. Мальтійскій крестъ напоминаетъ о сношеніяхъ Мальтійскаго ордена съ Россіей; адмиралъ А. И. Полянскій, бывшій начальникъ Моск. Адмиралтейской конторы, былъ назначенъ состоявшимъ при Мальтійскихъ кавалерахъ въ 1748 году.

На фотографіи сѣверной стороны, снятой до 1882 г., видна еще каменная небольшая часовня Николаевскаго, что на Перервѣ монастыря. На этомъ мѣстѣ еще при постройкѣ Сухаревой башни, въ силу указовъ Великихъ Государей Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и патріарха Куръ Адріана 1693 г. 15 сентября, пристроена была *деревянная* часовня для собиранія милостыни въ Николаевскій монастырь на Перервѣ, ради монастырской скудости. Эта часовня перестроена въ каменную, въ силу приказанія отъ Главной Полиціймейстерской Канцеляріи въ 1755 г.; при возобновленіи Сухаревой башни 1806 года по плану, предста-

вленному Имп. Александру I, возобновлена и часовня казеннымъ иждивеніемъ.

Вслѣдствіе стѣсненія проѣзда, часовню предположено было перенести во внутренность помѣщенія Сухаревой на южную сторону, а стѣны старой—сломать. Объ этомъ тогда же была переписка консисторіи съ М. Археологическимъ Обществомъ и оно признало, что часовню, какъ постройку не древнюю, нѣтъ препятствій разобрать.

Производившій работы тогдашняго возобновленія Сухаревой башни, братъ мой С. А. Гамбурцевъ, въ запискѣ, читанной въ М. Архитектурномъ Обществѣ, отмѣчаетъ: по отломкѣ стѣнъ старой часовни оказалось, что такъ какъ стѣны ея были непосредственно примкнуты къ стѣнамъ башни, безъ проборки бороздъ и *штрабъ*, то въ этихъ мѣстахъ сохранилась старая окраска, именно на цоколѣ изъ бѣлаго камня—коричневая, а на кирпичной стѣнѣ—свѣтло-оранжеваго колера.

Очень важно было бы хронологически и документально установить бывшія въ зданіи надстройки, перестройки и возобновленія; къ сожалѣнію, это можно означить лишь приблизительно: 1-ая надстройка палатъ 3-го этажа, какъ сказано, относится къ 1695—98 гг.—между путешествіемъ Петра въ Архангельскъ и Азовскимъ походомъ. Относительно 2-ой Снегиревъ отмѣчаетъ, что „съ 1698 по 1701 г., какъ *значилось* въ дѣлахъ Сухаревскаго архива, ворота сіи были достраиваемы; вѣроятно, тогда сооружена надъ воротами башня, *нѣсколько различествуяся своимъ зодчествомъ отъ палатъ*". А. Л. Оберъ раздѣлялъ мнѣніе Снегирева о разницѣ въ постройкѣ ствола башни отъ прямоугольнаго зданія, съ тою поправкою, что кирпичныя части, кромѣ 3-го этажа, онъ считалъ болѣе древними нежели бѣлокаменныя украшенія.

Въ текстѣ монографіи Снегирева—много неяснаго. Такъ, напр., въ ссылкѣ на дѣла Сухаревскаго архива, истребленнаго пожаромъ 1812 г., интересно: имѣлъ ли Снегиревъ въ рукахъ выписки изъ дѣлъ или писалъ по слухамъ? Вопреки имъ сказанному—въ кладкѣ не замѣчается слѣдовъ пожаровъ 1737 и 1812 года. Вообще надстройки и достройки вызывались необходимостью увеличенія морскаго училища.

3-я перестройка 1753 г. вызывалась закрытіемъ нижнихъ навигацкихъ и ариѳметическихъ школъ; Сухарева съ этихъ лѣтъ получила назначеніе зданія административнаго.

Къ этому времени мы вернемся, ибо можемъ изложить возобновленіе 1753 г. по документамъ, найденнымъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи. О возобновленіяхъ 1806 г. и послѣ 1812 г. говорилось здѣсь кратко. Возобновленіе 1820-хъ годовъ было вызвано помѣщеніемъ на Сухаревой

двухъ резервуаровъ для Мытищенскаго водопровода. Производителемъ этого приспособленія, инженеромъ Янишемъ издана была брошюра о подробностяхъ переустройства.

Около этого времени построенъ и 2-этажный флигель, загораживающій нижнюю часть восточнаго фасада Сухаревой башни. Во флигелѣ помѣщались адмиралтейскаго вѣдомства чиновники и нижніе чины. Нѣкоторое время въ нижнемъ этажѣ была камера мироваго судьи, а теперь контора водопроводнаго завѣдыванія; во 2-мъ этажѣ помѣщено Николаевское городское училище.

Таковы справки о послѣдовательномъ назначеніи помѣщеній зданій при Сухаревой отъ начала до настоящаго времени.

По поводу приступа къ текущей реставраціи было не мало толковъ и газетныхъ замѣтокъ о медленности производства работъ; москов. публика была заинтригована долгимъ нахожденіемъ башни въ лѣсахъ и неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ предварительныхъ распоряженій городскаго управленія. Внѣшняя ветхость башни была такова, что были случаи паденія каменныхъ наружныхъ украшеній; чтобъ ремонтировать ихъ на 30-саженной высотѣ требовалось устройство такъ наз. *коренныхъ лѣсовъ* для возможности работы мастеровъ и для подъема матеріаловъ. Въ 1895 г. таковые лѣса были сдѣланы, на что израсходовано около 4,200 руб. Выяснилось, что въ капитальныхъ частяхъ башня совершенно прочна, но требуетъ возобновленія почти всѣхъ наружныхъ каменныхъ украшеній, пострадавшихъ отъ времени и представляющихся опасными въ случаяхъ паденія. Для приведенія башни въ исправность требовалось облицевать мѣстами ветхую кирпичную кладку стѣнъ и карнизовъ, исправить и возобновить бѣлокаменныя украшенія фасадовъ, вычистить оплаты рашпилемъ, оскоблить и вновь обмазать тонкимъ известковымъ слоемъ всѣ наружныя кирпичныя плоскости. Смѣта на эти работы сдѣлана А. Л. Оберомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ же приступлено къ серьезнымъ работамъ не только ремонта башни, но и будущей ея реставраціи. Подъ его руководствомъ, пользуясь устроенными весьма обстоятельно лѣсами для половины зданія и для всей высоты башни, произведены точные обмѣры наружныхъ и внутреннихъ частей, и по обмѣрамъ составленъ г. Рыльскимъ большой *Альбомъ чертежей Сухаревой башни* in gr. folio, въ форматѣ 14 и 10 верш., на 28 листахъ, содержащихъ въ крупномъ масштабѣ: планы этажей зданія, всѣхъ ярусовъ башни, фасады и разрѣзы, также детали главнѣйшихъ частей. Еслибъ каждой значительной реставраціи предшествовало составленіе такого рода альбома, то дѣло нашихъ реставрацій получило

бы особую обстоятельность и серьезность. Нѣтъ нужды распространяться о необходимости соблюденія этого условія, т.-е. предъ началомъ реставраціи дѣлать обмѣры и рисунки существующаго, а въ теченіе работъ— фотографическіе снимки найденнаго; такое условіе находится въ одномъ изъ § Правилъ Коммиссіи сохраненія древнихъ памятниковъ, состоящей при Имп. Моск. Археолог. Обществѣ. Важною заслугой А. Л. Обера было соблюденіе въ точности правилъ Коммиссіи, коей членомъ онъ состоялъ 15 лѣтъ, и въ дѣлѣ реставраціи Сухаревой башни онъ сумѣлъ настойчиво провести необходимость поставить возобновленіе историческаго зданія въ зависимость отъ ученаго авторитета Археологическаго Общества. Археологическое Общество прежде всего озаботилось архивными изысканіями документовъ, относящихся до Сухаревой башни. По сношенію съ Моск. Архивомъ Мин. Юстиціи сдѣланы справки и былъ открытъ доступъ къ просмотру вязокъ старыхъ дѣлъ. Этотъ просмотръ, по предложенію Обера, порученъ былъ мнѣ. Кто знакомъ съ архивными занятіями, тому извѣстно, что они исключаютъ всякую спѣшность и служатъ лучшей школой терпѣнія; помню, какъ торопилъ меня Оберъ результатомъ просмотра.

Найденные документы относились къ 1750-мъ годамъ, времени переустройства въ зданіи Сухаревой, произведеннаго архит. кн. Д. В. Ухтомскимъ, и касались преимущественно крыши; между прочимъ найдены были три небольшихъ чертежа.

Между тѣмъ 20 іюля 1896 г. былъ произведенъ членами Археологическаго Общества первый осмотръ Сухаревой башни, представленъ на разсмотрѣніе Общества упомянутый *альбомъ чертежей*, и Археологическое Общество было увѣдомлено Городской Управой, что архит. Оберу поручено производство, хозяйственнымъ способомъ, строительныхъ работъ по ремонту и реставраціи (См. отношеніе Общества отъ 21 апрѣля 1897 г.). Наблюдающимъ со стороны Общества былъ назначенъ академикъ архит. А. М. Павлиновъ, а мнѣ было предложено Оберомъ имѣть занятія въ качествѣ производителя работъ.

Въ засѣданіи Общества 13 іюля 1897 г. мною были доложены результаты архивныхъ изысканій. По обсужденіи въ Коммиссіи, Импер. Археолог. Общество сообщило Моск. Городской Управѣ о томъ, что желательно было бы возстановить въ первоначальномъ видѣ (См. копіи отношеній отъ 17 и 30 іюня 1897 года).

Съ 26 іюня 1897 г. я ежедневно сталъ посѣщать работы на Сухаревой башнѣ. Въ противоположность обычному началу построекъ снизу, работы на Сухаревой начаты сверху, съ верхняго яруса башни,

такъ какъ не было никакого сомнѣнія въ прочности фундамента и нижнихъ частей постройки. А. Л. Оберъ очень былъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ при замѣнѣ поврежденныхъ бѣлаго камня частей новыми былъ отысканъ матеріалъ такого же свойства и качества, какъ устоявшійся, болѣе 100 лѣтъ существующій, старый; при прочисткѣ было объяснено десятнику и мастерамъ, что не нужно снимать излишнѣ толстый слой камня, обходясь *рашпилями* (инструменты для счистки) прямой и вогнутой формы, избѣгая счистки *скарпелемъ* (инструментъ болѣе грубый), ибо при этомъ уничтожается болѣе твердая корка камня и обнажается слабѣйшая. Эти подробности были всѣ включены въ кондиціи подрядчику.

Нѣсколько позже былъ возбужденъ вопросъ о *флюатированіи* бѣлаго камня; осмотрѣны производившіяся тогда работы по флюатированію поверхности Радомскаго песчаника памятника Александру II; при этомъ замѣчено, что нѣтъ данныхъ практически примѣнить флюатированіе къ рѣзьбѣ Сухаревскихъ украшеній и что такое флюатированіе будетъ очень дорого. Сдѣланный опытъ погруженія въ воду пробныхъ плитокъ, флюатированныхъ по способу Бентковскаго и просто покрытыхъ олифою, на цѣльную зиму 1897—98 г., при послѣдовательномъ замораживаніи и оттаяваніи, не далъ замѣтныхъ доказательствъ преимуществъ новаго способа. 14 іюля въ закладенномъ пролетѣ 1-го яруса башни найдена серьга или подвѣска, укрѣпленная на желѣзномъ штырѣ. Желѣзные штыри сохранились во всѣхъ 8-ми пролетахъ башни и по образцу найденной подвѣски сдѣланы новыя. 29 іюля плотники окончили подмостки для золоченія орла; орелъ желѣзный, вращающійся кругомъ на штырѣ, въ особомъ скрѣпленіи внутри верха шатра, что очень предусмотрительно, ибо значительная плоскость (11×11 фут.=40 кв. арш.), представляемая поверхностью орла сильному вѣтру на 30-саженной высотѣ, скоро была бы причиною его поломки въ случаѣ неподвижности. Въ августѣ сдѣланъ коммиссіонной компаніи г. Мальденгауеръ заказъ изготовить на заводѣ Maw and C-ie въ Англіи поливную черепицу изъ красной глины для одного большого и 4 малыхъ шатровъ по древнему образцу, найденному зажатымъ въ покрытіяхъ арокъ 1-го яруса башни. Цвѣтъ древнихъ образцовъ черепицы — зеленый и желтый въ шашку. Ребра по гранямъ шатровъ предположено покрыть желобчатою черепицею, также по найденнымъ образцамъ, большого размѣра для большого шатра и малаго для малыхъ шатровъ. Цвѣтъ реберъ—зеленый, желтый и бѣлый косыми полосами. Стоимость за штуку зубчатой черепицы—15 коп., реберной большой—60 коп., малой—50 коп., съ доставкою.

До заказа въ Англіи былъ сдѣланъ опросъ и осмотръ черепицы у московскихъ и подмосковныхъ кустарныхъ заводчиковъ, но оказалось,

что черепичное производство совершенно упало въ Россіи, несмотря на попытки Екатерининскаго каменнаго приказа 1775 г. возобновить репутацію этого производства. Черепица русскихъ заводовъ ни прочностью, ни цвѣтомъ поливы не удовлетворяла требованію А. Л. Обера. И дѣйствительно, погруженная въ воду, также какъ плитки бѣлаго камня — она нѣсколько повредилась въ составѣ глины и поливы. Были дѣланы и другіе опыты работъ для реставраціи; такъ, замѣчено, что портландскій цементъ хорошо схватывалъ въ значительномъ слоѣ и выветривался въ тонкомъ, такъ что тонкій слой былъ удовлетворительнѣе изъ простого известковаго раствора съ цемянкой или чистый съ пескомъ. Въ смѣтѣ архит. кн. Ухтомскаго есть выраженіе *сементъ*, повидимому, соотвѣтствующее современному значенію продукта, но въ составъ семента входило тогда вареное масло; въ данномъ случаѣ А. Л. Оберъ и я остановились на покрытіи олифой поверхностей стѣнъ и украшеній. Много было заботы въ выборѣ цвѣта окраски—остановились на цвѣтѣ краснаго кирпича. Онъ былъ удовлетворителенъ для новыхъ подѣлокъ и представлялъ затрудненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда было невозможно скребками или соляною кислотой удалить впитавшуюся, также масляную дикаго цвѣта старую окраску; получались пятна, глянцевыя и болѣе яркаго кровянаго цвѣта; я успокоивалъ моего патрона, говоря, что разница сгладится временемъ, и въ концѣ работъ онъ въ томъ убѣдился. Здѣсь кстати разскажу о чертѣ характера А. Л. Обера: подмостки для позолоты орла дѣлались плотниками и, понятно, болѣе легко, нежели для каменныхъ работъ. Для повѣрки позолоты (на гульфабрѣ за 200 р.) былъ призванъ посторонній мастеръ, но Оберъ этимъ не удовлетворился и самъ лазилъ на крайнюю высоту подмостей, шутя сказавъ мнѣ—*прощайте, можетъ, меня живымъ не увидите!* Это было за годъ до его смерти. Передъ кончиной недугъ такъ сломилъ его, что, бывъ на Сухаревой въ послѣдній разъ, онъ едва вошелъ на первый маршъ большой лѣстницы и потребовалъ скамейку, чтобы сѣсть. Весьма справедливо и сильно сказано въ некрологическомъ очеркѣ—*Памяти А. Л. Обера:* Александръ Лаврентьичъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не хотятъ признавать власти болѣзни надъ собою. Интересъ къ существу дѣла преобладалъ въ немъ и надъ отношеніемъ къ себѣ и надъ отношеніями къ другимъ.

Въ зимнее свободное время я занялся вопросомъ о часахъ. Результатомъ была моя замѣтка, напечатанная въ Археологическихъ Извѣстіяхъ, 1898 г., №№ 5—6. Замѣтка эта имѣла нѣкоторое вліяніе на установленіе проекта циферблатовъ съ римскими цифрами и лазоревымъ кругомъ въ рединѣ; по постановленію Думы рѣшено помѣстить циферблаты

со Срѣтенки и Мѣщанской, освѣщаемые ночью, на востокъ и западъ безъ ночнаго освѣщенія. Исполненіе черепицы по первому заказу на заводѣ Maw and C-ie въ Англіи затянулось и только зимою были доставлены образцы, удовлетворившіе Обера; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ заказъ кафельныхъ орловъ на 1-мъ ярусѣ башни. По присланному съ завода рисунку, Археолог. Обществомъ, по вопросу о краскахъ на израсчатомъ орлѣ, выражено желаніе—сохранить *всѣ краски*, независимо отъ того, смываются ли онѣ какой-либо кислотой. При этомъ заводъ заявлялъ, что тонъ красокъ измѣнится при обжиганіи.

Оказывается, что дѣланіе поливы разныхъ цвѣтовъ весьма сложное мастерство, требующее долгаго времени, такъ какъ каждый цвѣтъ обжигается отдѣльно. Срокъ исполненія заказа былъ назначенъ вмѣстѣ съ доставкой 15 іюня 1898 г., но не исполненъ во-время; замедленіе нужно отнести къ очевидной сложности производства.

Важнѣйшимъ дѣломъ строительнаго періода 1898 г. было опущеніе стропилъ. Удалось найти маленькую артель плотниковъ—3-хъ братьевъ и ихъ родственниковъ, которые въ числѣ 6-ти человѣкъ опустили крышу безъ разборки, сняли лѣса съ башни, подмостились на 2-й половинѣ прямоугольнаго зданія, гдѣ еще не было лѣсовъ, и вообще произвели благополучно много работъ, какъ по своему мастерству, такъ и по каменному и прочимъ. Еслибъ эти работы произвести подряднымъ способомъ, то стоимость ихъ была бы вдвое дороже. Наблюдающимъ со стороны Археол. Общ. въ 1898—99 г. былъ Н. В. Никитинъ. Возстановленіе нижней части бывшей башни, подъ крышею, произведено преимущественно по его указаніямъ и даже по карандашнымъ шаблонамъ въ натуральную величину (напр.—подвѣски на четыреугольныхъ основаніяхъ малыхъ шатровъ). На первыхъ же порахъ, 23 апрѣля 1898 г., Никитинъ озадачилъ Обера и меня необходимостью заказать кирпичъ тѣхъ размѣровъ, который встрѣчается въ древней кладкѣ Сухаревой, и шаблонный.

Размѣры Сухаревскаго кирпича: 1) Длина 7 вер., шир. $3\frac{1}{2}$ вер.; и толщ. 2 вер. 2) Длина $6\frac{1}{2}$ вер., шир. $3\frac{1}{4}$ вер., толщ. $1\frac{3}{4}$ вер. и 3) Обыкновенный, даже не достигающій нормы—$6\times3\times1\frac{1}{2}$ вер. Изъ этихъ 3-хъ видовъ кирпича были и шаблонные.

Въ практикѣ кладки небольшихъ подѣлокъ мѣстами всегда было возможно найти изъ разобранныхъ частей соотвѣтствующіе старые кирпичи. Этимъ вопросъ и разрѣшался.

При производствѣ работъ было сдѣлано для Сухаревой въ 1897 г.—12 фотографическихъ таблицъ и въ 1898 г.—10 таблицъ, хранящихся въ Город. Управѣ.

Закончимъ нашъ очеркъ пожеланіемъ окончанія реставраціи внутренности Сухаревой башни. Для зданій гражданскихъ едва ли возможно сохранить бытовыя особенности, измѣнившіяся въ корнѣ отъ протекшихъ вѣковъ. Большія ожиданія, вызванныя успѣшнымъ началомъ, обязываютъ тѣхъ, кто призваны будутъ докончить реставрацію внутренней части, сообразно съ опредѣленнымъ для нея назначеніемъ, приложить къ этому дѣлу знаніе и рвеніе въ полной мѣрѣ. Позволяю себѣ и считаю умѣстнымъ повторить здѣсь прекрасный девизъ печати Великаго Преобразователя: *„Азъ въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“*.

В. Гамбурцевъ.

1899 г. 2 января.

III.

Результаты археологическихъ изслѣдованій 1898 года, произведенныхъ на берегахъ р. Оки, въ предѣлахъ Рязанской губерніи.

Въ 1898 году мною были произведены археологическія изслѣдованія въ слѣдующихъ пяти пунктахъ, расположенныхъ по берегамъ р. Оки, въ предѣлахъ Рязанской губерніи: въ с. Ловецкихъ выселкахъ Зарайскаго уѣзда, с. Городцѣ и д. Ужальѣ Спасскаго уѣзда и, наконецъ, въ сс. Алекановомъ и Дубровичахъ Рязанскаго уѣзда. Изслѣдованные памятники относились къ неолитической и бронзовой эпохамъ, а также и къ желѣзному вѣку. Въ основѣ выбора пунктовъ изслѣдованія лежали результаты предшествующихъ археологическихъ экскурсій, въ особенности результаты экскурсіи 1895 года, совершенной мною на средства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Въ предлагаемомъ очеркѣ будетъ представленъ сжатый обзоръ результатовъ раскопокъ, изложенный въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ хронологическому ходу самыхъ работъ.

I. Изслѣдованія въ с. Ловецкихъ выселкахъ.

Объектомъ изслѣдованія въ Ловецкихъ выселкахъ послужилъ небольшой дюнный холмъ, извѣстный подъ названіемъ „Городка“. Впервые мнѣ удалось познакомиться съ холмомъ Городка въ 1895 году [1]), когда въ его размытыхъ и вывѣтренныхъ бокахъ были открыты остатки

---

[1]) Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки, статья 38.

неолитической стоянки, сопровождавшейся обширными отложеніями кухонныхъ отбросовъ, состоявшихъ почти исключительно изъ полуразрушенныхъ двустворчатыхъ раковинъ Unio. Обнаженія ихъ покрывали площадь около 150 шаговъ длины и 30 шаговъ ширины. Аналогію столь обширнымъ скопленіямъ можно указать только въ первобытныхъ кухонныхъ отбросахъ побережья Балтійскаго моря. Среди розсыпей раковинъ повсюду встрѣчались кости животныхъ, обильные осколки кремня и обломки глиняной посуды, покрытой пестрыми сплошными узорами, характерными для окской неолитической культуры. Къ сожалѣнію, тотъ годъ нельзя было произвести изслѣдованій холма. Между тѣмъ, въ продолженіе трехъ минувшихъ лѣтъ разрушеніе его сильно подвинулось впередъ; отъ него остался кусокъ въ видѣ сегмента, въ 25 аршинъ длины и 15 аршинъ ширины, на которомъ и были сосредоточены описываемыя раскопки, выяснившія, что дюнная поверхность холма, благодаря продолжительной жизни на немъ доисторическаго человѣка, покрылась тучнымъ слоемъ золисто-углистаго чернозема, достигавшаго до $2^1/_2$ аршинъ въ толщину и изобиловавшаго разнаго рода отбросами домашняго обихода; все это, несомнѣнно, указываетъ, что мѣстность являлась очень удобною для стоянокъ и жилищъ древняго человѣка.

Ловецкій городокъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, имѣлъ форму нѣсколько растянутаго эллипсиса, охваченнаго съ востока и сѣвера оз. Лучанскимъ, а съ запада и юга небольшимъ протокомъ, въ настоящее время засыпаннымъ пескомъ и наполняющимся водою только во время весеннихъ окскихъ разливовъ. Такимъ образомъ городокъ нѣкогда представлялъ изъ себя островъ, закрытый со всѣхъ сторонъ водою. Окскій неолитическій человѣкъ весьма дорожилъ такими мѣстностями, избирая ихъ для своихъ стоянокъ; ими, очевидно, дорожилъ и его доисторическій потомокъ позднѣйшихъ культурныхъ эпохъ; по крайней мѣрѣ, мы находимъ здѣсь сосредоточенными бытовые памятники не только неолитической эпохи, но и начала желѣзнаго вѣка.

Произведенныя раскопки показали, что песчаная поверхность Городка прежде всего покрылась пепелисто-темнымъ слоемъ, заключающимъ неолитическіе бытовые остатки. Этотъ слой увеличивался въ мощности по направленію къ срединѣ холма и по направленію къ берегу озера Лучанскаго. О первоначальной его мощности трудно судить въ настоящее время. Можно положительно сказать лишь то, что она значительно превышала полуаршинную толщу, наблюдавшуюся въ траншеяхъ раскопокъ у подошвы культурнаго пласта, недалеко отъ границы его полнаго выклиниванія. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, лѣтъ 20 тому назадъ, когда только началъ разрушаться холмъ Городка, его

скатъ, обращенный къ озеру Лучанскому, стоялъ отвѣснымъ обрывомъ, значительно превышая ростъ человѣка, и въ его золисто-черной почвѣ тогда гнѣздились стаи воронковъ; все подножіе обрыва было усыпано обломками глиняной посуды, раковинами и костями животныхъ, обнажаемыми изъ берега то прибоемъ волнъ разлива, то дѣйствіемъ дождей и вѣтра. Такая значительная высота удерживалась до самой средины холма, но когда разрушеніе пошло далѣе къ противоположной его подошвѣ, то мощность культурнаго пласта стала постепенно уменьшаться.

Интересно, что обнаженія скопленій раковинъ Unio постоянно наблюдались въ нижней части слоя. Особенно большое количество ихъ было обнажено въ срединѣ холма, когда они, по показанію крестьянъ, появлялись цѣлыми возами. Въ 1895 г. я видѣлъ сплошь засыпанную ими подошву сохранившагося холма. Полуистлѣвшія раковины часто спрессовывались и образовывали куски въ кулакъ и болѣе величиною. Въ траншеяхъ же раскопки 1898 года онѣ попадались лишь единичными экземплярами, очевидно, представляющими отдѣльныхъ отщепенцевъ отъ общихъ массъ.

Въ слоѣ, содержащемъ раковины, найдено большое количество обломковъ глиняной посуды, осколковъ кремня, рѣже кремневыхъ орудій, но никакихъ слѣдовъ металлическихъ вещей не оказалось.

Обломки посуды постоянно являлись сплошь покрытыми разнообразными узорами, характерными для конца окской неолитической культуры. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ описаній этихъ любопытныхъ памятниковъ, а только замѣтимъ, что форма сосудовъ строго выдержана круглодонною.

Среди кремневыхъ орудій найдены наконечники стрѣлъ, наконечники копій, скребки, ножи и одинъ полированный клинъ или топоръ, лучше другихъ предметовъ характеризующій эпоху остатковъ. Большое количество кремневыхъ осколковъ, несомнѣнно, указываетъ на большое производство здѣсь кремневыхъ орудій.

На ряду со всѣми этими остатками нерѣдко встрѣчались кости дикихъ животныхъ, птицъ и рыбъ, но ихъ количество казалось незначительнымъ въ сравненіи съ массой костей, выполнявшихъ болѣе позднія отложенія культурнаго слоя.

Непосредственно на пепелисто-темный слой неолитической эпохи налегали пестрые культурные слои болѣе поздняго времени. Ихъ общая мощность въ траншеяхъ раскопокъ достигала двухъ аршинъ; поднимаясь отъ подошвы Городка къ его срединѣ, они, въ противоположность неолитическому слою, замѣтно становились тоньше.

Окраска ихъ была въ общемъ темная, но мѣстами она принимала совершенно черный цвѣтъ, что и придавало его разрѣзамъ очень пестрый видъ. Изъ всей свиты разсматриваемыхъ слоевъ, какъ по своей окраскѣ, такъ и по содержимому, стоялъ нѣсколько особнякомъ самый нижній слой; его мощность едва достигала одного вершка; онъ имѣлъ цвѣтъ желтовато-бурый и состоялъ главнымъ образомъ изъ чешуекъ и костей мелкихъ рыбъ, количество и сохранность которыхъ иногда были изумительны! Казалось, какъ будто человѣкъ, предпочитавшій ранѣе питаться рѣчными молюсками, сразу сдѣлался самымъ крайнимъ ихтіофагомъ, чтобы перейти затѣмъ столь же быстро къ употребленію въ пищу животныхъ, между которыми играли главную роль домашніе виды.

Насколько представлялось возможнымъ, я внимательно изучалъ рыбоносный слой съ цѣлью опредѣленія его культурной эпохи и пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ быть выдѣленъ изъ общей свиты выше его лежащихъ слоевъ и долженъ относиться къ желѣзному вѣку. Такое заключеніе основывается, главнымъ образомъ, на сходствѣ типовъ глиняной посуды, присутствіи остатковъ однихъ и тѣхъ же видовъ домашнихъ животныхъ и почти полномъ отсутствіи кремневыхъ издѣлій.

Между тѣмъ, несмотря на тѣсную физическую связь разсматриваемаго слоя съ неолитическимъ, необходимо допустить, что между концомъ образованія одного и началомъ образованія другого прошелъ весьма большой промежутокъ времени, въ продолженіе котораго измѣнился весь бытъ человѣка и утратилось сходство между типами бытовыхъ остатковъ.

Вся свита пестрыхъ слоевъ выполнялась чрезвычайно обильными обломками костей животныхъ, обломками глиняныхъ издѣлій, рѣже издѣлій изъ кости и камня и еще рѣже—изъ металловъ. Кости принадлежали, главнымъ образомъ, домашнимъ животнымъ: лошади, коровѣ, овцѣ и, весьма вѣроятно, уже прирученной свиньѣ. Изъ костей дикихъ животныхъ здѣсь найдены кости медвѣдя, бобра, лисицы и мелкихъ грызуновъ; кости рыбъ встрѣчались больше въ нижнихъ слояхъ, тогда какъ въ верхнихъ онѣ совсѣмъ отсутствовали, всѣ онѣ принадлежали исключительно мелкимъ рѣчнымъ или озернымъ видамъ. Кости птицъ являлись въ видѣ чрезвычайно рѣдкихъ исключеній.

Необходимо отмѣтить тотъ интересный фактъ, что всѣ болѣе крупныя кости, содержавшія мозгъ, оказывались расколотыми вдоль, при чемъ у многихъ расколъ шелъ отъ верха до низа, свидѣтельствуя о замѣчательной силѣ и ловкости ударовъ работника. Разбитыми вдоль

найдены были также черепа коровъ и лошадей. Между прочимъ, одна половинка коровьяго черепа оказалась съ рогомъ, судя по некрупнымъ размѣрамъ котораго можно было заключить, что скотъ того времени не отличался дородствомъ.

Глиняныя издѣлія почти исключительно состояли изъ обломковъ посуды, количество которыхъ оказалось весьма значительнымъ. Они принадлежали къ очень древнему типу и по своимъ узорамъ имѣли сходство съ древними типами посуды московскаго Дьякова, а также и бѣлевскаго Ѳедяшевскаго городищъ. Среди нихъ были найдены обломки и съ тѣмъ самымъ сѣтчатымъ и тканнымъ орнаментомъ, которые В. И. Сизовымъ были открыты въ наиболѣе древнихъ слояхъ Дьякова городища [2]). Нѣсколько ниже мы встрѣтимся съ тѣмъ же орнаментомъ и въ Городецкомъ городищѣ, гдѣ онъ достигаетъ полнаго блеска своего развитія.

Другихъ образцовъ глиняныхъ издѣлій было мало. Они состояли изъ ложковидныхъ глиняныхъ тиглей и обломковъ неизвѣстныхъ подѣлокъ, — можетъ быть, рыболовныхъ грузилъ, въ общемъ не представляющихъ особаго интереса.

Костяныя издѣлія попадались чаще и если ихъ общее число не велико, то это прямо зависитъ отъ незначительности площади раскопокъ, ограниченной почти полнымъ разрушеніемъ Городка; среди нихъ встрѣчены проколки, иглы, шила и одинъ наконечникъ стрѣлы.

Изъ каменныхъ подѣлокъ найдены точильные бруски, нѣсколько кремневыхъ осколковъ и одинъ наконечникъ кремневой стрѣлы, вѣроятно случайно попавшій вмѣстѣ съ осколками изъ неолитическаго горизонта культурнаго слоя. Но пріобрѣтенный мною отъ крестьянина каменный топоръ съ цилиндрическою сверлиной, основываясь на несомнѣнныхъ находкахъ подобныхъ топоровъ въ слояхъ Городецкаго городища, можно отнести къ культурѣ желѣзнаго вѣка.

Металлическихъ вещей найдено двѣ: одинъ мѣдный или бронзовый браслетъ и одинъ ржавый желѣзный предметъ, представляющій, повидимому, остатки миніатюрнаго ножа.

Подводя итогъ ко всему сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что Ловецкій Городокъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ стоянокъ неолитическаго человѣка, при которомъ дюнная поверхность холма была столь сильно загромождена всевозможными отбросами домашняго обихода, а въ особенности кухни, что рельефъ всей мѣстности измѣнился, ставши значительно выше.

---

[2]) В. И. Сизовъ. Дьяково городище, близъ Москвы; Труды IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 258 и 262.

Затѣмъ, прошло много времени, въ продолженіе котораго Городокъ оставался необитаемымъ и только съ наступленіемъ желѣзнаго вѣка онъ снова и, повидимому, твердо былъ занятъ человѣкомъ, остававшимся здѣсь продолжительное время. Благодаря всему этому, культурные слои, покрывшіе холмъ, достигли необыкновенной толщины, превышающей ростъ человѣка. Эти слои, если даже судить по количеству изслѣдованныхъ остатковъ, найденныхъ раскопками уже на склонѣ холма, менѣе удобномъ для непосредственной жизни человѣка, должны быть чрезвычайно обильны, что и подтверждается общими показаніями жителей Ловецкихъ выселокъ.

Мои раскопки едва-едва поспѣли, чтобы фактически засвидѣтельствовать археологическое значеніе Ловецкаго Городка, что года черезъ два или три могло оказаться уже невозможнымъ.

II. Изслѣдованія Городецкаго городища.

Городецкое городище находится въ $1^1/_2$ версты къ востоку отъ с. Городца. Оно расположено на трехугольномъ береговомъ мысѣ, съ одной стороны ограниченномъ оврагомъ, а съ другой—обрывомъ, спускающимся къ рѣкѣ Кишнѣ. Съ напольной стороны городище замыкакалось землянымъ валомъ и наружнымъ рвомъ. Мысовой уголъ его въ настоящее время окончательно разрушенъ весенними окскими разливами, и при такомъ видѣ наибольшая длина городища равняется 115, а наибольшая ширина 100 аршинамъ.

Весь дворъ городища покрытъ культурнымъ слоемъ, мощность котораго мѣстами достигаетъ до 5-ти аршинъ. Валъ, четырехаршинной высоты, заросъ въ немъ настолько, что объ его существованіи безъ раскопокъ нельзя было предполагать. Средняя мощность культурнаго слоя не превышаетъ однако аршина. Увеличеніе ея идетъ замѣтно отъ мыса по направленію вала и максимумъ совпадаетъ съ мѣстами ямъ древнихъ землянокъ.

Изучая культурный слой на тѣхъ участкахъ, гдѣ онъ не былъ нарушенъ ни древними, ни болѣе поздними земляными выемками, въ немъ можно было выдѣлить два совершенно самостоятельныхъ горизонта: нижній, отличающійся нѣжнымъ пепелисто-темнымъ цвѣтомъ, и верхній, окрашенный въ углисто-темный, а мѣстами въ черный цвѣтъ. Изъ нихъ первый представлялъ слой въ $1^1/_2$ вершка толщиною и распространялся совершенно независимо отъ предѣловъ городища, слѣдуя берегу р. Кишни. Еще въ экскурсію 1890 года я могъ прослѣдить его непрерывное распространеніе отъ кладбищенской церкви с. Го-

родца до с. Киструсъ, т. е. на протяженіи 7 верстъ. Этотъ слой, судя по характеру его распространенія и заключеннымъ въ немъ остаткамъ, несомнѣнно, получился въ древнѣйшія времена отъ сплошного выжиганія мѣстности огнемъ. Повсюду, гдѣ разсматриваемый слой совпадаетъ съ участками берега удобными для первобытныхъ стоянокъ, въ немъ открываются скопленія осколковъ кремня, кремневыхъ орудій и другихъ предметовъ, характерныхъ для окской неолитической эпохи. Совершенно такіе же остатки были въ немъ найдены и на площади городища. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ два предмета: обломокъ кремневой стрѣлы съ остатками какой-то мастики, вѣроятнѣе всего, горной смолы, посредствомъ которой орудіе могло прикрѣпляться къ древку и кремневый отбойникъ овальной формы съ признаками его продолжительнаго или частаго употребленія въ дѣло. Въ окскихъ неолитическихъ стоянкахъ отбойники обыкновенно употреблялись удлиненной призматической формы; круглые же отбойники очень рѣдки; въ продолженіе десятилѣтнихъ моихъ экскурсій, мнѣ удалось найти лишь одинъ подобный экземпляръ на Облачинской дюнѣ, близъ с. Дегтянова, сравнительно не далеко отъ Городецкаго городища. Между тѣмъ интересно отмѣтить, что такія формы кремневыхъ отбойниковъ являются обычными и, кажется, единственными въ неолитическихъ мастерскихъ и стоянкахъ крайняго запада Европы, напр. Бельгіи и Франціи [3]).

Совсѣмъ другое отношеніе къ городищу имѣетъ верхній горизонтъ культурнаго слоя. Онъ развитъ исключительно въ предѣлахъ городища и выполнилъ всѣ имѣющіеся на немъ древніе разрѣзы почвы. Заключенные въ немъ культурные остатки имѣютъ совершенно спеціальный и повсюду однородный характеръ, указывающій на то, что слой отложился за время обитанія городища, возникшаго на почвѣ едва тронутой первобытною культурой. Въ этомъ слоѣ повсюду были найдены обильныя кости домашнихъ животныхъ, большое количество глиняныхъ издѣлій, довольно примитивныя издѣлія изъ кости и камня, остатки обработки металловъ и металлическія издѣлія; но прежде чѣмъ приступить къ ихъ обзору, мы разсмотримъ не менѣе любопытные остатки землянныхъ жилищъ доисторическаго обитателя городища, въ которыхъ главнымъ образомъ и сосредоточивались разнообразные памятники его домашняго обихода.

Такихъ жилищъ прослѣжено семь. Всѣ они, повидимому, имѣли видъ четырехугольныхъ обширныхъ ямъ, изъ которыхъ только одна приходилась въ срединѣ двора, прочія же располагались по окраинамъ

---

[3]) Baron A de Loë et E. de Munc. Ateliers et puits d'extraction de silex en Belgique en France, en Portugal, en Amerique, Pl. XI, fig 12 et 13.

такъ, что ими замыкалось городище со всѣхъ сторонъ и представляло видъ, до нѣкоторой степени напоминающій краалы кафровъ и зулусовъ южной Африки; причемъ свободная средина двора и промежутки между землянками, вѣроятнѣе всего, предназначались служить для загона домашняго скота.

Длина землянокъ варіировала между 10 и 18, ширина около 8, а глубина около $1^1/_2$ аршинъ. Полъ нѣкоторыхъ землянокъ найденъ заросшимъ вершковъ на 5-ть желтовато-бурою, плотною почвой, въ которой крупныхъ бытовыхъ остатковъ почти не оказывалось, но встрѣчалось много мелкихъ рыбныхъ костей и чешуи, которыя, въ свѣжихъ разрѣзахъ почвы, являлись почти незамѣтными, но когда послѣдняя хорошо просыхала и вывѣтривалась, то милліарды ихъ, точно иглы ежа, выступали наружу и тогда самый цвѣтъ слоя измѣнялся въ пепелисто-сѣрый. Разсматриваемый слой, повидимому, отложился еще при жизни первоначальныхъ владѣльцевъ землянокъ. Въ этомъ случаѣ весьма важно отмѣтить, что въ слоѣ, среди рыбьихъ костей и чешуи, нерѣдко встрѣчались нѣжныя раковины сухопутныхъ молюсковъ, преимущественно изъ семействъ Helix и Clausilia. Остатки этихъ лѣтнихъ животныхъ какъ бы указываютъ на то, что въ теплое время года городецкій человѣкъ оставлялъ землянки совершенно свободными, переселяясь въ другія болѣе удобныя жилища, подобно тому, какъ это дѣлаютъ наши сибирскіе инородцы, эскимосы Сѣверной Америки и многія другія племена, стоящія на низкой степени культурнаго развитія. Иначе трудно объяснить явленіе молюсковъ въ домашнемъ сору, куда они не могли проникнуть при условіи постояннаго обитанія землянокъ.

Боковыя стѣнки ямъ дѣлались не особенно крутыми, что можетъ быть зависѣло отъ песчанаго грунта. Внутри всѣхъ ямъ встрѣчались болѣе или менѣе сплошные прослои древеснаго угля, вѣроятнѣе всего представлявшіе остатки сгорѣвшихъ крышъ землянокъ.

Въ обширной землянкѣ, расположенной у внутренняго ската вала, была открыта настилка изъ обугленныхъ досокъ, имѣвшихъ отъ $1^1/_2$ до 2 вершковъ толщины и вершковъ 6—7 ширины. Эта настилка поддерживалась переводинами, вершковъ 6-ти въ діаметрѣ; концы ея покоились на горизонтѣ, а средина въ видѣ сплошного слоя угля, провисла и опала до пола землянки. Выше настилки лежалъ слой желтоватаго песка, вершковъ 6-ти толщиною, въ свою очередь покрытый сверху тонкимъ прослойкомъ пепелисто-сѣраго цвѣта, рѣзко отдѣлявшаго песчаный слой отъ выше лежащаго углисто-темнаго пласта, отложившагося надъ землянкой позднѣе ея запустѣнія.

Характеръ досчатой настилки и обоихъ покрывшихъ ее слоевъ, а

также ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу невольно приводили къ мысли, что всѣ они составляли крышу землянки, сооруженной изъ досокъ и земли, впослѣдствіи заросшей густымъ газономъ. Когда землянка сгорѣла, то обуглившаяся досчатая настилка крыши, вмѣстѣ съ землянымъ прикрытіемъ, опустилась внизъ, причемъ на поверхности послѣдней образовался весьма характерный прослоекъ пепелисто-сѣраго цвѣта.

Чтобы дать возможность въ будущемъ провѣрить точность моихъ наблюденій, я оставилъ большую часть землянки неразрытою, засыпавъ сдѣланныя выемки.

Какого же вида могла быть крыша изслѣдуемой землянки? Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, получается при слѣдующемъ рядѣ соображеній. Основаніе крыши, сообразно съ формой землянки, должно быть четырехугольнымъ; а при такомъ условіи крыша могла быть или горизонтальною, или односкатною, или многоскатною. Но горизонтальной крыши невозможно допустить, потому что при ней землянка была бы слишкомъ низка, всего въ 20 вершковъ высоты. Трудно допустить также и крышу многоскатную, такъ какъ подобная крыша по необходимости должна была бы явиться высокою и крутою, а слѣдовательно неудобною для насыпки сверху земли, между тѣмъ какъ существованіе такой насыпки почти невозможно отрицать; поэтому остается только проектировать крышу односкатною, которая представляется и достаточно простою, и достаточно удобною въ примѣненіи къ землянкѣ, и вполнѣ допускающею возможность существованія какъ тяжелой досчатой настилки, такъ и еще болѣе тяжелой земляной насыпи, какія были прослѣжены въ описанной землянкѣ. Что касается фронтальной и боковыхъ стѣнъ, необходимыхъ при такой крышѣ, то онѣ легко могли быть устроены обитателемъ городища какъ изъ плетня, такъ изъ тына, осыпанныхъ снаружи земляными валиками или обложенныхъ мохомъ, сѣномъ и т. п.

Таковыми, вѣроятно, были и прочія землянки Городецкаго городища, при чемъ общимъ своимъ видомъ онѣ могли бы живо напомнить бивачныя односкатныя землянки современной полевой фортификаціи. Отопленіе этихъ жилищъ, повидимому, производилось при помощи простыхъ костровъ, расположенныхъ въ срединѣ пола землянокъ.

Ямы послѣднихъ, какъ было выше замѣчено, служили центрами разнообразныхъ скопленій предметовъ древняго домашняго обихода. Среди нихъ, по своему количеству, первое мѣсто занимали кости животныхъ и рыбъ. Кости животныхъ принадлежали слѣдующимъ домашнимъ и дикимъ видамъ: лошади, коровѣ, овцѣ, свиньѣ, лосю, медвѣдю, волку, лисицѣ, куницѣ, хорьку и одному мелкому грызуну. Подавляю-

щее большинство приводится на долю лошади. Въ продолженіе раскопокъ тщательно отбирались всѣ встрѣченныя фаланги животныхъ и общій подсчетъ ихъ далъ слѣдующія не лишенныя интереса цифры:

Фалангъ	лошади	найдено	139
„	коровы	„	48
„	свиньи	„	8
„	овцы	„	2
„	лося	„	8
„	медвѣдя	„	1

Въ пользу преобладающаго большинства лошади указывало и количество ея зубовъ и нижнихъ челюстей. Очевидно, однимъ изъ главныхъ занятій Городецкаго человѣка служило коневодство.

Съ другой стороны, весьма любопытно отмѣтить, что между массою костей животныхъ и рыбъ, кости птицъ составляли чрезвычайно рѣдкое исключеніе; ихъ всего найдено только 5 экземпляровъ. Костей зайца совсѣмъ не оказалось; не оказалось также никакихъ признаковъ существованія собаки.

Еще отмѣтимъ, что въ Городецкомъ городищѣ, совершенно такъ же, какъ и въ Ловецкомъ городкѣ, всѣ крупныя кости, содержавшія мозгъ, были расколоты вдоль.

Второе мѣсто послѣ костей по количеству экземпляровъ занимали остатки глиняныхъ издѣлій, которыя состояли изъ обломковъ посуды, пряслъ, рыболовныхъ грузилъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, назначеніе которыхъ остается загадочнымъ. Больше всего было обломковъ посуды. Они представляютъ здѣсь большой интересъ. Ихъ изслѣдованіе, кромѣ того что знакомитъ насъ съ твердо выработаннымъ типомъ доисторической керамики, открываютъ еще предъ нашими глазами цѣлый магазинъ доисторическихъ тканей, плетеній и рогожъ. Созерцая все это, невольно склоняешься къ мысли, что керамика есть лучшая лѣтопись доисторической жизни! Некрасивыми, невзрачными на видъ обломками грубой посуды, которые подчасъ непріятно взять въ руки, археологу также удобно пользоваться для отысканія хронологическихъ датъ, какъ удобно для той же цѣли пользоваться остатками ископаемыхъ раковинъ геологу!

Что прежде всего бросается въ глаза въ городецкой посудѣ, такъ это — единство ея типа. Очевидно, вся масса ея была погребена въ почву въ одинъ и сравнительно короткій періодъ времени.

Глина посуды смѣшана съ дресвой и лишь въ исключительныхъ случаяхъ съ обломками раковинъ. Обжигъ ея сильный. Формовка руч-

ная. Стѣнки тонкія, неровныя, а днища—плоскія. Можетъ быть для переноски и подвѣшиванія, а можетъ быть и для украшенія, въ краяхъ сосудовъ продѣлывались сквозныя дыры, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ располагались по-парно, а чаще шли непрерывнымъ рядомъ вокругъ всей шейки. Изрѣдка встрѣчаются сосуды съ сквозными дырами въ бокахъ и днѣ. Западные археологи относятъ такіе сосуды къ сыроваренным. Лично я, еще недавно, раздѣлялъ такой взглядъ, но въ описываемую экскурсію, мнѣ удалось найти въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ обломки подобныхъ сосудовъ въ окскихъ неолитическихъ стоянкахъ, въ которыхъ ни разу не были найдены признаки скотоводства, а это можетъ говорить за то, что назначеніе сквозныхъ дыръ въ бокахъ и днищахъ сосудовъ могло быть и другое, чѣмъ опредѣленное западными учеными,—и во всякомъ случаѣ ставитъ вопросъ открытымъ.

Изъ всей массы обломковъ посуды, болѣе двухъ третей оказалось орнаментированными сплошными рябыми узорами, на первый взглядъ весьма однообразными, а въ дѣйствительности скрывающими въ своихъ деталяхъ много несходныхъ совершенно оригинальныхъ чертъ. На нѣкоторыхъ мы встрѣчаемъ узоры, воспроизведенные тонкою нитью, живо напоминающіе нитяные узоры окскихъ стоянокъ бронзовой эпохи, но они здѣсь не пользуются такою распространенностью: ихъ замѣняютъ неизвѣстные въ болѣе раннихъ окскихъ культурахъ узоры, воспроизводимые сѣтками и тканями, которыя возстаютъ предъ нами въ большомъ разнообразіи. Достаточно сказать, что по отпечаткамъ этого орнамента, мы знакомимся съ тремя совершенно различными видами тканей: тонкой, очень похожей на современное, ручное грубое полотно,—средней, похожей на особыя ткани, часто употребляемыя крестьянами среднихъ губерній на хлѣбные мѣшки—и наконецъ очень толстой, схожей съ самыми грубыми современными тканями, извѣстными подъ названіемъ „дерюгъ" и употребляемыми на половики и настилки въ крестьянскихъ домахъ. Далѣе слѣдуютъ узоры, воспроизводимые рогожами. Количество такихъ узоровъ очень велико. Они доказываютъ, что обитатели Городецкаго городища были отличными мастерами рогожнаго дѣла. Судя по оттискамъ и слѣпкамъ, ихъ рогожа была тонка, плотна и вообще очень добротна; выплеталась она преимущественно изъ узкихъ полосокъ древесной коры, вѣроятно, луба и бересты.

Сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ появлялись обломки посуды со стѣнками, украшенными тѣмъ грубымъ ямочнымъ узоромъ, который впервые появляется въ окской культурѣ въ бронзовую эпоху.

Изъ другихъ глиняныхъ издѣлій, прежде всего останавливаютъ

вниманіе прясла. Число же ихъ не особенно велико; формы самыя простыя, два изъ нихъ оказались украшенными точечнымъ орнаментомъ. Прясла въ городецкой культурѣ интересны въ томъ отношеніи, что среди болѣе древнихъ окскихъ памятниковъ ихъ совсѣмъ не оказывается. То же можно сказать про ложковидные тигли и рыболовныя грузила. Помимо этихъ предметовъ есть еще нѣсколько фрагментовъ какихъ-то загадочныхъ подѣлокъ, но мы не будетъ на нихъ останавливаться.

Большую роль въ жизни городецкаго человѣка играли издѣлія изъ кости, среди которыхъ мы видимъ наконечники стрѣлъ, иглы, разнообразныя проколки или шила, долота, гарпуны, плоскія, тупыя орудія ножевидной формы; кости, служившія украшеніями, таковы зубъ съ сверлиною и съ такою же сверлиною небольшая кость, которая могла играть роль бусины или еще вѣроятнѣе, пряжки для застегиванія одежды. Всѣ эти издѣлія очень просты и первобытны. По типу они схожи съ простѣйшими костяными подѣлками Дьякова городища [4]). Для большей твердости, нѣкоторыя изъ орудій искусственно обожжены на огнѣ.

Не успѣли еще выйти изъ обихода городецкаго человѣка и каменныя орудія. Въ экскурсію, 1895 года, мнѣ самому лично удалось извлечь изъ слоя одной обрушившейся землянки діоритовый топоръ съ правильною цилиндрическою сверлиной, разломившійся на двѣ части [5]). Во время описываемыхъ раскопокъ былъ найденъ обломокъ второго такого же топора и нѣсколько каменныхъ орудій загадочнаго назначенія, изъ которыхъ три имѣютъ цилиндрическую форму и напоминаютъ песты неолитической эпохи. Всѣ они сдѣланы или изъ кристаллическихъ валуновъ или песчаника, и обработаны посредствомъ шлифовки. Кремневыхъ орудій, несомнѣнно принадлежащихъ культурѣ городища не найдено, за исключеніемъ одного экземпляра, извлеченнаго изъ мусора землянки, загадочнаго назначенія, но имѣющаго признаки чистаго употребленія его въ дѣло, выразившіеся въ полировкѣ его рабочаго клиновиднаго ребра. Въ землянкахъ изрѣдка встрѣчались одиночные экземпляры кремневыхъ осколковъ, почти всегда несшихъ слѣды вліянія на нихъ сильнаго жара, но эти осколки совсѣмъ не указываютъ на существованіе обработки кремневыхъ орудій, очевидно, совершенно покинутой и забытой.

Къ разряду каменныхъ орудій необходимо отнести овальные и цилиндрическіе камни, отъ 1 до $1^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ, съ зашлифованными одною или нѣсколькими гранями. Въ этихъ камняхъ не

---

[4]) В. И. Сизовъ. Дьяково городище и пр., т. II, табл. XXI—XXIII.

[5]) Матеріалы для археол. карты дол. и бер. р. Оки, статья 96.

трудно узнать первобытные ручные жернова, служившие для растиранія хлѣбныхъ зеренъ на болѣе обширныхъ каменныхъ плитахъ, какіе имѣются въ наше время въ употребленіи у нѣкоторыхъ африканскихъ дикарей [6]). Ихъ сравнительно частое нахожденіе въ культурномъ слоѣ городища какъ будто указываетъ на распространенность земледѣлія, слѣды котораго въ болѣе раннихъ культурныхъ эпохахъ на Окѣ или совсѣмъ неизвѣстны, или сомнительны.

Изъ металлическихъ издѣлій, несмотря на обширность площади раскопокъ, найдено только три предмета: два желѣзныхъ ножа и одинъ ржавый желѣзный крючекъ, формою напоминающій удильные крючки. Несомнѣнной связи этихъ предметовъ съ культурой городища не установлено, такъ какъ они были найдены въ самыхъ верхнихъ горизонтахъ культурнаго слоя. Одинъ изъ ножей имѣетъ форму серповидно выгнутую, что указываетъ на сходство его съ желѣзными ножами Дьякова и Вятскихъ костеносныхъ городищъ и можетъ говорить за его значительную древность и современность изслѣдуемому городищу.

Во всякомъ случаѣ, обитателю послѣдняго, несомнѣнно, было извѣстно употребленіе металловъ, такъ какъ въ его жилищахъ найдены тигли, а вблизи ихъ нѣсколько кусковъ металлическихъ шлаковъ, изъ которыхъ одинъ оказался желѣзнымъ.

На этомъ мы закончимъ обзоръ памятниковъ городища. Въ итогѣ они рисуютъ предъ нами живую картину изъ жизни древнѣйшаго человѣка, который заботливо выбираетъ наиболѣе неприступныя мѣста для своихъ жилищъ, усиливая ихъ искусственными насыпями и рвами; затѣмъ сооружаетъ обширныя землянки, въ которыхъ и проводитъ зиму; его время занято скотоводствомъ, въ особенности коневодствомъ, затѣмъ рыболовствомъ, охотою, земледѣліемъ, изготовленіемъ костяныхъ, каменныхъ и металлическихъ издѣлій, а также приготовленіемъ разнообразныхъ тканей и плетеній. При всемъ томъ, есть признаки, указывающіе, что образъ жизни обитателя городища не былъ совершенно осѣдлымъ и представляется весьма вѣроятнымъ, что лѣтнее время онъ предпочиталъ жить въ другихъ, болѣе удобныхъ для него жилищахъ.

Къ какому времени относится культура Городецкаго городища и къ какой народности принадлежалъ его обитатель?

Совокупность культурныхъ остатковъ позволяетъ отнести время существованія городища къ глубокой древности и именно къ той древности, когда каменныя орудія еще не вышли изъ употребленія, когда главную роль играли орудія изъ кости и только-только что появлялись

---

[6]) Ш. Летурно. Соціологія основанная на этнографіи, в. III, стр. 260.

орудія изъ желѣза. Вѣроятнѣе всего Городецкое городище относится къ началу желѣзнаго вѣка въ центральной Россіи. Культура его, несомнѣнно, синхронична съ древнѣйшею культурой Дьякова городища [7]), а также и съ изслѣдованною нами культурой пестрыхъ слоевъ Ловецкаго городка, но въ отношеніи типа она стоитъ выше обоихъ указанныхъ культуръ, такъ какъ является чище и однороднѣе ихъ, и поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ.

Что касается народности обитателя Городецкаго городища, то этотъ вопросъ является болѣе сложнымъ. Его рѣшеніе нѣсколько подвигается впередъ изслѣдованіемъ генезиса городецкой культуры, которое въ общемъ приводитъ къ заключенію, что она произошла изъ мѣстной окской культуры бронзовой эпохи, а отсюда можно полагать, что и виновникъ ея былъ мѣстнымъ аборигеномъ. Въ виду же того, что время городища, какъ относящееся къ началу желѣзнаго вѣка въ средней Россіи, приблизительно должно совпадать съ періодомъ времени Геродота и началомъ христіанской эры, когда, въ разсматриваемой области Россіи, аборигенами преимущественно указываются финны, то и обитателей Городецкаго городища естественнѣе всего относить къ этому племени.

Покончивъ съ описаніемъ городища, намъ остается упомянуть о раскопкахъ въ ближайшихъ окрестностяхъ его трехъ небольшихъ кургановъ. Насыпи этихъ кургановъ были довольно сильно испорчены. Остатки погребеній покоились подъ ними въ грунтѣ, ниже горизонта, въ четырехугольныхъ могилахъ, глубиною около 8 вершковъ. Сильно истлѣвшіе костяки сохранились лишь въ двухъ курганахъ. Оба они лежали на спинѣ съ согнутыми въ локтяхъ руками и положенными такъ, что кисти ихъ приходились на тазу. Головами костяки лежали на С и СЗЗ. Вещей при нихъ не оказалось, но при одномъ были найдены обломки двухъ перержавившихъ желѣзныхъ гвоздей, лежавшихъ въ головахъ и ногахъ.

Судя по положенію костяковъ, устройству кургановъ и присутствію гвоздей въ могилѣ, могущихъ указывать на похороны покойниковъ въ деревянныхъ гробахъ или колодахъ, всѣ три изслѣдованные кургана должны относиться сравнительно къ позднему времени и къ Городецкому городищу никакого отношенія не имѣютъ.

---

[7]) В. И. Сизовъ. Дьяково городище, близъ Москвы. Труды IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 258.

III. Изслѣдованія береговой дюны въ р. Ужальѣ.

Цѣлью изслѣдованія Ужальской дюны, расположенной вдоль берега поемной окской долины, служили предметы древности, по своему характеру казавшіеся современными съ подобными имъ предметами Алекановой стоянки бронзовой эпохи. Эти предметы наблюдались мною въ 1895 году, западнѣе деревни, на поверхности обширной площади обнаженія темнаго культурнаго слоя. Единственно, что прежде всего мое вниманіе и было привлечено къ указанной площади, но при осмотрѣ оставалось только убѣдиться въ томъ, что не только остатки древности, видѣнные въ 1895 г., но и самый культурный слой пересталъ существовать, будучи вполнѣ уничтоженнымъ движеніемъ легкихъ дюнныхъ песковъ. По необходимости пришлось вести рекогносцировочные раскопки на новыхъ мѣстахъ.

Прежде всего поиски были произведены на южной окраинѣ деревни, какъ разъ противъ западнаго конца озера Малаго. По показанію жителей, въ этомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обнажались весенними ручьями человѣческіе черепа и кости. Три небольшихъ траншеи, проведенныя здѣсь, выяснили, что съ самой поверхности открывался пепелисто-темный культурный слой, уходившій вглубь почвы вершковъ на 8-мь, а ниже его залегали красноватые дюнные пески.

Въ культурномъ слоѣ были найдены въ большомъ количествѣ обломки глиняной посуды по типу очень близкой къ посудѣ Алекановской стоянки бронзовой эпохи, рѣже попадались осколки кремня, указывавшіе на мѣстную выдѣлку кремневыхъ орудій, среди которыхъ были найдены въ нѣсколькихъ экземплярахъ и самыя орудія, но въ сломанномъ видѣ; здѣсь же были встрѣчены кости животныхъ, изъ которыхъ легко опредѣлялись зубы лошади, коровы и обломокъ рога лося.

Въ одной изъ траншей, на глубинѣ 9-ти вершковъ отъ поверхности почвы, въ красноватомъ пескѣ, была найдена берцовая, сильно обгнившая кость человѣка. Какое отношеніе она имѣла къ вышеразсмотрѣннымъ бытовымъ памятникамъ и какимъ образомъ попала въ почву, осталось неразгаданнымъ, хотя, весьма вѣроятно, что кость представляла часть истлѣвшаго костяка простого погребенія.

Благодаря невозможности продолжать раскопки на взятой мѣстности, частію застроенной крестьянскими домами, а частью размытой весенними ручьями, сбѣгавшими съ окрестныхъ полей въ озеро Малое, изслѣдованія были перенесены на восточную окраину деревни, гдѣ среди общаго разрушенія дюны, случайно уцѣлѣлъ небольшой участокъ древняго культурнаго слоя, окрашеннаго въ углисто-темный цвѣтъ. По сня-

тіи этого слоя, была обнаружена яма, обозначившаяся на фонѣ свѣтлыхъ, слегка красноватыхъ песковъ темнымъ овальнымъ пятномъ длиною въ три, а шириною въ одинъ аршинъ и двѣнадцать вершковъ. Почва, выполнявшая яму, оказалась черною; въ ней найдены угли, большое число овальныхъ голышей величиною въ кулакъ и менѣе, подвергавшихся сильному прокаливанію и вслѣдствіе этого часто растрескивавшихся и распадавшихся на куски; обильныя кости и чешуйки рыбъ, изъ которыхъ были опредѣлены кости судака, леща, щуки и окуня; кости животныхъ: лошади, лося и бобра; одно кремневое орудіе и нѣсколько обломковъ глиняной посуды, совершенно схожихъ съ обломками посуды вышеописанныхъ первыхъ траншей.

Дальнѣйшія поиски на дюнѣ не привели ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ весь ея береговой скатъ, отличавшійся особеннымъ изобиліемъ археологическихъ памятниковъ, оказался совершенно уничтоженнымъ движеніемъ песковъ.

IV. Результаты изслѣдованія на дюнѣ «Могилкахъ», въ окрестностяхъ с. Алеканова.

Въ 1897 году, на дюнѣ Могилкахъ, были открыты мною остатки стоянки бронзовой эпохи; [8]). Такъ какъ изслѣдованіе ея тогда не было доведено до конца, то я рѣшился докончить его, что и было выполнено въ одинъ день при участіи 25 человѣкъ рабочихъ. Результатомъ работы явились факты, подтверждающіе вѣрность опредѣленія эпохи стоянки, а также факты, значительно увеличивающіе знакомство съ нѣкоторыми чертами быта человѣка разсматриваемой эпохи.

Центромъ всѣхъ бытовыхъ остатковъ стоянки, какъ и ранѣе было выяснено [9]), служилъ очагъ, открытый въ 1897 году. По сторонамъ его вновь найдены такіе же булыжники, изъ какихъ слагался и самый очагъ. Въ разстояніи аршинъ двухъ къ сѣверу отъ послѣдняго вырыты два глиняныхъ горшка, стоявшихъ рядомъ. Оба они оказались раздавленными на мелкіе куски. Изъ нихъ одинъ имѣлъ дно круглое, а другой плоское; послѣдній удалось реставрировать. Шейки обоихъ сосудовъ украшались довольно красивымъ орнаментомъ изъ линій мелкаго прямозубчатаго чекана и точечныхъ вдавленій, но боковыя стѣнки оставались безъ всякаго орнамента.

Къ югу отъ очага, также недалеко отъ него было добыто нѣ-

---

[8]) Результаты арх. изслѣд. въ Бѣлевскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ въ 1897 г. Археолог. Изв. и Замѣтки 1898 г., №№ 7 и 8.

[9]) Ibidem. Результаты изслѣдованія дюны Могилокъ.

сколько кремневыхъ орудій, среди которыхъ особенно интересенъ по своей тщательной отдѣлкѣ и формѣ небольшой серповидно-изогнутый кремневый ножъ, и сверхъ сего здѣсь же была найдена бронзовая булавка съ линейнымъ орнаментомъ, формою живо напоминающая нѣкоторыя изъ датскихъ булавокъ бронзовой эпохи, и кусочекъ свинца.

Въ томъ же направленіи, но въ разстояніи шаговъ десяти, были открыты двѣ ямы, въ діаметрѣ имѣвшія отъ двухъ до трехъ аршинъ; на днѣ ихъ найдены осколки кремня, остатки костей животныхъ и обломки посуды съ ниточнымъ орнаментомъ. Обѣ ямы располагались рядомъ, вдоль берега озера Казарскаго и, вѣроятнѣе всего, представляли остатки одной и той же стоянки, къ которой принадлежитъ очагъ, сложенный изъ камней.

По окончаніи изслѣдованія стоянки, раскопки были перенесены на площадь древняго поселка, относившагося приблизительно къ X — XI вѣку. Всего проведено было двѣ траншеи и въ нихъ, между прочимъ, удалось найти два обломка глиняной посуды съ начерченными знаками, схожими съ тѣми, которые оказались на погребальномъ сосудѣ, вырытомъ на той же площади, въ 1897 году [10]). Эти обломки прежде всего подтверждаютъ мысль объ одновременности встрѣченныхъ на дюнѣ, въ 1897 году, погребеній съ поселкомъ, а потомъ указываютъ и на значительное употребленіе этихъ знаковъ среди обитателей поселка.

Кромѣ того, въ тѣхъ же траншеяхъ найдены желѣзный ножъ, наконечникъ желѣзной стрѣлы, бусина разноцвѣтной пасты, обломокъ известковаго жернова и много обломковъ посуды.

V. Результаты изслѣдованія холма «Черепковъ», въ окрестностяхъ с. Дубровичъ.

Холмъ „Черепковъ" изслѣдовался мною ранѣе [11]); онъ представлялъ изъ себя сравнительно небольшую плотину, сложенную изъ известковаго камня, на поверхности намывного песчанаго острова одной изъ древнихъ старицъ р. Оки. Цѣль сооруженія заключалась въ томъ, чтобы искусственнымъ повышеніемъ поверхности избранной мѣстности сдѣлать ее удобною для жилищъ, защищенныхъ со всѣхъ сторонъ водою и въ то же время недоступныхъ для высокихъ и не всегда покойныхъ весеннихъ разливовъ р. Оки.

Этотъ замѣчательный памятникъ, еще при первомъ его изслѣдова-

---

[10]) Археологич. Изв. и Замѣтки, 1898 г., №№ 11 и 12.

[11]) Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки. Труды VII Археол. Съѣзда, томъ III, стр. 161—199.

ніи, былъ найденъ въ большомъ разореніи, произведенномъ эксплоатаціею известковаго щебня, такъ что не оставалось надежды на открытіе сколько-нибудь цѣльныхъ картинъ древняго быта. Въ послѣдніе года разореніе увеличилось и вѣроятность интересныхъ открытій уменьшилась. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое положеніе вещей, результаты изслѣдованія 1898 года превзошли всѣ ожиданія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ открытыя землянки, давшія обильный матеріалъ для изученія культуры ихъ первобытныхъ обитателей. Мы остановимся и разсмотримъ эти памятники болѣе подробно; но предварительно замѣтимъ, что раскопки обѣихъ землянокъ велись такимъ способомъ, что стѣнки ихъ по возможности не портились, а оставлялись въ первоначальномъ видѣ, по окончаніи же изслѣдованія ихъ содержимаго вновь засыпались тою же почвой, какая изъ нихъ вынималась. Такой способъ изслѣдованія, можетъ быть, сохранитъ памятники для будущаго времени и дастъ возможность сдѣлать повѣрку ихъ предшествующихъ изслѣдованій.

Землянка № 1.

Землянка была открыта въ сѣверо-западномъ сегментѣ эллипсиса плотины. Яма ея обозначилась на глубинѣ 7 вершковъ отъ поверхности почвы болѣе темнымъ углистымъ пятномъ, имѣвшимъ въ діаметрѣ 7 аршинъ. При отчисткѣ ямы, были найдены въ большомъ количествѣ обломки глиняной посуды неолитическаго типа, множество осколковъ кремня и костей животныхъ. Особенно много бытовыхъ остатковъ оказалось въ черномъ, жирномъ слоѣ, отложившемся непосредственно на днѣ ямы.

Стѣнки землянки, начиная сверху, шли къ срединѣ довольно отлого по выгнутой линіи. Дно ея было выложено известковыми камнями, величиною съ куриное яйцо; въ срединѣ былъ устроенъ очагъ въ видѣ продолговатой ямы съ боками и дномъ, также выложенными известковыми камнями. Глубина очага достигала 12 вершковъ, ширина $1^1/_2$, а длина $2^1/_2$ аршинъ. Одна половина очага оказалась наполненною золою и углемъ, а другая—массой расколотыхъ костей. Этихъ костей вынуто изъ очага три большихъ корзины, всего не менѣе трехъ кубическихъ футовъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что кости эти попали въ яму очага не случайно!

Послѣ внимательнаго осмотра извлеченныхъ костей, было замѣчено, что всѣ онѣ составляли осколки нижнихъ конечностей крупныхъ животныхъ, другихъ же костей — реберъ, позвонковъ, тазовъ, череповъ—среди нихъ совсѣмъ не оказалось, за исключеніемъ лишь двухъ,

повидимому, лосиныхъ лопатокъ, лежавшихъ сверху костяной груды. Такое явленіе какъ бы указываетъ на то, что кости предназначались для издѣлій и складывались у огня очага съ особенною цѣлью. Весьма возможно, что это дѣлалось спеціально для просушки костей, чтобы придать имъ больше твердости и прочности, нужныхъ въ костяныхъ издѣліяхъ, въ особенности орудіяхъ. На такую мысль, по крайней мѣрѣ наводитъ и то, что всѣ эти кости найдены лучше сохранившимися, чѣмъ другія, залегавшія въ той же ямѣ, но въ болѣе высокихъ горизонтахъ и, очевидно, попавшія туда случайно, а также и то, что древній человѣкъ для указанной цѣли дѣйствительно подвергалъ свои костяныя орудія нѣкоторому дѣйствію огня, какъ это мы выше видѣли па костяныхъ орудіяхъ Городецкаго городища.

Въ слоѣ, непосредственно покрывавшемъ полъ землянки, найдены кости рыбъ, птицъ и мелкихъ грызуновъ; изъ первыхъ легко опредѣлялись кости щуки, осетра и леща; изъ костей животныхъ узнаны кости медвѣдя, лося (особенно часты), кабана, лисицы, барсука, ежа, бобра, зайца и многихъ мелкихъ грызуновъ, постоянно сопровождающихъ подобнаго рода остатки и, кажется, попадавшихъ въ почву уже въ позднѣйшее время. Интересна находка двухъ фалангъ (бабокъ), имѣвшихъ въ длину $3^1/_2$ стм., формою напоминающихъ фаланги коровы, но вдвое меньше ихъ.

Изъ вещей въ ямѣ землянки найдено: одинъ костяной гарпунъ, распавшійся на три части, два костяныхъ острія, два наконечника кремневыхъ стрѣлъ, три наконечника кремневыхъ копій, два полированныхъ долота, изъ которыхъ одно отличается миніатюрными размѣрами, — нѣсколько обломковъ долотовидныхъ оббитыхъ орудій, нѣсколько обломковъ пластинчатыхъ кремневыхъ ножей, болѣе десятка кремневыхъ скребковъ, два кремневыхъ бурава или проколки, большое количество разнообразно испещренныхъ обломковъ глиняной круглодонной посуды и не меньшее количество осколковъ кремня, свидѣтельствующихъ о выработкѣ изъ этого матеріала орудій внутри самой землянки.

Выходъ изъ нея не опредѣленъ, но вѣроятнѣе всего онъ былъ направленъ къ югу. Къ сожалѣнію, съ этой стороны землянка была срыта крестьянами ранѣе моего изслѣдованія.

Землянка № 2.

Вторая землянка была открыта почти на скатѣ въ восточномъ сегментѣ „Черепковъ". Поводомъ къ ея открытію, одинаково какъ и первой, послужила старая яма, вырытая крестьянами для добыванія

известняка. Эта яма прошла какъ разъ черезъ входъ въ землянку, отличавшійся особенною чернотой выполнявшей его почвы.

Предположивъ, что обнаженная черная земля входа указываетъ на присутствіе въ почвѣ землянки и составляетъ южный край ея, я ввелъ обнаженіе въ кругъ десяти аршинъ въ діаметрѣ и приказалъ рабочимъ снимать почву съ площади обозначеннаго круга, наблюдая появленіе темнаго пятна ямы землянки, которое и было открыто на глубинѣ 4 вершковъ, отъ поверхности почвы. Діаметръ пятна равнялся $6\frac{1}{2}$ аршинамъ. Въ сторонѣ отъ него, у выхода, лежали 2 крупныхъ известковыхъ камня и груды такихъ же мелкихъ камней, заросшихъ въ почвѣ.

При отчисткѣ ямы, въ верхнихъ, выполнившихъ ее, слояхъ найдены обломки глиняной посуды, осколки кремня, одна кремневая стрѣла небольшихъ размѣровъ и мелкіе известковые камни.

Ниже, начиная приблизительно съ глубины 1 аршина, въ ямѣ стали попадаться мелкіе известковые камни въ большомъ количествѣ, затруднявшемъ работу. Между ними по прежнему встрѣчались бытовые остатки и кости животныхъ, рыбъ и въ особенности птицъ.

Съ этой же глубины обозначился выходъ изъ ямы, сдѣланный съ южной стороны. По обѣ стороны выхода, внутри землянки лежали груды мелкаго известковаго щебня, среди котораго иногда попадались прослои чистаго песка.

Стѣнки землянки спускались внизъ круто, мѣстами на нихъ сохранилась каменная облицовка, но большею частью она опала. Полъ былъ покрытъ слоемъ черной жирной почвы, заключавшей много костей птицъ (утокъ?) и рыбъ, обломковъ посуды и другихъ предметовъ. Средина пола была слегка углублена для очага, оказавшагося сложеннымъ изъ трехъ плоскихъ, сравнительно небольшихъ известковыхъ плитъ, покрытыхъ золою и углемъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ очага лежалъ одинъ крупный известковый камень съ естественною, но довольно гладкою поверхностью, удобной для сидѣнья, а недалеко, въ другую сторону, оставленъ обломокъ песчанниковой плиты, служившей для полированія орудій. Общая глубина землянки равнялась двумъ аршинамъ. Формою своею, да и содержимымъ она очень напоминала очагъ, открытый и изслѣдованный въ срединѣ площади Черепковъ, въ 1891 году, служившій, какъ при настоящихъ открытіяхъ можно полагать, остаткомъ сверху срытой землянки. Изъ бытовыхъ предметовъ въ ямѣ землянки № 2 найдено: большое количество обломковъ глиняной посуды неолитическаго типа, не меньшее количество осколковъ кремня, одинъ обломокъ костяной подѣлки, медвѣжій зубъ съ сверлиною, два цѣльныхъ и

три сломанныхъ наконечника кремневыхъ стрѣлъ, одинъ полированный кремневый топоръ съ отломаннымъ лезвіемъ, три кремневыхъ проколки и нѣсколько такихъ же скребковъ.

Помимо изслѣдованныхъ землянокъ, значительно расширившихъ наше знакомство съ жилищами окскаго человѣка конца неолитической эпохи, раскопки „Черепковъ“ дали обильный матеріалъ по первобытной керамикѣ, описаніе котораго должно появиться въ другой работѣ, касающейся спеціально гончарныхъ издѣлій всѣхъ пунктовъ, изслѣдованныхъ въ описанную экскурсію.

В. А. Городцевъ.

IV.

Археологическая хроника.

Къ предстоящему Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ.

Послѣ отпечатанія 2-мъ изданіемъ брошюры „XI Археологическій Съѣздъ въ Кіевѣ, 1—20 августа 1899 года“ вновь заявлены къ Съѣзду **доклады** по слѣдующимъ вопросамъ:

Мятлевъ, И. Д. — Археологическая карта Старорусскаго уѣзда Новгородской губ.

Половцевъ, А. Н. — О Юрьевой Божницѣ у города Остра.

Виттыгъ. — Археологія въ Царствѣ Польскомъ и ея нужды.

Онъ же. — О первобытной самостоятельной гривнѣ въ Польшѣ и о ея подраздѣленіи.

Бугославскій. — О водномъ пути изъ Западной Европы на востокъ къ р. Волгѣ черезъ г. Смоленскъ и его область.

Хорнеръ, изъ Сараева (на русск. яз.). — Средне-вѣковые памятники Босніи.

Труxалка. — Les problèmes préhistoriques et leur résultats en Bosnie depuis la fondation du Muzée.

Бунинъ, А. И. — Гдѣ находились города: Липецкъ и Варголъ, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283—4 г.

Гамченко, С. С. — Раскопки въ бассейнѣ рѣки Слуги.

Белла-ди-Плато (хранитель Венгерскаго Національнаго музея) — Венгерскія находки IX—X вѣка и ихъ сравненіе съ подобными находками въ Россіи.

Онъ же. — Славянскіе триптихи и юго-славянскія древности въ Національномъ музеѣ въ Буда-Пештѣ.

Нидерле, Л.—О времени переселенія Славянъ на югъ отъ Карпатъ.

Фотинскій.—Братотвореніе въ древней Руси и его церковное освященіе.

Сѣверный, Н.—О необходимости составленія хронологическаго указателя ко всѣмъ, когда либо изданнымъ у насъ, историческимъ актамъ.

Онъ же.—О географическихъ названіяхъ Тульскаго края.

Онъ же.—Объ отношеніи и нуждахъ нашей исторической критики къ основнымъ и второстепеннымъ источникамъ о жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.

Онъ же полагаетъ сдѣлать параллельныя сообщенія къ докладамъ: Д. И. Багалѣя—о составленіи историко-географическихъ словарей губерній и областей Россіи; Д. Я. Самоквасова.—О проектѣ реформы архивнаго дѣла въ Россіи; В. Н. Сторожева—1) О необходимости выработки пріемовъ описанія и изданія документовъ учрежденій XVIII в. и 2) О пріемахъ изданія малорусскихъ источниковъ Костомаровымъ и Карповымъ; А. И. Черепнина—вопросъ о народности племенъ, заселявшихъ Среднюю Россію до XI в.

С. О. Долговъ.—Новыя данныя по Московскому собору 1490 г. противъ жидовствующихъ.

Онъ же.—Пренія въ Новгородѣ въ концѣ XV вѣкѣ объ одной иконографической композиціи (икона „о Бога-Отцы“).

Л. З. Мсеріанцъ.—О книгѣ Н. Я. Марра: „Сборникъ притчъ Вардана“, СПБ. 1894—5.

Д. Я. Самоквасовъ.—Правительственная централизація архивныхъ матеріаловъ въ Западной Европѣ.

Вслѣдствіе просьбы Археографической коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологич. Общества приготовили доклады:

А. Н. Львовъ.—Обзоръ современнаго русскаго законодательства объ архивахъ.

Е. Ф. Шмурло.—Проектъ учрежденія русской архивной коммиссіи при Ватиканскомъ и другихъ итальянскихъ архивахъ.

Г. Н. Шмелевъ.—Теорія и практика архивныхъ описей.

В. В. Нечаевъ.—Описи французскихъ провинціальныхъ архивовъ и публичныхъ библіотекъ.

С. К. Шамбинаго.—Къ вопросу о разборѣ дѣлъ, подлежащихъ храненію и уничтоженію.

Галицкими учеными заявлены слѣдующіе доклады:

1. О мѣстоположеніи галицкаго Звенигорода.

2. Раскопки въ селѣ Чехахъ.
3. Молотовскій кладъ.
4. Анты и ихъ прародина.
5. Изслѣдованіе о русскихъ Хорватахъ.
6. Первоначальное казачество и реформа Баторія (XVI ст.).
7. Галицкое боярство въ XIII столѣтіи.
8. Никодимово евангеліе.
9. Татарскіе набѣги на Галичину въ XV столѣтіи.
10. Орнаментъ на писанкахъ въ галицкой Волыни.
11. Этнографическія черты гуцуловъ.
12. Русскія колоніи въ Бачкѣ.
13. Вопросъ о древней галицко-русской діалектологіи.
14. Объ удареніяхъ въ галицко-русскомъ языкѣ.
15. О діалектологіи въ угорской Руси.

Доклады эти желаютъ доставить профессора Львовскаго университета: Грушевскій и Колесса, а также члены Научнаго Общества имени Шевченка гг.: Кордуба, Шухевичъ, Франко, Татюкъ, Рудницкій и Охремовичъ. Сверхъ того доклады обѣщаны профессорами Черновицкаго университета, гг. Смаль-Стоцкимъ и Студинскимъ.

Новые **запросы**, заявленные къ Съѣзду:

Нидерле Л.—О лучшей постановкѣ славяновѣдѣнія и взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ ученыхъ.

Бунинъ, А. И.—Гдѣ находились города: Шарукань, Сугровъ, Осеневъ, Балинъ или Галинъ, Чешюевъ или Чешлюевъ и рѣка Салница, упоминаемые въ лѣтописяхъ при описаніи походовъ въ землю Половецкую въ 1111 и 1116 гг. и рр. Сюурлія и Каяла—въ походѣ 1185 г.?

Онъ же.—Гдѣ находились города: Римовъ, Дмитровъ, Зартый, Попашъ, Бълхань или Вълхань, Глѣбль или Глѣбовъ, Старая Бѣловежа, Ярышевъ, Сновскъ, Оргощъ, Семынь, Хороборь и Уневѣжъ?

Онъ же.—Не было ли изслѣдовано и сдѣлано какихъ-либо находокъ древнихъ вещей: на городищѣ древняго Выря (на коемъ теперь находится городъ Бѣлополье, Сумскаго уѣзда); на упоминаемыхъ въ книгѣ Большого Чертежа городищахъ, расположенныхъ: а) по Сѣверному Донцу: Нежегольскомъ, Салтановскомъ, Котковскомъ или Колковскомъ, Гумнинѣ, Чугуевѣ, Мохначевѣ, Змѣевѣ и Каменномъ и б) по р. Удамъ: Кабановѣ, Хорошемъ и Донецкомъ, а также на упоминаемыхъ

въ Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи городищахъ: по лѣвую сторону рѣки Мжа: Одринскомъ, Казарскомъ и на р. Коломанѣ—Коломацкомъ?

Бунинъ, А. И. — Гдѣ находился валъ Половецкій, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1223 г.

—— **Въ Нумизматическій кабинетъ унив. св. Владиміра** переданы Императорскою Археологическою Коммиссіей слѣдующія монеты изъ кладовъ, найденныхъ въ 1898 г.: 1) 45 римскихъ монетъ I—II вв. по Р. X. (отъ Гальбы до Коммода) изъ с. Бѣлогородки, Заславскаго у. Волынск. губ.; 2) 5 голландскихъ и германскихъ талеровъ и 86 польскихъ монетъ XVII в. изъ с. Сарны Ровенскаго у. Вол. губ.; 3) 52 абассидскихъ диргема изъ Полтавы.

—— **Въ Археологическій музей унив. св. Владиміра** поступила небольшая коллекція каменнаго вѣка изъ разныхъ мѣстъ Волынской губ., шиферный крестъ и тигель найденные, въ Кіевѣ при устройствѣ гавани, двѣ серьги кіевскаго типа, найденныя у Десятинной церкви, и изъ Екатеринославской губ. двѣ бронзовыя фибулы и пряжка эпохи переселенія народовъ („Археол. Лѣт.“).

—— **Въ собраніе В. В. Антоновича** поступили: позолоченная бронзовая фибула готскаго типа, орнаментованная буса изъ сланца и много бронзовыхъ обломковъ со слѣдами огня, найденные при копаніи могилы на кладбищѣ с. Старо-Мирополя Новоградъ-Волынскаго уѣзда („Археол. Лѣт.“).

—— **Въ Кіевскій музей Древностей и Искусства** поступаетъ по завѣщанію обширная и приведенная въ образцовый порядокъ коллекція, собранная въ теченіе многихъ лѣтъ систематическими раскопками въ Каневскомъ уѣздѣ Е. А. Зноско-Боровскаго, скончавшагося 2 февраля въ с. Берестнягахъ этого уѣзда („Археол. Лѣт.“).

—— **Иконостасъ Кіево-Софійскаго собора**. Отъ массивнаго, въ стилѣ рококо, трехъ-яруснаго иконостаса главнаго алтаря Кіево-Софійскаго собора, сооруженнаго въ 1747 г., остался теперь лишь нижній ярусъ, и то не весь. Верхній ярусъ, съ иконами пророковъ снятъ при возобновленіи собора въ 1846 г., а въ 1888, съ Высочайшаго разрѣшенія снятъ и средній, съ иконами св. Троицы и апостоловъ, чтобы открыть видъ на запрестольную мозаичную стѣну съ изображеніями Божіей Матери и Тайной Вечери. Въ 1894 г., когда нижній ярусъ былъ разобранъ для перезолотки, покойный археологъ о. Лебединцевъ ходатайствовалъ о замѣнѣ иконостаса невысокою мраморною преградой, какъ было до 1644 года (т. е. до передѣлокъ Петра Могилы); но и соборный причтъ (въ томъ числѣ нынѣшній каѳедраль-

ный протоіерей), и староста ходатайствовали наоборотъ о возстановленіи всего иконостаса. Владыка митрополитъ рѣшилъ возстановить лишь нижній ярусъ. Тогда же была возстановлена середина его, а нынѣ разрѣшено возстановленіе и боковыхъ частей (пока замѣнявшихся занавѣсами). („Кіевл.“, 25).

—— **Храмъ подъ землей въ Псковѣ.** По окончаніи постройки въ гор. Псковѣ новаго моста черезъ рѣку Пскову понадобилась земля, которую рѣшили взять съ вала, находящагося въ концѣ Казанской улицы, на лѣвомъ крутомъ берегу Псковы, рядомъ съ еврейскою синагогой.

Утромъ, 15 мая, при разрываніи вала, земля обрушилась, и вслѣдствіе этого обнаружилась часть какой-то стѣны, построенной изъ плиты. Продолжали копать, и оказалась высокая стѣна, на которой—небольшое углубленіе со священнымъ изображеніемъ.

Это новое открытіе заставило еще усерднѣе продолжать работу, и черезъ небольшой промежутокъ времени глазамъ рабочихъ представилась въ стѣнѣ неглубокая ниша, вышиной 2 арш. и шириной $1^1/_2$ арш., по бокамъ которой находилось по одному изображенію четырехъ евангелистовъ, а въ серединѣ плотно прикрѣпленный широкій каменный крестъ, толщиной отъ 2 до 3 вершковъ. Въ крестѣ, въ свою очередь вырѣзанъ другой крестъ, шириной съ палецъ.

Самыя изображенія евангелистовъ потерты, но контуры ихъ лицъ и фигуръ въ одѣяніяхъ краснаго цвѣта сохранились отчетливо и довольно рѣзко выдѣляются на сѣроватомъ фонѣ.

При дальнѣйшемъ раскапываніи найдено нѣсколько полуобрушившихся стѣнъ, сводовъ и ходовъ, покрытыхъ штукатуркой.

Все это дало присутствовавшимъ возможность заключить, что предъ ихъ глазами изъ нѣдръ земли выростаетъ старинный православный храмъ, неизвѣстно почему оказавшійся зарытымъ. Стѣна, въ которой находилась ниша, оказалась внутреннею.

При раскопкѣ найдены были монеты (серебряныя) съ вензелемъ Императора Петра І-го, что дало нѣкоторымъ поводъ отнести постройку храма ко времени царствованія этого Государя, тѣмъ болѣе, что черезъ дорогу находится домъ, въ которомъ, по преданію, Петръ Великій останавливался, проѣзжая черезъ Псковъ. Но планъ и самая конструкція храма даютъ полную возможность заключить, что онъ существовалъ значительно ранѣе царствованія Петра Великаго. Раскопки будутъ продолжаться. („Бирж. Вѣд.“).

—— **Христіанскія древности, пріобрѣтенныя Эрмитажемъ.** Императорскій Эрмитажъ пріобрѣлъ недавно отъ одного изъ кол-

лекціонеровъ въ Греціи значительное собраніе древностей, преимущественно христіанской эпохи, различнаго происхожденія, главнымъ образомъ изъ Египта: архитектурные фрагменты и надгробія съ кладбищъ, съ надписями и изображеніями, глиняныя лампы, утварь изъ коптскихъ церквей, отрывки рукописей, части маіоликовыхъ вазъ и блюдъ арабскаго производства. Въ тканяхъ, извлеченныхъ изъ могилъ, отлично сохранились цвѣта и узоръ, напоминая гобелены (ср. коптское собраніе могильныхъ тканей В. Г. Бока, хранящееся въ Эрмитажѣ и описанное, съ таблицами, въ Трудахъ VIII Моск. Съѣзда, т. III). Удивительно тонки ткани шелковыя и льняныя. Журналъ „Возрожденіе", откуда мы заимствуемъ свѣдѣнія о новомъ пріобрѣтеніи, отмѣчаетъ особенно по близости къ нынѣшнемъ гобеленамъ и правильности рисунковъ, — изображеніе испуганнаго негритенка (часть картины). Почти неповрежденной сохранилась короткая верхняя туника V—VI в. по Р. Х., украшенная цвѣтной, узорчатой каймой.

Собраніе это дополняется множествомъ фотографій, привезенныхъ В. Г. Бокомъ въ прошломъ году изъ никѣмъ ранѣе не описанныхъ гробницъ Большого Оазиса. Внутренность плоскихъ куполовъ этихъ гробницъ украшена священными изображеніями, преимущественно лицъ Ветхаго Завѣта, апостоловъ и святыхъ или христіанскихъ эмблемъ.

—— Издательская дѣятельность Архивныхъ Коммиссій, какъ извѣстно, пребываетъ въ печальномъ положеніи. Новый примѣръ тому находимъ въ предисловіи къ Угличскимъ актамъ Коллегіи Экономіи, недавно изданнымъ въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс." (1899, I). Оказывается, что это чрезвычайно важное и отлично обработанное изданіе первоначально назначалось для Трудовъ Ярославской Архивной Коммиссіи; но Коммиссія такъ бѣдна, изданія ея могутъ выходить такъ рѣдко, что, дѣйствительно, надо было годами дожидаться новой книжки „Трудовъ" ея. Но изъ предисловія узнаемъ, что и Тверская Коммиссія должна была отклонить отъ себя по недостатку средствъ печатаніе Бѣжецкихъ актовъ, изготовленныхъ лицомъ столь компетентнымъ, какъ тотъ же С. А. Шумаковъ. Но поразительнѣе всего рѣшеніе Симбирской Архивной Коммиссіи; она продержала у себя годъ Алатырскіе акты, обработанные С. А. Шумаковымъ, и затѣмъ отказалась отъ печатанія ихъ, находя, что и данное описаніе сдѣлано слишкомъ подробно, и описанія актовъ вообще не имѣютъ значенія. Къ счастью, для научнаго изданія Актовъ нашелся пріютъ въ старыхъ „Чтеніяхъ": тамъ появились и „Угличскіе акты", и имѣютъ появиться „Бѣжецкіе" и „Алатырскіе акты", представляющіе собой собраніе документовъ XIV—XVIII в. высокой научной цѣнности.

—— **Послѣднія раскопки въ Карѳагенѣ,** предпринятыя извѣстнымъ археологомъ, проф. Гауклеромъ, увѣнчались весьма важными для исторической науки открытіями. Послѣ того, какъ былъ снятъ верхній слой земли, заключавшій гробницы и мозаики византійской эпохи, подъ нимъ оказался другой искусственно насыпанный пластъ „языческій“. Въ послѣднемъ найдена колоссальныхъ размѣровъ голова Марка Аврелія и двѣ большія мозаики, изображающія одна—вооруженныхъ наѣздниковъ на охотничей облавѣ, а другая—Венеру и военно-морскія игры. Эти мозаики, римскаго происхожденія, прикрывали спускъ въ могилу; спустившись по маленькой лѣстницѣ внизъ, Гауклеръ вскрылъ гробницу и, къ величайшему изумленію своему, открылъ въ ней каменную, наглухо задѣланную дверь, ведущую въ святилище Юпитера Аммонскаго; здѣсь очевидно имѣлось другое отдѣленіе языческаго храма „dei barbari silvanis“, послѣдній, по всей вѣроятности, отождествлялся съ Сатурномъ и съ Баалъ Гаманомъ. Въ могилѣ оказались каменныя изображенія четырехъ жрицъ; изображенія эти, покрытыя превосходными красками и украшенныя позолотою, хорошо сохранились; кромѣ того, найдено восемь статуэтокъ, двѣ бычачьи головы, изваянныя изъ мрамора, обломки фигурныхъ изображеній, одна статуя съ бюстомъ лошади и множество шаровъ. Продолжая раскопки и углубившись въ землю на восемь метровъ, проф. Гауклеръ открылъ такъ называемый прото-пуническій пластъ, въ которомъ обнаружено сорокъ могилъ съ сосудами карѳагенскаго происхожденія, двѣ большія маски изъ терракотты, совершенно не испортившіяся благодаря плотной укупоркѣ, страусовыя яйца, ошейники, ожерелья, разные предметы украшенія и ассирійскаго происхожденія нефритовая трубка съ вырѣзанными на ней буквами („Пр. В.“).

—— **Находка при раскопкахъ въ Спартѣ.** Въ Спартѣ найдена очень интересная и важная древняя мозаика, изображающая преданіе объ Ахиллесѣ. Картина окружена мозаиковою рамкой, шириной въ 32 сантиметра. 4 колонны со своими капителями представляютъ фронтъ дворца, дверь котораго обозначена двумя голубыми линіями; между колоннъ стоитъ юноша съ обнаженною грудью, облеченный въ женское платье, спускающееся до земли. Правую руку онъ протянулъ впередъ, въ лѣвой держитъ щитъ. Голова его увѣнчана лучеобразнымъ вѣнкомъ, на которомъ виднѣются три звѣзды. Около юноши, лицо котораго отличается необыкновенною красотой, находится пожилой мужчина въ хламидѣ. По лѣвую руку стоитъ красивая женщина въ богатомъ платьѣ; на лицѣ ея выражается смущеніе и испугъ. Другая, также красивая, дѣвушка спѣшитъ съ распростертыми объятіями къ

юношѣ, бросая вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣвный взглядъ на стоящаго рядомъ съ нимъ мужчину. На землѣ стоитъ корзина съ разными вещами.

Мозаика, по всей вѣроятности, изображаетъ дворецъ царя Ликомеда Скиросскаго, и на ней представлена извѣстная сцена между Одиссеемъ и Ахиллесомъ, скрывавшимся въ женской одеждѣ между дочерьми Ликомеда для того, чтобы не отправляться на Троянскую войну, гдѣ ему предсказана была смерть. („Vos. Z.").

—— **Открытіе плана древняго Рима** было сдѣлано случайно, при производствѣ земляныхъ работъ позади цистерны Fontana Mascherone, у берега Тибра, подлѣ дворца Palazzo Farnese, гдѣ вновь найдено 135 мраморныхъ обломковъ. Когда они были соединены, получился древній городской планъ „столицы міра"; планъ этотъ былъ вырѣзанъ на мраморныхъ плитахъ, которыя были шириною отъ 0,70 до 1,15 метра и длиною отъ 1,70 до 2,25 метра; составленіе единственнаго въ своемъ родѣ плана относится ко времени царствованія Септимія Севера, его сына и раздѣлявшаго съ ними власть регента Каракаллы, т. е. къ началу III вѣка христіанской эры. Изготовленныя плиты, связанныя желѣзными полосами, были прибиты къ фронтону templum sacrae urbis, находившагося на южной сторонѣ Веспасіанова форума. Желѣзныя полосы уже исчезли, вѣроятно, съѣденныя ржавчиной, но ихъ существованіе подтверждается отверстіями по четыремъ угламъ плитъ, черезъ которыя они были пропущены при скрѣпленіи. На мѣстѣ этого языческаго святилища и храма Ромула въ самомъ началѣ средневѣковаго періода возникъ христіанскій храмъ во имя св. Козмы и Даміана. Первые обломки плитъ, заключавшихъ планъ Рима, были найдены Антоніемъ Дози въ промежутки времени 1559—1565, при папѣ Піѣ IV. Обломками этими завладѣлъ тогда кардиналъ Фарнезе, который украсилъ ими свой дворецъ; но предварительно онъ велѣлъ соединить ихъ въ плитки и скопировать текстъ; снимки хранились до сихъ поръ въ ватиканской библіотекѣ. Въ 1742 году обломки, хранившіеся въ подвалахъ дворца Фарнезе, были оттуда извлечены и употреблены на отдѣлку ступеней лѣстницы, ведущей въ капитолійскій музей. Въ 1867 году нѣкто Токко нашелъ еще нѣсколько такихъ обломковъ близъ упомянутаго выше древняго христіанскаго храма; такія же находки были сдѣланы въ 1882 и 1884 годахъ и, наконецъ, въ 1888 году, при регулированіи теченія Тибра, сразу открыли до 100 такихъ обломковъ позади Palazzo Farnese. Всѣ эти находки были уложены въ ящики и отвезены въ Капитолій, гдѣ ихъ скрывали отъ изслѣдователей. Даже ходатайство германскаго правительственнаго археолога Гюльсена не увѣнчалось успѣхомъ. Но теперь,

въ виду только-что найденыхъ 135 мраморныхъ обломковъ, заключающихъ самую существенную часть текста плана, обстоятельства измѣнились, и администраціи Капитолія придется выдать хранящіеся въ заключенныхъ ящикахъ мраморные обломки, безусловно необходимые для возстановленія полнаго текста. Послѣдняя находка побудила итальянскаго археолога, проф. Ланчіани, примкнуть къ протесту Гюльсена. Ему принадлежитъ проектъ о необходимости собрать въ одно цѣлое всѣ имѣющіеся мраморные обломки, не исключая и тѣхъ, которые замурованы въ лѣстницѣ, ведущей въ капитолійскій музей. Ланчіани предлагаетъ возстановить древнюю стѣну templum sacrae urbis и попрежнему прикрѣпить къ ней обновленный планъ древняго Рима.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи **Археологической Коммиссіи** Импер. Московск. Археологическаго Общества 7 апрѣля 1899 г. В. И. Холмогоровъ прочелъ докладъ „Къ вопросу объ отказныхъ книгахъ". Указавъ на большое число документовъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи (до 15,000), извѣстныхъ подъ названіемъ отказныхъ книгъ (среди отказныхъ встрѣчаются также книги сыскныя, раздѣльныя, строельныя и т. п.), референтъ перешелъ къ вопросу объ историческомъ значеніи этихъ документовъ. Здѣсь онъ прежде всего подробно изложилъ процессъ составленія отказныхъ книгъ, при чемъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя содержатъ въ себѣ подробныя описанія отказываемыхъ имѣній. Пріѣхавъ для отказа имѣнія, воевода или отказчикъ рѣдко довольствовался составленіемъ простого крѣпостного акта, но составлялъ подробное описаніе имѣнія въ экономическомъ и сельскохозяйственномъ отношеніяхъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ и заключается главный интересъ отказныхъ книгъ. При этомъ докладчикъ привелъ цѣлый рядъ любопытныхъ свѣдѣній, характеризующихъ содержаніе отказныхъ книгъ, а также освѣтилъ значеніе отказныхъ книгъ XVI вѣка по Новгороду и книгъ, вышедшихъ изъ Приказа Казанскаго дворца. Послѣ доклада В. И. Холмогорова секр. М. В. Довнаръ-Запольскій прочелъ присланный А. Н. Львовымъ докладъ о мѣрахъ къ сохраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ церковной старины. Въ своемъ докладѣ А. Н. Львовъ дѣлаетъ прежде всего историческій обзоръ того, какъ небрежно у насъ сохраняются памятники церковной старины. При этомъ разсказанъ цѣлый рядъ случаевъ исчезновенія архивныхъ и др. рукописей, а также порчи и уничтоженія архитектурныхъ памятниковъ. Синодальное вѣдомство неоднократно издавало указы въ цѣляхъ сохраненія памятниковъ, но указы эти не имѣли значенія. Авторъ, поэтому, приходитъ къ выводу о необходимости урегулировать положеніе дѣла, при чемъ предлагаетъ слѣд. мѣры: учрежденіе центральнаго при св. Синодѣ комитета, на обязанности коего лежало бы наблюденіе за сохраненіемъ и описаніемъ церковныхъ памятниковъ, а въ каждой епархіи учрежденіе мѣстныхъ церковно-археологическихъ комитетовъ; послѣдніе должны вѣдать архитектурные памятники старины и собрать письменные и вещественные историческіе памятники.

Въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ въ Петербургѣ 4-го мая состоялось подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича засѣданіе общаго собранія, которому предшествовала панихида по покойномъ товарищѣ предсѣдателя, почетномъ членѣ А. Ѳ. Бычковѣ. Его же памяти были посвящены двѣ рѣчи, прочитанныя въ засѣданіи проф. Н. И. Веселовскимъ и Д. Ѳ. Кобеко. Н. И. Веселовскій въ своей рѣчи охарактеризовалъ дѣятельность А. Ѳ. Бычкова по археологическому Обществу, членомъ котораго онъ состоялъ съ декабря 1846 г. Особенно плодотворна была дѣятельность А. Ѳ. въ качествѣ управляющаго славяно-русскимъ отдѣленіемъ Общества и въ качествѣ товарища предсѣдателя, и смерть А. Ѳ., бывшаго однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, является невознаградимою потерей. Д. Ѳ. Кобеко указалъ на заслуги А. Ѳ. для русской науки, такъ какъ онъ съ огромною эрудиціей соединялъ всегда готовность помочь совѣтомъ и указаніемъ всѣмъ, обращавшимся къ нему. По предложенію Августѣйшаго предсѣдателя память А. Ѳ. Бычкова была почтена вставаніемъ, послѣ чего секр. Общества доложилъ текущія дѣла и, между прочимъ, прочелъ соболѣзнованіе по поводу смерти А. Ѳ., присланное Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Затѣмъ предсѣдатель ревизіонной коммиссіи, проф. Н. В. Покровскій, прочелъ отчетъ коммиссіи, нашедшей музей и библіотеку Общества въ полномъ порядкѣ. Имъ же послѣ этого былъ прочтенъ отчетъ медальной коммиссіи. Въ настоящемъ году коммиссія эта остановилась на двухъ трудахъ А. К. Маркова: „Инвентарный каталогъ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа“ и „Собраніе восточныхъ монетъ Императорскаго Эрмитажа“,—каталогъ „джелаиридскихъ монетъ“ и на сочиненія Ѳ. В. Покровскаго: „Къ изслѣдованію кургановъ и городищъ на восточной окраинѣ современной Литвы“ Разборъ трудовъ А. М. Маркова былъ порученъ бар. В. Г. Тизенгаузену, а труда Ѳ. В. Покровскаго—проф. В. З. Завитневичу. Разсмотрѣвъ представленные отзывы, коммиссія нашла возможнымъ предложить общему собранію наградить А. К. Маркова большою золотою медалью, а Ѳ. В. Покровскаго—большою серебряною. Выслушавъ чтеніе отзывовъ бар. Тизенгаузена и проф. Завитневича, общее собраніе единогласно постановило наградить А. К. Маркова золотою медалью и большинствомъ голосовъ присудило серебряную медаль Ѳ. В. Покровскому. Послѣ этого секретарь Общества прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества въ истекшемъ отчетномъ году и отчетъ казначея. На мѣсто покойнаго А. Ѳ. Бычкова и секретаря на мѣсто выбывающаго по уставу В. Г. Дружинина товарищемъ предсѣдателя избраны: гр. И. И. Толстой, а секретаремъ снова В. Г. Дружининъ. Затѣмъ были избраны С. В. Рождественскій, С. Л. Пташицкій и Н. П. Кондаковъ делегатами Общества на Кіевскій археологическій съѣздъ, послѣ чего было приступлено къ выборамъ новыхъ членовъ Общества. Большинствомъ голосовъ были избраны: Отто Бендорфъ въ Вѣнѣ въ почетные члены и Е. М. Придикъ, В. И. Бузескулъ и П. В. Нетушилъ—въ дѣйствительные члены, а Д. А. Клеменцъ единогласно былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ.

15-го марта въ **томъ же Обществѣ** состоялось, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, засѣданіе классическаго отдѣленія Общества. В. В. Латышевъ прочелъ составленный фонъ-Штерномъ некрологъ недавно умершаго члена Общества, вице-президента одесскаго Общества исторіи и древностей, В. Н. Юргевича. Присутствовавшіе почтили память покойнаго ученаго вставаніемъ. Затѣмъ Я. И. Смирновъ сдѣлалъ докладъ „О сирійскомъ христіанскомъ блюдѣ съ христіанскими изображеніями“. Сравнивъ сдѣланныя на блюдѣ изображенія Сошествія Св. Духа, Воскресенія и Распятія со сходными памятниками византійскаго искусства VI—VIII вв. и съ миніатюрами сирійскаго Евангелія конца VI вѣка, докладчикъ пришелъ къ тому заключенію, что данное блюдо вышло изъ мастерскихъ Месопотаміи или Персіи. Блюдо это, раздѣленное на три кружка, имѣло, по мнѣнію референта, церковное употребленіе и по всей вѣроятности

оно представляетъ дискосъ, на которомъ во время богослуженія помѣщались три просфоры. Н. В. Покровскій въ своемъ возраженіи Я. И. Смирнову замѣтилъ, что напрасно онъ старается подыскать всему реальное основаніе и что, напр., объясненіе трехъ круговъ на блюдѣ тѣмъ, что они предназначались для трехъ просфоръ, не можетъ быть принято, такъ какъ три просфоры въ литургіи введены сравнительно поздно; по мнѣнію Н. В. Покровскаго, блюдо это могло быть скорѣй панагіей для возношенія хлѣба.

VI.

Библіографія.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности русскія. Кресты и образки. Кіевъ. 1899, 4°, въ пер.

Въ этомъ изящно изданномъ выпускѣ описано собраніе старинныхъ энколпіоновъ, крестиковъ и образковъ, находящееся у г. Ханенко, въ Кіевѣ. Описанныя вещи изображены на 16 фототипическихъ таблицахъ; онѣ подраздѣлены на три группы: I, Корсунскіе памятники; II, Кіевскіе, великокняжескаго, до-татарскаго періода, и III, Дневнерусскіе и въ частности московскіе. Вообще, предметы обнимаютъ время съ XI по XVII в. Существенно дополняя вышедшій ранѣе сборникъ Леопардова, изданіе г. Ханенко представляетъ значительный интересъ для любителей русской старины, знакомя ихъ съ извѣстною категоріей древнихъ религіозныхъ предметовъ и символовъ, находимыхъ въ Южной Россіи, съ видоизмѣненіями ихъ по вѣкамъ, мѣстностямъ и назначенію и съ развитіемъ искусства и техники въ ихъ изготовленіи. Прекрасныя таблицы могутъ быть также весьма полезны для справокъ при опредѣленіи подобныхъ же предметовъ, находимыхъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Д. А.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Пятая часть. Съ одной фототипіей. Изд. П. И. Щукина. М. 1899, 4° въ пер.

Собравъ прекрасный музей древностей и постоянно пополняя его, П. И. Щукинъ еще въ 1895 г. составилъ краткое его описаніе, а затѣмъ сталъ печатать описи старинныхъ вещей, рукописей и бумагъ, находящихся въ его собраніи. Вышедшая въ нынѣшнемъ году 5-я часть заключаетъ въ себѣ двѣ грамоты XVI-го вѣка, разныя описи, дѣла, челобитныя, грамоты, указы, письма, записи и пр. XVII-го вѣка и, наконецъ дѣла, указы, предписанія и т. д. первой четверти XVIII-го вѣка. Всѣ эти матеріалы представляютъ, конечно, значительный результатъ для исторіи русскаго быта и ихъ опубликованіе дѣлаетъ ихъ доступными для всѣхъ изслѣдователей нашей старины. Можно только пожелать, чтобы П. И. Щукинъ продолжалъ свое полезное дѣло описанія и изданія принадлежащихъ ему старинныхъ вещей и бумагъ.

Д. А.

Труды X-го Археологическаго Съѣзда въ Римѣ. 1898. Подъ ред. гр. Уваровой. Т. I. М. 1899, 4⁰.

Въ томѣ этомъ помѣщено 26 статей, относящихся къ разнообразнымъ отдѣламъ археологіи и къ различнымъ эпохамъ древности. Къ отдѣлу вещественной археологіи и древнѣйшимъ эпохамъ должны быть отнесены статьи гг. Н. Е. Бранденбурга (О могилахъ Кіевской губ. съ остовами лошадей при покойникахъ), П. Н. Милюкова (Раскопки рязанскихъ кургановъ), А. Н. Черепнина (Рязанско-окскіе могильники), Н. Ѳ. Кащенко (Объ одновременности существованія человѣка и мамонта—по находкѣ въ Томскѣ), Ѳ. В. Покровскаго (О курганахъ—литовскихъ?—въ бассейнѣ Виліи), К. Горощенко (О гипсовыхъ погребальныхъ маскахъ и слѣдахъ трепанаціи череповъ въ курганахъ Минусинскаго округа), свящ. Звѣрева (Слѣды христіанства на Дону въ до-монгольскій періодъ). Вопросъ о финикіанахъ на Балтійскомъ морѣ затрогиваетъ Б. Тураевъ; о поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи сообщаетъ свѣдѣнія проф. Фонъ-Штернъ; О происхожденіи слова „Русь"—говоритъ г. Якубовъ. Исторической эпохи касаются сообщенія: А. И. Бунина—О мѣстѣ битвы русскихъ съ нѣмцами, 5 апр. 1242 г. на льду Чудскаго озера; Н. И. Петрова—Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—25 гг.; М. П. Истомина—Рига и осада ея царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; А. А. Маркевича, О чеканкѣ русскихъ денегъ въ г. Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII в.; Д. М. Багаля, Магдебургское право въ городахъ лѣвобережной Малороссіи; Е. В. Пѣтухова, О нѣкоторыхъ историческихъ и литературныхъ фактахъ, связанныхъ съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI—XVII вв.; В. М. Площанскаго, Кердеи и Кердеевичи XIV—XV в.; А. А. Маркевича, Русскій городъ „Рига" въ половинѣ XVII в. Вопросамъ исторіи литературы посвящены рефераты: А. Лященко, О времени написанія „Слова Даніила Заточника", В. Н. Мочульскаго, Апокрифическое житіе ап. Петра; А. С. Будиловичъ доставилъ замѣтку „О задачахъ славяно-русской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нын. Венгріи"; А. Германъ—„О сумирскомъ языкѣ и его отношеніи къ угроалтайскимъ языкамъ"; И. П. Филевичъ—„О разработкѣ географической номенклатуры"; А. Филипповъ—„О центр. русскихъ архивахъ и ихъ значеніи для исторіи Прибалт. края въ XVIII в." Въ концѣ помѣщено обширное археологическое изслѣдованіе проф. А. Ѳ. Мѣржинскаго—„О Ромове, средоточіи древняго языческаго культа литовцевъ".

Труды X-го Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. 1898. Т. II. Рига. 1899. 4⁰.

Томъ этотъ, значительно меньшій по объему (128 стр.), заключаетъ въ себѣ рефераты, доложенные на съѣздѣ на нѣмецкомъ языкѣ, мѣстными изслѣдователями, и касающіеся древностей Прибалтійскаго края и Финляндіи. Самая обширная статья принадлежитъ г. Hackman и посвящена бронзовому

вѣку Финляндіи (со многими рисунками въ текстѣ). Проф. Гаусманъ помѣстилъ общій обзоръ археологическихъ изслѣдованій въ краѣ за послѣднія 50 лѣтъ. Прочія статьи касаются латышскихъ доисторическихъ древностей, латышской топографіи и народной словесности, находокъ бронзоваго вѣка, рисунковъ на доисторическихъ сосудахъ, мѣръ для сохраненія древнихъ памятниковъ, исторической карты Лифляндіи въ эпоху Ордена, средневѣковыхъ бронзовыхъ чашъ и т. д. Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, къ тому приложена карта Финляндіи съ указанныхъ извѣстныхъ до сихъ поръ находокъ бронзоваго вѣка.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Описаніе коллекцій народныхъ писанокъ. Вып. I. Съ альбомомъ изъ 33 хромолитогр. и 12 черныхъ таблицъ (всего 2219 рис.). Составилъ С. К. Кулжинскій. М. 1899.

Подробнѣйшее описаніе народныхъ писанокъ—раскрашенныхъ различными узорами и красками пасхальныхъ яицъ, изъ различныхъ мѣстностей южной и западной Россіи, съ приведеніемъ подробной библіографіи, статьи о происхожденіи обычая приготовлять писанки, очерка современнаго ихъ приготовленія, классификаціи писанокъ по типамъ и т. д. Большое число таблицъ наглядно знакомитъ съ безконечнымъ разнообразіемъ узоровъ и рисунковъ и существенно пополняетъ извѣстныя данныя о народномъ орнаментѣ, основы котораго идутъ, несомнѣнно, отъ весьма отдаленныхъ вѣковъ.

Д. А.

Извѣстія Русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ. III. — Софія, Държавна печатница, 1898, 8°, 1—230, 10 таблицъ и 1 карта.

Въ третьемъ выпускѣ Извѣстій содержатся статьи:

О. Ф. Вульфа.—Александръ съ копьемъ. Бронзовая статуэтка коллекціи А. И. Нелидова (1—59), весьма обстоятельное ученое изслѣдованіе объ изображеніяхъ Александра Великаго вообще и о прелестной статуэткѣ А. И. Нелидова которую представляютъ съ четырехъ сторонъ двѣ фототипныя таблицы.

I. Pargoire.—Anaple et Sosthène (60—97). Статья ученаго августинца старается внести свѣтъ въ запутанный вопросъ о различіи или тожествѣ двухъ древнихъ мѣстностей на европейскомъ берегу Босфора: *Ἀνάπλους* съ церковью архангела Михаила, сооруженной Константиномъ Великимъ, и *Σωσθένιον* съ такою же церковью. Авторъ отожествляетъ послѣднее съ нынѣшней Стеніей, опредѣляетъ различныя примѣненія имени Анапла: плаваніе по Босфору, Босфоръ, весь его европейскій берегъ или, по крайней мѣрѣ, въ южной части; а въ отдѣльныхъ пунктахъ Румели-Хисаръ и Куру-Чесме, а оттуда и Арнаутъ-Кёи; различаетъ двѣ церкви арх. Михаила: въ Арнаутъ-Кеи и въ Сосѳеніи (въ средніе вѣка монастырь), и такимъ образомъ миритъ до нѣкоторой степени оба толкованія.

юношѣ, бросая вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣвный взглядъ на стоящаго рядомъ съ нимъ мужчину. На землѣ стоитъ корзина съ разными вещами.

Мозаика, по всей вѣроятности, изображаетъ дворецъ царя Ликомеда Скиросскаго, и на ней представлена извѣстная сцена между Одиссеемъ и Ахиллесомъ, скрывавшимся въ женской одеждѣ между дочерьми Ликомеда для того, чтобы не отправляться на Троянскую войну, гдѣ ему предсказана была смерть. („Vos. Z.“).

—— **Открытіе плана древняго Рима** было сдѣлано случайно, при производствѣ земляныхъ работъ позади цистерны Fontana Mascherone, у берега Тибра, подлѣ дворца Palazzo Farnese, гдѣ вновь найдено 135 мраморныхъ обломковъ. Когда они были соединены, получился древній городской планъ „столицы міра“; планъ этотъ былъ вырѣзанъ на мраморныхъ плитахъ, которыя были шириною отъ 0,70 до 1,15 метра и длиною отъ 1,70 до 2,25 метра; составленіе единственнаго въ своемъ родѣ плана относится ко времени царствованія Септимія Севера, его сына и раздѣлявшаго съ ними власть регента Каракаллы, т. е. къ началу III вѣка христіанской эры. Изготовленныя плиты, связанныя желѣзными полосами, были прибиты къ фронтону templum sacrae urbis, находившагося на южной сторонѣ Веспасіанова форума. Желѣзныя полосы уже исчезли, вѣроятно, съѣденныя ржавчиной, но ихъ существованіе подтверждается отверстіями по четыремъ угламъ плитъ, черезъ которыя они были пропущены при скрѣпленіи. На мѣстѣ этого языческаго святилища и храма Ромула въ самомъ началѣ средневѣкового періода возникъ христіанскій храмъ во имя св. Козмы и Даміана. Первые обломки плитъ, заключавшихъ планъ Рима, были найдены Антоніемъ Дози въ промежутки времени 1559—1565, при папѣ Піѣ IV. Обломками этими завладѣлъ тогда кардиналъ Фарнезе, который украсилъ ими свой дворецъ; но предварительно онъ велѣлъ соединить ихъ въ плитки и скопировать текстъ; снимки хранились до сихъ поръ въ ватиканской библіотекѣ. Въ 1742 году обломки, хранившіеся въ подвалахъ дворца Фарнезе, были оттуда извлечены и употреблены на отдѣлку ступеней лѣстницы, ведущей въ капитолійскій музей. Въ 1867 году нѣкто Токко нашелъ еще нѣсколько такихъ обломковъ близъ упомянутаго выше древняго христіанскаго храма; такія же находки были сдѣланы въ 1882 и 1884 годахъ и, наконецъ, въ 1888 году, при регулированіи теченія Тибра, сразу открыли до 100 такихъ обломковъ позади Palazzo Farnese. Всѣ эти находки были уложены въ ящики и отвезены въ Капитолій, гдѣ ихъ скрывали отъ изслѣдователей. Даже ходатайство германскаго правительственнаго археолога Гюльсена не увѣнчалось успѣхомъ. Но теперь,

въ виду только-что найденыхъ 135 мраморныхъ обломковъ, заключающихъ самую существенную часть текста плана, обстоятельства измѣнились, и администраціи Капитолія придется выдать хранящіеся въ заключенныхъ ящикахъ мраморные обломки, безусловно необходимые для возстановленія полнаго текста. Послѣдняя находка побудила итальянскаго археолога, проф. Ланчіани, примкнуть къ протесту Гюльсена. Ему принадлежитъ проектъ о необходимости собрать въ одно цѣлое всѣ имѣющіеся мраморные обломки, не исключая и тѣхъ, которые замурованы въ лѣстницѣ, ведущей въ капитолійскій музей. Ланчіани предлагаетъ возстановить древнюю стѣну templum sacrae urbis и попрежнему прикрѣпить къ ней обновленный планъ древняго Рима.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи **Археологической Коммиссіи** Импер. Московск. Археологическаго Общества 7 апрѣля 1899 г. В. И. Холмогоровъ прочелъ докладъ „Къ вопросу объ отказныхъ книгахъ". Указавъ на большое число документовъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи (до 15,000), извѣстныхъ подъ названіемъ отказныхъ книгъ (среди отказныхъ встрѣчаются также книги сыскныя, раздѣльныя, строельныя и т. п.), референтъ перешелъ къ вопросу объ историческомъ значеніи этихъ документовъ. Здѣсь онъ прежде всего подробно изложилъ процессъ составленія отказныхъ книгъ, при чемъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя содержатъ въ себѣ подробныя описанія отказываемыхъ имѣній. Пріѣхавъ для отказа имѣнія, воевода или отказчикъ рѣдко довольствовался составленіемъ простого крѣпостного акта, но составлялъ подробное описаніе имѣнія въ экономическомъ и сельскохозяйственномъ отношеніяхъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ и заключается главный интересъ отказныхъ книгъ. При этомъ докладчикъ привелъ цѣлый рядъ любопытныхъ свѣдѣній, характеризующихъ содержаніе отказныхъ книгъ, а также освѣтилъ значеніе отказныхъ книгъ XVI вѣка по Новгороду и книгъ, вышедшихъ изъ Приказа Казанскаго дворца. Послѣ доклада В. И. Холмогорова секр. М. В. Довнаръ-Запольскій прочелъ присланный А. Н. Львовымъ докладъ о мѣрахъ къ сохраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ церковной старины. Въ своемъ докладѣ А. Н. Львовъ дѣлаетъ прежде всего историческій обзоръ того, какъ небрежно у насъ сохраняются памятники церковной старины. При этомъ разсказанъ цѣлый рядъ случаевъ исчезновенія архивныхъ и др. рукописей, а также порчи и уничтоженія архитектурныхъ памятниковъ. Синодальное вѣдомство неоднократно издавало указы въ цѣляхъ сохраненія памятниковъ, но указы эти не имѣли значенія. Авторъ, поэтому, приходитъ къ выводу о необходимости урегулировать положеніе дѣла, при чемъ предлагаетъ слѣд. мѣры: учрежденіе центральнаго при св. Синодѣ комитета, на обязанности коего лежало бы наблюденіе за сохраненіемъ и описаніемъ церковныхъ памятниковъ, а въ каждой епархіи учрежденіе мѣстныхъ церковно-археологическихъ комитетовъ; послѣдніе должны вѣдать архитектурные памятники старины и собрать письменные и вещественные историческіе памятники.

Нидерле, Л.—О времени переселенія Славянъ на югъ отъ Карпатъ.

Фотинскій.—Братотвореніе въ древней Руси и его церковное освященіе.

Сѣверный, Н.—О необходимости составленія хронологическаго указателя ко всѣмъ, когда либо изданнымъ у насъ, историческимъ актамъ.

Онъ же.—О географическихъ названіяхъ Тульскаго края.

Онъ же.—Объ отношеніи и нуждахъ нашей исторической критики къ основнымъ и второстепеннымъ источникамъ о жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.

Онъ же полагаетъ сдѣлать параллельныя сообщенія къ докладамъ: Д. И. Багалѣя—о составленіи историко-географическихъ словарей губерній и областей Россіи; Д. Я. Самоквасова.—О проектѣ реформы архивнаго дѣла въ Россіи; В. Н. Сторожева—1) О необходимости выработки пріемовъ описанія и изданія документовъ учрежденій XVIII в. и 2) О пріемахъ изданія малорусскихъ источниковъ Костомаровымъ и Карповымъ; А. И. Черепнина—вопросъ о народности племенъ, заселявшихъ Среднюю Россію до XI в.

С. О. Долговъ.—Новыя данныя по Московскому собору 1490 г. противъ жидовствующихъ.

Онъ же.—Пренія въ Новгородѣ въ концѣ XV вѣкѣ объ одной иконографической композиціи (икона „о Бога-Отцы“).

Л. З. Мсеріанцъ.—О книгѣ Н. Я. Марра: „Сборникъ притчъ Вардана“, СПБ. 1894—5.

Д. Я. Самоквасовъ.—Правительственная централизація архивныхъ матеріаловъ въ Западной Европѣ.

Вслѣдствіе просьбы Археографической коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологич. Общества приготовили доклады:

А. Н. Львовъ.—Обзоръ современнаго русскаго законодательства объ архивахъ.

Е. Ф. Шмурло.—Проектъ учрежденія русской архивной коммиссіи при Ватиканскомъ и другихъ итальянскихъ архивахъ.

Г. Н. Шмелевъ.—Теорія и практика архивныхъ описей.

В. В. Нечаевъ.—Описи французскихъ провинціальныхъ архивовъ и публичныхъ библіотекъ.

С. К. Шамбинаго.—Къ вопросу о разборѣ дѣлъ, подлежащихъ храненію и уничтоженію.

Галицкими учеными заявлены слѣдующіе доклады:

1. О мѣстоположеніи галицкаго Звенигорода.

2. Раскопки въ селѣ Чехахъ.
3. Молотовскій кладъ.
4. Анты и ихъ прародина.
5. Изслѣдованіе о русскихъ Хорватахъ.
6. Первоначальное казачество и реформа Баторія (XVI ст.).
7. Галицкое боярство въ XIII столѣтіи.
8. Никодимово евангеліе.
9. Татарскіе набѣги на Галичину въ XV столѣтіи.
10. Орнаментъ на писанкахъ въ галицкой Волыни.
11. Этнографическія черты гуцуловъ.
12. Русскія колоніи въ Бачкѣ.
13. Вопросъ о древней галицко-русской діалектологіи.
14. Объ удареніяхъ въ галицко-русскомъ языкѣ.
15. О діалектологіи въ угорской Руси.

Доклады эти желаютъ доставить профессора Львовскаго университета: Грушевскій и Колесса, а также члены Научнаго Общества имени Шевченка гг.: Кордуба, Шухевичъ, Франко, Татюкъ, Рудницкій и Охремовичъ. Сверхъ того доклады обѣщаны профессорами Черновицкаго университета, гг. Смаль-Стоцкимъ и Студинскимъ.

Новые **запросы**, заявленные къ Съѣзду:

Нидерле Л.—О лучшей постановкѣ славяновѣдѣнія и взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ ученыхъ.

Бунинъ, А. И.—Гдѣ находились города: Шарукань, Сугровъ, Осеневъ, Балинъ или Галинъ, Чешюевъ или Чешлюевъ и рѣка Салница, упоминаемые въ лѣтописяхъ при описаніи походовъ въ землю Половецкую въ 1111 и 1116 гг. и рр. Сюурлія и Каяла—въ походѣ 1185 г.?

Онъ же.—Гдѣ находились города: Римовъ, Дмитровъ, Зартый, Попашъ, Бълхань или Вълхань, Глѣбль или Глѣбовъ, Старая Бѣловежа, Ярышевъ, Сповскъ, Оргощъ, Семынь, Хороборь и Уневѣжъ?

Онъ же.—Не было ли изслѣдовано и сдѣлано какихъ-либо находокъ древнихъ вещей: на городищѣ древняго Выря (на коемъ теперь находится городъ Бѣлополье, Сумскаго уѣзда); на упоминаемыхъ въ книгѣ Большого Чертежа городищахъ, расположенныхъ: а) по Сѣверному Донцу: Нежегольскомъ, Салтановскомъ, Котковскомъ или Колковскомъ, Гумниньѣ, Чугуевѣ, Мохначевѣ, Змѣевѣ и Каменномъ и б) по р. Удамъ: Кабановѣ, Хорошемъ и Донецкомъ, а также на упоминаемыхъ

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

въ маѣ и іюнѣ 1899 г.

Н. Е. Сѣверный. Указатель источниковъ, относящихся къ исторіи Тульскаго края. Тула. 1899.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Т. XV. Вып. 1—2, 3. Казань. 1899.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Band XXIX. Heft 1, 2. Wien. 1899.

Národní Hlásnik. Turc. Sw. Martin 1899. Ročnik XXXII. Cislo 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. U Zagrebu 1898. L. Knjiga CXXXVI.

Starine na swiet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanostii Umjetnosti. U Zagrebu 1898. Knjiga XXIX.

М. И. и *В. И. Успенскіе.* Древнія иконы изъ собранія А. М. Постникова. Изд. при Спб. Археол. Институтѣ. Спб. 1899.

В. И. Успенскій. Переводъ съ древнихъ иконъ изъ собранія А. М. Постникова, издано при Спб. Археол. Институтѣ. Спб. 1898.

Искусство и Художественная промышленность, изд. Имп. Общ. поощренія худ. Спб. 1899. № 4—5 январь, февраль. № 6 мартъ, апрѣль.

Споменик Српска Кральевска Академија Београд 1898. XXXIII. Други разред 30.

Автобіографија протосинтчела Кирила Цвјетковитча и негово страданье за православье. Српска Кральевска Академија. Београд. 1898.

Глас Српске Кральевске Академија. Београд. 1898. LVI. Први разред 20.

Ученыя записки Импер. Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1898. № 5; 1899. № 1.

Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Книга I. Москва. 1899.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Львів. 1899. Кн. I. Т. XXVII, XXVIII, кн. II.

Протоколъ № 4 засѣданія 16 ноября 1898 г. Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи. Ташкентъ. 1898 г.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Рязань. 1899. Т. XIII. Вып. III. 1898 г. Т. XIV, вып. 1, 1899.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго Общества. 1898 г. Т. XXIV. Вып. 5. Спб. 1898.

Монголія и монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892 — 1893 гг. *А. Позднѣевымъ.* Т. II. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1898.

Указатель къ описи Тамбовскаго Историческаго Архива. Прилож. къ Извѣстіямъ Коммиссіи. Ч. II. Тамбовъ. 1890.

Университетскія Извѣстія. Кіевъ. 1899. № 2, 3, 4.

Ученыя записки Имп. Казанскаго университета. Казань 1899. № 3, 4, 5, 6.

L'Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme. T. X. № 1, 2. Paris. 1890.

Палестинскій патерикъ. Изд. Имп. Палест. Общ. Вып. 9. Спб. 1899.

Сообщенія Имп. Правосл. Палест. Общ. Спб. 1899. Т. IX. Приложенія; декабрь. 1898 г.

Православный Палестинскій Сборникъ, изд. Имп. Правосл. Палест. Общ. Вып. 49. Спб. 1898 г.

XIX Amtlicher Bericht über die Verwaltung der naturhistorischen, archaeologischen und ethnologischen Sammlungen des Westpreussischen Prowinzial-Museum für das Jahr. 1898. Danzig. 1899.

Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Москва. 1899. Изд. Геогр. Отд. Общ. Люб. Ест.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи. Кн. XI. Москва. 1899.

Notizie degli scavi di Antichitá, communicate alla R. Accademia dei Lincei. Roma. 1898. Decembre. 1898. № 1. 1899.

Каталогъ Военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Вып. I—VII. Спб. 1887—1895.

Филологическія записки. Вып. VI. Воронежъ. 1898.

Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество въ Софія. Кн. 58. София. 1899.

Годичный актъ Имп. Петерб. университета. 8 февраля 1899.

Записки Историко-Филологическаго факультета Императ. Петерб. университета. Части XLVIII, LI, XXV. Спб. 1898, 1899.

Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго къ 30-лѣтней годовщинѣ его ученой и педагогической дѣятельности отъ учениковъ и слушателей. Спб. 1897.

Протоколы засѣданій совѣта Имп. Петерб. университета за 1897 и 1898 года. №№ 53, 54. Спб. 1898, 1899.

Житіе преп. Прокопія Устюжскаго. Изд. Общ. Люб. Др. Письм. Спб. 1893.

Лицевой лѣтописецъ XVII в. Спб. 1893.

Описаніе славяно-русскихъ лѣтописей. А. А. Титова. Т. I. Ч. I. Спб. 1893.

Очерки изъ литературной исторіи синодика, *Е. В. Пѣтухова.* Спб. 1898.

Описаніе рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. *Н. Никольскаго.* Спб. 1897 г.

Синодикъ Полясниковской церкви. Вып. I. Спб. 1896.

Описаніе рукописей Имп. Общ. Люб. Др. Письм. Ч. I, II. Спб. 1892, 1893.

Лицевой Сійскій Иконописный Сборникъ. Вып. 1, 2, 3 и 4. Спб. 1894—1897.

В. П. Бузескулъ. Новое изслѣдов. по исторіи папства. Спб. 1899.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1898 г. Одесса 1899.

Mittheilungen des Anthropologischen Vereins in Schleswig-Holstein. Heft 12. Kiel. 1899.

Bulletin de la société archéologique du midi de la France. № 22. Toulouse. 1898.

Inventaires et documents, publiés par l'administration des archives nationales. Inventaires des arrêts du Conseil d'état. T. I, II. Paris. 1886, 1893.

Catalogue des manuscrits, conservés aux Archives nationales. Paris. 1892.

Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements. T. I—VII. Paris. 1849—1885.

Catalogue des manuscrits, conservés dans les dépots d'archives départementales et hospitalières. Paris. 1886.

Catalogue général des manuscrits des bibliothèques de France. Bibliothèque Mazarine. T. I—IV. Paris. 1885—1892. Supplément. 1898.

Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France. Bibliothèque Sainte-Geneviève. T. I, II et introduction. Paris. 1893—1898; Bibliothèque de l'Arsenal. T. I—VII; IX, fasc. 1, 2, 3 Paris. 1885—1894.

Catalogue général des manuscrijs des bibliothèques publique de France—départéments. Catalogue des manuscrits grecs. Paris. 1886.

Catalogue des manuscrits des bibliothèques publiques de France—départements.— T. I—XXX; XXXI, XXXII. Paris. 1886—1897.

Musée des archives départementales, recueil de fac-simile héliographiques de documents tirés des archives des préfectures, mairies et hospices. Paris. 1878.

Отчетъ о дѣятельности Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества за 1897 г. Омскъ. 1899.

Краткіе отчеты Западно-Сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1894 и 1896 гг. Омскъ. 1898.

Памятники древняго русскаго зодчества, изд Имп. Академіи Художествъ. Сост. *В. В. Сусловъ*. Вып. V. Спб. 1899.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 29. Симферополь. 1899.

Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археол. Коммиссіи. № 21. Обсужденіе проекта стѣнной живописи Новгородскаго Софійскаго Собора. Спб. 1897.

Отчеты Имп. Археологической Коммиссіи за 1895 и 1896 гг. Спб. 1897—1899.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 11—12. 1898. Калуга. 1898.

Тульская Старина. Изд. Тульскаго Историко-Археологическаго Общества. Тула. 1899 г.

Памятники древней письменности. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. №№ 84—114; 115—130. Спб. 1892—1898.

Сказаніе о Тихвинской иконѣ Богородицы. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. Спб. 1892 г.

Можайскіе акты 1506—1775. Сообщеніе архимандрита Діонисія. Спб. 1892.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Т. II. Софія. 1898.

Рад и Именик Матице Српске. Годинe 1898. У Новому Саду. 1899.

Wittig Wictor. Spis monet polskich bitych po upadnu Rzeczypospolitej, z podaniem ich cen amatorsnich. Warszawa. 1899.

Sitzungs-Berichte des Pernauer Alterthumforschenden Gesellschaft. 1897, 1898. Pernau. 1899.

Portygalia. Materiaes para o estudo do povo portuguez. Porto. 1898.

Адресъ-Календарь и Справочная Книжка Уфимской губ. на 1899 г. Уфа. 1899.

А. Бертье-Делагарди. Керменчикъ (Крымская глушь). Одесса. 1899.

Отчетъ о состояніи Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества за 1896 г. Почаевъ. 1899.

Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1898 г. Кіевъ 1899 г.

Free Museum of Science and Art Department of Archaeology and Paleontology Universty of Pennsilvania. Vol. II. № 1. Philadelphia 1899.

Памятная Книжка Воронежской губ. за 1899. Воронежъ 1898.

E. Piette et J. Laporterie. Etudes d'éthnographie préhistorique. V. Fouilles à Brassempouy en 1897. Paris.

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Спб. 1899. Мартъ, апрѣль, май.

Памятная Книжка Уральской Области на 1899 г. Саратовъ. 1899.

Извѣстія Импер. Академіи наукъ. Спб. 1899. Т. X. № 2.

Э. Берендтсъ. Описаніе русскихъ монетъ Музея Ярославской Уч. Архивн. Коммиссіи. Ярославль. 1898.

Отчетъ о дѣятельности Ярославской Уч. Арх. Коммиссіи за 1896—1898 г. Ярославль. 1899.

В. А. Городцовъ. Раскопки могильника по Черной горѣ въ окрестностяхъ с. Великаго Ярославской губ. и уѣзда. Ярославль. 1898.

Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1895 г. Спб. 1898.

Отчетъ о состояніи Астраханской Общественной Библіотеки за 1897 г. Астрахань. 1898.

М. И. Прокоповичъ. „О извощикѣ 1-го Гренадерскаго баталіона (Низового корпуса) Евстифіѣ Артомьевѣ, назвавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“.

Его же. 1725 г. „О содержаніи въ нынѣшнее мирное время арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привесть“.

Его же. Всеподданнѣйшія донесенія гр. Миниха. Ч. I. (1736—1737). Изд. Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1897.

П. И. Щукинъ. Сборникъ старинныхъ бумагъ изъ собранія П. И. Щукина. Ч. V. Москва. 1899.

Отчетъ Воронежской Публичной Библіотеки за 1898 г. Воронежъ. 1899.

Записки Крымскаго Горнаго Клуба 1899 г. № 1, 2, 3, 4. Одесса. 1899.

Вѣстникъ „Народного Дома“ № 2, 3, 4, 5. Львовъ. 1899.

Slovenské Pohl'ady. Časopis Žabavno poučný Ročnik XIX. Sosit 3, 4, 5, 6. Turc. Sw. Martin. 1899.

Памятники, изданные Кіевскою Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. I—II, Кіевъ. 1898.

Труды X Археологическаго Съѣзда въ гор. Ригѣ. 1896. Т. I. Москва. 1899. Т. II. Рига. 1899.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1898 г. Москва. 1899 г.

П. П. Никольскій. „Тульское охранительное ополченіе“ въ 1812 г. Тула 1899.

Всеподданнѣйшія донесенія гр. Миниха. Ч. II. Изд. Военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1899.

Schesiens Vorseit in Bild und Schrift. Zeitschrift des Vereins für das Museum schlesischer Altertümer. Breslau. 1899. Band. VII, Heft 4.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1892 г. Минусинскъ. 1899.

Летопис матице српске. Свеска друга. Кн. 198. У Новому Саду. 1899.

Протоколы засѣданій Истор.-Филолог. Общ. при Новороссійскомъ университетѣ. Одесса. 1891. № 9, 10, 11 и 12.

Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1898. Jurjew. 1899.

Отчетъ Общества изученія Амурскаго края за 1897 г. Владивостокъ. 1899.

Записки Импер. Новороссійскаго университета. Т. 74, 75 и 76. Одесса. 1899.

Bulletin international de l'Académie des Sciences de Cracovie. Avril. 1899. Cracovie 1899.

Е. Рѣдкинъ. Franz Xaver Kraus. Geschichte de christischen Kunst. Отт. изъ № 1 „Византійскаго Временника“. 1899.

Е. К. Рѣдинъ. Сирійская рукопись Евангелія съ миніатюрами XIII в. библіотеки Британскаго музея. Одесса. 1898.

Памятная книга г. Смоленска. Сост. С. И. Писаревъ. Смоленскъ. 1898.

Русская Историческая Библіотека. Т. XVII, XVIII. Спб. 1898.

Schriften der Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg in Pr, Königsberg. 1898.

Указатель къ первымъ осьми томамъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей. Изд. Археографическою Коммиссіею. Отд. I. Т. II. Спб. 1898.

А. С. Петрушевичъ. О Соборной Богородичной церкви въ г. Галичѣ. Вып. I.

Записки Пріамурскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическ. Общества. Т. IV. Вып. IV. Хабаровскъ. 1898.

I. Бликовъ. „О бывшемъ Пушкинѣ“.

Его же. Павелъ Исааковичъ Ганнибалъ, дядя А. С. Пушкина.

Живая Старина, изд. отдѣленія этнографіи Императ. Русск. Геогр. Общества. вып. III и IV. Спб. 1898.

Епископъ Киріонъ. Заслуги Грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и Общества. Тифлисъ. 1899.

В. Г. Карбеловъ. Карталинско-Кахетинское церковное пѣніе „Карбеловскаго напѣва“. Ч. I. „Вечерня“. Тифлисъ. 1897.

Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft. Jurjew. 1898. Band 19, 20.

Archaeologische Karte von Liv-Est- und Kurland im Aufrage der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Jurjew 1896.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

1899 г. №№ 8—10

Археологическія извѣстія и замѣтки

издаваемыя

Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Карнакскій храмъ и его раскопки.

По поводу работъ, предпринятыхъ G. Legrain'омъ *).

Среди другихъ отраслей оріентальной науки, египтологіи—въ самомъ широкомъ значеніи этого термина—особенно посчастливилось за послѣдніе два-три года. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны идутъ дѣятельныя археологическія развѣдки [1]) и выходятъ въ свѣтъ ученые труды, представляющіе факты, добытые этими развѣдками, въ связи съ болѣе или менѣе талантливыми попытками ихъ освѣщенія; припомнимъ труды *Amelineau* (Les nouvelles fouilles d'Abydos (1897 — 98). P. 1898), *Rougé* (Monuments contemporains des deux premières dynasties récemment découvertes en Egypte. P. 1898), *Capart* (Notes sur les origines de l'Egypte d'après les fouilles récentes. Bruxelles. 1898), *Flinders Petrie* (Six Temples at Thebes. London 1897) и пр.; далѣе, продолжаютъ появляться труды, посвященные изслѣдованію или пересмотру уже

*) Рефератъ, читанный въ Восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

[1]) Срв., напр., важныя археологическія открытія, произведенныя недавно въ Египтѣ французскимъ археологомъ-египтологомъ Лорэ.

ранѣе извѣстнаго матеріала, къ каковымъ принадлежатъ работы: *Orazio Marucchi* (Gli obelischi egiziani di Roma illustrati con traduzione dei texti geraglifici—трудъ, вышедшій недавно пересмотрѣннымъ изданіемъ *Тураева* (Богъ Тотъ, С.-Петербургъ 1898) [2]) и др. Съ другой стороны, уже начинаетъ появляться и болѣе популярная литература объ Египтѣ. Не такъ давно (въ концѣ прошлаго года) вышелъ въ свѣтъ литературно-историческій опытъ приватъ-доцента страсбургскаго университета, египтолога *Wilh. Spiegelberg'a*—Die Novelle im alten Aegypten [3]), представляющій его „conférence", прочитанную въ Страсбургѣ и разсчитанную на „большую публику;" въ непродолжительномъ времени должно появиться сочиненіе проф. *Steindorff'a*—Die Blütezeit des Pharaonenreichs, какъ одинъ изъ выпусковъ изданія „*Monographien zur Weltgeschichte*," также предназначаемое для болѣе широкаго круга, нежели ученые спеціалисты.

Среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ этюдовъ по египтологіи, нельзя не отмѣтить работъ, предпринятыхъ французскимъ ученымъ *Georges Legrain'омъ* и имѣющихъ своею цѣлью раскопки и, такъ сказать, приведеніе въ порядокъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ не только египетскаго, но и всемірнаго зодчества, а именно такъ называемаго Карнакскаго храма [4]). Подъ этимъ именемъ извѣстенъ конгломератъ храмовыхъ развалинъ, находящихся на правомъ берегу Нила, въ сѣверо-восточной части площади, которую занимали древніе Ѳивы; само названіе „Карнакъ" принадлежитъ, какъ извѣстно, деревушкѣ, расположенной въ этой мѣстности. Этотъ карнакскій храмъ—самый обширный и величественный не только изъ храмовъ Египта, но и всего міра,—служащій однимъ изъ „great attraction" для современныхъ туристовъ, посѣщающихъ страну фараоновъ,—представляетъ собою цѣнный памятникъ въ исторіи культуры нильской долины, такъ какъ въ немъ во-

---

[2]) Объ этомъ почтенномъ трудѣ петербургскаго египтолога см. нашу библіографическую замѣтку въ „Русской Мысли", 1899, кн. IV, представляющую докладъ, прочитанный въ одномъ изъ засѣданій Восточной Коммиссіи (см. „Археологич. Извѣстія и Замѣтки, 1899, № 1).

[3]) Объ этомъ этюдѣ въ области древне-египетской литературы срв. нашу библіографическую замѣтку въ „Русской Мысли" 1899, кн. VI.

[4]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ извѣстный Шампольонъ выразилъ свое изумленіе передъ развалинами Карнака: J'allai enfin au palais ou plutôt à la ville des monuments, à Karnak. Là m'apparut toute la magnificence pharaonique, tout ce que les hommes ont conçu et imaginé de plus grand. Tout ce que j'avais vu à Thèbes, tout ce que j'avais admiré avec enthousiasme sur la rive gauche me parut misérable en comparaison des constructions gigantesques dont j'étais entouré. Je me garderai bien de vouloir rieu décrire; car ou mes expressions ne vaudraient que la millième partie de ce qu'on doit dire en parlant de tels objets, ou bien, si j'en traçais une faible esquisse, même fort décolorée, on me prendrait pour un enthousiaste, peut être même pour un fou..." (Lettres d'Egypte, 79—80).

плотились и отразились результаты многовѣковаго, какъ политическаго, такъ и духовнаго развитія страны, за время такъ называемаго *ѳиванскаго* періода.

Ѳиванскій періодъ, смѣнившій собою мемфисскій, т. е. древнѣйшій періодъ въ исторіи Египта, является, во многихъ отношеніяхъ, знаменательнымъ въ развитіи этой страны. Этотъ ѳиванскій періодъ, иначе—эпоха „средняго царства“ [5]), былъ временемъ наивысшаго политическаго и культурнаго благосостоянія Египта. Въ этотъ періодъ достигаютъ наибольшаго развитія какъ литература, такъ и искусство. Незначительный въ предшествующій періодъ, провинціальный городъ Ѳивы возвышается на степень первенствующаго и становится, такимъ образомъ, центромъ тяжести государственной жизни. Фараонамъ ѳиванскихъ династій суждено было сыграть героическую роль въ исторіи Египта. Нашествіе гиксовъ, грозившее окончательно уничтожить жизнь Египта, какъ политическаго тѣла, встрѣтило въ нихъ мощную преграду. Въ Ѳивахъ, въ это время, сосредоточилась народная египетская жизнь, Ѳивы, какъ говоритъ Масперо, стали „убѣжищемъ египетской національности“. Но ѳиванскіе фараоны не только удержали наступательное движеніе „варваровъ“; благодаря вѣковой борьбѣ, которая велась съ неослабѣваемою энергіей они достигли того, что пришельцы, въ концѣ концовъ, очистили долину Нила. Это, знаменательное въ исторіи Египта событіе относится ко времени XVIII-й династіи, которая открываетъ собою эпоху великихъ военныхъ предпріятій. Одновременно съ политическимъ возвышеніемъ Ѳивъ шло также и усиленіе значенія божествъ мѣстнаго пантеона: ѳиванская божественная тріада—Амонъ, Мутъ, Хонсу—становится *общеегипетскою* и карнакскій храмъ, посвященный этой тріадѣ, пріобрѣтаетъ, въ связи съ этимъ, общенародное, всеегипетское значеніе.

Карнакскій храмъ возникъ не сразу: онъ представляетъ собою результатъ постепеннаго возникновенія, причемъ самое возникновеніе находилось въ зависимости какъ отъ различнаго рода обстоятельствъ,

---

[5]) Политическую исторію Египта (начиная отъ Менеса и до Нектанеба) принято, обыкновенно, раздѣлять на три періода: *древняго*, *средняго* и *новаго* царства. Болѣе соотвѣтствующее ходу исторіи раздѣленіе по періодамъ исторіи Египта мы находимъ, напримѣръ, у *Maspero* (Histoire ancienne des peuples de l'Orient), у котораго оно представляется въ слѣдующемъ видѣ: I періодъ—*мемфисскій* (1—10 династіи); II періодъ—*ѳиванскій* (11—20 династіи), раздѣляющійся вторженіемъ Гиксовъ на періодъ *древне-ѳиванской имперіи* (11—16 династіи) и на періодъ *ново-ѳиванской имперіи* (16—20 династіи); III періодъ—*саисскій* (21—30 династіи), въ свою очередь разбивающійся персидскимъ вторженіемъ на *1-й саисскій періодъ* и на *2-й саисскій періодъ*. (Къ этимъ періодамъ примыкаетъ *четвертый*, образуемый *греко-египетскимъ царствомъ*, т. е. періодъ Птолемеевъ до обращенія Египта въ римскую провинцію).

такъ и отъ строительнаго усердія фараоновъ [6]). Древнѣйшія части этого храмового комплекса относятся ко времени царствованія Узортезена I, фараона XII династіи, особенно отличавшагося по части возведенія тѣхъ или другихъ памятниковъ зодчества или инженернаго искусства. Ставъ главнымъ святилищемъ Египта, карнакскій храмъ, подобно дельфійскому, все время испытывалъ на себѣ знаки почета и щедротъ, какъ со стороны національныхъ фараоновъ и царей—Птолемеевъ, такъ и со стороны царей эѳіопской династіи, владѣвшей одно время Египтомъ, и римлянъ. Почти каждый фараонъ (независимо отъ того, было ли это царствованіе непрерывнымъ рядомъ тріумфовъ — какъ, напримѣръ, Тутмеса III, Рамзеса II и др.,—или же, напротивъ, его страна испытывала всѣ ужасы войны и непріятельскаго нашествія — какъ, напримѣръ, при Нектанебѣ) — старался сдѣлать какую-нибудь пристройку къ храму, какъ-нибудь расширить или украсить его, чтобы такимъ путемъ увѣковѣчить свое имя. Стѣны отдѣльныхъ залъ или храмовыхъ сооруженій служили для властителей Египта вѣчною хартіей для начертанія не только достославныхъ событій ихъ царствованія, но также и международныхъ актовъ (какъ, напримѣръ, договора съ Хиттеянами); далѣе, эти же стѣны покрывались изображеніями, иллюстрировавшими военные подвиги фараоновъ (напр., Сети I, Рамзеса II и др.) и даже цѣлыми поэмами, воспѣвавшими ихъ дѣла. (Вспомнимъ такъ называемую „эпическую поэму Пентаура“).

Здѣсь я не намѣренъ излагать исторіи постепеннаго возникновенія карнакскаго храма. Кратко упомяну лишь о строительной дѣятельности Тутмеса III, извѣстнаго фараона-завоевателя (XVIII династіи), перестроившаго основное святилище и, со своей стороны, прибавившаго новое, съ большой гипостильною залою, а также соорудившаго дворцовое зданіе. Далѣе, особенно должна быть отмѣчена дѣятельность фараоновъ XIX и XX династій, въ царствованіе которыхъ *) была сооружена знаменитая гипостильная зала, а также сдѣланы и другія пристройки [7]).

Однако исторія карнакскаго храма не состоитъ изъ однихъ данныхъ положительнаго характера. Она имѣетъ также и свои минусы,

---

[6]) Ходъ постепенныхъ наращеній карнакскаго храма, начиная съ эпохи XII династіи и до Птолемеевъ, изображенъ нагляднымъ образомъ—при помощи различной для каждой эпохи окраски—въ капитальномъ трудѣ *Маріетта*—Karnak, étude avec un appendice, comprenant les principaux textes hiéroglyphiques.

*) За 18 вѣковъ до Р. Х. *Прим. ред.*

[7]) На русскомъ языкѣ можно познакомиться — вкратцѣ — съ исторіей возникновенія карнакскаго храма въ статьѣ *Б. Тураева*—„Карнакъ“, помѣщенный въ *Энциклопедическомъ словарѣ* Брокгауза и Эфрона (s. v.).—См. также „Всеобщую Исторію Г. *Вебера* (русс. переводъ Андреева), т. I (Москва 1885), стр. 100—102.

заключающіеся въ тѣхъ поврежденіяхъ и разрушеніяхъ, которыя испыталъ знаменитый храмъ отчасти отъ невѣжества и варварства (опустошенія, совершенныя какъ персами и арабами, такъ и мѣстными христіанами и феллахами), отчасти отъ природы (землетрясенія и наводненія Нила). Но всетаки карнакскій храмъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (преимущественно въ западной) смогъ выдержать всѣ обрушившіяся на него невзгоды и вотъ теперь онъ вновь появляется передъ нами, какъ бы забытый свидѣтель мощи и величія одной изъ совершившихъ свой путь цивилизацій.

Рис. 1.
Ходъ Тутмеса III до реставраціи.

Но прежде, чѣмъ перейти къ реставраторской дѣятельности Legrain'а, быть можетъ, не будетъ излишне припомнить, въ общихъ чертахъ, планъ карнакскаго храма [8]). Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что этотъ храмъ распадается на двѣ крупныя части: западную и восточную (или, какъ у Perrot и Chipiez, „partie antérieure“ и „partie postérieure“), отдѣленныя другъ отъ друга открытымъ проходомъ. Западная часть храма представляетъ собою „pronaos“, тогда какъ восточная является

[8]) Подробности въ этомъ отношеніи см. въ классическомъ трудѣ *Perrot* и *Chipiez*— Histoire de l'art dans l'antiquité. T. I (L'Egypte), p. 368 sq.; см. также общій планъ карнакскаго храма на стр. 364 и въ концѣ тома pl. IV: Vue générale de Karnak (Restauration des parties existantes).

собственнымъ святилищемъ („naos“). Въ „pronaos“ мы отмѣтимъ наиболѣе существенныя части: открывающійся вслѣдъ за пилонами огромныхъ размѣровъ перистильный дворъ, восходящій ко времени эѳіопскихъ завоевателей и царей Бубастидовъ, и знаменитую гипостильную*) залу (102×51 м.), „чудо Карнака“, плафонъ которой поддерживался 134 колоннами колоссальныхъ объемовъ, при чемъ 12 колоннъ, пре-

Рис. 2.
Ходъ Тутмеса III послѣ реставраціи.

восходившія величиною остальныя, будучи расположены по шести въ рядъ, составляли центральный проходъ или аллею [9]).

Восточная (или задняя) часть карнакскаго храма сохранилась не въ столь удовлетворительномъ видѣ, какъ только что разсмотрѣнная западная (или передняя). Perrot и Chipicz, переходя къ ея описанію, го-

---

*) Т.-е. съ кровлей, поддержанной колоннами. *Ред.*

[9]) См. у *Perrot* и *Chipiez* въ приложенія въ 1 тому „Histoire de l'art dans l'antiquité“—реставрированное изображеніе этой залы (Vue perspective de la grande sale hypostyle du temple de Karnak).

ворятъ: „Nous ne prétendons pas indiquer l'usage de chacune des nombreux pièces dont les débris, *souvent très confus,* remplissent la partie postérieure du réctangle“ (Histoire de l'art dans l'antiquité, I, p. 372). Здѣсь, въ этой древнѣйшей части Карнака, находился „secos“, но гдѣ именно, этого сказать теперь, „dans l'état actuel des ruines“ — какъ говорятъ Perrot и Chipiez — не представляется возможнымъ. Изъ отдѣльныхъ построекъ этой части отмѣтимъ гипостильную залу, построенную царемъ XVIII династіи — Тутмесомъ III („promenoir de Toutmès“).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ обзору работъ г. Legrain'a, насколько имѣется пока о нихъ свѣдѣній.

Рис. 3.

Аллея бараноголовыхъ сфинксовъ.

G. Legrain („inspecteur du service des antiquités egyptiennes“) началъ свои археологическія развѣдки въ Карнакѣ въ 1895 году. Его археологическая дѣятельность можетъ быть сведена: 1) къ расчисткѣ храмовыхъ зданій отъ всякихъ наносовъ, накопившихся здѣсь въ теченіе вѣковъ, и 2) къ выпрямленію и приведенію въ порядокъ самыхъ построекъ или ихъ отдѣльныхъ частей, какъ-то колоннъ и т. д.

Расчистка храмовыхъ зданій, помимо другихъ соображеній, вызывалась прямо необходимостью. Дѣло въ томъ, что цѣлыя горы такъ называемаго „sebak“-а (т. е. мусора, песка и т. д.), покрывавшія собою зданія или ихъ отдѣльныя части, отзывались на нихъ самымъ

пагубнымъ образомъ. Именно, когда этотъ „sebak“ приходилъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты „Temps“, въ соприкосновеніе съ водою (во время наводненій Нила), то соли заключавшихся въ немъ веществъ растворялись и поднимались на поверхность. Затѣмъ, когда вода спадала, соли кристализировались и дѣйствіе ихъ разрушающимъ образомъ сказывалось на камнѣ зданій. Для того, чтобы избавиться отъ солей „sebak“-а, Legrain призвалъ на помощь наводненіе, про-

Рис. 4.
Часть залы „чудо Карнака“, до реставраціи.

рывъ для этой цѣли, небольшой каналъ отъ Нила. Вода, такимъ образомъ, вступила въ храмовыя зданія, промыла ихъ и унесла съ собою соли „sebak“-а.

Въ продолженіе трехлѣтней работы Legrain'у удалось, при помощи 700 феллаховъ, расчистить большой дворъ западной (передней) части храма, очистить и реставрировать находящійся здѣсь храмъ Рамзеса III, пересѣкавшій собою южную ограду храма, съ его огромными колоссами, которыя онъ поставилъ на свои мѣста; далѣе, онъ рестав-

вριровалъ дворецъ Тутмеса III, такъ называемое „promenoir“ и помѣщеніе, на стѣнахъ котораго находятся изображенія животныхъ и растеній, вывезенныхъ изъ Сиріи Тутмесомъ III („Le jardin botanique“), расчистилъ аллею, состоящую изъ „кріокефальныхъ“ сфинксовъ,—аллею, начинавшуюся отъ храма Рамзеса III и доходившую до древняго берега р. Нила. Здѣсь, на камняхъ набережной сохранились записи съ указаніями на наводненія съ 960 г. до 647 (до Р. Х.),—открытіе,

Рис. 5.
Средняя аллея залы „чудо Карнака“, послѣ реставраціи.

представляющее немаловажное значеніе для исторіи египетской гидрологіи. Въ настоящее время, расчистивъ знаменитую гипостильную залу („чудо Карнака“), г. Легрэнъ предпринялъ полную реставрацію наполняющихъ ее колоннъ *), при чемъ ему удалось выпрямить одну колонну, грозившую не только паденіемъ, но и разрушеніемъ самой залы. Достигнуто это было слѣдующимъ образомъ: колонна была засыпана зем-

*) Высота ихъ 23 и 18 метровъ, діам. 3,20 и 2,8 метр.—*Редакція.*

лею отъ основанія до своихъ верхнихъ частей; затѣмъ, послѣдовательно отдѣляли каждую составную часть колонны (архитравъ, капитель, отдѣльныя барабаны), предварительно освобождая ее отъ земли; наконецъ, когда колонна, такимъ образомъ, оказалась разобранною, тогда ее сложили вновь.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, сущность работъ, исполненныхъ до сихъ поръ Legrain'омъ,—работъ, о которыхъ *пока* [10]), къ сожалѣнію, мы имѣемъ лишь краткія, предварительныя свѣдѣнія, появившіяся во французской періодической прессѣ [11]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ непродолжительномъ будущемъ появятся болѣе подробные отчеты о ходѣ работъ въ Карнакѣ,—работъ, отъ которыхъ можно ожидать очень много важнаго, какъ для выясненія неясныхъ и спорныхъ пунктовъ относительно отдѣльныхъ частей этого храма въ частности [12]), такъ и для исторіи египетскаго искусства вообще.

Л. Мсеріанцъ.

II.

Археологическая хроника.

—— Въ августѣ 1899 года при канализаціонныхъ работахъ на Воздвиженкѣ, противъ манежа, вдоль дома кн. Гагарина находили массу череповъ и извлекали обломки плитъ. Извлечена была одна цѣльная плита съ надписью, въ серединѣ которой, послѣ 4—5-й строкъ, читается

ҁ҃з҃д декабря въ к҃ѕ день
преставися
раба (Бж҃ія?)

—— Въ томъ же мѣсяцѣ при работахъ во дворѣ Воздвиженской церкви на Воздвиженкѣ (бывшій Воздвиженскій монастырь) найдено много обломковъ плитъ съ украшеніями и одна цѣлая плита съ надгробной надписью 30-хъ годовъ XVI вѣка.

—— XI Археологическій съѣздъ состоялся въ Кіевѣ 1—20 августа. Ниже, въ отдѣлѣ засѣданій обществъ, помѣщаются подробныя свѣ-

---

10) Настоящій рефератъ былъ написанъ въ февралѣ 1899 г., а прочтенъ 16 марта.

11) Наши свѣдѣнія о ходѣ работъ Legrain'а мы почерпнули изъ статьи г. V. „La restauration du temple de Karnak, помѣщенной въ *Illustration*, 1899, №№ 2916 и 2917.—Болѣе подробныя статьи слѣдуетъ отмѣтить въ корреспонденціяхъ журналовъ *Temps* и *Journal des Débats*.

12) Сюда относится, напримѣръ, уже упомянутый выше вопросъ о „sekos"—ѣ.

дѣнія о его собраніяхъ и постановленіяхъ. Здѣсь укажемъ только, что и внѣ Археологическаго Съѣзда вызванное имъ общеніе славянскихъ ученыхъ и нашихъ славистовъ привело къ намѣренію учредить періодическіе съѣзды славистовъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ по очереди. Мѣстомъ перваго собранія избрана Прага, гдѣ предполагается устроить съѣздъ славистовъ въ 1900 году.

—— **Раскопки въ Козацкомъ (сельцѣ Херсонск. у.).** Берегъ р. Козака, притока Днѣпра, у с. Козацкаго носитъ слѣды поселенія, существовавшаго въ глубокой древности. При расчисткѣ въ 1896 г. земли подъ виноградникъ здѣсь найдено множество черепковъ отъ античной посуды и нѣсколько цѣльныхъ вещей: два круглыхъ металлическихъ зеркала, глиняная лампочка, нѣсколько глиняныхъ пряслицъ, мозаичная серьга, кремневый скребокъ и мн. др., — все это хранится въ Херсонскомъ археологическомъ музеѣ. Прилегающая степь покрыта множествомъ кургановъ различной величины, начиная отъ едва замѣтныхъ до высокихъ, съ вершинъ которыхъ открывается далекій горизонтъ. Интересуясь изслѣдованіемъ мѣстной старины, владѣлецъ имѣнія Козацкое, князь П. Н. Трубецкой, пригласилъ сюда хранителя Херсонскаго археологическаго музея В. И. Гошкевича, подъ руководствомъ котораго были вскрыты 7 и 8 сентября три небольшихъ кургана. Одинъ изъ нихъ, едва замѣтный, заключалъ подъ своей насыпью небольшую могилу, вырытую съ запада на востокъ; въ ней лежалъ скелетъ на спинѣ, ногами къ востоку, съ нѣсколько приподнятой головой; кисти рукъ покойника были сложены на тазовыхъ костяхъ; правая нога протянута, а лѣвая согнута въ колѣнѣ вправо. Въ другомъ курганѣ насыпь была повыше — около аршина; могила, глубиною въ два аршина, была вырыта въ томъ же направленіи, отъ запада къ востоку. Интересно, что западная стѣнка могилы была устроена уступами, на каждой ступенькѣ лежала каменная плита. Къ сожалѣнію, могила оказалась разграбленной: раздробленныя кости человѣка найдены въ могильной землѣ, а на днѣ могилы, у восточной стѣнки, оказалась полусгнившая рукоятка ножа,—желѣзнаго, судя по сохранившемуся въ рукояткѣ кусочку желѣза. Третій курганъ былъ еще нѣсколько выше: до $1^1/_2$ аршина. Могила въ немъ была также со ступеньками и также вырыта съ запада на востокъ. На днѣ могилы найдены конскія кости, а человѣкъ былъ погребенъ въ небольшой пещерѣ, выдолбленной въ западной стѣнкѣ могилы. Покойникъ былъ зарытъ въ сидячемъ положеніи. Въ насыпяхъ всѣхъ трехъ кургановъ, какъ и въ самыхъ могилахъ, попадались большіе камни — мѣстный известнякъ, очевидно, нарочно туда уложенные. Кости всѣхъ трехъ покойниковъ

настолько истлѣли, что, при сдавливаніи ихъ между пальцами, превращались въ порошокъ. Судя по устройству могилъ и способу погребенія, въ связи съ указаннымъ состояніемъ костей, всѣ открытыя погребенія должны быть отнесены къ весьма отдаленнымъ временамъ. Князь П. Н. Трубецкой предполагаетъ въ будущемъ году продолжать изслѣдованіе кургановъ на своей землѣ. Найденные въ могилахъ два человѣческихъ черепа князь любезно уступилъ Херсонскому музею. („Югъ", 436).

—— **Кладъ XI вѣка въ Кіевѣ.** Кладъ, найденный 28 августа въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго, на Екатерининской улицѣ, № 9 (бывшій А. В. Гудимъ-Левковича), въ Липкахъ, при ближайшемъ ознакомленіи съ предметами находки, оказывается имѣющимъ крупное археологическое значеніе. Кладъ подробно былъ разсмотрѣнъ извѣстнымъ знатокомъ восточныхъ монетъ, почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ и профессоромъ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичемъ.

Кладъ найденъ былъ рабочими-каменщиками при выкопкѣ ямы для извести. Обнаруженъ кладъ на глубинѣ около аршина. Кладъ, повидимому, хранился въ глиняномъ горшкѣ, который оказался разбитымъ на мелкія части. Изъ подъ земли извлечены были слѣдующіе предметы: 16 золотыхъ монетъ, 3 золотыхъ браслета, 2 массивныя полосы золота на подобіе палочекъ сургуча, заржавленный желѣзный замокъ и ручка отъ глинянаго горшка.

31 августа владѣлецъ усадьбы, въ которой найденъ былъ кладъ, Л. И. Бродскій, возвратился въ Кіевъ и обратился къ В. В. Вельяминову-Зернову и проф. В. Б. Антоновичу съ просьбой высказать свое мнѣніе о значеніи найденнаго клада. По ихъ мнѣнію, найденный кладъ представляетъ особенный интересъ, какъ по древности монетъ X—XI вѣковъ, найденныхъ на территоріи Кіева, такъ и по золотымъ гривнамъ. Находка золотыхъ гривенъ представляетъ особенный интересъ, такъ какъ о существованіи подобныхъ гривенъ въ древней Руси имѣются самыя неопредѣленныя и разнорѣчивыя указанія. Въ сочиненіяхъ восточныхъ мусульманскихъ писателей сохранилось извѣстіе, что при возвращеніи на родину участниковъ походовъ Тамерлана, ими были принесены съ собой не только серебряные, но и золотые слитки. Находка золотыхъ гривенъ въ Кіевѣ подтверждаетъ, что дѣйствительно въ древности находились въ обращеніи на территоріи Руси золотые слитки. Такихъ гривенъ, конечно, имѣлось тогда ограниченное число, такъ какъ золото въ X и XI вѣкахъ было значительно дороже,

чѣмъ въ настоящее время. При этомъ не безъинтересно напомнить, что стоимость серебра, напр., въ началѣ XV вѣка, до открытія Америки, превышала нынѣшнюю его стоимость почти въ восемь разъ. Еще дороже было золото. Этимъ отчасти объясняется ненахожденіе золотыхъ гривенъ до послѣдняго времени. Впрочемъ, въ нумизматической литературѣ существуютъ указанія, что въ нѣкоторыхъ цѣнныхъ собраніяхъ были единичные экземпляры золотыхъ гривенъ. Упоминается также о золотыхъ гривнахъ, бывшихъ въ обращеніи въ Новгородѣ.

Сообщаемъ краткое описаніе предметовъ клада. Обѣ золотыя гривны представляютъ куски литого золота на подобіе палочекъ сургуча. Оба слитка продолговатой формы, немного приплюснуты. Большая гривна вѣситъ 33 зол. и 56 дол., и меньшая 22 зол. 30 дол. Большая гривна около 3 верш. длины, меньшая немного короче. Оба конца меньшей гривны закругленные, у большей же только одинъ конецъ закругленный, другой же представляется какъ бы отрубленнымъ. На большой гривнѣ имѣются какія-то насѣчки.

Два золотыхъ обруча, служившіе, очевидно, браслетами, представляютъ согнутый въ кругъ золотой стержень, толщиной въ карандашъ. Концы согнутаго стержня немного не соприкасаются. Работа этихъ браслетовъ самая примитивная, безъ всякой отдѣлки. Большой браслетъ вѣситъ 27 зол. 32 доли, меньшій 23 зол. 32 доли.

Третій браслетъ, также изъ золота, представляетъ значительный интересъ въ художественномъ отношеніи. Онъ состоитъ также изъ золотого стержня, согнутаго въ кругъ. Но стержень этотъ предварительно свернутъ былъ спиралью, вмѣстѣ съ болѣе тонкой спиральной проволокой, также изъ золота. Вѣсъ браслета 10 зол. 20 дол. Такіе браслеты находили и въ другихъ кіевскихъ кладахъ.

Изъ 16 найденныхъ монетъ 15 византійскихъ X и XI вѣка и одна западнаго калифата. Монеты величиной въ нынѣшніе 15 руб. и 10 руб., вѣсомъ отъ 1 зол. 7 дол. до 66 дол. Нѣкоторыя изъ монетъ вогнуты. На монетахъ имѣются прекрасно сохранившіяся греческія надписи и изображенія крестовъ и фигуръ. На нѣкоторыхъ монетахъ есть изображенія Спасителя и Богоматери, благословляющихъ.

Византійскія монеты опредѣлены проф. В. Б. Антоновичемъ и относятся къ слѣдующимъ византійскимъ императорамъ: 1) Никифора II Фоки (963—969 гг.); 2) 7 монетъ Василія II и Константина XI (976—1025 гг.); 3) двѣ монеты Романа III (1028—1034 гг.); 4) одна монета Константина XII Мономаха (1042—1055 гг.); 5) 4 монеты Исаака Комнена (1057 — 1059 гг.).

Монета западнаго калифата, по опредѣленію В. В. Вельяминова-

Зернова, принадлежитъ къ монетамъ испанскихъ мавровъ, династіи Хамудидовъ, халифа Яхья (1033 г. христіанской эры).

Весьма характерно, что вмѣстѣ съ монетами вырытъ заржавѣвшій желѣзный замокъ. Такой же замокъ найденъ въ извѣстномъ кладѣ Есикорскаго, вырытомъ въ 1885 году въ Рыльскомъ переулкѣ, на Старомъ Кіевѣ. Обломокъ ручки горшка, въ которомъ найденъ кладъ въ усадьбѣ Бродскаго, также напоминаетъ ручку горшка, вырытаго въ усадьбѣ Есикорскаго.

Владѣлецъ клада, Л. И. Бродскій, выразилъ согласіе предоставить находку въ полное распоряженіе Императорскаго Эрмитажа („Кіевлянинъ", 252).

—— Въ Оренбургскую Ученую Архивную Коммиссію доставлены свѣдѣнія о курганахъ Оренбургской губерніи, собранныя черезъ священниковъ и учителей. Насчитано 459 кургановъ, изъ коихъ 63 оказалось невѣжественно раскопанными. Свѣдѣнія переданы Императорской Археологической Коммиссіи („Оренб. Газ.", 722).

—— Въ музей Оренбургской Коммиссіи поступилъ клыкъ мамонта, длиною 3 арш. 4 в., шириною 4 вершка и вѣсомъ 3 пуда 10 ф., найденный въ устьѣ рѣчки Медіакъ въ Челябинскомъ уѣздѣ. („Оренб. Газ.", 722).

Музей Оренбургской ученой Архивной Коммиссіи.

Въ началѣ августа музей Оренбургской ученой архивной коммиссіи посѣтилъ проф. геологіи Казанскаго университета А. А. Штукенбергъ съ своими спутниками, Е. Г. Янишевскимъ, лаборантомъ геологическаго кабинета Казанскаго университета и П. И. Ожеговымъ, лаборантомъ минералогическаго кабинета проф. В. Ю. Вульфа въ Варшавѣ. Эта ученая экспедиція изслѣдовала Оренбургскую губернію и возвращалась въ Казань черезъ Оренбургъ.

Предсѣдатель Архивной Коммиссіи воспользовался любезностью путешественниковъ и просилъ ихъ провѣрить старыя опредѣленія и опредѣлить вновь поступившія предметы минеральнаго и животнаго царствъ музея Коммиссіи. Этотъ весьма обременительный и кропотливый трудъ былъ исполненъ съ такою предупредительностью, что нельзя не выразить самой глубокой благодарности профессору А. А. Штукенбергу и его спутникамъ.

Ознакомившись съ музеемъ, профессоръ нашелъ его заслуживающимъ посѣщенія всякимъ ученымъ, занимающимся изслѣдованіемъ Оренбургскаго края. Палеонтологическій отдѣлъ можетъ въ нѣкоторой сте-

пени служить даже къ характеристикѣ фауны третичнаго и дилювіальнаго періода въ Оренбургскомъ краѣ. Напримѣръ, сравнительно съ Казанской областью, гдѣ много находится костей ископаемаго бизона (зубръ) и мало первобытнаго быка (тура), въ Оренбургскомъ краѣ, наоборотъ, гораздо чаще находятся кости быка. Особенно много въ музеѣ костей мамонта, доставленныхъ изъ разныхъ мѣстъ Оренбургской губ., Тургайской и Уральской областей, изъ чего слѣдуетъ заключить, что этотъ слонъ водился здѣсь въ громадномъ количествѣ.

Рядомъ съ мамонтомъ, какъ можно судить по костямъ музея, жилъ носорогъ, отъ котораго имѣются 2 черепа и 2 плечевыхъ кости.

Далѣе въ музеѣ хранятся рога, черепа и челюсти исполинскаго оленя, лося, благороднаго оленя, сѣвернаго оленя. Замѣчателенъ еще прекрасно сохранившійся черепъ рѣчного бобра. Особенно же рѣдкими и цѣнными экземплярами, могущими составить украшеніе любого университетскаго музея, проф. Штукенбергъ считаетъ зубы эласмотэрія и динотэрія. Горный инженеръ Лешъ, бывшій хранитель музея Горнаго института, посѣтившій музей въ 1898 г. и опредѣлившій эти зубы, также считаетъ ихъ большой рѣдкостью. Относительно зуба эласмотэрія упомянутыя лица не расходятся въ опредѣленіи; что же касается динотэрія, то г. Янишевскій сдѣлалъ предположеніе, не зубъ ли это мастодонта. Оба эти типа животныхъ одновременно появились на землѣ въ міоценовую эпоху и, не смотря на нѣкоторыя различія, имѣютъ между собою много сходнаго. Мастодонтъ, значительно превосходящій размѣрами современныхъ намъ слоновъ, имѣлъ 4 бивня, два въ верхней челюсти, какъ у слона, и два въ нижней, подобныхъ верхнимъ, но меньшихъ размѣровъ; хоботъ мастодонта не былъ великъ. Мастодонты въ Европѣ существовали, начиная съ міоценовой эпохи до конца пліоценовой, но потомъ исчезли, уступивъ мѣсто слонамъ, которые были особенно распространены въ дилювіальную эпоху, когда появился на землѣ и человѣкъ. Кости динотэрія встрѣчаются на всемъ протяженіи отъ Зап. Европы до Индіи. Онъ не уступалъ по размѣрамъ мастодонту, но имѣлъ только два бивня, въ нижней челюсти, загнутыхъ внизъ и къ груди. Онъ жилъ только до начала пліоцена.

Въ концѣ третичной эпохи въ Европѣ жили слоны, носороги, бегемоты, жирафы и другія родственныя имъ животныя, и между прочимъ, эласмотэрій; онъ также имѣлъ хоботъ, но по строенію тѣла болѣе приближался къ носорогу; зубы его имѣютъ нѣкоторое сходство по своему строенію съ зубами лошади; на лбу эласмотэрія находится чрезвычайно толстое и широкое костное вздутіе, къ которому прикрѣплялся огромный рогъ. Немногочисленные остатки эласмотэрія найдены въ Си-

бири и Европейской Россіи по нижнему теченію Волги; зубъ въ музеѣ Архивной Коммиссіи найденъ въ дачахъ Кардаиловской станицы въ 1891 г., въ 80—90 вер. внизъ по Уралу отъ Оренбурга, рыбаками на такъ называемомъ „Стричномъ пескѣ“ и подаренъ музею врачемъ К. Н. Калачевымъ.

Изъ предметовъ археологіи среди многихъ другихъ заслуживаютъ вниманія въ музеѣ слѣдующіе: 1) каменный молотъ, найденный сотникомъ Баландинымъ въ пос. Янгельскомъ, Магнитной станицы, при распашкѣ земли; другой—въ Бѣлозерской волости, Оренб. уѣзда, около Каргалинскихъ рудниковъ, даръ П. В. Жуковскаго; большой топоръ изъ яшмы изъ дачъ Чебаркульскаго поселка, Троицкаго уѣзда; каменные ступка и пестъ, найденные на Таналыцкомъ пріискѣ г. Гаряевыхъ, даръ Ф. В. Стебельскаго и т. п.; 2) сѣкира чистой мѣди, найдена въ 3-ей Бурзянской волости, даръ Ф. В. Стебельскаго, вполнѣ подобная сѣкирамъ изъ Ананьинскаго могильника; 2 мѣдныхъ кельта, одинъ съ 2 ушками, другой безъ ушковъ; они служили топорами или вѣрнѣе топориками и, надѣваясь на рукоятку, привязывались кромѣ того за ушки ремнями. Каменныя орудія свидѣтельствуютъ о томъ отдаленномъ періодѣ (неолитическомъ) Оренбургскаго края, когда древнему его обитателю еще мало были извѣстны и трудно доставались металлы, но мѣдь уже стала замѣнять камень въ обиходѣ человѣка.

Минералогическій отдѣлъ музея заключаетъ въ себѣ болѣе 1,000 №, нумизматическій отдѣлъ болѣе 1,500, а весь музей болѣе 4,000.

Крайняя тѣснота помѣщенія музея архивной коммиссіи вынуждаетъ держать всѣ предметы крайне скученно; а между тѣмъ въ музей почти ежедневно поступаютъ пожертвованія изъ всѣхъ концовъ Оренбургскаго края, и вопросъ, какъ быть дальше съ помѣщеніемъ музея, представляется настоятельнымъ („Оренб. Газ.“, 724).

—— **Новыя пріобрѣтенія въ Кіевскихъ музеяхъ.** Въ Кіевскій Церковно-Археологическій музей присланъ о. намѣстникомъ Лавры древній мѣдный крестъ съ эмалью, найденный въ 1882 г. въ стѣнѣ Троицкой церкви на Святыхъ воротахъ Лавры. Крестъ этотъ былъ положенъ въ стѣну при закладкѣ церкви (XII в.), и по техникѣ представляется единственнымъ экземпляромъ; онъ описанъ покойнымъ П. А. Лашкаревымъ въ его „Церковно - археолог. очеркахъ“. Одновременно переданъ въ музей и кусокъ древней штукатурки изъ Великой церкви, съ изображеніемъ восьмиконечнаго креста (описанъ тамъ же).

—— Собраніе изъ послѣднихъ раскопокъ С. А. Мазараки пріобрѣтены Б. И. Ханенко. Университетъ св. Владиміра пріобрѣлъ нѣсколько греческихъ вазъ изъ собранія г. Запорожскаго. („Ж. и И.“).

—— На постройку Кіевскаго Историческаго музея Н. А. Терещенко вновь пожертвовалъ 40,000 р., что даетъ возможность довести до конца ту часть зданія, которая уже воздвигнута вчернѣ. На покрытіе расходовъ по постройкѣ этой части имѣлось доселѣ: Высочайше пожалованныхъ 100,000 рублей, пожертвованныхъ Н. А. Терещенко 50,000 р., и пожертвованы гг. Рау, Хряковымъ, Бродскими, Кочубеемъ, Злотницкимъ, Михаловскимъ, Симиренко, Толли, Тарновскимъ, Дехтеревымъ и кн. Любомирскимъ—19,500 р.

—— Въ „Правит. Вѣст.“ помѣщено слѣдующее подробное описаніе монетнаго клада въ Кіевской Лаврѣ:

Археологическая находка на хорахъ въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры.

Въ великой церкви Кіево-Печерской лавры уже въ теченіе двухъ лѣтъ происходитъ крупный ремонтъ и, между прочимъ, замѣна деревяннаго пола каменными плитами. Для этой цѣли рабочіе во второй половинѣ ноября прошлаго 1898 года занимались срываніемъ досокъ на хорахъ и, когда накатъ былъ обнаженъ, то пазухи древнихъ сводовъ подъ хорами, въ лѣвомъ ихъ отдѣленіи, оказались заполненными до уровня пола на хорахъ глиняными кувшинами; поверхъ ихъ въ щебнѣ и мусорѣ найдены куски и плитки ценины, которою, очевидно, былъ настланъ древній полъ. Какъ эти кувшины, такъ и плитки ценины составляютъ характеристическую особенность строительнаго искусства великокняжескаго періода. Обыкновенно эти кувшины называются „голосниками“, вставлявшимися въ своды и стѣны древнихъ церквей для резонанса; но въ дѣйствительности они употреблялись для легкости постройки сводовъ древнихъ церквей, а иногда и самыхъ стѣнъ ихъ. На днѣ многихъ лаврскихъ кувшиновъ видны какіе-то знаки, иногда простой кругъ, иногда такой же кругъ съ точкою или крестикомъ въ центрѣ, иногда съ греческою буквою N или Z. Образчики кувшиновъ и ценинныхъ плитокъ переданы духовнымъ соборомъ Кіево-Печерской лавры въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи.

Вскорѣ въ томъ же отдѣленіи хоръ сдѣлана другая, несравненно болѣе цѣнная, находка. Когда сорванъ былъ на хорахъ старый полъ, то оказалось, что мѣсто подъ нимъ, кромѣ кувшиновъ, засыпано было старымъ щебнемъ въ довольно значительномъ количествѣ. Отъ времени щебень настолько отвердѣлъ, что его пришлось отбивать ломами. 26-го ноября того же 1898 года рабочіе отбивали щебень у лѣваго придѣла святителя Θеодосія и когда одинъ изъ нихъ ударилъ сильно ломомъ у стѣны, послышался звукъ металла, и ломъ легко вошелъ въ стѣну, какъ

будто попалъ въ пустое мѣсто. Это обстоятельство всѣхъ очень заинтересовало; мѣсто, гдѣ остановился ломъ, стали подробно осматривать и осторожно очищать отъ щебня. Наконецъ, глазамъ рабочихъ представилась небольшая ниша, на половину закрытая чугунной доской. Когда послѣдняя была оторвана, ниша оказалась заставленной четырьмя оловянными сосудами и деревянной круглой кадушкой. Два сосуда—круглой формы, емкостью по полведра, а два—четыреугольной, емкостью по ведру. Сосуды эти закрыты винтовыми крышками, деревянная же кадушка, емкостью въ два ведра, по всей вѣроятности, представляетъ собою старинный улей. По осмотрѣ содержимаго сосудовъ, одинъ изъ нихъ, меньшій, оказался на три четверти наполненнымъ золотыми монетами, медалями и жетонами, а остальные, въ томъ числѣ и кадушка,—до-верху серебряными монетами и отчасти медалями и жетонами. Когда монеты были извлечены изъ сосудовъ, на днѣ каждаго сосуда найдены документы на польскомъ и русскомъ языкахъ, уже пожелтѣвшіе и полуистлѣвшіе отъ времени, а на днѣ сосуда, гдѣ находились золотыя монеты, оказался большой документъ въ размѣрѣ обычнаго листа бумаги, писанный 26-го ноября 1753 года.

По желанію духовнаго собора лавры, церковно - археологическое общество при кіевской духовной академіи, въ экстренномъ засѣданіи своемъ, назначило особую коммиссію изъ членовъ своихъ, профессоровъ: П. А. Лашкарева, Н. И. Петрова, В. З. Завитневича и чиновника генералъ - губернаторской канцеляріи А. Ф. Новицкаго, для научнаго опредѣленія нумизматической находки. Коммиссія собиралась 3-го, 8-го и 9-го декабря, при участіи въ ея занятіяхъ польскаго нумизмата В. Виттыга, и нашла слѣдующее.

Въ находкѣ оказалось 6,184 золотыхъ монетъ и медалей, вѣсомъ 1 пудъ 26 фунтовъ и 50 золотниковъ золота, и 9,895 серебряныхъ, вѣсомъ 16 пудовъ и $27^3/_4$ фун. серебра. Древнѣйшая вещь въ находкѣ есть большой золотой медальонъ императоровъ восточной римской имперіи Констанція и Константа, IV в., а позднѣйшія относятся къ 1702 году. Большинство монетъ—XVII в., меньше—XVI в. и изрѣдка попадаются XV вѣка. Русскихъ монетъ весьма мало, но зато всѣ онѣ представляютъ большую рѣдкость, а именно: двѣ золотыя Михаила Ѳеодоровича, двѣ золотыя Алексѣя Михайловича, одна золотая Софьи Алексѣевны, Іоанна и Петра Алексѣевичей и одна золотая въ 10 червонцевъ Петра Великаго 1702 года. Къ русскимъ же монетамъ нужно отнести 232 ефимка, т.-е. западно-европейскихъ талеровъ съ московскимъ штемпелемъ XVII в. Польскія монеты и медали, какъ серебряныя, такъ особенно золотыя, идутъ сплошнымъ рядомъ, начиная со Стефана Баторія и оканчивая

Яномъ Собѣскимъ. Между польскими золотыми есть массивныя донативы (Стефана Баторія и Сигизмунда III) и коронаціонные червонцы (два Яна Казиміра). Единственную въ своемъ родѣ вещь представляетъ большая золотая медаль князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, съ его погруднымъ портретомъ. Есть частные фамильные жетоны князей Радзивиловъ и до 10-ти медальоновъ и жетоновъ западно-европейскихъ со священными изображеніями, напримѣръ, крещальныхъ жетоновъ, медальоновъ на Господскіе и Богородичные праздники, и т. п. Остальныя монеты частью западно-европейскія XV—XVII вв., частью турецко-татарскія, называемыя въ одномъ реестрѣ „салтанѣями". Между западно-европейскими монетами есть монеты всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Англіи, а именно: австро-венгерскія и городовъ германскаго союза; бельгійскія и городовъ Ганзейскаго союза; прусскія, датскія, шведскія (въ томъ числѣ есть талеры рижскіе, ревельскіе и нарвскіе); итальянскія и, въ частности, венеціанскія, испанскія, португальскія, швейцарскія и французскія. Изъ западно-европейскихъ монетъ коммиссія болѣе точно опредѣлила важнѣйшія монеты шведскія, прусскія, датскія, германскихъ городовъ, швейцарскія и трансильванскія, выдѣливъ остальныя западно-европейскія монеты въ особыя группы по государствамъ, которымъ онѣ принадлежатъ. Болѣе точное хронологическое опредѣленіе этихъ послѣднихъ монетъ духовный соборъ Кіево-Печерской лавры принялъ на себя. Нынѣ лаврою уже изданъ, къ сожалѣнію, не полный „списокъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и медалей, принадлежащихъ Кіево-Печерской лаврѣ" (Кіевъ, 1899).

Документы, сохранившіеся при монетахъ, медаляхъ и жетонахъ, суть слѣдующіе:

1) Реестръ собиранія податей, веденный на польскомъ языкѣ съ 3-го мая по 6-е ноября 1636 года, безъ начала. Лицо, писавшее этотъ реестръ, объѣзжало лаврскія имѣнія на Волыни, а именно, Черняховъ (нынѣ Житомірскаго уѣзда), Ярунь и Корецъ Новоградволынскаго уѣзда, и Городекъ Ровенскаго уѣзда, и получало деньги, вѣроятно, съ мѣстныхъ управителей.

2) „Reestr wyberania Poboru w Roku 1638 miesiąca Jula 13 dnia przezemnie Stefana Szypkowskiego ze wtosci Zorynskiey". Съ селъ этой волости, находящихся въ нынѣшнихъ уѣздахъ Радомысльскомъ, Овручскомъ, Рѣчицкомъ и Мозырскомъ, а именно: Зоринъ, Оране, Радинъ, Оревичи, Вепри, Углы, Довляды, Баламорокъ и слободы Гошова, съ ихъ подсусѣдками, всего взято 468 золотыхъ, которые и переданы Шипковскимъ другому лицу, можетъ быть, эконому лавры.

3) Третій подобный реестръ, безъ начала, 1638 года. Подать взималась съ лаврскихъ селъ въ нынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ: Лукоѣдь, Мнёвъ, Сорокошицы, Глибовъ, Ошитковичи, Тарасовичи, Швароміь, Видѣльцы и Пакули, паномъ Кнезарскимъ, который всю собранную сумму отдалъ до Палаты 28-го октября 1638 года.

4) „Regiestr zadatku od Gospody Paniąt Oginskich y Pana Tryzny, kturą naięto v swiszczenica Przytyskiego na Rok złotych osmset, poczyna się Rok od Dnia 7 septembra A-o 1637“. Это есть собственно реестръ задатковъ и платежей за квартиру и другихъ расходовъ по содержанію двухъ панычей Огинскихъ и пана Тризны съ хлопцемъ, изъ которыхъ первые два воспитывались въ кіево-могилянской коллегіи, подъ протекціею Петра Могилы и надзоромъ и руководствомъ Тризны. Должно быть, это были Самуилъ Левъ и Александръ Огинскіе, бывшіе въ 1646 году виленскими братчиками и поддерживавшіе выборъ въ виленскіе настоятели бывшаго руководителя своего Іосифа Тризны. Конечно, въ казнохранилище этотъ реестръ попалъ случайно, для подстилки подъ монеты, вѣроятно, отъ эконома лавры, на попеченіи котораго находились Огинскіе.

5) Ревизіонныя и выемочныя записи найденнаго казнохранилища сохранились, и то не всѣ, лишь съ 1697 г. Къ этому году относится слѣдующая запись: „Въ томъ ворку (мѣшкѣ) талярей битыхъ сполна тысяча. Іосифъ Кроковскій архимандритъ почерскій самъ лѣчилъ (т.-е. считалъ) и с прочіими соборными въ року 1697. Октобрія 4-го дня“.

6) Между 1697 и 1712 годами сдѣланы были двѣ найденныя въ казнохранилищѣ записи на двухъ лоскуткахъ бумаги, а именно: „Въ сих двохъ фляшахъ пят тысячей (таля)ровъ битыхъ“ и... (пят) тысячей талярей“... Слѣдовательно, въ это время было уже четыре большихъ сосуда съ талерами, въ которыхъ находилось десять тысячъ талеровъ.

7) На только что приведенныхъ записяхъ сдѣлана слѣдующая повторяющаяся на обоихъ лоскуткахъ позднѣйшая приписка, принадлежащая печерскому архимандриту Аѳанасію Миславскому (1710 — 1714 гг.): „Въ сихъ двох фляшахъ пят тысячей (тале)ровъ битыхъ“ (приписано): „по давному писму а в явку не ревидовано, то есть не личено часу ревизии в року 1712 іюля 25. Свидѣтельствую Афанасій архиман.“.

8) На оборотѣ тѣхъ же лоскутовъ бумаги сдѣлана третья запись рукою печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича: „Вся сумма (т.-е. 5,000 талеровъ) по зличеню въ року 1717 мая 14 скжилася (скрылася?) при мнѣ Іоанникіѣ Архимандритѣ печерском.“. Подобная

запись архимандрита Іоанникія и на оборотѣ другого клочка изъ указанныхъ выше №№ 6 и 7.

9) Къ тому же году должна быть отнесена слѣдующая запись того же архимандрита Іоанникія на клочкѣ бумаги: „1 тысяча талерей битыхъ квѣтовася (?) въ року 1717 мая 14 при мнѣ Архимандритѣ Іоанникіѣ“. Это, вѣроятно, та самая тысяча талеровъ, которая упоминается въ записи Іосафа Кроковскаго 4-го октября 1697 года.

10) На днѣ въ сосудѣ съ золотыми монетами найденъ былъ слѣдующій актъ ревизіи лаврской казны и выемки денегъ. „1731 года ноемврія 26. За вѣдомомъ и благословеніемъ ясне въ Богу превелебнѣйшого Его милости Господина отца Романы Копы, кіево-печерскія святыя Лавры Архимандрита, нижеподписавшіися тояжде Лавры соборніи старцы чинили ревизію скарбу монастырского, въ которомъ обрѣлося червоныхъ золотыхъ пятнадцать тысячей, и сто червонныхъ, талярей битыхъ четырнадцать тысячей, полталярнями и чвертками сто сорокъ талярей, левковъ осмьсотъ шестьдесятъ. И изъ той вышеозначенной суммы на строеніе колокольни и на желѣзо для покрытія церкви, и на прочее нуждное, безъ котораго обыйтыся невозможно, монастырское строеніе взято червоныхъ золотыхъ пять тысячей, талярей битыхъ четыре тысячи, а за пятую талярей тысячу, вышевыраженныя полталярни, чвертки и левковыя. А осталося въ скарбцѣ червоныхъ десять тысячъ и сто червоныхъ, да талярей битыхъ десять же тысячей. Чего во извѣстіе, за руками нижеподписавшихся, сія ревизія при помянутой оставшейся суммѣ положена. Архимандритъ Романъ, іеромонахъ Вассіанъ намѣстникъ, іеромонахъ Веніаминъ, Іеромонахъ Иліодоръ Екклессіархъ“.— Кромѣ этого общаго акта ревизіи и выемки, въ тотъ же день, вѣроятно, сдѣланы были и частныя замѣтки о количествѣ денегъ въ каждомъ помѣщеніи для нихъ. На это указываетъ отрывокъ какой-то записи 26-го ноября, вѣроятно, того же 1731 года, о содержимомъ въ одной изъ флягъ.

11) Послѣдній документъ относится къ 1753 году. „Изъ сей фляшѣ,—говорится въ этомъ документѣ,—винуто про потребность монастырскую двѣ тысячи червоныхъ поединковыхъ, да на позолоту шаты новой, здѣланной въ Москвѣ, двѣстѣ шестьдесятъ шесть червоныхъ, салтанѣй: въ дукатахъ вывѣшено 1271 червон., а прочіе въ поединковыхъ и двойныхъ ненарушимо оставлени по старой записи. Аппробовано 1753 года іюля 19 дня при отцу намѣстнику вел. лавры іером. Никифору, при отцу Тимоѳеею начальнику Дальней пещеры, при отцу Екклессіарху іером. Иліодору. Являлъ іеромонахъ Викторъ. Подписалъ Архимандритъ Лука“. Если исключить изъ остатка 1731 года 2,266

червонцевъ, взятыхъ въ 1753 г., то въ этомъ послѣднемъ году должно было оставаться въ лаврскомъ казнохранилищѣ 7,834 червонцаи 10,000 талеровъ. Приблизительно эта сумма, съ недочетомъ, и найдена 26-го ноября 1898 года подъ поломъ на хорахъ въ великой лаврской церкви.

Когда же и какимъ способомъ образовалось въ лаврѣ это секретное казнохранилище? Въ Кіево-Печерской лаврѣ существуетъ смутное преданіе о томъ, будто бы во Всѣхсвятской церкви надъ экономическими вратами лавры, построенной бывшимъ гетманомъ Мазепой, скрыта казна его; но тамъ ея, при всѣхъ ремонтныхъ работахъ и нарочныхъ поискахъ, доселѣ не найдено. Можетъ быть, эта казна и хранилась тамъ нѣкогда, особенно послѣ пожара, опустошившаго въ 1718 году великую лаврскую церковь, а потомъ перенесена на хоры этой послѣдней церкви. Проф. Н. И. Петровъ, посвятившій археологической лаврской находкѣ весьма обстоятельную статью въ „Трудахъ кіевск. дух. академіи“, высказываетъ о ея происхожденіи слѣдующія соображенія. По его мнѣнію, податные реестры 1636 и 1638 годовъ, найденные при монетахъ, прямо указываютъ на то, откуда образовалась и пополнялась эта казна. Несомнѣнно, что въ гетманство Мазепы казна уже существовала и при немъ же была закончена собираніемъ и перестала приращаться. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ старѣйшая изъ сохранившихся ревизіонныхъ записей казны, относящаяся къ 1697 г., когда Мазепа былъ уже гетманомъ, такъ и двѣ позднѣйшія монеты казнохранилища, одна русская, а другая шведская, относящіяся къ 1702 году. Изъ послѣдней даты слѣдуетъ заключить, что приращеніе казнохранилища прекратилось вскорѣ послѣ 1702 года, именно во время приготовленія Петра I къ рѣшительной битвѣ со шведскимъ королемъ Карломъ XII и передъ измѣною Мазепы Петру I. Невѣроятно, чтобы Мазепа, приготовляясь къ измѣнѣ своему государю и даже войнѣ съ нимъ, самъ задумалъ лишить себя своихъ сокровищъ, необходимыхъ для его предпріятія, и передалъ ихъ на сохраненіе въ Кіево-Печерскую лавру, при томъ же вновь укрѣпленную въ то время Петромъ I. Поэтому, найденная въ лаврѣ казна, если и можетъ быть названа „Мазепинскою“, то только въ томъ смыслѣ, что она осталась отъ временъ Мазепы и закончилась собираніемъ въ его гетманство. Ближайшею причиною сокрытія этой лаврской казны вскорѣ послѣ 1702 года могло послужить то обстоятельство, что въ 1706 году Петръ I, прибывъ въ Кіевъ, истребовалъ отъ лавры 20,000 пудовъ хлѣба на содержаніе своего войска, вслѣдствіе чего лаврское начальство, опасаясь дальнѣйшихъ притязаній Петра I на лаврское имущество, могло образовать изъ своихъ сбереженій секретный фондъ.

Весьма загадочна и дальнѣйшая судьба этого секретнаго фонда, послѣ послѣдней ревизіи и выемки изъ него въ 1753 году какъ бы совершенно заброшеннаго и забытаго лаврскимъ начальствомъ. Въ печати высказано было предположеніе, что эта секретная казна могла лишиться своихъ распорядителей въ 1769—71 гг. во время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ чумы, когда они или умерли, или удалились изъ Кіева, но и это предположеніе не оправдывается историческими справками. Преемникомъ кіево-печерскаго архимандрита Луки Бѣлоусова, подписавшагося на актѣ ревизіи казнохранилища въ 1753 году, былъ Зосима Валькевичъ, бывшій на печерской архимандріи съ 1762 до 1786 г., а слѣдовательно онъ пережилъ кіевскую чуму 1769—71 годовъ и не могъ потерять изъ виду секретной лаврской казны. Но при этомъ архимандритѣ произошла секуляризація монастырскихъ имуществъ, и самъ Зосима Валькевичъ смѣщенъ былъ въ 1786 году съ печерской архимандріи, которая съ этого времени присвоена была кіевскимъ митрополитамъ. Несомнѣнно, печерскіе старцы и во главѣ ихъ архимандритъ Зосима Валькевичъ были огорчены подчиненіемъ лавры кіевскому митрополиту и, въ ожиданіи лучшихъ временъ для лавры, могли не сообщить о секретномъ лаврскомъ казнохранилищѣ новому священноархимандриту ея, т.-е. митрополиту кіевскому. Тѣмъ не менѣе, темное преданіе о какомъ-то мазепинскомъ сокровищѣ въ лаврѣ сохранялось въ ней до настоящаго времени.

Древнѣйшею вещью въ находкѣ является большой золотой медальонъ императоровъ восточной римской имперіи, Констанція II и Констанса I, сыновей Константина Великаго (337—350 гг.), съ придѣланнымъ впослѣдствіи къ медальону золотымъ же ушкомъ. На лицевой сторонѣ—погрудный портретъ Констанція II, держащаго въ лѣвой рукѣ шаръ съ викторіей на немъ, и съ надписью: D (ominus) N (oster) Constantius max(imus) augustus. На оборотной сторонѣ изображены Констанцій и Констансъ ѣдущими на колесницѣ, запряженной шестью лошадьми; по сторонамъ императоровъ—по викторіи (побѣдѣ), увѣнчивающей каждаго изъ нихъ лавровымъ вѣнкомъ. Надъ ними—надпись: „DD (Domini) NN (Nostri) Constantius et Constans augg (augusti)“. Внизу подъ чертой—подпись греческая Ан, означающая что медальонъ чеканенъ въ Антіохіи.

III.

Засѣданія Обществъ.

XI Археологическій Съѣздъ въ Кіевѣ.

1—20 августа 1899 года.

Засѣданіе Совѣта.

30 іюля въ 8 часовъ вечера состоялось въ актовомъ залѣ Императорскаго Университета св. Владиміра засѣданіе Совѣта Съѣзда, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой и въ присутствіи 85 депутатовъ отъ 57 русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій; кромѣ того присутствовали 9 депутатовъ заграничныхъ: Краковской академіи наукъ, Чешскаго университета, Общества чешскихъ древностей, Гославскаго музея, Высшей школы въ Софіи, Національнаго музея въ Буда-Пештѣ.

Въ засѣданіи избраны должностныя лица Съѣзда: *предсѣдателемъ Съѣзда*—графиня П. С. Уварова; *секретарями Съѣзда:* В. Г. Ляскоронскій и В. К. Трутовскій. *Ученый Комитетъ: предсѣдатель*—В. Б. Антоновичъ, *секретари:* С. К. Богоявленскій и О. И. Левицкій; по отдѣленіямъ *предсѣдатели* и *секретари:* I. Древностей первобытныхъ—Д. Н. Анучинъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскій; II. Древностей историко-географическихъ и этнографическихъ—Д. И. Багалѣй и О. А. Фотинскій; III. Памятниковъ искусствъ и X. Нумизматики и сфрагистики — А. И. Кирпичниковъ, Б. В. Фармаковскій; IV. Быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго—Ѳ. Я. Фортинскій и секретари: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій; V. Древностей церковныхъ—Н. В. Покровскій и секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій; VI. Памятниковъ языка и письма—Н. И. Петровъ и секретари: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ; VII. Древностей византійскихъ, классическихъ и западно-европейскихъ — Ю. А. Кулаковскій и Б. В. Фармаковскій; VIII. Древностей южныхъ и западныхъ славянъ — В. И. Ламанскій и секретари В. Н. Златарскій и Н. Э. Глокке; IX. Древностей восточныхъ—В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и Б. А. Тураевъ; XI. Памятниковъ археографическихъ—П. В. Голубовскій и секретари: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

Распорядительный Комитетъ: предсѣдатель И. А. Снѣжко, *казначей* И. М. Каманинъ.

I отдѣленіе. Древности первобытныя. 2-го августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель деп. Чешскаго университета въ Прагѣ д-ръ Л. Г. Нидерле.

Предсѣдатель отдѣленія Д. Н. Анучинъ.

Секретарь отдѣленія Н. Ф. Бѣляшевскій.

Предсѣдатель отдѣленія, проф. Д. Н. Анучинъ, открылъ засѣданіе краткою рѣчью, въ которой принесъ благодарность отдѣленію за оказанную ему честь избраніемъ въ предсѣдатели и указалъ на успѣхи, достигнутые въ дѣлѣ собиранія и изученія южнорусскихъ древностей, начиная съ каменнаго вѣка и кончая славянскимъ и великокняжескимъ періодомъ, упомянувъ также о трудахъ историко-географическаго и этнографическаго содержанія, касающихся южно-русской области. Въ южной Россіи мы встрѣчаемъ, можетъ быть, наиболѣе энергичную, наиболѣе послѣдовательную и наиболѣе систематичную, въ нашемъ отечествѣ, разработку памятниковъ глубокой старины—отъ

древнѣйшихъ слѣдовъ человѣка въ бассейнѣ Днѣпра и отъ скиео-сарматской эпохи — черезъ послѣдующую славянскую и великокняжескую до позднѣйшихъ временъ казачества. Указавъ затѣмъ на важность сравнительнаго изслѣдованія остатковъ старины и сопоставленія аналогичныхъ чертъ въ древностяхъ сосѣднихъ странъ, г. Анучинъ указалъ, что особое значеніе для насъ въ этомъ отношеніи имѣютъ древности въ земляхъ южныхъ и западныхъ Славянъ, и что поэтому представляется весьма желательнымъ установленіе болѣе тѣсныхъ сношеній между русскими и славянскими изслѣдователями въ дѣлѣ изученія памятниковъ отдаленной старины. Уже на III-мъ съѣздѣ, 1874 г., въ Кіевѣ, приняли участіе многіе славянскіе ученые; нынѣшній, XI-й Съѣздъ, также привлекъ многихъ дѣятелей—изъ Праги, Софіи, Сераева и другихъ славянскихъ центровъ. Высоко цѣня такое дѣятельное сочувствіе, Ученый Комитетъ Съѣзда избралъ почетнымъ предсѣдателемъ 1-го засѣданія проф. Л. Г. Нидерле (Прага), много поработавшаго въ послѣднее время надъ сравнительнымъ изученіемъ доисторическихъ древностей славянскихъ странъ и Россіи.

Избраніе это было встрѣчено оживленными знаками одобренія и затѣмъ г. Нидерле предоставилъ слово г. директору музея въ Сераевѣ, д-ру К. Хёрману.

1. Докладъ К. Хёрмана: „*Старобоснійскіе надгробные памятники*". Памятники эти называются народомъ „стечимами", „бильезимами" (былинами), „мраморями" и т. д. Они встрѣчаются только въ Босніи и Герцеговинѣ, и отчасти еще въ сосѣднихъ земляхъ — Далмаціи, Старой Сербіи, Черногоріи и Южной Сербіи. Представлена была карта, показывающая ихъ распространеніе, и графическая таблица, поясняющая относительную ихъ численность въ различныхъ округахъ. Всего ихъ насчитано до 60 тысячъ; почти всѣ они христіанскіе, но попадаются изрѣдка и мусульманскіе. Ихъ приписывали богомиламъ, но, несомнѣнно, что не всѣ они богомильскіе. По формѣ—это чаще плиты и саркофаги, рѣже—колонны и обелиски; нѣкоторые — весьма значительныхъ размѣровъ и вѣса. Подъ памятниками находятъ кости въ простыхъ, неглубокихъ могилахъ, но никакихъ вещей не было найдено. Сравнительно немногіе памятники снабжены надписями на боснійскомъ нарѣчіи, неправильною кириллицею. Въ надписяхъ указаны имена погребенныхъ (дворянъ, жупановъ, бановъ, князей, ратниковъ и т. д.), время ихъ жизни (напр. „въ дни православнаго короля Владислава"; „тутъ покоится Виганъ Милошевичъ, онъ служилъ бану Стефану, королю Търтку и королю Дабижѣ" и т. д.). Приводятся также имена поставившихъ памятникъ, дѣятельность почившихъ („былъ въ походахъ, на войнѣ, служилъ вѣрно такому-то королю, объѣзжалъ многія страны" и т. д.), иногда мѣсто и обстоятельства смерти: „похороненъ въ своемъ имѣньи", „нашелъ вѣчный покой на чужбинѣ", „умеръ на вѣрной службѣ у своего воеводы". Встрѣчаются трогательныя надписи: „разбогатѣлъ, а это богатство погубило меня", „родная матушка-земля тутъ приняла меня, а она такъ кротка и нѣжна", „умоляю васъ, братья, навѣщайте мою могилу, я былъ прежде тѣмъ, чѣмъ вы теперь, а вы будете тѣмъ, чѣмъ я теперь". Встрѣчаются и проклятія тѣмъ, кто не дастъ покоя, разрушитъ памятникъ и т. д. Нерѣдко встрѣчаются изображенія и орнаменты: цвѣты, завитки, спирали, геральдическіе знаки, изображеніе меча, драконовиднаго звѣря, крестовъ, сцены охоты, турнировъ, коло (хоровода). По времени, памятники эти относятся къ эпохѣ отъ XIII до XVI вѣка, чаще XIV и XV. Отъ той же эпохи остались такъ назыв. „судебныя мѣста" или „стулья", которыми, по народнымъ преданіямъ, пользовались воеводы и князья при разборѣ судебныхъ процессовъ. Встрѣчаются они подъ развалинами средневѣковыхъ зaмковъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, высѣченными въ скалахъ; иногда они имѣютъ надписи, съ указаніемъ принадлежности, напр. „стулъ воеводы Степана Милорадовича", или съ напоминаніемъ: „Помни, чьимъ онъ былъ, чьимъ онъ есть и чьимъ онъ будетъ". Референтъ закончилъ приглашеніемъ посѣтить замѣчательные памятники боснійской старины и увѣреніемъ, что людямъ науки будетъ оказано полное вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поднесъ въ даръ Московскому Археологическому Обществу большое собраніе

раскрашенныхъ рисунковъ (въ листъ), изображающихъ описанные имъ памятники и надписи.

По поводу доклада г. Хёрмана Н. В. Покровскій указалъ на явственные слѣды византійскаго вліянія въ описанныхъ памятникахъ.

2. Д-ръ К. Трухелька хранитель музея въ Сараево—*Documents préhistoriques de Bosnie et de Herzegovine* (Доисторическіе памятники Босніи и Герцеговины — докладъ на французскомъ языкѣ).

Всего 10 лѣтъ, какъ возникъ музей въ Сараевѣ, но онъ заключаетъ уже въ себѣ болѣе 20,000 предметовъ доисторическихъ древностей, около 800 римскихъ и средневѣковыхъ, 360 надписей на камнѣ, до 10,000 монетъ, остатковъ посуды и т. д. и около 250 череповъ изъ могилъ. Древнѣйшая эпоха въ странѣ — *неолитическая*, констатированная находками въ Бутмирѣ (недалеко отъ Сараева)—предметовъ изъ камня, кости, глины и т. д., въ томъ числѣ—любопытныхъ статуэтокъ. *Бронзовый вѣкъ* представленъ отдѣльными находками (въ томъ числѣ и мастерскими для отливки орудій), но эта культура не была здѣсь самостоятельною; она шла сюда съ юга и представляетъ сходство съ констатированною въ Венгріи. Болѣе самостоятельною является начальная культура *желѣзнаго* вѣка, примыкающая къ *Гальштатской*, но выказывающая мѣстныя черты (особенно въ могильникѣ на плато Гласинаца), которыя свидѣтельствуютъ о преобладающемъ вліяніи съ юга. Нѣкоторыя бронзы—чисто греческаго происхожденія, напр., шлемъ коринѳской формы, поножи, терракотовыя вазы и т. д., хотя встрѣчаются и мѣстныя имъ подражанія. Греческое вліяніе замѣтно и въ формѣ фибулъ, напр., въ дугообразной, съ орнаментированнымъ расширеніемъ на заднемъ концѣ дужки и др., подобныя которымъ были найдены въ Греціи. въ Микенахъ, Олимпіи, на о-вѣ Критѣ и, наконецъ, въ Сициліи. Тотъ же типъ фибулъ, въ послѣдующемъ его развитіи, встрѣчается и въ Кобанскомъ могильникѣ на Кавказѣ. Въ округахъ, пограничныхъ съ Далмаціей, рядомъ съ мѣстными формами фибулъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ формы южно-италійскія съ продолженной иглой и ея пріемникомъ („a navicella") и форма изъ могильниковъ Чертозы, причемъ эта послѣдняя сопровождается предметами латенской эпохи и свидѣтельствуетъ уже о послѣдующей кельтской культурѣ, смѣнившей иллирійскую и бывшей посредствующимъ звеномъ между культурой Италіи и странъ прибалканскихъ. Но это кельтское вліяніе не было здѣсь столь значительнымъ, какъ въ болѣе сѣверныхъ странахъ (напр., въ Венгріи), гдѣ латенская культура скоро вытѣснила гальштатскую.

Докладъ свой г. Трухелька сопроводилъ представленіемъ большихъ таблицъ рисунковъ и раздачей альбома босно-герцеговинскихъ древностей, изданнаго имъ въ честь Кіевскаго Съѣзда.

3. Проф. В. Б. Антоновичъ *„О раскопкахъ кургановъ въ зап. Волыни"*. Въ Кременецкомъ уѣздѣ встрѣчено было очень мало кургановъ и только 2 значительныхъ могильника, у Суража и Брыкова; болѣе ихъ оказалось въ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ. Курганы эти, какъ и вообще славянскіе, отличаются бѣдностью бытовыми предметами. Формы болѣе или менѣе куполообразной, часто съ канавкою кругомъ, высотою около 2 метровъ, они представляютъ, на извѣстномъ уровнѣ въ насыпи, а иногда и на нѣсколькихъ уровняхъ, остатки углей, горшковъ, костей животныхъ,—свидѣтельствующихъ о тризнѣ и о досыпаніи кургановъ въ нѣсколько пріемовъ. При костякахъ встрѣчаются остатки дерева, бревенъ по бокамъ, досокъ внизу, а въ двухъ случаяхъ найдены надстройки, какъ бы двускатная крыша; попадаются также гвозди около скелета. Костякъ лежитъ ниже горизонта, въ среднемъ на 73 сант., головой къ западу, обыкновенно одинъ, въ рѣдкихъ случаяхъ съ 1—2 дѣтскими, на спинѣ, съ руками въ разныхъ положеніяхъ. Средній ростъ мужскихъ костяковъ 1,71 м., женскихъ—1,55 м.; черепа, въ среднемъ, субдолихоцефалы (76,5), съ колебаніями отъ долихоцефаліи (72) до субдолихоцефаліи (83). Изъ предметовъ оружіе встрѣчается очень рѣдко, также какъ и со-

суды (горшки) и остатки тканей и кожи; чаще—ножики и бронзовыя (или серебряныя) украшенія: кольца (загнутыя спирально)—надѣтыя на косы, на воротъ, или служившія серьгами и перстнями; пуговки или запонки; бусы (рѣдко), въ томъ числѣ—бронзовыя, шиповатыя; на рукахъ — перстни, изъ указанныхъ колецъ или рубчатые, серьги—изъ кольца съ надѣтою на нею бронзовою или серебряною бусиною и т. п. Въ одной могилѣ встрѣтились остатки костяного колчана, 3 наконечника желѣзныхъ стрѣлъ и два стремени.

Д. Н. Анучинъ указалъ на нѣкоторыя аналогіи въ обстановкѣ погребеній и характерѣ вещей (колецъ, шиповатыхъ бусъ, серегъ, остатковъ тканей) съ курганами Костромской губ. и высказалъ предположеніе, что курганъ съ остатками костяного колчана и стременами могъ принадлежать какому-нибудь тюркскому кочевнику. Съ этимъ предположеніемъ согласился и В. И. Сизовъ.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 2 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель. Поч. членъ Академіи Наукъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.
Предсѣдатель отдѣленія П. В. Голубовскій.
Секретари отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Проф. Д. В. Цвѣтаевъ прочелъ докладъ „*О Варшавскихъ архивахъ*“. При варшавскихъ административныхъ, судебныхъ, церковныхъ, учебныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ хранятся документы, составившіеся изъ дѣлопроизводства не однихъ только данныхъ учрежденій, но, нерѣдко, и тѣхъ, преемниками которыхъ многія изъ этихъ учрежденій являются, и даже институцій стороннихъ, существующихъ и понынѣ, или уже давно закрывшихся. Докладчикъ занимался въ архивахъ: 1) старыхъ дѣлъ при канцеляріи генералъ-губернатора, 2) новыхъ дѣлъ при той же канцеляріи, 3) Магистрата, 4) Православной консисторіи, 5) Свято-Троицкой (бывшей греческой) церкви, 6) Католической консисторіи, 7) капитула каѳедральнаго собора св. Яна, 8) костела св. Іосифа Обручника, 9) Евангелико-лютеранской консисторіи, 10) Евангелико-реформатской консисторіи, 11) Управленія учебнаго округа, 12) Университета, 13) Штаба военнаго округа, 14) Казенной палаты, 15) бывшаго Финансоваго въ царствѣ Польскомъ управленія, при казенной палатѣ, 16) Прокураторіи, 17) Окружнаго суда, 18) Ипотечнаго при окружномъ судѣ, 19) Судебной палаты и 20) Главнаго архива древнихъ актовъ при судебной палатѣ. Сложность и разнохарактерность документовъ, хранящихся тамъ, обусловлена тѣмъ, что въ важнѣйшія изъ этихъ хранилищъ сдавались и сдаются бумаги учрежденій, существовавшихъ или существующихъ какъ въ Варшавѣ, такъ и въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ края. Вслѣдствіе этого варшавскіе архивы содержатъ въ себѣ весьма богатый и разнообразный матеріалъ по быту и исторіи Привислинскаго края и ближайшихъ къ нему польскихъ и русскихъ земель, съ очень ранняго времени. Начиная съ 1215 года и въ небольшой долѣ принадлежа къ XIII и XIV вв., документы идутъ довольно сплошною массой съ XVI вѣка, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ихъ. За вѣка самостоятельности Польши они хранятся преимущественно въ трехъ архивахъ — 1) древнихъ актовъ при Судебной палатѣ, 2) бывшаго Финансоваго управленія въ царствѣ Польскомъ и 3) Католической консисторіи; затѣмъ, въ разныхъ церковныхъ и нѣкоторыхъ другихъ. Со времени же учрежденія царства Польскаго и по настоящіе годы ими пополняются всѣ архивы, и ихъ приходится считать не десятками тысячъ №№-овъ, а милліонами.

Высоко цѣнные сами по себѣ и въ научномъ отношеніи, эти архивы въ громадной своей части мало пригодны для непосредственныхъ практическихъ потребностей учрежденій, при которыхъ они состоятъ и которыя, обыкновенно интересуясь ими лишь настолько, насколько они надобны для удовлетворенія нуждъ текущаго дѣлопроизводства, не могутъ иначе смотрѣть на нихъ, какъ на отдѣлы своей канцеляріи, и притомъ,

въ данномъ случаѣ, наименѣе надобные. Подобное отношеніе создало и поддерживаетъ въ архивахъ несоотвѣтственные для нихъ „канцелярскіе" порядки. По инціативѣ настоящаго генералъ-губернатора начата работа надъ общимъ улучшеніемъ положенія и состоянія архивовъ Привислинскаго края, съ принятіемъ во вниманіе того и въ согласіи съ тѣмъ, что признается вообще полезнымъ для архивовъ въ Россіи.

2. А. Н. Львовъ *„Русское законодательство объ архивахъ"*. У насъ нѣтъ одного общаго архивнаго кодекса; всѣ законоположенія объ архивахъ появлялись въ разное время, по разнымъ частнымъ обстоятельствамъ, благодаря чему теперь у насъ существуютъ „Положенія" объ архивахъ для каждаго вѣдомства. Но „Положенія" и правила эти нисколько не проникнуты какимъ-либо общимъ принципомъ, не только не имѣютъ между собою никакой связи, но часто даже противорѣчатъ себѣ. Въ общемъ же наше законодательство объ архивахъ отличается неполнотою, неясностью и неопредѣленностью. Для иллюстраціи приведены были архивныя законоположенія относительно помѣщенія архивовъ, внутренней ихъ организаціи и завѣдыванія. Особенно же печально то, что наше законодательство, въ вопросѣ о задачахъ архивовъ, смотритъ на нихъ только какъ на мѣста храненія старыхъ канцелярскихъ дѣлъ, потребныхъ лишь для канцелярскихъ справокъ, и не допускаетъ—за исключеніемъ нѣкоторыхъ архивовъ—самой главной ихъ задачи: ученой разработки архивныхъ матеріаловъ. Благодаря такому положенію дѣла и большому накопленію въ архивахъ старыхъ дѣлъ, разобраться въ которыхъ и пользоваться которыми канцеляріи не въ силахъ, явилось законоположеніе „объ уничтоженіи ненужныхъ дѣлъ". Но такъ какъ уничтоженіе это, по закону, возложено на лицъ, и мало компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, и занятыхъ своими прямыми служебными обязанностями, то въ разрядъ „ненужныхъ дѣлъ" попадаетъ большею частью все то, что не требуется для канцелярскихъ справокъ. Огульному истребленію нашихъ архивовъ много еще способствуютъ выработанныя въ каждомъ вѣдомствѣ правила уничтоженія ненужныхъ дѣлъ. Правила эти указываютъ заранѣе цѣлыя категоріи дѣлъ, которыя могутъ быть уничтожены. Сопоставивъ эти категоріи, референтъ выяснилъ ихъ полную несостоятельность и взаимное противорѣчіе. Совершенно однородныя дѣла въ однихъ вѣдомствахъ оставляются на храненіе, въ другихъ уничтожаются. При этомъ уничтожаются даже и такія дѣла, которыя, по общему закону, должны быть обязательно хранимы, какъ представляющія изъ себя юридическія права на собственность или личныя. Въ виду такого печальнаго положенія дѣла и отсутствія всякой надежды на то, чтобы оно улучшалось само собою въ будущемъ—референтъ предложилъ составить особую коммиссію, которая выработала бы основные принципы архивнаго законодательства, соотвѣтственно современному состоянію нашихъ архивовъ и такимъ задачамъ, которыя выяснены и осуществлены въ устройствѣ западно-европейскихъ архивовъ.

3. А. С. Раевскій. *„Что сталось съ Калачевской Коммиссіей 1873 года объ устройствѣ архивовъ*.

Докладчикъ, пользуясь дѣлами Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, могъ выяснить, что вышеупомянутая Коммиссія, Высочайше учрежденная 27 февраля 1873 года по всеподданнѣйшему докладу Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ представителей всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, вслѣдствіе ходатайства II русскаго археологическаго съѣзда, основаннаго на заключеніи выдѣленной имъ изъ своей среды спеціальной коммиссіи *), — оффиціально не закрыта до сихъ поръ, хотя изъ прежняго многочисленнаго ея состава въ живыхъ осталось всего 5—6 человѣкъ (Н. Н. Селифонтовъ, Г. К. Рѣпинскій, Н. И. Ореусъ, П. А. Гильтебрандтъ и нѣк. др.) и со смертью въ 1885 г. Н. В. Калачева не стало предсѣдателя. Что касается до вре-

*) Въ коммиссію при II русскомъ археологическомъ съѣздѣ тоже были приглашены представители правительственныхъ учрежденій и многіе изъ нихъ впослѣдствіи вошли въ составъ Высочайше учрежденной коммиссіи.

мени, когда прекратилась ея дѣятельность, то послѣднимъ было засѣданіе 16 апрѣля 1876 г., гдѣ обсуждался проектъ правилъ о рѣшенныхъ дѣлахъ по Министерству Путей Сообщенія и протоколъ котораго, вмѣстѣ съ протоколами всѣхъ предыдущихъ засѣданій коммиссіи, напечатанъ въ „Сборникѣ Археологическаго Института" т. I; спустя два года проектъ этихъ правилъ былъ разсмотрѣнъ Комитетомъ Министровъ, который рѣшилъ, что вмѣсто правилъ для отдѣльныхъ министерствъ необходимо поручить Коммиссіи выработать главныя начала устройства и управленія всѣми безъ исключенія архивами (въ сущности, какъ видно изъ напечатанныхъ протоколовъ Коммиссіи, она уже въ 1875 году выработала таковыя, такъ что предстояло лишь пересмотрѣть и пополнить ихъ), и положеніе Комитета Министровъ было 15 декабря 1878 г. Высочайше утверждено, о чемъ тогда же Коммиссія была поставлена въ извѣстность. Тѣмъ не менѣе, за послѣдующіе годы о Коммиссіи имѣются лишь отрывочныя упоминанія, а представлявшіеся до февраля 1883 года ея предсѣдателемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія ежемѣсячные краткіе отчеты даютъ наглядное представленіе лишь объ его собственной кипучей дѣятельности, но не Коммиссіи въ цѣломъ составѣ; послѣднее оффиціальное обращеніе къ Коммиссіи по одному незначительному поводу относится къ 9 сентября 1883 году, какъ видно изъ ея бумагъ, сохранившихся въ Археологическомъ Институтѣ, между которыми, къ сожалѣнію, нѣтъ протоколовъ и большинства доставленныхъ въ Коммиссію свѣдѣній объ архивахъ, послѣднихъ — такъ какъ они, о чемъ упоминается въ печатанныхъ протоколахъ, были розданы для составленія сводныхъ вѣдомостей представителямъ соотвѣтственныхъ министерствъ, въ архивахъ которыхъ теперь, отчасти, завѣдомо находятся (въ Архивѣ Главнаго Штаба и Министерства Народнаго Просвѣщенія), отчасти, вѣроятно, найдутся впослѣдствіи, какъ, можетъ быть, найдутся и подлинные протоколы.

Пренія по докладамъ гг. Львова и Раевскаго велись въ совокупности, при чемъ было указано на важность затронутыхъ ими вопросовъ и сложность ихъ рѣшенія. Между прочимъ, Н. В. Покровскимъ было указано на необходимость предварительныхъ, частнаго характера, совѣщаній. М. В. Довнаръ - Запольскій поддержалъ предложеніе А. Н. Львова объ образованіи особой коммиссіи; Н. Г. Николаевъ, поддерживая это же предложеніе, указалъ, что коммиссія по поднятому вопросу должна быть организована при Спб. Археологическомъ Институтѣ, такъ какъ едва ли явится возможность рѣшить трактуемый вопросъ за время Съѣзда.

По предложенію предсѣдателя П. В. Голубовскаго, постановлено для рѣшенія вопроса назначить особое, административнаго характера, засѣданіе отдѣленія.

III отдѣленія. Памятники искусствъ и художествъ. 2 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель: Д-ръ Ф. Копера, депутатъ Краковской Академіи Наукъ.

Предсѣдатель отдѣленія: А. И. Кирпичниковъ.

Секретарь отдѣленія: Б. В. Фармаковскій.

I. М. П. Истоминъ. *„Фрески XVII — XVIII-го вѣка въ храмахъ и костелахъ юго-западной Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ"*.

Главные выводы, къ которымъ приводитъ изученіе стѣнописи въ храмахъ и костелахъ юго-западной Россіи XVII–XVIII-й слѣдующіе:

1) На стѣнописи отражается весьма сильное вліяніе лицевой библіи Пискатора, Вейгеля и вообще западной гравюры, которая давала въ этомъ отношеніи незамѣнимый по богатству матеріалъ для художника. Гравюра въ однихъ случаяхъ во всей неприкосновенности переносится на плафонъ или стѣны храма, въ другихъ — нѣсколько варіируется. По мѣрѣ приближенія къ тому пограничью Волыни, гдѣ западное вліяніе укрѣпилось значительно раньше XVI—XVII в., какъ напр., въ Люблинѣ, значеніе гра-

вюры лицев. библіи становится слабѣе и наконецъ въ самомъ Люблинѣ почти прекращается. Здѣсь стѣнопись костеловъ получаетъ характеръ весьма близкій къ самостоятельному творчеству.

2) Къ числу композицій съ намеками на болѣе оригинальное творчество нужно отнести такія, въ которыхъ воспроизводится богословская тенденція по адресу ереси Арія, ученій Лютера и Кальвина—словомъ протестантскихъ вѣроученій, столь распространенныхъ въ юго-западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII вв.

3) Одною изъ характерныхъ чертъ разсматриваемой стѣнописи (какъ напр., въ Почаевской лаврѣ, Загоровскомъ монастырѣ, костеловъ въ Бердичевѣ и Люблинѣ св. Креста) является подробная иллюстрація чудесъ, происшедшихъ отъ чтимой въ данномъ храмѣ иконы или святыни. Компановка этихъ сюжетовъ, если отбросить нерѣдкое однообразіе, можетъ дать довольно богатый матеріалъ для историка въ смыслѣ бытовомъ и умонастроенія обществъ въ періодъ XVII—XVIII вв.

4) Сравнительно одиноко стоятъ православные храмы, фрески коихъ въ общемъ или по частямъ въ этотъ періодъ столь сильнаго вліянія Запада сохранили еще византійскій отпечатокъ болѣе поздняго пошиба (времени Діонисія изъ Фурны аграфійской). Изъ нихъ на первомъ планѣ нужно отмѣтить церковь Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ, фрески коей представляютъ не малый интересъ въ научномъ отношеніи, какъ противопоставленіе образцамъ непосредственно западнаго вліянія (потому что и на „Ерминіи“ Діонисія отчасти оказывается уже вліяніе западно-европейское).

И. Д. Четыркинъ сдѣлалъ докладъ: *„О нѣкоторыхъ предметахъ старины, попавшихъ изъ Южной Россіи (Черниговской и Кіевской губ.) въ г. Калугу“*.

Предметы эти слѣдующіе: 1) жетонъ въ память коронованія Почаевской Богоматери 1773 г.; 2) деревянное клише, представляющее собою вѣнецъ, съ котораго старообрядцы печатали „вѣнчики“ для возложенія на уважаемыхъ покойниковъ; 3) синодикъ, написанный въ Кіевѣ въ 1667 году; 4) мѣдное клише 1767 г. и 5) брошюра „о хиротоніи“ Лазаря Барановича, напечатаная въ 1676 году.

1) Жетонъ 1773 г. вдѣланъ въ серебряный ободокъ съ колечкомъ для ношенія. На обѣихъ сторонахъ жетона имѣются надписи на латинскомъ языкѣ.

2) Деревянное клише, съ датою 1765 г., употреблявшееся для отпечатанія „вѣнцовъ“ для возложенія на болѣе замѣчательныхъ умершихъ старообрядцевъ, напоминаетъ вѣнцы Царственной книги, а также вѣнцы древнихъ мудрецовъ фресковой живописи Московскаго Успенскаго собора.

3) Рукопись, съ датою 1667 г., состоитъ изъ 22 полулистовъ, написанныхъ довольно крупнымъ полууставомъ. Обертку ея составляетъ выходной листъ 1-го изданія Патерика Печерскаго. Содержаніе рукописи заключается въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о 42 святыхъ подвижникахъ кіевскихъ, вторая же часть рукописи составляетъ „Помникъ“ (синодикъ). Рукопись получила свое начало „въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, року отъ Р. Х. ѧ҃х҃ѯ҃з мця марта ві҃ дня“ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, интересныя біографическія данныя о преподобномъ Ильѣ Муромцѣ, который называется здѣсь „богатыремъ и воиномъ кіевскимъ“, постригшимся наконецъ „въ иночество“.

4) Клише на красной мѣди, съ датой 1767 г. (барская конфедерація), рѣзано въ Бердичевѣ граверомъ Раковѣскимъ. Почти вся поверхность доски занята изображеніями и надписями вверху и внизу на латинскомъ языкѣ. Несмотря на довольно сложную композицію, рисунокъ (клише) представляетъ собою стройное художественное произведеніе. Референтъ въ докладѣ своемъ выразилъ мнѣніе, что клише могло попасть въ Калугу двумя путями: или съ Залусскимъ, Ржевусскимъ и еп. Салтыкомъ, которые въ октябрѣ 1767 г. были препровождены кн. Репнинымъ въ Калугу, или же оно попало въ руки М. Н. Кречетникова, взявшаго въ 1768 году Бердичевъ и бывшаго впослѣдствіи первымъ калужскимъ намѣстникомъ съ 1777 года.

5) Неизвѣстная до 1891 г. печатная брошюра 1676 г. напечатана въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ которомъ существовала типографія съ 1663 по 1679 годъ; вслѣдствіе пожара 7 іюня 1679 г. типографія была переведена въ Черниговъ. По содержанію своему брошюра не представляетъ новости, такъ какъ подновленный текстъ ея мы имѣемъ въ экземплярѣ 1716 г. „о хиротоніи" Лазаря Барановича; но она замѣчательна въ томъ отношеніи, что 1) Новгородъ-Сѣверское изданіе „О хиротоніи" Л. Барановича прежде не было извѣстно, и 2) случайное пріобрѣтеніе референтомъ этой брошюры вноситъ поправку въ трудъ покойнаго Ровинскаго: „Русскіе граверы", гдѣ граверъ „Константинъ" названъ черниговскимъ граверомъ XVIII, а не XVII столѣтія. Брошюра, кромѣ предисловія, изложена языкомъ юго-западной Руси XVII столѣтія.

V отдѣленіе. Церковныя древности. 3-го августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель А. П. Лебедевъ.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій.

Секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

Засѣданіе открыто рѣчью предсѣдателя, проф. Н. В. Покровскаго, въ которой было обращено вниманіе на историческую роль Кіева въ исторіи русскаго искусства и просвѣщенія. Археологическія розысканія новѣйшаго времени показали, что еще гораздо раньше, чѣмъ заблисталъ свѣтъ христіанства на горахъ кіевскихъ, Кіевъ былъ уже городомъ культурнымъ и благоустроеннымъ. Крещеніе Руси оживило сношенія съ Византіею, стоявшею во главѣ цивилизованныхъ странъ того времени и повлекло за собою развитіе въ Кіевѣ искусствъ, памятники которыхъ (архитектура, скульптура, эмаль, металлическія издѣлія и пр.) уцѣлѣли до нашихъ дней и служатъ показателями высоко-культурнаго состоянія Кіева въ до-монгольскій періодъ. Татарскій разгромъ и столкновенія съ сосѣдями, иногда на вѣроисповѣдной основѣ, задержали развитіе искусствъ въ Кіевѣ; однако византійскія начала ихъ не погибли безслѣдно, но переданы Кіевомъ Владиміро-Суздалю. Въ заключеніе проф. Покровскій воздалъ славу и честь праматери русскихъ городовъ, а равно и собирателямъ и ученымъ изслѣдователямъ Кіевской старины.

1. Послѣ рѣчи г. предсѣдателя В. Н. Щепкинъ прочиталъ рефератъ *„Рисунокъ въ Новгородской иконописной школѣ"*. Докладчикъ изложилъ художественныя особенности миніатюръ „Житія преп. Нифонта", рукописи, относимой имъ къ началу XVI в. М. И. Успенскій, при преніяхъ, отрицалъ научную обоснованность за дѣленіемъ русской иконописи на школы, вошедшимъ въ археологическую литературу въ половинѣ текущаго столѣтія отъ любителей и собирателей старины. Д. Н. Анучинъ замѣтилъ, что формы горъ въ миніатюрахъ не условны, но соотвѣтствуютъ очертаніямъ горъ Палестины. Н. В. Покровскій полагалъ, что не слѣдуетъ принимать на вѣру новгородское происхожденіе памятника, и что сравненіе его съ близкими по времени лицевыми рукописями (какъ Ипатьевская псалтирь 1591 г.) могло бы значительно расширить кругозоръ доклада. Вмѣстѣ съ А. А. Павловскимъ и А. П. Голубцовымъ, Н. В. Покровскій отмѣчалъ правильность и плодотворность метода, принятаго докладчикомъ, подробность и точность его анализа, и важность подобныхъ работъ для художественной археологіи.

2. Н. И. Троицкій въ докладѣ: *„Архистратигъ Михаилъ (гербъ города Кіева)— въ русской иконографіи въ связи съ литературой библейской, талмудической и греко-византійской при посредствѣ юго-западной русской"* — композицію Тульской иконы 1734 года объяснялъ на основаніи „Учительнаго Евангелія" Кирилла Транквилліона, которое, въ свою очередь, составлено подъ вліяніемъ Талмуда. — М. И. Соколовъ высказалъ мнѣніе, что византійскими и славяно-русскими апокрифами и богослужебною письменностью вполнѣ объясняется разсматриваемая композиція.

3. Н. Д. Четыркинъ доложилъ о *„Крестахъ у калужскихъ старообрядцевъ"* (кре-

стахъ-тѣльникахъ, „мощевикахъ", крестахъ для поклоненія). Въ дополненіе къ реферату В. Т. Георгіевскій указалъ, что многіе изъ представленныхъ докладчикомъ предметовъ литья до настоящаго времени изготовляются въ одномъ изъ селъ Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда.

IV отдѣленіе. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 3 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель проф. Яроміръ Челяковскій, изъ Праги.

Предсѣдатель отдѣленія Ѳ. Я. Фортинскій.

Секретари отдѣленія: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій.

Послѣ привѣтствія почетному предсѣдателю, сказаннаго Ѳ. Я. Фортинскимъ и тепло принятаго собраніемъ, и вступительной рѣчи проф. Челяковскаго о значеніи русскихъ трудовъ въ области исторіи русскаго и славянскаго права и быта.

1. Г. В. Демченко прочелъ докладъ: *„Притомные люди"*. Въ актахъ о копныхъ судахъ постоянно встрѣчаются указанія на то, что эти суды отправляются въ присутствіи какихъ то постороннихъ лицъ. Объ этихъ лицахъ лаконически говорится, что они „при томъ были", и иногда же обозначаются производнымъ отъ такихъ словъ выраженіемъ: „люди притомные" („ludzie pzytomni"). Такіе сторонніе люди отличаются отъ самихъ копниковъ, въ составъ копы не входятъ и не обязаны присутствовать при копномъ разбирательствѣ, пользуясь правомъ, по желанію, на одну и ту же копу то выходить, то не выходить. Но во всякомъ случаѣ старинные обычаи считаютъ вполнѣ умѣстнымъ, чтобы копа судила при участіи постороннихъ добрыхъ людей.

Чаще всего копа судитъ при участіи вознаго (вижа, генерала), съ нѣсколькими добрыми сторонними мужами. Это обозначается: „при томъ былъ возный со стороной добрыхъ людей такихъ-то". Возный и состоящая при немъ сторона добрыхъ людей представляютъ изъ себя обычную группу судныхъ мужей, съ которой можно встрѣтиться и въ другихъ судахъ Руси Литовской того времени. Эта группа, измѣнчивая по своему составу, появляется на копѣ по желанію истца, отвѣтчика, суда и вообще лицъ, интересы которыхъ затрогиваются даннымъ судебнымъ разбирательствомъ. Призывъ такой стороны осуществляется тѣмъ, кто ее желаетъ имѣть на копѣ. Это лицо „проситъ", „беретъ", „уживаетъ", „вызываетъ", „способляетъ" свою сторону. Съ такой просьбой или вызовомъ оно обращается къ своимъ „пріятелямъ" или даже къ другимъ лицамъ, именно — къ тѣмъ, кто сподручнѣе, кого легче достать, на кого скорѣе можно положиться, за кѣмъ нечего далеко ходить и кого не трудно отыскать. Поэтому сторона берется иногда изъ случайно присутствующихъ сосѣдей, гостей, проѣзжихъ купцовъ и т. д.

Кромѣ простой коллегіи (группы) вознаго со стороной (или стороны, замѣняющей вознаго), копные акты отмѣчаютъ иногда весьма сложныя группы различныхъ притомныхъ людей: въ однихъ случаяхъ присутствуетъ сложная группа нѣсколькихъ возныхъ со стороной, въ другихъ случаяхъ—сложная группа нѣсколькихъ сторонъ, въ третьихъ—сложная группа вознаго со стороной и стороннихъ людей. Но всегда всѣ эти сложныя группы въ основѣ своей имѣютъ указанную уже сторону вознаго, и всегда притомные люди копы являются въ роли судныхъ мужей, которые могутъ принимать активное участіе во всѣхъ актахъ копнаго процесса и даже въ постановленіи самого приговора.

Возражая докладчику, М. Н. Ясинскій признавалъ терминъ „притомные люди" неудачнымъ вообще, а въ приложеніи къ *стороннимъ* людямъ, фигурировавшимъ на копѣ, въ особенности. Эти послѣдніе обыкновенно въ актахъ называются „люди сторонніе", наименованіе же ludzi przytomnii встрѣчается въ актахъ сравнительно весьма рѣдко и то лишь въ актахъ позднѣйшихъ (примѣрно со 2-й пол. XVII в.) и писанныхъ лишь на языкѣ польскомъ. Оппонентъ не соглашался съ докладчикомъ и относительно причинъ появленія „стороннихъ людей" на копѣ.

2. Проф. П. В. Голубовскій прочелъ докладъ по вопросу *„Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи способъ защиты таборомъ"*. Референтъ и въ началѣ чтенія, и нѣсколько разъ при чтеніи реферата оговаривался, что употребляетъ слово „таборъ" для обозначенія укрѣпленія, составленнаго изъ возовъ, какъ терминъ извѣстный, и только. Указавъ, что защита *таборомъ* на югѣ Россіи упоминается съ XV ст., референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что защита „таборомъ" имѣетъ значеніе лишь въ мѣстностяхъ степныхъ, противъ войска коннаго, а потому впервые должна была появиться у народовъ кочевыхъ. Необходимость примѣняться къ тактикѣ врага должна была заставить и Русь усвоить этотъ способъ борьбы съ кочевымъ врагомъ. Затѣмъ докладчикъ привелъ свидѣтельства ряда средневѣковыхъ писателей о несомнѣнномъ примѣненіи способа обороны укрѣпленіемъ изъ возовъ у гунновъ, венгровъ, печенѣговъ, половцевъ, откуда слѣдуетъ, что Русь также должна была ознакомиться съ укрѣпленіемъ изъ возовъ еще въ до-татарскій періодъ. Въ виду этихъ фактовъ, референтъ обратилъ вниманіе на часто встрѣчающійся въ лѣтописи терминъ „заложитися", который, по соображенію обстоятельствъ, при которыхъ онъ употребляется, долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ „закрыться" чѣмъ нибудь. Такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ терминъ употребляется, никакихъ естественныхъ закрытій не было, то единственное закрытіе можетъ предполагаться—возы.

Докладъ вызвалъ оживленное обсужденіе.

Гг. Николаевъ, Каллецъ, Антоновичъ предполагали, что защита таборомъ могла перейти на Русь отъ чеховъ, гдѣ выработана была гуситами, и привели соображенія о пути и случаяхъ для такого заимствованія. Гг. Иловайскій и Маркевичъ указывали болѣе раннія случаи примѣненія табора и на Руси, и даже у древнихъ германцевъ. Къ нимъ присоединился и г. Дашкевичъ, указывая, что самое слово *таборъ* было заимствовано гуситами, и можетъ быть у мадьяръ.

VI отдѣленіе. Памятники письма и языка. 4-го августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.

Предсѣдатель отдѣленія Н. И. Петровъ.

Секретари: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

1. В. Н. Щепкинъ. *„Діалектическое дѣленіе языковъ старо-славянскаго и болгарскаго"*. Указавъ на недавнее происхожденіе изслѣдованій старо-славянскихъ діалектовъ и разобравъ работы Облака по этому вопросу, докладчикъ предложилъ установить три діалектическія группы въ старо-славянскомъ языкѣ. Къ первой группѣ принадлежатъ глаголическіе памятники XI вѣка, замѣняющіе ъ посредствомъ *о*, и ь посредствомъ *е*, какъ въ русскомъ языкѣ; этой группѣ соотвѣтствуютъ юго-западные славянскіе говоры. Вторую діалектическую группу представляютъ — часть Супрасльскаго кодекса, листки Ундольскаго, Хиландарскіе листки и Охридское Евангеліе; въ нихъ ъ=ъ, а ь=*е*; этой группѣ соотвѣтствуютъ восточно-болгарскіе говоры. Къ третьей группѣ относятся— другая часть Супрасльскаго кодекса, Остромірово Евангеліе, Саввина книга, Новгородскіе листки и Слуцкая Псалтырь; въ нихъ ъ=ъ, ь=ь; соотвѣтствія этой группѣ въ болгарскихъ говорахъ не замѣчается. Эта третья группа можетъ быть названа архаической.

Въ XI в. существовали всѣ три группы, но въ XII в. говоры архаической группы примкнули къ нарѣчіямъ юго-западнымъ или восточнымъ болгарскаго языка.

2. А. С. Раевскій. *„О Часословѣ библіотеки Ярославскаго архіерейскаго дома XIII вѣка, съ молитвами Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и славяно-католическими"*. Докладчику удалось выяснить мѣстонахожденіе пергаментнаго литургическаго сборника съ молитвами Кирилла Туровскаго, о которомъ, безъ указанія мѣста храненія, былъ представленъ докладъ Е. В. Барсовымъ на VII русскомъ Археологиче-

скомъ Съѣздѣ, напечатанный въ III томѣ трудовъ этого Съѣзда; при этомъ оказалось, что названная рукопись представляетъ не что иное, какъ включенный И. И. Срезневскимъ во 2-е изданіе „Памятниковъ древняго русскаго письма и языка", подъ датой „до 1200 г.", „Чиновникъ разныхъ церковныхъ чиновъ".

На самомъ дѣлѣ, такъ какъ архаическій видъ рукописи лишь кажущійся, то ее слѣдуетъ относить ко второй половинѣ XIII в., т.-е. ближе къ мнѣнію Барсова, считающаго ее принадлежащей къ XIV в.; съ другой стороны, нельзя согласиться съ мнѣніемъ послѣдняго относительно ея содержанія и назначенія. Е. В. Барсовъ упустилъ изъ виду, во-первыхъ, что въ рукописи четыре листа вырванной 57-ой тетради подшиты были въ послѣдствіи въ самомъ ея началѣ, и счелъ за конецъ полунощницы находящійся на первомъ листѣ конецъ молитвъ послѣ вечерни, несмотря на то, что непосредственно за нимъ, на томъ же листѣ, имѣется заглавіе „чинъ меѳимона", т.-е. повечерія по студійскому уставу; на самомъ же дѣлѣ началомъ рукописи слѣдуетъ считать 5-ый листъ, передъ которымъ было 248 утерянныхъ листовъ или 31 тетрадь, заключавшихъ несомнѣнно полунощницу, заутреню съ рядомъ молитвъ послѣ нея (между прочимъ, конечно, съ 7 молитвами Кирилла Туровскаго и половину часовъ). Далѣе, г. Барсовъ не обратилъ вниманія на нахожденіе въ рукописи несомнѣнно принадлежащей преп. Ѳеодосію Печерскому „молитвы о вѣрныхъ" и могущей быть ему приписанной, такъ называемой молитвы І. Златоуста, въ текстѣ которой включено поминаніе за „Ѳеодосія, написавшаго молитву сію"; кромѣ того, г. Барсовымъ не былъ отмѣченъ явно католическій характеръ многихъ молитвъ, помѣщенныхъ за часами и вечерней, а также на необычныхъ 7—8 и 10—12 часахъ (подобные часы, по словамъ проф. Тураева, имѣются въ одномъ видѣнномъ имъ эфіопскомъ часословѣ); наконецъ, Барсовъ считалъ рукопись предназначенною для часовенныхъ службъ, тогда какъ заключающійся въ ней рядъ спеціально монашескихъ молитвъ показываетъ, что она назначалась для общаго или келейнаго монастырскаго правила. Вообще же рукопись слѣдуетъ признать сводомъ, составленнымъ изъ часослова по студійскому уставу, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ котораго были размѣщены молитвы, сочиненныя печерскими иноками (изъ русскихъ святыхъ во всей рукописи упоминается лишь преп. Антоній и Ѳеодосій, Борисъ и Глѣбъ), Кирилломъ Туровскимъ (въ рукахъ составителя былъ отдѣльный сборникъ его молитвъ) и взятыя изъ славяно-католическаго бревіарія, быть можетъ, монаховъ Сазавскаго монастыря. Въ Ярославль (или Ростовъ) рукопись могла быть прислана изъ Кіева въ руководство тамошнимъ монастырямъ, такъ какъ палеографическіе особенности ея не сходятся съ особенностями рукописей, завѣдомо написанныхъ въ Ростовско-Суздальской области.

3. И. М. Каманинъ. *„Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв."*.

Указавъ на важное практическое и научное значеніе палеографіи, на слабое развитіе этой вспомогательной науки при изученіи историческихъ памятниковъ, докладчикъ отмѣтилъ условія, при которыхъ должны производиться палеографическія изслѣдованія. Для настоящаго доклада авторъ изъ трехъ почерковъ, господствовавшихъ въ Юго-Западномъ краѣ въ XV—XVIII вв.: латинскаго, польскаго и русскаго, остановился надъ изученіемъ послѣдняго. Въ исторіи послѣдняго, на основаніи собраннаго матеріала, представленнаго въ снимкахъ, докладчикъ различаетъ четыре періода: 1-й періодъ самостоятельнаго развитія письма съ половины XV до половины XVI в., когда буквы являются упрощеніемъ уставной скорописи; 2-й періодъ съ половины XVI в. до начала XVII, когда письмо подъ дѣйствіемъ польско-нѣмецкаго вліянія принимаетъ готическій характеръ; 3-й періодъ начинается со времени возникновенія при братствахъ школъ, усвоившихъ себѣ программу католическихъ коллегій, когда русское письмо измѣняется подъ вліяніемъ латинскаго, теряя характеръ готическаго, и оканчивается на правомъ берегу Днѣпра во 2-й половинѣ XVII в. замѣной польскимъ письмомъ, а на лѣвомъ—замѣной

сѣверно-русскимъ; такимъ образомъ 4-й періодъ въ исторіи южно-русскаго письма есть господство сѣверно-русскаго почерка; оно начинается на лѣвомъ берегу Днѣпра съ половины XVIII в., а на правомъ съ конца XVIII вѣка, когда Юго-Западный край былъ присоединенъ къ Россіи. Такимъ образомъ Южная Русь, съ потерей своей культурной самостоятельности, теряетъ и свойственный ей характеръ письма, позднѣйшія измѣненія котораго даютъ возможность наблюдать происходившія перемѣны въ культурной и политической жизни народа.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 4 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель членъ Краковской Академіи наукъ д-ръ А. П. Яблоновскій.

Предсѣдатель отдѣленія П. В. Голубовскій.

Секретари отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Д. И. Багалѣй. *„Объ историческихъ матеріалахъ, какъ источникахъ археологіи“*. Рефератъ состоялъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ говорилъ о значеніи историческихъ памятниковъ для археологіи, а во второй указалъ нѣсколько новыхъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія и архива Харьковскаго университета и заключающихъ въ себѣ чисто археологическія данныя. Отмѣтивъ присутствіе во всѣхъ видахъ печатныхъ источниковъ археологическаго матеріала, референтъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ еще большее обиліе его въ архивахъ и вообще хранилищахъ рукописей. Докладчикъ высказалъ пожеланіе, чтобы Московское Археологическое Общество, въ лицѣ своей археографической коммиссіи, приняло на себя иниціативу въ разработкѣ этого матеріала и пригласило къ участію въ немъ архивныхъ дѣятелей центральныхъ и провинціальныхъ хранилищъ.

2. А. П. Вороновъ. *„Французскій областной архивъ“*. Необходимость изученія архивнаго дѣла заграницей для болѣе удачнаго разрѣшенія архивнаго вопроса въ Россіи. Французскій областной архивъ, иначе департаменскій (archives départementales), находится въ главномъ городѣ каждаго департамента. Богатство и разнообразіе историческихъ матеріаловъ въ департаменскомъ архивѣ, объясняемое исключительными историческими событіями (революція). Благоустройство департ. архивовъ подъ управленіемъ просвѣщенныхъ архивистовъ: классификація бумагъ по одному плану, успѣшное изданіе инвентаря. Стремленіе департ. архива — сосредоточить въ себѣ историческіе матеріалы въ предѣлахъ даннаго департамента. Пожертвованія частныхъ лицъ. Содержаніе департам. архивовъ на счетъ мѣстнаго (департаментскаго) самоуправленія. Очеркъ исторіи департаментскаго архива: сосредоточеніе многихъ архивовъ въ рукахъ государства въ эпоху революціи; идея централизаціи; образованіе въ 1796 г. департам. архивовъ и ихъ печальное положеніе въ теченіе 40 лѣтъ; законъ 10 мая 1838 года, сдѣлавшій расходы на архивы обязательнымъ для департаментовъ и образовательный цензъ обязательнымъ для департаментскихъ архивистовъ; созданіе при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ центральнаго управленія архивами департаментскими, общинными, призрѣнія бѣдныхъ и супрефектуръ; выработка центральнымъ управленіемъ плана классификаціи подвѣдомственныхъ архивовъ, руководство работами по разбору, описанію и изданію инвентаря въ свѣтъ; интересъ мѣстнаго самоуправленія къ департ. архивамъ; передача въ 1884 году департаментскихъ и другихъ архивовъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія, владѣвш. уже Національнымъ архивомъ и École des Chartes. Зависимость департ. архива одновременно отъ префекта, генеральнаго совѣта (органа департ. самоуправленія) и отъ центральнаго управленія при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Удачный компромиссъ трехъ вѣдомствъ. Отношеніе департаментскихъ архивовъ къ архивамъ общиннымъ, супрефектуръ и учрежденій призрѣнія бѣдныхъ. Классификація департ. архивовъ: а) раздѣленіе хронологическое на

двѣ части до 1790 г., и съ 1790 г., б) раздѣленіе каждой части на серіи, в) серія какъ совокупность fonds, исторически сложившихся группъ дѣлъ. Твердое намѣреніе французскихъ архивистовъ держаться разъ уже установленной классификаціи.

II отдѣленіе. Древности историко-географическія и этнографическія. 4 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. И. Багалѣй.

Секретарь отдѣленія О. А. Фотинскій.

1. В. И. Щербина. „*Украинскія староства по люстраціямъ XVIII вѣка*“.

Украинскія староства сгруппированы были въ Кіевскомъ повѣтѣ и заключали важнѣйшую часть старой Кіевской земли. Населеніе ихъ составляли потомки исконнаго населенія края; польская колонизація была крайне незначительна (около 2%). Сравненіе двухъ люстрацій 1765 и 1789 гг. показываетъ довольно значительное возрастаніе населенія (до 23%) и въ то же время увеличеніе зависимости его отъ старостъ. Налоги и повинности, составлявшія въ 1765 г. 31% доходности имѣнія, въ 1789 г. возрастаютъ до 45%. Чиншъ, составлявшій въ 1765 г. главную сумму обложенія, въ 1789 г. уменьшается; за то возрастаетъ панщина и являются различныя натуральныя повинности (куры, яйца, грибы, мотки нитокъ и т. п.). Такимъ образомъ положеніе королевскихъ имѣній постепенно приближается къ положенію имѣній дѣдичныхъ. Въ концѣ столѣтія нѣкоторыя староства обращены были въ дѣдичныя имѣнія, другія розданы на эмфитевтическомъ правѣ; на четырехлѣтнемъ сеймѣ составленъ былъ проектъ совершеннаго упраздненія старостствъ. Населеніе старостствъ не сочувствовало реформамъ четырехлѣтняго сейма и старалось воспользоваться имъ для возвращенія своихъ старинныхъ правъ.

2. П. И. Троицкій. „*Древній городъ Лопасня, его мѣстонахожденіе и памятники*“.

Предположеніе Погодина о томъ, что городъ Лопасня, принадлежавшій Черниговскимъ князьямъ, находился на берегу р. Оки, при устьѣ рѣчки Лопасни, высказанное имъ въ 1871 г., но недоказанное, подтверждается, однако, текстомъ договорной грамоты вел. кн. Олега Рязанскаго съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, 1389 года. По свидѣтельству грамоты, Лопасня была „на Рязанской сторонѣ за Окою“, т.-е. на южномъ берегу ея. Свидѣтельство это подтверждается донынѣ существующимъ городищемъ, именно—противъ устья рѣки Лопасны, гдѣ находится погостъ „Городище“, называемымъ „четыре церкви“. Существующія на этомъ погостѣ двѣ церкви (деревянныя) нѣкогда принадлежали бывшему здѣсь монастырю св. Николая Чудотворца (XVII в.). Изъ этихъ церквей древнѣйшая Пятницкая, хотя и относилась нѣкоторыми къ XII в., но ошибочно: въ дѣйствительности она построена въ 1667 году, что подтверждается сохранившеюся въ ней „лѣтописною доскою“ (попорченной и потому худо прочитанной прежде). Другая Николаевская церковь XVIII в. Изъ остальныхъ памятниковъ интересны синодикъ и церковно-богослужебныя книги, со многими подписями вкладчиковъ.

3. А. И. Бунинъ. „*Гдѣ находились города Липецкъ и Варгол, а также другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1283—1284 г.*“

Путемъ изслѣдованія лѣтописнаго текста, росписанія сторожевыхъ станицъ 1571 г. и личныхъ разысканій на мѣстѣ, референтъ установилъ, что мѣстоположеніе лѣтописнаго Липецка надо искать на мѣстѣ нынѣ существующаго городища, расположеннаго въ 20 в. къ югу отъ г. Сумъ, на берегу р. Псла. Попутно опровергнуты мнѣнія: Карамзина—о соотвѣтствіи лѣтописнаго Липецка современному г. Липецку, мнѣніе Соловьева—о соотвѣтствіи его г. Ливнамъ и мнѣніе преосв. Филарета (Гумилевскаго), искавшаго Липецкъ въ другомъ городищѣ, находящемся въ 2 вер. отъ г. Сумъ. Далѣе, опровергнувъ мнѣніе Карамзина о томъ, что лѣтописный Варголъ есть нынѣшнее село Варголъ Елецкаго уѣзда, и мнѣніе Соловьева, что это нынѣшній гор. Льговъ,

референтъ указалъ на городище въ 2 верстахъ къ югу отъ села Варгола, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи, какъ на мѣстоположеніе лѣтописнаго г. Варгола. Село Туровъ референтъ предположительно указываетъ въ д. Тураевкѣ или въ с. Туранскомъ, находящихся въ 12 в. къ с. отъ г. Рыльска. Относительно двухъ слободъ, основанныхъ баскакомъ Ахматомъ, референтъ полагаетъ возможнымъ согласиться съ существующимъ мнѣніемъ, по которому одна изъ нихъ соотвѣтствуетъ положенію г. Суджи, а другая находилась къ з. отсюда, гдѣ то около р. Сейма, можетъ быть, при впаденіи въ Сеймъ рѣчки Снагости.

По поводу изложеннаго доклада, проф. П. В. Голубовскій высказалъ свое удовольствіе особенно потому, что референтъ инымъ путемъ пришелъ къ тому же выводу относительно мѣстоположенія указанныхъ городовъ, къ которому пришелъ и проф. П. В. Голубовскій, подготовляя изданіе исторической карты Черниговской и Полтавской губерній. Председатель отдѣленія, проф. Д. И. Багалѣй указалъ, что въ виду скудости письменныхъ данныхъ для историко географическихъ опредѣленій, безусловно необходимы топографическія и археологическія разысканія на мѣстѣ, чему удовлетворилъ референтъ. Въ виду этого, желательны бы такія же розысканія въ городищѣ Фатежскаго уѣзда, гдѣ помѣщалъ Липецкъ Барсовъ. Докладчикъ отвѣчалъ, что Барсовъ допустилъ явную ошибку, прочитавъ на картѣ „Липецкъ“ вмѣсто „Линецъ“, почему съ мнѣніемъ Барсова нельзя считаться.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 5-го августа, утромъ (въ XV аудиторіи).

Почетный предсѣдатель А. С. Лаппа-Данилевскій, депутатъ Археографической Коммиссіи.

Предсѣдатель отдѣленія П. В. Голубовскій.

Секретари: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. И. М. Каманинъ. *„Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ“.* Указавъ на причины подлоговъ, вообще, не только въ западномъ краѣ, но и на сѣверѣ и востокѣ Россіи, референтъ привелъ содержаніе закона 2 апрѣля 1852 года, по которому требованіе опредѣленія подлинности или подложности документовъ возлагается на лицъ, совершенно не подготовленныхъ къ дѣлу; введеніе судебной реформы въ западномъ краѣ, хотя нѣсколько и улучшило положеніе дѣла, но лишь до нѣкоторой степени; поэтому въ числѣ лицъ, призываемыхъ къ экспертизѣ, не всегда бываютъ лица, знакомыя съ подлинными документами. Коммиссія 1892 г. признала архивистовъ исключительно спеціалистами по оцѣнкѣ подлинности или подложности документовъ и установила принципъ аппеляціи; для послѣдней она рекомендуетъ высылку книгъ въ Петербургъ. Принимая положенія коммиссіи, референтъ высказалъ желаніе, чтобы молодые архивисты получали знакомство съ подлинными или подложными документами еще на школьной скамьѣ, а самая переэкспертиза оспариваемыхъ документовъ производилась на мѣстѣ, безъ высылки книгъ въ Петербургъ, и для этой цѣли призналъ полезнымъ періодическіе съѣзды архивистовъ отъ 3—5 человѣкъ, и потому предложилъ членамъ Съѣзда обсужденіе этого вопроса и ходатайство по нему.

А. С. Раевскій сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности коммиссіи 1892 г., которая касалась этого вопроса и подготовила проектъ; но желательно было бы просить о приведеніи въ исполненіе ея постановленій.

Проф. С. Л. Пташицкій присоединился къ мнѣнію докладчика, полагая необходимымъ экспертизу документовъ предоставить самимъ архивамъ, а для разрѣшенія сомнительныхъ историческихъ вопросовъ образовать повѣрочную коммиссію, которая должна собираться въ случаяхъ надобности въ опредѣленные сроки въ мѣстахъ нахожденія подлежащихъ архивовъ, съ допущеніемъ въ засѣданія коммиссіи представителя

двѣ части до 1790 г., и съ 1790 г., б) раздѣленіе каждой части па серіи, в) серія какъ совокупность fonds, исторически сложившихся группъ дѣлъ. Твердое намѣреніе французскихъ архивистовъ держаться разъ уже установленной классификаціи.

II отдѣленіе. Древности историко-географическія и этнографическія. *4 августа, вечеромъ.*

Почетный предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. И. Багалѣй.

Секретарь отдѣленія О. А. Фотинскій.

1. В. И. Щербина. „*Украинскія староства по люстраціямъ XVIII вѣка*“.

Украинскія староства сгруппированы были въ Кіевскомъ повѣтѣ и заключали важнѣйшую часть старой Кіевской земли. Населеніе ихъ составляли потомки исконнаго населенія края; польская колонизація была крайне незначительна (около 2%). Сравненіе двухъ люстрацій 1765 и 1789 гг. показываетъ довольно значительное возрастаніе населенія (до 23%) и въ то же время увеличеніе зависимости его отъ старостъ. Налоги и повинности, составлявшія въ 1765 г. 31% доходности имѣнія, въ 1789 г. возрастаютъ до 45%. Чиншъ, составлявшій въ 1765 г. главную сумму обложенія, въ 1789 г. уменьшается; за то возрастаетъ панщина и являются различныя натуральныя повинности (куры, яйца, грибы, мотки нитокъ и т. п.). Такимъ образомъ положеніе королевскихъ имѣній постепенно приближается къ положенію имѣній дѣдичныхъ. Въ концѣ столѣтія нѣкоторыя староства обращены были въ дѣдичныя имѣнія, другія розданы на эмфитевтическомъ правѣ; на четырехлѣтнемъ сеймѣ составленъ былъ проектъ совершеннаго упраздненія старостъ. Населеніе старостъ не сочувствовало реформамъ четырехлѣтняго сейма и старалось воспользоваться имъ для возвращенія своихъ старинныхъ правъ.

2. П. И. Троицкій. „*Древній городъ Лопасня, его мѣстонахожденіе и памятники*“.

Предположеніе Погодина о томъ, что городъ Лопасня, принадлежавшій Черниговскимъ князьямъ, находился на берегу р. Оки, при устьѣ рѣчки Лопасни, высказанное имъ въ 1871 г., но недоказанное, подтверждается, однако, текстомъ договорной грамоты вел. кн. Олега Рязанскаго съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, 1389 года. По свидѣтельству грамоты, Лопасня была „на Рязанской сторонѣ за Окою“, т.-е. на южномъ берегу ея. Свидѣтельство это подтверждается донынѣ существующимъ городищемъ, именно—противъ устья рѣки Лопасны, гдѣ находится погостъ „Городище“, называемымъ „четыре церкви“. Существующія на этомъ погостѣ двѣ церкви (деревянныя) нѣкогда принадлежали бывшему здѣсь монастырю св. Николая Чудотворца (XVII в.). Изъ этихъ церквей древнѣйшая Пятницкая, хотя и относилась нѣкоторыми къ XII в., но ошибочно: въ дѣйствительности она построена въ 1667 году, что подтверждается сохранившеюся въ ней „лѣтописною доскою“ (попорченной и потому худо прочитанной прежде). Другая Николаевская церковь XVIII в. Изъ остальныхъ памятниковъ интересны синодикъ и церковно-богослужебныя книги, со многими подписями вкладчиковъ.

3. А. И. Бунинъ. „*Гдѣ находились города Липецкъ и Варголъ, а также другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1283—1284 г.*“

Путемъ изслѣдованія лѣтописнаго текста, росписанія сторожевыхъ станицъ 1571 г. и личныхъ разысканій на мѣстѣ, референтъ установилъ, что мѣстоположеніе лѣтописнаго Липецка надо искать на мѣстѣ нынѣ существующаго городища, расположеннаго въ 20 в. къ югу отъ г. Сумъ, на берегу р. Псла. Попутно опровергнуты мнѣнія: Карамзина—о соотвѣтствіи лѣтописнаго Липецка современному г. Липецку, мнѣніе Соловьева—о соотвѣтствіи его г. Ливнамъ и мнѣніе преосв. Филарета (Гумилевскаго), искавшаго Липецкъ въ другомъ городищѣ, находящемся въ 2 вер. отъ г. Сумъ. Далѣе, опровергнувъ мнѣніе Карамзина о томъ, что лѣтописный Варголъ есть нынѣшнее село Варголъ Елецкаго уѣзда, и мнѣніе Соловьева, что это нынѣшній гор. Льговъ,

референтъ указалъ на городище въ 2 верстахъ къ югу отъ села Варгола, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи, какъ на мѣстоположеніе лѣтописнаго г. Варгола. Село Туровъ референтъ предположительно указываетъ въ д. Тураевкѣ или въ с. Туранскомъ, находящихся въ 12 в. къ с. отъ г. Рыльска. Относительно двухъ слободъ, основанныхъ баскакомъ Ахматомъ, референтъ полагаетъ возможнымъ согласиться съ существующимъ мнѣніемъ, по которому одна изъ нихъ соотвѣтствуетъ положенію г. Суджи, а другая находилась къ з. отсюда, гдѣ то около р. Сейма, можетъ быть, при впаденіи въ Сеймъ рѣчки Снагости.

По поводу изложеннаго доклада, проф. П. В. Голубовскій высказалъ свое удовольствіе особенно потому, что референтъ инымъ путемъ пришелъ къ тому же выводу относительно мѣстоположенія указанныхъ городовъ, къ которому пришелъ и проф. П. В. Голубовскій, подготовляя изданіе исторической карты Черниговской и Полтавской губерній. Предсѣдатель отдѣленія, проф. Д. И. Багалѣй указалъ, что въ виду скудости письменныхъ данныхъ для историко географическихъ опредѣленій, безусловно необходимы топографическія и археологическія разысканія на мѣстѣ, чему удовлетворилъ референтъ. Въ виду этого, желательны бы такія же розысканія въ городищѣ Фатежскаго уѣзда, гдѣ помѣщалъ Липецкъ Барсовъ. Докладчикъ отвѣчалъ, что Барсовъ допустилъ явную ошибку, прочитавъ на картѣ „Липецкъ“ вмѣсто „Линецъ“, почему съ мнѣніемъ Барсова нельзя считаться.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 5-го августа, утромъ (въ XV аудиторіи).

Почетный предсѣдатель А. С. Лаппа - Данилевскій, депутатъ Археографической Коммиссіи.

Предсѣдатель отдѣленія П. В. Голубовскій.

Секретари: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. И. М. Каманинъ. „*Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ*“. Указавъ на причины подлоговъ, вообще, не только въ западномъ краѣ, но и на сѣверѣ и востокѣ Россіи, референтъ привелъ содержаніе закона 2 апрѣля 1852 года, по которому требованіе опредѣленія подлинности или подложности документовъ возлагается на лицъ, совершенно не подготовленныхъ къ дѣлу; введеніе судебной реформы въ западномъ краѣ, хотя нѣсколько и улучшило положеніе дѣла, но лишь до нѣкоторой степени; поэтому въ числѣ лицъ, призываемыхъ къ экспертизѣ, не всегда бываютъ лица, знакомыя съ подлинными документами. Коммиссія 1892 г. признала архивистовъ исключительно спеціалистами по оцѣнкѣ подлинности или подложности документовъ и установила принципъ апеляціи; для послѣдней она рекомендуетъ высылку книгъ въ Петербургъ. Принимая положенія коммиссіи, референтъ высказалъ желаніе, чтобы молодые архивисты получали знакомство съ подлинными или подложными документами еще на школьной скамьѣ, а самая переэкспертиза оспариваемыхъ документовъ производилась на мѣстѣ, безъ высылки книгъ въ Петербургъ, и для этой цѣли призналъ полезнымъ періодическіе съѣзды архивистовъ отъ 3—5 человѣкъ, и потому предложилъ членамъ Съѣзда обсужденіе этого вопроса и ходатайство по нему.

А. С. Раевскій сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности коммиссіи 1892 г., которая касалась этого вопроса и подготовила проектъ; но желательно было бы просить о приведеніи въ исполненіе ея постановленій.

Проф. С. Л. Пташицкій присоединился къ мнѣнію докладчика, полагая необходимымъ экспертизу документовъ предоставить самимъ архивамъ, а для разрѣшенія сомнительныхъ историческихъ вопросовъ образовать повѣрочную коммиссію, которая должна собираться въ случаяхъ надобности въ опредѣленные сроки въ мѣстахъ нахожденія подлежащихъ архивовъ, съ допущеніемъ въ засѣданія коммиссіи представителя

заинтересованной стороны. Рѣшенія коммиссіи могутъ подлежать обжалованію для кассаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. Л. Пташицкій находилъ крайне желательнымъ учрежденіе при Археологическомъ Институтѣ курса по западной и южно-русской палеографіи съ практическими упражненіями.

2. Священникъ I. Е. Шиповичъ. *„Лѣтопись Винницкаго капуцинскаго монастыря за 1744—1862 годы"*.

Сообщивши краткія историческія свѣдѣнія объ основателѣ Винницкаго капуцинскаго монастыря, Людвигѣ Калиновскомъ, и о самомъ монастырѣ, референтъ изложилъ содержаніе лѣтописи. Въ лѣтописи говорится объ основаніи и устроеніи монастыря и о важнѣйшихъ событіяхъ въ его внутренней жизни въ продолженіе 1744—1862 годовъ, сообщаются интересныя свѣдѣнія о вѣроисповѣдной борьбѣ въ юго-западномъ краѣ, о посылкѣ католическихъ миссіонеровъ въ началѣ 2-й половины XVIII в. въ центральную Россію, о гайдамакахъ, о конфедератахъ, объ эпидеміяхъ, о голодовкахъ и т. п. Слѣдуетъ отмѣтить, что, на основаніи сообщаемыхъ въ лѣтописи топографическихъ данныхъ, нынѣ представляется возможнымъ легко опредѣлить мѣсто православнаго Винницкаго монастыря XVII в., въ которомъ была основана Петромъ Могилой винницкая православная школа и въ которомъ въ 1651 году Богунъ выдержалъ борьбу съ польскими войсками. Въ заключеніе референтъ указалъ на документы католическихъ костеловъ и бывшихъ католическихъ монастырей юго-зап. края, какъ на источники исторіи юго-зап. Россіи весьма цѣнные, но мало изученные.

VII отдѣленіе. Древности византійскія, классическія и западно-европейскія. 5 августа, утромъ (въ актовомъ залѣ).

Почетный предсѣдатель А. Л. Бертье-Делагардъ.

Предсѣдатель отдѣленія Ю. А. Кулаковскій.

Секретарь отдѣленія Б. В. Фармаковскій.

1. В. П. Бузескулъ. *„Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области греческой исторіи"*.

Докладчикъ остановился преимущественно на наиболѣе характерныхъ чертахъ новѣйшихъ направленій въ разработкѣ греческой исторіи и на взаимодѣйствіи новыхъ открытій и новыхъ воззрѣній на предметъ, задачи и методъ исторической науки. Разработка греческой исторіи за послѣднее 25-лѣтіе характеризуется прежде всего *чрезвычайнымъ ростомъ матеріала* (открытія Шлимана, раскопки въ Олимпіи, на Делосѣ, въ Дельфахъ, Пергамѣ и проч.; многочисленныя надписи, дающія *документальный*, своего рода *архивный*, матеріалъ; монеты, топографическія изслѣдованія; папирусы и вновь открытыя рукописи, въ числѣ ихъ такой источникъ, какъ „Аѳинская Политія" Аристотеля и такія произведенія, какъ бытовыя сцены Геронда и баллады Бакхилида). Послѣднія 25—30 лѣтъ характеризуются особымъ интересомъ къ *документальнымъ* даннымъ и увлеченіемъ надписями. Господствовавшая съ конца 60-хъ годовъ „Einquellentheorie" уступила мѣсто иному воззрѣнію, по которому древніе авторы вовсе не являются простыми переписчиками одного какого-либо своего источника. *Гиперкритика*, проявлявшаяся въ оцѣнкѣ источниковъ, историческихъ дѣятелей и даже самой аѳинской демократіи, уступила также мѣсто болѣе умѣренному и безпристрастному отношенію, отчасти подъ вліяніемъ новыхъ открытій, доказавшихъ, что въ распоряженіи нашихъ древнихъ историковъ могли быть надежныя данныя.

Тенденція современной исторіографіи, направленная къ умаленію значенія личности (Лампрехтъ), нашла себѣ выраженіе и въ греческой исторіи. Представителемъ такого направленія является, по крайней мѣрѣ, отчасти, *Белохъ*. Теорія *эволюціи* и постепеннаго, органическаго развитія находитъ себѣ опору въ археологическихъ данныхъ и въ свидѣтельствѣ такихъ источниковъ, какъ „Политія" Аристотеля. Въ настоя-

шее время замѣтно стремленіе къ изученію исторіи *общества* (представитель этого направленія — Пельманъ) и *соціально-экономической* стороны (Белохъ, Мейеръ, упомянутый уже Пельманъ и друг.). Надписи даютъ для этого богатый матеріалъ. Обращается вниманіе также на *второстепенные* греческіе города, для исторіи коихъ надписи также служатъ богатымъ источникомъ. Въ противовѣсъ излишней спеціализаціи раздается требованіе болѣе *универсальной* точки зрѣнія (на этомъ особенно настаиваетъ Мейеръ и отчасти Пельманъ). Наконецъ современное направленіе въ изученіи греческой исторіи характеризуется стремленіемъ къ *модернизаціи* этой исторіи: указывается на аналогію между явленіями древности и новаго времени, на то, что въ древности существовали тѣ же проблемы, которыя волнуютъ современное общество, и доказывается неосновательность извѣстной теоріи Родбертуса относительно экономическихъ отношеній древняго міра (Мейеръ, Пельманъ). Вопросъ о томъ, кому надлежитъ заниматься древней исторіей, филологу, какъ требуетъ Виламовицъ, или историку, является въ сущности празднымъ. Ближайшая же задача историка Греціи въ наше время состоитъ въ комбинаціи прежде извѣстныхъ данныхъ съ вновь открытыми и въ обработкѣ греческой исторіи въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ уже началъ эту обработку Э. Мейеръ, безъ односторонности и съ обще-исторической точки зрѣнія.

Г. Ѳ. Мищенко, отвѣчая докладчику, защищалъ новое направленіе отъ упрека въ модернизаціи: модернизація въ исторіи Греціи есть явленіе весьма старое, восходящее ко времени первыхъ греческихъ историковъ въ самой древне-греческой литературѣ. Историко-сравнительный методъ самъ по себѣ даетъ въ руки историку вѣрнѣйшее орудіе къ возстановленію фактовъ въ ихъ реальныхъ чертахъ и ихъ собственныхъ условіяхъ. Необходимо только воздерживаться отъ поспѣшныхъ сближеній, но сущность метода здѣсь уже не причемъ: самому методу модернизація не свойственна.

2. Б. В. Фармаковскій. *„Послѣднія научныя предпріятія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ"*.

Указавъ на важное значеніе изслѣдованія нѣкогда бывшихъ византійскихъ областей и въ частности изслѣдованія древностей христіанскихъ, въ нихъ находимыхъ, докладчикъ остановился на послѣднихъ предпріятіяхъ Института въ области изученія христіанскихъ древностей, на которыя Институтъ обращаетъ особенное вниманіе. Институтъ приступилъ въ настоящемъ году къ всестороннему изученію мечети Кахріэ-джами въ Константинополѣ (бывшаго нѣкогда византійскаго монастыря „Хора"), ея мозаикъ и фресокъ. Мозаики воспроизводятся художникомъ Н. К. Клуге въ краскахъ и фотографируются. Весь этотъ матеріалъ предполагается выпустить отдѣльнымъ большимъ изданіемъ. Докладчикъ предложилъ вниманію слушателей одинъ готовый въ настоящее время рисунокъ въ одной изъ мозаикъ и ея фотографію (фигура св. Анны изъ композиціи XI в. во второмъ нартексѣ). Вторымъ предпріятіемъ Института являются работы въ Мадебѣ, въ Палестинѣ. Докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе планы, рисунки и фотографіи находящихся въ Мадебѣ древностей, исполненныя по порученію Института Н. К. Клуге. Указавъ вкратцѣ на значеніе ихъ и на ихъ эпоху (IV—IX в. по Р. Хр.), докладчикъ далъ краткое описаніе Мадебы, ея базиликъ и мозаикъ, въ нихъ найденныхъ. Наконецъ, Институтъ продолжаетъ обрабатывать добытый имъ раньше научный матеріалъ и приготовляетъ къ изданію въ своихъ „Извѣстіяхъ" памятники древности, собранные въ его музеѣ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся среди которыхъ является византійскій пергаментный свитокъ съ миніатюрами XII вѣка.

3. Д-ръ Хёрманъ: *„Ueber das römische castrum in Mogorello" (Римское укрѣпленіе въ Могорелло)*.

Укрѣпленіе, отъ котораго сохранились на значительную высоту стѣны прекрасной кладки, расположено по близости отъ далматской границы въ Герцеговинѣ, на рѣкѣ Наронѣ (нынѣ Видъ), на склоняющемся къ югу плато́, носящемъ имя *Могорелло*. Раскопки на мѣстѣ укрѣпленія предприняты *были* весною текущаго года управленіемъ

Боснійско-герцеговинскаго музея и продлятся еще долго, обѣщая интересныя находки. Размѣры укрѣпленія: 100 метровъ въ длину и 80—въ ширину. Оно расчитано на гарнизонъ въ 500 человѣкъ. Планъ укрѣпленія представляетъ ту особенность, что къ стѣнамъ его съ внутренней стороны—съ востока, сѣвера и запада примыкаютъ четырехугольныя двухэтажныя пристройки. Находки, дѣланныя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ работъ по расчисткѣ внутренней площади укрѣпленія, позволяютъ утверждать, что укрѣпленіе это существовало непрерывно отъ временъ имп. Нерона до имп. Ѳеодосія и его сыновей. Конецъ его существованію положила катастрофа, постигшая его внезапно, такъ что населеніе не могло ничего унести или спасти изъ своего имущества; онъ былъ преданъ пламени. Очевидно, укрѣпленіе было разрушено въ эпоху готскихъ передвиженій.

I отдѣленіе. Первобытныхъ древностей. 5 августа, днемъ (въ XV аудиторіи).

Почетный предсѣдатель д-ръ О. В. Пичь.
Предсѣдатель отдѣленія Д. Н. Анучинъ.
Секретарь отдѣленія Н. Ф. Бѣляшевскій.

1. Д-ръ Ф. Гегеръ (Fr. Heger): *„Ueber einige fremde Formen in der prähistorischen Kultur des Kaukasus“ (О нѣкоторыхъ чуждыхъ формахъ доисторической культуры Кавказа).*

Въ 80-хъ годахъ сдѣлалась извѣстной замѣчательная доисторическая культура Кавказа, относящаяся къ начальному желѣзному вѣку и характеризуемая оригинальными формами бронзовыхъ орудій. Съ культурой этой ознакомили раскопки могильниковъ въ Осетіи, особенно близъ аула Кобань, а также около станціи Казбекъ (Степанъ-Цминда), близь ауловъ Комунты, Фаскау и др. Культура эта обнимаетъ рядъ вѣковъ; въ самомъ Кобаньскомъ могильникѣ можно различить нѣсколько этажей. Древнѣйшія могилы здѣсь восходятъ къ первому тысячелѣтію до Р. Х., позднѣйшіе же могильники Осетіи относятся уже къ византійской эпохѣ. Характерными предметами древнѣйшаго могильнаго инвентаря служатъ красиво изогнутые бронзовые топорики, нерѣдко съ орнаментомъ и изображеніями животныхъ, плоскіе бронзовые кинжалы, своеобразныя украшенія, булавки, фигуры животныхъ и т. д.; въ числѣ оружія, въ древнѣйшихъ могилахъ нѣтъ ни мечей, ни даже наконечниковъ копій и стрѣлъ, а тѣмъ болѣе щитовъ или шлемовъ.

Въ основныхъ своихъ чертахъ эта древнѣйшая культура связывается съ средиземною (дугообразныя фибулы и т. д.), и нѣкоторые изслѣдователи видѣли въ ней извѣстныя аналогіи съ болѣе древней Гомерической эпохой, по скольку она извѣстна по раскопкамъ Шлимана. Но въ ряду бытовыхъ предметовъ этой древнѣйшей кавказской культуры металлическаго вѣка встрѣчаются формы, чуждыя средиземному культурному кругу. Къ нимъ относятся, напр., мѣдные изогнутые топоры болѣе грубаго очертанія, сходные съ подобными же изъ сѣв.-вост. Россіи и Сибири, также мѣдныя круглыя зеркала съ короткой ручкой или съ срединнымъ ушкомъ на обратной сторонѣ, иногда и съ рельефнымъ орнаментомъ здѣсь,—повидимому, китайскаго происхожденія. Присутствіе такихъ формъ указываетъ на нѣкоторыя сношенія и культурныя вліянія съ сѣвера и китайскаго Востока.

2. В. И. Сизовъ: *„Длинные курганы въ Смоленской губ.“*. Курганы такой формы, отличной отъ обычной полушарообразной, были изслѣдованы референтомъ по теченію верхняго Днѣпра и р. Вопи около Ярцева и другихъ селеній, въ недальнемъ разстояніи отъ Смоленска. Въ длину они имѣютъ до 40 арш., при высотѣ $2^1/_2$—3 арш., ссыпаны обыкновенно изъ песку и оріентированы перпендикулярно къ теченію рѣки. На курганы этого типа обратилъ вниманіе референта прежде всего г. Кухаренко, нашедшій, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ три глиняныхъ сосуда, вставленныхъ одинъ

въ другой, причемъ въ самомъ маленькомъ оказались жженыя кости и пряжка, а также въ поверхностномъ слоѣ кургана характерная узорчато-прорѣзная фибула, украшенная красною и желтою эмалью. При собственныхъ своихъ раскопкахъ референтъ также нашелъ въ одномъ курганѣ бляху отъ пояса, украшенную такою же эмалью. Курганы эти вообще заключаютъ въ себѣ слѣды трупосожженія, но существенно отличаются отъ другихъ, полушарообразныхъ кургановъ съ признаками трупосожженія, относящихся (судя по найденнымъ въ нихъ монетамъ) къ X вѣку. Они, несомнѣнно, древнѣе послѣднихъ и заключаютъ въ себѣ иного рода предметы, находимые часто въ верхнемъ слоѣ кургана непосредственно подъ дерномъ (иногда кострище на одной сторонѣ кургана на материкѣ, на другой — вверху, подъ дерномъ); въ числѣ характерныхъ предметовъ слѣдуетъ указать вырѣзанныя изъ кости фигурки лебедя, съ отверстіями, служившими для подвѣшиванія фигурокъ; костяныя привѣски трапецоидальной формы; голубыя, синія, изрѣдка желтыя бусы; большой величины бубенчики; найденъ былъ также обломокъ бронзоваго сосуда. Глиняные сосуды (горшки) грубой работы и отличаются отъ болѣе искусно сдѣланныхъ и снабженныхъ волнистымъ орнаментомъ горшковъ славянской эпохи. Иногда этими курганами пользовались и для позднѣйшихъ погребеній, но послѣднія отличаются оріентированіемъ костяка съ В. на З. и положенными при немъ предметами; иногда умершій помѣщался въ слой кострища, отъ чего костякъ его получалъ впослѣдствіи видъ „обожженнаго". Референтъ встрѣтился съ длинными курганами въ 10 могильникахъ, причемъ могъ констатировать до 100 такихъ могилъ. Но вообще они уступаютъ въ числѣ полушарообразнымъ курганамъ и представляются болѣе разсѣянными, что указываетъ, повидимому, на недолгое (временное) пребываніе въ странѣ воздвигавшаго ихъ народа. По времени курганы эти относятся къ эпохѣ, предшествовавшей X-му вѣку и (судя по украшеннымъ эмалью вещамъ) сохранившей еще нѣкоторыя черты сходства въ культурѣ съ эпохой переселенія народовъ именно „готской", во всякомъ случаѣ не позже VII—VIII вв.

V отдѣленіе. Древности церковныя. 5 августа, днемъ (въ актовомъ залѣ).

Почетный предсѣдатель А. И. Соболевскій.
Предсѣдатель отдѣленія Н. В. Покровскій.
Секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. В. В. Сусловымъ прочтенъ рефератъ „*Возстановленіе наружныхъ первобытныхъ формъ Новгородскаго Софійскаго собора*", гдѣ референтъ изложилъ свои наблюденія надъ формами древней архитектуры собора, обнаруженными при его реставраціи.

2. С. О. Долговъ сообщилъ „*Сказаніе объ иконѣ Бога-Отца въ образѣ Давидовѣ*", найденное въ рукописи XVI вѣка. Проф. А. П. Голубцевъ замѣтилъ, что на икону „Бога-Отца въ образѣ Давидовѣ" обратилъ вниманіе еще прот. А. В. Горскій; обслѣдована она проф. И. Д. Мансветовымъ, писалъ о ней и онъ, Голубцевъ. В. Т. Георгіевскій указалъ на важность опредѣленія, откуда явились въ Россіи разсматриваемыя иконы и другія, по поводу которыхъ соблазнялся дьякъ Висковатый и былъ созванъ соборъ 1554 года.

3. Проф. свящ. Ѳ. И. Титовъ сдѣлалъ докладъ „*Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви*". На основаніи найденныхъ имъ документовъ референтъ доказывалъ, что на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви и раньше была церковь во имя св. Андрея Первозваннаго,—самостоятельная, а не придѣлъ Воздвиженской церкви, какъ полагаетъ проф. С. Т. Голубевъ.

6 августа члены Съѣзда осматривали достопримѣчательности Печерска. Въ поѣздкѣ приняло участіе около 200 человѣкъ. Осматривали Никольскій монастырь, Николаевскій военный соборъ, храмъ Спаса на Берестовѣ и Лавру. Знакомство съ достопри-

мѣчательностями послѣдней экскурсанты начали съ Троицкой церкви, на Святыхъ вратахъ, во время осмотра которой проф. В. З. Завитневичемъ вкратцѣ была изложена исторія ея. Построенная въ 12 вѣкѣ черниговскимъ княземъ Николой Святошей, она впослѣдствіи была полуразрушена, но потомъ вновь возстановлена, причемъ часть стѣнъ уцѣлѣла со времени первоначальной постройки до нашего времени. Во время польскаго владычества церковь эта попала въ руки уніатовъ, отъ которыхъ перешла къ лаврскому духовенству при Петрѣ Могилѣ. Отъ владычества уніатовъ здѣсь и до сихъ поръ остались слѣды въ видѣ живописи въ алтарѣ. Послѣ осмотра Троицкой церкви на Святыхъ вратахъ, экскурсанты перешли въ Великую лаврскую церковь, гдѣ В. З. Завитневичемъ также былъ предложенъ имъ краткій историческій очеркъ. Храмъ этотъ, какъ извѣстно, построенъ во второй половинѣ XI вѣка. При нашествіи татаръ онъ былъ разгромленъ; возстановленный вновь, онъ былъ вторично разгромленъ въ XV вѣкѣ Менгли-Гиреемъ. Затѣмъ слѣдовалъ періодъ болѣе медленнаго возстановленія храма, благодаря, главнымъ образомъ, великимъ поборникамъ православія на юго-западѣ Россіи, Петру Могилѣ и Константину Острожскому. Въ 1718 году Великая лаврская церковь сильно пострадала отъ большого пожара, во время котораго почти всѣ ея сокровища, какъ религіознаго, такъ и научно-археологическаго характера, погибли. Въ томъ числѣ погибла и библіотека. Впослѣдствіи она была вновь возстановлена. Въ настоящее же время, какъ извѣстно, производятся обширныя работы по реставраціи этого храма. Послѣ осмотра Великой лаврской церкви участники экскурсіи раздѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна перешла въ помѣщеніе лаврской ризницы и занялась осмотромъ собранныхъ здѣсь сокровищъ, а другая отправилась въ помѣщеніе библіотеки, находящейся въ колокольнѣ (въ библіотекѣ же помѣщены портреты русскихъ государей и царей, начиная съ Михаила Ѳеодоровича, портреты и иконы настоятелей лавры, начиная съ XI вѣка, и кіевскихъ митрополитовъ. Въ особыхъ нишахъ расположены портреты царя Василія Іоанновича Шуйскаго, гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, И. И. Скоропадскаго, Мазепы и др.). Собственно библіотека раздѣлена на два отдѣла: книги, печатавшіяся въ типографіяхъ юго-западной Россіи, и книги, вышедшія изъ типографій сѣверо-восточной Россіи. Лаврская ризница замѣчательна, какъ извѣстно, своими богатствами, такъ какъ большинство собранныхъ здѣсь предметовъ сдѣланы изъ золота, украшены множествомъ бриліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Предметовъ же глубокой старины здѣсь очень мало. Наибольшій интересъ представляютъ составляющія значительную цѣнность панагіи и другіе предметы: фельдмаршальскій жезлъ Румянцева, старинныя ризы, изъ которыхъ двѣ составляютъ даръ царя Алексѣя Михайловича, многочисленныя чаши, въ томъ числѣ подарки гетмановъ Самойловича и Мазепы и митрополита Стефана Яворскаго, митры, клобуки, кадила, изъ которыхъ одно XVI вѣка и др. предметы. Здѣсь же хранится образчикъ кирпича XI в., изъ котораго была построена Великая лаврская церковь. Послѣ осмотра Кіево-Печерской Лавры большинство экскурсантовъ отправилось въ Выдубецкій монастырь, гдѣ радушно принятые о. архим. Евлогіемъ, осматривали эту древнюю обитель и выставку предметовъ ризницы, старинныя ризы, Евангелія, сосуды, рукописи и т. п., выставленныя въ покояхъ о. архимандрита.

Вечеромъ, члены Съѣзда чествовали ужиномъ своихъ товарищей западно и южнославянскихъ гостей. На ужинъ были приглашены и другіе западно-европейскіе ученые, пріѣхавшіе на Съѣздъ. Торжество происходило въ лѣтнемъ помѣщеніи кіевскаго купеческаго собранія. Къ 9 часамъ здѣсь собралось болѣе 150 участниковъ вечера, съ предсѣдателемъ Съѣзда, графиней П. С. Уваровой во главѣ. Въ числѣ почетныхъ гостей были профессоры: Яроміръ Челиковскій и О. В. Пичъ, депутаты Чешской академіи наукъ; профессоры: Л. Нидерле и І. Поливка, депутаты Пражскаго университета, П. Папачекъ, депутатъ общества любителей чешскихъ древностей въ Прагѣ; К. Хёрманъ и К. Трухелька, депутаты музея въ Сараевѣ, въ Босніи; проф. Шишмановъ, Цоневъ, Златар-

скій и Милетичъ, изъ Болгаріи; профессоры: Ф. Копера и Л. П. Яблоновскій, депутаты Краковской академіи наукъ; докторъ Янко, депутатъ Венгерскаго національнаго музея; Ф. Хегеръ, депутатъ императорскаго музея въ Вѣнѣ; докторъ Чихакъ, депутатъ школы изящныхъ искусствъ въ Кенигсбергѣ; г-жа М. Ванкель, депутатъ національнаго музея въ Ольмюцѣ; проф. Бецценбергеръ, изъ Кенигсберга; г. Маршаллъ, изъ Лондона; баронъ де-Бай, изъ Парижа; г. Кладецъ, изъ Будапешта; г. Мурко, изъ Вѣны и нѣкоторые другіе.

Говорили рѣчи: В. И. Ламанскій, д-ръ Хёрманъ (по сербски), профф. Шишмановъ и Челяковскій (оба по русски), баронъ де-Бай (по французски), И. А. Линниченко, Ю. А. Кулаковскій, д-ръ Пичъ, А. Н. Маркевичъ и другіе.

VIII отдѣленіе. Древностей южныхъ и западныхъ Славянъ. 7-го августа, утромъ (актовый залъ).

Почетный предсѣдатель проф. П. Поливка.
Предсѣдатель отдѣленія В. И. Ламанскій.
Секретари отдѣленія: В. Н. Златарскій и Н. Э. Глокке.

I. Проф. А. И. Соболевскій прочелъ докладъ: *„Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія“*.

Референтъ вышелъ изъ того положенія, что у обращенныхъ въ христіанство нѣмцами мораванъ, задолго до прибытія къ нимъ Кирилла и Меѳодія, должна была быть особая христіанская терминологія латино-нѣмецкаго происхожденія, отличная отъ той христіанской терминологіи греческаго происхожденія, которая была принесена первоучителями, и что эта латино-нѣмецкая терминологія, вмѣстѣ съ данными моравскаго нарѣчія, должна отражаться всего сильнѣе у переводившихъ въ Моравіи съ латинскаго языка. Въ виду этого, онъ рѣшилъ искать тексты моравскаго происхожденія между древними церковно-славянскими переводами съ латинскаго.

Такихъ текстовъ было имъ указано четыре: 1) Бесѣды на Евангеліе папы Григорія Великаго; 2) Кіевскіе глаголическіе отрывки; 3) Житіе св. Бенедикта и 4) Никодимово Евангеліе. Словарь ихъ значительно отличается отъ словаря какъ Кирилло-Меѳодіевскихъ переводовъ, такъ и церковно-славянскихъ текстовъ несомнѣнно болгарскаго происхожденія, и наиболѣе типичными словами являются: *законникъ* — священникъ, *рѣчь* — дѣло, *рачити* — удостоить, *плькъ* — народъ. То обстоятельство, что словарныя особенности этихъ текстовъ особенно легко объясняются при помощи данныхъ западно-славянскихъ языковъ (*едарсо* aliquid=чешск. ledaco; *тольвека* tantum, сравни чешск. kolvěk; поневаже=чешск. poněvadž), указываетъ на моравское ихъ происхожденіе.

Изъ текстовъ, переведенныхъ съ греческаго, пока неизвѣстно ни одного, въ которомъ бы словарный матеріалъ былъ близокъ къ матеріалу переводовъ съ латинскаго, хотя нѣсколько текстовъ, по своеобразности своихъ словарныхъ данныхъ и по другимъ основаніямъ, могутъ быть считаемы за переведенные въ Моравіи.

Изъ оригинальныхъ произведеній, по словарнымъ даннымъ, слѣдуетъ считать написанными въ Моравіи древнія житія Кирилла и Меѳодія.

По прочтеніи реферата произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Проф. В. И. Ламанскій сдѣлалъ референту замѣчаніе по поводу того, что въ эпоху перевода указанныхъ имъ текстовъ могла быть рѣчь скорѣе о Панноніи, чѣмъ о Моравіи; затѣмъ, что приводимые референтомъ латинизмы не могутъ быть относимы къ одной группѣ нѣмецкаго происхожденія: среди нихъ могли попадаться и перешедшія изъ Албаніи.

А. Л. Погодинъ въ дополненіе къ реферату А. И. Соболевскаго указалъ на другіе слѣды вліянія латинскихъ текстовъ. Къ нимъ относится сохраненіе греческихъ словъ латинскаго происхожденія (преторъ, кентуріонъ), при чемъ нѣкоторыя прини-

маютъ даже латинскую окраску (драгма, лат. dragma, греческое *δράχμη*); далѣе, въ переводахъ попадаются ошибки, возникшія подъ вліяніемъ латинскаго языка (напр. *ἐν ἅρμασιν* — въ окружнихъ въ Син. Псалт.); наконецъ, никейскій символъ вѣры переведенъ почти навѣрное не съ греческаго, а съ латинскаго языка. Какъ возникли эти латинизмы? А. Л. Погодинъ думаетъ, что первоучители принесли съ собою не готовые переводы, а греческія рукописи, которыя они снабдили глоссами; части текстовъ они придали литературную форму, но при небрежномъ переписываніи рукописей нѣкоторыми писцами славянскія слова иногда опускались, вслѣдствіе чего въ рукописяхъ осталось много греческихъ словъ *(догма* рядомъ съ *повелѣніе* и мн. др.) и ошибокъ *(къ дине, келевей* и пр.). Проф. Ю. А. Кулаковскій напомнилъ, что слова *преторъ, кентуріонъ* и др. остались и позднѣе въ греческихъ текстахъ безъ перевода, какъ техническіе, и оттуда перешли въ славянскіе.

Проф. П. Поливка указалъ на то, что переводъ латинскихъ *s* и *z* въ *ш* и *ж* нельзя считать исключительно чехо-моравскимъ явленіемъ: его можно найти и въ языкѣ юго-западныхъ славянъ.

2. Проф. Л. Нидерле—„*О времени переселенія славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію*“.

Оставляя въ сторонѣ мнѣніе проф. Самоквасова и другихъ о мѣстонахожденіи родины славянъ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, референтъ помѣщаетъ ее къ сѣверу отъ Карпатъ по теченію Вислы. Отсюда уже славяне стали распространяться на западъ и на югъ черезъ Карпаты. Въ области нынѣшней сѣверной Венгріи появились они въ болѣе древнюю эпоху, чѣмъ свидѣтельство Прокопія о VI вѣкѣ. Доказательства своего предположенія проф. Л. Нидерле приводитъ двоякаго рода: историческія и археологическія. Историческіе доводы, въ большинствѣ случаевъ, общеизвѣстны. Хотя они и подвергаются сомнѣнію со стороны многихъ ученыхъ (Мюленгофа, Реслера, Миклошича, Ягича, Соболевскаго и др.), тѣмъ не менѣе референтъ считаетъ наиболѣе убѣдительными изъ нихъ тѣ, которые основаны на топографической номенклатурѣ. Во-первыхъ, названія: Tscerna, Pelso, Bustricius, Bersovia, Ulcus – можно объяснить легче всего отъ славянскаго, во-вторыхъ, они сохранились въ исторической славянской номенклатурѣ края и, въ-третьихъ, что масса топографическихъ названій въ нынѣшней Венгріи можетъ скрывать въ себѣ славянское происхожденіе. При этомъ референтъ не отрицаетъ, что рядомъ съ славянами жили другіе народы не славянскаго происхожденія и что большинство мѣстныхъ названій взято изъ языка этихъ не славянскихъ народовъ. Вторымъ, самымъ убѣдительнымъ доводомъ проф. Л. Нидерле считаетъ существованіе сплошного славянскаго населенія въ области первоначальной родины славянъ, населенія, которое образовало два большихъ государства, польское и русское, что было бы невозможно, если бы славяне переселились оттуда на Балканскій полуостровъ въ болѣе позднюю эпоху. Переходя къ археологическимъ доказательствамъ, референтъ придаетъ наибольшее значеніе идентичности могильниковъ сѣверной Венгріи, видѣнныхъ имъ въ музеѣ Турчанскаго св. Мартина, съ могильниками лужицко-силезскаго типа, распространеннаго почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Могильники эти найдены въ Доманикахъ, Модоварцахъ, Лишовѣ, св. Анталѣ и въ Пуховской скалѣ. Принимая во вниманіе, что такіе же могильники встрѣчаются въ Силезіи, Моравіи и западной Галиціи, есть основаніе думать, что славяне шли изъ Закарпатья въ сѣверную Венгрію по долинамъ Вага, Грона и Иполы, и по теперешнему направленію мѣстъ находокъ мы можемъ представить себѣ ихъ область, тянущуюся клиномъ отъ Силезскихъ границъ до Гонскаго комитата. Совокупность всѣхъ этихъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, взаимно другъ друга подтверждающихъ, привела автора къ слѣдующему заключенію: славяне изъ своей закарпатской родины не распространялись на югъ черезъ Карпаты только послѣ Рождества Христова, и они не проникли къ среднему Дунаю только послѣ ухода германскихъ племенъ, какъ до сихъ поръ гласитъ аксіома многихъ

историковъ, но пришли сюда гораздо раньше и, по всему вѣроятію, уже въ эпоху до Рождества Христова

Новость и общій интересъ доклада проф. Л. Нидерле вызвали въ высшей степени оживленныя и продолжительныя пренія. А. Л. Погодинъ высказалъ мнѣніе, что референтъ пренебрегъ лингвистическими данными, которыя показываютъ, что при сношеніяхъ народовъ въ ихъ языкахъ появляются заимствованныя слова. Славяне пришли черезъ Карпаты поздно, когда ѳракійцы потеряли уже свою національность. Насколько намъ извѣстенъ ѳракійскій словарь, въ славянскомъ языкѣ заимствованій изъ него нѣтъ. Славяне распространились на сѣверъ и на югъ, на западѣ сидѣли германскіе, а на востокѣ финскіе и литовскіе народы, которые не позволяли распространяться имъ въ эту сторону. Д. И. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что не за чѣмъ прибѣгать къ различнымъ детальнымъ изслѣдованіямъ, когда сама исторія представляетъ достаточно доводовъ въ пользу ранняго распространенія славянъ на западъ, причемъ оппонентъ повторилъ свое прежнее мнѣніе, что сарматы—славяне. И. П. Филевичъ отмѣтилъ, что для рѣшенія столь важныхъ вопросовъ, какъ поставленный референтомъ въ своемъ докладѣ, необходимо принимать во вниманіе совокупность всѣхъ научныхъ доводовъ. Проф. Л. Нидерле, по мнѣнію оппонента, не привлекъ этнологическихъ данныхъ, которыя имѣютъ большое значеніе для массоваго населенія. П. Н. Милюковъ вполнѣ соглашался съ методомъ референта, не раздѣляя впрочемъ его нѣкоторыхъ научныхъ взглядовъ.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 7 августа, утромъ (XV аудиторія).

Почетный предсѣдатель проф. Д. В. Цвѣтаевъ.
Предсѣдатель отдѣленія проф. П. В. Голубовскій.
Секретари отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Первый рефератъ былъ прочтенъ Г. Н. Шмелевымъ: „*Теорія и практика архивныхъ описей*“. Сначала референтъ остановился на разныхъ способахъ архивныхъ описей, принятыхъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, съ которыми онъ имѣлъ возможность познакомиться, преимущественно на основаніи письменныхъ отвѣтовъ архивовъ на запросы Импер. Моск. Археолог. Общества, и подвергъ эти способы критическому разбору съ точки зрѣнія ихъ научной цѣлесообразности. Такъ какъ эти способы онъ нашелъ недостаточно удовлетворительными, то въ заключеніе высказалъ свой взглядъ на то, какой должна быть архивная опись. По мнѣнію докладчика, эта опись должна отличаться двумя качествами: во-1-хъ, — систематичностью, т.-е. должна покоиться на извѣстной системѣ, и во-2-хъ,—возможной краткостью. Не слѣдуетъ забывать, что архивная опись должна имѣть въ виду, главнымъ образомъ, интересы науки.

Д. Я. Самоквасовъ, охарактеризовалъ порядокъ веденія описей за-границей и, указавъ мотивы, заставляющіе во Франціи заниматься опубликованіемъ описей, на нѣсколькихъ примѣрахъ выяснилъ, что схемы для описей не могутъ быть установлены, такъ какъ опись всецѣло зависитъ отъ характера хранящихся дѣлъ и документовъ. А. Н. Львовъ выяснилъ тѣ мотивы, которые заставляютъ въ архивѣ Синода примѣнять карточную систему.

2. Л. М. Савеловъ: „*Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній*“. Указавъ на неудовлетворительность громаднаго большинства архивовъ дворянскихъ депутатскихъ собраній, референтъ остановился на цѣнности содержащагося въ нихъ матеріала и предложилъ Съѣзду обратиться въ подлежащія депутатскія собранія съ просьбою произвести описи документовъ болѣе древняго періода, что выяснитъ содержаніе этихъ архивовъ и дастъ возможность пользоваться ими для научныхъ цѣлей.

I отдѣленіе. Первобытныя древности. 7-го августа, днемъ (въ актовомъ залѣ).

Почетный предсѣдатель В. З. Завитневичъ.
Предсѣдатель отдѣленія Д. Н. Анучинъ.
Секретарь отдѣленія Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. Проф. В. Б. Антоновичъ: „*О каменномъ вѣкѣ въ Волынской губерніи*". Памятники неолитической эпохи въ Волынской губ. найдены преимущественно въ двухъ пунктахъ. По рѣкѣ Ушѣ, Жеревѣ и Норинѣ найдены преимущественно отдѣльныя орудія, а также пряслицы во всѣхъ стадіяхъ производства. Въ Дубенскомъ, Кременецкомъ и Острожскомъ уѣздахъ, по рѣкѣ Горыни и ея притокамъ, Збитенкѣ и Виліи, найдено до 40 мастерскихъ и стоянокъ каменнаго вѣка, но здѣсь попадались преимущественно полированныя вещи. Въ указанныхъ районахъ расположены городища, круглой или овальной формы, окруженныя валомъ. То обстоятельство, что на нѣкоторыхъ изъ этихъ городищъ найдены стоянки каменнаго вѣка, позволяютъ думать, что эти городища наиболѣе древнія; они отличаются отъ княжескихъ городищъ. Въ могилахъ каменнаго вѣка замѣчаемъ два типа погребальныхъ обрядовъ: чистый и курганный. Первый представляетъ изъ себя прямоугольную яму, вырытую въ почвѣ, обложенную каменными плитами и прикрытую также плитой. Въ такомъ ящикѣ обыкновенно находятъ нѣсколько сосудовъ, наполненныхъ углемъ, жжеными костями и полированными орудіями. Найти эти могилы, не имѣющія наружнаго признака, очень трудно и потому топографія не опредѣлена. Кургановъ раскопано болѣе 30. Скелеты, найденные въ нихъ, лежатъ большею частью на боку, въ скорченномъ положеніи, при нихъ — полированныя и отбитыя орудія. Встрѣчаются также переходные типы погребеній. Если предположить, что тотъ и другой типъ погребенія практиковался въ разное время, то болѣе позднимъ надо признать погребеніе сожженнаго праха въ ящикѣ.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ выразилъ убѣжденіе, что въ періодъ каменнаго вѣка жители Волынскаго края жили городскими обществами и такимъ образомъ соединяли свои слабыя силы. Мѣста стоянокъ служили лѣтнимъ обиталищемъ.

Проф. Д. Н. Анучинъ предположилъ, не занималось ли многочисленное населеніе Волынскаго края въ неолитическую эпоху земледѣліемъ; иначе трудно объяснить его многочисленность.

2. Н. Е. Бранденбургъ: „*Аборигены Кіевскаго края*". За аборигеновъ Кіевскаго края референтъ принимаетъ населеніе, оставившее здѣсь наиболѣе древнія курганныя могилы, въ которыхъ скелеты погребены въ характерномъ скорченномъ положеніи, обыкновенно на боку, съ согнутыми и поджатыми ногами. Этотъ типъ погребенія оказывается весьма широко распространеннымъ въ Кіевской губерніи, въ средней полосѣ которой напр., онъ достигалъ до 35% довольно большого числа (около 200) разрытыхъ здѣсь референтомъ кургановъ. Указавъ, что тотъ же типъ погребеній извѣстенъ не только на всемъ югѣ Россіи, но и въ Западной Европѣ, докладчикъ перешелъ къ оцѣнкѣ культуры тѣхъ же могилъ, не указывающей, по его мнѣнію, на чрезмѣрную древность послѣднихъ; уже довольно многочисленныя въ нихъ находки бронзовыхъ предметовъ украшенія и оружія, сдѣланныя въ послѣднее время, не согласуются съ существующимъ положеніемъ о принадлежности упомянутыхъ скорченныхъ скелетовъ къ концу поздняго каменнаго вѣка, какъ это принималось еще недавно, но референтъ, имѣвъ случай констатировать въ одной изъ подобныхъ же могилъ присутствіе издѣлій даже изъ желѣза, идетъ далѣе и утверждаетъ, что могилы эти должны относиться къ временамъ значительно позднѣйшимъ, т.-е. къ вѣку желѣзному.

Въ упоминаемыхъ погребеніяхъ референтъ допускаетъ возможность видѣть архаическіе остатки древнихъ киммерійцевъ, владѣвшихъ когда то надпонтійскими странами и вытѣсненныхъ отсюда скиѳами, о чемъ сохранились историческія указанія у Страбона

и другихъ писателей древности, почему, на основаніи извѣстій, переданныхъ послѣдними, онъ сдѣлалъ попытку болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія эпохи разбираемыхъ могилъ. Устанавливая, что культура желѣза, принесенная греческими колонистами на югъ Россіи въ періодъ господства здѣсь скиѳовъ, могла проникнуть къ вытѣсненнымъ отсюда киммерійцамъ лишь значительно позднѣе времени основанія греческихъ колоній на югѣ Россіи, референтъ выводитъ заключеніе, что степень древности могилъ упомянутыхъ аборигеновъ Кіевскаго края (т.-е. могилъ съ скелетами въ скорченномъ положеніи) должна приближаться къ началу христіанской эры и слѣдов. коренному населенію края можетъ насчитываться приблизительно лишь около двухъ тысячелѣтій.

По поводу доклада Н. Е. Бранденбурга, проф. Д. Я. Самоквасовъ высказалъ, что онъ видитъ въ вещахъ данныхъ могилъ соединеніе различныхъ культуръ и древнюю форму погребенія.

Проф. В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что въ извѣстныхъ ему могилахъ съ скелетомъ въ скорченномъ положеніи никакихъ металлическихъ предметовъ найдено не было.

3. Д-ръ К. Кадлецъ, въ докладѣ *„О необходимости изданія въ Россіи извѣстій о славянахъ у византійскихъ писателей“*, отмѣтилъ успѣхи въ изученіи славянскаго права въ Россіи, но всетаки нашелъ его недостаточнымъ по отсутствію организаціи работы, свода матеріаловъ и пр. Особенно мало изслѣдованъ древнѣйшій бытъ славянъ, свѣдѣнія о которыхъ разбросаны по разнымъ сборникамъ и не переведены на русскій языкъ. Существующія изданія византійскихъ источниковъ (Стриттера) не удовлетворительны по расположенію матеріала, недостаточной точности передачи и пр. Желательно, чтобы изданіемъ византійскихъ памятниковъ и переводомъ ихъ на русскій языкъ завѣдывала Академія Наукъ.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ поддержалъ предложеніе докладчика, но выразилъ желаніе, чтобы издавались полные тексты, а не выборки, при томъ не только византійскихъ, но и латинскихъ писателей.

Проф. Д. И. Иловайскій указалъ на настоятельную нужду переводить и издавать латинскихъ писателей. По предложенію Д. Я. Самоквасова рѣшено просить Совѣтъ Съѣзда ходатайствовать объ исполненіи проэкта д-ра Кадлеца. (Ходатайство это было однако отклонено Совѣтомъ Съѣзда).

IV отдѣленіе. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный.
7 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Т. Д. Флоринскій.

Предсѣдатель отдѣленія Ѳ. Я. Фортинскій.

Секретари отдѣленія: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій.

1. Проф. Ант. Н. Ясинскій сдѣлалъ докладъ на тему: *„Средневѣковой аграрный строй Чехіи“*.

Указавши на обширность темы, докладчикъ объяснилъ, почему онъ рѣшился подвергнуть разсмотрѣнію только два вопроса: 1) о системѣ расположенія полевыхъ участковъ; 2) о поземельныхъ единицахъ. Представивъ характеристику системы полевыхъ участковъ и плана поселеній, на основаніи изслѣдованій проф. Авг. Мейтцена, отмѣтивъ при этомъ, что разсужденія этого ученаго имѣютъ раціоналистическую окраску, докладчикъ указалъ актовыя данныя, которыя свидѣтельствуютъ о существованіи въ чешскихъ селахъ расчистокъ, состоящихъ изъ полосъ.—Главная же часть доклада посвящена была выясненію характера чешскихъ поземельныхъ мѣръ. Первоначально земля дѣлилась на сохи или плуги, а впослѣдствіи въ практику вошло дѣленіе на мансы или ланы; тѣ и другія единицы поземельныхъ мѣръ были одинаковы по размѣрамъ, какъ видно изъ распоряженія о взиманіи берны (1310 г.). Ланы слагались изъ посѣвныхъ

югеровъ или югеровъ - стриховъ и югеровъ въ собственномъ смыслѣ слова. Посѣвные югеры составляли около $^1/_4$ десятины, а югеры второго рода около $^1/_2$ десятины. Помимо этого различія, одни ланы отличались отъ другихъ неодинаковою величиною. Бывали большіе и малые ланы, причемъ первые назывались „королевскими". Кромѣ того, различались ланы, называемые по имени того или другого поселенія, а именно: Доксанскіе, Хрудомскіе, Чаславскіе, Мельницкіе, Пацовскіе, Бездезскіе, Страконицкіе и т. д. Далѣе докладчикъ представилъ доказательства территоріальной группировки лановъ одинаковаго размѣра въ предѣлахъ сѣверной и центральной Чехіи. Отмѣтивши, что въ Пильзенской области существовали ланы нѣмецкаго происхожденія, проф. Ясинскій указалъ на то, что эти ланы были меньшихъ размѣровъ, по сравненію съ чешскими. Тѣ ученые, которые, увлекаясь внѣшнимъ сходствомъ, пытаются явленія историческаго развитія Чехіи объяснять воздѣйствіемъ нѣмецкаго вліянія, а въ средневѣковыхъ чешскихъ институтахъ видятъ только копію нѣмецкихъ, стоятъ на ложной дорогѣ.

Проф. В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе докладчика на сербо-лужицкое землевладѣніе, знающее также раздробленіе полей на множество участковъ, причемъ принималось въ разсчетъ качество земли, что служитъ признакомъ общиннаго владѣнія.

2. А. М. Черепнинъ прочелъ сообщеніе: „*О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ*".

Отмѣтивъ разномысліе ученыхъ о характерѣ и составѣ древне-русской денежной системы и несостоятельность мнѣнія объ обращеніи на Руси съ IX по XIV ст. кожаныхъ денегъ, докладчикъ объяснилъ рознь въ понятіяхъ и выводахъ изслѣдователей недостаточностью свѣдѣній о денежныхъ единицахъ древней Руси, сохранившихся въ письменныхъ памятникахъ. По мнѣнію докладчика, древніе клады могутъ служить провѣрочнымъ матеріаломъ для полученія болѣе устойчиваго и правильнаго пониманія, какъ характера, такъ и состава древне-русской денежной системы. На основаніи содержимаго древнихъ кладовъ можно составить приблизительное понятіе о денежныхъ единицахъ, обращавшихся на Руси съ IX по XIV ст., и послѣдовательныхъ перемѣнахъ въ составѣ денежной системы за этотъ періодъ. Арабскіе диргемы, вмѣстѣ съ серебряными прутиками (гривнами) восточнаго происхожденія, и византійская монета служили ходячими деньгами на Руси. Въ IX стол. денежная система Ю. Руси уже представляетъ нѣкоторыя особенности: главнымъ ея отличіемъ можно признать появленіе серебряныхъ гривенъ мѣстной отливки. Эти серебряные слитки шестиугольной формы были основною единицею древне-русской или, вѣрнѣе, кіевской денежной системы. Вѣсъ кіевскихъ гривенъ не былъ постояннымъ, а послѣдовательно измѣнялся подъ вліяніемъ преобладающаго направленія внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Древнѣйшія кіевскія серебряныя гривны вѣсятъ отъ 31 до 34 золотниковъ. Этого вѣса гривны, повидимому, соотвѣтствовали стоимости 50 дигремовъ аббассидскаго чекана VIII и IX вв. Гривны же вѣсомъ отъ 35 — 39 золотниковъ можно признать болѣе поздними; увеличеніе ихъ вѣса, какъ кажется, зависѣло отъ преобладающаго распространенія въ Юж. Руси византійской монеты милліарезій и полумилліарезій, а также и отъ наплыва тяжеловѣсныхъ диргемовъ разныхъ династій восточнаго Халифата. Вѣсъ 50 штукъ названныхъ монетъ, дѣйствительно, равняется отъ 35 до 39 золотниковъ.

Кіевскія гривны, отъ 31 до 39 золотниковъ вѣсомъ, служили основною единицею древне-русской или кіевской денежной системы, продержавшейся до конца XIII вѣка. Одновременно съ гривною обращалась сначала одна иноземная, а затѣмъ и серебряная монета русскаго чекана. Кіевская гривна, какъ извѣстно, подраздѣлялась на 20 ногатъ, 25 кунъ и 50 рѣзанъ. Рѣзана содержала 12 бѣлъ, бѣла — двѣ векши. Кунами и рѣзанами назывались цѣлые диргемы и полумилліарезіи; мелкая же монета получалась путемъ разрубки цѣлой монеты на опредѣленное число болѣе или менѣе крупныхъ частей. Рубленыя части диргемовъ и византійскихъ монетъ встрѣчаются въ древнихъ кладахъ въ большомъ количествѣ.

Кіевскую денежную систему смѣнила новгородская, сложившаяся подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. Основою новгородской системы является нѣмецкая марка серебра, приблизительно равная нашему полуфунту. Новгородская и понизовыя гривны вѣсили отъ 44 до 50 золотниковъ. Тотъ же вѣсъ имѣли и литовскія гривны. Но и при распространеніи этой системы на югѣ Россіи продолжалась отливка гривенъ кіевскаго типа, отчасти удержавшихъ свою форму, но измѣнившихъ вѣсъ: теперь онѣ вѣсятъ отъ 46 до 48 золотниковъ, смотря по мѣсту и времени ихъ отливки.

Итакъ, кіевскія гривны послѣдовательно увеличивали свой вѣсъ. Это увеличеніе въ связи съ другими данными, позволяетъ отличать древнѣйшія кіевскія гривны отъ болѣе позднихъ. Соотвѣтствіе вѣса гривны серебра опредѣленному числу монетъ, бывшихъ въ обращеніи на Руси въ эпоху существованія гривнъ, служитъ косвеннымъ отрицаніемъ условныхъ кожаныхъ денегъ.

Въ дополненіе къ сообщенію г. Черепнина, С. П. Писаревъ отмѣтилъ, что въ найденномъ въ г. Смоленскѣ кладѣ, состоявшемъ изъ пражскихъ грошей, оказалось три слитка серебра, являющихся частями гривны. На одномъ изъ слитковъ имѣется знакъ СО. По вѣсу цѣлый слитокъ равняется 180 грам. и приближается къ копѣ изъ 60 грошей, вѣсящихъ по 3 грам. Въ Смоленскѣ говорятъ копа или 60 раковъ, сноповъ и т. д. Самый знакъ СО, по мнѣнію г. Писарева, отъ сокращенія латинскаго *Copa*. При той же раскопкѣ нашли насаженные на шпенекъ кожаные ярлычки съ довольно сложнымъ изображеніемъ. Вскорѣ эти ярлычки совершенно разсыпались.

А. Н. Ясинскій указалъ на то, что чешская денежная копа была единицей идеальной, а не реальной, что въ Чехіи на копу считали то 56, то 60, то 64 грошей. Что же касается копы хлѣба, то въ средневѣковой Чехіи на копу считали 50 сноповъ. Подпись на пластинкахъ СО нельзя толковать, какъ обозначеніе копы, потому что копа въ латинскихъ актахъ называется всегда sexagena, а по чешски писалась съ буквы К.

Г. Долячко сообщилъ, что въ Курской губерніи копа равняется 52 снопамъ.

3. В. М. Виттыгъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: *„O pierwotnej grzywnie menniczej w Polsce i o jej podziale (О первоначальной польской гривнѣ и о самостоятельномъ ея подраздѣленіи;* реф. на польскомъ языкѣ).

Сдѣлавъ вкратцѣ обзоръ этого вопроса въ литературѣ, вопроса, возбужденнаго въ 1893 году, докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, основаннымъ на изученіи актовъ XIV столѣтія: 1) что въ Польшѣ гривна существовала еще до принятія христіанства и притомъ вполнѣ самостоятельно; вѣсъ этой гривны равнялся 31,17 gr. и она заключала въ себѣ 200 монетъ, чеканныхъ по образцу Дорештатскихъ Карла Великаго, вѣсомъ каждая 0,15 gr. (90 пробы серебра); 2) что послѣ принятія христіанства Мечиславъ I чеканилъ подобныя монеты съ изображеніемъ креста, но вѣсомъ лишь въ 0,31 gr. каждая; 3) что тотъ же Мечиславъ, вѣроятно для упрощенія и облегченія торговыхъ сношеній съ Западомъ и уравненія польской монеты съ нѣмецкой, увеличиваетъ вѣсъ первой, въ томъ числѣ и гривны, въ 5 разъ, и доводитъ вѣсъ гривны до 155,85 gr., а монеты до 1,50 gr. и такимъ образомъ сохраняетъ подраздѣленіе гривны въ сотенныхъ доляхъ; 4) что перемѣну монетной системы могъ провести только Казиміръ I, воспитанный при дворѣ Императора, равно какъ ввести въ Польшѣ монетную систему Карла Великаго, подраздѣляющую гривну на 240 частей, что ему тѣмъ легче было сдѣлать потому, что въ это время повсемѣстно, также и въ Польшѣ, монета потеряла свой вѣсъ и первоначальную доброкачественность пробы, именно: монеты, такъ называемыя *вендійскія,* чеканенныя у Саксонцевъ и Западныхъ Славянъ, а равно и въ Польшѣ, вѣсили въ это время — однѣ отъ 1,3 до 1 gr. 84 пробы, другія же только 0,75 gr., 42 пробы; такимъ образомъ, первыя слѣдуетъ причислить къ монетамъ, чеканеннымъ по сотенному подраздѣленію гривны; другія же, 42 пробы, слѣдуетъ разсматривать, какъ чеканенныя по нововведенной системѣ Карла Великаго на 240 частей, иначе денаріевъ, такъ какъ невозможно объяснить инымъ образомъ такое сильное по-

ниженіе пробы и притомъ въ такой небольшой срокъ, и это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ анализѣ монетъ, и въ пропорціональности отношенія къ вѣсу самой гривны.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія. *7 августа, вечеромъ.*

Почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. И. Багалѣй. *Секретарь отдѣленія* О. А. Фотинскій.

1. Проф. Н. П. Дашкевичъ: *„Нѣсколько догадокъ о началѣ южно-русскаго казачества“ (до конца XV в.).*

Авторъ старался взойти къ первичной формѣ южно-русскаго казачества, при помощи ретроспективнаго метода и соединенія историческихъ розысканій съ филологическими. На основаніи данныхъ того и другого рода, отправившись отъ козацкихъ „ротъ“ начала XVI в. и доведя изслѣдованіе до Подольскихъ „ватамановъ“ XIV в., авторъ пришелъ къ выводу, что первичною формою южно-русскаго казачества были небольшіе военно-промышленные отряды, во главѣ которыхъ стояли ватаманы. Эти дружины возникали среди осѣдлаго сельскаго населенія на окраинахъ Литовскаго Подолья и Кіевской земли и пребывали въ разбросанномъ видѣ по окраиннымъ селамъ южно-русскихъ господарскихъ замковъ, пока не собирало ихъ то или другое предпріятіе. Такое „хожденіе въ казацтво“ могло существовать уже во время Литовскаго завоеванія Подолья, но могло развиться и раньше, во время вѣковаго совмѣстнаго сожительства Подолянъ, и можетъ быть, Поросянъ, съ татарами. До 80-хъ годовъ XV вѣка, однако, это было явленіе мало замѣтное; оно было мало замѣтно внутри государства, въ отдаленіи отъ окраинъ, потому что не принимало еще значительныхъ размѣровъ и не ознаменовывалось крупными послѣдствіями. Потому и имя „казакъ“, могшее быть уже въ ходу, не достигло еще тогда широкаго распространенія и не вошло въ литовско-русскую письменность. Оно начало получать мѣсто въ послѣдней съ усиленіемъ наступательныхъ движеній со стороны южно-русскихъ казаковъ, въ концѣ XV в.

2. Д. И. Эварницкій: *„Къ вопросу о числѣ, порядкѣ и топографіи Запорожскихъ Сѣчей по новымъ архивнымъ даннымъ“.*

Указываемые источники автору удалось разыскать въ Московскихъ Архивахъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ, Минист. Юстиціи и Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба. Сѣчи Хортицкую и Томаковскую авторъ не вводитъ въ число сѣчей, ибо онѣ такъ не назывались, но говоритъ о нихъ, какъ о мѣстахъ продолжительной стоянки запорожцевъ. Спорный вопросъ о положеніи о-ва Малой Хортицы авторъ разрѣшаетъ на основаніи изслѣдованія нѣмецкаго текста показанія по этому поводу Эриха Ласоты (1594 г.), личныхъ топографическихъ изслѣдованій и двухъ рукописныхъ плановъ конца XVIII в. Архива Минист. Иностран. Дѣлъ. Мнѣніе г. Падалки о соотвѣтствіи о-ва Малой Хортицы нынѣшнему мысу „Степку“, въ 8 в. отъ о-ва Большой Хортицы противорѣчитъ и показанію Ласоты о смежности этого острова съ о-мъ Большою Хортицею, и естественнымъ условіямъ защиты, и показанію того же Ласоты о положеніи его противъ устья трехъ рѣчекъ Хортицъ. Наоборотъ, всѣ эти данныя говорятъ за соотвѣтствіе о-ва Малой Хортицы о-ву Канцерскому. Указавъ далѣе на Сѣчи Томаковскую, Микитинскую и Чертомлыцкую, мѣстоположеніе которыхъ не возбуждаетъ сомнѣнія, авторъ перешелъ къ разбору запутаннаго вопроса о мѣстопребываніи запорожцевъ, послѣ разоренія русскими войсками Чертомлыцкой Сѣчи, въ 1709 г. Къ извѣстному показанію кошевого атамана Ивана Милашевича 1734 г. референтъ добавилъ показаніе Данила Иванова Красноперича, свидѣтельствующее, что запорожцы, прежде чѣмъ поселиться въ Кардашинской Сѣчи, съ годъ прожили „на урочищахъ Глухихъ“, которыя должны соотвѣтствовать двумъ гирламъ Глухимъ, находящимся немного повыше Алешекъ и Кардашина.

Наконецъ, для топографіи Новой или Подпильной Сѣчи (1734—1775 гг.) референтомъ найдено подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе запорожскаго войсковаго писаря Ивана Чугуевца 1766 г., проливающее новый свѣтъ не только на топографію Подпильной Сѣчи, но и ея окрестностей—ордъ татарскихъ. Въ заключеніе референтъ сообщилъ о начатомъ имъ уже изданіи „Источниковъ для исторіи запорожскаго казачества съ половины XVII в. и до конца XVIII в.", которое будетъ лучшимъ памятникомъ славному прошлому Запорожья.

А. И. Маркевичъ, указалъ, что данныя для исторіи Запорожья находятся еще въ мѣстническомъ дѣлѣ Юзина съ Нагимъ.

V отдѣленіе. Древности церковныя. 8-го августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель прот. І. Н. Корольковъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Н. В. Покровскій. *Секретари*: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. Проф. свящ. Ѳ. И. Титовъ сдѣлалъ докладъ: *„О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи"*, въ которомъ, указавъ, что подъ именемъ заграничныхъ монастырей въ XVII—XVIII вв. разумѣлись монастыри въ польско-литовскомъ государствѣ, находившіеся въ непосредственномъ подчиненіи кіевскому митрополиту, — изложилъ исторію ихъ на основаніи документовъ стараго архива Кіевской духовной консисторіи и Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Заграничные монастыри образовались съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи въ 1686—1687 году, изъ ставропигій патріаршихъ и митрополичьихъ. Съ прекращеніемъ зависимости кіевскаго митрополита отъ константинопольскаго патріарха и съ подчиненіемъ кіевской митрополіи патріарху московскому, кіевскій митрополитъ унаслѣдовалъ отъ константинопольскаго патріарха права надъ его ставропигіями въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Число ставропигій митрополита Кіевскаго особенно увеличилось при Петрѣ Могилѣ, который, давая благословеніе на основаніе новаго монастыря, нерѣдко подчинялъ его непосредственно себѣ, помимо епархіальныхъ архіереевъ. Въ 1760 году кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій уступилъ заграничные монастыри въ Бѣлоруссіи епископу Бѣлорусскому Георгію Конисскому. Виленскіе же и слуцкіе монастыри оставались въ подчиненіи Кіевской митрополіи до образованія въ Минскѣ и Литвѣ самостоятельныхъ епархій.

2. Свящ. Е. І. Сѣцинскій прочелъ рефератъ: *„Древнѣйшія церкви Подоліи"*. Указавъ на причины малочисленности въ Подоліи древнихъ храмовъ (набѣги татаръ, частыя войны и т. п.), референтъ описалъ храмы пещерные—въ с. Лядовѣ, Могилевскаго уѣзда и въ с. Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда, и приспособленные для защиты въ нихъ отъ враговъ—въ с. Сутковцахъ, Летичевскаго уѣзда, XV-XVI вв., въ м. Меджибожѣ, того же уѣзда, 1669 г. Рефератъ демонстрировался снимками съ древнихъ подольскихъ храмовъ.

3. М. П. Истоминымъ сдѣланъ докладъ: *„Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣковъ"*. Докладчикъ сдѣлалъ попытку опредѣлить въ иконописи волынскихъ храмовъ, съ одной стороны, традиціи византійскія, а, съ другой,—слѣды вліянія западнаго искусства.

VI отдѣленіе. Памятники письма и языка. 8 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель М. И. Соколовъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Н. И. Петровъ. *Секретари*: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

1. Проф. А. И. Соболевскій: *„Древнія церковно-славянскія стихотворенія и ихъ значеніе для исторіи языка"*. Референтъ сначала изложилъ теорію одного изъ видовъ византійскаго политическаго стиха (шестистопнаго ямба) и между прочимъ указалъ, что у византійцевъ послѣднее слово каждаго стиха обязательно было съ удареніемъ

на второмъ слогѣ отъ конца. Затѣмъ онъ перешелъ къ древнимъ церковно-славянскимъ стихотвореніямъ IX—X вв., дошедшимъ въ древнихъ спискахъ (до XIV в. включительно) (азбучная молитва Константина Болгарскаго, Проглась св. Евангелія его же, Похвала царю Симеону въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г., азбучная молитва въ молитвенникѣ XIII в.), сообщилъ о способѣ возстановленія въ нихъ текста и о томъ, что болѣе 100 стиховъ въ нихъ могутъ быть легко возстановлены. Такимъ образомъ, получается болѣе 100 разнообразныхъ словъ съ церковно-славянскимъ удареніемъ IX—X вв., очень важныхъ, такъ какъ славянскихъ рукописей съ разставленнымъ удареніемъ раньше XIV в. не встрѣчается.

2. Проф. Н. П. Дашкевичъ: *„Нѣсколько соображеній о былевомъ Ильѣ Муромцѣ на основаніи нѣкоторыхъ кіевскихъ данныхъ (XVI—XVII вв.)“.* Указавъ въ началѣ на неполноту изслѣдованій о возникновеніи и постепенномъ ростѣ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ, референтъ выразилъ надежду, что можетъ оказаться не безполезнымъ новый связный пересмотръ старыхъ кіевскихъ преданій о немъ, и, прежде всего, для рѣшенія обязательнаго для науки вопроса: нѣтъ ли чего-нибудь историческаго въ образѣ былеваго Ильи? Старыя кіевскія преданія обращаютъ неизбѣжно къ этому вопросу. Преданіе, сообщенное Кальнофойскимъ, о томъ, что Илья жилъ въ концѣ XII вѣка, можетъ быть принято за исходный пунктъ разысканія, и, отправляясь отъ него, слѣдуетъ остановиться на извѣстіи Лаврентьевскаго списка, подъ 1164 г., о суздальскомъ „слѣ“ въ Константинополѣ. Илья этого извѣстія могъ быть первообразомъ былеваго Ильи: въ пользу этого говоритъ и разсмотрѣніе упоминаній объ „Иліасѣ Русскомъ“ въ германской сагѣ и нѣкоторыя подробности русскихъ былинъ. Сопоставленіе же подвиговъ Ильи въ Черниговo-Сѣверской землѣ съ древнею формою его имени „Моровлинъ“ и другими сродными этой формѣ прозвищами Ильи позволяетъ выдвинуть предположеніе, что былевой Илья былъ родомъ изъ города Моровійска. Происходя оттуда, Илья XII-го вѣка могъ служить сѣвернымъ князьямъ и окончить свои дни въ Кіевѣ. Былевой Илья и святой, почивающій въ кіевскихъ пещерахъ, одно и то же лицо. Раздѣлять ихъ нѣтъ основанія.

По поводу прочитаннаго доклада проф. Н. И. Петровъ указалъ, что мѣстности, къ которымъ пріурочиваются подвиги Ильи, находятъ себѣ соотвѣтствіе въ названіяхъ Орловской губерніи (Карачевъ - Карачарово, урочища „Девять Дубовъ“, „Соловьиный перевозъ“), и что съ этими послѣдними урочищами у мѣстныхъ жителей связаны преданія объ Ильѣ.

Проф. Н. П. Дашкевичъ замѣтилъ, что свѣдѣнія о мѣстахъ, указанныхъ проф. Петровымъ, и о преданіяхъ объ Ильѣ напечатаны въ Трудахъ Орловской архивной коммиссіи 1889 г., № 2.

Проф. А. И. Соболевскій, указавъ на упоминаніе объ Ильѣ Муромцѣ въ „Поморскихъ отвѣтахъ“, выразилъ сомнѣніе въ соотвѣтствіи именъ „Илья“ и „Ilias“, и отмѣтилъ возможность народной этимологіи въ эпитетѣ „Муровлянинъ“.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на возможность пріуроченія имени Муромецъ къ „Муравскому шляху“.

Проф. В. П. Бузескулъ предложилъ вопросъ, почему Илья въ былинахъ крестьянинъ, тогда какъ по историческимъ соображеніямъ референта онъ оказывается бояриномъ. Референтъ пояснилъ, что окрестьяненіе Ильи есть, вѣроятно, позднѣйшее явленіе.

Н. И. Троицкій высказалъ, что если для эпическаго Ильи *Муромца* основой послужилъ историческій Илья *Муравецъ*, то и для дѣяній его, опоэтизированныхъ въ эпосѣ, основой послужили какія-либо дѣянія историческія: а былина между прочимъ и указываетъ ту заслугу Иліи, что онъ проложилъ дорогу прямоѣзжую; эта дорога и есть единственно извѣстный древній путь „муравскій шляхъ“ или „муравка“. За эту то заслугу, столь важную въ свое время, и получилъ Илья прозваніе *Муравецъ*, позднѣе—Муромецъ.

I отдѣленіе первобытныхъ древностей. 9 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель Н. Н. Бранденбургъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. Н. Анучинъ. *Секретарь отдѣленія* Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Предъ засѣданіемъ Предсѣдатель Съѣзда гр. П. С. Уварова доложила содержаніе письма Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича, въ которомъ Его Высочеству угодно было высказать глубокое сожалѣніе, что различныя обстоятельства не позволили Его Высочеству пріѣхать въ Кіевъ на Съѣздъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Его Высочество изволилъ прислать для помѣщенія въ отдѣлѣ церковныхъ древностей выставки Запорожскую икону Богоматери, принадлежавшую нѣкогда Переяславскому собору и нынѣ находящуюся въ собраніи Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича. Постановлено повергнуть предъ Его Высочествомъ выраженія глубокой признательности Съѣзда за столь милостивое вниманіе и ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ о возвращеніи иконы въ Переяславскій соборъ.

1. Проф. П. Н. Милюковъ сообщилъ „*О результатахъ раскопокъ, предпринятыхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ осенью 1898. возлѣ с. Патели, у озера „Острово“, въ Македоніи*“. Изложивъ исторію находки, референтъ остановился на описаніи мѣстности, въ которой расположенъ древній некрополь. Небольшой холмъ, спускающійся къ сосѣднему озеру, постепенно высыхающему и заносящему своимъ пескомъ сосѣднія мѣстности, состоитъ изъ двухъ слоевъ: верхній—изъ бѣлаго песка съ прѣсноводными раковинами и нижній — изъ плотнаго желтоватаго песка; отчасти въ верхнемъ, отчасти въ нижнемъ слоѣ были расположены могилы, изъ которыхъ 154 раскопаны референтомъ при помощи секретаря Института Б. В. Фармаковскаго. Всѣ погребенія помѣщались въ каменныхъ ящикахъ, дно которыхъ иногда устлано каменными плитами или мелкими камнями. Ни одного случая сожженія не встрѣчено. Въ одномъ только случаѣ костякъ положенъ въ согнутомъ положеніи, въ могилѣ маленькихъ размѣровъ. Другія могилы такихъ же размѣровъ предназначались для дѣтскихъ погребеній. Наконецъ, третій типъ малыхъ могилъ не имѣлъ самостоятельнаго значенія и служилъ дополненіемъ для сосѣднихъ большихъ, къ характеристикѣ которыхъ референтъ и перешелъ затѣмъ. Почти никогда въ этихъ послѣднихъ могилахъ не встрѣчалось одиночнаго погребенія: въ самыхъ простыхъ случаяхъ, при полномъ костякѣ было находимо 1—2 черепа, а иногда число этихъ череповъ доходило до 12 и больше. Тутъ же, въ ногахъ или по сторонамъ полнаго костяка, помѣщались и кости другихъ костяковъ. Но, наконецъ, въ могилѣ становилось тѣсно; тогда эти кости старыхъ погребеній выбрасывались изъ могилы, иногда клались въ тутъ же выкопанную ямку, иногда помѣщались въ большой глиняный сосудъ, чаще же всего складывались въ особый каменный ящикъ, или примыкавшій тремя сторонами къ главной могилѣ, или строившійся на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Объясняя описанный способъ погребенія, референтъ находилъ, что онъ является необходимымъ послѣдствіемъ постепеннаго накопленія погребеній въ одной *семейной* могилѣ. Если каждая отдѣльная могила служила такимъ образомъ достояніемъ отдѣльной семьи, то совокупность сосѣднихъ могилъ съ полнымъ основаніемъ можно относить къ высшей общественной группѣ того времени—къ роду. Послѣднее положеніе референтъ доказывалъ расположеніемъ могилъ въ некрополѣ: на представленномъ имъ планѣ видно, что могилы располагались группами, отдѣленными другъ отъ друга или пустыми пространствами; или, въ случаѣ тѣснаго соприкосновенія группъ, заборами изъ стоячихъ камней. Могилы каждой группы распредѣлялись кругами около центральнаго незанятаго пространства, соотвѣтствовавшаго, очевидно, мѣсту похороннаго ритуала, на которомъ, можетъ быть, находилось и святилище рода. Головами скелеты были обращены, — за

нѣкоторыми исключеніями, для которыхъ можно найти объясненіе,—со всѣхъ сторонъ къ центру, что еще болѣе доказываетъ ритуальное значеніе послѣдняго.

Обращаясь затѣмъ къ находкамъ въ могилахъ, референтъ связалъ характеристику наиболѣе типичныхъ изъ этихъ находокъ съ общей характеристикой положенія могильника въ ряду другихъ подобныхъ. Могильникъ принадлежитъ къ такъ называемому Галльштаттскому періоду, т. е. къ эпохѣ перваго распространенія въ Европѣ желѣза, хронологически опредѣляемому археологами, какъ промежутокъ 1300—1500 гг. до Р. Х. По типамъ вещей могильникъ относится къ первой половинѣ этого періода, занимая притомъ промежуточное положеніе между собственно Галльштаттской культурой средне и верхне - дунайскаго бассейна, сѣверной Италіи и сѣверо - западнаго угла Балканскаго полуострова и между аналогическими находками въ Греціи, на островахъ Средиземнаго моря, и въ Южной Италіи. — *Керамика* некрополя въ Пателн рѣзко отличается отъ собственно Галльштаттской керамики и примыкаетъ къ керамикѣ Средиземнаго моря составляя, однако ея Vorstufe, сохранившуюся въ данномъ мѣстѣ благодаря, его захолустному положенію. Особенно характеренъ орнаментъ, чисто геометрическій, наиболѣе близкій къ орнаменту древнѣйшихъ кипрскихъ, беотійскихъ, протокориноскихъ геометрическихъ и протоиталійскихъ вазъ. Не только вліянія такъ называемаго стиля dipylon (животнаго и растительнаго орнамента) здѣсь не видно, но отсутствуютъ даже нѣкоторые геометрическіе рисунки, именно—состоящіе изъ кривыхъ линій и изъ пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ (въ томъ числѣ свастика и меандръ). Не менѣе характерна единственная встрѣчающаяся въ некрополѣ форма фибулы, такъ называемая очкообразная (Brillenfibel),—свойственная всему Галльштаттскому району, но сопровождающаяся тамъ также и другими формами, у насъ отсутствующими — итальянской древнѣйшей, такъ называемой ad arco semplice и ея дальнѣйшимъ развитіемъ — дугообразной (Bogenfibel), змѣевидной (Schlangenfiibel) и др. Всему этому богатому развитію, переходившему съ юга изъ Греціи на западъ—въ южную Италію и на Сѣверъ—въ Боснію и на Средній Дунай,— некрополь въ Пателн, расположенный, очевидно, въ сторонѣ отъ торговыхъ дорогъ, остался совершенно чуждъ. Изъ другихъ вещей референтъ остановился на желѣзномъ мечѣ очень древняго типа, унаслѣдованнаго отъ бронзоваго періода, встрѣчающагося въ очень древнюю эпоху въ Греціи и на островахъ. Упомянувъ затѣмъ о рядѣ другихъ параллелей, также приводящихъ изслѣдованный некрополь въ связь съ находками въ Греціи и на Кипрѣ (особенно въ (Hagia Paraskevi), авторъ перешелъ къ вопросу о способѣ погребенія въ могильникѣ. Сожженіе и погребеніе, по мнѣнію референта, суть обряды, сравнительная древность которыхъ должна опредѣляться отдѣльно для каждой отдѣльной мѣстности. Такъ, ограничиваясь Гальштаттскимъ періодомъ, въ могильникахъ сѣверной Италіи, вообще болѣе позднихъ, сожженіе древнѣе погребенія: чѣмъ древнѣе могильникъ, тѣмъ сожженіе болѣе въ немъ преобладаетъ. Наоборотъ, въ южной Италіи и Босніи, гдѣ могильники вообще относятся къ болѣе древней эпохѣ, погребеніе древнѣе сожженія. Относительно южной Италіи г. Orsi прямо признаетъ это за общее правило. Въ ряду *этихъ* могильниковъ изслѣдованный референтомъ могильникъ, по *исключительно* господствующей въ немъ формѣ погребенія, долженъ быть отнесенъ къ особенно древнимъ. По типамъ вещей, также, какъ указано раньше, могильникъ очень древенъ; но по времени и способу погребенія,—эти вещи могли сохраниться здѣсь и позднѣе, какъ пережитокъ отъ болѣе стараго времени. По мнѣнію г. Hörnes'a и Szombaty, которымъ референтъ подробно сообщилъ о своихъ находкахъ, некрополь, самое позднее, можетъ относиться къ 800—700 гг. до Р. Х. Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о народности могильника. A priori можно предположить, что народность эта иллирійская.

Краніологическій матеріалъ, собранный референтомъ, остался еще не обслѣдованнымъ, но общее впечатлѣніе, произведенное на референта во время раскопокъ, то, что большинство населенія короткоголовое, такъ называемаго ретійскаго типа (His'a и

Rütimeyer'a), причемъ встрѣчаются черепа и другихъ типовъ — до рѣзко выраженнаго длинноголовія включительно. Референтъ кончилъ пожеланіемъ, чтобы раскопки въ Пятели были доведены до конца въ виду важнаго научнаго значенія этой находки, возстановляющей неизвѣстное до сихъ поръ, хотя и предполагавшееся археологами промежуточное звено между югомъ и сѣверомъ—между источникомъ Гальштаттской культуры въ Греціи и на островахъ и ея расцвѣтомъ на Дунаѣ.

По поводу доклада г. Милюкова были сдѣланы замѣчанія гр. А. А. Бобринскимъ, проф. Д. Н. Анучинымъ и др.

2. А. Л. Погодинъ доложилъ *„Объ отношеніи индо-европейскаго племени къ финнамъ"*.

Индогерманцы, какъ этническое цѣлое, представляютъ вѣтвь финскаго племени. Географическое распространеніе отдѣльныхъ индо-германскихъ народовъ указываетъ на Карпаты, какъ на центръ распространенія; тождество антропологическихъ признаковъ у германцевъ, кельтовъ, древнихъ славянъ и другихъ народовъ, съ одной стороны, и загадочныхъ аборигеновъ Сибири *(динъ-линъ* китайскихъ историковъ) и древнихъ пермяковъ (геродотовскихъ будиновъ), съ другой, — это тождество ручается за расовое единство народовъ, тянувшихся отъ восточной Сибири до Карпатъ (эти признаки: рыжій цвѣтъ волосъ, голубые глаза, высокій ростъ); раскопки показали, что народъ, жившій въ южной Россіи и въ Венгріи, былъ долихоцефалическій, чистота типа измѣняется по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ на югъ, востокъ и западъ. Все это говоритъ за близость индо-германскаго племени къ финскому.

Исходя изъ этого положенія, г. Погодинъ попытался опредѣлить, при какихъ условіяхъ совершалось отдѣленіе индо-германцевъ отъ финновъ. Такое опредѣленіе имѣетъ то значеніе, что культура индо-германцевъ, при ихъ раздѣленіи на отдѣльныя вѣтви, болѣе или менѣе установима по даннымъ языка. Если-бы можно было освѣтить ихъ культуру при отдѣленіи отъ финновъ, то мы имѣли бы два крайніе пункта, между которыми прошла исторія развитія индо-германской культуры. По даннымъ языковъ въ этомъ случаѣ работать не можемъ, потому что не установленъ еще самый методъ такой работы, хотя по духу индо-германскій и обще-финскій языки очень близки (чередованіе гласныхъ, тѣсное соединеніе корней съ суффиксами и т. п.). Приходится искать документовъ на сторонѣ. Ихъ даетъ зоологія, расовые признаки, аномаліи. Между прочимъ, аномаліи развиваются и укрѣпляются въ племени, какъ это давно извѣстно зоологамъ, при скрещиваніи ближайшихъ родственниковъ. Если между финнами и индо-германцами такого расоваго различія первоначально не было, то можно думать, что индо-германцы отдѣлились отъ финновъ при такихъ условіяхъ, когда скрещиваніе родственниковъ не было, по крайней мѣрѣ, необходимостью. Въ такую необходимость поставлены охотничьи племена, которыя по самымъ условіямъ своего быта, принуждены жить особо, маленькими группами, состоящими иногда изъ одной семьи. Такъ, цейлонскіе ведды живутъ отдѣльными родами, не знающими другъ о другѣ и говорящими на отдѣльныхъ языкахъ; у нихъ отецъ женится на дочери, братъ на сестрѣ и т. п. Повидимому, индо-германцы не были охотниками, когда отдѣлились отъ финновъ, и это отдѣленіе совершилось цѣлымъ племенемъ, забредшимъ путемъ постепеннаго распространенія въ прикарпатскую область.

V отдѣленіе церковныхъ древностей. 9 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель преосвященный Сергій, епископъ Уманскій. *Предсѣдатель отдѣленія* И. В. Покровскій. *Секретари:* проф. А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. Проф. А. П. Голубцовъ сдѣлалъ докладъ: *„Къ вопросу о Братской иконѣ Богоматери Богоявленской церкви и старомъ корпусѣ Кіевской Академіи"*.

Референтъ обслѣдовалъ двѣ представленныя имъ, неизвѣстныя въ археологиче-

ской литературѣ кіевскія гравюры XVII в., и на основаніи ихъ предложилъ разъясненія относительно Братской иконы Богоматери, топографіи Кіева и тогдашняго быта Академіи.

2. Священникъ С. Е. Звѣревъ прочелъ рефератъ свой и *М. И. Успенскаго „Къ вопросу объ изображеніяхъ св. Митрофана Воронежскаго“*. Въ рефератѣ установлена классификація изображеній св. Митрофана, изложена ихъ исторія и отмѣчено согласіе ихъ съ историческими данными о внѣшнемъ видѣ святителя.

3. В. Т. Георгіевскій въ докладѣ: *„Древности г. Суздаля“*, сообщилъ о многочисленныхъ памятникахъ древности (архитектуры, иконографіи, церковной утвари, шитья) г. Суздаля, въ особенности-же Суздальскаго собора и монастырей: Спасо-Евѳиміевскаго (гдѣ сохранились вклады князя Д. М. Пожарскаго, погребеннаго въ этомъ монастырѣ), Ризиположенскаго и Покровскаго (служившаго мѣстомъ заточенія Соломоніи Сабуровой—супруги Василія III, Ксеніи Годуновой, царицы Евдокіи Лопухиной, бояринь Шуйскихъ, Сицкихъ, Ногтевыхъ, Кислыхъ). Въ заключеніе референтъ высказалъ пожеланіе объ изданіи какимъ-либо археологическимъ обществомъ описи Покровскаго монастыря 1595 г., съ объяснительными примѣчаніями, составленными референтомъ, и снимками.—Докладчикомъ были представлены фотографическіе снимки.

4. Э. Ѳ. Похвалинскій сдѣлалъ докладъ: *„О древне-русскихъ натѣльныхъ крестикахъ, образкахъ и панагіяхъ“*,—гдѣ, указавъ на искаженія священныхъ изображеній невѣжественными и иновѣрными мастерами, выразилъ пожеланіе, чтобы противъ этого зла были приняты мѣры.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія; 9 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Ѳ. Г. Мищенко. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. И. Багалѣй. *Секретарь отдѣленія* О. А. Фотинскій.

1. Первый докладъ былъ сдѣланъ секретаремъ XI археологическаго съѣзда, В. Г. Ляскоронскимъ: *„О городищахъ, длинныхъ (зміевыхъ) валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы“*. Лѣтомъ 1898 г. докладчикъ, по порученію Предварительнаго комитета по устройству XI археол. съѣзда, совершилъ экскурсію въ область Посулья, имѣя цѣлью изслѣдовать и описать находящіеся тамъ городища, курганы, длинные валы и другіе памятники древности. Районъ его изслѣдованія охватилъ собственно Посулье и область нѣкоторыхъ притоковъ р. Сулы: рр. Ромна, Терна, Удая, Слѣпорода, Оржицы и др., гдѣ и до сихъ поръ сохранилось довольно большое число древнихъ укрѣпленій, такъ какъ черезъ Посулье вела одна изъ древнѣйшихъ дорогъ изъ области Донского бассейна къ бассейну р. Днѣпра. Вотъ почему здѣсь мы видимъ слѣды осѣдлой жизни въ самыя отдаленныя эпохи. Обращаясь къ систематическому обзору древнихъ укрѣпленій Сульскаго бассейна, В. Г. Ляскоронскій прежде всего остановился на такъ называемыхъ *круглыхъ болотныхъ городищахъ*. Городищъ такого рода не мало можно встрѣтить въ области верхняго и средняго теченія Сулы. Они, обыкновенно, находятся въ болотистыхъ долинахъ, на природныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ. Къ такому городку всегда ведетъ мысообразный выступъ материка, или совершенно отрѣзанный отъ городища, или отдѣленный отъ него прорывомъ. Круглая площадь этихъ городищъ, не особенно большихъ размѣровъ, окружена валомъ значительной высоты (иногда болѣе двухъ саженъ). Въ валу бываетъ, обыкновенно, по два, а иногда и по три вырѣза, которые можно разсматривать, какъ остатки воротъ. Вокругъ вала, съ наружной стороны, всегда лежитъ ровъ. Въ почвѣ болотныхъ городищъ часто находятъ человѣческіе скелеты, стрѣлы, желѣзные топорики и мечи, шиферныя пряслицы и т. д. Круглыя болотныя городища референтъ встрѣчалъ по теченію рр. Ромна (у сс. Большого Самбора, Гиревки, Грицевки, Липоваго), Терна (у д. Городища), Сулы (у м. Сѣнчи и

с. Воинской Гребли) и въ др. мѣстахъ. Интересно, что тѣ славянскія городища, которыя описаны арабскимъ писателемъ Ал-Бекри, тождественны по своему устройству съ городищами, изслѣдованными В. Г. Ляскоронскимъ. Вторую категорію городищъ бассейна р. Сулы докладчикъ называетъ *нагорными круглыми городищами*. Они во многомъ сходны съ городищами предыдущей категоріи, отличаясь отъ нихъ лишь своимъ мѣстоположеніемъ (обыкновенно на прирѣчныхъ возвышенностяхъ), да иногда еще тѣмъ, что съ той стороны ихъ, которая обращена къ плато, защитительныхъ валовъ бываетъ по нѣскольку. Третью группу городищъ составляютъ укрѣпленія, отличающіяся отъ предыдущихъ типовъ какъ формою, такъ и системою защиты. Они не имѣютъ уже правильныхъ, однообразныхъ формъ, а видоизмѣняются въ своихъ очертаніяхъ сообразно съ контурами возвышенностей. По размѣрамъ они значительно больше круглыхъ городищъ. Характерною ихъ особенностью является также то обстоятельство, что они имѣютъ иногда цѣлый рядъ концентрическихъ защитительныхъ валовъ. Кромѣ того, на значительномъ разстояніи отъ первой защитительной линіи городка они бываютъ окружены еще однимъ громаднымъ валомъ, со рвомъ на наружной сторонѣ, являющимися передовою линіей укрѣпленія. Такія городища находятся у сс. Кошары, Медвѣжьяго, Великихъ Будокъ, Глинска, Великой Селецкой, Буромка, Кизивера и въ др. мѣстахъ. Особенно интересно городище въ Кизиверѣ, состоящее какъ бы изъ трехъ городищъ, образующихъ одно цѣлое. Къ этой же категоріи городищъ докладчикъ относитъ городище въ с. Повстенѣ, на берегу Удая, внутри котораго находятся остатки какихъ-то погребовъ. Стѣнки послѣднихъ были выложены особенными кирпичами и сверху покрыты синей и зеленой глазурью. Наконецъ, четвертый разрядъ городищъ составляютъ тѣ городища, лежащія въ наиболѣе крупныхъ населенныхъ пунктахъ по теченію Сулы, которыя представляютъ собою остатки городовъ, упоминаемыхъ Начальной лѣтописью. Сюда относятся городища въ Ромнахъ, Глинскѣ, Сѣнчѣ, Снѣтинѣ, Лубнахъ, Лукомьѣ, Оржицѣ, Горошинѣ, Буромкѣ, Жовнинѣ, Пирятинѣ, Варвѣ, Сребномъ, близъ Бѣлой Вежи и т. д. Со стороны, такъ сказать, технико-стратегической они представляютъ собой дальнѣйшее развитіе нагорныхъ укрѣпленій предыдущей категоріи. Типичнымъ образцомъ такого рода укрѣпленій служатъ остатки городища въ г. Лубнахъ. Здѣсь укрѣпленія находились на отдѣльно стоящемъ надъ рѣкой огромномъ холмѣ, который въ настоящее время называется „валомъ". Послѣ систематическаго описанія городищъ Посулья В. Г. Ляскоронскій остановился на такъ называемыхъ Зміевыхъ валахъ, тянущихся иногда на весьма значительномъ протяженіи и представляющихъ собою загадочное явленіе. Такихъ валовъ, о происхожденіи которыхъ въ народѣ ходитъ много легендъ, въ Полтавской губерніи насчитывается много. Самый грандіозный изъ нихъ тянется по краю нагорнаго плато, оканчивающагося обрывомъ къ правому берегу Сулы. Интереснѣе всего то обстоятельство, что ровъ, идущій параллельно этому валу, находится не на той сторонѣ, которая обращена къ рѣкѣ, а наоборотъ, на сторонѣ, обращенной къ плато. И валъ, и ровъ этотъ сохранились очень хорошо. Они идутъ по склону горы, мѣстами спускаясь въ прирѣчныя долины и потомъ вновь подымаясь, начиная отъ г. Лубенъ и направляясь мимо сс. Мацковецъ, Лукомья, Оржицы, Плехова, Горошина, Буромки и т. д., внизъ по теченію рѣки. Длина этого вала болѣе 80 верстъ. Послѣднія звенья этого вала видны уже въ приднѣпровской долинѣ. Закончилъ свой докладъ В. Г. Ляскоронскій пожеланіемъ, чтобы всѣ эти памятники старины были изслѣдованы.

2. В. И. Щербина: „*Послѣдніе слѣды казачества въ правобережной Украйнѣ*".

Напомнивъ, что по установившемуся въ наукѣ мнѣнію, казачество существовало въ правобережной Украйнѣ только до 1711 г. (т. е. до Прутскаго договора), референтъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы такое крупное явленіе народной жизни могло исчезнуть безслѣдно. Подобныя прочно сложившіяся формы народной жизни обыкновенно сохраняются въ видѣ переживаній и послѣ того, какъ утратятъ свое внутреннее со-

держаніе (чего никакъ нельзя сказать относительно казачества); поэтому можно a priori предположить, что и послѣ Прутскаго договора сохранялись слѣды казачества на его первоначальной родинѣ. Предположеніе это подтверждается немногочисленными, правда, указаніями современныхъ документовъ. Въ люстраціи староствъ кіевскаго воеводства 1765 г. почти во всѣхъ староствахъ упоминаются *городовые казаки,* которые живутъ въ городахъ и селахъ, занимаются земледѣліемъ, но свободны отъ всякихъ налоговъ и повинностей; они несутъ одну только повинность—военную; къ одной казацкой службѣ приписано иногда нѣсколько хозяевъ, что напоминаетъ организацію казачества на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ у выборныхъ казаковъ также были „вспомогатели“ и „подпомощники“; число городовыхъ казаковъ, отбывающихъ службу, составляетъ во всѣхъ староствахъ 734 или 3,8% всего населенія; число свободныхъ отъ повинностей за казацкую службу хозяевъ 1262 или 6,6% населенія. Въ люстраціи тѣхъ же староствъ 1789 г., казаковъ показано значительно меньше: всего 159 или 1,1% населенія; о военной службѣ ихъ уже не упоминается; повинности они несутъ наравнѣ съ крестьянами. Кромѣ старостинскихъ имѣній, казаки упоминаются также въ инвентаряхъ дѣдичныхъ имѣній, расположенныхъ въ области стариннаго казачества (м. Германовка, м. Паволочъ), но въ этихъ имѣніяхъ они несутъ всѣ повинности наравнѣ съ крестьянами, хотя доходъ, получаемый отъ нихъ, иногда выдѣляется въ особую рубрику.

По поводу изложеннаго доклада проф. В. Б. Антоновичъ замѣтилъ: обрисованнаго референтомъ казачества нельзя считать казачествомъ въ собственномъ смыслѣ, по тремъ основаніямъ: 1) казачество это совершенно лишено права самоуправленія и самосуда; 2) казаки эти не являются землевладѣльцами и 3) нѣтъ у нихъ, кажется, сословной наслѣдственности.

3. X. П. Ящуржинскій: „*Обрядности и пѣсни, касающіяся жатвы хлѣба*“.

Изслѣдованіе автора относится преимущественно къ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Первый день жатвы, „зажинки“, отличается освященіемъ полей, особымъ празднованіемъ и угощеніемъ. Самая жатва сопровождается пѣснями, которыя въ поэтическихъ образахъ воспѣваютъ трудъ собиранія хлѣба. Послѣдній день жатвы — „дожинки“—имѣетъ много знаменательныхъ обрядностей, какъ „Спасова борода“, послѣдній снопъ, плетеніе вѣнка. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ замѣтилъ, что у насъ вообще собираніе этнографическаго матеріала далеко опережаетъ его изученіе. Желательно выдѣленіе нѣкоторыхъ жатвенныхъ пѣсенъ изъ другихъ рубрикъ, куда они случайно попали въ сборникахъ; желательно поставить ихъ въ связь съ пѣснями весенними, „царинными“ и др.; желательно раздѣлить жатвенныя пѣсни по основнымъ мотивамъ ихъ.—Н. И. Троицкій выразилъ желаніе, чтобы жатвенные обряды русскіе, для уясненія интереса ихъ, были поставлены въ связь съ древнѣйшею восточною обрядностью.

Занятія спеціальной Коммиссіи XI Археографическаго Отдѣленія.

Согласно съ постановленіемъ Археографическаго Отдѣленія въ засѣданіи 2 августа, Отдѣленіе собралось въ распорядительное засѣданіе 5-го числа вечеромъ и, по живомъ обсужденіи, постановило: избрать особую Коммиссію, которая бы, на основаніи письменныхъ заявленій со стороны находящихся здѣсь на лицо представителей архивныхъ учрежденій, формулировала для Совѣта Съѣзда соотвѣтственное ходатайство.

Избранная коммиссія имѣла 3 засѣданія, въ составѣ предсѣдателя, директора Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскаго и членовъ: предсѣдателя секціи проф. П. В. Голубовскаго, предсѣдателя и депутата Симбирской ученой архивной коммиссіи В. Н. Поливанова, предсѣдателя и депутата Тамбовской ученой архивной коммиссіи И. И. Дубасова, начальника и депутата архива Св. Синода А. Н. Львова, предсѣдателя и депутата Нижегородской архивной коммиссіи А. А. Савельева, депутата отъ

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архива Министерства Юстиціи приватъ доцента М. В. Довнара-Запольскаго, депутата отъ Рязанской архивной коммиссіи С. Д. Яхонтова, депутата отъ Харьковскаго университета проф. Д. И. Багалѣя; въ присутствіи: предсѣдателя Съѣзда графини П. С. Уваровой, депутата отъ Московскаго университета и Имп. Московскаго Археологическаго Общества, управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи проф. Д. Я. Самоквасова и депутатовъ Рижскаго Общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній проф. Р. Ф. Гаусмана и доктора А. К. Геденштрема.

Слушали нижеслѣдующій:

ПРОЕКТЪ

основаній архивной реформы въ Россіи

Д. Я. Самоквасова.

1. Учредить центральный органъ архивнаго управленія въ Россіи, подобный существующимъ въ государствахъ Германіи, Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, долженствующій объединить управленіе государственными архивами разныхъ вѣдомствъ и подчинить ихъ общимъ правиламъ храненія и публичнаго пользованія.

2. Сосредоточить въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ, подобномъ столичнымъ центральнымъ архивамъ западно - европейскихъ государствъ, дѣлопроизводства по 1825 годъ упраздненныхъ и дѣйствующихъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичнаго пользованія.

3. Дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій по 1775 годъ сосредоточить въ центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ, подобныхъ провинціальнымъ архивамъ западно - европейскихъ государствъ.

4. Областные государственные архивы древнихъ актовъ снабдить штатами служащихъ, проектированными Высочайше учрежденной коммиссіей 1892 года, и архивными зданіями германскаго типа, такъ называемой „магазинной системы".

5. Дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій 25-лѣтней давности сосредоточить въ губернскихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ.

6. Центральное архивное управленіе: а) проектируетъ штаты, соотвѣтствующіе потребностямъ губернскихъ центральныхъ государственныхъ архивовъ; б) озаботится снабженіемъ центральныхъ губернскихъ архивовъ помѣщеніями, спеціально приспособленными для храненія рукописей и соотвѣтствующими требованіямъ раціональнаго архивоведенія; в) проектируетъ правила централизаціи и условія публичности государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; г) проектируетъ порядокъ архивной службы, направленный къ храненію въ цѣлости, классификаціи, описанію, изданію и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; д) проектируетъ общія правила храненія и публичности древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства общественныхъ учрежденій.

7. Нынѣ существующія и вновь открываемыя губернскія ученыя архивныя коммиссіи сохраняютъ самостоятельное значеніе мѣстныхъ ученыхъ обществъ по храненію и научной разработкѣ мѣстныхъ древностей, приглашаются центральнымъ архивнымъ управленіемъ къ содѣйствію въ централизаціи, изданіи и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ, вѣдаютъ дѣло храненія, описанія, изданія и научной разработки архивовъ общественныхъ учрежденій, а также и частныхъ, въ случаяхъ согласія владѣльцевъ этихъ послѣднихъ.

8. Издать немедленно циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о пре-

крашеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учрежденій.

По обсужденіи означеннаго проекта, коммиссія въ полномъ своемъ составѣ одобрила таковой во всѣхъ его частяхъ, но сочла необходимымъ присоединить, въ видѣ дополненій, нижеслѣдующія предложенія:

1. Отъ имени членовъ: П. В. Голубовскаго, В. Н. Поливанова, А. А. Савельева, И. И. Дубасова, А. Н. Львова, Н. В. Покровскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, С. Д. Яхонтова и Д. Я. Самоквасова:

Губернскія ученыя архивныя коммиссіи, для храненія своихъ историческихъ архивовъ, пользуются особымъ помѣщеніемъ въ зданіи губернскаго центральнаго архива, а для научныхъ своихъ работъ и изданія историческихъ документовъ получаютъ отъ правительства особую необходимую субсидію.

Необходимо ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ архивнымъ коммиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. ежегодно.

2. Кромѣ того, выражено депутатами Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній проф. Р. Ф. Гаусманомъ и А. К. Геденштремомъ мнѣніе, чтобы общественные архивы Прибалтійскаго края, доступные для научныхъ розысканій и уже приведенные въ надлежащій порядокъ, сохранили этотъ порядокъ неизмѣннымъ и на будущее время.

XI Отдѣленіе. Памятники археографическіе. 10-го августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель А. М. Лазаревскій. *Предсѣдатель отдѣленія* П. В. Голубовскій. *Секретари:* М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Д. Я. Самоквасовъ: *„Централизація государственныхъ архивовъ въ западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи"*.

Референтъ началъ свой докладъ изложеніемъ исторіи централизаціи архивнаго управленія во Франціи при Наполеонѣ I. Грандіозный проектъ не вполнѣ удался. Однако въ Европѣ не оставили мысли о централизаціи архивовъ. Такъ, королева Викторія провела полную централизацію государственныхъ архивовъ въ Англіи, для чего въ Лондонѣ устроено зданіе, въ которомъ сосредоточены государственные документы. Въ Англіи воспользовались планами Наполеона, и тамъ управленіе архивами зависитъ лично отъ королевы. Далѣе референтъ изложилъ ходъ архивной реформы въ Швеціи, Италіи, Бельгіи и Пруссіи. Особенно замѣчательна архивная реформа въ Пруссіи, проведенная Бисмаркомъ при посредствѣ извѣстнаго историка Зибеля. Только Австро-Венгрія и Испанія еще не пришли къ мысли о централизаціи документовъ, но въ первой вопросъ о реформѣ уже поставленъ на очередь. Важно, что во всѣхъ реформахъ вездѣ дѣло брало въ свои руки государство. Далѣе, въ большинствѣ, государственные архивы являются хранилищами документовъ по исторіи данной области (напримѣръ, центральные архивы въ Пруссіи). Архивная реформа вездѣ имѣла громадныя послѣдствія въ смыслѣ сохранности матеріала, его доступности для науки, развитія, наконецъ, въ самомъ обществѣ сознанія важности историческихъ источниковъ.

Переходя далѣе къ положенію архивовъ въ Россіи, референтъ изложилъ исторію дѣятельности Высочайше учрежденной въ 1873 году комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева, а также комиссіи 1892 года. Дѣятельность обѣихъ комиссій осталась безъ всякаго результата, и единственными хранителями древнихъ документовъ являются губернскія архивныя комиссіи. Но онѣ остаются часто безъ всякихъ средствъ. Рижскій съѣздъ ходатайствовалъ о выдачѣ имъ субсидіи, но получилъ отказъ. Затѣмъ

докладчикъ изложилъ мѣры, предпринятыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для подготовки проекта къ нынѣшнему Съѣзду. Для архивнаго вопроса важна непосредственная зависимость управленія архивами отъ Верховной власти и доступность архивовъ для ученой разработки.

III отдѣленіе. Памятники искусствъ и художествъ. 10 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Б. И. Ханенко. *Предсѣдатель отдѣленія* А. А. Павловскій. *Секретарь отдѣленія* Б. В. Фармаковскій.

Предсѣдатель отдѣленія проф. А. А. Павловскій, указавъ на значеніе вещественныхъ памятниковъ при изученіи археологіи, заявилъ, что труды въ дѣлѣ собиранія ихъ нашего извѣстнаго коллекціонера Б. И. Ханенко составляютъ одну изъ крупныхъ единицъ и одно изъ отрадныхъ явленій въ научномъ мірѣ, и просилъ его принять почетное предсѣдательство на настоящемъ засѣданіи. Б. И. Ханенко, выразивъ въ нѣсколькихъ словахъ свою искреннюю благодарность, передалъ съѣзду привѣтствіе отъ Кіевскаго общества Древностей и Искусства въ качествѣ его представителя и вице-предсѣдателя вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, что общество располагало слишкомъ короткимъ временемъ, чтобы представить съѣзду въ оконченномъ видѣ новый городской музей, ограничившись только временнымъ помѣщеніемъ въ немъ своихъ коллекцій.

1. Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ сдѣлалъ докладъ: *„Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи“*.

Указавъ на случайность нашихъ литературныхъ источниковъ относительно колонизаціи древними греками сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, докладчикъ подчеркнулъ особенную важность другого рода источниковъ для исторіи этой колонизаціи: надписей и монетъ. Но въ виду того, что исторія черноморской колонизаціи до сихъ поръ все же еще неясна, всякое обогащеніе матеріала должно быть принято съ крайнимъ вниманіемъ. Такой новый матеріалъ, которымъ до сихъ поръ еще не пользовались историки, докладчикъ видитъ въ керамическихъ издѣліяхъ и ихъ фрагментахъ, которые открываются въ почвѣ нѣкогда бывшихъ греческихъ колоній. До сихъ поръ этотъ матеріалъ, если и обрабатывался, то лишь съ художественной точки зрѣнія (работы академика Стефани). Вотъ выводы для исторіи культуры черноморскихъ колоній, къ которымъ приходитъ докладчикъ на основаніи керамическаго матеріала. Послѣдній подтверждаетъ и дополняетъ наши свѣдѣнія, которыя намъ даютъ источники литературные. Въ Ольвіи находимы были сосуды (примѣры есть въ Одесскомъ музеѣ Общества Исторіи и Древностей), которые, какъ показали изслѣдованія Бёлау, должны быть *милетскаго* происхожденія. Мнѣніе Лётке, что нигдѣ еще не докопались до милетскаго слоя, послѣ нахожденія этихъ сосудовъ, падаетъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что Милетъ въ VIII—VI вв. основалъ до 80 колоній. Въ самое цвѣтущее время Милетъ могъ имѣть maximum 100 тысячъ жителей. Вѣроятно, среди *колоній*, упоминаемыхъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, не мало было простыхъ *факторій* со складами милетскихъ товаровъ. Въ V вѣкѣ Милетъ падаетъ, и на первое мѣсто въ Элладѣ выступаютъ Аѳины. Это краснорѣчиво слѣдуетъ и изъ керамическихъ находокъ. Среди античной посуды въ Ольвіи и Пантикапеѣ видное мѣсто занимаютъ черно-фигурныя вазы (періодъ, когда Аѳины начинаютъ соперничать съ Милетомъ). Дальновидный аѳинскій тиранъ Пизистратъ вступаетъ въ сношенія съ черноморскими колоніями. Разъ завязанныя, эти сношенія продолжаются. Къ періоду послѣ Пизистрата и до греко-персидскихъ войнъ относятся красно-фигурныя вазы древнѣйшаго строгаго стиля, которыя лишь иногда находимы были въ Ольвіи, Пантикапеѣ и на островѣ Левкѣ (Фидониси). Перерывъ, наступившій въ сношеніяхъ Аѳинъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, сказывается почти въ полномъ отсутствіи вазъ строгаго красно-фигурнаго стиля періода высшаго его процвѣтанія. Мало встрѣчается на Югѣ Россіи и вазъ переходнаго и прекраснаго стилей. Аѳины экспор-

тирують въ это время въ Сицилію. Какъ скоро послѣдній рынокъ въ концѣ V вѣка былъ утерянъ, опять начинается ввозъ въ черноморскія колоніи; вотъ почему здѣсь очень много вазъ роскошнаго стиля (конецъ V и IV вѣка). Вскорѣ послѣ паденія Аѳинъ прекращается и выдѣлка красно-фигурныхъ вазъ. Въ III вѣкѣ въ могилахъ греческихъ колоній (гдѣ по традиціи привыкли класть вазы) видимъ „киренскую" и „мегарскую" посуду: вазы этихъ типовъ дѣлались, вѣроятно, и въ самыхъ колоніяхъ и можетъ быть дольше, чѣмъ въ Малой Азіи и Греціи. Когда фабрики въ Аѳинахъ закрылись, то колоніи, нуждавшіяся въ вазахъ для культа умершихъ, сами стали выдѣлывать вазы. Такихъ мѣстныхъ вазъ (Стефани ихъ неправильно назвалъ „полуварварскими) извѣстно теперь до ста (лишь одна такая ваза найдена въ Ольвіи, остальныя—въ Керчи). Эти вазы чисто греческія по общему характеру, но отличаются отъ послѣднихъ лишь худшею техникою. Онѣ ясно говорятъ, что въ III вѣкѣ въ колоніяхъ господствовала греческая культура, и что онѣ стояли въ сношеніяхъ съ греческимъ міромъ. Со II вѣка колоніи находятся въ сношеніяхъ съ Италіей и Римомъ (ручки амфоръ и посуда апулійская (Гнатія), образцы которой есть въ Одесскомъ музеѣ изъ коллекціи Л. Ф. Бруна). Эти сношенія, впрочемъ, едва ли были непосредственныя.

На интенсивность сношеній съ Римомъ, которыя продолжались до конца римскаго господства, указываютъ многочисленныя красно-лаковыя вазы („арретійскія"). Вопреки Драгендорфу, надо признать, что эти вазы не могутъ быть датированы III вѣкомъ до Р. Хр., и вывозъ ихъ изъ Италіи вполнѣ возможенъ. Разумѣется, такія вазы могли дѣлаться и въ самыхъ колоніяхъ (особенно болѣе простыя). Глазированныя вазы съ рельефами, найденныя на Югѣ Россіи, говорятъ о сношеніяхъ черноморскихъ колоній съ Александріей.

Далѣе, докладчикъ указалъ на керамическій матеріалъ, который относится уже къ среднимъ вѣкамъ. На югѣ были находимы керамическія издѣлія византійскія, арабскія, итальянскія. Изученіе этого матеріала значительно труднѣе, чѣмъ изученіе античнаго, но и оно даетъ важные результаты для юга Россіи. Заключая докладъ, авторъ выразилъ желаніе, чтобы были приняты мѣры къ ограниченію хищническихъ раскопокъ на югѣ Россіи, и особенно—въ Ольвіи.

Рѣшено было просить разрѣшеніе на немедленное предпринятіе раскопокъ въ Ольвіи и объ ассигнованіи на то средствъ.

2. В. В. Сусловъ: „*Періодъ упадка древне-русскаго зодчества*".

Докладчикъ ознакомилъ собраніе съ церковными постройками XVI — XVII ст., выражающими періодъ разцвѣтанія у насъ самобытнаго зодчества. Затѣмъ, вслѣдствіе начавшагося общенія (въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича) высшаго русскаго общества съ западомъ, стали появляться въ нашихъ церковныхъ памятникахъ детали западнаго ренесанса. Болѣе значительный поворотъ русской ахритектуры выразился съ постройкою церквей Натальей Кирилловной Нарышкиной. Съ преобладаніемъ детальныхъ украшеній, на обычныхъ фасадахъ русскихъ храмовъ произошли нѣкоторыя видоизмѣненія и основныхъ формъ древняго зодчества. Между прочимъ выработался особый типъ церквей, состоящій изъ прямоугольнаго основанія съ восьмигранными, постепенно уменьшающимися надстройками. Принципіальная черта такихъ сооруженій наблюдается еще въ церквахъ XVI ст. Кромѣ того, типы башенныхъ церквей встрѣчаются въ миніатюрахъ древнихъ рукописей (XV — XVI ст.). Новый пріемъ церковныхъ сооруженій (иногда въ видѣ цѣлой системы башенъ) былъ всегда излюбленнымъ въ Малороссіи и въ Запорожьѣ. Такимъ образомъ, указанный типъ постройки явился отголоскомъ прошлыхъ теченій русскихъ архитектурныхъ формъ.

Детальныя украшенія храмовъ конца XVII и начала XVIII ст. носили характеръ нѣмецкаго барокка, фламандской архитектуры и частью елизаветинскаго и итальянскаго ренесанса. Церкви указаннаго періода, хотя сильно отличались отъ характерныхъ храмовъ цвѣтущаго періода нашей архитектуры, тѣмъ не менѣе носили въ себѣ здравые кон-

структивные пріемы и выражали, до извѣстной степени, продолженіе характернаго русскаго зодчества. Такой ходъ зодчества продолжался и по преобразованіи русскаго государства, пока, наконецъ, новые элементы чисто западнаго искусства по духу и формѣ не вошли къ намъ постольку, поскольку они были приняты болѣе общею русскою жизнью и не образовались спеціальныя школы искусства. Этотъ новый періодъ можетъ относиться къ царствованію Елизаветы Петровны, когда вкусы стали смѣняться модой и все творческое въ искусствѣ перешло на почву исключительнаго подражанія.

Докладчикъ между прочимъ оговорился, что вліяніе западнаго искусства, хотя выражалось и въ предшествующихъ періодахъ русскаго зодчества, но тѣ вліянія не имѣли особеннаго значенія въ историческомъ процессѣ развитія русской архитектуры.

Затѣмъ описанная эпоха упадка русскаго зодчества конца XVII и начала XVII ст. касается по преимуществу городскихъ каменныхъ церковныхъ сооруженій, ибо на окраинахъ сѣвера въ деревянныхъ постройкахъ этого времени продолжалось исконное русское зодчество, и періодъ упадка наступилъ въ этихъ краяхъ лишь въ концѣ прошлаго столѣтія.

IX отдѣленіе. Древности восточныя. 10 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Розовъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Поч. членъ Академіи Наукъ В. В. Вельяминовъ Зерновъ. *Секретарь отдѣленія* Б. А. Тураевъ.

1. Докладъ Л. З. Мсеріанца. *„Ванскіе лексикальные элементы въ армянскомъ языкѣ“*, читанный секретаремъ отдѣленія.

Изученіе языка клинообразныхъ надписей ванской системы даетъ надежду найти рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ въ области армянской грамматики и лексики. До сихъ поръ удалось выдѣлить кое-какіе чуждые элементы этого языка, зашедшіе въ него изъ греческаго, персидскаго и сирійскаго языковъ; среди туземныхъ элементовъ не мало загадочныхъ формъ и словъ. Происхожденіе многихъ изъ нихъ м. б. выяснится изъ языка прежнихъ обитателей Арменіи, цивилизація которыхъ не могла не оставить слѣда. Референтъ указываетъ пока на три ванскихъ элемента въ армянскомъ языкѣ: 1) Армянск.—*til*=ванск. *pi—li* въ значеніи „водопровода“, „канала“, причемъ подкрѣпляетъ доказательства свои и другихъ филологовъ новыми данными: 2) Армянск. предлогъ *uriś*=отдѣльно, не объясняемый изъ индо-европейскаго яз.=ванск. *uliś* (е)= другой; 3) Ванскій суффиксъ *ni* въ армянск. географическихъ и собственныхъ именахъ. Раньше армянск. собственныя имена на *uni* объяснялись изъ глагола *unil* имѣть, несмотря на то, что далеко не всѣ поддаются такой натянутой этимологіи. Между тѣмъ, сопоставленіе нѣкоторыхъ изъ армянскихъ родовыхъ и географическихъ именъ на *uni* съ ихъ ванскимъ эквивалентомъ доказываетъ, что суффиксъ *uni* до-армянскаго происхожденія. Если же въ ванскихъ надписяхъ встрѣчаемъ не только *uni*, но и *nani*, *ini*, *ani*, *oni*, а въ армянскомъ только *uni*, то это объясняется тѣмъ, что *uni*, отожествленное съ армянскимъ глаголомъ *unil*, нашло поддержку въ народной этимологіи.

По выслушаніи доклада, проф. А. С. Хахановъ замѣтилъ, что ванскіе элементы зашли въ армянскій языкъ не непосредственно, а чрезъ грузинъ, жившихъ до прихода армянъ на мѣстахъ ихъ позднѣйшаго поселенія. Это можно видѣть уже изъ приведеннаго г. Мсеріанцемъ слова *til* и, навѣрное, обнаружится еще съ большею ясностью, когда изученіе ванской клинописи подвинется впередъ. Проф. А. В. Розовъ указалъ на важное значеніе этого изученія въ виду уже того, что область Вана была однимъ изъ очаговъ цивилизаціи въ Передней Азіи. Большую важность имѣетъ вопросъ о родствѣ народа, создавшаго эту культуру съ грузинами, интересно ея изученіе и для нашей исторіи. Здѣсь проф. привелъ мѣсто изъ Арріана, который говоритъ, что за 1000 лѣтъ до него жившіе въ Закавказьѣ народы вытѣснены на сѣверъ Ассирійцами“.

2. Докладъ проф. А. С. Хаханова: *„Жизнь и дѣятельность Антонія I, католикоса Грузіи“*.

Референтъ передалъ вкратцѣ біографическія свѣдѣнія изъ жизни Антонія I (въ мірѣ царевичъ Теймуразъ). По семейнымъ обстоятельствамъ, Теймуразъ (род. въ 1721 г.), сынъ царя Іессея, пятнадцати лѣтъ постригся въ монахи и быстро поднялся по іерархической лѣстницѣ: 18 лѣтъ онъ былъ архіереемъ и митрополитомъ Кутаисскимъ, а 24 лѣтъ былъ избранъ соборомъ въ католикосы Грузіи. При царѣ Теймуразѣ II, въ виду увлеченія его флорентійской уніей подъ вліяніемъ католическихъ миссіонеровъ, онъ былъ отрѣшенъ отъ патріаршаго престола и изгнанъ въ Россію, гдѣ, оправдавшись въ своихъ увлеченіяхъ передъ Святѣйшимъ Синодомъ, былъ назначенъ архіепископомъ Владимірскимъ и Ярополъскимъ. При царѣ Иракліѣ II онъ былъ возвращенъ на грузинскій патріаршій престолъ. Пребываніемъ своимъ въ Россіи онъ воспользовался для изученія латинскаго и русскаго языковъ и ознакомился съ извѣстными философскими и богословскими сочиненіями. Здѣсь онъ заготовилъ учебники для задуманныхъ имъ школъ въ Тифлисѣ и др. мѣстахъ по типу славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ, а именно: по философіи, риторикѣ, исторіи и пр. Онъ перевелъ логику, метафизику и философію Баумейстера, физику Вольфа, Кв. Курція и др. Изъ оригинальныхъ трудовъ его важны грамматика въ трехъ видахъ, Готовое Слово — опроверженіе еретическихъ ученій, и Мѣрное Слово — похвала въ честь грузинскихъ царей и дѣятелей.

3. Докладъ проф. Б. А. Тураева: *„Коптскіе тексты, пріобрѣтенные экспедиціей В. Г. Бока въ Египетъ“*.

Референтъ прежде всего отмѣтилъ важное значеніе состоявшейся въ 1897 году экспедиціи русскихъ ученыхъ Голенищева и Бока въ Египетъ. Эта научная экспедиція какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ задачамъ русской науки—изучать христіанскій Востокъ, съ которымъ мы столь тѣсно связаны, и который тяготѣетъ къ Россіи, несмотря на усиленную пропаганду католичества. Результаты экспедиціи В. Бока поставили отдѣлъ Coptika въ Императорскомъ Эрмитажѣ на ряду съ музеями Западной Европы. Коллекція В. Г. Бока изъ привезенныхъ вещей и изъ снятыхъ имъ на мѣстѣ фотографій касается предметовъ греческой, арабской и коптской эпохи исторіи Египта. Предоставляя спеціалистамъ по греческому и арабскому языку разобрать первые два отдѣла, референтъ коснулся отдѣла Coptika, причемъ подробно остановился на *коптскихъ текстахъ*. Послѣдніе можно раздѣлить на три отдѣла. I. Отдѣлъ надписей, которыя по преимуществу являются съ характеромъ надгробныхъ эпитафій. Въ нихъ интересно отмѣтить имена нѣкоторыхъ святыхъ доселѣ неизвѣстныхъ въ церковномъ коптскомъ мѣсяцесловѣ. Въ числѣ надписей есть фотографированные graffiti изъ Большого Оазиса, Бѣлаго и Краснаго монастырей, которые обогатили именословъ и даютъ между прочимъ имя неизвѣстнаго доселѣ художника Меркурія, начала XIV вѣка. II. Переходъ отъ надписей къ текстамъ рукописнымъ составляютъ черепки, на которыхъ встрѣчаются частныя письма, обрывки молитвъ, записки дѣлового характера, квитанціи объ уплатѣ налога. Разборъ ихъ чрезвычайно труденъ, и написаны онѣ по б. ч. безграмотно. III. Это—отдѣлъ уже коптскихъ рукописныхъ текстовъ, писанныхъ на папирусѣ и на бумагѣ. Среди нихъ два текста богословскаго характера: а) отрывокъ на папирусѣ изъ похвальнаго слова Макарію Ткоусскому—писанъ на верхне-египетскомъ нарѣчіи (до сихъ поръ отрывки этого произведенія были извѣстны только на нижнеегипетскомъ) б) отрывокъ, писанъ на бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 8 и 9 пѣснь канона Апуну. Онъ доказываетъ, съ одной стороны, употребленіе мѣстнаго діалекта и греческаго яз., съ другой—большую близость коптскаго богослуженія въ древнія времена къ православію и не въ одной литургіи, а также и въ другихъ службахъ. Также писанъ на бумагѣ отрывокъ, касающійся уже области коптской науки; онъ содержитъ въ себѣ медицинскій или алхимическій рецептъ. Остальные папирусы—дѣлового характера изъ области права.

4. Проф. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе: *„О послѣднемъ разореніи города Самарканда“*. Это разореніе происходило во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія и сопровождалось разрушеніемъ древнихъ памятниковъ. Главный казій г. Самарканда, Миръ-Абу-Саидъ, жившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія и давшій подробное описаніе города въ своемъ сочиненіи „Самарія“, подробно перечисляетъ, какіе изъ прежнихъ монументальныхъ памятниковъ подверглись разрушенію во время совершившагося погрома, но ничего не говоритъ о времени разоренія и о его виновникахъ; изъ разсказа Миръ-Аду-Саида можно видѣть только, что это происходило до воцаренія въ Бухарѣ Шаха-Мурада. Разъясненіе по данному вопросу мы находимъ въ вакуфной записи, принадлежащей двумъ медресе, Ширъ-даръ и Тилля-кари, составленной въ 1229 году гиджры, т. е. въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія и хранящейся въ самаркандскомъ областномъ правленіи. Въ этомъ документѣ сообщается, что въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторые узбекскіе эмиры, совмѣстно съ сосѣдними кочевниками, возмутились противъ своихъ хановъ въ Самаркандѣ, избрали правителемъ Раджабъ-хана и пошли на Бухару. Отъ этого начались смуты, во время которыхъ казаки (киргизы), тѣснимые калмыками, перебрались въ Мавераннагръ (пространство между Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей) и присоединились къ Раджабъ-хану. Они уничтожили своимъ скотомъ поля и вызвали въ Самаркандской области голодъ, вслѣдствіе чего населеніе города устремилось въ другія мѣста. Тогда казаки предались грабежу и неистовствовали до такой степени, что разрушили многія мечети и медрессе. Разрушеніе было настолько серьезно, что многіе изъ этихъ памятниковъ исчезли безъ слѣда и мѣстонахожденіе ихъ осталось неизвѣстнымъ. Въ 1172 г. (1769 г.) въ Мавераннагрѣ утвердился эмиръ Даніялъ и сталъ приводить дѣла въ порядокъ, при чемъ Самаркандскую область поручилъ заботамъ своего сына, Шаха-Мурада. Послѣдній сталъ собирать вакфы и возстановлять нѣкоторыя медрессе; но многіе другіе изъ разрушенныхъ киргизами памятниковъ Тамерлановой эпохи не могли быть возстановлены и, будучи оставленными на произволъ судьбы, быстро пошли къ разрушенію и въ настоящее время пришли въ такое состояніе, что уже не могутъ быть возстановлены.

I отдѣленіе. Первобытныя древности. 10 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель гр. А. А. Бобринскій. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. Н. Анучинъ. *Секретарь отдѣленія* Н. Ф. Бѣляшевскій.

Г. поч. предсѣдатель открылъ засѣданіе рѣчью — о значеніи первобытной археологіи.

1. В. А. Городцовъ. *„Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторической керамики“*. Остатки керамическихъ издѣлій составляютъ самые многочисленные и обильные памятники доисторической жизни человѣка. Большая способность керамическихъ издѣлій противостоять разрушительнымъ вліяніямъ времени, разъ они попали въ почву, дѣлаютъ ихъ столь же, или даже болѣе цѣнными, чѣмъ другіе доисторическіе памятники, не исключая металлическихъ, изъ которыхъ большинство, при одинаковыхъ условіяхъ, легче теряетъ свою форму и даже исчезаетъ совсѣмъ. Гибкость же формъ, удобство матеріала для выраженія артистическихъ способностей человѣка, дѣлаютъ керамическіе остатки вполнѣ удобными не только для опредѣленія относительной древности, но и для изученія многихъ сторонъ самой культуры, ея зависимости отъ болѣе высокихъ и вліянія на болѣе низкія, и такимъ путемъ даетъ возможность слѣдить за вѣковымъ прогрессомъ человѣческой жизни, протекшей за предѣлами исторіи. Все это можетъ поставить знаніе доисторической керамики на уровень другихъ научныхъ знаній или дисциплинъ, вродѣ нумизматики, сфрагистики, геральдики и т. п. Но для того, чтобы поставить ее на высоту названныхъ дисциплинъ, необходимо сначала выработать опредѣленную номенклатуру и систему описанія.

Требуемая номенклатура должна дать возможность изслѣдователю быстро и точно характеризовать предметы какой угодно доисторической коллекціи не только при кабинетной обстановкѣ, но и въ полѣ, на мѣстѣ раскопокъ. Такому требованію могла бы удовлетворить табличная система, имѣющая въ основѣ однообразную номенклатуру, при чемъ изслѣдователю оставалось бы дѣлать только краткія отмѣтки противъ заранѣе заготовленныхъ въ таблицахъ терминовъ. Къ такимъ признакамъ можно было бы отнести: 1) качество глины издѣлій, 2) силу ихъ обжига, 3) общія или силуэтныя формы и, наконецъ, 4) орнаментъ. При этомъ удобнѣе всего описаніе систематизировать, сообразно естественному ходу фабрикаціи керамическихъ издѣлій, а при выработкѣ терминовъ — придержаться наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ въ имѣющейся литературѣ и живой народной рѣчи, къ разъ же установленнымъ терминамъ прибавлять новые не иначе, какъ съ достаточнымъ основаніемъ и ссылкою на синонимы, если таковые въ литературѣ окажутся. При такихъ условіяхъ знаніе керамики можетъ скоро стать на твердую почву и принести большую пользу въ познаніи доисторической жизни человѣка. Референтъ представилъ образецъ подобной системы, поясняя разные типы рисунками.

2. Д. И. Эварницкій: „*Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ*".

Референтъ сообщилъ о результатѣ раскопокъ въ имѣніи А. Н. Синельникова, Михайловѣ-Апостоловѣ, Херсонскаго у., и хуторѣ Зироньки, имѣніи О. В. Волковой, Александрійскаго у., Херсонской губерніи. Въ имѣніи Михайлово-Апостолово, на 14,000 десятинъ земли имѣется больше 90 кургановъ. Изъ нихъ три оказались скиѳскими курганами: Бабы, Роскопана и Безименна. Въ курганѣ Бабы найдено было 26 золотыхъ вещей, нѣсколько серебряныхъ, нѣсколько бронзовыхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ: большая золотая пластинка съ мордами дикихъ кабановъ, пластинка съ фигурой оленя, нѣсколько пластинокъ съ изображеніями зайчиковъ, спящихъ львовъ. Въ курганѣ раскопанной могилы найдены: удила, куски золотыхъ пластинокъ, греческая амфора, единственный въ своемъ родѣ бронзовый котелъ, вѣсомъ 1 пудъ 5 фунтовъ, съ изображеніемъ бычачьихъ головъ, пальметокъ и щитковъ. Въ обоихъ курганахъ открыты были въ центрѣ камеры и по 4 ниши въ каждомъ углу, и кромѣ того—изъ сѣверо-западной ниши—длинные, больше 4 саженъ, ходы. Ходы были сплошь забиты камнями и землей, сверху—также завалены камнями и засыпаны известью, что подало поводъ референту утверждать, вопреки распространенному мнѣнію, что эти ходы не есть грабительскіе ходы. Рядомъ съ курганами скиѳскими, въ с. Михайловѣ-Апостоловѣ открыты были курганы каменнаго вѣка: Зажарина, Дзыглина, Пивнева и др. Въ нихъ обнаружены погребенія въ ямахъ, ниже линіи горизонта, по одному скелету, въ различныхъ положеніяхъ, большею частью въ скорченномъ; скелеты окрашены минеральною краской или сплошь, или по частямъ (голова, руки, ступни ногъ). Въ этихъ же курганахъ открыты были и погребенія позднѣйшаго времени. Въ курганѣ Поцѣлуевомъ, въ хуторѣ Зироньвѣ, найдено было шесть цѣльныхъ погребеній и нѣсколько отдѣльныхъ костей человѣка. Бѣдность находокъ и культура заставляютъ отнести сооруженіе этого кургана ко времени степныхъ кочевниковъ, жившихъ въ пастушескомъ быту.

3. Л. К. Житынскій: „*Находки каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыря*".

Къ научнымъ изслѣдованіямъ и раскопкамъ на Волыни гг. Волошинскаго, Оссовскаго, Радзиминскаго, Глогера, Маевскаго, проф. Антоновича—референтъ прибавляетъ собранныя имъ извѣстія, нигдѣ не зарегистрованныя — а именно: находки и раскопки на поляхъ сс.: Вербня, Хриникъ, Красова, Злачевки, Краснаго, Жабокрикъ, Метишана-Лагодовки, Еловичь, Борятина, Теремна, Кисилина, гдѣ нашлись орудія, характеризующія каменный вѣкъ. Въ концѣ референтъ упомянулъ объ особеннаго типа топорикахъ, числомъ 117, найденныхъ въ бассейнѣ р. Западнаго Буга и Стыря, о которыхъ привелъ нѣкоторые отрывки изъ подробнаго описанія этихъ орудій г. Эразма Маевскаго, подъ заглавіемъ: „Toporki kamienne (casse-tête) w okolicach Bugu i Styru".

V отдѣленіе. Древности церковныя. 11 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Половцевъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Н. В. Покровскій. *Секретари отдѣленія*: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. М. И. Успенскій прочелъ рефератъ свой и В. И. Успенскаго *„О школахъ въ русской иконописи"*. Въ рефератѣ доказывалось, что принятая классификація иконъ по школамъ недостаточно обоснована и, въ виду этого, предлагалось пользоваться болѣе научной классификаціей — по эпохамъ или періодамъ иконописанія, намѣченной нѣкоторыми учеными.

В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ *„Къ вопросу о методѣ изученія русскихъ школъ иконописанія"*. Не рѣшаясь отвергать существованія школъ въ русской иконописи, референтъ не признаетъ, однако, научнаго значенія за опредѣленіями и характеристиками ихъ въ литературѣ 50—60-хъ годовъ. Необходимо привести въ извѣстность и обслѣдовать датированные памятники древне-русской иконографіи—стѣнописи, иконы, миніатюры, иконописные подлинники, рѣзьбу по дереву и металлу и т. п., и уже послѣ этого приступить къ изученію направленій въ иконописаніи, выразившихся въ трактовкѣ иконографическихъ сюжетовъ и техникѣ: рисункѣ, колерахъ и краскахъ. При этомъ не должны быть игнорируемы и наблюденія, сдѣланныя любителями и собирателями иконъ, какъ плодъ многолѣтняго и тщательнаго изученія. Референтъ заключилъ докладъ пожеланіемъ скорѣйшаго изученія вышеназванныхъ памятниковъ.

2. О. А. Фотинскій сдѣлалъ докладъ: *„Побратимство и чинъ братотворенія"*. По изслѣдованію г. Фотинскаго, общій всѣмъ народамъ древности обычай побратимства въ VI — VII вѣкахъ освящается особымъ чинопослѣдованіемъ, постепенно развивающимся до XVII вѣка. Въ Россіи онъ получилъ широкое распространеніе и держался даже послѣ запрещенія его церковью. Въ настоящее время побратимство и чинъ братотворенія сохранились лишь по мѣстамъ въ юго-славянскихъ земляхъ. Побратимство считалось духовнымъ родствомъ и, кажется, сопровождалось извѣстными имущественными отношеніями. Южно-русскія церковныя братства возникали изъ иныхъ побужденій, а потому требовали иного чина. Впрочемъ, въ началѣ XIX вѣка вступленіе въ братство сопровождается чинопослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія.

М. И. Успенскій обратилъ вниманіе на разнорѣчіе о чинѣ братотворенія литургическихъ и юридическихъ памятниковъ русской церкви XVII вѣка: въ Іосифовскихъ, напримѣръ, Потребникахъ этотъ чинъ помѣщенъ безъ оговорки объ его запрещеніи, но въ Номоканонѣ при тѣхъ же самыхъ Потребникахъ братотвореніе называется „законопреступнымъ". Проф. Н. В. Покровскій указалъ референту что чинопослѣдованія, изданныя Гоаромъ, не обнимаютъ всей полноты греческихъ литургическихъ источниковъ, и отсутствіе въ Евхологіонѣ Гоара молитвъ, помѣщенныхъ въ славянскихъ Потребникахъ, не можетъ служить доказательствомъ славяно - русскаго происхожденія этихъ молитвъ.

3. Проф. прот. І. Н. Корольковымъ сдѣланъ докладъ: *„Изображенія эллинскихъ мудрецовъ и сивиллъ въ русскихъ православныхъ храмахъ"*. Сказавши, что въ храмахъ Москвы, Новгорода, Пскова, Владиміра и др. встрѣчаются изображенія греческихъ философовъ и сивиллъ съ ихъ изреченіями на свиткахъ, докладчикъ обратилъ вниманіе на эти изреченія, содержащія въ себѣ христіанскія истины и возвышенныя нравственныя сентенціи. На востокѣ,—напр., на Аѳонѣ,—греческіе мудрецы издавна изображались съ подобными изображеніями.

VI отдѣленіе. Памятники языка и письма. 11 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель П. В. Владиміровъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Н. И. Петровъ. *Секретари:* А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

Проф. Д. И. Абрамовичъ: *„Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца“*. Референтъ остановился на одномъ изъ источниковъ для изученія литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца—Кіево-печерскомъ Патерикѣ. Въ общемъ составѣ Печерскаго Патерика литературные труды Нестора издавна занимаютъ очень видное и почетное мѣсто: сюда входитъ его Житіе преп. Θеодосія Печерскаго и рядъ лѣтописныхъ статей, касающихся исторіи Печерской обители во вторую половину XI столѣтія,—общихъ Патерику съ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Что особенно важно, болѣе или менѣе внимательное отношеніе къ различнымъ редакціямъ (Арсеніевской, Кассіановской первой и второй, ред. Іосифа Тризны, Сильвестра Коссова и славянск. печатн.) Патерика даетъ возможность прослѣдить литературную исторію произведеній Нестора, пользовавшагося значительной популярностью въ нашей древней письменности. Въ текстѣ Житія докладчикъ отмѣтилъ цѣлый рядъ такихъ или иныхъ измѣненій позднѣйшаго происхожденія, изъ которыхъ многія (напр., названіе преп. Θеодосія архимандритомъ всея Россіи, сопоставленіе его съ Θеодосіемъ Іерусалимскимъ и сцена прощанія съ великимъ княземъ Святославомъ) носятъ, несомнѣнно, тенденціозный характеръ и стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ общей исторіей Печерской обители во второй половинѣ XII вѣка, когда названная обитель была возведена на степень архимандритіи, а ея настоятель получилъ санъ архимандрита. Не мало интереса представляетъ Патерикъ, разсматриваемый въ разныхъ его изводахъ, и для изученія давняго вопроса о такъ называемой Несторовой лѣтописи *). Этотъ вопросъ долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о Повѣсти врем. лѣтъ, въ томъ смыслѣ, что Несторова лѣтопись не можетъ быть отождествлена съ Повѣстью, какъ одна изъ составныхъ ея частей. Особенную важность имѣетъ въ данномъ случаѣ Кассіановская ред. 1460 и 1462 г. Что же касается позднѣйшихъ, то онѣ, имѣя въ основѣ текстъ Кассіановской второй ред., ничего новаго не даютъ для уясненія литературы исторіи нашей лѣтописи. Слѣдуетъ развѣ замѣтить, что у Сильвестра Коссова, Іосифа Тризны (?) и Каллистрата Холошевскаго—весь Патерикъ приписывается Нестору; но это, конечно, простое недоразумѣніе, съ которымъ можно и не считаться.

2. Проф. Н. В. Волковъ: *„О древнѣйшихъ церковно-славянскихъ нотныхъ книгахъ“*. Одной изъ задачъ историческаго изученія памятниковъ церковно-славянскаго языка является возстановленіе его въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ моментъ появленія въ письменности при Кириллѣ и Меθодіи и ихъ сподвижникахъ, т. е. во 2-ую половину IX и въ нач. X в. Между главными источниками знакомства съ этой порой церковно-слав. языка должны занять весьма крупное мѣсто нотныя книги, несмотря на то, что онѣ идутъ лишь съ конца XI и первой половины XII вѣка. По особеннымъ условіямъ своего письма, онѣ и въ болѣе позднихъ спискахъ до такой степени сохранно удерживаютъ нѣкоторыя изъ чертъ древняго происхожденія, что нотныя книги XIII вѣка оказываются болѣе архаичными, чѣмъ не нотные списки XI в.

Нотными книгами называются такіе списки церковныхъ пѣснопѣній, въ которыхъ текстъ сопровождался нотными знаками. Отъ древняго времени дошли до насъ нотные стихирари, кондакари, ирмологи, тріоди, трефологи или минеи, избранныя и полныя книги миней служебныхъ; позднѣе являются нотные октоихи и обиходы. Системъ нот-

---

*) Достаточно припомнить, что именно въ Печ. Патер. находится классическое въ своемъ родѣ, единственное доказательство въ пользу авторства Нестора по отношенію къ лѣтописи.

наго обозначенія было двѣ — знаменная и кондакарная, обѣ безлинейныя, но съ тою разницею, что кондакарная, кромѣ постановки требуемой ноты надъ каждой гласной, прибѣгала еще къ растяженію ея посредствомъ повторенія для указанія силы тона. Обѣ системы нотъ славяне унаслѣдовали отъ византійскихъ грековъ, у которыхъ гимнографія получила блестящее развитіе въ VIII и IX вѣкахъ. Кондакарная система была такъ рѣдка у грековъ, что въ настоящее время сохранились лишь слѣды ихъ, но не дошло ни одного полнаго кондакаря. Тоже явленіе замѣчается и въ русской письменности, гдѣ нотные кондакари исчезаютъ уже въ XIII в. Церковно-славянскія нотныя книги сохранились только въ русскихъ спискахъ и въ одной Россіи, но по переводу и языку онѣ древне-болгарскаго происхожденія. До насъ дошло около 50 нотныхъ списковъ XI—XIV вв. Южно-славянскихъ нотныхъ списковъ не сохранилось, но, какъ показываетъ сравненіе русскихъ нотныхъ списковъ съ южно-славянскими не нотными, переводъ и языкъ въ тѣхъ и другихъ были одни и тѣ же. Между русскими списками есть, впрочемъ, одинъ—XIII в., представляющій собою копію съ болгарскаго нотнаго списка конца XII или начала XIII в. Переводъ и положеніе на ноты главнѣйшихъ пѣснопѣній произошло уже въ кирилло-меѳодіевскую эпоху, а потомъ нотныя книги исправлялись и дополнялись. Въ числѣ особенностей перевода слѣдуетъ отмѣтить приспособленіе славянскаго текста къ греческому и по стихотворному размѣру, выразившееся главнымъ образомъ въ сохраненіи количества слоговъ греческаго подлинника.

Самое важное значеніе нотныя книги имѣютъ для изученія древняго языка, такъ какъ характеръ нотнаго обозначенія помогъ ему удержать въ замѣчательной неприкосновенности нѣкоторыя весьма древнія черты. Въ особенной цѣльности является въ нотныхъ книгахъ система глухихъ гласныхъ ъ и ь, которыя уцѣлѣли въ нотныхъ книгахъ, какъ ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянскаго языка. Далѣе, нотныя книги даютъ богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о распространенности формъ съ колеблющимся количествомъ слоговъ и о тѣхъ случаяхъ, гдѣ могло быть стяженіе, а иногда и для опредѣленія характера звука — въ кондакарной системѣ. Однимъ словомъ, значеніе нотныхъ списковъ состоитъ въ томъ, что онѣ содержатъ въ себѣ весьма цѣнныя данныя для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ древняго болгарскаго языка и даютъ возможность отыскать первую редакцію перевода церковныхъ пѣснопѣній съ греческаго языка на славянскій, совершеннаго въ кирилло-меѳодіевскую эпоху.

VIII отдѣленіе. Древности южныхъ и западныхъ славянъ. 11 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель депутатъ Высшей Школы въ Софіи проф. Л. Г. Милетичъ. *Предсѣдатель отдѣленія* проф. В. И. Ламанскій. *Секретари отдѣленія:* проф. В. Н. Златарскій и Н. Э. Глокке.

Послѣ привѣтствія почетному предсѣдателю, сказаннаго предсѣдателемъ отдѣленія, и отвѣта Л. Г. Милетича, проф. Т. Д. Флоринскій доложилъ: „*О происхожденіи и имени моравскихъ Валаховъ*“.

Въ юго-восточной Моравіи, въ области рѣки Бечвы, на склонахъ западныхъ Карпатовъ, на территоріи мѣстечекъ Злина, Вызовицъ, Всетина, Валашскихъ Клобуковъ и др. живетъ этнографическая разновидность Моравскаго племени, не превышающая по своей численности 150,000 душъ и называемая валахами. Этотъ пастушескій народъ, занимающійся преимущественно овцеводствомъ, сохранилъ въ своемъ быту много патріархальныхъ чертъ, народныхъ пѣсенъ, старинныхъ преданій и сказокъ. Валашское нарѣчіе считается однимъ изъ самыхъ консервативныхъ, оно отличается наибольшей чистотой и красотой изъ всѣхъ чехо-моравскихъ нарѣчій, приближаясь къ языку сосѣднихъ словаковъ. Одну изъ особенностей нарѣчія моравскихъ валаховъ составляетъ присутствіе въ немъ нѣкотораго количества словъ румынскаго происхожде-

нія. Интересъ къ этому народу возникъ въ сравнительно недавнее время, вопросъ объ его языкѣ и происхожденіи былъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ печати. Мнѣнія ученыхъ по этому вопросу раздѣлились на двѣ группы: одни видятъ въ моравскихъ валахахъ слѣды румынской крови и считаютъ ихъ въ большей или меньшей степени ославяненными румынами. Другіе, напротивъ, отрицаютъ ихъ этническое сродство съ румынами, считая ихъ исконнымъ чистымъ славянскимъ народомъ. Представителями перваго мнѣнія являются братья Иречки, Д. И. Мартіану, Францъ Миклошичъ, который, главнымъ образомъ, развилъ и обосновалъ эту теорію, Францъ Бартошъ, Пастрнекъ, Малиновскій и румынскій ученый Бурада. Подъ вліяніемъ болѣе внимательныхъ наблюденій надъ языкомъ и народностью моравскихъ валаховъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей словаковъ и польскихъ горалей, возникло второе мнѣніе объ ихъ исконномъ славянскомъ происхожденіи. Представителями этого мнѣнія являются проф. Пичь, I. Шкультети, словенскій писатель и филологъ, и М. Вауловекъ, такъ много сдѣлавшій для изученія моравской Валахіи. Непосредственныя наблюденія референта надъ моравскими валахами въ теченіе лѣта 1898 года привели его къ тому же заключенію.

1. Физическій видъ, особенности быта, преданія, пѣсни и самый языкъ моравскихъ валаховъ указываютъ на то, что они представляютъ типъ чистаго славянскаго народа, близко стоящаго, съ одной стороны, къ прочимъ вѣтвямъ моравскаго племени, съ другой—къ угорскимъ словакамъ.

2. Черты языка и быта заставляютъ считать моравскихъ валаховъ выселенцами изъ области угорскихъ словаковъ и прилегающихъ моравскихъ областей.

3. Не имѣется никакихъ историческихъ указаній или преданій о поселеніи румыновъ на территоріи моравскихъ валаховъ.

4. Что касается румынскихъ словъ въ ихъ языкѣ, то словъ этихъ всего два-три десятка, при томъ почти всѣ они относятся къ обозначенію предметовъ пастушескаго быта, и такія слова, даже въ еще большемъ количествѣ, встрѣчаются въ языкѣ сосѣднихъ славянскихъ племенъ: словаковъ, польскихъ горалей и др. Присутствіе этихъ словъ указываетъ только на общеніе вышеупомянутыхъ славянскихъ племенъ съ румынскими пастухами.

5. Названіе „валахи" первоначально не имѣло значеніе собственнаго имени народа, а лишь нарицательнаго его прозвища сообразно съ занятіемъ. До сихъ поръ еще у многихъ славянскихъ народовъ пастухи называются валахами (словацк.—volach). Единственная трудность въ этомъ вопросѣ состоитъ въ полногласіи формы „валахъ".

Проф. Ю. И. Поливка, въ дополненіе указалъ на статью Прасека въ „Этнографическомъ сборникѣ".

Проф. В. И. Ламанскій отмѣтилъ любопытное сходство въ бытѣ горцевъ сѣверной Италіи, Тироля и моравскихъ валаховъ. „Валахъ" не дифференцированная форма, а древняя, хотя и въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ русскаго, возможны полногласныя формы, напр., въ сербскомъ. Въ Моравіи нѣтъ народовъ этнографически чистыхъ. Самое слово Моравія кельтскаго происхожденія.

Проф. И. П. Филевичъ, указалъ: 1) на схему физическихъ признаковъ дѣтей школьнаго возраста Чехіи, Моравіи и Силезіи, гдѣ повсюду наблюдается одинъ общеславянскій типъ, и во 2) на топографическую карту области моравскихъ валаховъ съ подробной номенклатурой и полнымъ отсутствіемъ дублетовъ въ названіяхъ. Важно и необходимо изслѣдовать Прикарпатскую область.

2. Проф. В. Н. Златарскій: *„Гдѣ нужно искать первую болгарскую столицу"*.

Обыкновенно первой болгарской столицей считаютъ Преславъ (у византійцевъ—*ἡ μεγάλη Πρεσθλάβα)*, который находился въ 20 километрахъ къ юго-западу отъ гор. Шумлы. Этотъ городъ, по описанію Іоанна экзарха, отличался своей красотой и богатствомъ, но, къ сожалѣнію, отъ него теперь ничего не осталось надъ землею, кромѣ трехъ кусковъ отъ стѣнъ, такъ называемаго, „внутренняго города" т. е. кремля. Проб-

ныя раскопки, предпринятыя докладчикомъ, въ 1897 году показали на мѣстѣ стараго Преслава два слоя, отдѣляемыхъ цѣлымъ рядомъ столѣтій: ѳракійскій и болгарскій, или, лучше Преславскій. По историческимъ даннымъ, а также и по археологическимъ остаткамъ древняго Преслава, референтъ доказываетъ, что Преславъ сталъ болгарской столицей только со времени князя Бориса или же во всякомъ случаѣ не раньше крещенія болгаръ, резиденцію же первыхъ болгарскихъ князей до князя Бориса проф. В. Н. Златарскій видитъ въ четырехугольномъ валѣ, который находится въ 5 километрахъ разстоянія на сѣверо-западъ отъ города Новый Базаръ (Шуменскій округъ) при селѣ Абоба. Въ этомъ четырехугольномъ валѣ различаются на поверхности земли три группы разрушенныхъ строеній, которыя носятъ у мѣстнаго турецкаго населенія названія „Гисаръ-Ери", т. е. мѣста крѣпости, „Сарай-Ери" — мѣсто дворца, и „Килисе-Ери" — мѣсто церкви. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, эти мѣста служили долгое время туркамъ карьерами по добычѣ хорошо обтесаннаго готоваго камня для постройки частныхъ и общественныхъ зданій. И теперь эти камни, испещренные особыми знаками, можно видѣть въ оградѣ мечети въ Новомъ Базарѣ.

Валъ имѣетъ форму почти правильнаго четырехугольника, длинные стороны котораго, идущія съ сѣвера на югъ, тянутся на три километра, а узкія — на два. Внѣ вала, неподалеку отъ него, обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько отдѣльныхъ группъ могилъ, въ количествѣ отъ 8 до 14, расположенныхъ частью концентрически, частью рядами—по три или по четыре. Но особенный интересъ представляетъ такъ наз. „Девъ-Таши", т. е. камни исполиновъ, которые также находятся внѣ вала, неподалеку отъ него. Это группа громадныхъ каменныхъ глыбъ неправильной формы, расположенныхъ въ стоячемъ положеніи весьма правильными рядами. Такія группы находятся въ 4 или 5 мѣстахъ на разстояніи $^1/_2$ километра отъ вала, и изъ нихъ лучше всего сохранилась южная группа, состоящая изъ 81 камня по 9 въ рядъ на разстояніи $4^1/_2$ метра одинъ отъ другого. Несомнѣнно, какъ эти группы „камней исполиновъ", такъ и могильники находятся въ непосредственной связи съ тѣмъ городомъ, который былъ нѣкогда окруженъ этимъ четыреугольнымъ валомъ. Раньше видѣли въ валѣ римскій лагерь. Но всѣ находящіеся здѣсь остатки носятъ на себѣ варварскій характеръ, и по происхожденію своему относятся къ эпохѣ первыхъ болгарскихъ князей, ибо:

1. Обычай окружать свою резиденцію высокимъ валомъ существовалъ у всѣхъ тюркско-татарскихъ повелителей. Не чужды были этого обычая и первые болгарскіе князья, или какъ они себя сами называютъ, ханы, какъ это видно изъ отвѣтовъ папы Николая I на вопросы князя Бориса.

2. Сходство въ устройствѣ четырехугольнаго вала при деревнѣ Абоба съ пограничнымъ валомъ между Византіей и Болгаріей, извѣстнымъ подъ именемъ „Эркессія", и относящимся ко времени болгарскаго князя Тервеля, преемника Аспаруха,—даетъ намъ основаніе отнести оба вала къ одной и той же эпохѣ.

3. Всѣ извѣстные до сихъ поръ этнографическіе памятники, написанные на греческомъ языкѣ, но относящіеся къ исторіи Болгаріи до принятія христіанства, были открыты, а нѣкоторые и до сихъ поръ находятся въ ближайшихъ около этого четырехугольнаго вала турецкихъ деревняхъ и кладбищахъ и, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, были привезены изъ „Гиссара" при селѣ Абоба. Какъ мѣстонахожденія этихъ надписей, такъ и самыя надписи, которыя, большею частью, относятся ко времени князя Омортага и сына его Маламира, референтъ считаетъ самымъ вѣскимъ доказательствомъ того, что какъ четырехугольный валъ, такъ и самый городъ, окруженный имъ, болгарскаго происхожденія.

4. Не менѣе говорятъ въ пользу этого и топографическія данныя, представляемыя извѣстною надписью Омортага, находящіяся въ церкви 40 муч. въ Тырновѣ,—о разстояніи вновь построенной имъ гробницы отъ стараго „Αὐλή" и новаго построеннаго имъ же „преславнаго дома" на Дунаѣ.

Итакъ резиденцію болгарскихъ князей до принятія христіанства нужно искать при селѣ Абоба, въ этомъ четырехугольномъ валѣ, и что Преславъ сталъ болгарской столицей въ концѣ второй половины IX в.—фактъ, который несомнѣнно находится въ тѣсной связи съ перемѣной религіи, на что ясно указываетъ событіе, послѣдовавшее въ Болгаріи тотчасъ послѣ крещенія — возстаніе болярь. Князь Борисъ, быть можетъ, принужденъ былъ перенести свою столицу изъ стараго *Αὐλή* на мѣсто позднѣйшаго Преслава для того, чтобы уничтожить всякія воспоминанія о старой религіи и этимъ успокоить государство.

Въ заключеніе референтъ указалъ на то, что вопросъ этотъ онъ не считаетъ еще окончательно рѣшеннымъ и что только систематическія раскопки могутъ подтвердить справедливость его предположенія.

Проф. В. И. Ламанскій, не читая, за позднимъ временемъ, представилъ *„Замѣтку объ ясахъ аланахъ“*.

Это несомнѣнно русская форма слова асы, имени аланъ. Въ нынѣшней Южной Россіи, гораздо ранѣе VI в. до Р. Х., жили и господствовали скиѳы; во II же в. до Р. Х. ихъ смѣнили соплеменные имъ сарматы. Значительная часть скиѳовъ несомнѣнно слилась съ соплеменными имъ сарматами, которые собственно утвердили вмѣсто скиѳской свою династію. Во II в. нашей эры падаетъ господство сарматовъ. При господствѣ готовъ, народности скиѳскія и сарматскія продолжали жить въ южныхъ нашихъ степяхъ, хотя и утратили свою силу и значеніе своихъ царей. Съ постепеннымъ появленіемъ съ IV в. въ этихъ краяхъ тюрковъ—въ лицѣ гунновъ, болгаръ, аваръ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ—точно также не исчезли остатки скиѳовъ и сарматовъ. Всѣ они мало-по-малу слились въ одну народность—аланскую, которая и по выдѣленіи изъ себя неслабыхъ массъ, удалившихся далеко на западъ съ готами (въ Галлію, Испанію), вѣроятно также, хотя и не въ такомъ же числѣ,—съ гуннами Аттилы и съ аварами. Во всякомъ случаѣ, въ XI—XIV в., и въ половецкое господство, и по покореніи прежнихъ Половецкихъ степей татарами, исторія находитъ алановъ, асовъ или по-русски ясовъ,—въ южной Россіи и потомъ вмѣстѣ съ половцами въ Молдавіи и далѣе на западъ—въ Венгріи.

Изъ свидѣтельствъ русскихъ лѣтописей XII в., фр. путешественника Рубруквиса XIII в. мы знаемъ, что въ степяхъ черноморскихъ и въ Крыму жили аланы = ясы и русскіе. Византійскіе греки и арабскіе писатели (XIV в.) единогласно говорятъ о красивомъ типѣ ногаевъ и кипчаковъ. Надо полагать, что прежде половцы, а потомъ и ногаи были въ этихъ степяхъ господствующимъ, но далеко не исключительно, по количеству, преобладавшимъ элементомъ. Что алановъ-ясовъ было очень много (еще въ XIII—XIV в.), это видно изъ извѣстій арабскихъ писателей о кипчакахъ и Золотой ордѣ (см. сборн. Тизенгаузена, а также изъ извѣстій флорентинца Мариньолы, прожившаго въ Китаѣ около 5 лѣтъ (отъ 1339 или 1340 до пол. 1346 г.). По его словамъ, алановъ или ясовъ въ Китаѣ, въ его время было до 30 тысячъ, что вообще это „народъ большой и благородный, красивый и сильный“. Также отзывается объ аланахъ *(μεγάθυμον ἔθνος)* и Георгій Пахимеръ, по случаю ухода отъ ногаевъ 16 тысячъ аланъ на службу къ византійцамъ. „Алане считаются лучшими, какими ни на есть, всадниками на Востокѣ“. Такъ отзывается объ этихъ аланахъ Каталонская хроника Раймона Мунтемера. Позже, въ 1322 году, мы снова, по свидѣтельству І. Кантакузина, находимъ аланъ подъ Филиппополемъ, у болгаръ—на этотъ разъ съ русскими *), точно такъ же, какъ въ 40-хъ годахъ XIV в. у монгольскихъ хановъ въ Китаѣ, единовременно съ аланами, ясами, служатъ и русскіе полки. Какъ въ IV в. съ готами отъ гунновъ ушла часть аланъ на западъ, такъ отъ татаръ въ 1238 г. часть аланъ ушла съ частью

---

*) Отрядъ 1000 всадниковъ аланъ и болгаръ и двѣ тысячи пѣхотинцевъ, легковооруженныхъ, съ короткими щитами. Называютъ ихъ *μαχιμώτατοι*.

половцевъ въ Венгрію (при Белѣ IV). Раньше еще были аланы — ясы и въ Молдавіи (Куманіи) вмѣстѣ съ половцами и русскими (бродниками); память объ ясахъ сохраняется въ имени гор. Яссъ (Яши). Въ сербскомъ документѣ (Стефана Душана) упоминается подъ 1330 г. „господство яшко". — Послѣ поселенія половцевъ Кутена или Хотена въ Венгріи въ 1238 г. появляются въ ней и *ясы — Iassones, Iassini* (Iasones, Iasini-по-мадьярски Iasz во множ. — Jaszok). Въ XV в. въ грамотахъ Сигизмунда и позднѣе вм. этого слова появляется Philistaei отъ нѣм. Pfeil-sagitta, хотя употребляется и *Iazones*. *Iasones*—напр. 1425 (Philistaeorum seu Iazonum capitaneis). Также эти ясы называются въ это же время и *Philistini*, иногда въ одномъ и томъ же документѣ. Съ Леопольда I является для ясовъ уже новое названіе *язиговъ* (1668), *Iazyges*, Cumani seu Philistaei; Philistaeos seu *Iezyges* 1673 pro *Iazygibus* et *Cumanis* 1696. Districtus *Iazygum* (также *Iacygorum*) et *Cumanorum* (1702). (См. Fejér Cod. diplom. Hungariae T. VIII. V. III. Budae 1832 pp. 5 sq.).

Слова *филистины* и *филистэи*, а также *язиги* были названія ученыя, искусственныя, книжныя. Въ народѣ держалось и держится одно слово—*Iasz*. Гунфаловъ (Ethnogr. v. Ungarn. Budapest. 1877. S. 244 сл.) утверждаетъ, что *Iasz*, *Iaszok* есть то же-самое, что слово ijász—стрѣлецъ, отъ мадьярск. у—*стрѣла*. Но тутъ Гунфаловъ только повторяетъ старое утвердившееся въ Венгріи мнѣніе. Оно высказывалось уже и Чернигомъ въ 1855 г. (Ethngr. d. özt. Mon. B. II. Ss. 195 flg.), Фейеромъ (ib.) въ 1832 г., а вѣроятно и другими. Но это ничто иное, какъ народная этимологія. Если у мадьяръ понынѣ имѣется слово *yász* для стрѣлка, то съ какой стати для обозначенія половцевъ стрѣлками, они бы перемѣнили свое yasz на *Iasz*. Дѣло въ томъ, что Iasz, Iaszok есть русская и вообще слав. ф. аланскаго As (Os) *яс ясин*. На отдѣленность *ясовъ* (Iasones, Iasmi) отъ половцевъ, кумановъ, по-мадьярски *куновъ*—указываетъ, что они всегда упоминаются хоть и вмѣстѣ, но особо -(съ союзомъ et). Если ясы венгерскіе были бы тѣ же половцы, то для нихъ не было бы особаго названія; не нѣкоторые только половцы, а всѣ умѣли стрѣлять изъ лука. И выраженіе „стрѣльцы и куны" не имѣло бы никакого смысла. Самое названіе язиговъ, явившееся въ к. XVII в. въ оффиціальной венгерской латыни, скорѣе указываетъ на то, что еще до к. XVII в. ясы въ Венгріи отличались и своимъ типомъ, частью даже своимъ языкомъ и своимъ самосознаніемъ, и что кто-нибудь изъ ученыхъ и начитанныхъ людей въ Венгріи догадался, что ясы—аланы, - слѣдов. сарматы, и какъ въ Панонія еще до 567 г. жили аланы, ушедшіе въ 568 г., съ лангобардами въ Италію, то и сдѣлано было предположеніе, что ясы - остатки сарматовъ, язиговъ, жившихъ нѣкогда на Тиссѣ. На аланское же, иранское происхожденіе ясовъ венгерскихъ указываютъ и нѣкоторыя личныя имена этихъ ясовъ: Iaszok, Iasinorum, случайно сохранившіяся до насъ въ латино-венгерскихъ грамотахъ. Напр., въ грам. Карла Роберти 1323 г., данной нѣкоторымъ ясамъ. (Fejér Cod. dipl, VIII. Vol. III pp. 472—474)—*Larsan* filius *Zocan*, *Iwackan* filius *Furduh*, *Iakolus* filius *Keskene*, *Chareth* filius *Ambultan*, *Demetrius* filius *Pubul*, *Stephanus* filius *Beegzan*, *Paulus* filius *Mokzun*, *Andreas*, *Chakan*, *Zackaraz*, et *Georgius* filius ejusdem, *Demetrius* filius *Kurman*, *Hurz*, *Arpan*, *Andreas* filius *Zvagan*, *Zaduch* filius *Kolhen*, *Georgius* filius *Magyar*, et *Petrus* filius *Chomoz*, *Iazones fideles nostri*. Останавливаясь на этихъ личныхъ именахъ, мы находимъ, что изъ 18 человѣкъ (ясовъ) 10 носятъ имена христіанскія—все хотя не безызвѣстныя и римскимъ католикамъ, но преимущественно, обычныя у христіанъ восточныхъ. Какъ при нѣкоторыхъ лицахъ обозначены имена ихъ отцовъ, то мы собственно имѣемъ здѣсь не 18, а 30 личныхъ именъ. Сверхъ 10 христіанскихъ, мы имѣемъ слѣдовательно 20 личныхъ именъ. Изъ нихъ, за исключеніемъ *Magyar*, если не всѣ остальныя 19, то, по крайней мѣрѣ значительное ихъ большинство, не тюркскаго, а иранскаго облика и характера. Половцы въ Венгріи этого времени (1320 г.) были по большей части еще язычники, и принявшіе христіанство крестились по латинскому обряду и получали имена, болѣе употребительныя у латинянъ.

Положимъ и у половцевъ, какъ и у прежнихъ черноморскихъ турокъ, было сильно вліяніе иранское, и не мало иранскихъ словъ и именъ (напр. Асанъ, Асѣнь) перешли къ половцамъ; тѣмъ не менѣе невѣроятно, чтобы изъ случайно взятыхъ венгерскихъ половцевъ (буде *ясы*—половцы) всѣ (какъ надо полагать, имена нехристіанскія нѣкоторыхъ изъ этихъ ясовъ или отцовъ ихъ еще не говорятъ объ ихъ язычествѣ)—были христіане и притомъ все греко-восточной церкви; что значительное большинство ихъ именъ были иранскія, а не тюркскія.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса объ этихъ Iasz, Iaszok, необходимо собрать весь доступный матеріалъ о венгерскихъ ясахъ (изъ старыхъ грамотъ) а также произвести антропологическія и лингвистическія наблюденія на мѣстахъ, гдѣ упоминаются въ грамотахъ эти ясы, въ особенности въ такъ называемомъ дистриктѣ языговъ и кумановъ (*Iasz*-Nagy-Kun-Szolnok), или въ сѣверо-вост. части великой Куманіи прежней Венгріи (Magyarország) гдѣ въ г. Ясъ-Берень (Iasz Berény).

По многочисленности алановъ, ясовъ въ сѣверномъ Черноморьи, можно заключать, что въ нихъ слились всѣ прежнія разновидности скиѳскія и сарматскія. Изъ свидѣтельствъ русскихъ лѣтописей, Рубруквиса, Мариньолы, китайскихъ, арабскихъ и византійскихъ источниковъ (XIII — XIV в.) видно, что и въ X—XIV в. аланы были довольно многочисленны и сильны, не только, какъ отличная кавалерія, но и какъ народъ христіанскій, довольно культурный, имѣвшій своихъ ремесленниковъ, мастеровъ, купцовъ, жившій въ городахъ (Галичъ, Чешюевъ, Сугровъ). За это время они играли извѣстную роль и въ Китаѣ, у монгольскихъ хановъ, и въ Египтѣ - въ Александріи, и въ В. Имперіи, и въ Болгаріи, и въ Молдавіи и въ Венгріи. Но всего продолжительнѣе и, надо полагать, сильнѣе было вліяніе этихъ алановъ и предковъ изъ сарматовъ и скиѳовъ на славянъ вообще, а съ VI—VII на славянъ впослѣдствіи русскихъ. Наши берладники и особенно бродники приняли несомнѣнно въ себя много элементовъ скиѳосарматскихъ и отчасти тюркскихъ. Впрочемъ, всѣ тюрки черноморскіе несомнѣнно подвергались болѣе или менѣе сильному вліянію иранскому, такъ какъ владычество большинства тюрковъ на Черноморьи было вообще непродолжительно. Самое продолжительное тюркское владычество принадлежало татарамъ (ногаи, крымцы) въ нихъ слились всѣ остатки прежнихъ тюркскихъ племенъ, какъ въ алановъ слились нѣкогда остатки скиѳовъ и сарматовъ. Но почти пятивѣковое татарское владычество на Черноморьи было короче и слабѣе владычества скиѳо-сарматскаго. Эти иранскія стихіи, болѣе способныя и культурныя, чѣмъ тюркскія, имѣли на все славянство и на сосѣднихъ финновъ вліяніе болѣе продолжительное, болѣе глубокое и несравненно болѣе благотворное. Эта же иранская стихія имѣла несомнѣнно вліяніе и на владычество готовъ въ Черноморьи въ IV в., такъ какъ нельзя предполагать прочнаго здѣсь утвержденія готовъ и развитія какой-либо военной и политической ихъ здѣсь силы: частые ихъ походы и набѣги 720 г. (иногда цѣлыми массами) на В. Имперію заставляютъ предполагать, что готы были недовольны своимъ положеніемъ на Черноморьѣ и искали себѣ новыхъ, болѣе удобныхъ и привольныхъ жилищъ.

Въ объясненіи ясскихъ личныхъ именъ:

Keskene - см. *Kesken—Kiskēn* (Iusti, Iranisches Namenbuch. Marburg. 1895, 4°).

Larzan, м. б., *Ardazanēs* (ib.) *Lanzan* сравн.—*Manoyonan* (ib.).

Furduh, сравн. *furt* осет. (chur). *Φουρτας* надп. Тап. Латышевъ II, № 451 (Iusti ib.).

Charet сравн. Harectaspa, Hartasp. (ib.).

Chakan, можетъ быть и иранское сравн. *Xākī*, *Xakpai*, *Xaksar*; оконч. an очень обычно. Мож. б. и *Sahan*. (Iusti).

Kurman — Очень обычное оконч. *man Αἰσλμάνης*, массагетъ, копьеносецъ у Велизарія (Proc. 2, 81), *Andiman* (Iusti). *Kur*—солнце. *Kuru*, *Kuruhan* (Iusti).

Arpan—сравн. *Arpas, Arpates, Harpates* (Iusti).

Chmoz—сравн. *Xamus* (Iusti)—молчаливый.

Hurz—сравн. *Xordad, Xurdad*, также—*Xurdek*, мож. б. и *Xurōs, Xurōsī, Xurōzān, Xūrs* (Iusti).

Beegzan—сравн. *Wehaetan, Wehdan* (Iusti).

Mokzun — сравн. *Muškan, Mōkkas, Mōkkos, Mokkous* (Iusti, Латыш. I и II т.), *Mūkajos* (лат. вин. пад.), *Mūkān* (Iusti). Оконч. на *un-Arbun* (Iusti).

Zackaraz—мож. б. *Šakar* (сахаръ) или *Šahrzad—Šatrwaroz* (Iusti).

Zvagan—срвн. *Sawah—Sabakes* (Iusti).

Zaduch—срвн. *Sagducht, Sahakduxt* (ib.).

Kolhen—сравн. *Kalāhun, Kalager* (ib.).

Zokan—сравн. *Šahan* или *Šahen, Šahin* (ib.).

Iwackan, Iakanah или *Iakand* (ib.).

Мѣстныя названія въ Венгріи, связанныя съ *ясами.* Въ дистриктѣ *Язиговъ* (Iaszsag)—*Iász-Berény, Iász-Apathi, Iász-Ladány*, въ жупаніи Пештинской *Iászfalu*, въ жуп. Абаунварской *Iászo-Debröd, Iászo-Mindszent, Iászó-Ŭfalu*. И можетъ быть еще въ Трансильваніи въ округѣ Фагарашскомъ—*Iász* у мадьяръ, *Iaszu* у нѣмцевъ и *Iaszu* у румынъ и въ столицѣ (sedes) Удвархельской—*Ias* и *Iaszfalva*—мадьяръ.

Экскурсія членовъ XI Археологическаго Съѣзда.

11 августа, по приглашенію извѣстнаго любителя и знатока кіевскихъ древностей Б. И. Ханенко, члены XI Археологическаго Съѣзда, въ числѣ около 40 человѣкъ, совершили экскурсію для производства раскопокъ въ мѣстности, расположенной въ 70 верстахъ отъ Кіева, внизъ по Днѣпру, причемъ пароходъ „Бѣжица", былъ любезно предоставленъ участникамъ поѣздки директоромъ пароходства по Днѣпру Д. С. Марголинымъ. Отчаливъ въ 7 ч. утра, пароходъ около часу дня прибылъ къ мѣсту назначенія. Здѣсь на высокомъ берегу Днѣпра ожидали уже членовъ экскурсіи экипажи, въ которыхъ они и прослѣдовали къ мѣсту раскопокъ, находящемуся верстахъ въ 5 отъ берега Днѣпра.

Прежде всего было приступлено къ раскопкамъ въ окрестностяхъ дер. Гребени, Ржищевской волости, Кіевской губ. и уѣзда, на землѣ помѣщика І. А. Байковскаго.

В. В. Хвойко еще наканунѣ экскурсіи было подготовлено нѣсколько обширныхъ траншей, въ которыхъ были обнаружены чрезвычайно интересные остатки посуды и орудій человѣка, если не каменнаго, то начала бронзоваго вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ были найдены значительныя скопленія рѣчныхъ раковинъ изъ рода Unio, служившихъ первобытному человѣку пищей или, быть можетъ, для примѣси къ глинѣ гончарныхъ издѣлій, въ которой онѣ и были найдены въ измельченномъ видѣ.

Покончивъ съ обзоромъ этого любопытнаго селища, участники экскурсіи сдѣлали короткій переѣздъ на другое поле, гдѣ ихъ ожидали приготовленные уже В. В. Хвойко два вскрытыхъ кургана, содержащихъ погребеніе скиѳскаго типа. Содержаніе этихъ кургановъ не отличалось богатствомъ, хотя, должно замѣтить, что раскопки обоихъ кургановъ не были доведены до конца за недостаткомъ времени. Тѣмъ не менѣе, въ первомъ изъ нихъ былъ найденъ глиняный сосудъ, содержащій жженыя кости жертвенныхъ животныхъ, а нѣсколько ниже 2 другихъ сосуда, распавшихся совершенно при извлеченіи ихъ изъ земли. Во второмъ курганѣ, неглубоко отъ поверхности, былъ открытъ костякъ, лежавшій на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, указывающемъ на значительную древность погребенія; въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ, наполненный жжеными костями. На третьемъ полѣ вскрыто селище того же типа, какъ и на первомъ. Во время раскопокъ, между прочимъ, были найдены двѣ большихъ вазы съ оригинальнымъ орнаментомъ.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 12 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель В. С. Иконниковъ. *Предсѣдатель отдѣленія* П. В. Голубовскій. *Секретари отдѣленія*: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. О. И. Левицкій. *„О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи Юго-западнаго края въ Малороссіи“*. Актовыя книги въ русскихъ областяхъ бывшаго Литовскаго государства заведены по образцу польскихъ, но выгодно отличаются тѣмъ, что велись на природномъ русскомъ, а не на латинскомъ языкѣ. Общаго рѣшенія о времени введенія ихъ въ Литовско-русскомъ государствѣ быть не можетъ, а возможно лишь частное его рѣшеніе относительно той или другой области. Въ Юго-западномъ краѣ актовыя книги несомнѣнно существовали почти во всѣхъ воеводствахъ еще въ началѣ XVI ст., но сохранились лишь съ половины этого столѣтія, и только въ Каменцѣ-Подольскомъ—съ 1520-хъ годовъ. Кромѣ правительственныхъ судовъ, актовыя книги велись во многихъ старостинскихъ, частно-владѣльческихъ замкахъ, при каѳедрахъ православныхъ и католическихъ епископовъ, при церковныхъ братствахъ и пр., но всѣ такія книги погибли безъ остатка, а сохранились (и то не вполнѣ) лишь акты городскіе, земскіе и кое-гдѣ магистратскіе и ратушные. Разсмотрѣвъ судьбу актовыхъ книгъ по воеводствамъ и повѣтамъ Юго-западнаго края и опредѣливъ въ общихъ чертахъ тѣ громадныя потери, какія потерпѣли онѣ въ эпоху казацкихъ войнъ и отъ случайныхъ бѣдствій, референтъ отмѣтилъ мѣры, принимавшіяся къ ихъ охранѣ со стороны польскаго правительства и мѣстнаго дворянства съ XVI до конца XVIII ст. Русское правительство обратило вниманіе на актовыя книги лишь въ 1830-хъ годахъ въ виду обнаружившихся въ нихъ подлоговъ, но всѣ принимавшіяся имъ мѣры къ устраненію этихъ злоупотребленій и охранѣ самихъ книгъ не приводили къ успѣшнымъ результатамъ, пока учрежденная въ Кіевѣ въ 1843 г. Комиссія для разбора древнихъ актовъ, воспользовавшись ими, какъ матеріаломъ для своихъ первыхъ изданій, указала на важное государственное значеніе актовыхъ книгъ, какъ первостепеннаго источника для исторіи Западнаго края, и представила проектъ изъятія ихъ изъ уѣздныхъ архивовъ и сосредоточенія въ особомъ Центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра. Этотъ проектъ былъ энергично поддержанъ генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ и, не взирая на многія препятствія, проведенъ законодательнымъ порядкомъ, результатомъ чего и былъ законъ 2 апрѣля 1852 г. объ учрежденіи Центральныхъ архивовъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ. Иная судьба постигла актовыя книги въ лѣвобережной Малороссіи, гдѣ онѣ велись въ городскихъ, земскихъ и магистратскихъ судахъ въ эпоху польскаго владычества и затѣмъ—въ полковыхъ, сотенныхъ и тѣхъ же магистратскихъ и ратушныхъ судахъ, со 2-ой половины XVII в. и, наконецъ, въ возстановленныхъ въ 1763—1782 гг. градскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ. Благодаря равнодушію вновь созданнаго малороссійскаго дворянства, которое менѣе всего могло находить въ этихъ книгахъ securitatem своихъ bonorum et honorum (какъ это было въ Юго-западномъ краѣ) книги эти погибли, и отъ нихъ уцѣлѣли до нашихъ дней лишь весьма ничтожные остатки.

2. *„Объ учрежденіи русской археографической комиссіи при Ватиканскомъ музеѣ“*, докладъ проф. Е. Ф. Шмурло, прочитанный М. В. Довнаръ-Запольскимъ. Съ 1881 г., когда сталъ доступенъ архивъ Ватиканскаго музея, многія западно-европейскія государства открыли въ Римѣ свои институты или особыя комиссіи. Только все то, что касается Россіи, до сихъ поръ разрабатывается отдѣльными усиліями ученыхъ, заинтересованныхъ къ тому же своими спеціальными задачами: проф. Вержбовскій и Любовичъ занимаются по исторіи Польши, г. Гильдебрандъ—Ливонскаго края, а отецъ Пирлингъ хотя и имѣетъ въ виду всецѣло Россію, но на почвѣ католической науки. До-

кладчикъ считаетъ необходимымъ учредить въ Римѣ археологическую комиссію, причемъ выработаны имъ и штаты.

Принципы доклада были одобрены Отдѣленіемъ и послѣ обмѣна мыслей и выслушанія соображеній проф. Самоквасова и г. Раевскаго, было рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи въ археологическомъ институтѣ Рима археографической секціи.

Отдѣленіе II. Древности историко географическія и этнографическія. 12 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель П. Н. Милюковъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. И. Багалѣй. *Секретарь отдѣленія* О. А. Фотинскій.

1. А. В. Половцевъ *„О малороссійскихъ казакахъ на французской службѣ въ 1646 г.“* (на основаніи неизданныхъ архивныхъ документовъ).

Н. И. Костомаровъ мелькомъ упоминаетъ о томъ, что 2400 казаковъ было послано въ 1646 году во Францію и что они принимали участіе въ осадѣ Дюнкерка. Для выясненія этого любопытнаго эпизода, докладчикъ побывалъ въ Дюнкеркѣ, но тамъ не нашелъ никакихъ данныхъ, равно какъ и въ архивахъ Лилля и Брюсселя. Печатные первоисточники, касающіеся осады Дюнкерка, А. В. Половцову удалось найти лишь въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ, а совершенно неизвѣстные рукописные матеріалы— въ архивѣ принцевъ Конде, въ замкѣ Шампильи, въ Парижѣ. Тамъ имъ найдены подлинныя письма кардинала Мазарини и другихъ лицъ къ принцу Конде, осаждавшему Дюнкеркъ въ 1646 году; и въ нихъ подробности объ экспедиціи казаковъ во Францію. *Поводомъ* къ отправленію казаковъ въ Дюнкеркъ послужила просьба принца Конде и кардинала Мазарини, обращенная къ королю Владиславу IV, прислать вспомогательныя войска противъ испанцевъ. Не имѣя свободныхъ войскъ, Владиславъ предложилъ добровольцамъ-казакамъ двинуться во Францію. Казаки были отправлены *морскимъ путемъ;* сѣли на суда въ Гданскѣ (Данцигѣ), вышли на берегъ въ Кале. *Количество* казаковъ можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно. Было 10 полковъ, слѣдовательно всего отъ 2,000 до 2,500 человѣкъ. *Условія,* хотя и были заключены французскимъ правительствомъ съ казаками, но очень неопредѣленныя, вслѣдствіе чего казаки нѣсколько разъ протестовали и посылали своихъ уполномоченныхъ въ Фонтенебло для переговоровъ. *Участіе въ осадѣ* казаки принимали очень дѣятельно. Сперва опасались, что они не подготовлены къ осадной войнѣ, но затѣмъ ихъ пускали въ дѣло постоянно. Отрядъ ихъ участвовалъ и въ торжественномъ вступленіи въ Дюнкеркъ. *Судьба казаковъ* послѣ осады не вполнѣ ясна. Часть ихъ перешла къ испанцамъ, вѣроятно вслѣдствіе неаккуратной уплаты жалованья. Другая часть была почему то направлена въ Лотарингію. Сколько казаковъ осталось тамъ навсегда на житье и многіе ли вернулись на родину, и какимъ путемъ—неизвѣстно.

2. Ѳ. Д. Николайчикъ: *„Начало и ростъ Полтавской Вишневечины, по даннымъ Литовской метрики“.*

Сдѣлавъ замѣчанія объ интересѣ, вобужденномъ въ настоящее время среди мѣстныхъ историковъ вопросомъ о колонизаціи Лѣвобережной Малороссіи въ послѣ-монгольскій періодъ, референтъ сказалъ нѣсколько словъ объ объемѣ Полтавской Вишневечины и о важности изученія исторіи ея для вопроса о колонизаціи вообще. На основаніи новаго матеріала, извлеченнаго референтомъ въ текущее лѣто изъ Архива Министерства Юстиціи, онъ изложилъ исторію Вишневечины въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ первую половину XVII вв.

Вишневецкіе породнились съ краемъ со времени староства въ Черкасахъ знаменитаго „Байды“ народныхъ пѣсенъ — кн. Дм. Ив. Вишневецкаго. Двоюродный племянникъ его былъ первымъ владѣльцемъ имѣній въ Посульѣ, пріобрѣтенныхъ имъ въ 1590 году покупкою отъ Михаила Грибуновича Байбузы, которому „река Сула, река

Удай, река Солоница и уходъ Лужокъ" были пожалованы Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году. Князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій получилъ привилей на „фундацію местечка на врочищу Лубне, а теперь новоназваномъ Александрове" — 16 янв. 1591 г., на „фундацію местечка на урочище Пирятине, а теперь названомъ Михайлове"—9 февр. 1592 г. Обоимъ городамъ онъ исхлопоталъ Магдебургское право. Братъ Александра Михаилъ Вишневецкій, староста Овруцкій, первый началъ практику захватовъ земель, причемъ расширялъ свои владѣнія не только въ предѣлахъ земель Речи Посполитой, но и вверхъ по Сулѣ, за рубежемъ московскимъ. На московскихъ земляхъ имъ были осажены города Сѣнча, Лохвица и другіе. По смерти кн. Михаила въ 1616 г., остался малолѣтній сынъ его Іеремія. Опекунъ Іереміи кн. Константинъ Константиновичъ Вишневецкій, получивъ староство Черкасское, продолжалъ настойчиво захваты новыхъ земель. Онъ захватилъ Яблоновъ и Миргородъ и всѣ такъ наз. „салетры"—по рр. Пслу, Ворсклѣ, Орели, въ „поляхъ дикихъ" Бѣлгородскихъ, Очаковскихъ, Путивльскихъ, по рр. Хоролу и четыремъ Грунямъ и въ другихъ мѣстахъ. Захватывая земли не только по Сулѣ, но и по Пслу и Хоролу, Вишневецкіе постоянно ссылались на „данину Байбузяну", пользуясь тѣмъ, что въ натурѣ эта „данина" не была точно ограничена. Въ 1630 году кн. Іеремія сдѣлался совершеннолѣтнимъ и продолжалъ увеличивать свои владѣнія захватами, которые, по своей насильственности и грандіозности превзошли подобныя предпріятія его предшественниковъ. Онъ захватилъ въ 1643 г. городище Грайворонъ съ селами Дмитровкой, Липовымъ и Почепковымъ у городельскаго старосты Кр. Харлезскаго; въ 1644 г. отнялъ у маршалка надворнаго Ад. Казановскаго городъ „Руменъ со всею волостью"; „разными часы" захватилъ земель надъ рр. Хороломъ и Ржицею „намней на 36 миль" и на этихъ земляхъ „выбудовалъ и осадилъ мѣсто Хоролъ и иншихъ местечокъ и селъ килкадесятъ"; въ 1645 году отнялъ у каштелянки черниговской, Софіи Козаковской, Дорогинку и Владиславовку за рѣкою Удаемъ; наконецъ въ томъ же 1646 году, вооруживъ 7,000 человѣкъ пушками и всѣми „апаратами до буреня оборонъ", онъ послалъ ихъ какъ бы въ походъ на непріятельскую землю. Отряды эти завоевали города: Гадячъ, Полтаву, Зикгмунтовъ, Соколю-Гору, Кременчугъ, Подолки, Добрыкъ, Краснополе, Крукполе, Лукашовское, Борокъ, Опочинское, Глинскъ, Лютенку, Зиньковъ, Олесное, Ахтыръ, Рухавку „и местечка иные". Въ судѣ сеймовомъ всѣ дѣла о захватахъ Вишневецкихъ большею частью откладывались. Подводя итоги дѣятельности Вишневецкихъ по расширенію ихъ владѣній, референтъ охарактеризовалъ эту дѣятельность, какъ рядъ насильственныхъ захватовъ земель, болѣе или менѣе усвоенныхъ культурѣ трудомъ южно-русскаго народа; изъ ихъ колонизаціонныхъ предпріятій уцѣлѣли въ нынѣшней Полтавской губерніи только тѣ, которыя вытекали изъ нравственно-чистыхъ побужденій.

3. Священникъ Е. Сѣцинскій: „*Нѣсколько объясненій къ археологической картѣ Подольской губерніи*". Археологическая карта Подольской губерніи составлена по образцу изданной въ 1895 г. археологической карты Кіевской губерніи профессора В. Б. Антоновича. Кромѣ печатныхъ источниковъ, изъ коихъ заимствовались свѣдѣнія о памятникахъ старины Подоліи, составитель пользовался и нѣкоторыми рукописными, изъ коихъ были указаны сообщенія священниковъ, сдѣланныя въ 1868—73 гг. и 1890—91 гг. Подольскому Епархіальному Историко-статистическому Комитету на запросы о памятникахъ старины, и донесенія волостныхъ правленій, собранныя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1873 г., каковыя сообщенія имѣлись у составителя карты въ выпискахъ проф. Антоновича и въ печатномъ сводѣ тѣхъ сообщеній, помѣщенномъ въ VIII-мъ томѣ „Записокъ" Русскаго Археологическаго Общества; кромѣ того, авторъ пользовался сообщеніями четырехъ лицъ, а также личными наблюденіями и развѣдками. Вообще же, при своей работѣ составитель карты руководствовался указаніями проф. В. Б. Антоновича.

На карту занесено около 3,000 кургановъ, 316 городищъ, около 60 селищъ и т.

п. Кургановъ больше всего на юго-востокѣ губерніи, въ мѣстностяхъ степныхъ; городищъ, напротивъ, и въ той мѣстности меньше, а наибольше въ Литинскомъ, Винницкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ по рѣкѣ Бугу; много также городищъ въ юго-западномъ углу Подоліи въ уѣздахъ Каменецкомъ и Ушицкомъ. Мѣстностей, гдѣ находятся пещеры со слѣдами пребыванія въ нихъ человѣка, отмѣчено на картѣ 58, въ томъ числѣ 7 такихъ, гдѣ есть слѣды бывшихъ тамъ церквей и монастырей. Валовъ, значительныхъ по длинѣ, отмѣчено на картѣ три: одинъ на юго-западѣ, идущій отъ рѣчки Збруча на австрійской границѣ къ р. Днѣстру, и два въ Балтскомъ уѣздѣ, перерѣзывающіе уѣздъ отъ С. къ Ю. Мѣстностей, гдѣ находятся предметы каменнаго вѣка, обозначено на картѣ около 100; наибольше ихъ въ юго-западной части Подоліи, въ Каменецкомъ, Ушицкомъ уѣздахъ; здѣсь же, около Каменцы и м. Студеницы, Ушицкаго уѣзда, открыты слѣды человѣка въ эпоху дилювіальную, именно найдены отбивныя кремневыя орудія совмѣстно съ костями мамонта. Находки предметовъ бронзоваго вѣка попадаются рѣдко, извѣстно только нѣсколько предметовъ на сѣверѣ Каменецкаго уѣзда, на югѣ Ушицкаго и Ямпольскаго. Затѣмъ докладчикомъ указаны были нѣкоторые типы городищъ, встрѣчающихся на Подоліи, — овальныхъ, полукруглыхъ или подковообразныхъ и болѣе сложныхъ по плану и расположенію валовъ. Овальныя городища попадаются какъ въ Днѣстровскомъ, такъ и Бугскомъ бассейнахъ, напр. у дер. Приворотья (найдены предметы княжеской эпохи), с. Княгинина, Каменецкаго уѣзда, с. Сандракъ, Литинскаго уѣзда, сс. Уладовки и Дущинецъ, Винницкаго уѣзда. Подковообразныя небольшія городища встрѣчаются, напр., у с. Гринчука, Каменецкаго у., с. Глембовки, Ушицкаго уѣзда. Болѣе сложное подковообразное городище съ нѣсколькими дугообразными концентрическими валами находится у с. Кудинки, Летичевскаго уѣзда на рѣкѣ Бугѣ,—это, несомнѣнно, городище лѣтописнаго Болоховскаго города Кудина. Еще болѣе сложные по плану городища, но сходныя между собою, находятся у с. Матерского и с. Дерешовой, Ушицкаго уѣзда, у с. Мурованной Вербки, на югѣ Летическаго уѣзда и др. Въ заключеніе, референтъ, ссылаясь на изданную ко времени настоящаго Археологическаго Съѣзда „Карту Европейской Сарматіи по Птолемею“, проф. Кулаковскаго и указывая названія нѣкоторыхъ мѣстностей у вышеуказанныхъ городищъ Ушицкаго у., высказалъ предположеніе, нельзя-ли къ этимъ большимъ городищамъ пріурочить Птолемеевскіе города Клепида и Вивантоварій, положеніе коихъ на картѣ совпадаетъ съ положеніемъ городищъ.

III отдѣленіе. Памятники искусствъ и художествъ. 12 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель Э. Р. Фонъ-Штернъ. *Предсѣдатель отдѣленія* А. А. Павловскій. *Секретарь отдѣленія* Б. В. Фармаковскій.

1. Д-ръ Ф. Копера: *„Polskie zabytki sztuki w rossyiskich zbiorach“ (Польскіе памятники искусства въ русскихъ собраніяхъ).*

Въ виду столь громаднаго матеріала, относящагося къ исторіи польскаго искусства и находящагося въ русскихъ музеяхъ, докладчикъ не былъ въ состояніи въ непродолжительное время своей командировки отъ Краковской Академіи Наукъ выполнить вполнѣ возложенное на него порученіе ознакомленія съ польскими памятниками искусства въ русскихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Главнымъ образомъ вниманіе его поглотили: Петербургская Публичная Библіотека, Эрмитажъ, Оружейная Палата. Въ нихъ онъ нашелъ прекрасные памятники польскаго искусства, въ особенности миніатюры, начинающіяся съ XI в. Обративъ вниманіе на, по истинѣ, высокую артистичность ихъ, нерѣдко превышающую подобныя же произведенія западной Европы, напр., иллюминаціи XII в. къ Бытію, Андрея изъ Жарновца, Николая Сетоши съ XV ст. и многихъ другихъ, найденныя въ русскихъ музеяхъ, присовокупивъ къ нимъ прекраснѣйшія иллюминаціи XVI ст., хранящіяся въ Краковѣ, и высказавъ послѣдователь-

ность польскихъ иллюминаторовъ, начиная съ XV в. и кончая XVIII в., которые въ XVI ст. дошли до апогея художественности, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что польское иллюминаціонное художество имѣло свою самостоятельную школу, образовавшуюся и развившуюся въ общихъ чертахъ по образцу такой же чешской. Дѣлая перечень артистическихъ старинныхъ переплетовъ, докладчикъ обратилъ особое вниманіе на серебряный переплетъ книги XII в. плоцкой каѳедры, на которомъ изображена весьма тонкой чеканкой княгиня Анастасія, жена Болеслава IV и дочь Владиміра Галицкаго. Далѣе докладчикъ, упомянувъ о портретахъ королей польскихъ и историческихъ дѣятеляхъ, а также о граверномъ и скульптурномъ искусствахъ (скульптурныя произведенія находятся въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ) въ концѣ XVIII в., напримѣръ: Лампи Бачерелли, Регульскомъ и многихъ другихъ, равнымъ образомъ говоря о рисункахъ той же эпохи, докладчикъ старался доказать поползновеніе Станислава Августа создать самостоятельную польскую школу искусствъ.

Переходя къ описанію польскаго оружія, г. Копера подчеркнулъ находящіеся въ Эрмитажѣ коронаціонные мечи польскихъ королей, а именно: мечъ XIII вѣка, въ первый разъ употребленный во время коронаціи 1320 г., называемый „Szczerbiec“ и присланный папою Иннокентіемъ XI Іоанну Собѣскому, мечъ, который былъ употребленъ Императоромъ Александромъ I во время его коронаціи въ Варшавѣ 1818 года. Что же касается до сабли будто бы Владислава Варненскаго, то таковая, безъ малѣйшаго сомнѣнія, фальсификатъ, хотя бы судя по тому, что въ эпоху Владислава Варненскаго не были употребляемы сабли, а только мечи; впервые же сабли стали употребляться въ Польшѣ во второй половинѣ XVI столѣтія. Подобное можно отнести и къ многимъ другимъ польскимъ памятникамъ Эрмитажа.

2. В. Н. Николаевъ: „*Стѣны внутри Великой церкви Кіево-Печерской лавры по снятіи съ нихъ штукатурки*“.

Въ 1893 году докладчикъ участвовалъ въ коммиссіи по осмотру внутреннихъ стѣнъ, арокъ и сводовъ Великой лаврской церкви, и въ томъ же году ему поручено было совмѣстно съ той же коммиссіей руководить работами по исправленію и укрѣпленію вышесказаннаго храма.

При тщательномъ осмотрѣ внутренней штукатурки, во всѣхъ главныхъ частяхъ храма, оказалось, что на штукатуркѣ имѣется масса трещинъ, которыя, очевидно, проникаютъ въ самую кирпичную кладку. Кромѣ того, во всѣхъ куполахъ кирпичная кладка сама обсыпалась вмѣстѣ со штукатуркою, что встрѣчалось также и въ стѣнахъ, отдѣляющихъ среднюю часть храма отъ придѣловъ архидіакона Стефана и Іоанна Богослова, а также въ стѣнахъ ризницы и Предтечинскаго придѣла и по всей западной стѣнѣ, подъ хорами и на хорахъ штукатурка отдѣлялась отъ кирпичной кладки въ видѣ пластовъ и во многихъ мѣстахъ готова была обвалиться. То же самое было и на многихъ сводахъ. Приступивъ къ работамъ по укрѣпленію стѣнъ, прежде всего обнажали кирпичную кладку отъ штукатурки, причемъ ясно обозначились какъ древнія части стѣнъ, такъ и позднѣйшія пристройки, отрылись задѣлки въ древнихъ стѣнахъ и вполнѣ обозначились поврежденія, проникающія въ кладку стѣнъ, арокъ и сводовъ. Все это ясно видно было изъ представленныхъ докладчикомъ чертежей. Почти не было стѣны, арки или свода, не имѣвшихъ трещинъ; наибольшія же поврежденія были найдены въ главномъ куполѣ и подпружныхъ аркахъ, его поддерживающихъ; подобныя трещины на всѣхъ четырехъ аркахъ были настолько значительны, что трудно понять, какъ на этихъ аркахъ держался главный куполъ. Такъ, своды, идущіе отъ главнаго купола на югъ, западъ и сѣверъ оказались расколовшимися по длинѣ, такъ что соборъ какъ бы раздѣлился на четыре части; въ куполахъ не было перемычки надъ окнами не потрескавшейся. Главный куполъ отъ арокъ до самаго верха свода имѣлъ сквозную трещину до полутора вершка шириною. Поперечныя стѣны на сѣверныхъ хорахъ имѣли трещины, проходившія черезъ весь сводъ, шириною въ 4 вер. Стѣна абсиды главнаго

алтаря въ части, обращенной къ югу, имѣла выше линіи хоръ подъ слабо державшейся штукатуркой совершенно раздробленный и хрупкій кирпичъ, высыпавшійся въ видѣ щебня при малѣйшемъ прикосновеніи на глубину до 9 вершковъ. Сѣверо-западный уголъ, гдѣ на хорахъ видны слѣды трехъ абсидъ, въ которыхъ пробиты проходы на хоры передъ Преображенскимъ придѣломъ, кстати сказать, неимѣвшіе перемычекъ и обсыпающіеся, есть вполнѣ сохранившаяся древняя часть, составляющая съ остальными прилегающими къ ней стѣнами особый маленькій храмъ съ крошечнымъ алтаремъ, жертвенникомъ и діаконникомъ; въ него снизу вела лѣстница, находящаяся нынѣ подъ поломъ. Эта часть отъ низу до самаго верха вполнѣ древняя. По снятіи позднѣйшей штукатурки внутри этого храма ясно оказалась всюду византійская кладка изъ кирпича и большихъ булыгъ, обдѣланная въ видѣ рядовъ камня изъ розоватаго известковаго раствора съ толченымъ краснымъ кирпичемъ, шириною въ три вершка, причемъ растворъ затертъ до блеска, и ряды эти раздѣляются рядами кирпича, толщиною въ одинъ вершокъ. Кирпичъ — самый древній, XI вѣка, размѣрами: шириной 7 вершковъ и длиной 10 вершковъ. Всѣ арки и перемычки имѣли такую же отдѣлку. На западной и южной стѣнахъ видны характерныя византійскія впадины, въ которыхъ оказались задѣланныя дряннымъ кирпичемъ окна. Въ парусахъ имѣются голосники съ глиняными въ нихъ кувшинами. Всѣ эти розовые ряды оказались надрубленными, должно предположить, для соединенія съ позднѣйшей штукатуркою. Изъ такой же кладки оказалась и вся внутренняя часть храма, но на разную высоту, а не до самаго верха: такъ, стѣны и пилоны оказались древними, кромѣ западной стѣны, паруса жѐ и куполъ главный сложены хотя и изъ древняго кирпича, но кладка и растворъ не древніе и только въ сѣверо-западномъ парусѣ оказался кусокъ древней кладки не болѣе одного квадратнаго аршина, въ которомъ сохранился голосникъ. Западная стѣна храма сохранилась съ древнихъ временъ въ частяхъ, выходящихъ къ новѣйшимъ пристройкамъ, гдѣ помѣщены лѣстницы; въ части же стѣны между лѣстницами древняя кладка находится только на высотѣ двухъ аршинъ отъ главнаго пола храма; остальная часть этой стѣны сложена изъ довольно слабаго кирпича, размѣрами подходящаго къ нынѣшнему. Докладчикъ упомянулъ затѣмъ о внутренней формѣ сводовъ главнаго и сѣверо-западнаго куполовъ, гдѣ выше оконъ стѣны начинаютъ довольно сильно суживаться внутрь, а затѣмъ опять снова поднимаются вертикально, послѣ же уже переходятъ въ сводъ, а это указываетъ на то, что своды раньше нынѣ существующихъ были ниже. Части сѣверной и южной стѣнъ на хорахъ, примыкающихъ къ алтарямъ, оказались самой послѣдней пристройкой, что ясно обозначается подъ поломъ хоръ, гдѣ три стѣны, очевидно, составляли наружную стѣну по отдѣлкѣ; на сѣверной же стѣнѣ подъ поломъ, гдѣ арка въ срединѣ храма, сохранились окна византійской формы въ три впадины, съ ясно видной задѣлкой окна. На южной сторонѣ хоръ стѣна съ пробитой въ ней аркой, очевидно, была прежде полукруглой абсидой алтаря, что видно по части, прилегающей къ наружной, южной стѣнѣ, и подъ поломъ хоръ. Всѣ части стѣнъ, арокъ и сводовъ, оказавшихся поврежденными, были осторожно разбираемы по небольшимъ частямъ и задѣлывались отборнымъ новымъ кирпичемъ, на растворѣ изъ портландскаго цемента, а затѣмъ была сдѣлана новая штукатурка. Въ настоящее время храмъ расписывается. Нигдѣ въ храмѣ не было найдено ни малѣйшаго признака ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ. Подъ поломъ хоръ, гдѣ былъ придѣлъ св. Антонія, при замѣнѣ деревяннаго пола кирпичными сводиками на желѣзныхъ балкахъ, при раскопкѣ мусора, лежавшаго на сводѣ, было найдено значительное количество глиняныхъ пустыхъ кувшиновъ (вынуто было болѣе 100 штукъ) высотою до 6 вершковъ, при ширинѣ до 5 вершковъ; сложены они были одинъ на другой, какъ попало и составляли забутку въ пятахъ свода, безъ всякаго раствора. Въ этомъ же мѣстѣ, подъ мусоромъ, оказалась сложенная изъ кирпича печурка, а подъ ней кувшины; въ печуркѣ этой были найдены оловянные сосуды съ золотыми и серебряными монетами, на сумму свыше

50,000 рублей, съ бумагами, дающими точное указаніе, когда, кѣмъ и на какую сумму положены монеты.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно: 1) что внутри Великой лаврской церкви не сохранилось никакихъ древнихъ украшеній храма: ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ, и что даже самая штукатурка была вся замѣнена при возобновленіяхъ храма и покрыта живописью въ періодъ съ 1730 по 1777 г., какъ значится въ надписи на стѣнѣ храма; 2) выяснилось, какія части храма сохранились въ самомъ первоначальномъ ихъ видѣ и какія части ихъ перестроены или пристроены и 3) выяснилась крайняя необходимость капитальнаго исправленія и укрѣпленія стѣнъ, сводовъ и арокъ храма для поддержанія и сохраненія древняго и почитаемаго памятника XI столѣтія.

I отдѣленіе. Древности первобытныя. 12-го августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель В. И. Сизовъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. Н. Анучинъ. *Секретарь отдѣленія* Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. С. С. Гамченко: „*Раскопка кургановъ у м. Мирополя въ бассейнѣ р. Случи*". За отсутствіемъ С. С. Гамченко рефератъ былъ доложенъ проф. В. Б. Антоновичемъ.

Цѣль раскопокъ въ данной мѣстности заключалась въ опредѣленіи западной границы распространенія древлянскаго типа погребенія. Могильникъ у м. Мирополя заключаетъ въ себѣ 464 насыпи съ городищемъ по срединѣ; онъ разбитъ на 24 группы, по урочищамъ, и такое распредѣленіе кургановъ С. С. Гамченко считаетъ не случайнымъ, а отголоскомъ семейно-родового быта. Курганы здѣсь куполообразные, небольшой величины. Раскопка 32-хъ изъ нихъ дала возможность установить слѣдующіе типы погребальнаго ритуала: 1) сожженіе съ разновидностями, когда кости и предметы клались въ урну, помѣщенную на возвышеніи въ насыпи кургана, и когда урна помѣщалась на горизонтѣ; 2) въ могильной ямѣ была устроена киста изъ плитъ и въ ней погребенъ покойникъ и 3) погребеніе съ подраздѣленіемъ: на погребеніе въ выжженныхъ колодахъ и на погребеніе въ гробахъ, сбитыхъ изъ брусьевъ. Обычай сожженія С. С. Гамченко считаетъ занесеннымъ древлянами — имъ онъ приписываетъ данный могильникъ — съ родины—степи; впослѣдствіи, въ мѣстности, богатой лѣсомъ, сожженіе замѣнилось погребеніемъ; погребеніе въ кистѣ изъ плитъ авторъ считаетъ переходнымъ типомъ. Въ тѣхъ курганахъ, гдѣ встрѣчено погребеніе, покойники клались головой на западъ, въ вытянутомъ положеніи. Данный могильникъ оказался очень бѣднымъ по содержанію: изъ предметовъ встрѣчены: сосуды, желѣзные ножики, пряслицы, кольца, серьги, перстни и бусы, причемъ, по мнѣнію автора, одни изъ этихъ предметовъ, какъ, напр., гончарныя издѣлія и желѣзныя, изготовлялись на мѣстѣ, другія были привозными. Сдѣлавъ въ заключеніе нѣкоторые выводы о бытѣ, культурѣ и отчасти о религіозныхъ вѣрованіяхъ населенія, оставившаго эти насыпи, авторъ датируетъ данный могильникъ V—VIII в. по Р. X.

Съ послѣднимъ мнѣніемъ не согласился В. И. Сизовъ, считая могильникъ насыпаннымъ въ X в.

2. Проф. Ю. А. Кулаковскій: „*Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ*".

Поводомъ къ возбужденію этого вопроса на нынѣшнемъ Съѣздѣ, послѣ обсужденія его на нѣсколькихъ предшествовавшихъ и, особенно, на Виленскомъ, послужило для докладчика то обстоятельство, что въ новѣйшемъ цѣльномъ изложеніи доисторической археологіи, трудѣ проф. Любора Нидерле, выставлена та самая теорія, которая была отвергнута какъ несостоятельная въ обсужденіи вопроса на Съѣздахъ, а равно и въ нѣкоторыхъ авторитетныхъ русскихъ трудахъ по археологіи. Проф. Нидерле (Арх. доист. человѣчества, стр. 148) даетъ такое объясненіе: — „Трупы очищали, вѣроятно, отъ мягкихъ частей еще передъ погребеніемъ и затѣмъ натирали или посыпали кости какою то красною краскою". Отмѣтивъ аргументы, какіе были приведены противъ этой

теоріи проф. Антоновичемъ, гр. Бобринскимъ и др., докладчикъ привелъ указаніе на обстановку окрашенныхъ костяковъ, какіе ему приходилось находить въ своихъ крымскихъ раскопкахъ, изъ котораго ясно, что краску клали густымъ слоемъ на трупъ, а потому слѣдуетъ думать, что она проникла въ кости уже послѣ истлѣнія мягкихъ частей тѣла. Настаивая на этомъ именно объясненіи окраски костей, докладчикъ отмѣтилъ, что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ сближать этого типа погребенія, стоящаго, повидимому, на рубежѣ каменнаго и бронзоваго вѣка, съ отдѣльными случаями находки окрашенныхъ костяковъ на сѣв. Кавказѣ, причемъ при нихъ были находимы золотыя и серебряныя довольно изящныя издѣлія. Находки этого послѣдняго рода сдѣланы были проф. Веселовскимъ, и докладчикъ просилъ его высказаться по этому вопросу.

Вторая часть доклада имѣла своимъ предметомъ одинъ изъ пережитковъ, сохранившимся въ римскомъ религіозномъ обиходѣ, который можетъ, по мнѣнію докладчика, дать намекъ на ту религіозную мысль, которая, очевидно, была соединена съ обычаемъ окрашивать трупъ. Въ религіозномъ ритуалѣ были у римлянъ пережитки каменнаго и бронзоваго вѣка. Такъ: феціалы закалали свинью каменнымъ ножемъ (silice); жрецъ flamen dialis не имѣлъ права бриться желѣзной бритвой, а дѣлалъ это мѣдной; внесеніе желѣзнаго орудія въ храмъ *Dea Dia* (одинъ изъ древнѣйшихъ аграрныхъ культовъ, основателемъ котораго считался Ромулъ) считалось оскверненіемъ святыни и требовало совершенія очистительныхъ обрядовъ *(piaculum)*; въ нѣкоторыхъ культахъ возліяніе совершалось только изъ глиняныхъ сосудовъ и не допускалось употребленіе металлическихъ: объ этомъ часто упоминали римскіе поэты, возводя этотъ обычай къ исконной римской исторіи, но не давая никакого объясненія факту. Плиній Старшій въ своемъ знаменитомъ трудѣ *Historia Naturalis* (кн. XXXIII, § III), даетъ свидѣтельство, что въ древнюю пору окрашивалось по праздникамъ лицо главнаго римскаго бога, Юпитера Капитолійскаго, въ красную краску. Отдача этого подряда была одной изъ обязанностей римскихъ цензоровъ и въ числѣ подрядовъ стояла на первомъ мѣстѣ. Тотъ же Плиній сообщаетъ, что полководцы, правившіе тріумфъ, совершали это религіозное торжество въ древнее время, вымазавъ лицо красной краской. Такъ было во время Камилла (около 400 лѣтъ до Р. Х.). Позднѣе остаткомъ этого обычая было то, что въ умащенія (unguenta), употреблявшіяся на тріумфальныхъ пиршествахъ, примѣшивалась красная краска. Итакъ, у Римлянъ, въ историческую пору ихъ жизни, сохранялся, въ видѣ пережитка, обычай окраски въ красный цвѣтъ какъ элементъ культа. Отмѣчая этотъ фактъ, докладчикъ полагалъ, что свидѣтельство Плинія заслуживаетъ того, чтобы войти въ ученый оборотъ по вопросу объ окрашенныхъ костякахъ, въ смыслѣ указанія на религіозный характеръ этого обычая неизвѣстнаго намъ народа, населявшаго нѣкогда значительную часть нашей территоріи.

По поводу доклада В. Р. Фохтъ замѣтилъ слѣдующее: въ языческихъ религіяхъ жертвоприношенія и другія проявленія богопочитанія являлись обыкновенно какъ бы удовлетвореніемъ мнимыхъ человѣческихъ потребностей боговъ. Послѣдніе имѣли тѣло (идолы), жилище (храмы), получали пищу (жертвоприношенія), одежду (пеплосъ Аѳины) и т. д. Хотя съ развитіемъ культуры и мѣнялись внѣшнія формы культа, однако нѣкоторыя, освященныя давностью, сохранились и тогда, когда условія жизни человѣческой совершенно измѣнились и самые обряды сдѣлались непонятными. Какъ люди румянились, бѣлились и, вообще красились, такъ предки римлянъ считали это нужнымъ и для своего верховнаго божества. Красный цвѣтъ особенно нравился первобытнымъ или близкимъ къ первобытному состоянію народамъ. Въ священнѣйшемъ своемъ культѣ римляне вмѣстѣ съ цвѣтомъ краски удержали и самый матеріалъ.

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ проф. Антоновичъ стоялъ за то, что окраска должна была имѣть мѣсто въ то время, когда трупъ еще не распался.

А. И. Черепнинъ: *„О раскопкахъ рязанскихъ кургановъ за послѣднее трехлѣтіе“*.

По прочтеніи реферата нѣкоторые частные вопросы по поводу его были сдѣланы

проф. Анучинымъ — не было ли обнаружено сожженіе, на что референтъ отвѣталъ въ отрицательномъ смыслѣ, и Е. Н. Мельникъ — о семилопастыхъ серьгахъ — нельзя-ли ихъ считать принадлежащими финской культурѣ, съ чѣмъ не согласились референтъ и В. И. Сизовъ, указавшій, что типъ этихъ серегъ общепризнанъ за славянскій.

I отдѣленіе древности первобытныя. 13 августа, утромъ.

Почетный предсѣдатель Н. И. Веселовскій. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. Н. Анучинъ. *Секретарь отдѣленія* Н. Ф. Бѣляшевскій.

1. Е. Н. Мельникъ: *„Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ у., Волынской губ.“.*

Раскопки (22 могильника и 260 кургановъ), произведенныя въ той полосѣ ея, гдѣ можно предполагать древнее племя лучанъ, велись съ востока на западъ, — отъ границъ древлянской земли по теченію Случи до той территоріи, гдѣ застаетъ древлянъ начальная лѣтопись, — именно въ Луцкѣ и Пересопницѣ. Раскапывались могильники исключительно славянскаго типа. Преобладающимъ видомъ было положеніе въ землю въ болѣе или менѣе глубокихъ могилахъ, надъ которыми иногда устраивались деревянныя надстройки. Положеніе скелетовъ было по большей части прямое. При скелетахъ встрѣчается очень мало сосудовъ; изъ нихъ интересны деревянныя ведра, окованныя желѣзными обручами. Оружіе попадалось очень рѣдко,—на 260 кург. всего 4 желѣзныя стрѣлы, одинъ наконечникъ дротика и два топорика. Рѣдко были находимы также кремни и кресала. Изъ другихъ предметовъ, не часто встрѣчающихся, слѣдуетъ упомянуть о двухъ экземплярахъ вѣсовъ: бронзовомъ и желѣзномъ. Изъ украшеній оказались: серьги, простыя и съ бусами, кольца, бусы и т. д. На 379 металлич. предметовъ встрѣчено около 20 проц. желѣза, 62 проц. низкопробнаго серебра и около 18 проц. бронзы. Золото встрѣчено всего одинъ разъ, въ Пересопницкой группѣ. Сожженіе не было полнымъ, а скорѣе обжиганіемъ покойника—кости были только слегка обуглены и лежали въ совершенномъ порядкѣ. Въ противоположность наблюденію проф. Завитневича относительно дреговицкихъ кургановъ лучанскіе заключали въ себѣ сожженіе преимущественно при женскихъ погребеніяхъ. Судя по всѣмъ перечисленнымъ г-жей Мельникъ признакамъ, восточная группа изслѣдованныхъ могильниковъ можетъ быть съ большей вѣроятностью названа древлянской, чѣмъ западная, и характеристика ея можетъ послужить къ опредѣленію прочихъ границъ земли лучанъ.

2. А. М. Покровскій: *„Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ“.*

Авторомъ была обработана серія въ 59 череповъ изъ раскопокъ Е. Н. Мельникъ на Волыни. Измѣреніями добытыхъ при раскопкахъ костяковъ установлено, что средній ростъ для мужскихъ костяковъ, равенъ 168.95 ст. и для женскихъ 158,45, при чемъ больше 50% были высокаго роста.

Черепа характеризуются длинноголовостью (указ. голов. 74,39 для муж. и 74,7 для жен.), сравнительно небольшой высотой, узкимъ лбомъ: лицо довольно короткое съ сравнительно широкими скуловыми дугами, съ этимъ лицомъ гармонируетъ довольно широкое носовое отверстіе и низкія небольшія орбиты. Серія мужскихъ череповъ представляетъ большое сходство съ серіей женскихъ и имѣетъ обычныя отклоненія. Далѣе авторъ дѣлаетъ попытку дать описаніе формъ по классификаціи проф. Серджи. Главной формой можно считать Ellipsoides съ переходомъ ея въ Pentagonoides и главнымъ образомъ Ellips. isopericampilos; изъ другихъ формъ можно указать на Ellips. cuneatus и Ellips. embolicus. Общая форма этихъ череповъ будетъ овальная или овально-пентагональная и, разсматриваемая съ боку, представляетъ пологій и даже низкій, удлиненный сводъ, одинаково спускающійся и въ лобной и въ затылочной частяхъ; лобъ округлый, затылочная кость очень часто образуетъ бугоръ.

Пр. Анучинъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о смѣнѣ прежняго, длинноголоваго племени послѣдующимъ короткоголовымъ. Это наблюдается во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Далѣе проф. Анучинъ высказалъ сомнѣніе въ пригодности способа Серджи, употребляемаго референтомъ, и замѣтилъ, что изслѣдованіе череповъ изъ волынскихъ, славянскихъ кургановъ указываетъ на преобладающій длинноголовый типъ.

3. Н. Ф. Бѣляшевскій: „*Результаты археологической экскурсіи на р. Западный Бугъ*". Референтъ, указавъ на почти полное отсутствіе свѣдѣній о памятникахъ старины въ данномъ районѣ, вслѣдствіе чего немыслимо было и составленіе археологической карты, — если не для цѣлыхъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній, то хотя бы для частей ихъ, составляющихъ Холмскую Русь, — вкратцѣ изложилъ результаты обслѣдованій обоихъ береговъ р. Западнаго Буга, отъ г. Влодавы до г. Брестъ-Литовска. Преобладающими памятниками, обнаруженными въ данномъ районѣ, оказались памятники неолитической эпохи каменнаго вѣка, находимые на такъ наз. стоянкахъ; этихъ послѣднихъ открыто болѣе 30-ти, и здѣсь собрано большое количество кремневыхъ, каменныхъ и глиняныхъ издѣлій. Въ трехъ мѣстностяхъ, именно, у с. Страдеча, Брестскаго у., Гродн. губ., и у сс. Костомлоты и Добрынь, Бѣльскаго у., Сѣдлецкой губ., найдены также остатки сожженій въ урнахъ, относимые къ болѣе позднему періоду. Въ заключеніе референтъ указалъ на желательность продолженія спеціальныхъ изслѣдованій въ Холмской Руси, остающейся до сихъ поръ краемъ, почти совершенно не изслѣдованнымъ въ археологическомъ отношеніи.

VI отдѣленіе. Памятники языка и письма. 13 августа, днемъ.

Почетный предсѣдатель Н. Ѳ. Сумцовъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Н. И. Петровъ. *Секретари*: А. К. Бороздинъ и В. А. Тураевъ.

Въ началѣ засѣданія о. С. Е. Звѣревъ помянулъ скончавшагося 29 января сего года редактора-издателя „Филологическихъ Записокъ" Алексѣя Андреевича Хованскаго, который не принадлежа ни къ университетской, ни къ академической корпораціи, основалъ и почти 40 лѣтъ редактировалъ въ провинціи первый по времени возникновенія русскій филологическій журналъ, посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ, по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Предсѣдатель отдѣленія, проф. Н. И. Петровъ, предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

1. Докладъ проф. П. В. Владимірова: „*О взаимной связи апокрифической иконографіи, древней русской литературы и народной словесности*".

Исходнымъ пунктомъ доклада была бронзовая икона Рождества Христова, найденная въ Десятинной церкви. Подобныя иконки не рѣдкость: Богоматерь изображается лежащею, Спаситель — въ ясляхъ, тутъ же два животныхъ. Одна изъ такихъ иконъ (въ музеѣ Духовной Академіи) имѣетъ на обратной сторонѣ Богоявленіе. Эти иконы относятся къ XV в.; въ нихъ замѣчаются подробности древняго типа. Эти же подробности встрѣчаются и на энколпіяхъ, но съ характеромъ катакомбной и византійской живописи VIII в. Въ описаніи Тверскаго музея имѣется подобная же икона XI в. съ изображеніемъ Рождества и Богоявленія по греческимъ подлинникамъ: Младенца омываетъ баба Соломія, справа — дѣва подаетъ воду; изображено еще три дѣвы. На такой иконѣ Путивльскаго монастыря изображена баба съ палкой съ одной стороны, а съ другой — Соломія, согласно съ апокрифическимъ Евангеліемъ Іакова. Вѣроятно, подобнаго же рода изображенія могли встрѣчаться и на большихъ иконахъ: въ Псковскомъ единовѣрческомъ монастырѣ имѣется такая икона. Неканоническимъ элементомъ является Соломія изъ протоевангелія Іакова и псевдо-Матѳія. Проф. Н. В. Покровскій говоритъ, что это преданіе проникло въ византійскіе и русскіе письменность и обряды. Съ нимъ

встрѣчаемся у монаха Епифанія IX в., въ Бесѣдѣ трехъ Святителей и въ старопечатныхъ требникахъ (въ „молитвѣ бабѣ, егда принесетъ крестити до 40 дня"). Въ святцы Соломія не вошла, но пользовалась уваженіемъ: на иконѣ Псковской церкви она имѣетъ нимбъ. Бабушка Соломонида упоминается въ молитвѣ противъ дурнаго глаза, а также 26 декабря, когда угощаютъ повитухъ. Въ духовныхъ стихахъ ея нѣтъ, но есть „милостивая" и „аллилуевая жена". Волъ и оселъ воодушевлены сознаніемъ и любовью къ Младенцу; они согрѣваютъ его своимъ дыханіемъ. Южноруссы ввели въ обряды больше религіознаго и христіанскаго элемента, чѣмъ великоруссы, что замѣтно при обрядахъ при родинахъ, въ которыхъ замѣчается вообще связь съ религіозными обрядами. Заговоры упоминаютъ здѣсь о Соломонидѣ-бабушкѣ. Связь заговоровъ и вообще апокрифическихъ изображеній съ иконами можно прослѣдить и на змѣевикахъ (мнѣніе проф. М. И. Соколова) иконахъ св. Никиты и „Снѣ Богородицы на престолѣ", сложившемся подъ вліяніемъ запрестольныхъ богородичныхъ образовъ. Духовные стихи Голубиной книги указываютъ на значеніе Богородицы въ рожденіи человѣка. Явилось смѣшеніе языческаго представленія о Судьбѣ съ почитаніемъ Богоматери. Иконы Рождества Христова указываютъ на связь ихъ съ порицаніемъ древнихъ словъ, направленныхъ противъ почитанія роженицъ, которыхъ сливали съ Богоматерью.

По выслушаніи доклада, Н. И. Троицкій возразилъ, что присутствіе только двухъ животныхъ, и при томъ именно вола и осла,—не апокрифическій элементъ, а основано на пророчествѣ Аввакума и Исаіи. Проф. П. В. Владиміровъ отвѣтилъ, что, будучи согласенъ съ возраженіемъ, онъ понималъ апокрифъ въ смыслѣ Стоглава: „не по подобію". Проф. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что, хотя образковъ подобнаго рода много, но всѣ они не ранѣе XVII вѣка, тогда какъ докладчикъ указалъ на болѣе древніе.

2. Проф. М. Н. Сперанскій: „*Славяно-русскіе переводы Пчелы*".

Указавши на состояніе вопроса объ исторіи переводныхъ Пчелъ въ славяно-русской письменности, охарактеризовавши краткое изданіе Пчелы, сдѣланное В. А. Семеновымъ, докладчикъ пришелъ къ выводу о необходимости изучать вопросъ по греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Результаты этого изученія слѣдующіе: греческіе тексты распадаются на три группы: старшую, среднюю, представляющую распространеніе старшей путемъ введенія въ составъ памятника новыхъ источниковъ, которыхъ можно назвать: Плутарха, Діона Христостома и патр. Фотія, — и позднюю, представляющую извлеченіе изъ второй группы. Къ одной изъ разновидностей этой группы, представляемой парижской рукописью № 1169 и флорентійской (Laur. V), относится оригиналъ русской Пчелы. Этотъ переводъ сдѣланъ прямо на русскій языкъ въ XIII—XIV ст. Второй переводъ — болгарскій, извѣстный въ рукописи парижской Національной библіотеки (№ 26) и рукопись мон. Круждала (Срѣла) — восходитъ къ одной изъ версій старшей греческой редакціи, ничего общаго съ русскимъ переводомъ не имѣетъ и относится къ XIV в. Наконецъ, третій переводъ Пчелы — юго-западно-русскій, сдѣланъ въ мон. Дермани, въ 1599 г., съ печатнаго изданія Гесснера (1516) и стоитъ въ связи съ Острожскимъ изданіемъ библіи.

3. Докладъ П. А. Лаврова: „*Славянскій переводъ Зонары и его отношеніе къ передѣлкѣ хиландарскаго инока Григорія*".

Упомянувъ объ интересѣ къ славянскому переводу Зонары въ славянской филологіи (труды Бодянскаго, А. Н. Попова, И. В. Ягича и др.), докладчикъ остановился на разсмотрѣніи списка полнаго перевода въ рукописи Ундольскаго, сравнительно со спискомъ бѣлградскимъ (извлеченія Каченовскаго XIV кн. Стефанъ) и вѣнскимъ (выписки М. П. Сперанскаго). Обыкновенно переводъ считаютъ сербскимъ, но во всѣхъ трехъ спискахъ много болгаризмовъ въ звукахъ, формахъ, образованіяхъ; окончательное рѣшеніе вопроса о языкѣ можетъ быть сдѣлано послѣ изученія всѣхъ дошедшихъ списковъ, тогда же рѣшится вопросъ, есть ли эти болгаризмы — признакъ болгарскаго перевода, или внесены они переписчиками болгарами въ сербскій переводъ. Докладчикъ

отмѣтилъ, что переводъ сдѣланъ свободно и что стиль его народный (повтореніе предлоговъ, какъ въ языкѣ грамотъ и народныхъ пѣсенъ; глаголъ и дополненіе выражаются словомъ одного корня: вечеру—вечеровъ и др.; имена географическія—въ славянской формѣ изъ живаго употребленія, напр., Одринъ—Адріанополь, даже греческія названія: Неаполь—Новый градъ; имена званій, должностей—таковы же, какъ въ грамотахъ). Лексическій запасъ перевода изобилуетъ грецизмами и рѣдкими словами, не встрѣчающимися у Миклошича и Срезневскаго. Среди такихъ словъ есть восточнаго происхожденія (фармусъ, кутія). При переводѣ библейскаго текста переводчикъ употреблялъ исключительныя слова: вм. греч. *παιδαγογός*—вагюлъ; вм. хотимица въ значеніи *παλλακή*—поднѣга. Обратившись къ опредѣленію взаимнаго отношенія полнаго перевода и краткаго извлеченія Григорія, докладчикъ предположилъ, что найденная въ 1894 г. имъ на Аѳонѣ Зографская рукопись—полный списокъ, а Паралипоменонъ, изд. Бодянскимъ—тотъ же трудъ, не вполнѣ сохранившійся, и что сличеніе ихъ приводитъ къ выводу о полной зависимости передѣлки Григорія именно отъ этого перевода (И въ полномъ переводѣ, и въ передѣлкѣ—одни и тѣ же пропуски изъ греч. текста, одни и тѣ же прибавленія и искаженія). Этими фактами вполнѣ подтверждается предисловіе Григорія (изд. Бодянскаго); безъ греческаго оригинала Зонары онъ не могъ исправить недостатки перваго перевода. Его трудъ выразился въ сокращеніи и въ стремленіи къ большей близости къ греч. оригиналу (это зависитъ отъ принадлежности Григорія, судя по его предисловію, къ писателямъ изъ школы послѣдователей патр. Евѳимія). Если Бѣлградскій списокъ (напеч. Каченовскимъ), дѣйствительно, не имѣетъ удареній, то м. б. Григорію принадлежитъ установленіе правописанія евѳиміевской школы, какъ въ спискахъ Ундольскаго и Вѣнскомъ и въ полномъ переводѣ Зонары. Въ этомъ и въ устраненіи народныхъ чертъ Григорій могъ видѣть свою задачу, какъ исправителя труда „грубыхъ поселянъ". Дальнѣйшій трудъ изслѣдователя долженъ состоять въ томъ, насколько замѣтно въ передѣлкѣ Григорія вліяніе списка библіи, которымъ онъ пользовался, и Георгія Амартола (Интересно употребленіе вм. „хотимица" полнаго перевода „посадница", какъ у Георгія Амартола, изд. Общ. Люб. Др. Письм.). Этотъ трудъ будетъ возможенъ только по изученіи Зографскаго списка.

Въ заключеніе доклада было высказано пожеланіе, чтобы представляющіе большой интересъ славянскіе переводы византійскихъ лѣтописцевъ Амартола, Малалы, Зонары, Манассіи, изданіе которыхъ замышляли Бодянскій, Прейсъ, Куникъ, были возможно скорѣе изданы.

VII отдѣленіе. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. 13 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель В. К. Мальмбергъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Ю. А. Кулаковскій. *Секретарь отдѣленія* Б. В. Фармаковскій.

1. Б. В. Фармаковскій прочелъ свой докладъ: *„Византійская рукопись съ миніатюрами, вновь пріобрѣтенная Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ"*.

Референту возражалъ Н. И. Троицкій, который, не оспаривая мнѣнія референта о происхожденіи рукописи и признавая большое значеніе ея миніатюръ (въ особенности для исторіи монашескаго одѣянія), полагаетъ, что главная символическая миніатюра, представляющая передачу жезла — посоха І. Предтечей „святому отцу", а имъ своему преемнику, означаетъ не передачу власти, какъ полагаетъ референтъ (ибо Предтеча ни въ какомъ смыслѣ не былъ носителемъ и представителемъ власти), а указываетъ на преемство иноческаго житія—шествованія къ небу путемъ аскетическихъ подвиговъ и, такимъ образомъ, указываетъ на происхожденіе иночества отъ І. Предтечи, этого „ангела во плоти", а не отъ сектантовъ—ессеевъ или ѳерапевтовъ или евіонитовъ.

2. В. Р. Фохтъ: *„Объ астрологическихъ данныхъ рожденія Цезаря, Агриппы и Тиберія"*.

Существенный выводъ доклада—тотъ: незначительные сами по себѣ, астрологическіе выводы могутъ оказать намъ большую услугу при рѣшеніи археологическихъ и нумизматическихъ вопросовъ, при опредѣленіи года рожденія Цезаря и другихъ датъ, какъ, напр., времени Манилія, который не могъ посвящать своей поэмы Тиберію послѣ осужденія Либона въ 16 г. по Р. Х. и восхвалять темы императора. Наконецъ, при толкованіи текстовъ мы можемъ найти намеки и указанія на найденныя нами астрологическія данныя.

3. Проф. Ю. А. Кулаковскій: *„Къ исторіи Боспора (Керчи) въ XI — XII вѣкахъ"*. Отмѣтивъ непрерывность исторіи города, начавшаго свою жизнь подъ именемъ Пантикапея, продолжавшаго ее подъ именемъ Боспора, которое онъ смѣнилъ на Корчевъ, откуда произошло нынѣшнее его имя Керчь, — докладчикъ остановился на частномъ вопросѣ, а именно: входилъ ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого? Наша лѣтопись въ сообщеніяхъ о войнахъ и побѣдахъ Тмутараканскихъ князей называетъ лишь сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей княжества: ясовъ, касоговъ, хазаръ, и не содержитъ ни одного упоминанія о Корчевѣ. Отмѣтивъ то обстоятельство, что рыбный промыселъ въ проливѣ является главнымъ жизненнымъ интересомъ того края, докладчикъ видѣлъ въ этомъ апріорное указаніе на необходимость соединенія обоихъ береговъ пролива подъ одной властью. Косвенное подтвержденіе того, что Тмутараканскіе князья держали западный берегъ пролива подъ своей властью, докладчикъ признавалъ въ слѣдующихъ фактахъ. — Интрига противъ князя Ростислава Владиміровича въ 1066 году, сгубившая его ядомъ, шла изъ Корсуня, и злой умыселъ на князя со стороны „котопана" объясняется въ лѣтописи, какъ опасеніе грековъ за свою свободу. Если бы Боспоръ находился тогда подъ греческой властью, то князь могъ бы имѣть враговъ и ближе къ себѣ. Далѣе, текстъ знаменитой надписи князя Глѣба 1068 г., въ которомъ дано разстояніе по льду отъ Тмутараканя до Корчева, вызываетъ общее представленіе, что князь дѣйствовалъ въ предѣлахъ *своего* удѣла. Наконецъ, находка 1872 года, о которой было впервые доложено на прошломъ Кіевскомъ съѣздѣ, 25 лѣтъ тому назадъ, тогдашнимъ директоромъ Керченскаго музея, г. Люценко, — свинцовая печать, съ надписаніемъ „отъ Ратибора" (бывшаго посадникомъ въ Тмутаракани, князя Всеволода въ 1078 году) сдѣлана была на западной сторонѣ пролива близъ Еникале. Хотя эта печать могла случайно попасть въ то мѣсто, но въ связи съ предшествующими указаніями ея мѣстонахожденіе какъ бы является свидѣтельствомъ принадлежности этой территоріи къ предѣламъ Тмутараканскаго княжества. Послѣ 1094 года наша лѣтопись хранитъ полное молчаніе о Тмутаракани. Повидимому, эта территорія подпала подъ власть Византіи. Въ договорѣ имп. Мануила съ генуэзцами, заключенномъ въ 1169 г., Византія открываетъ генуэзцамъ свободный доступъ во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: Матраха (=Таматарха=Тмутаракань=Матрега итальянскихъ картъ) и *Ρωσσία*. Проф. Васильевскій, соглашаясь съ Гейдомъ, искалъ этотъ второй портъ на устьяхъ Дона (русскій перевозъ, поминаемый Рубрукомъ). Брунъ отстаивалъ признаніе въ *Россіи* нынѣшней Керчи. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ согласенъ докладчикъ. Ближайшее подтвержденіе отожествленію „Россіи" съ Боспоромъ можно встрѣтить у арабскаго географа Эдризи, трудъ котораго составленъ въ Сициліи въ 1153 году и покоится на свѣдѣніяхъ, какія были въ ту пору въ оборотѣ у купцовъ, плававшихъ въ дальнія земли. Эдризи знаетъ городъ *Rusia* въ 20 миляхъ къ западу отъ „Матрахи" (Таматарха), а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ слѣдитъ линію берега отъ Корсуня къ востоку, онъ поминаетъ „устье русской рѣки", какъ портъ, лежащій между Судакомъ (Soltadia = Сугдея) и Матрахой (уже у хрониста Ѳеофана Керченскій проливъ является устьемъ рѣки Дона, и арабскій географъ унаслѣдовалъ это смѣшеніе). — Такимъ обра-

зомъ, имя Русь осталось жить на боспорскомъ проливѣ въ ту пору, когда Византія наслѣдовала по какимъ то причинамъ власть русскихъ князей въ Тмутаракани. Вѣроятно, къ этому времени византійскаго господства въ тѣхъ предѣлахъ слѣдуетъ пріурочить свинцовую печать Аркадія „стратига Боспора“, какъ указалъ на то покойный Васильевскій, вопреки изъясненію этой печати, какъ было предложено ея первымъ издателемъ и собственникомъ, Шлюмбергеромъ.—Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ возможность объяснить недавно изданную печать Θеофаніи „архонтисы Россіи“ *(ἀρχοντίσῃ τῆς Ρωσίας)* изъ рода Музалоновъ (въ которой г. Лопаревъ призналъ жену многоскитальнаго князя Олега Святославича) тѣмъ, что западная часть Тмутараканскаго удѣла носила имя Россіи, какъ оно ей дано въ договорѣ имп. Мануила съ генуэзцами.

IV отдѣленіе. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. 13 августа, вечеромъ.

Почетный предсѣдатель В. П. Бузескулъ. *Предсѣдатель отдѣленія* Θ. Я. Фортинскій. *Секретари отдѣленія*: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій.

1. С. К. Богоявленскій: *„о Судебникѣ царя Θедора Ивановича“*, найденномъ имъ въ собраніи Θ. Θ. Мазурина. Судебникъ этотъ составленъ въ 1589 г. и представляетъ изъ себя переработку стараго царскаго Судебника, дополненную 69 новыми статьями. Референтъ сдѣлалъ изложеніе новыхъ статей и выразилъ мнѣніе, что Судебникъ представляетъ изъ себя только проектъ и не былъ введенъ въ дѣйствіе.

При обсужденіи доклада г. Шпаковъ предполагалъ мысль, что открытый Судебникъ, вѣроятно, есть указная книга, составленная какимъ-либо приказомъ изъ разновременныхъ указовъ. Прив.-доц. Н. А. Максимейко, возражая г. Шпакову, указывалъ на то, что вступительныя слова Судебника свидѣтельствуютъ о законодательномъ происхожденіи его и не подтверждаютъ мысли объ административной кодификаціи; упоминаніе же въ этомъ Судебникѣ 1589 г. о намѣстникахъ и волостеляхъ, можетъ быть, подтверждаетъ то мнѣніе, что эти органы мѣстнаго управленія не вездѣ были уничтожены и замѣнены земскимъ самоуправленіемъ при Іоаннѣ Грозномъ.

2. Проф. А. Н. Ясинскій: *„Къ вопросу о происхожденіи средневѣковыхъ урбаріевъ“*. Отмѣчая огромную важность памятниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ урбаріевъ, докладчикъ указалъ на то, что вопросъ о происхожденіи ихъ остается спорнымъ въ научной литературѣ: одни ученые прототипомъ этихъ памятниковъ считаютъ римскіе кадастровые списки, а другіе высказываются въ пользу средневѣковаго происхожденія этихъ источниковъ для исторіи народнаго хозяйства. По изложеніи воззрѣній, высказанныхъ Инама-Штернеггомъ и Лампрехтомъ о происхожденіи и природѣ урбаріевъ, докладчикъ приступилъ къ разбору аргументаціи г. Іосифа Шусты, по мнѣнію котораго исходный пунктъ урбаріальныхъ памятниковъ нужно искать въ римскихъ кадастровыхъ спискахъ, составляемыхъ для такъ называемыхъ выдѣленныхъ округовъ (saltus, fundi excepti). При рѣшеніи спорнаго вопроса особенно важное значеніе докладчикъ придаетъ грамотѣ короля Одоакра (459), указанной Рудольфомъ Хисомъ. Сравнивая средневѣковые урбаріи съ римскими податными списками, докладчикъ указывалъ на существенныя различія въ природѣ и характерѣ этихъ памятниковъ: одни преслѣдовали цѣли государственныя, а другія—частныя; одни составлялись на основаніи показаній землевладѣльцевъ, а другіе—на основаніи показаній зависимыхъ людей; одни находились на храненіи органовъ публичной власти, а другія—частныхъ лицъ; въ однихъ при описаніи владѣній руководились принципомъ территоріальнаго единства, тогда какъ въ другихъ—принципомъ единства юридическаго лица. Урбаріи возникли подъ вліяніемъ условій средневѣковой соціальной жизни, вполнѣ независимо отъ какого-либо вліянія римской кадастровой практики.

Проф. Θ. Я. Фортинскій, соглашаясь въ общемъ съ докладчикомъ, замѣтилъ при

этомъ, что Инама-Штернеггъ ошибочно связываетъ возникновеніе статистическихъ трудовъ каролингскаго времени съ такъ называемой секуляризаціей Пипина и Карломана: секуляризація эта не есть фактъ, а гипотеза (Рота), оставленная современной наукой.

14-го августа, Кіевское городское управленіе чествовало членовъ Съѣзда завтракомъ, послѣ чего, на пароходѣ, предоставленномъ въ распоряженіе членовъ Съѣзда директоромъ - распорядителемъ днѣпровскихъ пароходныхъ обществъ, Д. С. Марголинымъ, совершена поѣздка внизъ по Днѣпру, въ Китаевскую пустынь. Къ приходу сюда парохода археологами В. В. Хвойко и В. А. Городцовымъ, отправившимися въ Китаевъ еще наканунѣ, были совершены подготовительныя раскопки 6 кургановъ. Послѣдніе въ присутствіи участниковъ экскурсіи были окончательно вскрыты, причемъ въ нихъ было найдено 7 скелетовъ, славянской эпохи. Осматривались въ близлежащихъ правобережныхъ приднѣпровскихъ горахъ пещеры.

Осмотръ Стараго города.

15 августа состоялась, подъ руководствомъ проф. В. Б. Антоновича, экскурсія членовъ XI Археологическаго Съѣзда по Старому городу для осмотра его достопримѣчательностей. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Золотоворотскій скверъ, куда къ 11 часамъ утра собралось болѣе 100 членовъ Съѣзда. Ровно въ 11 часовъ начался осмотръ памятниковъ старины. Вся группа вошла въ бывшій проходъ Золотыхъ воротъ, гдѣ В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ краткое сообщеніе, относящееся къ исторіи этого памятника. Ворота эти были построены Ярославомъ Мудрымъ около 1037 г. Онѣ имѣли сводъ, надъ которымъ возвышалась церковь съ золотымъ куполомъ, откуда произошло и названіе воротъ. Они представляли собой входъ въ городъ Ярослава. Этотъ городъ былъ обнесенъ земляными укрѣпленіями, которыя съ одной стороны упирались въ Крещатицкій оврагъ, а съ другой стороны — въ оврагъ Кудрявецъ (на Вознесенскомъ спускѣ, гдѣ строится новое зданіе духовной семинаріи). Мѣсто, гдѣ находились Золотыя ворота, было въ стратегическомъ отношеніи самымъ опаснымъ, такъ какъ съ этой стороны Кіевъ почти не имѣлъ естественной защиты. Всѣ нападенія на Кіевъ производились съ этой стороны; даже если непріятель приходилъ изъ-за Днѣпра, то онъ переходилъ черезъ рѣку и шелъ на штурмъ города со стороны Лыбеди. Вотъ почему Золотыя ворота имѣли столь большое значеніе и были укрѣплены значительно сильнѣе, чѣмъ другія ворота. Вся площадь, лежавшая внѣ воротъ, представляла раньше чистое поле, такъ какъ здѣсь городъ оканчивался. Эта граница города не раздвигалась до XIX вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, въ то время, когда фельдмаршалъ Минихъ укрѣплялъ Кіевъ, Золотыя ворота были засыпаны, и открыли ихъ лишь въ царствованіе Императора Николая I. Въ настоящее время, если разсматривать стѣны воротъ изнутри, въ нихъ очень ясно видны два рода кладки. Одна состоитъ изъ обычныхъ для княжеской эпохи и представляющихъ изъ себя довольно большія тонкія плиты кирпичей, переложенныхъ толстыми слоями цемента, въ составъ котораго вмѣсто песку брался толченый камень; другая же кладка отличается отъ первой тѣмъ, что въ ней слои такихъ кирпичей чередуются со слоями большихъ валуновъ. Обѣ эти кладки восходятъ къ XI вѣку, однако та изъ нихъ, въ которой встрѣчаются валуны, считается нѣсколько болѣе старой.

Отъ Золотыхъ воротъ группа направилась въ Георгіевскій переулокъ, гдѣ были осмотрѣны старыя ворота Софійскаго собора, въ настоящее время заложенныя. Ворота эти по времени постройки относятся къ половинѣ 17-го вѣка. Въ прежнее время отъ этихъ воротъ вела улица прямо къ Золотымъ воротамъ и затѣмъ далѣе, за городъ. Этой дорогой въѣхалъ въ Кіевъ и потомъ къ Софійскому собору гетманъ Богданъ Хмельницкій послѣ его побѣды надъ Поляками.

У начала Георгіевскаго переулка находится Георгіевская церковь. Она лежитъ

на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ великимъ княземъ Кіевскимъ Ярославомъ I былъ построенъ монастырь во имя св. Георгія (христіанское имя Ярослава). Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ разрушенъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка по повелѣнію Императрицы Елизаветы Петровны на фундаментѣ храма временъ Ярослава была построена существующая въ настоящее время небольшая каменная церковь. Достопримѣчательностью послѣдней является находящаяся въ ней гробница извѣстнаго героя греческаго возстанія молдавскаго князя Ипсиланти, надъ которой возвышается прекрасная мраморная статуя, изображающая собой ангела, исполненная извѣстнымъ Кановой.

Изъ Георгіевской церкви экскурсанты направились на Большую Владимірскую улицу, къ такъ называемому Ирининскому памятнику. Послѣдній находится на мѣстѣ монастыря во имя св. Ирины, построеннаго Ярославомъ Мудрымъ одновременно съ Георгіевскимъ монастыремъ. Названъ онъ былъ Ирининскимъ въ честь св. Ирины, имя которой носила супруга Ярослава. Разрушенъ былъ этотъ монастырь, какъ предполагаетъ В. Б. Антоновичъ, во время Менгли-Гиреевскаго разгрома, въ 1482 году. Во второй половинѣ 17 столѣтія, въ то время, когда русскіе воеводы, послѣ присоединенія Кіева къ Московскому государству, возобновляли здѣсь укрѣпленія, развалины Ирининскаго монастыря были засыпаны прошедшимъ здѣсь валомъ. Открыты онѣ были въ 1830-хъ годахъ, когда во время царствованія Николая I проводилась Большая Владимірская улица. Что открытыя изъ-подъ вала развалины представляли собой остатки монастыря во имя св. Ирины, это было несомнѣнно установлено найденными здѣсь предметами. Между прочимъ, здѣсь же было найдено много фрагментовъ архитектурныхъ украшеній великокняжескихъ временъ,—главнымъ образомъ, обломковъ мраморныхъ плитъ, которыми были обложены нижнія части внутреннихъ стѣнъ. Находящійся въ настоящее время на Большой Владимірской улицѣ памятникъ представляетъ собою часть одного изъ внутреннихъ столбовъ, поддерживавшихъ собою сводъ храма. Кирпичъ, изъ котораго онъ сложенъ, является типичнымъ кирпичемъ эпохи 11 и 12 вв.

Послѣ осмотра Ирининскаго памятника члены Съѣзда перешли въ Софійскій соборъ. Осмотръ этого знаменитѣйшаго памятника русско-византійскаго зодчества первой половины 11 вѣка начался снаружи, съ восточной стороны. Софійскій соборъ начатъ постройкой около 1037 года греческими мастерами, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ Ярославъ Мудрый одержалъ блестящую побѣду надъ печенѣгами. Мѣсто битвы въ то время представляло поле, такъ какъ Кіевъ временъ Владиміра Святого и первой половины княженія Ярослава оканчивался тамъ, гдѣ теперь проходитъ Большая Житомирская улица. Если осматривать храмъ снаружи, съ восточной стороны, то можно замѣтить, что самыя крайнія пристройки произведены впослѣдствіи. Эти два пристроенные придѣла рѣзко отличаются отъ остальной части храма своей архитектурой, особенно карнизами и окнами. Вся же большая средняя часть собора, имѣющая 5 большихъ и 2 малыхъ абсидныхъ выступа, сохранилась въ неприкосновенномъ видѣ отъ временъ Ярослава: здѣсь сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ не только стѣны, но и своды куполовъ. Бывшее раньше въ очень большомъ ходу мнѣніе о томъ, будто соборъ этотъ былъ полуразрушенъ не то во времена нашествія Батыя, не то при господствѣ уніатовъ, оказывается лишеннымъ всякаго основанія и древній ярославовъ соборъ сохранился до нашего времени до вершины свода главнаго купола. Окончательно это было установлено передъ празднованіемъ 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, въ 1888 г. Тогда въ соборѣ производился подъ руководствомъ покойнаго настоятеля собора, прот. Лебединцева, ремонтъ. Лѣса были установлены до вершины свода главнаго купола, и вотъ во время этихъ работъ въ главномъ сводѣ была открыта византійская мозаика временъ Ярослава. Мнѣніе о томъ, будто уніаты причинили собору поврежденія, какъ уже было упомянуто, также не вѣрно. Въ 1610 году они, дѣйствительно, при помощи вооруженной силы заняли соборъ, но, боясь народнаго возмущенія, они здѣсь не совершали богослуженія и ограничились лишь тѣмъ,

что опечатали эту чтимую народомъ святыню. При Петрѣ Могилѣ Софійскій соборъ перешелъ обратно къ православнымъ. Осмотрѣвъ наружный видъ храма, экскурсанты перешли внутрь собора. Здѣсь, прежде всего, были осмотрѣны образцы фресокъ и стѣнныхъ орнаментовъ, покрывающихъ собою почти всѣ внутреннія стѣны величественнаго храма и въ значительной своей части сохранившихся со времени постройки храма. Затѣмъ перешли въ среднюю часть храма, откуда осматривали находящіяся въ сводѣ главнаго купола мозаичныя изображенія Господа Саваоѳа и четырехъ архангеловъ по сторонамъ. Послѣ этого экскурсанты осматривали хранящіяся въ соборѣ двѣ византійскія мраморныя гробницы. Одна изъ нихъ, большая, находится въ одномъ изъ алтарей лѣвой части храма, гдѣ она стоитъ у правой стѣны. Крышка этой гробницы богато украшена рѣзными рельефными изображеніями. Это — гробница создателя храма Ярослава Мудраго. Раньше она находилась въ другой части храма, подъ поломъ, но впослѣдствіи была перенесена оттуда и поставлена въ указанномъ алтарѣ. Другая гробница стоитъ у стѣны собственно храма. Эта гробница не имѣетъ крышки. Одинъ уголъ ея отбитъ. По размѣрамъ она значительно меньше Ярославовой. Кто въ ней былъ погребенъ,—неизвѣстно. Послѣ осмотра нижней части собора, участники экскурсіи направились на хоры, подымаясь по лѣвому ходу, примыкающему къ выходу. По стѣнамъ этихъ ходовъ сохранилось много фресокъ 11 вѣка, содержаніемъ которыхъ служатъ сцены охоты, игры, эпизоды изъ придворной великокняжеской жизни и проч. Вообще содержаніе для этихъ фресокъ живописцы первой половины 11 вѣка брали изъ свѣтской жизни. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что во времена Ярослава ходы, ведущіе на хоры, шли въ храмъ снаружи, со двора и только впослѣдствіи, когда къ собору справа и слѣва были пристроены придѣлы, эти ходы очутились внутри церкви. Находящіяся на стѣнахъ этихъ ходовъ фрески, профессоръ В. Б. Антоновичъ считаетъ работой византійскихъ художниковъ. Это доказывается какъ общими характерными чертами византійской живописи того времени (отсутствіе перспективы, уродливость животныхъ и т. д.), такъ и содержаніемъ нѣкоторыхъ фресокъ. Одна изъ послѣднихъ, напримѣръ, изображаетъ въѣздъ на цирковую арену четырехъ колесницъ; въ другомъ мѣстѣ нарисованы наполненныя зрителями ложи цирковаго амфитеатра и т. д. Взойдя на хоры, экскурсанты прежде всего осматривали съ того мѣста, гдѣ поютъ пѣвчіе, прекрасно видныя отсюда мозаичныя изображенія, особенно величественный образъ Богоматери, находящійся въ верхней части главнаго алтарнаго абсида, и изображенія четырехъ евангелистовъ, расположенныя на основаніяхъ главнаго купола. Затѣмъ съ правой и съ лѣвой стороны хоръ осматривали другія мозаики. Здѣсь же были осмотрѣны древнія колонны, чисто-византійскаго стиля. Онѣ состоятъ изъ одного четырехугольнаго столба, съ четырьмя выступающими по сторонамъ круглыми колоннами, увѣнчивающимися сверху одною общею капителью.

По выходѣ изъ собора В. Б. Антоновичъ сообщилъ участникамъ экскурсіи, что во времена великокняжескія во дворѣ Софійскаго собора иногда созывали вѣча, причемъ вѣчевые люди разсаживались на устроенныхъ одна надъ другой вдоль стѣнъ собора скамьяхъ.

Осмотрѣвъ затѣмъ попутно колокольню Софійскаго собора, которая, какъ предполагаетъ В. Б. Антоновичъ, построена въ 17 вѣкѣ (верхній ярусъ надстроенъ въ нынѣшнемъ столѣтіи), группа направилась въ городъ временъ Владиміра Святого. Владиміровскій городъ занималъ совершенно ничтожную по своимъ размѣрамъ площадь. Онъ начинался тамъ, гдѣ теперь пересѣкаются Большая Владимірская и Большая Житомирская улицы. Отсюда онъ продолжался до обрыва горы, занимая такое же пространство и въ ширину. При началѣ послѣдней части Большой Владимірской улицы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сохранялись развалины воротъ князя Владиміра Святого, и только въ XVIII вѣкѣ онѣ были разобраны однимъ изъ кіевскихъ комендантовъ, которому для хозяйственныхъ цѣлей потребовался кирпичъ. Лѣтъ 8–10 тому назадъ, когда

здѣсь рыли траншею для прокладки какихъ-то трубъ, были обнаружены остатки кирпичнаго фундамента самой древней кладки. Фундаментъ этотъ представляетъ собою послѣдніе слѣды воротъ конца X или самаго начала XI вѣка, и въ настоящее время находится подъ мостовой. Съ наружной стороны стѣны города Владиміра, по протяженію нынѣшней Большой Житомирской улицы, въ то время шелъ оврагъ. Въ общемъ, городъ временъ Владиміра былъ столь незначителенъ, что его можно правильнѣе назвать княжеской цитаделью. Послѣдняя, возвышаясь надъ тогдашнимъ настоящимъ городомъ, лежавшимъ на Подолѣ, командовала надъ нимъ. Такимъ образомъ, князь, занимая съ своей дружиною эту цитадель, имѣлъ въ виду защиту не только отъ внѣшнихъ враговъ: этимъ самымъ онъ держалъ въ рукахъ и жившихъ на Подолѣ кіевлянъ.

Пройдя далѣе, экскурсанты остановились у ограды Десятинной церкви, противъ усадьбы князя Трубецкого. Усадьба эта занимаетъ уголъ Большой Владимірской и Десятинной улицъ. Крайняя угольная ея часть, довольно значительно возвышающаяся надъ уровнемъ мостовой, пока не застроена. Эта незастроенная часть усадьбы, занятая садомъ, и представляетъ собою мѣсто, гдѣ возвышался великокняжескій теремъ. Доказывается это съ большею или меньшею вѣроятностью какъ историческими, такъ и археологическими данными. Такъ, съ одномъ изъ лѣтописныхъ сообщеній говорится, что между княжескимъ теремомъ и Десятинной церковью лежала небольшая площадь, а за теремомъ находилась Трехсвятительская церковь. Это мѣсто лѣтописи дало основаніе предположить, что мѣсто терема какъ разъ совпадаетъ съ площадью усадьбы князя Трубецкого. Предположеніе это впослѣдствіи подтвердилось. Во время работъ по возведенію постройки въ концѣ этой усадьбы были обнаружены, при рытьѣ канавъ для фундаментовъ, остатки какой-то древней кладки. Послѣдняя, по очисткѣ ея, оказалась имѣющей форму трехъ сторонъ многоугольника, сходящихся подъ очень тупыми углами. Кирпичъ этой кладки, дѣйствительно, оказался кирпичемъ великокняжеской эпохи. Тамъ же было найдено много предметовъ, относящихся къ той же эпохѣ. Большинство этихъ находокъ въ настоящее время находится въ музеѣ г. Хайновскаго. Къ сожалѣнію, владѣлецъ усадьбы не позволяетъ археологамъ произвесть на его землѣ систематическихъ раскопокъ, которыя, быть можетъ, обогатили бы науку многими важными находками. Въ заключеніе своего сообщенія о мѣстѣ великокняжескаго терема, В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что въ настоящее время на крайнихъ частяхъ фундаментовъ терема со стороны Большой-Владимірской, такъ и со стороны Трехсвятительской улицъ уже возведены постройки.

Послѣ этого группа занялась осмотромъ Десятинной церкви. Десятинная церковь впервые была построена Владиміромъ Святымъ. Она была главнымъ соборомъ для всего государства, и на содержаніе ея князь выдавалъ десятую часть своихъ доходовъ. Послѣ того, какъ полчища Батыя послѣ ожесточеннаго штурма ворвались въ стѣны главной цитадели, оставшіеся въ живыхъ воины вмѣстѣ со многими жителями города укрылись въ эту церковь и тамъ погибли подъ рухнувшими хорами и сводами храма. Послѣ того Десятинная церковь очень долго оставалась въ развалинахъ. Ко времени знаменитаго Петра Могилы изъ всѣхъ развалинъ болѣе другихъ уцѣлѣли остатки двухъ стѣнъ, образовавшихъ прямой уголъ. Къ этимъ двумъ стѣнамъ Петръ Могила пристроилъ двѣ другія стѣны, и такимъ образомъ вновь возникла здѣсь церковь, называвшаяся Могилянской. Тогда же, при раскопкахъ, была найдена гробница, признанная Петромъ Могилой гробницей князя Владиміра Святого и поставленная имъ внутри храма, съ правой стороны, передъ алтаремъ. Нынѣ существующая церковь построена уже въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, на средства помѣщика Анненкова. Она возведена на мѣстѣ фундамента старой, Владимірской церкви, но занимаетъ площадь въ $2^1/_2$ раза меньшую. Внутри Десятинной церкви была осмотрѣна прежде всего гробница Владиміра Святого, послѣ чего были осмотрѣны многочисленные предметы, найденные въ землѣ, во время постройки нынѣшней церкви и хранящіеся нынѣ въ особомъ шкапу.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе куски древнихъ фресокъ, обломки орнаментовъ, двѣ серебряныя гривны, серьги великокняжеской эпохи, византійскіе крестики и т. д. Въ нижней части шкапа находится одинъ цѣлый колоколъ и одинъ разбитый. Оба они найдены въ землѣ и носятъ на себѣ слѣды далекаго прошлаго. Во дворѣ не такъ давно, при производствѣ какихъ-то хозяйственныхъ работъ, были найдены въ землѣ двѣ гробницы великокняжеской эпохи, но не были вынуты.

Изъ Десятинной церкви группа направилась къ Андреевской церкви и поднялась на окружающую ее площадку. Здѣсь, стоя у чугунной рѣшетки, В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе о достопримѣчательностяхъ разстилавшагося передъ взорами окружавшихъ его лицъ Подола. Прежде всего имъ была указана гора Щекавица, при мысли о которой невольно вспоминается легенда о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди. Легенду эту В. Б. Антоновичъ объясняетъ въ томъ смыслѣ, что когда-то на мѣстѣ Кіева существовало четыре отдѣльныхъ поселенія, которыя съ теченіемъ времени съ общаго согласія соединились въ одну общину. Затѣмъ было указано мѣсто яровъ „Гончары“ и „Кожемяки“, очевидно, удержавшихъ свои названія съ того древняго времени, когда мастеровые каждаго цеха жили на различныхъ концахъ. Было указано теченіе древней р. Почайны, въ устьѣ которой еще во времена сѣдой древности находилась Кіевская гавань. Это видно изъ словъ княгини Ольги, которая, приглашая въ гости, въ Кіевъ, византійскаго императора, говорила ему, что онъ пробудетъ у нея въ Почайнѣ столько же, сколько она пробыла у него въ Рогѣ (въ Золотомъ Рогѣ, заливъ Босфора). На низкой части Подола, на такъ называемой Оболони, въ наше время былъ найденъ кладъ греко-римскихъ монетъ III вѣка. Это даетъ право предположить, что уже въ то время Кіевъ велъ довольно оживленныя торговыя сношенія съ далекимъ югомъ. Была указана Ильинская церковь, лежащая близъ берега Днѣпра и находящаяся вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ уже въ половинѣ X вѣка существовала церковь во имя св. Иліи (упоминается въ договорѣ съ греками 945), и Братскій монастырь, основанный въ концѣ XVI или началѣ XVII в., съ центромъ южно-русскаго просвѣщенія при немъ, Могилянской коллегіей, впослѣдствіи преобразованной въ Духовную Академію; нынѣшній монастырскій храмъ и лѣвый академическій корпусъ построены гетманомъ Мазепой. Противъ Братскаго монастыря небольшая Успенская церковь, первоначально восходитъ въ великокняжеской эпохѣ. Въ XV вѣкѣ, во время разгрома Менгли-Гирея, она была значительно повреждена. Когда же въ первой половинѣ XVII вѣка уніаты опечатали Софійскій соборъ, кіявляне возстановили Успенскій храмъ, и онъ пріобрѣлъ значеніе собора. Была затѣмъ указана Замковая гора, игравшая во времена литовско-польскаго владычества роль военно-административнаго центра. На ней еще Витовтомъ былъ построенъ замокъ. Далѣе В. В. Антоновичъ сообщилъ, что на мѣстѣ виднѣющагося за Днѣпромъ села, во времена великокняжескія, черниговскіе князья, питавшіе постоянныя поползновенія на овладѣніе Кіевскимъ престоломъ, имѣли постоянный укрѣпленный пунктъ, игравшій наблюдательную роль и называвшійся „Черниговскимъ городкомъ“. Указаны были и многіе другіе пункты, въ томъ числѣ далеко виднѣвшійся Вышгородъ, послѣ чего группа направилась въ Трехсвятительскую церковь, мимоходомъ осмотрѣвъ снаружи Андреевскую церковь, построенную во время царствованія Елисаветы Петровны.

Трехсвятительская церковь была построена Владиміромъ Святымъ на мѣстѣ, гдѣ до крещенія Руси возвышался идолъ Перуна. Церковь эта, посвященная первоначально св. Василію, имя котораго принялъ послѣ крещенія князь Владиміръ, несмотря на всѣ невзгоды, сохранилась со времени своей постройки и до настоящаго времени въ неприкосновенномъ видѣ, и произведенныя изслѣдованія показали, что всѣ ея стѣны и своды сложены изъ кирпича великокняжеской эпохи. За церковью, надъ обрывомъ, до сихъ поръ сохранились остатки земляного вала эпохи великаго князя Владиміра. Правда, этотъ валъ впослѣдствіи, во время возобновленія въ XVII вѣкѣ кіевскихъ укрѣпле-

ній русскими воеводами, былъ поднятъ, но именно поднятъ, а не перенесенъ на другое мѣсто. Ниже этого вала виднѣется обрывъ, называющійся „Чортовымъ Беремищемъ". Это тотъ обрывъ, въ который былъ свергнутъ Перунъ. Вблизи „Чортова Беремища" раньше пролегалъ шедшій отъ Михайловскаго монастыря по направленію къ Рождественской церкви на Подолѣ спускъ, называвшійся „Боричевымъ взвозомъ". Это былъ, вѣроятно, древнѣйшій путь, соединявшій великокняжескій городъ съ Подоломъ. По этому взвозу тащили кіевляне въ рѣку Перуна.

Осмотрѣвъ усадьбу Трехсвятительской перкви, экскурсанты направились въ Михайловскій монастырь. Монастырь этотъ построенъ въ первой половинѣ XII вѣка великимъ княземъ Святополкомъ II, православное имя котораго было Михаилъ. Не подвергаясь ни разу разрушенію, если не считатъ незначительныхъ поврежденій, причиненныхъ въ XV вѣкѣ, монастырь этотъ много разъ перестраивался и расширялся, вслѣдствіе чего въ настоящее время онъ представляетъ собою смѣсь множества стилей, и лишь средняя часть этого памятника XII вѣка болѣе другихъ сохранилась. При постройкѣ монастыря внутреннія стѣны его по примѣру Софійскаго собора были украшены мозаиками и фресками, но послѣднія не сохранились. Лишь въ главномъ алтарѣ лѣтъ 10 тому назадъ было открыто нѣсколько мозаичныхъ изображеній. Осмотръ Михайловскаго монастыря начатъ былъ съ находящихся въ передней части его вдѣланныхъ въ стѣны гробницъ основателя Златоверхой обители Святополка II и его супруги. Надъ гробницами этими устроены сводчатыя ниши. Затѣмъ былъ осмотрѣнъ весь храмъ внутри, особенно рака съ мощами св. Варвары великомученицы и другая рака съ частицами мощей. Эта вторая рака замѣчательна тѣмъ, что она сдѣлана въ концѣ XVII вѣка кіевскими мастерами, по заказу гетмана Мазепы.

Осмотрѣвъ храмъ внутри, экскурсанты направились во дворъ монастыря, гдѣ въ одну изъ стѣнъ послѣдняго вдѣланы двѣ большія плиты изъ краснаго шифера, съ рельефными изображеніями на нихъ, относящимися ко времени постройки храма. На обѣихъ плитахъ изображены верхомъ на коняхъ Георгій Побѣдоносецъ и Димитрій, въ боевой одеждѣ и вооруженные. На первой плитѣ они поражаютъ зміевъ, а на второй—половца.

15 августа, въ $11^1/_2$ часовъ утра, небольшая группа членовъ археологическаго съѣзда начала подъ руководствомъ профессора Е. И. Петрова осмотръ Кіево-Подола въ археологическомъ отношеніи. Экскурсанты собрались въ скверѣ противъ 3-й гимназіи, затѣмъ поднялись на Замковую (нынѣ Флоровскую) гору, откуда открывается почти весь Кіево-Подолъ. Затѣмъ экскурсанты, спустившись съ Флоровской горы, въ вагонахъ электрической желѣзной дороги проѣхали до Кіево Кирилловской церкви, осмотрѣли по пути древнія урочища, и наконецъ, самую Кирилловскую церковь съ ея древними фресками.

Общее собраніе 16 августа, утромъ.

Предсѣдатель Съѣзда графиня П. С. Уварова. *Предсѣдатель ученаго комитета* В. Б. Антоновичъ. *Секретарь комитета* О. И. Левицкій.

I. М. В. Довнаръ-Запольскаго: *„Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ коммиссій за послѣдніе три года"*.

Дѣятельность эта состояла: а) въ осмотрѣ и разборѣ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ; б) въ археологическихъ раскопкахъ и пополненіи мѣстныхъ музеевъ; в) въ охранѣ памятниковъ старины; г) изданіи ученыхъ изслѣдованій и историческихъ матеріаловъ, и наконецъ,—д) въ устройствѣ нѣкоторыми коммиссіями публичныхъ чтеній. Несмотря на разныя препятствія, главнымъ образомъ зависящія отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, дѣятельность архивныхъ комиссій въ истекшее трехлѣтіе продолжалась съ неослабною энергіею и успѣхомъ, при чемъ въ послѣднее время замѣтно преобладаніе работъ учено-архивныхъ надъ археологическими.

При обсужденіи этого отчета нѣкоторыми членами было высказано пожеланіе, чтобы изданія архивныхъ коммиссій, вообще мало доступныя, поступали въ продажу и чтобы упорядоченъ былъ обмѣнъ ими съ другими учеными обществами. Затѣмъ проф. Д. И. Багалѣй обратилъ вниманіе на то, что, какъ видно изъ отчетовъ нѣкоторыхъ архивныхъ коммиссій, онѣ нерѣдко принимаютъ на себя трудъ просмотра описей и дѣлъ не только мѣстныхъ архивовъ, но получаютъ описи и дѣла изъ отдаленныхъ губерній. Такъ, напр., описи архивовъ Полтавской Казенной Палаты и Палаты государственныхъ имуществъ были переданы на просмотръ Рязанской архивной коммиссіи, Плоцкихъ архивовъ—Калужской коммиссіи и т. д. Изъ объясненій, представленныхъ С. Д. Яхонтовымъ и другими членами, выяснилось, что это ненормальное явленіе происходитъ отнюдь не по желанію архивныхъ коммиссій, а лишь потому, что нѣкоторыя присутственныя мѣста, преимущественно вѣдомства министерства финансовъ и государственныхъ имуществъ, присылаютъ описи своихъ архивовъ въ тѣ или другія коммиссіи по своему усмотрѣнію. Признавъ такой порядокъ ненормальнымъ и нежелательнымъ, общее собраніе, по предложенію графини П. С. Уваровой, постановило: просить Императорское Московское Археологическое Общество подробно обсудить данный вопросъ и войти въ министерства финансовъ и государственныхъ имуществъ съ ходатайстмомъ, чтобы подвѣдомственныя имъ присутственныя мѣста не разсылали дѣлъ и описей своихъ архивовъ въ отдаленныя архивныя коммиссіи, минуя мѣстныя такія же коммиссіи или однородныя ученыя учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее собраніе признало желательнымъ и на будущее время присылку Предварительному Комитету годовыхъ отчетовъ архивныхъ коммиссій для составленія и доклада будущему Археологическому Съѣзду общаго обзора ихъ дѣятельности.

2. В. М. Виттыга: *„О нуждахъ археологіи въ Царствѣ Польскомъ“*. Указавъ на то, что на территоріи Царства Польскаго встрѣчается весьма много предметныхъ, монументальныхъ и др. остатковъ древности, но ихъ некому изучать и охранять по отсутствію въ краѣ соотвѣтственнаго ученаго учрежденія, докладчикъ предложилъ Съѣзду ходатайствовать, чтобы въ Варшавѣ было учреждено Археологическое Общество и при немъ музей, въ который были бы возвращены изъ столичныхъ музеевъ дублеты древнихъ вещей, найденныхъ на территоріи Привислянскаго края.

I отдѣленіе. Древности первобытныя. 16 августа днемъ (въ Городскомъ Музеѣ древностей и искусствъ).

Почетный предсѣдатель С. М. Сольскій. *Предсѣдатель отдѣленія* Д. Н. Анучинъ. *Секретарь отдѣленія* В. К. Трутовскій.

Проф. П. Я. Армашевскій: *„О стоянкѣ человѣка палеолитической эпохи по Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ“*. Открытіемъ этой стоянки мы обязаны В. В. Хвойко, который осенью 1893 г. въ усадьбѣ г. Зиваля нашелъ нѣсколько костей мамонта совмѣстно съ кремневыми орудіями и сообщилъ объ этомъ проф. В. Б. Антоновичу,—а послѣдній референту. При первомъ же посѣщеніи мѣстности, гдѣ была сдѣлана находка, референтъ увидѣлъ, что найденные предметы представляли исключительный интересъ, залегая подъ огромною толщею горныхъ породъ послѣтретичнаго возраста.

Мѣстность, гдѣ была сдѣлана находка, представляетъ собою часть береговой возвышенности, окаймляющей долину Днѣпра. Эта возвышенность прорѣзана здѣсь двумя глубокими оврагами, между которыми тянется продолговатый холмъ, постепенно понижающійся отъ Лукьяновки къ Кирилловской улицѣ; одинъ изъ склоновъ этого холма обращенъ къ усадьбѣ бывшей Зиваля, а противоположный — къ усадьбѣ бывшей Багрѣева. При раскопкахъ и изслѣдованіи склона въ усадьбѣ Зиваля обнаружено было слѣдующее напластованіе, считая сверху внизъ: 1) лессъ, мощностью около 5 сажень, 2) желтоватобурый слоистый суглинокъ до 1 сажени, 3) сѣрые

и зеленовато-сѣрые, мѣстами глинистые пески, до 3 саженъ, 4) въ самомъ низу—синяя спондиловая глина. Въ сѣрыхъ пескахъ, на глубинѣ около 8 саженъ отъ поверхности, и были найдены кости мамонта, кремневыя отбивныя орудія, древесный уголь, куски дерева и кости, отчасти обожженныя, а также валуны, гранитъ, подвергавшіеся дѣйствію огня. Первоначально названные предметы попадались отдѣльно; но по мѣрѣ того, какъ раскопки подвигались внутрь холма, число предметовъ увеличивалось, и обнаруженъ былъ культурный слой, представлявшій собою непрерывный пропластъ изъ смѣси угля, обломковъ костей, кремневыхъ орудій и проч. Изслѣдуя противоположный склонъ холма, въ усадьбѣ Багрѣева, референтъ встрѣтилъ совершенно такое-же напластованіе, какъ и въ усадьбѣ г. Зиваля, при чемъ и здѣсь въ сѣрыхъ пескахъ найденъ былъ культурный слой, на глубинѣ около $6^1/_2$ сажень отъ поверхности, слѣдовательно, около—2-хъ сажень выше культурнаго слоя въ усадьбѣ г. Зиваля. Здѣсь также были произведены раскопки, указавшія, что культурный слой въ усадьбѣ г. Багрѣева содержалъ огромное количество кремневыхъ орудій, но кости мамонта здѣсь попадались только изрѣдка. Кромѣ того, замѣчено было, что онъ залегалъ прерывистыми участками. Такимъ образомъ работами какъ со стороны усадьбы г. Зиваля, такъ и г. Багрѣева, холмъ былъ значительно раскопанъ, но во всякомъ случаѣ главная его масса, гдѣ можно было предполагать еще большее нахожденіе предметовъ стоянки человѣка, оставалась нетронутой до нынѣшняго года. Въ нынѣшнемъ году г. Зайцевъ, купившій усадьбы Зиваля и Багрѣева, пожелалъ устроить кирпичный заводъ, для чего ему нужно было срѣзать переднюю часть холма, чтобы получить залегающую внизу синюю глину. Предприняты были обширныя земляныя работы, за которыми въ лицѣ В. В. Хвойко, былъ установленъ самый тщательный надзоръ. Благодаря этимъ работамъ постепенно была обнажена почти вся площадь бывшей стоянки, достигавшая, какъ оказалось, около 700 кв. сажень (35 с. въ длину и 20 с. въ ширину). Мощность культурнаго слоя, имѣвшаго при раскопкахъ въ усадьбѣ г. Зиваля не болѣе 2—5 сантиметровъ, постепенно увеличиваясь, возрастала въ иныхъ мѣстахъ до 40 сантиметровъ. Такимъ образомъ, произведенныя раскопки дали возможность собрать по возможности всѣ предметы стоянки человѣка, при чемъ въ настоящее время не можетъ существовать никакихъ сомнѣній, что эти предметы попали сюда не случайно, а снесены рукою человѣка. Это доказывается какъ свойствами культурнаго слоя, представляющаго собою несортированное водою скопленіе веществъ, весьма различныхъ по удѣльному вѣсу, такъ и свойствами самыхъ предметовъ, не подвергавшихся ни малѣйшему обтачивающему дѣйствію воды. Кромѣ того, самое количество костей мамонта, здѣсь найденныхъ, исключаетъ предположеніе о томъ, чтобы эти кости были занесены водою. Эти кости, въ видѣ челюстей, бивней, коренныхъ зубовъ, переднихъ и заднихъ конечностей и др., принадлежатъ по крайней мѣрѣ 50 индивидуумамъ весьма различнаго возраста. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ на себѣ ясные слѣды разлома рукою человѣка. Кремневыхъ орудій въ нижнемъ культурномъ слоѣ найдено около 200 штукъ. Орудія эти довольно грубой работы и иногда приготовлены изъ кремнистаго известняка. Кромѣ того, здѣсь найдены обдѣланные бивни мамонта, служившіе человѣку орудіемъ, представляющіе исключительную рѣдкость. Бивни эти съ одного конца закруглялись, а съ другого подчищались для образованія удобной рукоятки. Раскопки 1899 года показали также, что верхній культурный слой, открытый въ усадьбѣ г. Багрѣева, представляетъ собою болѣе поздній, независимый отъ нижняго. Кремневыя орудія, найденныя въ немъ въ количествѣ болѣе 3000, являлись болѣе совершенными. Въ одномъ мѣстѣ здѣсь встрѣчена куча изъ нѣсколькихъ сотъ кусковъ кремня, очевидно, собранная для выдѣлки орудій. Нуклеусы попадались также весьма нерѣдко. Въ верхнемъ культурномъ слоѣ, кромѣ костей мамонта, найдены зубы ископаемаго медвѣдя, и челюсти ископаемыхъ кошки и гіены. Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣнію геологическаго возраста описанной стоянки, референтъ привелъ данныя, указывающія, что описанные предметы, несомнѣнно, нахо-

дились въ отложеніяхъ послѣледниковой эпохи и что человѣкъ на территоріи нынѣшняго Кіева появился въ началѣ этой эпохи, вскорѣ послѣ отступленія ледника, когда здѣсь господствовалъ холодный климатъ, благопріятный для жизни мамонта. Принимая во вниманіе необыкновенную глубину залеганія предметовъ описанной стоянки (болѣе 8 саженъ), нужно думать, что она является самой древней въ Россіи изъ всѣхъ извѣстныхъ до сего времени и по самымъ минимальнымъ исчисленіямъ, вѣроятно, прошло не менѣе 20000 лѣтъ со времени существованія этой стоянки.

По окончаніи доклада проф. Д. Н. Анучинъ указалъ на то, что здѣсь невольно возникаетъ рядъ вопросовъ и сомнѣній. Прежде всего, кажется очень страннымъ, что рядомъ съ костями мамонта не найдено никакихъ орудій, которыми человѣкъ могъ бы убить этого гиганта-звѣря. Д. Н. Анучинъ высказалъ даже мысль о томъ, не вымеръ-ли мамонтъ еще раньше человѣческой жизни на открытой В. В. Хвойко стоянкѣ, какъ говоритъ Спенсеръ, и не явились-ли эти кости для первобытнаго человѣка предметами ископаемыми, которые онъ, находя въ землѣ, и сносилъ для разныхъ цѣлей къ мѣсту своего жилища.

2. А. М. Покровскій и В. В. Хвойка: *„О раскопкахъ В. В. Хвойки въ Кіевскомъ уѣздѣ“*.

Производя раскопки на вершинѣ того холма, подъ которымъ была открыта палеолитическая стоянка, г. Хвойка нашелъ тамъ слѣды неолитической стоянки. Дальнѣйшія изслѣдованія привели къ открытію ямъ, въ которыхъ жилъ человѣкъ. Діаметръ этихъ ямъ, составляетъ около 5 аршинъ. На днѣ ямъ находилось много разныхъ предметовъ. Между прочимъ, здѣсь было найдено много черепковъ, нѣкоторые изъ которыхъ были расписаны. Вскорѣ послѣ этого В. В. Хвойкѣ были доставлены такіе же точно черепки, найденные близь м. Триполья, и онъ отправился къ названному мѣстечку для раскопокъ. Во время послѣднихъ имъ и была открыта совершенно новая для Россіи культура, экспонированная въ помѣщеніи Музея древностей и искусствъ. Характерной особенностью этой культуры являются горизонтальныя площадки, сдѣланныя изъ обожженной глины. Площадки эти залегаютъ обыкновенно на глубинѣ 20—30 сантиметровъ отъ поверхности земли. Состоятъ онѣ изъ нѣсколькихъ слоевъ глины, число которыхъ иногда доходитъ до 6. Площадки эти не велики, но одинъ разъ была найдена площадка значительныхъ размѣровъ: 22 аршина въ ширину, при 40 аршинахъ въ длину. Иногда куски этой обожженной глины сохраняютъ вдавленные слѣды прутьевъ, палокъ и т. д. Многія площадки сохранили слѣды окраски. Послѣдняя бываетъ различныхъ цвѣтовъ: красная, желтая, сѣровато-бѣлая и проч. Окраска эта составляетъ довольно значительный слой: очевидно, это была не окраска, а обмазка. На площадкахъ и подлѣ нихъ было находимо много глиняныхъ сосудовъ, разныхъ орудій и другихъ предметовъ. Иногда орудія лежатъ какъ бы въ нишахъ. Попадались также при раскопкахъ пирамидально-сложенныя кучи камней, съ ямой внизу, доходящей до твердаго грунта. Главная масса предметовъ—глиняные сосуды, которые по формѣ и по характеру орнаментовъ В. В. Хвойка дѣлилъ на два типа, сообразно съ чѣмъ онъ и всю открытую у Триполья культуру, дѣлитъ на два рода: А и В. Культура А характеризуется множествомъ странныхъ орнаментированныхъ, по преимуществу, параллельными волнистыми вдавленными линіями сосудовъ, имѣющихъ самую различную форму: круглую, колоколообразную, грушевидную, биноклеобразную и т. д. Наиболѣе загадочны эти послѣдніе сосуды. Они почти всегда бываютъ соединены по два вмѣстѣ и не имѣютъ дна. На сосудахъ культуры В попадаются украшенія въ видѣ прилѣпленныхъ къ нимъ грубо сдѣланныхъ головъ животныхъ, среди которыхъ можно ясно различить голову быка. Характерной особенностью культуры В являются небольшія, очень грубо сдѣланныя глиняныя фигурки человѣка, по преимуществу, женскія. Орудій при раскопкахъ въ окрестностяхъ Триполья было найдено не много. Орудія сдѣланы изъ кремня, камня и кости. Кромѣ того, въ культурѣ А изрѣдка попадаются мѣдные топорики. Наибольшій

интересъ изъ кремневыхъ орудій представляютъ длинные, изогнутые осколки, которые В. В. Хвойка считаетъ серпами. Такихъ ножей въ одномъ сосудѣ было найдено одновременно нѣсколько. По окончаніи доклада проф. Милюковъ замѣтилъ, что такая же точно культура находилась въ Галиціи, на Балканскомъ полуостровѣ и т. д. Шла она, надо полагать, съ юга на сѣверъ и на сѣверо-востокъ. Характеръ керамики дѣлаетъ это даже несомнѣннымъ. Проф. Д. Н. Анучинъ высказался въ томъ смыслѣ, что направленія, по которому распространялась эта культура, установить невозможно. Можно только говорить объ охватываемомъ ею географическомъ районѣ.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель отдѣленія указалъ на богатство матеріала даннаго въ руки наукѣ В. В. Хвойкою, и собраніе привѣтствовало почтеннаго дѣятеля шумною оваціей.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.
16 августа, вечеромъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. И. Багалѣй. *Секретарь отдѣленія* О. А. Фотинскій.

1. А. И. Бунинъ: *„Гдѣ находились ворота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1268 г.“*

По извѣстію, записанному въ Волынской лѣтописи подъ 1268 г. (П. С. Р. Л. II, 203 с.), въ западной Украйнѣ Русской земли, около сел. Тернавы и близь польской границы, находилось ущелье наз. *воротами:* это было говоритъ лѣтописецъ, „мѣсто твердо, зане, немощно бысть обойти его никуда же, тѣмже нарѣчахуться *ворота* тѣснотою своею“. Черезъ эти ворота прошли поляки, направляясь къ Бѣльзу, для разоренія его окрестностей, черезъ нихъ же они возвращались въ свою землю и сломили въ нихъ сильный полкъ кн. Шварна, причемъ инымъ полкамъ невозможно было дать ему помощи ниоткуда за тѣснотою.

Барсовъ (Оч. Рус. Ист. Геогр. 269), для опредѣленія мѣстоположенія этихъ воротъ, указываетъ на сел. Пржевратно, въ 20 в. къ С. отъ г. Рѣшова, предоставляя, впрочемъ, мѣстнымъ изысканіямъ рѣшить: вѣрно-ли это предположеніе и соотвѣтствуютъ-ли окрестности этого селенія описанію, которое даетъ лѣтопись воротамъ 1268 г. Насколько мнѣ извѣстно, по этому вопросу непослѣдовало еще отзыва. Но указанное селеніе находится далеко въ сторонѣ отъ упоминаемой въ лѣтописи Тернавы и по топографическимъ условіямъ не соотвѣтствуетъ лѣтописному описанію, по которому необходимо, чтобы мѣстность представляла горный кряжъ, поперекъ коего проходило ущелье, а Пржевратно на ровной мѣстности и въ близкомъ отъ него разстояніи нѣтъ горнаго прохода, къ которому могло бы относиться названіе *воротъ*.

Для того, чтобы опредѣлить, гдѣ находились *ворота*, надобно предварительно установить мѣстоположеніе сел. Тернавы, въ которомъ былъ назначенъ въ томъ году съѣздъ русскихъ и ляшскихъ князей, и около котораго обошли поляки, направляясь черезъ ворота къ Бѣльзу. За такое селеніе, несомнѣнно, слѣдуетъ признать теп. Тарнаву на р. Поръ, рядомъ съ г. Туробинымъ, Красноставскаго у., потому что она находится на продолженіи прямой линіи изъ Владиміра Волынскаго чрезъ Грабовецъ, въ которомъ находился, ѣхавшій въ Тернаву, кн. Василько и получилъ извѣстіе о нападеніи поляковъ на Бѣльзъ. Отъ этой Тернавы, въ 15 в. къ Ю.-В., какъ показано на 3-верстной военно-топографической картѣ (р. XXI, л. 1), начинается горный кряжъ, направляющійся съ С. на Ю., на протяженіи до 25 вер., между лѣвой стороною верхняго теченія р. Вепря и правою стороною р. Горайца. Кряжъ этотъ, поросшій лѣсомъ, достигаетъ высоты 155½ фут., развѣтвляется на множество боковыхъ отроговъ и изрытъ съ обѣихъ сторонъ оврагами. Въ этомъ кряжѣ и надобно искать лѣтописныя *ворота*. Насколько можно судить по картѣ, дѣйствительно, онъ въ одномъ мѣстѣ разрѣзается, во всю 6-верстную ширину, двумя оврагами, сходящимися своими вершинами

и образующими, такимъ образомъ, ущелье, начиная отъ южной оконечности сел. Ковенчина на р. Вепрѣ, а другимъ концомъ выходящее между селеніями Вольной Черностоцкой и Дзельцомъ, на р. Гораецъ, въ 18 в. къ Ю.-В. отъ сел. Тернавы. Ущелье это проходитъ въ $^1/_2$ в. съ южной стороны и параллельно съ теперешней дорогой изъ сел. Ковенчика въ д. Подборче, а въ старину, во время событія 1268 г., могло быть единственнымъ путемъ сообщенія въ этомъ краѣ польской стороны съ русскою, такъ какъ вся эта мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ и крайне пересѣченная, не допускала тогда возможности проложенія другихъ дорогъ. Топографическія условія указываемаго ущелья также соотвѣтствуютъ лѣтописному разсказу, такъ какъ, при выходѣ съ западной стороны, оно настолько тѣсно, что не допускало возможности, ни развернуться передовому русскому полку, ни получить подкрѣпленіе отъ полка за нимъ слѣдовавшаго, почему они и потерпѣли пораженіе, несмотря на то, что были многочисленны и „виденіемъ акы боровѣ велицеи". Равнымъ образомъ и мѣстонахожденія отмѣченнаго ущелья, близь польской границы, подтверждается тѣмъ, что р. Ладъ, протекающая западнѣе р. Горайца, по извѣстію Волынской лѣтописи подъ 1245 г. (529 с.), была уже въ Польской землѣ, а судя по картѣ Галиціи 1770-хъ годовъ, эта граница проходила съ С. на Ю., почти на половинномъ разстояніи между рр. Ладой и Горайцомъ. Что же касается сел. Тернавы, то, несомнѣнно, оно было пограничнымъ, но по какую сторону границы находилось, опредѣлить трудно. По атласу Лелевеля (карта 5, относящ. къ 1279 г.) оно хотя необозначено, но приходилось бы у самой границы, въ Люблинской землѣ, которая показана въ русскихъ владѣніяхъ. На чемъ основывался въ этомъ случаѣ Лелевель — неизвѣстно; нашей же лѣтописью принадлежность Люблина къ русскимъ владѣніямъ въ ближайшее къ этому время не подтверждается, какъ это видно изъ извѣстій, записанныхъ подъ 1275, 1261, 1268, 1282 и 1287 гг. (Ип. Лѣт., изд. 1871 г., стр. 529, 564, 571, 586 и 598—9). По атласу Павлищева, который, вѣроятно, руководствовался Лелевелемъ,—Люблинъ также показанъ въ русскихъ владѣніяхъ.

2. В. Г. Ляскоронскій. „*Находки римскихъ монетъ въ бассейнѣ средняго Приднѣпровья*". Въ бассейнѣ средняго Приднѣпровья, на правой и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, попадаются въ огромномъ количествѣ отдѣльныя находки и цѣлые клады римскихъ монетъ. Главными мѣстами такихъ находокъ являются побережья рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ. Разсматривая районъ мѣстонахожденій римскихъ монетъ, докладчикъ замѣтилъ, что онѣ чаще всего встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, которыя какъ въ экономическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи были наиболѣе удобны для поселеній. Обыкновенно эти мѣста совпадаютъ съ теченіемъ рѣкъ. Переходя къ обозрѣнію такихъ пунктовъ на каждомъ изъ береговъ Днѣпра отдѣльно, г. Ляскоронскій указалъ, что на правомъ берегу самою важною въ этомъ отношеніи рѣкой была Рось съ своими притоками. Близко подходя къ бассейну Южнаго Буга и его притоковъ, а также къ верховьямъ р. Тетерева, эта рѣка являлась соединительнымъ воднымъ путемъ между бассейнами Днѣпровскимъ и Бугскимъ. Вотъ почему на побережьяхъ р. Роси во множествѣ попадаются, въ мѣстахъ древнихъ поселеній, клады римскихъ монетъ. Такіе клады были найдены на верхнемъ теченіи Роси въ сс. Тетіевѣ, Кашперовкѣ и Плоскомъ, въ среднемъ теченіи — въ сс. и мм. Пилипчемъ, Бѣлой-Церкви, Молодецкомъ, Бирюкахъ, Синявѣ, Шаркахъ, Насташкахъ, Чернинѣ, Богуславѣ, Стеблевѣ и Корсунѣ и, наконецъ, въ нижнемъ теченіи Роси—въ м. Межиричѣ и въ сс. Пустовойтовѣ, Берестнякахъ, Пекаряхъ и Грищинцахъ. Затѣмъ районъ массовыхъ находокъ римскихъ монетъ направляется отъ устья р. Роси на сѣверъ, къ Кіеву. На этомъ пути весьма значительныя находки были сдѣланы въ г. Каневѣ и въ сс. Григоровкѣ, Ромашкахъ, Маломъ-Букринѣ, Ходоровѣ, Панкрачахъ, Зикрачахъ. Въ этомъ же районѣ монеты встрѣчались по теченію рр. Красной, Стугны и Бобрика въ сс. Черняховѣ, Веремьѣ, Григоровкѣ, Казіовкѣ, Большой Бугаевкѣ и Большой Снѣтинкѣ и въ г. Васильковѣ. Опустивъ перечисленіе находокъ на территоріи Кіева, вслѣдствіе ихъ

общеизвѣстности, и только упомянувъ о новыхъ находкахъ римскихъ монетъ въ с. Софіевской Борщаговкѣ и близъ Пирогова и Китаева, В. Г. Ляскоронскій перешелъ къ разсмотрѣнію въ этомъ отношеніи праваго берега Днѣпра ниже устья Роси. Здѣсь болѣе всего римскихъ монетъ было найдено по теченію р. Тясмина въ сс. Крымкѣ, Пастерскомъ, Большихъ Биркахъ, Каменкѣ, Касарахъ, Головковкѣ и въ мм. Смѣломъ и Крыловѣ. Въ промежуточномъ районѣ между Росью и Тясминомъ римскія монеты были найдены въ с. Толстомъ, на р. Ольшанкѣ. Далѣе отдѣльныя находки монетъ были сдѣланы въ мѣстности, прилегающей къ Кіеву съ сѣвера и съ запада, а именно: по рр. Здвижу (въ с. Андреевкѣ), Ирпеню (въ с. Черногородкѣ), Гнилопяту (въ м. Махновкѣ) и въ устьѣ Припети (въ м. Чернобылѣ). На территоріи Бугскаго бассейна, особенно въ мѣстахъ, гдѣ притоки Буга близко подходятъ къ бассейнамъ Роси и Тясмина, также были находимы монетные клады римской эпохи. Пункты этихъ находокъ слѣдующіе: сс. Кошеватое, Шулявка, Городище, мм. Кальникъ, Дашевъ и Юрковцы и г. Умань.

Обращаясь къ обзору находокъ римскихъ монетъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, докладчикъ прежде всего указалъ, что здѣсь эти находки попадаются не такъ часто, какъ на правомъ берегу Днѣпра. Впрочемъ, это обстоятельство онъ объясняетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что здѣсь на эти находки мало обращали вниманіе, и потому многія изъ нихъ безслѣдно пропали для науки. Здѣсь, какъ и на правомъ берегу, онѣ чаще всего встрѣчаются по теченію крупныхъ рѣкъ. Такъ, по теченію Днѣпра, противъ устья р. Трубежа попадаются во множествѣ римскія монеты. Въ большомъ изобиліи ихъ находили въ сс. Андрушахъ, Карани, подлѣ г. Переяслава, на верхнемъ теченіи р. Недры, впадающей въ Трубежъ (въ сс. Войтовѣ и Круполѣ). По теченію Десны римскія монеты встрѣчались въ г. Острѣ, въ сс. Выползовѣ и Шестовицахъ, въ Черниговѣ, въ Березномъ, Стольномъ, въ г. Борзнѣ и т. д. Въ 70-хъ годахъ въ г. Нѣжинѣ былъ найденъ огромный кладъ римскихъ монетъ (болѣе 1700 штукъ). Затѣмъ былъ найденъ кладъ въ с. Безугловкѣ. По теченію р. Сулы было сдѣлано много находокъ: въ м. Тернахъ, въ сс. Волковцахъ, Медвѣжьемъ, въ гг. Ромнахъ, Глинскѣ, въ с. Хитцахъ, въ гор. Лубнахъ и т. д. Кромѣ того, монеты были найдены въ г. Пирятинѣ (на р. Удаѣ) и въ Слѣпородскихъ хуторахъ, расположенныхъ по р. Слѣпороду. Недавно, наконецъ, были найдены римскія монеты подлѣ с. Лазорокъ (на р. Слѣпородѣ) во время работъ по постройкѣ Кіево-Полтавской желѣзной дороги. Наконецъ, и далѣе, на востокъ, римскія монеты также попадаются, по теченію рр. Псла, Ворсклы, Орели и т. д. Въ этомъ направленіи районъ находокъ подходитъ къ бассейну р. Дона.

Большинство всѣхъ монетъ, находимыхъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, относится къ II и III вв. послѣ Рождества Христова. Особенно много попадается монетъ Антонина Пія, Марка Аврелія, Адріана, Септимія Севера, а также Траяна, Коммода, Фаустины и другихъ императоровъ. Иногда, впрочемъ, встрѣчались и болѣе древнія монеты. Такъ, въ г. Пирятинѣ однажды была найдена монета Цезаря, а въ составѣ нѣжинскаго клада были, между прочимъ, монеты I вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Описавъ затѣмъ наружный видъ всѣхъ находимыхъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ римскихъ монетъ, В. Г. Ляскоронскій высказался въ томъ смыслѣ, что эти находки служатъ доказательствомъ глубокой давности заселенія осѣдлымъ народомъ береговъ средняго Приднѣпровья. И если ученые, основываясь на находкахъ древнихъ монетъ и другихъ предметовъ, полагаютъ, что существованіе Кіева продолжается около 2000 лѣтъ, то докладчикъ, имѣя въ виду перечисленныя имъ находки въ бассейнѣ всего средняго Приднѣпровья, приходитъ къ убѣжденію, что и начало многихъ поселеній этого края восходитъ къ тому же или нѣсколько болѣе позднему времени.

3. А. А. Копфъ. *„О древностяхъ Лебедянскаго уѣзда Харьковской губерніи“.* Референтъ нѣсколько дополнилъ показанія пр. Филарета о древностяхъ Харьковской губерніи, указавъ на курганы, городища и др. памятники старины въ Лебедянскомъ

уѣздѣ Харьковской губерніи. Предсѣдатель Отдѣленія, проф. Д. И. Багалѣй, прибавилъ къ сообщенію докладчика, что оно основано на богатыхъ, личныхъ наблюденіяхъ автора, которыя онъ передалъ въ распоряженіе Съѣзда.

4. Проф. Д. И. Багалѣй предложилъ собранію краткое сообщеніе по поводу доклада Н. Е. Сѣвернаго *„О географическихъ названіяхъ Тульскаго края, какъ матеріалъ для естественной исторіи этого края и его археологіи, исторіи и этнографіи“*. Н. Е. Сѣверный, какъ и многіе другіе изслѣдователи, пришелъ къ тому убѣжденію, что аборигенами Тульско-Калужскаго края были не славяне-вятичи, а какой-то другой, предшествовавшій имъ, народъ, вѣроятно, финскаго племени. Этотъ народъ оставилъ послѣ себя множество уцѣлѣвшихъ и до сихъ поръ названій рѣкъ, поселеній и т. д. Н. Е. Сѣверный задался цѣлью собрать такія названія, звучащія не по-русски, имѣя въ виду, что собранный имъ матеріалъ, быть можетъ, поможетъ въ будущемъ рѣшить вопросъ о томъ, кто-же такіе были аборигены этого края. Результатомъ работы г. Сѣвернаго явился обширный списокъ названій рѣкъ и поселеній для Тульской и Калужской губерній, составленный поуѣздно. Этотъ списокъ, вмѣстѣ съ приложенной къ нему, такъ сказать, пояснительною запиской, онъ и представилъ въ распоряженіе XI Археологическаго Съѣзда.

II Отдѣленіе—Древности историко-географическія и этнографическія. 17 августа утромъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. И. Багалѣй. *Секретарь отдѣленія* О. А. Фотинскій.

1. В. А. Кордтъ. *„Обзоръ картографической выставки въ библіотекѣ университета св. Владиміра“*. Докладчикъ прежде всего указалъ, что исторія русской картографіи, какъ одна изъ вспомогательныхъ наукъ отечественной исторіи, уже давно стала служить предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ. Такъ, еще въ прошломъ вѣкѣ Гебгардъ Миллеръ составилъ списокъ древне-русскихъ картъ, не утратившій своего научнаго значенія и теперь. Послѣ него послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ трудовъ по исторіи русской картографіи, среди которыхъ крупнѣйшимъ является описаніе древне-русскихъ картъ, сдѣланное Фридрихомъ Аделунгомъ. Но ни одинъ изъ имѣющихся до сихъ поръ трудовъ въ этой области не даетъ намъ болѣе или менѣе полнаго обозрѣнія послѣдовательнаго развитія въ Европѣ картографическихъ представленій о Русской землѣ. Этотъ пробѣлъ и задумалъ восполнить В. А. Кордтъ. Задавшись такою цѣлью, докладчикъ прежде всего счелъ нужнымъ распредѣлить всѣ собранныя до сихъ поръ старыя карты Россіи по типамъ и затѣмъ разобраться въ вопросѣ о томъ, какія же изъ нихъ являются оригинальными, т. е. самостоятельно составленными, и какія представляютъ изъ себя лишь плодъ позаимствованій изъ готовыхъ уже картъ. Результатъ такой сортировки получился, приблизительно, слѣдующій: если считать, что мы до первой половины XVII вѣка имѣемъ около 50 картъ Московскаго государства и южной и западной Россіи, то изъ нихъ не болѣе 15 можетъ быть признано оригинальными. Устроенная въ зданіи университета картографическая выставка имѣетъ главною цѣлью показать наглядно, на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ оригинальныхъ картъ, какимъ измѣненіямъ подвергались съ теченіемъ времени эти типы. Въ виду этого вся выставка расположена по типамъ и въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ древнѣйшихъ типовъ. Вся выставка распадается на слѣдующіе отдѣлы: Московское государство, Западная и Южная Россія и, наконецъ, Азіатская Россія. Основаніемъ выставки послужила коллекція библіотеки университета св. Владиміра, пополненная коллекціями многихъ другихъ учрежденій и частныхъ лицъ. Самые интересные экспонаты присланы Императорской Публичной Библіотекой и Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При устройствѣ выставки В. А. Кордтъ воспользовался опытомъ первой русской географической выставки, устроенной въ 1892 году въ

Москвѣ проф. Д. Н. Анучинымъ. Затѣмъ докладчикъ далъ систематическое описаніе собранныхъ на выставкѣ картъ, начавъ съ древнѣйшей карты, касающейся Московіи, составленной около 1460 г. Николаемъ Кузаномъ.

2. Ѳ. И. Кнауэръ прочелъ докладъ: *„О происхожденіи названія „Русь"*. Названіе это г. Кнауэръ производилъ отъ названія легендарной великой рѣки у индійцевъ „Роса", отожествляя послѣднюю съ Волгой и сводя его къ одному корню съ „руса", „русь", „роса", „русло". Главными выводами изъ доклада проф. Ѳ. И. Кнауэра являются, во-первыхъ, положеніе о томъ, что прародина индо-европейскихъ народовъ находилась въ Приволжьѣ, и во-вторыхъ, что имя „Русь"—славяно-русскаго происхожденія.

По окончаніи доклада между присутствующими произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе профессора: В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, П. В. Голубовскій, П. Н. Милюковъ и Н. В. Волковъ. Главное возраженіе оппонентовъ заключалось въ указаніи на то обстоятельство, что лингвистическіе выводы докладчика не согласуются со многими данными историческаго характера.

I отдѣленіе. Первобытныя древности. 17-го августа, днемъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. Н. Анучинъ. *Секретарь отдѣленія* Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. Проф. Н. И. Веселовскій. *„Каменныя орудія при вещахъ римской эпохи"*.

Докладчикъ сообщилъ о двухъ случаяхъ находокъ каменныхъ топоровъ въ курганахъ Кубанской области Майкопскаго отдѣла, вмѣстѣ съ предметами, которые могутъ быть отнесены къ римскому періоду, т. е. къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Въ первый разъ это было обнаружено въ 1897 г. въ курганѣ Ярославской станицы, когда въ могилѣ былъ похороненъ воинъ въ желѣзной кольчугѣ и желѣзномъ шлемѣ съ золотою насѣчкой на лобной части съ оттиснутыми крылатыми драконами. У плеча его находился каменный полированный топоръ на длинномъ желѣзномъ стержнѣ, простиравшемся до ступней ногъ.

Въ нынѣшнемъ году докладчикъ раскопалъ курганъ близъ Хатажукаевскаго аула и нашелъ въ немъ женское погребеніе, при чемъ погребальная обстановка, состоявшая изъ золотой булавки съ привѣсками, золотыхъ шейныхъ украшеній, золотой застежки, изображавшей грифона съ колокольчиками, различныхъ бусъ (стеклянныхъ, сердоликовыхъ и др.), золотыхъ украшеній отъ платья, большаго скиѳскаго мѣднаго котла и такого же кувшина съ ручкой, оканчивающейся мужскою головкой,—указывала опять на римскую эпоху. Тутъ же былъ найденъ каменный полированный топоръ съ заостреннымъ обухомъ. Референтъ призналъ въ этихъ топорахъ амулеты, подобно тому, какъ такое же значеніе придаютъ кремневымъ наконечникамъ стрѣлъ, вставленныхъ въ золотыя ожерелья, найденнымъ въ Этруріи и описаннымъ графомъ А. С. Уваровымъ въ его трудѣ „Археологія Россіи, Каменный періодъ".

По окончаніи доклада проф. Н. И. Веселовскаго предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи графъ А. А. Бобринскій сообщилъ, что въ скиѳскихъ курганахъ средняго Приднѣпровья въ погребеніяхъ, принадлежащихъ несомнѣнно позднѣйшей эпохѣ, неоднократно были находимы бронзовые топоры, которые отличались настолько тонкою работой, что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это не были орудія для обычнаго употребленія. Гр. Бобринскій склоненъ видѣть въ нихъ символы власти. Весьма возможно, что такое же объясненіе приложимо и къ каменнымъ топорамъ, которые находилъ докладчикъ въ курганахъ Кубанской области.

3. Проф. М. И. Лилеевъ. *„Раскопки кургановъ близъ г. Нѣжина.*

4. Ѳ. Пуласкій въ докладѣ: *„Археологическія раскопки въ Подольской губ.* (на польск. яз.) представилъ результаты своихъ изслѣдованій въ зап. части губерніи. Изслѣдованная имъ окрестность окаймлена съ одной стороны р. Смотрычемъ, съ другой—р. Жванчикомъ, съ третьей—упирается въ такъ называемый „Траяновъ Валъ". Здѣсь

встрѣчены побережныя поселенія, городища и могилы двухъ типовъ: съ земляною насыпью—каменнаго періода, и каменныя могилы желѣзнаго вѣка.

Поселенія находятся на берегахъ почти всѣхъ притоковъ р. Смотрыча. Онѣ не окружены валами, но ихъ легко можно узнать по множеству находимыхъ здѣсь черепковъ, весьма характерныхъ по своей тщательной обработкѣ. Это—остатки большихъ сосудовъ изъ красной глины, напоминающей по своей крѣпости терракоту. Украшеніемъ здѣсь служатъ выдающіяся головки человѣческія и другія (преимущественно бычачьи), довольно примитивной отдѣлки. Другіе сосуды украшены волнистыми узорами, простирающимися иногда и на внутреннюю сторону. Этотъ типъ очень похожъ на керамическіе остатки знаменитой приднѣстровской городницкой стоянки. Кромѣ этого мы находимъ здѣсь куски сосудовъ—двойниковъ, болѣе похожихъ на городницкіе, чѣмъ на найденные г. Хвойкомъ въ окрестностяхъ Кіева, а также сосуды разныхъ размѣровъ, которые по своимъ вертикальнымъ отверстіямъ въ стѣнкахъ, очевидно, были предназначены для привѣшиванія. Въ одномъ изъ населеній, при с. Сырватынцахъ найдены гробы. Скелеты въ нихъ лежатъ близко другъ возлѣ друга, большинство головами на западъ, всегда въ вытянутомъ положеніи, съ руками скрещенными на тазу.

Кромѣ такого рода поселеній, есть еще стоянки древняго, повидимому, типа. Онѣ имѣютъ какъ бы характеръ кратковременныхъ поселеній. Керамическихъ остатковъ здѣсь очень мало, а тѣ, которые находили,—очень грубой отдѣлки, съ примѣсью толченаго гранита. Наибольшій интересъ представляютъ здѣсь топоры и молотки неолитической эпохи, которыхъ находится довольно много.

Городища встрѣчены вполнѣ похожія на описанныя о. Сѣцинскимъ въ его докладѣ, а именно: въ Карабчіевѣ, Скинчѣ, Вербичной и т. д. Кромѣ предметовъ желѣзныхъ: топоровъ, копій, крючьевъ и т. п., весьма похожихъ на представленные о. Сѣцинскимъ предметы, находились стеклянные браслеты, бронзовые энколпіоны, иногда инкрустированные серебромъ, наконецъ, маленькіе медальоны съ изображеніемъ св. Георгія. По всей вѣроятности, это слѣды городовъ, разрушенныхъ въ XIII в. татарами. Изслѣдованіе этихъ городищъ крайне интересно, такъ какъ до-татарскія времена менѣе всего извѣстны въ Подоліи.

Каменные гроба, встрѣченные на поляхъ сс. Завадынецъ и Сырватынецъ, весьма похожи на найденные г. Оссовскимъ въ восточной Галиціи. На нихъ нѣтъ никогда могильной насыпи, встрѣчаются только иногда выступающіе камни, по которымъ можно найти гробницу. Она представляетъ болѣе или менѣе правильный четырехугольникъ съ большими камнями по бокамъ и болѣе мелкими въ серединѣ. Костякъ всегда въ скорченномъ положеніи, съ головой на каменной плиткѣ, при немъ находили иногда кремневый отбивной ножъ. Гробницъ съ каменнымъ ящикомъ теперь уже почти не находится въ данной мѣстности, но, судя по разсказамъ крестьянъ, прежде ихъ было довольно много; при разработкѣ почвы ихъ мало-по-малу разрушали. Въ этомъ году найденъ одинъ только гробъ съ каменнымъ ящикомъ, подъ могилой болѣе поздняго происхожденія; гробъ этотъ былъ тоже разрушенъ, при погребеніи болѣе поздняго типа, при чемъ кости были сдвинуты въ одинъ уголъ.

Далѣе идутъ могилы съ насыпью изъ чернозема до 2 метровъ высоты. Гробъ—ниже уровня почвы, иногда въ дилювіальной глинѣ представляетъ четырехугольную яму. Такія могилы встрѣчены въ с. Завадынцахъ, Каменецкаго уѣзда, въ с. Поповкѣ, Винницкаго уѣзда, и въ с. Ходьковцахъ, Проскуровскаго уѣзда. Здѣсь находились отбивные кремневые скребки, долота болѣе древняго типа и въ одномъ случаѣ—прекрасное кремневое остріе копья. Костяки изъ этихъ кургановъ, которые удалось измѣрить оказались долихоцефалами. На нѣкоторыхъ костякахъ была видна красная окраска.

Могилы съ каменною насыпью встрѣчаются большими группами. Докладчикъ имѣлъ случай раскапывать подобныя могилы въ с. Сырватынцахъ, а особенно въ Ивахновцахъ, благодаря любезному разрѣшенію владѣльца г. Червинскаго. Это маленькія

насыпи (есть и побольше) до $1^1/_2$ м. высоты, сложенныя изъ мелкихъ кусковъ известняка, столь плотно прилегающихъ другъ къ другу, что нужно было употреблять спеціальныя кирки для разработки кургана. Самый интересный по своему устройству былъ одинъ изъ кургановъ при с. Сырватынцахъ. Подъ каменной насыпью тамъ былъ открытъ слой каменныхъ плитокъ; подъ ними, въ сѣверной части разрѣза, находился гробъ, окруженный болѣе крупными камнями; въ немъ лежало два скелета, кругомъ которыхъ расположено было нѣсколько глиняныхъ сосудовъ. Подъ скелетами находился рядъ плитокъ, уложенныхъ на подобіе пола; онѣ лежали на довольно толстомъ слоѣ плотно убитой глины, присыпанной пескомъ. Замѣчательно, что песокъ и нѣкоторые камни насыпи не встрѣчаются въ данной мѣстности — они, должно быть, принесены изъ овраговъ, находящихся въ разстояніи верстъ около 7. Курганы, встрѣченные въ с. Ивановцахъ, болѣе интересны по количеству найденныхъ въ нихъ предметовъ. Здѣсь были находимы по обѣимъ сторонамъ каждаго костяка бронзовыя трехлепестныя стрѣлы скиѳскаго типа и въ большинствѣ случаевъ ихъ было по семи, при чемъ одна костяная четырехгранная. Это симметрическое расположеніе ихъ въ равныхъ промежуткахъ и притомъ вертикально остріями внизъ позволяетъ предположить какой-то обрядъ. У Геродота, напримѣръ, мы встрѣчаемъ при описаніи погребальныхъ обрядовъ скиѳовъ слѣдующее выраженіе: *„καὶ ἔπειτα ἐπεὰν θέωσι τὸν νέκυν ἐν τῇσι θήκῃσι ἐπὶ στιβάδος, παραπήξαντες αἰχμὰς ἔνθεν καὶ ἔνθεν τοῦ νεκροῦ*. Кромѣ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ мы встрѣчаемъ здѣсь въ гробницахъ мужчинъ желѣзные копья, ножи, небольшія скиѳскія удила и т. п.; въ женскихъ же гробницахъ бронзовые браслеты, зеркала, въ одномъ случаѣ — золотое украшеніе, въ видѣ спиральнаго гвоздя съ широкой головкой. Относительно желѣзныхъ предметовъ одни довольно древняго типа, нѣкоторые кажутся прямо подраженіемъ бронзовыхъ орудій, какъ напримѣръ, нѣкоторыя острія копій.— Интереснѣе всего, однако, остатки керамическаго искусства: въ каждомъ курганѣ мы находимъ ихъ цѣлую группу; одни изъ нихъ покрыты черной глазурью, какъ, напримѣръ, весьма любопытный экземпляръ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ могильныхъ сосудовъ: высотою въ 53,2 см., онъ по величинѣ уступаетъ только сосуду, находящемуся въ Краковской Академіи и происходящему изъ восточной Галиціи. Украшеніемъ этихъ сосудовъ служатъ три-четыре выпуклины, не много повыше самаго большого діаметра, иногда—черта на шейкѣ или, наконецъ, налѣпленная полоска глины съ четырехугольными пирамидками, сдѣланными пальцами. Большіе сосуды лишены ручекъ; найдена также одна черная урна съ двумя ручками. Интереснѣе всего необходимые въ каждой могилѣ черпаки разной величины, но всегда очень схожей формы. По всей вѣроятности, они были предназначены къ привѣшиванію, такъ какъ большинство ихъ стоять не можетъ. Будетъ ли слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что эти черпаки, находимые только въ предѣлахъ древней Скиѳіи, идентичны съ тѣми чашами, которыя, по свидѣтельству Геродота, носили современные ему Скиѳы у пояса, въ память поясной чаши Геракла предка ихъ царей? Оригинально вытянутая въ вертикальномъ положеніи ручка въ этихъ сосудахъ еще болѣе удобна для подвѣшиванія на поясѣ, чѣмъ отверстія въ сосудахъ другого типа, представленныхъ на восьмомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ Н. Е. Бранденбургомъ. Далѣе докладчикъ отмѣтилъ большое сходство описанныхъ каменныхъ кургановъ съ одной стороны съ могилами Восточной Галиціи, изслѣдованными Гот. Оссовскимъ, съ другой — со скиѳскими украинскими могилами. Результаты антропологическихъ измѣреній будутъ опубликованы отдѣльно. Въ заключеніе докладчикъ обращалъ вниманіе на нѣкоторыя прекрасныя находки бронзоваго вѣка въ Подоліи, напримѣръ, — шлемъ, найденный въ Кременной, и мечъ изъ Завадынецъ Каменецкаго уѣзда; кромѣ этого, остріе копья и три кельта. Подобный же мечъ найденъ въ с. Бадылянахъ, діадема—въ Купинѣ, копья—въ Карабчіевѣ.

4. Проф. Ѳ. И. Кнауэръ: *„Раскопки въ Аккерманскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи“*. Докладчикъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи произвелъ

раскопки нѣсколькихъ кургановъ въ указанной мѣстности. Обыкновенно въ Аккерманскомъ уѣздѣ курганы бываютъ разбросаны по одиночкѣ. Но въ одномъ мѣстѣ проф. Θ. И. Кнауэръ встрѣтилъ цѣлую группу ихъ, при чемъ курганы были расположены такъ: съ одной стороны стоялъ особнякомъ огромный курганъ; къ сѣверу отъ него, на нѣкоторомъ разстояніи, лежалъ другой курганъ, меньшихъ размѣровъ, непосредственно къ которому примыкалъ третій курганъ; еще сѣвернѣе лежалъ другой курганъ; еще сѣвернѣе лежалъ четвертый курганъ, при чемъ между третьимъ и четвертымъ курганами возвышался, соединяя ихъ, валъ. Докладчикъ произвелъ раскопку двухъ кургановъ, соединенныхъ валомъ, и самаго южнаго кургана. Былъ раскопанъ также и соединительный валъ. Въ самомъ сѣверномъ курганѣ было найдено много не имѣющихъ значенія предметовъ; погребенія въ немъ не оказалось. За то въ самомъ центрѣ кургана была найдена голова лошади, обращенная къ югу. Въ слѣдующемъ курганѣ, прежде всего, былъ найденъ скелетъ взрослаго человѣка. При немъ оказались бронзовый ножикъ, находившійся въ лѣвой рукѣ, кольцо, пряжка и др. предметы, сдѣланные изъ бронзы. Справа и слѣва подлѣ этого скелета лежало два дѣтскихъ скелета, при чемъ, между головой взрослаго человѣка и лѣвымъ дѣтскимъ скелетомъ стоялъ большой горшокъ. Голова взрослаго человѣка лицомъ была обращена къ сѣверо-западу. Въ соединяющемъ же эти два кургана валѣ при раскопкѣ былъ найденъ скелетъ человѣка, въ сидячемъ положеніи, и подъ нимъ костякъ лошади. Въ нижномъ слоѣ втораго кургана докладчикъ нашелъ еще 5 скелетовъ: 2 большихъ и 3 дѣтскихъ. Ниже горизонта земли, въ погребальной ямѣ, лежалъ окрашенный красной краской скелетъ. При немъ никакихъ предметовъ не было найдено. Погребальная яма была накрыта каменной плитой. Раскопка третьяго кургана, отдѣльно стоящаго, дала слѣдующіе результаты. Въ верхнемъ слоѣ лежало 3 большихъ и 2 дѣтскихъ скелета. Непосредственно у головы одного большого скелета лежала голова и ноги лошади. Здѣсь же были найдены многіе предметы: желѣзный ножъ, такое же стремя, куча стрѣлъ, остатки колчана, огниво, золотое кольцо, пряжечка и т. д. Кольцо лежало подлѣ головы лошади и, надо полагать, служило украшеніемъ удилъ. Подлѣ двухъ дѣтскихъ скелетовъ лежало по горшочку, а у третьяго дѣтскаго скелета—камень. Въ среднемъ горизонтѣ этого кургана не было найдено ничего. Ниже горизонта была могильная яма и въ ней окрашенный костякъ безъ головы, покрытый большими каменными плитами. Предметовъ при этомъ костякѣ также не было найдено никакихъ. Ближе къ краю основанія кургана оказалась другая погребальная яма. Въ ней лежалъ окрашенный костякъ, съ окрашеннымъ камнемъ на колѣняхъ и кускомъ кремневаго ножа. Рядомъ находилось такое же дѣтское погребеніе, при которомъ были найдены куски краски, горшокъ и два бронзовыхъ кольца. У противоположнаго конца основанія кургана была третья погребальная яма и въ ней два дѣтскихъ окрашенныхъ скелета. Интересно, что всѣ эти ямы были выбѣлены не то известью, не то мѣломъ. Въ общемъ, въ самомъ большомъ курганѣ явственно можно различить погребенія трехъ эпохъ: ниже горизонта—погребеніе эпохи каменнаго вѣка и начала бронзоваго, а въ самомъ верхнемъ слоѣ—скиѳскаго и начала переселенія народовъ. Къ послѣднему типу принадлежитъ то погребеніе, которое находилось ближе къ центру кургана, и которое характеризуется желѣзными предметами (стремя, ножъ, стрѣлы и т. д.).

По окончаніи доклада проф. В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что то погребеніе, найденное въ верхнемъ слоѣ третьяго кургана, которое докладчикъ считаетъ погребеніемъ эпохи переселенія народовъ, нужно считать кочевническимъ погребеніемъ. Это доказывается присутствіемъ при скелетѣ желѣзнаго стремени, стрѣлъ, колчана и т. д. Второе же погребеніе, найденное въ томъ же слоѣ, проф. В. Б. Антоновичъ, согласно съ докладчикомъ, считаетъ скиѳскимъ. Θ. И. Кнауэръ замѣтилъ, что погребеніе, признанное В. Б. Антоновичемъ кочевническимъ, носило ясные слѣды своей принадлежности къ позднѣйшему времени. Такъ, земля надъ этимъ погребеніемъ была несравненно

мягче окружающей земли: это доказываетъ, что въ старомъ курганѣ люди вырыли яму и совершили новое погребеніе. В. И. Сизовъ высказался въ томъ же смыслѣ, какъ и В. Б. Антоновичъ, признавъ скелетъ, при которомъ лежали голова, лошади, желѣзное стремя, остатки колчана, стрѣлы и т. д., скелетомъ кочевническимъ, относящимся къ періоду времени отъ X до XII вѣка.

5. А. М. Покровскій „*О черепахъ кочевниковъ*“.

Референтъ докладываетъ свои изслѣдованія о черепахъ изъ позднѣйшихъ погребеній въ курганахъ, погребеній, характеризующихся обыкновенно присутствіемъ лошади, кривой сабли, стремянъ, удилъ. Такихъ череповъ въ его распоряженіи было 4. Типъ этихъ череповъ, на основаніи произведенныхъ докладчикомъ измѣреній, характеризуется крайнимъ брахицефализмомъ, сравнительно небольшой высотой, при объемѣ, который можно считать среднимъ; лобъ узкій. Лицо короткое, съ сильно выраженными скуловыми костями и широкими скуловыми дугами. Сравнивая съ черепами славянскими, мы имѣемъ у данныхъ череповъ болѣе короткое лицо и болѣе широкія скуловыя дуги. Носовое отверстіе у череповъ кочевниковъ узкое, болѣе узкое чѣмъ у славянскихъ череповъ, орбиты небольшія, довольно низкія, типъ вполнѣ ортогнотный. Самымъ характернымъ у этихъ череповъ является ихъ общая форма. Три изъ этихъ череповъ, отличающіеся брахицефализмомъ, даютъ одинъ общіе типъ, названный проф. Серджи Trapezoides; этотъ типъ характеризуется своимъ профилемъ и своимъ очень плоскимъ затылкомъ и приподнятой вверхъ задней частью головы, небольшимъ покатымъ, особенно въ верхней части, лбомъ. Какимъ кочевникамъ принадлежатъ эти черепа — рѣшить въ настоящее время очень трудно. Венгерскій ученый Бѣлла-Пошта, разсматривая одинъ изъ изучаемыхъ докладчикомъ череповъ, высказался за его сходство съ венграми. Будутъ ли то венгры или другіе кочевники,—это опредѣлить, пока, невозможно, но монголовидный типъ этихъ череповъ, рѣзко отличающійся отъ славянскаго, выступаетъ достаточно ясно.

IV отдѣленіе. Бытъ общественный, юридическій, военный и домашній. 17 августа, вечеромъ.

Предсѣдатель отдѣленія Ѳ. Я. Фортинскій. *Секретари отдѣленія*: А. Н. Ясинскій и А. С. Вязигинъ.

1. Докладъ Е. П. Родаковой: „*Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.*“ прочитанъ былъ проф. Д. И. Багалѣемъ.

Пользуясь данными, относящимися къ территоріи 6 полковъ лѣвобережной Малороссіи, докладчица не только опредѣляетъ, какія группы населенія слѣдуетъ отнести къ числу безземельныхъ, но исчисляетъ даже процентное отношеніе безземельныхъ къ общей массѣ населенія (30%). По мнѣнію автора доклада, такой огромный процентъ безземельныхъ объясняется рядомъ причинъ, изъ которыхъ главныя были слѣдующія: 1) тяжесть повинностей и обложенія земли; 2) отсутствіе препятствій юридическаго характера для перехода земельной собственности изъ рукъ въ руки и сосредоточенія ея въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Что касается тѣхъ классовъ населенія, которыя обладали поземельной собственностью, то они составляли около 70% всего населенія и раздѣлялись на двѣ группы: 1) казаки грунтовые; 2) казаки малогрунтовые. Они владѣли не только пахатной землей, но сѣнокосами, пастбищами, лѣсами и т. д. Въ данномъ случаѣ изслѣдователь имѣетъ дѣло по преимуществу съ мелкимъ землевладѣніемъ, какъ видно изъ того, что на долю казака въ среднемъ приходилось пахатной земли $4^1/_2$ четверти.

2. Д. П. Миллеръ прочелъ докладъ: „*Пикинерскія вербунки*“,—объ учрежденіи въ 1764 г. трехъ пикинерскихъ полковъ въ мѣстности отошедшей при этомъ отъ гетманщины въ составъ Новороссійской губерніи.

3. О. И. Левицкій: *„Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI — XVII ст.“* Докладчикъ предварительно объяснилъ, что данныя для своего реферата онъ черпаетъ исключительно изъ составленнаго имъ и уже напечатаннаго Кіевской Археографической Коммиссіей, но еще не выпущеннаго въ свѣтъ, сборника документовъ о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ юго-западной Руси въ XVI — XVII вв. Затѣмъ, переходя къ предмету своего доклада, референтъ началъ съ указанія на положеніе женщины въ юго-западной Руси въ означенную эпоху. И по закону, и еще болѣе по обычаямъ и воззрѣніямъ тогдашняго общества, женщина пользовалась полною свободою и весьма значительною гражданскою правоспособностью, а бытовыя условія того вѣка выработали въ ней характеръ силы и энергіи, одинаково проявлявшейся какъ въ добрыхъ, такъ и въ дурныхъ поступкахъ. Поэтому и при заключеніи браковъ, воля и согласіе невѣсты признавались такимъ же необходимымъ условіемъ, какъ и воля жениха. Часто случалось, что родители требовали, чтобы ихъ сговоренная дочь формально заявила передъ урядомъ о томъ, что сама избрала жениха, и такое заявленіе вносилось въ актовыя книги. Браку предшествовали *„змóвыны“* (сговоръ), и въ это время составлялась *„шлюбная интерцыза“* (предбрачный контрактъ); въ ней опредѣлялись: *„пóсагъ“* (приданое) невѣсты, *„вѣно“* и *„привѣнокъ“* со стороны жениха, день *„акта весѣльнаго“* (свадьбы) и др. условія, а въ заключеніе — непремѣнно *„закладъ“* (денежная неустойка) на ту изъ сторонъ, которая нарушила бы контрактъ. *Вѣномъ* называлась денежная сумма, которую мужъ записывалъ своей женѣ и которая равнялась реальной стоимости ея приданаго, а *привѣнокъ*—это было удвоеніе той же суммы. И вѣно, и привѣнокъ обезпечивались на имѣніяхъ мужа и составляли полную собственность жены. Затѣмъ слѣдовали *„заручины“* — семейный обрядъ передачи руки невѣсты жениху, символически знаменовавшій врученіе ему тѣхъ правъ, какія родители имѣли надъ нею по естественному праву, почему зарученная дѣвушка нерѣдко титулуется въ актахъ „обрученною *женою*“ своего жениха. Нерѣдко вмѣстѣ съ „заручинами“ совершалось и вѣнчанье молодыхъ, но оно ни въ чемъ не измѣняло ихъ положенія, пока не совершался „актъ весѣльный“ (иногда отсрочивавшійся на весьма значительное время): они по прежнему жили врозь, у своихъ родителей, не признавались супругами и, уплативъ неустойку, могли разорвать брачный контрактъ и вступить въ новый съ другими лицами. На основаніи многочисленныхъ документальныхъ свидѣтельствъ (изъ коихъ нѣкоторыя и были приведены референтомъ) можно съ положительностью утверждать, что въ XVI—XVII вв. въ юго-западной Руси не только среди простонародья, но и въ высшихъ классахъ бытовало древнерусское воззрѣніе на бракъ, какъ на гражданскій договоръ, и хотя брачущіеся не отказывались отъ церковнаго вѣнчанья, но оно имѣло значеніе лишь акта религіознаго, а не юридическаго. Послѣднее въ гораздо большей степени принадлежало „акту весѣльному“, ибо лишь онъ полагалъ начало дѣйствительному супружеству. Указавъ затѣмъ на свадебные обряды того времени, референтъ остановился на одномъ документѣ, 1606 года, указывающемъ на существованіе особаго, весьма оригинальнаго, способа заключенія брака: осужденный на смерть преступникъ могъ быть освобожденъ отъ казни, если находилась честная дѣвушка и заявляла предъ судомъ желаніе имѣть его своимъ мужемъ. Объ этомъ обычаѣ, имѣвшемъ силу юридическаго установленія, говорятъ и народныя преданія, записанныя на Волыни и въ Малороссіи.

XI отдѣленіе. Памятники археографическіе. 18 августа утромъ.

Предсѣдатель отдѣленія: П. В. Голубовскій. *Секретарь отдѣленія* М. В. Довнаръ-Запольскій.

1. И. М. Каманинъ. *„О волынскихъ и подольскихъ архивахъ“*.

Настоящій докладъ является отчетомъ референта объ осмотрѣ имъ архивовъ Во-

лынской и Подольской губерній, совершенномъ по порученію Предварительнаго Комитета по устройству XI Археологическаго Съѣзда. Лѣтомъ 1898 г. осмотрѣны архивы всѣхъ губернскихъ учрежденій Каменецъ-Подольска и Житоміра, при чемъ оказалось, что архивы помѣщаются въ нижнихъ или подвальныхъ этажахъ зданій и только два или три—въ особомъ зданіи; въ самомъ помѣщеніи бумаги ничѣмъ не защищены отъ пыли; нѣтъ ни коробокъ, ни закрытыхъ шкаповъ. Большая часть дѣлъ почти во всѣхъ архивахъ, признанная ненужной для справокъ, уничтожена безъ просмотра описей спеціалистами. Оставшіяся немногія дѣла описаны по системѣ описательныхъ указателей; эта система оказывается господствующей во всѣхъ архивахъ, кромѣ архива Подольскаго Губернскаго Правленія и архивовъ малыхъ учрежденій, какъ напр., Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній, Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствій и проч. Охарактеризовавъ въ общихъ словахъ богатство каждаго Архива, референтъ ходатайствовалъ передъ Съѣздомъ о томъ, чтобы дѣла канцеляріи Волынскаго губернатора, касающіяся польскаго возстанія 1863 г. (какъ составляющія обособленную группу и потому удобныя для передачи), были бы переданы на храненіе въ Кіевскій Центральный Архивъ при университетѣ св. Владиміра, а дѣла Почаевской лавры—въ Церковно-археологическій музей въ г. Житомірѣ, а также и о томъ, чтобы ни одно изъ правительственныхъ учрежденій не уничтожало своихъ дѣлъ безъ просмотра описей какими-либо мѣстными учеными учрежденіями и лицами.

2. Д. И. Багалѣй прочелъ рефератъ, *„о необходимости устройства центральнаго архива въ Харьковѣ“*, содержащій исторію и очеркъ современнаго состоянія названнаго архива. Въ настоящее время въ Харьковѣ при университетѣ находится чрезвычайно богатый архивъ, который по составу своему, функціямъ и назначенію является de facto центральнымъ, а между тѣмъ юридическое положеніе его совершенно неопредѣленное и необезпеченное, почему онъ и нуждается въ коренной реформѣ. Такою реформой, вызванной несомнѣнной необходимостью, должно быть превращеніе его въ центральный, съ учрежденіемъ въ немъ тѣхъ же правилъ и штатовъ, какими пользуются существующіе у насъ архивы Кіевскій и Виленскій. Подробныя свѣдѣнія о богатствѣ Харьковскаго архива можно найти въ различныхъ изданіяхъ, гдѣ помѣщались труды изслѣдовавшихъ его ученыхъ (гг. Ефименко, Темченко и самого проф. Д. И. Багалѣя въ „Кіевской Старинѣ“, „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, „Трудахъ Одесскаго Съѣзда“ и др.); имѣются они также въ иностранной литературѣ и, наконецъ, большой запасъ ихъ находится въ отчетахъ о дѣятельности архива, которыми и пользовался проф. Багалѣй при своихъ работахъ. Поэтому, не вдаваясь въ подробности, онъ далъ только общій очеркъ его содержанія, состоящаго изъ Черниговскаго отдѣленія,—дѣлъ бывшей Малороссійской коллегіи, Полтавскаго, съ дѣлами такого же происхожденія, Харьковскаго, съ документами упраздненныхъ учрежденій Слободской Украйны и, наконецъ, отдѣленія случайныхъ документовъ, къ которымъ принадлежатъ и частные архивы. Весь этотъ архивный матеріалъ былъ спасенъ отъ различнымъ образомъ грозившаго ему уничтоженія. Дѣла Черниговской и Полтавской губ. составляли раньше центральный малороссійскій архивъ, который помѣщался въ г. Глуховѣ, бывшей гетманской резиденціи, гдѣ первоначально занималъ какое-то полуразрушенное зданіе безъ трубъ и оконъ, но изъ этого незавиднаго помѣщенія онъ перекочевывалъ много разъ въ различныя мѣста, пока, наконецъ, случившійся въ 1784 г. пожаръ не уничтожилъ значительной части его дѣлъ. Для перевозки остальныхъ, спасенныхъ стараніями архиваріуса Адамовича, понадобилось болѣе 100 подводъ. Въ послѣдствіи онъ былъ переведенъ въ Черниговъ, а дѣла Полтавской губ. отосланы въ Полтаву. Но и въ Черниговѣ уже почти въ наше время много документовъ погибло; часть ихъ хранилась въ Мазепиномъ дворцѣ, гдѣ очень пострадали отъ сырости; кромѣ того, оттуда взято частными лицами много документовъ, оставшихся невозвращенными. Оставшіяся дѣла были въ количествѣ приблизительно $^1/_3$ перевезены въ Харьковъ членами Филоло-

гическаго Общества, во главѣ которыхъ стоялъ покойный проф. А. А. Потебня. Другая часть, хранившаяся въ Полтавѣ, также сильно уменьшилась. Проф. Багалѣй, пересмотрѣвъ Полтавскій архивъ, подалъ о немъ докладную записку, результатомъ которой было поступленіе оного также въ Харьковъ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что вмѣшательство университета и Филологическаго Общества явилось совершенно необходимымъ въ виду быстраго уничтоженія архивнаго матеріала и его плачевнаго состоянія. Послѣ этого историческаго очерка проф. Багалѣй перешелъ къ описанію настоящаго его состоянія. Вслѣдъ затѣмъ онъ описалъ порядокъ содержанія архива, его помѣщеніе и его богатства, и въ заключеніе поименовалъ ученыхъ, пользовавшихся этимъ матеріаломъ для своихъ трудовъ по различнымъ отраслямъ исторіи Малороссіи, Слободской Украйны, гг. Мякотина, Василенко, г-жу Ефименко, проф. Рѣдина, Сумцова и др. молодыхъ ученыхъ, такъ сказать, созданныхъ архивомъ. Учрежденіе, приносящее и могущее еще принести столько пользы, несомнѣнно нуждается въ прочномъ обоснованіи его юридическаго положенія, такъ какъ оно существуетъ какъ бы внѣ всякихъ правъ, состоя въ вѣдѣніи какъ университета, такъ и Филологическаго Общества и исполняя между тѣмъ административныя функціи, присущія центральному архиву.

Послѣ доклада проф. Д. И. Багалѣя, проф. А. И. Маркевичъ, проф. В. С. Иконниковъ, проф. П. Н. Милюковъ и гр. П. С. Уварова сдѣлали предложеніе, чтобы совѣтъ Съѣзда возбудилъ немедленно ходатайство о превращеніи харьковскаго историческаго архива въ центральный историческій архивъ, съ примѣненіемъ къ нему штатовъ кіевскаго или виленскаго. Предложеніе это было единогласно поддержано присутствующими.

3. П. А. Лашкаревъ. *„Объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова"*.

Послѣ Кіева наиболѣе памятниковъ древняго церковнаго зодчества насчитываетъ у себя Черниговъ. Въ 1895 г. докладчику пришлось впервые, проѣздомъ черезъ городъ, ознакомиться съ этими памятниками. Бѣглый осмотръ ихъ оставилъ въ немъ то впечатлѣніе, что древнія церкви Чернигова, какъ и такія же церкви кіевскія, принадлежа, по своему первоначальному сооруженію дотатарскому періоду, подверглись потомъ совершенно одинаковой судьбѣ съ церквами кіевскими, и въ настоящемъ своемъ видѣ, удерживая въ извѣстныхъ частяхъ типическія черты сооруженій великокняжескаго періода, въ другихъ частяхъ представляютъ совершенно ясные слѣды перестроекъ, достроекъ и разнаго рода исправленій періода значительно позднѣйшаго. Выдѣлить въ нихъ древнѣйшее отъ позднѣйшаго докладчику казалось дѣломъ не особенно труднымъ, почему онъ и рѣшилъ предложить Предварительному Комитету настоящаго Съѣзда нарочитую экскурсію въ Черниговъ. Результаты ея референтъ и считаетъ долгомъ представить Съѣзду.

Типическія черты сооруженій великокняжескаго періода наблюдаются: а) въ формахъ фасадныхъ и отчасти кровельныхъ, б) въ планахъ и конструкціи (разрѣзахъ) и в) (отчасти же) въ орнаментировкѣ извѣстныхъ черниговскихъ церквей. Позднѣйшія пристройки и исправленія оттѣняются соотвѣтствіемъ ихъ планамъ, конструкціи, формамъ фасаднымъ и кровельнымъ, церквей русско-польскаго типа. Въ послѣднемъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, хотя и особенно счастливое, представляетъ С.-Преображенскій соборъ въ г. Черниговѣ. Его старались возстановить и украсить по древнему виду, какъ представляли себѣ наилучше этотъ видъ возстановители конца прошлаго и начала истекающаго столѣтія.

Чтобы за такими выводами признать несомнѣнную достовѣрность, необходимо, конечно, провѣрить ихъ наблюденіемъ надъ кладкою тѣхъ частей зданій, которыя мы отмѣчаемъ, какъ древнія. Кладка—самый вѣрный типическій признакъ сооруженій того періода. Она—греческая и не удерживается въ русскихъ постройкахъ послѣ разгрома Кіева и Чернигова татарами. Но наблюдать ее удалось лишь по мѣстамъ, по случайнымъ обнаженіямъ стѣнъ отъ штукатурки, и отчасти подъ кровлями. Насколько это возможно было сдѣлать, докладчикъ находилъ подтвержденіе своимъ выводамъ.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.
18 августа, днемъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. И. Багалѣй. *Секретарь отдѣленія* Н. П. Василенко.

1. П. В. Голубовскій и Е. А. Кивлицкій: *„О картѣ Черниговской губерніи до XVI в.“.*

П. В. Голубовскій сообщилъ, что надъ исторической картой Черниговской и Полтавской губерній работало четверо лицъ, распредѣлившихъ работу по частямъ. Въ началѣ было предположено составить одну историческую карту этихъ губерній съ древнѣйшихъ временъ до 1654 года. Но это оказалось неудобнымъ по массѣ населенныхъ мѣстностей, которыя пришлось бы помѣстить на одной картѣ. Поэтому рѣшено составить двѣ карты: одну для періода до 1500 г., другую — для періода 1500 — 1654 года. Такимъ образомъ демонстрируемая карта представляетъ только часть работы, именно историческую карту Черниговской губерніи за два періода: древнѣйшій до 1300 г. и такъ называемый Литовскій, отъ 1300 г. до начала XVI вѣка, т.-е., до момента, когда вся почти Черниговская губернія перешла подъ власть Московскихъ государей. Чтобы показать, какія затрудненія приходится преодолѣвать изслѣдователю при опредѣленіи мѣстонахожденія историческихъ, иногда исчезнувшихъ, поселеній, и какъ разнообразны методы, какими приходится при этомъ пользоваться, докладчикъ остановился на опредѣленіи мѣстонахожденія древнихъ городовъ: Всеволожа, Унենежа, Глѣбля и Носова на Рудѣ. Изложивъ весь ходъ изслѣдованія относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, докладчикъ сообщилъ и свои выводы, что 1) Всеволожъ (южный)—теперь городище въ селѣ Сиволожѣ, 2) Уненежъ—городище въ м. Иванъ-городъ, 3) Глѣбль - городище—при сліяніи рр. Гайворона и Ромна и 4) Носовъ на Рудѣ—городище въ м. Голевѣ недалеко отъ р. Руды.

Затѣмъ Е. А. Кивлицкій сообщилъ о мѣстоположеніи нѣкоторыхъ поселеній дотатарскаго періода, при опредѣленіи которыхъ мнѣнія расходились, а именно: 1) Хоробора, 2) Блестовита, 3) Сновска, 4) Всеволожа, упоминаемаго въ 1159 г. и 5) Оргоща. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на то обстоятельство, что, сравнивая карту городищъ Черниговской губ., составленную проф. Д. Я. Самоквасовымъ, съ демонстрируемой теперь картой, можно замѣтить, что населеніе группировалось въ опредѣленныхъ районахъ.

Послѣ докладовъ проф. П. В. Голубовскаго и Е. А. Кивлицкаго предсѣдатель отдѣленія проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ полезное для науки значеніе труда, предпринятаго докладчиками совмѣстно съ другими лицами. Подобной карты не было сдѣлано еще въ Россіи. Критическій методъ, примѣняемый составителями карты при опредѣленіи древнѣйшихъ поселеній, упоминаніе о которыхъ въ источникахъ отмѣчается крайней неясностью, — несомнѣнно научный методъ. Въ заключеніе Д. И. Багалѣй предложилъ выразить составителямъ карты благодарность за ихъ кропотливый трудъ.

2. В. Б. Антоновичъ: *„О мѣстоположеніи лѣтописныхъ Шумска и Пересопницы“.* Отроги Карпатскихъ горъ заходятъ въ Волынскую губернію и въ видѣ цѣпи тянутся отъ Ю.-З. къ С.-В. гдѣ у г. Острога, при впаденіи р. Виліи въ Горынь, образуютъ небольшой горной узелъ и тамъ оканчиваются. На всемъ этомъ протяженіи они имѣютъ два естественныхъ прохода—у г. Кременца и у г. Острога; на всемъ же остальномъ пространствѣ отроги Карпатъ представляютъ собою много затрудненій для сообщенія. Благодаря этому, они всегда служили природной защитой для сѣверной части Волыни. Къ югу отъ этой горной цѣпи лежалъ древній лѣтописный Шумскъ. Въ первый разъ онъ упоминается въ лѣтописи въ XII в. Въ 1149 году Владимирко Володаревичъ Галицкій выступилъ на помощь Юрію Долгорукому противъ Изяслава II и придвинулся къ Шумску. Съ тѣхъ поръ Шумскъ упоминается часто въ междукняжескихъ

отношеніяхъ. Въ 1366 году, по договору Казиміра съ Любартомъ, Шумскъ остался во владѣніи Любарта, какъ повѣтъ, тянувшій къ Луцку. Затѣмъ Шумскомъ владѣли Богушевичи, Малинскіе. Въ 1637 г. въ Шумскѣ былъ основанъ монастырь св. Троицы; въ 1639 г. упоминается Шумская архимандрія. Во время казацкой войны 1648 г. Шумскъ былъ разоренъ, но вскорѣ потомъ снова возстановленъ, и въ 1656 г. въ немъ существовалъ францисканскій монастырь, въ который Даніилъ Малинскій записалъ 8,000 зл. Костелъ въ Шумскѣ былъ построенъ Станиславомъ Малинскимъ въ 1715 г. Въ 1752 г. Александръ и Станиславъ Малинскіе продали Шумскъ Радзивиллу. Въ настоящее время въ Шумскѣ сохранилось три городища, изъ которыхъ два, по своей квадратной формѣ и положенію въ долинѣ, должны быть отнесены къ литовско-польскому времени и только одно, лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ теперешняго Шумска и представляющее собой рядъ типичныхъ валовъ и укрѣпленій и расположенное на возвышенности, несомнѣнно происхожденія княжеской эпохи. Поэтому проф. В. Б. Антоновичъ полагаетъ, что древній Шумскъ былъ расположенъ на мѣстѣ этого городища и только впослѣдствіи передвинулся онъ на новое мѣсто. Такое же передвиженіе случилось и съ Пересопницей. Въ настоящее время это небольшое село, заключающее въ себѣ 23 двора или 140 жителей. Въ прежнее же время Пересопница являлась даже удѣльнымъ городомъ. Такъ, въ 1149 г. она упоминается въ лѣтописи какъ удѣлъ Вячеслава, сына Мономаха. Въ 1319 г. Пересопницей владѣлъ Любартъ. Въ 1504 г. вел. кн. Александръ далъ Пересопницу кн. Маріи Михайловой Чарторыйской и съ той поры ею владѣли Чарторыйскіе. Въ 1577 г. въ Пересопницѣ заключалось 5 дымовъ и 2 огородника, а 1583 г.—4 дыма и 8 огородниковъ. Городище типа великокняжеской эпохи находится въ верстѣ отъ села, и проф. В. Б. Антоновичъ полагаетъ, что тамъ находилась и древняя Пересопница. По поводу доклада В. Б. Антоновича, предсѣдатель секціи проф. Д. И. Багалѣй замѣтилъ, что подобныя передвиженія древнихъ городовъ, какъ передвиженія Шумска и Пересопницы, встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ древней Чернигово-Сѣверской землѣ.

3. И. А. Сикорскій: *„О слѣдахъ расовыхъ примѣсей въ населеніи“*. Докладчикъ имѣлъ въ виду отмѣтить существованіе характерныхъ признаковъ одной расы въ индивидуумахъ другой. До пріѣзда еще въ Кіевъ профессору пришлось лѣчить въ Петербургѣ одну больную, которая представляла собой несомнѣнныя черты абиссинской расы. Оказалось потомъ, что среди предковъ ея были ближайшіе родственники извѣстнаго Ганнибала, арапа Петра Великаго. Среди русскаго народа встрѣчаются нерѣдко лица, носящія на себѣ всѣ признаки монгольской расы. Подобные субъекты отличаются не только внѣшнимъ видомъ, но отпечатокъ ихъ расовыхъ особенностей идетъ дальше и отражается, напр., на ихъ способностяхъ, особенностяхъ при заболѣваніи и теченіи болѣзней и т. п. Двухъ подобныхъ субъектовъ проф. Сикорскій детально изслѣдовалъ. Это были—крестьянинъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ. и одно духовное лицо изъ Вятской губерніи. У обоихъ волоса совершенно ровные, не имѣющіе ни малѣйшихъ признаковъ волнистости, щели глазъ узкіе, маленькіе, причемъ концы одной вѣки прикрываютъ другую, цвѣтъ кожи носитъ желтоватый оттѣнокъ, на лицѣ волосы растутъ не вездѣ, какъ у кавказской расы, а преимущественно на подбородкѣ, да и то рѣдкіе; на щекахъ же растительности совсѣмъ нѣтъ. Эти признаки, по мнѣнію референта, ясно свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ чистѣйшими представителями монгольской расы. Явленіе это объясняется, конечно, тѣми скрещиваніями, которыя такъ нерѣдки были на Руси между монгольской и кавказской расой, причемъ, изучая законы наслѣдственной передачи расовыхъ особенностей, проф. Сикорскій всегда замѣчалъ преобладаніе признаковъ одной какой-нибудь расы, кавказской или монгольской. Братья, напр., изслѣдованнаго докладчикомъ крестьянина—представители чистаго типа кавказской расы. Если у субъектовъ замѣчается смѣшеніе обоихъ расъ, кавказской и монгольской, то такіе субъекты являются обыкновенно вырождающимися.

По поводу доклада проф. И. А. Сикорскаго Н. И. Василенко замѣтилъ, что матеріалъ, которымъ располагалъ докладчикъ настолько незначителенъ, что не даетъ права дѣлать какіе бы то ни было выводы, а тѣмъ болѣе такія широкія обобщенія, которыя допускаетъ проф. И. А. Сикорскій. Прежде, чѣмъ не будетъ по вопросу, затронутому докладчикомъ, собранъ значительный, критически провѣренный, статистическій матеріалъ, не будетъ изслѣдована наслѣдственная передача опредѣленныхъ признаковъ расы у цѣлаго ряда отдѣльныхъ субъектовъ,—всѣ выводы по этому вопросу не могутъ имѣть никакого научнаго значенія.

4. Д. И. Багалѣй: *„О рефератахъ, предъявленныхъ во II секціи"*.

Докладчикъ доложилъ Съѣзду о рефератахъ, поступавшихъ въ распоряженіе археографической секціи XI Археологическаго Съѣзда и принадлежащихъ тѣмъ членамъ, которые не имѣли возможности пріѣхать на Съѣздъ лично, прибавивъ, что нѣкоторые изъ присланныхъ рефератовъ будутъ напечатаны въ Трудахъ Съѣзда. По прочтеніи названія каждаго изъ нихъ, референтъ въ краткихъ словахъ излагалъ его содержаніе, а также критическую оцѣнку. Рефераты эти слѣдующіе: 1) г. Бугославскаго изъ Смоленска: „О восточномъ пути, пролегавшемъ черезъ Смоленскъ", съ приложеніемъ подробной карты, 2) „Общая карта древней Руси съ IX по XI в.", съ пояснительнымъ текстомъ; 3) и 4) г. Износкова изъ Казани: „Къ вопросу о составленіи историко-географическихъ словарей" и „О составленіи алфавитныхъ списковъ хорографическихъ названій съ двумя списками населенныхъ мѣстъ"; 5) А. И. Савельева: „Остатки старипнаго межеванія въ Россіи"; 6) В. Кетржинскаго на польскомъ языкѣ: „О славянахъ, обитавшихъ нѣкогда между Рейномъ и Савой" и 7) г. Крашкевича: „Обзоръ древностей Грубешевскаго уѣзда, Люблинской губ.".

Общее собраніе. 18 августа, вечеромъ.

Предсѣдатель Съѣзда графиня П. С. Уварова. *Предсѣдатель Ученаго Комитета* В. Б. Антоновичъ. *Секретарь того же Комитета* О. И. Левицкій.

1. К. В. Болсуновскій: *„О свинцовыхъ пластинкахъ съ условными знаками церковныхъ праздниковъ"*.

2. Проф. А. И. Маркевичъ: *„О сохраненіи старинныхъ памятниковъ"*.

Докладчикъ говоря о разрушеніи архитектурныхъ памятниковъ старины, порой при возможности сохранить ихъ—привелъ свои наблюденія на югѣ Россіи (замокъ въ Луцкѣ, развалины Суворовской крѣпости въ Одессѣ, Аккерманской крѣпости и нѣсколько крымскихъ крѣпостей) и заключилъ докладъ словами:

„Врагъ широкихъ, а потому трудно исполнимыхъ на дѣлѣ плановъ, я потому и рѣшаюсь выступить съ своимъ предложеніемъ, что, какъ мнѣ кажется, возможно уже сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ для его практическаго осуществленія, то-есть,—позаботиться объ охранѣ хотя-бы нѣкоторыхъ памятниковъ древности и именно тамъ, гдѣ таковая охрана возможна. Шаги эти представляются мнѣ слѣдующими: одно изъ нашихъ важнѣйшихъ ученыхъ археологическихъ Обществъ, и предпочтительнѣе всего Московское, уже взявшее на себя организацію археологическихъ съѣздовъ, обратится къ другимъ археологическимъ обществамъ или такимъ, которыя могли-бы заняться охраною древностей — ученымъ учрежденіямъ, съ запросомъ: охрану какихъ памятниковъ (развалинъ, кургановъ и проч.) они могли-бы взять на себя, въ зависимости, повторяю, отъ удобства надзора и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? Очень возможно, что на этотъ запросъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ и болѣе всего изъ-за нашей русской лѣни, отвѣтовъ получится и немного. Затѣмъ состоится обычное предварительное совѣщаніе представителей отъ различныхъ учрежденій для обсужденія слѣдующаго археологическаго съѣзда; вотъ пріѣхавшія-то на это предварительное совѣщаніе лица, какъ заранѣе уже освѣдомленныя, и могутъ доставить, безъ сомнѣнія, съ собою мате-

ріалъ, необходимый для предварительнаго обсужденія предлагаемой мною мѣры. Въ это-же время могутъ быть разсмотрѣны и различныя важныя ея подробности, напримѣръ, относительно того, какіе памятники должны стать предметомъ ученой ихъ охраны, какъ можетъ быть таковая осуществлена, и проч., чтобы къ предстоящему археологическому съѣзду вопросъ могъ быть разработанъ и представленъ уже во всей полнотѣ и опредѣленности, и явилась-бы возможность для съѣзда ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ или изданіи новыхъ законоположеній о сохраненіи памятниковъ древности".

Послѣ продолжительнаго обсужденія постановлено предложеніе проф. Маркевича передать въ Совѣтъ Съѣзда.

3. Графиня П. С. Уварова въ докладѣ: *„О преподаваніи археологіи въ русскихъ университетахъ"* сказала слѣдующее:

„Прошу позволеніе занять ваше вниманіе краткимъ докладомъ о необходимости введенія въ наши университеты правильнаго, систематичнаго преподаванія археологіи. Тема моего доклада не нова: вопросъ этотъ поднимался не разъ на нашихъ археологическихъ съѣздахъ и ему посвящались рефераты лучшихъ нашихъ ученыхъ.

Такъ, уже на первомъ съѣздѣ въ 1869 году, отвѣчая на вопросы, поставленные предварительнымъ комитетомъ: 1) Въ какомъ состояніи находится нынѣ наука русской археологіи? Средства къ дальнѣйшему болѣе успѣшному развитію оной. Необходимость преподаванія археологіи. 2) Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи? 3) Точнѣйшее опредѣленіе метода и пріемовъ въ изслѣдованіе памятниковъ. Составленіе подробной инструкціи археологическихъ изысканій. Терминологія русской археологіи и пр.,—Михаилъ Петровичъ Погодинъ занялъ нѣсколько засѣданій своимъ докладомъ о „Судьбахъ археологіи въ Россіи", а Ѳ. И. Буслаевъ и П. С. Казанскій подробно изложили свои взгляды на необходимость и возможность введенія въ университетахъ „преподаванія археологіи".

На второмъ съѣздѣ, въ 1871 г. И. И. Срезневскій занялъ собраніе обстоятельнымъ докладомъ „О современномъ состояніи русской археологіи".

На третьемъ съѣздѣ, созванномъ въ Кіевѣ, въ 1874 г., И. Е. Забѣлинъ разсматриваетъ: „Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи какъ самостоятельной науки"; графъ А. С. Уваровъ подробно излагаетъ: „Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа", а А. Г. Брикнеръ, какъ-бы въ дополненіе доклада графа, знакомитъ насъ съ тѣми „Практическими упражненіями и занятіями, какія могутъ и должны быть устраиваемы при университетскомъ преподаваніи археологіи".

Называя имена Погодина, Буслаева, Забѣлина, Срезневскаго, гр. А. С. Уварова—этихъ столповъ русской археологической науки, я не позволю себѣ излишнихъ подробностей, а приведу только нѣкоторыя изъ ихъ положеній, чтобы освѣтить вопросъ и напомнить то, что о немъ говорилось и думалось на первыхъ съѣздахъ.

„Любовь къ древностямъ", — говоритъ проф. Казанскій на первомъ съѣздѣ,—„и знаніе ихъ суть лучшіе хранители древностей. Пока не распространится въ большинствѣ общества любовь къ древностямъ и знаніе, никакія правительственныя мѣры не оградятъ вполнѣ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія". „Правильно понимаемая археологія, продолжаетъ профессоръ, должна знакомить не съ формами только древними, но и съ духомъ, съ идеей, породившею эти формы".

„Археологія, равно какъ и исторія, — говоритъ гр. Уваровъ на 3-мъ съѣздѣ, — занимается изслѣдованіемъ остатковъ древняго быта, и онѣ обѣ суть отрасли одной и той же науки бытописанія народовъ. Пока исторія довольствовалась изложеніемъ однихъ внѣшнихъ фактовъ, не обращая вниманія на общественный и внутренній бытъ народа, она не достигала того, чего требуетъ бытописаніе, и Монтель съ справедли-

востью клеймилъ ее мѣткимъ прозваніемъ histoire bataille. Но этотъ недостатокъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ сталъ понемногу исчезать при постепенномъ развитіи исторической критики, и еще недавно историческія изслѣдованія, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ археологической науки, получили особое направленіе и преобразовались въ такъ называемую теперь культурную исторію народовъ".

„Археологія,—говоритъ графъ на 1-мъ съѣздѣ,—какъ стройная наука, пользуется уже давно правомъ гражданства на Западѣ", и онъ находитъ „справедливымъ и неотложно необходимымъ, чтобы одинаковое право гражданства было получено ею и въ русскихъ университетахъ, ибо пока археологія не войдетъ въ число наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, до тѣхъ поръ ею будутъ заниматься отдѣльныя лица, но общая масса не будетъ сознавать ея пользы".

Поддерживая свою мысль, графъ на 2-мъ съѣздѣ выражаетъ желаніе, чтобы съѣздъ чрезъ находящихся на немъ представителей университетовъ передалъ университетамъ просьбу о содѣйствіи скорѣйшему основанію самостоятельной каѳедры по археологіи.

Настаивая далѣе на своемъ завѣтномъ желаніи двинуть, наконецъ, дорогое для него дѣло, графъ на 3-мъ съѣздѣ подробно излагаетъ программу русской археологіи, опредѣляетъ ея задачи „какъ науки, занимающейся изслѣдованіемъ древняго русскаго быта по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва составилась Русь, а потомъ Русское государство", и, раздвигая рамки желательнаго университетскаго преподаванія археологіи, перечисляетъ тѣ науки, которыя считаются необходимыми для научнаго изслѣдованія памятниковъ и которыя такимъ образомъ должны также стать въ число университетскаго преподаванія. Науки эти: антропологія, палеографія, съ подраздѣленіемъ на эпиграфику и дипломатику, сфрагистика съ геральдикою, нумизматика, художества, состоящія изъ живописи, зодчества, ваянія и музыки, географія съ топографіей и хронологія.

Развивая далѣе свою программу, графъ указываетъ на невозможность уясненія древняго быта Россіи безъ изученія исторіи тѣхъ народовъ, съ которыми она была въ прикосновеніи, и потому предлагаетъ одновременно съ изученіемъ русской археологіи изучать археологію Византіи, славянскихъ народовъ и Скандинавіи.

Программу эту излагалъ графъ на первомъ Кіевскомъ Съѣздѣ въ 1874 г., но мнѣ думается, что еслибы онъ дожилъ до съѣзда, собравшагося нынѣ, то онъ легко бы согласился, что къ предлагаемымъ каѳедрамъ—вспомогательныхъ при изученіи русской археологіи—прежде всего слѣдуетъ прибавить изученіе Востока со всѣми тѣми народами и народностями, искусство и вѣрованіе которыхъ имѣли такое громадное значеніе на русскій бытъ, развитіе государственнаго строя, на нашу исторію и искусство.

И такъ, чтобы не случилось, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, что наша отечественная археологія только тогда начнетъ разрабатывать свои памятники, когда большая часть изъ нихъ будетъ истреблена, и въ виду благого примѣра, который подаютъ намъ западныя государства и западные ученые, посвящающіе огромныя средства какъ на разработку мѣстныхъ древностей, такъ и на изученіе Востока и Византіи, позвольте мнѣ просить нынѣшній Съѣздъ сдѣлать слѣдующія два постановленія:

1) Ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи въ университетахъ каѳедръ по археологіи, не только русской, но и всѣхъ тѣхъ народностей, которыя могли имѣть вліяніе на развитіе русскаго искусства.

2) Ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно была составлена комиссія для обсужденія и выработки необходимыхъ для преподаванія археологіи программъ и изданія руководствъ по разнымъ отраслямъ археологіи съ привлеченіемъ къ этому дѣлу ученыхъ обществъ, имѣющихся въ Россіи".

Выслушавъ съ единодушнымъ сочувствіемъ означенный докладъ графини П. С. Уваровой, Общее Собраніе постановило: предложеніе графини П. С. Уваровой передать въ Совѣтъ Съѣзда.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда 19-го августа, утромъ.

Предсѣдатель Съѣзда: графиня П. С. Уварова. *Предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда* В. Б. Антоновичъ. *Секретарь Съѣзда* В. Г. Ляскоронскій. *Секретарь ученаго комитета*: О. И. Левицкій.

Въ засѣданіи Совѣта принимали участіе находящіеся въ Кіевѣ депутаты отъ многочисленныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ. Были сдѣланы слѣдующія постановленія:

Рѣшено довести до свѣдѣнія Императорской Академіи Наукъ, что на XI археологическомъ съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности, во-первыхъ, изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношенія къ исторіи славянъ и территоріи Россіи, и во-вторыхъ, изданія въ оригиналахъ и переводахъ отрывковъ изъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи.

Въ виду хищеній, которымъ подвергается за послѣднее время Ольвія, рѣшено ходатайствовать передъ правительствомъ объ ассигнованіи денежныхъ средствъ для производства въ Ольвіи правильныхъ и систематическихъ раскопокъ и просить графиню П. С. Уварову войти въ соглашеніе по этому вопросу съ графиней Мусиной-Пушкиной, въ составъ владѣній которой входитъ и территорія древней Ольвіи.

По поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи русской археографической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ просить Московское Археологическое общество снестись съ русскимъ посломъ при итальянскомъ дворѣ г. Нелидовымъ.

Принимая въ принципѣ проектъ проф. Д. Я. Самоквасова о реорганизаціи архивнаго дѣла въ Россіи по образцу западно-европейскихъ государствъ, совѣтъ постановилъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданнѣйшую просьбу о реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтобы къ участію въ разработкѣ соотвѣтственно проекта были допущены тѣ лица, которымъ дѣло правильнаго устройства архивовъ наиболѣе знакомо и дорого.

Въ виду того, что на реорганизацію архивнаго дѣла потребуется не мало времени, рѣшено ходатайсвовать о томъ, чтобы не ожидая разрѣшенія общаго архивнаго вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованія Харьковскаго историческаго архива въ Центральный историческій архивъ.

Рѣшено ходатайствовать о немедленномъ изданіи циркулярнаго правительственнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, до тѣхъ поръ, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ архивныхъ документовъ.

Совѣтъ рѣшилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ ученымъ архивнымъ коммиссіямъ ежегоднаго пособія въ размѣрѣ до 1,500 рублей.

Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислинскаго края, Съѣздъ проситъ Московское Археологическое Общество ходатайствовать объ учрежденіи въ Варшавѣ или Археологическаго Общества, или отдѣленія Московскаго Археологическаго Общества.

Рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи въ университетахъ каѳедры доисторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра.

Предложеніе профессора Кіевской духовной академіи I. Н. Королькова о необ-

ходимости ходатайствовать передъ правительствомъ о поддержаніи древняго храма Спаса на Берестовѣ передано въ кіевское Церковно-археологическое общество.

Ходатайство Остерской уѣздной земской управы о поддержаніи Юрьевской Божницы въ Старогородкѣ рѣшено передать въ кіевское Церковно-археологическое Общество съ просьбой принять возможно скорѣе необходимыя для того мѣры и увѣдомить о послѣдующемъ Остерское земство.

По поводу предложенія проф. А. И. Маркевича о мѣрахъ къ охраненію памятниковъ старины, рѣшено просить Императорское Московское Археологическое Общество принять на себя трудъ осуществленія проектируемыхъ имъ мѣръ и доложить объ этомъ предварительному комитету будущаго XII съѣзда.

По поводу ходатайства комитета по возобновленію древняго собора въ г. Козельцѣ совѣтъ постановилъ просить графиню П. С. Уварову посѣтить г. Козелецъ и о томъ, что ею будетъ сдѣлано, увѣдомить общество Нестора Лѣтописца.

По выслушаніи доложенной совѣту предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой переписки относительно мѣста устройства будущаго XII археологическаго съѣзда 1902 года, собраніе постановило избрать мѣстомъ будущаго съѣзда Харьковъ и поручить Московскому Археологическому Обществу обратиться къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбой о разрѣшеніи собрать предварительный комитетъ по устройству XII археологическаго Харьковскаго съѣзда въ Москвѣ, въ январѣ 1900 года.

Наконецъ, совѣтъ постановилъ просить Императорское Московское Археологическое Общество принять на себя заботу по изданію трудовъ Съѣзда.

Заключительное общее собраніе Съѣзда 19 августа, вечеромъ.

Къ открытію собранія въ обширномъ университетскомъ залѣ собрались члены Съѣзда и много посторонней публики. За предсѣдательскимъ столомъ занимали мѣста попечитель Кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, предсѣдатель съѣзда графиня П. С. Уварова, предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда проф. В. Б. Антоновичъ и секретарь Съѣзда В. Г. Ляскоронскій.

В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе: *объ археологическихъ выставкахъ, устроенныхъ ко времени открытія Съѣзда.*

Имѣя въ виду представить наглядно карты древностей кіевскаго района, комитетъ по устройству XI Археологическаго Съѣзда обратился къ учрежденіямъ и коллекціонерамъ съ просьбой прислать на выставку свои коллекціи. Обращеніе было принято сочувственно—на выставку доставлено довольно значительное количество предметовъ. Выставка была распредѣлена въ нѣсколькихъ помѣщеніяхъ: въ университетѣ, въ городскомъ музеѣ, въ музеѣ Церковно-археологическаго общества; въ помѣщеніяхъ Б. И. Ханенко и І. А. Хайновскаго, которые любезно открыли доступъ членамъ Съѣзда для осмотра и изученія своихъ коллекцій.

Выставка въ университетѣ была распредѣла по отдѣламъ: древности первобытныя, древности классическія, древности историческія, древности церковныя, выставка картографическая и выставка старопечатныхъ книгъ и рукописей; обстоятельный отчетъ объ нихъ представленъ былъ въ рефератахъ, сопровождавшихся демонстраціями, составленныхъ завѣдующими отдѣлами выставки: В. А. Кордтомъ—о картографіи, М. П. Истоминымъ—о церковныхъ древностяхъ; обстоятельный же отчетъ по отдѣлу старопечатныхъ книгъ и рукописей составленъ завѣдующимъ этимъ отдѣломъ И. М. Каманинымъ. Что касается другихъ отдѣловъ выставки, то главное мѣсто по числу экспонатовъ занималъ отдѣлъ первобытныхъ древностей; въ основу этого отдѣла положена была довольно богатая коллекція, принадлежащая музею древностей университета св. Владиміра, но сверхъ того отдѣлъ этотъ обогатили частныя коллекціи, доставленныя обязательно ея владѣльцами: минералогическимъ музеемъ университета св. Влади-

міра, также гг. Червинскимъ, Тиховскимъ, г-жею Мельникъ, Пуласкимъ, Житинскимъ, Волянскимъ, Люба-Радзиминскимъ, бар. Штейнгелемъ, г. Добровольскимъ, проф. Лашкаревымъ и проф. Антоновичемъ.

Сверхъ того, на выставку доставлены были предметы, добытые изъ раскопокъ, произведенныхъ непосредственно передъ Съѣздомъ,—частью по инициативѣ Предварительнаго Комитета по устройству XI Археологическаго Съѣзда, частью по личной инициативѣ гг. членовъ Съѣзда. Коллекціи эти послужили матеріаломъ для многихъ рефератовъ, доложенныхъ на Съѣздѣ; таковы были предметы, добытые раскопками г-жи Мельникъ, проф. Веселовскаго, Кнауэра, Лилѣева, Антоновича и г. Бѣляшевскаго. Уже одинъ перечень приведенныхъ именъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ сочувствіи, которое Съѣздъ и его выставка встрѣтили въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго общества. Бюро Съѣзда считаетъ своимъ долгомъ заявить, отъ имени Съѣзда, глубокую признательность всѣмъ лицамъ, принявшимъ участіе въ выставкѣ присылкою своихъ коллекцій, и способствовавшихъ такимъ образомъ возможности ознакомленія русскихъ и иностранныхъ гостей съ археологическимъ матеріаломъ средняго Приднѣпровья.

Отдѣлы древностей классическихъ и историческихъ были относительно слабо представлены на выставкѣ: первыя (классическія) потому, что въ поступившихъ коллекціяхъ было весьма мало экспонатовъ классическаго искусства, такъ какъ предметы эти весьма рѣдко встрѣчаются въ Кіевскомъ районѣ, вслѣдствіе этого на выставкѣ пришлось ограничиться экспонированіемъ лишь предметовъ, хранящихся въ музеяхъ: Древностей и изящныхъ искусствъ и университетѣ св. Владиміра; древности же историческаго времени сосредоточились по преимуществу въ Городскомъ музеѣ, такъ что на выставкѣ въ зданіи университета пришлось ограничиться лишь небольшою коллекціею, принадлежащею музею древностей университета св. Владиміра, да нѣсколькими частными коллекціями гг. Болсуновскаго, Божко и Волянскаго. Предметы, выставленные въ университетѣ, были описаны въ каталогѣ, изданномъ на средства, которыми располагалъ Предварительный Комитетъ XI Археологическаго Съѣзда. Бюро Съѣзда считаетъ долгомъ заявить свою благодарность лицамъ, принявшимъ на себя трудъ описанія, приведенія въ порядокъ и укладки разныхъ отдѣловъ выставки: г-жа Мельникъ составила описаніе и систематизировала отдѣлъ первобытныхъ древностей, профессора: Кулаковскій, Титовъ и Завитневичъ, а также гг. Кордтъ, Истоминъ, Каманинъ и Щербина много потрудились надъ описаніемъ и раскладкою древностей по другимъ отдѣламъ выставки.

Другой весьма богатый отдѣлъ выставки помѣщался въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ. Съѣздъ считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность товарищу предсѣдателя Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ Б. И. Ханенко за ту истинно изумительную энергію, благодаря которой, новое, еще строившееся зданіе музея, было приведено къ началу Съѣзда въ такое положеніе, что въ залахъ второго этажа этого зданія могъ быть открытъ отдѣлъ выставки и организована сама выставка, благодаря неутомиму труду В. В. Хвойки.

Затѣмъ профессоръ перешелъ къ перечисленію и краткой характеристикѣ интересныхъ въ научномъ отношеніи коллекцій гг. Хвойки, Б. И. Ханенка, Общества Древностей и Искусствъ, гг. Кундеревича, Чернева, Запорожскаго, Тарновскаго, Толли и проч.

Вслѣдъ затѣмъ И. М. Каманинъ сдѣлалъ *„Обзоръ выставки рукописей и старопечатныхъ книгъ при XI Археологическомъ Съѣздѣ“*.

Устройство выставки рукописей возможно было или съ историко-литературною цѣлью, или съ историко-филологической, или же съ палеографической.

Подборъ рукописей, важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, казался трудно-исполнимымъ, вслѣдствіе большого числа и большой разбросанности этого рода памятниковъ, и потому грозившимъ сдѣлать выставку неполной.

Историко-филологическая цѣль при подборѣ рукописей неудобна была по своей, не для всѣхъ доступной, специализаціи. Поэтому оставалось устроить выставку палеографическую, ибо этимъ съ одной стороны, легче достигалась ея полнота; а съ другой,—она должна была производить болѣе сильное впечатлѣніе на мало подготовленнаго къ двумъ первымъ цѣлямъ обозрѣвателя.

Всѣхъ рукописей на выставкѣ было *190*. Онѣ поступили: изъ Кіево-Десятинной церкви, Кіево-Михайловскаго монастыря, Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища, Владиміро-Волынскаго Братства, Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства, Волынской духовной семинаріи и Почаевской Лавры. Изъ частныхъ лицъ на выставку представили экспонаты: И. Н. Михайловскій, И. М. Чернявскій, М. К. Ясинскій, П. И. Житецкій, Ѳ. И. Шванскій и М. И. Лилеевъ.

Полученныя рукописи, если онѣ относились къ XV — XVII вв., если онѣ несомнѣнно были писаны въ Кіевской или Волынской землѣ, расположены сначала по этимъ областямъ, а затѣмъ, въ каждой области—по вѣкамъ.

Особенно обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя изъ рукописей. Напримѣръ, *Евангеліе* — Кіево-Десятинной церкви, съ датою 1429 года, писанное красивымъ кіевскимъ уставомъ.

Новый Завѣтъ въ переводѣ на языкъ южно-русскаго образованнаго общества конца XVI вѣка, сдѣланномъ на Волыни въ 1581 году; авторъ перевода былъ аріаниномъ, и его вѣрованія должны были отразиться и въ выборѣ словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій, отличающихъ православіе отъ аріанства. Это драгоцѣнный и единственный экземпляръ.

Помянникъ Кіево-Михайловскаго монастыря, относящійся къ концу XVI и началу XVII вѣка; въ немъ записаны многіе мѣстные знатные роды дворянства и казачества, напримѣръ, родъ славнаго гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго.

Патерикъ Печерскій—рукопись XVII вѣка, заслуживаетъ вниманія по своей рѣдкости, такъ какъ рукописныхъ Патериковъ вообще сохранилось немного.

Заслуживаетъ вниманія и книга блаженнаго *Іова Почаевскаго*, писанная имъ собственноручно красивой уставной скорописью и содержащая въ себѣ сборникъ словъ и поученій.

Исторія Загоровскаго монастыря, изложенная въ формѣ лѣтописи, относится къ концу XVIII вѣка и представляетъ примѣръ того, какъ велись лѣтописи въ то время и что составляло интересъ бытописателя.

Архіерейскій Чиновникъ выдѣляется изъ массы рукописей красотой отдѣлки и роскошной орнаментикой своихъ буквъ. Онъ относится къ XVIII вѣку.

Житія Геннадія Костромскаго и преп. *Нифонта* снабжены большимъ количествомъ раскрашенныхъ изображеній и рисунковъ.

Въ небольшомъ литературномъ отдѣлѣ можно указать на рукопись 1798 года *„Энеиды“* Котляревскаго, на переложенія *псалтыря* В. Тредьяковскаго и на стихотворенія, слова и поученія митрополита Стефана *Яворскаго*.

Изъ рукописей историческаго характера слѣдуетъ упомянуть о Путевомъ журналѣ кн. *П. В. Рѣпнина*, объ исторіи фельдмаршала *Миниха*, о письмахъ князей *Трубецкихъ*.

Въ отдѣлѣ лѣтописей заслуживаютъ вниманія варіанты лѣтописей *Грабянки, Рубана, Димитрія Ростовскаго, Описанія Историческаго*.

Въ отдѣлѣ юридич. памятниковъ находится рукопись *2-го Литовскаго Статута*, дополняющая во многомъ изданный покойнымъ Бодянскимъ экземпляръ. Здѣсь же мы найдемъ два экземпляра договорныхъ статей гетмановъ *Малороссіи* съ *московскими* государями въ XVII вѣкѣ.

Вообще же палеографическая выставка даетъ возможность, путемъ сравненія Кіевскаго и Волынскаго уставнаго письма прійти къ вѣрному заключенію о сходствѣ и различіи между ними.

При устройствѣ выставки старопечатныхъ книгъ имѣлось въ виду собрать по возможности образцы печати всѣхъ южно-русскихъ типографій до начала истекающаго вѣка: во-1-хъ, чтобы судить о количествѣ и характерѣ напечатанныхъ въ каждой изъ нихъ изданій и, во-2-хъ,—опредѣлить территорію распространенія послѣднихъ.

Старопечатныя книги собраны изъ православныхъ церквей и монастырей Волыни и Подоліи церковно-археологическими обществами этихъ епархій и болѣе или менѣе точно могутъ отвѣтить на поставленныя нами для выставки задачи. Наибольшее число книгъ имѣется изъ Львовской и Почаевской типографій. На первомъ мѣстѣ стоитъ „*Апостолъ*", напечатанный основателемъ южно-русскихъ типографій *Иваномъ Өедоровымъ*. Онъ имѣется у насъ въ 3-хъ экземплярахъ. Послѣднее изданіе, какое намъ удалось найти на югѣ Россіи и напечатанное въ Львовской типографіи, относится къ 1772 году. Такимъ образомъ, Львовская типографія снабжала своими богослужебными книгами Волынь и Подолію въ теченіе двухъ вѣковъ и наконецъ уступила свое мѣсто изданіямъ Почаевской лавры, которая открыла свою дѣятельность съ 1732 года, когда получила грамоты отъ польскаго короля. Существуетъ мнѣніе, что Почаевская типографія начала свое существованіе *въ 1618* году, когда въ Почаевѣ было напечатано *Кирилломъ Транквилліономъ* его сочиненіе: „*Зерцало Богословія*". Мы имѣемъ на выставкѣ эту рѣдкую книгу: на выходномъ листѣ ея означено лишь, что она напечатана въ Почаевскомъ монастырѣ, но не сказано, что это типографія лаврская. Несомнѣнно, что это была кочевая типографія, скоро перешедшая въ другое мѣсто. Начало Почаевской типографіи относится такимъ образомъ къ XVIII в., благодаря господству уніи въ то время; благодаря тому, что она сама находилась въ рукахъ уніатской высшей власти, ея изданія вытѣснили изданія всѣхъ другихъ типографій и въ частности Кіево-Печерской типографіи, которая съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи была отрѣзана отъ правобережной Украины строгимъ кордономъ, и ея изданій мы не находимъ ни въ Подоліи, ни на Волыни.

Вмѣстѣ съ Львовской типографіей, на юго-западѣ Россіи распространяли свои изданія меньшія типографіи: *Стрятинская* 1604—1606 г., *Упавская* и *Крилосская;* всѣ они принадлежатъ Галиціи. Рѣдкіе экземпляры Стрятинской и Крилосской типографій представлены на выставкѣ во всѣхъ своихъ изданіяхъ.

Волынскія типографіи, вообще немногія и существовавшія очень короткое время не считая *Почаевской*, продолжающей и теперь работать, оставили намъ свои немногія и потому весьма рѣдкія изданія: именно, *Острожской* типографіи, существовавшей съ 1577 по 1612 г., мы имѣемъ пять изданій. *Кременецкая* же и *Рахмановская* типографіи, напечатавшія всего по одному изданію, представлены у насъ въ этихъ своихъ единственныхъ изданіяхъ. Изъ Кременецкой типографіи Богоявленскаго братства мы имѣемъ „*Славянскую грамматику*" *1638 г.*, а изъ Рахмановской (въ имѣніи кн. Вишневецкихъ)—„*Учительное евангеліе*", напечатанное въ 1619 г. Кирилломъ Транквилліономъ по настоянію кн. Корецкаго. На ряду съ изданіями южно-русскихъ типографій, мы встрѣчаемъ въ нашемъ краѣ и изданія сѣверно-русскихъ типографій и при томъ въ ихъ рѣдчайшихъ первопечатяхъ. Такъ, напр., мы имѣемъ первую книгу, напечатанную въ *Заблудовской* типографіи въ 1568—69 гг. бѣжавшими тогда изъ Москвы Ив. Өедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ; она напечатана при поддержкѣ „наивысшаго гетмана" княжества литовскаго Григ. Ал. Ходкевича, подъ заглавіемъ „Евангеліе учительное"; на Евангеліи находится запись жены Ходкевича, писанная ею собственноручно.

Изъ *Виленской* братской типографіи имѣется первая, напечатанная тамъ въ 1575 г. Петромъ Мстиславцемъ, книга „Четвероевангеліе".

Книги, напечатанныя въ *Кутеинской* типографіи, близъ г. Орши, Могилевской губерніи, имѣются на выставкѣ въ количествѣ пяти экземпляровъ. Кутеинская типографія основана была ревнителемъ православія, членомъ Кіевскаго Богоявленскаго братства, Богданомъ Стеткевичемъ; въ этой типографіи работалъ извѣстный Кіеву въ

XVII в. типографъ Спиридонъ Соболь, прекратившій здѣсь свою дѣятельность въ 1630 г. и перешедшій въ Кутейно.

Всѣ изданія *Евьевской* типографіи, числомъ 4, также имѣются на выставкѣ, типографія эта, основанная близь Вильны Богданомъ Огинскимъ, просуществовала ровно 30 лѣтъ.

Въ XVIII в. эти изданія смѣняются изданіями Супрасльскаго и Троицко-Ильинскаго Черниговскаго монастырей.

Интересно, что на Волынь попадали даже богослужебныя книги сербскихъ типографій. Такъ, напр., въ *с. Басовомъ Кутѣ* оказалось Евангеліе—апрокосъ, напечатанное въ *Братевѣ* въ 1565 году, а въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ, хранится даже *краковское* рѣдчайшее изданіе 1491 года—Часословъ.

Графиня П. С. Уварова представила *Обзоръ дѣятельности XI Археологическаго Съѣзда*. Всѣхъ членовъ Съѣзда было 505, въ томъ числѣ 24 иностранныхъ гостя. Всѣхъ рефератовъ было сдѣлано 135, причемъ болѣе всего рефератовъ пришлось на долю I отдѣленія (древности первобытныя), въ засѣданіяхъ котораго было сдѣлано 27 докладовъ, и на долю II отдѣленія (древности историко-географическія и этнографическія), въ засѣданіяхъ котораго было сдѣлано 25 докладовъ. Въ результатѣ обширной и многосторонней дѣятельности XI Археологическаго Съѣзда является рядъ ходатайствъ передъ высшимъ правительствомъ, изъ которыхъ главнѣйшими являются ходатайство о реорганизаціи архивнаго дѣла въ Россіи (по предложенію проф. Д. Я. Самоквасова) и ходатайство о введеніи въ университетахъ каѳедры доисторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ и на область внѣ-классическихъ искусствъ (по предложенію графини П. С. Уваровой). Разсмотрѣвъ дѣятельность каждаго изъ десяти отдѣленій XI Археологическаго Съѣзда въ отдѣльности и указавъ на результаты цѣлаго ряда археологическихъ экскурсій, предпринятыхъ многими мѣстными археологами по предложенію Предварительнаго Комитета по устройству XI Археологическаго Съѣзда, перечисливъ главнѣйшіе ученые труды и изслѣдованія, вышедшіе въ свѣтъ ко времени открытія Съѣзда и упомянувъ о внѣшней сторонѣ организаціи Съѣзда и объ археологическихъ экскурсіяхъ членовъ XI Археологическаго Съѣзда на Печерскъ, Старый городъ и на Подолъ и пр., графиня П. С. Уварова перешла къ сообщенію результатовъ вчерашняго засѣданія совѣта XI Археологическаго Съѣзда. Закончила свою рѣчь графиня рядомъ пожеланій. Перечисливъ имена тѣхъ членовъ закрывающагося Съѣзда, которые были дѣятелями и перваго Кіевскаго Археологическаго Съѣзда, состоявшагося 25 лѣтъ тому назадъ, графиня выразила сердечное пожеланіе, чтобы тѣ многочисленныя молодыя силы, которыя входили въ составъ должностныхъ лицъ послѣдняго Съѣзда, продолжали ревностно работать, развивая и обогащая своими трудами археологическую науку. Затѣмъ графиня П. С. Уварова выразила пожеланіе, чтобы Кіевскій музей древностей и искусствъ, возникшій, главнымъ образомъ, благодаря горячей любви къ родной старинѣ и неослабной энергіи Б. И. Ханенка, продолжалъ устраиваться и процвѣтать, завоевавъ себѣ прочное положеніе и всеобщія симпатіи, и чтобы богатыя коллекціи В. В. Хвойки, относящіяся къ древнѣйшей въ Россіи палеолитической стоянкѣ и къ единственной до сихъ поръ для Россіи особой культурѣ конца каменнаго вѣка, сдѣлались достояніемъ этого музея. Въ заключеніе своей рѣчи графиня П. С. Уварова выразила пожеланія: чтобы г. Кіевъ и общество не переставали заботиться о дальнѣйшемъ развитіи новооткрытаго Городскаго музея и закрѣпленіи за нимъ симпатіи и поддержки мѣстныхъ властей и всѣхъ просвѣщенныхъ людей края; чтобы коммиссія по изданію древнихъ актовъ продолжала свои розысканія и въ высшей степени полезныя изданія; чтобы Московское Археологическое Общество, которому поручено изданіе трудовъ нынѣ заканчиваемаго Съѣзда, получило возможность изданія отдѣльнымъ томомъ тѣхъ древностей и памятниковъ Украйны: церквей, замковъ, частныхъ домовъ, надгробныхъ памятниковъ, портретовъ, иконъ, церковныхъ складовъ, архивныхъ мате-

ріаловъ, касающихся Южной Россіи, и проч.,—то есть—того археологическаго и историческаго матеріала, о которомъ такъ мало говорилось на Съѣздѣ и который, какъ было видно изъ докладовъ и заявленій, такъ успѣшно и дѣятельно уничтожается—частью по невѣжеству и небреженію, частью—по неспособности насъ всѣхъ къ послѣдовательному, устойчивому труду, частью по нежеланію нести тотъ трудъ и отвѣтственность, которые возлагаются на насъ разъ принятыми обязательствами. „Но для успѣшнаго исполненія этой задачи,—сказала графиня П. С. Уварова,—Московскому Археологическому Обществу нужна помощь, и помощь дружная, всѣхъ мѣстныхъ людей, знающихъ и любящихъ свой край, свою исторію, — и потому заканчиваю свою рѣчь тѣмъ же окликомъ древняго богатыря, которымъ открывала XI Археологическій Съѣздъ: „кто въ полѣ живъ — человѣкъ, отзовися"!

Рѣчь предсѣдателя XI Археологическаго Съѣзда была покрыта шумными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Вслѣдъ затѣмъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминовъ-Зерновъ объявилъ XI Археологическій Съѣздъ закрытымъ.

Послѣ этого графиня П. С. Уварова обратилась къ присутствующимъ членамъ закрытаго Съѣзда съ предложеніемъ выразить горячую признательность проф. В. Б. Антоновичу за ту огромную массу труда и энергіи, которую онъ вложилъ въ дѣло устройства Съѣзда, какъ предсѣдатель Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета, какъ предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, какъ главный устроитель сосредоточенной въ зданіи университета археологической выставки, какъ авторъ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ докладовъ, какъ руководитель экскурсіи для осмотра достопримѣчательностей Стараго города и др., а также всѣмъ предсѣдателямъ и секретарямъ отдѣленій Съѣзда, особенно же секретарямъ Съѣзда В. К. Трутовскому и В. Г. Ляскоронскому.

Въ заключеніе городской голова С. М. Сольскій обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью: „Городу, бывшему свидѣтелемъ въ лицѣ многочисленныхъ слушательницъ и слушателей всего сдѣланнаго на этомъ почтенномъ Съѣздѣ, не приходится быть компетентнымъ судьей всего слышаннаго и видѣннаго. Но на немъ лежитъ долгъ высокой признательности почтенному собранію археологовъ и именитой его предсѣдательницѣ—графинѣ П. С. Уваровой за тѣ безкорыстныя жертвы, за тѣ идеальныя стремленія, которыя они вложили въ дѣло раскрытія нашей сѣдой, но еще непроглядной старины нашего древняго, но еще темнаго быта въ теченіе двадцатидневнаго пребыванія въ нашемъ городѣ. Все, что мы видѣли на устроенныхъ здѣсь выставкахъ и что слышали изъ устъ уяснявшихъ смыслъ и значеніе этихъ выставокъ, преисполнило наши сердца глубокаго уваженія какъ къ ревнителямъ и соискателямъ остатковъ нашей старины, такъ и къ ея хранителямъ и изъяснителямъ ея смысла и значенія. Въ этомъ отношеніи XI Кіевскій Археологическій Съѣздъ оставитъ неизгладимые слѣды въ изученіи и раскрытіи древняго быта нашей отчизны и нашего древнѣйшаго города съ его окрестностями. Да спѣютъ и развиваются археологическія занятія въ нашей отчизнѣ".

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Томъ VII.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА
1900.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи.

Археологическая хроника.

Раскопки и развѣдки; находки; историческія мѣстности; памятники.

Ученыя учрежденія и общества; съѣзды; музеи и выставки; изданія.

Иностранная хроника.

Историко-филологическая цѣль при подборѣ рукописей неудобна была по своей, не для всѣхъ доступной, специализаціи. Поэтому оставалось устроить выставку палеографическую, ибо этимъ съ одной стороны, легче достигалась ея полнота; а съ другой,—она должна была производить болѣе сильное впечатлѣніе на мало подготовленнаго къ двумъ первымъ цѣлямъ обозрѣвателя.

Всѣхъ рукописей на выставкѣ было *190.* Онѣ поступили: изъ Кіево-Десятинной церкви, Кіево-Михайловскаго монастыря, Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища, Владиміро-Волынскаго Братства, Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства, Волынской духовной семинаріи и Почаевской Лавры. Изъ частныхъ лицъ на выставку представили экспонаты: И. Н. Михайловскій, И. М. Чернявскій, М. К. Ясинскій, П. И. Житецкій, Ѳ. Н. Шванскій и М. И. Лилеевъ.

Полученныя рукописи, если онѣ относились къ XV — XVII вв., если онѣ несомнѣнно были писаны въ Кіевской или Волынской землѣ, расположены сначала по этимъ областямъ, а затѣмъ, въ каждой области — по вѣкамъ.

Особенно обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя изъ рукописей. Напримѣръ, *Евангеліе* — Кіево-Десятинной церкви, съ датою 1429 года, писанное красивымъ кіевскимъ уставомъ.

Новый Завѣтъ въ переводѣ на языкъ южно-русскаго образованнаго общества конца XVI вѣка, сдѣланномъ на Волыни въ 1581 году; авторъ перевода былъ аріаниномъ, и его вѣрованія должны были отразиться и въ выборѣ словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій, отличающихъ православіе отъ аріанства. Это драгоцѣнный и единственный экземпляръ.

Помянникъ Кіево-Михайловскаго монастыря, относящійся къ концу XVI и началу XVII вѣка; въ немъ записаны многіе мѣстные знатные роды дворянства и казачества, напримѣръ, родъ славнаго гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго.

Патерикъ Печерскій—рукопись XVII вѣка, заслуживаетъ вниманія по своей рѣдкости, такъ какъ рукописныхъ Патериковъ вообще сохранилось немного.

Заслуживаетъ вниманія и книга блаженнаго *Іова Почаевскаго,* писанная имъ собственноручно красивой уставной скорописью и содержащая въ себѣ сборникъ словъ и поученій.

Исторія Загоровскаго монастыря, изложенная въ формѣ лѣтописи, относится къ концу XVIII вѣка и представляетъ примѣръ того, какъ велись лѣтописи въ то время и что составляло интересъ бытописателя.

Архіерейскій Чиновникъ выдѣляется изъ массы рукописей красотой отдѣлки и роскошной орнаментикой своихъ буквъ. Онъ относится къ XVIII вѣку.

Житія Геннадія Костромскаго и преп. *Нифонта* снабжены большимъ количествомъ раскрашенныхъ изображеній и рисунковъ.

Въ небольшомъ литературномъ отдѣлѣ можно указать на рукопись 1798 года *„Энеиды“* Котляревскаго, на переложенія *псалтыря* В. Тредьяковскаго и на стихотворенія, слова и поученія митрополита Стефана *Яворскаго.*

Изъ рукописей историческаго характера слѣдуетъ упомянуть о Путевомъ журналѣ кн. *Н. В. Рѣпнина,* объ исторіи фельдмаршала *Миниха,* о письмахъ князей *Трубецкихъ.*

Въ отдѣлѣ лѣтописей заслуживаютъ вниманія варіанты лѣтописей *Грабянки, Рубана, Димитрія Ростовскаго, Описанія Историческаго.*

Въ отдѣлѣ юридич. памятниковъ находится рукопись *2-го Литовскаго Статута,* дополняющая во многомъ изданный покойнымъ Бодянскимъ экземпляръ. Здѣсь же мы найдемъ два экземпляра договорныхъ статей гетмановъ *Малороссіи* съ *московскими* государями въ XVII вѣкѣ.

Вообще же палеографическая выставка даетъ возможность, путемъ сравненія Кіевскаго и Волынскаго уставнаго письма прійти къ вѣрному заключенію о сходствѣ и различіи между ними.

Доклады въ засѣданіяхъ ученыхъ Обществъ и на Кіевскомъ Съѣздѣ *).

*) Доклады на Съѣздѣ—на стр. 246—344.

ріаловъ, касающихся Южной Россіи, и проч.,—то есть—того археологическаго и историческаго матеріала, о которомъ такъ мало говорилось на Съѣздѣ и который, какъ было видно изъ докладовъ и заявленій, такъ успѣшно и дѣятельно уничтожается—частью по невѣжеству и небреженію, частью—по неспособности насъ всѣхъ къ послѣдовательному, устойчивому труду, частью по нежеланію нести тотъ трудъ и отвѣтственность, которые возлагаются на насъ разъ принятыми обязательствами. „Но для успѣшнаго исполненія этой задачи,—сказала графиня П. С. Уварова,—Московскому Археологическому Обществу нужна помощь, и помощь дружная, всѣхъ мѣстныхъ людей, знающихъ и любящихъ свой край, свою исторію, — и потому заканчиваю свою рѣчь тѣмъ же окликомъ древняго богатыря, которымъ открывала XI Археологическій Съѣздъ: „кто въ полѣ живъ — человѣкъ, отзовися"!

Рѣчь предсѣдателя XI Археологическаго Съѣзда была покрыта шумными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Вслѣдъ затѣмъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминовъ-Зерновъ объявилъ XI Археологическій Съѣздъ закрытымъ.

Послѣ этого графиня П. С. Уварова обратилась къ присутствующимъ членамъ закрытаго Съѣзда съ предложеніемъ выразить горячую признательность проф. В. Б. Антоновичу за ту огромную массу труда и энергіи, которую онъ вложилъ въ дѣло устройства Съѣзда, какъ предсѣдатель Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета, какъ предсѣдатель ученаго комитета Съѣзда, какъ главный устроитель сосредоточенной въ зданіи университета археологической выставки, какъ авторъ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ докладовъ, какъ руководитель экскурсіи для осмотра достопримѣчательностей Стараго города и др., а также всѣмъ предсѣдателямъ и секретарямъ отдѣленій Съѣзда, особенно же секретарямъ Съѣзда В. К. Трутовскому и В. Г. Ляскоронскому.

Въ заключеніе городской голова С. М. Сольскій обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью: „Городу, бывшему свидѣтелемъ въ лицѣ многочисленныхъ слушательницъ и слушателей всего сдѣланнаго на этомъ почтенномъ Съѣздѣ, не приходится быть компетентнымъ судьей всего слышаннаго и видѣннаго. Но на немъ лежитъ долгъ высокой признательности почтенному собранію археологовъ и именитой его предсѣдательницѣ—графинѣ П. С. Уваровой за тѣ безкорыстныя жертвы, за тѣ идеальныя стремленія, которыя они вложили въ дѣло раскрытія нашей сѣдой, но еще непроглядной старины нашего древняго, но еще темнаго быта въ теченіе двадцатидневнаго пребыванія въ нашемъ городѣ. Все, что мы видѣли на устроенныхъ здѣсь выставкахъ и что слышали изъ устъ уяснявшихъ смыслъ и значеніе этихъ выставокъ, преисполнило наши сердца глубокаго уваженія какъ къ ревнителямъ и соискателямъ остатковъ нашей старины, такъ и къ ея хранителямъ и изъяснителямъ ея смысла и значенія. Въ этомъ отношеніи XI Кіевскій Археологическій Съѣздъ оставитъ неизгладимые слѣды въ изученіи и раскрытіи древняго быта нашей отчизны и нашего древнѣйшаго города съ его окрестностями. Да спѣютъ и развиваются археологическія занятія въ нашей отчизнѣ".

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Томъ VII.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА
1900.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель ***Графиня Уварова.***

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи.

Археологическая хроника.

Раскопки и развѣдки; находки; историческія мѣстности; памятники.

Ученыя учрежденія и общества; съѣзды; музеи и выставки; изданія.

Иностранная хроника.

Засѣданія ученыхъ Обществъ.

Археологическій Съѣздъ въ Кіевѣ (246—344).

Доклады въ засѣданіяхъ ученыхъ Обществъ и на Кіевскомъ Съѣздѣ *).

*) Доклады на Съѣздѣ—на стр. 246—344.

Стр.

Стр.

Библіографія.

1899 г. №№ 11—12

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

издаваемыя

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Назначеніе глиняныхъ площадокъ въ доисторической культурѣ трипольскаго типа.

Съ 1897 по 1899 г., на правомъ берегу р. Днѣпра, въ окрестностяхъ сс. Триполья, Халенья, Жуковицъ, Веремья, Стаекъ, Стретовки и дд. Гребеней и Юшекъ, Кіевской губерніи и уѣзда, были открыты и изслѣдованы извѣстнымъ археологомъ В. В. Хвойкою остатки весьма замѣчательной культуры, характеризующейся совмѣстнымъ нахожденіемъ каменныхъ, костяныхъ и мѣдныхъ орудій, остатками скотоводства и земледѣлія, большимъ количествомъ керамическихъ издѣлій и особаго рода площадками, состоящими изъ слоевъ обожженной глины. Послѣднія обратили на себя особенное вниманіе какъ загадочностію своего назначенія, такъ и тѣмъ, что служатъ центрами, около которыхъ группируются всѣ прочіе бытовые остатки. Онѣ располагаются по окружности и въ центрѣ обширныхъ круговъ, иногда достигающихъ двухъ верстъ въ діаметрѣ. Въ центрѣ площадки встрѣчаются лишь единичными экземплярами; всѣ же прочія располагаются по линіи окружности и тѣмъ чаще и тѣснѣе, чѣмъ эта линія ближе проходитъ къ

воднымъ источникамъ, и наоборотъ. Круги площадокъ планируются на ровныхъ мѣстностяхъ, охваченныхъ съ одной или двухъ сторонъ рѣчками, а съ прочихъ — сосѣдними высотами, защищающими ихъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Формы площадокъ очень разнообразны; чаще всего онѣ округлы, но иногда вытянуты въ видѣ удлиненныхъ четырехугольниковъ или раскинуты въ видѣ крестовъ. Размѣры ихъ варіируютъ между 5×10 и 30×40 аршинами, но преобладаютъ въ 10×15 аршинъ.

Глина, входящая въ составъ площадокъ, имѣетъ видъ обожженныхъ, растрескавшихся и сломавшихся плитъ, вершковъ 2—3 толщиною. Одна сторона такихъ плитъ гладкая, другая — шероховатая. На гладкихъ сторонахъ часто видны слѣды неоднократно повторенныхъ росписей красками, а на шероховатыхъ—слѣды примазки плитокъ къ деревяннымъ стойкамъ или частоколу. На ряду съ плитами иногда находятся обломки стѣнныхъ угловъ. Плиты и углы лежатъ смѣшанно, безъ порядка, и часто въ нѣсколько слоевъ, при этомъ видъ ихъ нисколько не напоминаетъ кладки кирпичей, но вполнѣ соотвѣтствуетъ виду обрушенныхъ стѣнокъ глинобитныхъ строеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заслуживаетъ вниманія самый нижній слой, который лежитъ гладкою стороной вверхъ и представляетъ, вѣроятнѣе всего, полъ строенія. Между прочимъ, остатки такого пола наблюдались членами XI Археологическаго Съѣзда, 11 августа 1899 года, при раскопкахъ площадокъ въ окрестностяхъ д. Юшки, гдѣ легко было замѣтить, что полъ лежалъ не горизонтально, а мѣстами гнулся и провѣшивался внизъ; послѣднее явленіе могло случиться лишь при условіи присутствія подъ поломъ ямъ, что подтверждается и характеромъ перемѣшанной какъ бы насыпной почвы, идущей ниже глиняныхъ площадокъ, и нахожденіемъ подъ послѣдними цѣльныхъ глиняныхъ сосудовъ.

Въ одномъ случаѣ, на полу площадки было открыто круглое возвышеніе, сдѣланное въ видѣ стола, поверхность и бока котораго оказались хорошо выглаженными и окрашенными краскою. Въ другихъ случаяхъ, въ подобныхъ глинобитныхъ возвышеніяхъ удалось найти вмазанныя гранитныя плиты, служившія жерновами для размола хлѣбныхъ зеренъ. Одинъ или два раза были встрѣчены камни, сложенные небольшими пирамидками надъ ямами, спускающимися внизъ.

Каждая глиняная площадка обыкновенно сопровождается значительнымъ количествомъ глиняной посуды то цѣльной, то раздавленной на мелкіе куски. Посуда встрѣчалась внутри и внѣ площадокъ, группами и по одиночкѣ, иногда же ее находили въ особыхъ гнѣздахъ или нишахъ. На-ряду съ посудою нерѣдко попадались глиняныя лѣпныя фи-

гурки людей и животныхъ, а также гранитные и песчанниковые жернова, то въ видѣ обширныхъ плитъ съ вытертою рабочею плоскостью, то въ видѣ небольшихъ шаровъ съ отшлифованною одной или нѣсколькими гранями. Сравнительно рѣже встрѣчались мелкія вещи, сдѣланныя изъ кости, камня и металла. Найденныя вещи изъ кости состоятъ изъ иглъ, проколокъ, топоровъ и др.; количество ихъ не велико. Вещи изъ камня также не отличаются изобиліемъ; достаточно сказать, что довольно обширными раскопками 11 августа 1899 года не было добыто ни одного каменнаго орудія и ни одного осколка кремня, который бы служилъ признакомъ кремневой индустріи; но ранѣе находки ихъ случались, такъ однажды былъ найденъ глиняный горшокъ, вполнѣ характерный для трипольской культуры, наполненный длинными ножевидными осколками кремня, которымъ В. В. Хвойко приписываетъ значеніе серповъ; въ другой разъ такіе же осколки были найдены разложенными вокругъ сосуда. Полированныхъ орудій встрѣчено всего 6 экземпляровъ, изъ нихъ одинъ полированный топоръ имѣетъ сверлину; наконечниковъ каменныхъ копій и стрѣлъ совсѣмъ не найдено. Металлическихъ орудій найдено 5 экземпляровъ, изъ нихъ четыре имѣютъ видъ полированныхъ кремневыхъ топоровъ и сдѣланы изъ чистой мѣди, одинъ же имѣетъ видъ кельта весьма изящной формы съ отверстіемъ для рукоятки. Кромѣ того, были найдены двѣ каменныя формочки, служившія для отливки топоровъ перваго типа. Явленіе этихъ формъ въ особенности важно, такъ какъ оно указываетъ на мѣстную обработку металловъ и такимъ образомъ опредѣляетъ точнѣе эпоху трипольской культуры, отводя ей мѣсто въ бронзовомъ вѣкѣ.

Помимо всего перечисленнаго, въ глиняныхъ площадкахъ бывали находимы зерна обугленнаго ячменя и пшеницы, а по близости кухонные отбросы, состоящіе изъ костей коровъ, лошадей, овецъ и др., а также створокъ раковинъ Unio.

Таковъ въ общемъ видъ глиняныхъ площадокъ и сопровождающихъ ихъ бытовыхъ памятниковъ. Какое же могло быть ихъ назначеніе? Этотъ вопросъ сильно интересовалъ членовъ XI Археологическаго Съѣзда, и тогда можно было слышать довольно разнообразныя сужденія; такъ одни полагали, что площадки представляютъ изъ себя остатки жилыхъ построекъ, другіе — что это остатки построекъ особаго назначенія, но не жилыхъ; высказывались гипотезы, по которымъ глиняныя площадки составляютъ остатки особаго рода религіозныхъ памятниковъ, въ видѣ, напримѣръ, жертвенниковъ, и, наконецъ, въ послѣднее время появилось въ печати новое и совершено оригинальное мнѣніе, относящее глиняныя площадки и сопровождающіе ихъ глиняные

сосуды къ памятникамъ погребеній и сближающее ихъ съ полями погребальныхъ урнъ Зап. Европы [1]).

Защитники перваго мнѣнія указывали на то, что глиняные обломки, сгруппированные на площадкахъ, своею формой доказываютъ, что онѣ служили обмазкою тонкостѣнныхъ строеній, мазанокъ, которымъ трудно дать какое-либо другое назначеніе, кромѣ жилыхъ помѣщеній.

Защитники второго мнѣнія, опровергая первое, указывали на скудость домашнихъ отбросовъ, мелкой утвари, оружія и орудій, необходимыхъ и постоянныхъ спутниковъ насиженныхъ жилыхъ помѣщеній. Отсюда, заключали они, глиняныя площадки служатъ остатками не жилыхъ построекъ, а строеній, имѣвшихъ особое назначеніе и, вѣроятнѣе всего, гончарныхъ мастерскихъ, такъ какъ всѣ площадки сопровождаются почти исключительно гончарными издѣліями.

Защитники третьяго мнѣнія, отмѣчая неудовлетворительность мотивировки перваго, опровергали и второе, для чего указывали на отсутствіе слѣдовъ обжиганія гончарныхъ издѣлій, которые въ видѣ значительной массы угля, золы и скопленій обломковъ глиняной посуды, такъ часто бьющейся при процессѣ обжиганія, должны были бы сопровождать гончарныя мастерскія. Но если площадки не составляютъ ни остатковъ жилищъ, ни остатковъ какихъ-либо сооруженій бытового характера, то естественнѣе всего заключить, что это — остатки какихъ-либо священныхъ сооруженій, въ родѣ храмовъ или жертвенниковъ, на которыя и близь которыхъ ставились многочисленныя приношенія въ глиняныхъ сосудахъ.

Но при этомъ оставалось непонятнымъ изобиліе храмовъ и отсутствіе слѣдовъ жилищъ или стоянокъ прихожанъ.

Наконецъ, послѣднее мнѣніе основывалось на случаяхъ находокъ въ глиняныхъ площадкахъ остатковъ погребеній. Такихъ случаевъ наблюдалось три или четыре, при чемъ одно изъ погребеній, которое лучше другихъ сохранилось, признается за позднѣйшее, а другіе не имѣютъ даже ясныхъ чертъ ритуальнаго погребенія, да къ тому же число ихъ такъ мало, что даже, при принятіи ихъ за остатки погребеній, невозможно было бы согласиться съ тѣмъ, что десятки круговъ съ сотнями площадокъ и тысячами экземпляровъ гончарныхъ издѣлій служили спеціальными памятниками подобныхъ же погребеній, отъ которыхъ будто бы могло не сохраниться никакого слѣда. Кромѣ того, допущеніе такой

---

[1]) Журн. Минист. Народн. просвѣщ., 1899 г. августъ, ч. CCCXXIV. А. А. Спицынъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ.

гипотезы не можетъ объяснить почти ни одного изъ тѣхъ явленій, которыя наблюдались на площадкахъ.

Таковы существующія мнѣнія. Подвергнувъ критическому анализу каждое изъ нихъ и, насколько возможно, внимательно изучивъ на мѣстѣ и по музейнымъ матеріаламъ[2]) характеръ обломковъ глиняныхъ площадокъ, ихъ формы и всѣ тѣ предметы, которые сопровождали каждую изъ нихъ, я пришелъ къ заключенію, что первое изъ высказанныхъ мнѣній находится ближе другихъ къ истинѣ.

Глиняныя площадки трипольской культуры, дѣйствительно, представляютъ остатки жилищъ, но жилищъ не постоянныхъ, а временныхъ, и совокупность ихъ представляетъ не что иное, какъ зимнія стоянки богатаго и высококультурнаго племени, переживавшаго конецъ кочевого и начало осѣдлаго, земледѣльческаго быта. Такой взглядъ покоится на слѣдующихъ соображеніяхъ. Формы остатковъ глиняныхъ плитъ указываютъ на принадлежность ихъ постройкамъ, а расположеніе построекъ на площадяхъ, хорошо защищенныхъ отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, убѣдительно говоритъ за ихъ жилое назначеніе, такъ какъ ни храмы, ни жертвенники, ни гончарныя мастерскія, ни всякія другія нежилыя строенія не могли побуждать къ такой строгой и постоянной оріентировкѣ ихъ по отношенію къ холоднымъ вѣтрамъ.

Не могло быть нужды въ подобной оріентировкѣ, еслибы жилища предназначались только для лѣтняго времени, но это было очень необходимо для зимнихъ стоянокъ, гдѣ требовалась защита отъ холодныхъ вѣтровъ, какъ для человѣка, такъ и въ особенности для домашнихъ животныхъ, стоявшихъ въ открытыхъ загонахъ.

Планировка жилищъ по окружности *очень обширныхъ* круговъ еще болѣе подтверждаетъ мысль о назначеніи ихъ исключительно для зимняго времени, такъ какъ оставляемая свободною середина стоянокъ, очевидно, спеціально назначалась для загона домашнихъ животныхъ. Обширность дворовъ, достигавшихъ двухъ верстъ въ діаметрѣ, свидѣтельствуетъ объ обширности скотоводства, а эта послѣдняя — о бытѣ кочевомъ. Стада кочевниковъ имѣютъ нужду въ загонахъ только въ зимнія стужи, прочее же время свободно пасутся на волѣ; слѣдовательно и жилища, связанныя съ зимними загонами, были обитаемы только въ зимнее время.

Таковъ рядъ посылокъ и таково заключеніе. Послѣднее является тѣмъ болѣе основательнымъ, что подтверждается почти всѣми бытовыми

---

[2]) Археологическая выставка въ Кіевскомъ Городскомъ музеѣ, 1899 года, зала I, коллекціи В. В. Хвойко.

чертами, наблюдаемыми на мѣстахъ стоянокъ трипольскаго типа. Провѣримъ сказанное, слѣдя за жизнью кочевниковъ, какъ она возстаетъ предъ нами при допущенiи нашей гипотезы.

Наступаетъ зима. Кочевники возвращаются въ зимнiя стоянки. Производится необходимый ремонтъ и окраска глинобитныхъ жилищъ; производятся разнаго рода занятiя по обработкѣ продуктовъ земледѣлiя и др. Домашнiе отбросы: зола, уголь, мелкiя кости съѣденныхъ животныхъ окружаютъ жилища, но все это покоится не на землѣ, а на снѣгу и съ первыми лучами весенняго солнца уносится ручейками въ ближайшiе овраги и рѣчки, что впослѣдствiи и служитъ причиною бѣдности домашнихъ отбросовъ сохранившихся въ почвѣ стоянокъ.

Минуетъ зима. Кочевники спѣшатъ оставить зимнiя жилища и слѣдуютъ за своими стадами на лучшiя, свѣжiя пастбища. Они захватываютъ съ собою всю болѣе цѣнную утварь: берутъ оружiе и орудiя и уносятъ съ собою, оставивъ въ зимнихъ жилищахъ лишь менѣе цѣнные предметы или предметы, обременительные въ кочевыхъ походахъ; они оставляютъ глиняные сосуды и, чтобы предохранить отъ случайностей, засыпаютъ ихъ землею, или скрываютъ другими способами; и это служитъ причиною скудости находокъ цѣнныхъ вещей, въ видѣ оружiя и орудiй, и изобилiя глиняной цѣльной посуды.

Тонкостѣнныя глинобитныя жилища не должны были отличаться особенною прочностью и случаи разрушенiя, вѣроятно, не были рѣдкими, особенно въ отсутствiи владѣльцевъ, когда слабыя глиняныя стѣнки жилищъ легко могли быть размытыми и обрушенными ливнями дождей и уничтоженными нападенiемъ враждебныхъ племенъ. Въ такихъ случаяхъ, рухнувшiя стѣны погребали подъ собою то, что было скрыто въ землѣ внутри и по близости жилья. Вернувшiеся съ кочевокъ владѣльцы, несомнѣнно, многое извлекали изъ-подъ развалинъ, но многое оставалось въ почвѣ на долгiя времена. При своихъ поискахъ, владѣльцы по необходимости перевертывали и перепутывали куски обрушенныхъ глинобитныхъ стѣнъ и приготовляли тотъ Гордiевъ узелъ, въ формѣ глиняныхъ площадокъ, который приходится развязывать современнымъ археологамъ. Весьма возможно, что частые случаи разрушенiя жилищъ заставляли владѣльцевъ перемѣщать свои зимнiя стоянки, и благодаря этого остатки послѣднихъ такъ густо покрыли страну, и можетъ быть, вводятъ насъ въ ошибочное представленiе о плотности населенiя того времени.

Общiй видъ стоянокъ трипольскаго типа могъ напоминать краали современныхъ обитателей Ю. Африки. Подобная планировка зимнихъ жилищъ мною была найдена въ минувшемъ 1898 году, въ Городецкомъ

городищѣ Рязанской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Оки [3]), которое относилось къ началу желѣзнаго вѣка въ Окской области. Очевидно, въ срединѣ стоянокъ помѣщались жилища вождей или старшинъ, а по окружности—жилища прочихъ членовъ рода или племени; домашній же скотъ держался между построекъ, связанныхъ для этой цѣли какою-нибудь изгородью, отъ которой не сохранилось слѣдовъ.

Что касается формъ трипольскихъ жилищъ, то одни изъ нихъ, судя по виду обломковъ глиняныхъ стѣнъ и стѣнныхъ узловъ, несомнѣнно были четырехугольными, другія же могли быть округлыми. Существованіе послѣднихъ какъ бы подтверждается и отсутствіемъ обломковъ стѣнныхъ угловъ на нѣкоторыхъ площадкахъ, и округлою формой развалинъ или площадокъ, скрывающихъ въ своихъ обломкахъ планъ жилищъ.

Стѣны и полъ трипольскихъ зимнихъ жилищъ тщательно выглаживались, а иногда и окрашивались краскою или смазывались цвѣтною глиною. Внутри жилищъ устраивались глинобитныя столы и ручныя мельницы. Въ нѣкоторыхъ изъ хижинъ, повидимому, имѣлись печи, но въ большинствѣ случаевъ ихъ совсѣмъ не было: очевидно, трипольскіе кочевники не выносили излишней домашней теплоты, какъ не выносятъ ея, напримѣръ, крещеные калмыки Ставропольской губерніи, которые, будучи вынуждены жить по православному обычаю въ избахъ, по словамъ изслѣдователя ихъ быта г. Дубровы, зимою какъ бы поневолѣ топятъ печи, но дабы не мучиться въ теплѣ и духотѣ несвѣжаго воздуха, совсѣмъ не затворяютъ дверей, а даже въ самые трескучіе морозы оставляютъ ихъ открытыми не только въ сѣняхъ, но и у выхода въ теплое помѣщеніе [4]).

Аналогію трипольскимъ глинобитнымъ жилищамъ можно указать въ жилищахъ, открытыхъ г. Фишеромъ, на холмѣ Gemeindeberg'ѣ, въ Wienn'ѣ, относящихся, повидимому, также къ бронзовому вѣку. Основами этихъ жилищъ служили вбитые стоймя, на подобіе забора, колья, толщина которыхъ варіировала отъ 1 до 10 сант. Колья закидывались глиной. Форма хижинъ была четырехугольная. Размѣры стѣнъ не превышали 4—5 метровъ. Хижины стояли изолированно, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга [5]).

Эд. Клоддъ указываетъ на существованіе подобныхъ глинобитныхъ жилищъ въ Англіи, гдѣ они возникли еще въ неолитическую эпоху и продолжали существовать до историческаго періода [6]).

---

[3]) Археолог. Извѣстія и Замѣтки, 1899 г., №№ 6 и 7, стр. 188 и 193.
[4]) Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казан. Универ., т. XV, в. 1—2, стр. 47.
[5]) Арх. Изв. и Замѣтки, 1899 г., № 1—2, стр. 62.
[6]) *Эд. Клоддъ.* Первобытный человѣкъ, стр. 95.

Существованіе глинобитныхъ жилищъ и въ Кіевской губерніи, повидимому, также нисходитъ къ позднѣйшимъ временамъ. Остатки ихъ въ видѣ глиняныхъ площадокъ, совершенно аналогичныхъ съ трипольскими, были открыты тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ В. В. Хвойкою въ Пастерскомъ городищѣ, Чигиринскаго уѣзда, гдѣ онѣ сопровождались множествомъ разбитыхъ амфоръ, греческихъ терракотъ, глиняныхъ сосудовъ скиѳскаго типа, желѣзными, бронзовыми и серебряными вещами [7]).

Возможно даже полагать, что современныя малороссійскія мазанки представляютъ лишь усовершенствованный варіантъ трипольскихъ глинобитныхъ жилищъ.

В. А. Городцевъ.

II.

Шведскій отзывъ о русской архитектурѣ.

Новая шведская работа по исторіи русской архитектуры даетъ намъ поводъ указать на своеобразный характеръ отношенія автора, финляндца по рожденію, къ объясненію причинъ возникновенія въ зодчествѣ стиля, называемаго русскимъ.

Финляндскій уроженецъ Якобъ Аренбергъ, подвизающійся и въ изящной словесности, въ области которой извѣстенъ двумя романами на шведскомъ языкѣ, озаглавленными: *Семья изъ Гопакоски* (Familien paa Haapakoski) и *Нашъ Землякъ* (Vaar Landsman), помѣстилъ весною 1899 года статью о русской архитектурѣ въ выходящемъ въ Гельсингфорсѣ Финскомъ Временникѣ литературы, науки, искусства и политики (Finsk Tidscrift foer Vitterhet, Vetenskap, Konst och Politik, 1899, April).

Обвиняя Россію въ недостаточномъ проникновеніи художественнымъ реализмомъ, въ области котораго первые шаги Верещагина, оставшагося безъ послѣдователей, обратили на себя гораздо болѣе вниманія за границею, чѣмъ въ самой Россіи, авторъ съ другой стороны, утверждаетъ, что немногія государства Европы могутъ сравниться съ современною Россіею въ жертвахъ, приносимыхъ идеѣ народности. Въ доказательство приводится освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова

---

[7]) Арх. Изв. и Зам., 1899 г., № 1 и 2, стр. 37.

и малые плоды, пожатые Россіею въ Болгаріи отъ ея кроваваго и великаго подвига, отмѣченнаго полнымъ отсутствіемъ политическаго эгоизма.

Пробужденіе чувства народности отразилось въ Россіи на національзаціи ея искусства, но преимущественно въ области зодчества. „Русскіе архитекторы въ своихъ созданіяхъ —, приводимъ слова Аренберга — всегда имѣютъ въ виду элементы народности, далекія указанія первобытнаго искусства и проходятъ безслѣдно мимо классицизма эпохъ Елизаветы и Екатерины II, мимо итальянскихъ заимствованій Ивана IV, обращаясь за источниками своего вдохновенія въ тѣ вѣка древности, которые едва свидѣтельствуютъ о слѣдахъ западно-европейскаго вліянія на русское зодчество. Это исконное народное художество они облагородили, примѣнили къ высшимъ потребностямъ, къ монументальнымъ задачамъ, однимъ словомъ подняли его до высокаго значенія въ области искусства. Все это совершилось, такъ сказать, вчера, на глазахъ нашихъ соотечественниковъ и ходъ этой эволюціи долженъ быть интересенъ, въ особенности для архитектора".

Основателемъ народнаго направленія въ русскомъ зодчествѣ авторъ признаетъ профессора петербургской академіи, итальянца Монигетти, а первымъ и самымъ даровитымъ изъ его учениковъ архитектора Ропетта, прославившагося фасадами русскихъ отдѣловъ на выставкахъ въ Парижѣ, Копенгагенѣ и Чикаго.

Древнія греческія колоніи въ Крыму и на берегахъ Чернаго моря свидѣтельствуютъ о глубокой древности взаимныхъ сношеній грековъ и славянъ.

Введеніе Владиміромъ въ Россіи христіанства, послужило главнымъ существеннымъ поводомъ къ проникновенію въ Кіевъ цареградской культуры.

Покоривъ Персію при династіи Арзасидовъ, восточные римляне позаимствовали отъ побѣжденнаго народа нѣкоторые плоды его развитія въ области искусства, какъ, напримѣръ, орнаментику и новый способъ возведенія сводовъ.

Восточные народы привыкли обходить затрудненія при кладкѣ сводовъ и понемногу выдвигали со стѣнъ одинъ камень за другимъ до тѣхъ поръ, пока можно было закрѣпить замокъ крѣпкимъ растворомъ извести или легкими, поставленными ребромъ, кирпичами. Все покоилось не столько на искусномъ распредѣленіи тяжести, сколько, такъ сказать, на крѣпости связи. Такой сводъ штукатурился и въ штукатурку налѣплялись пестрыя мозаики по золоченому полю. Этотъ способъ возведенія сводовъ всегда примѣнялся на востокѣ и даже еще

теперь употребляется, какъ въ Индіи, такъ и, съ различными измѣненіями, на куполахъ безчисленныхъ церквей въ Россіи.

Другое восточное вліяніе проявилось въ области орнамента, не отличающагося, какъ въ римско-греческомъ искусствѣ, органическимъ развитіемъ своихъ элементовъ, но повторяющаго подробности украшеній въ безконечномъ рядѣ листиковъ и цвѣтковъ, въ родѣ того, какъ мы это видимъ на ассирійскихъ и египетскихъ памятникахъ. Связь отдѣльныхъ, не схожихъ, частей рисунка достигается посредствомъ особыхъ узоровъ въ родѣ вензелей, которые по внѣшности напоминаютъ подробности ковровъ или тканей. Капители мѣняютъ и форму, и назначеніе: они не поддерживаютъ сводъ или идущую по его низу опояску, но, напоминая собою верхушки башенъ, служатъ основами пятамъ свода.

Самыя характерныя особенности этого стиля проявляются однако въ планировкѣ византійскихъ церквей въ формѣ греческаго креста съ возвышающимся надъ срединою его главнымъ куполомъ и съ четырьмя главками по угламъ крыши. Заслуга русскаго зодчества въ развитіи этого стиля состоитъ въ снабженіи церквей фасадами, соотвѣтствующими ихъ планамъ, чего не достигла византійская архитектура, жертвуя внутренней красотѣ храмовъ ихъ внѣшностью. Исходя изъ необходимости поражать воображеніе новообращенныхъ христіанъ блескомъ и роскошью храмовъ и установить твердые образцы изображеній новыхъ христіанскихъ святыхъ, русское искусство однако остановилось на рутинѣ и, поддерживая старыя преданія, немогло развиваться и идти впередъ. Иконы до сихъ поръ пишутся въ томъ же стилѣ, который проникъ въ Россію назадъ тому около тысячи лѣтъ. До сихъ поръ въ русской иконописи живетъ византійскій шаблонъ, допуская лишь самыя незначительныя отклоненія отъ своихъ строгихъ требованій.

Въ соборѣ св. Марка въ Венеціи мы имѣемъ древнѣйшій образецъ византійской архитектуры, подражаніе которому замѣтно и въ русскихъ церквахъ, гдѣ надъ каждымъ внутреннимъ сводомъ обязательно возвышается глава. Колонны, играющія такую существенную роль въ фасадѣ собора св. Марка, лишены вполнѣ этого значенія въ восточномъ византійскомъ стилѣ. Вмѣсто колоннадъ, употреблявшихся на фасадахъ зодчими классическаго періода и эпохи возрожденія, русскія церкви допускаютъ колонны лишь внутри зданія, для поддержки хоръ или для украшенія внутреннихъ ходовъ въ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ. Напоминая по формѣ Индію, а по примѣненію Скандинавію, колонны эти отличаются такою своеобразностію, что источникъ ихъ заимствованія скорѣе можетъ быть указанъ въ подземныхъ храмахъ Эллоры или въ пагодахъ Дели.

Особо характерныя отличія отъ византійскаго русскій стиль представляетъ въ возведеніи высокихъ церквей. Эту черту, не встрѣчающуюся въ широкихъ и низкихъ фасадахъ греческихъ храмовъ и персидскихъ надгробныхъ памятниковъ, можно объяснить безсознательнымъ влеченіемъ, нарушить однообразіе горизонтальныхъ линій, среди которыхъ воздвигнуты произведенія русско-византійскаго зодчества.

Второй существенный элементъ русской архитектуры указывается въ восточномъ характерѣ зданій, проникшемъ въ Россію въ эпоху владычества татаръ.

Этотъ новый характеръ обнаруживается въ щедромъ и пестромъ примѣненіи раскраски къ крайне причудливому по своимъ линіямъ орнаменту. Благодаря изумительной техникѣ, эти красоты орнамента примѣняются на Востокѣ въ самыхъ разнообразныхъ ремеслахъ, въ производствѣ глиняной, фаянсовой и фарфоровой посуды, въ рѣзьбѣ, тканяхъ, мозаикѣ и т. д. Лишь въ самое послѣднее время эта сторона восточнаго искусства обратила на себя вниманіе русскихъ художественныхъ учрежденій, послѣ долгой эпохи пренебреженія въ теченіе XVIII вѣка, когда русскіе государи гонялись за подражаніемъ исключительно западно-европейскимъ образцамъ.

Вліяніе Золотой орды распространилось также и на техническое усовершенствованіе и многіе новые пріемы въ постройкѣ башенъ, стѣнъ и въ кладкѣ сводовъ. Сплетеніе дугообразныхъ сводовъ, скрадывающее рѣзкости угловъ подъ куполами церквей, и главы въ видѣ луковицъ прямо указываютъ на Востокъ, какъ на источникъ заимствованія и, между прочимъ, на развалины Самарканда и Бухары.

Тоже татарское вліяніе отразилось и на особомъ пристрастіи Россіи къ зеленымъ крышамъ. Излюбленный самимъ пророкомъ Магометомъ, зеленый цвѣтъ сдѣлался священнымъ у татаръ по принятіи ими мусульманства, и отъ нихъ, преимущественно въ видѣ окраски глазурныхъ украшеній на зданіяхъ, проникъ и въ Россію.

Но въ основныхъ элементахъ современнаго русскаго зодчества и орнамента, кромѣ Византіи и татаръ, замѣтно несомнѣнное вліяніе финское и даже скандинавское. Коренная основа финскаго орнамента заключается въ квадратѣ и въ его варіаціяхъ до многогранника. Этотъ орнаментъ въ недавнее время сталъ примѣняться въ Россіи къ деревяннымъ постройкамъ въ раскрашенныхъ и рѣзныхъ украшеніяхъ.

Мы не должны забывать, что византійскій стиль господствовалъ исключительно въ каменныхъ зданіяхъ и что матеріаломъ для монгольскихъ построекъ служилъ кирпичъ. Понятно, что распространеніе въ Россіи греко-византійскаго и татарско-персидскаго образцовъ зодчества

должно было сообразоваться съ употребительнѣйшимъ и самымъ дешевымъ въ этой странѣ строительнымъ матеріаломъ, который представляется деревомъ и который естественно отразился въ новомъ способѣ и характерѣ построекъ. Въ этомъ переходѣ отъ камня къ дереву Скандинавія, какъ кажется, отмѣчена значительною долею участія въ выполненіи задачи.

Въ подтвержденіе несомнѣннаго, по его мнѣнію, скандинавскаго вліянія на Россію, Аренбергъ ссылается на норманскія имена въ договорахъ русскихъ съ греками и на сходство русскаго орнамента съ норвежскимъ въ заставкахъ древнѣйшихъ рукописей.

Авторъ усматриваетъ скандинавское вліяніе и въ другой области русскихъ, притомъ каменныхъ, построекъ, именно въ архитектурныхъ подробностяхъ Дмитровской башни въ Нижнемъ-Новгородѣ, напоминающихъ до сихъ поръ еще существующія украшенія деревянныхъ церквей въ Норвегіи, какъ то дугообразныя формы сводовъ и низкіе столбы.

Во всѣхъ русскихъ строеніяхъ, къ какимъ бы цѣлямъ они не предназначались, можно найти нѣкоторыя общія черты, характеризующія мѣстныя отличія архитектурнаго стиля. Во-первыхъ, отсутствіе фундамента, вслѣдствіе чего зданія какъ будто воздвигаются прямо на землѣ. Въ большинствѣ областей Россіи песчаникъ, притомъ хрупкій, добывается лишь изъ подъ глубокаго слоя земли по берегамъ рѣкъ; поэтому недостаткомъ камня и гранита объясняется и отсутствіе въ архитектурныхъ мотивахъ фундамента, играющаго такую роль на Западѣ Европы. Вторая отличительная черта заключается въ томъ, что жилища русскихъ вообще скорѣе низки, чѣмъ высоки. Въ этомъ прямо отражается вліяніе Востока, напримѣръ, базарныхъ построекъ въ Тунисѣ, Смирнѣ и Константинополѣ. Лишь русскія церкви являются исключеніемъ изъ этого общаго для жилищъ правила.

Но, какъ будто во избѣжаніе однообразія въ впечатлѣніи, производимомъ низкими и длинными зданіями въ странѣ, изобилующей горизонтальными линіями, русское зодчество позаботилось о необходимомъ контрастѣ съ окружающею обстановкою и, въ этихъ видахъ, о развитіи фронтоновъ. Эта часть зданій играетъ характерную роль въ русской архитектурѣ.

Русскія избы обращены главнымъ, единственнымъ снабженнымъ окнами, фасадомъ на улицу [1]), и потому этотъ фасадъ и является обычною областью примѣненія орнамента и русскіе дѣйствительно неподра-

---

[1]) Этою подробностію, а равно и нѣкоторыми другими, русская архитектура поразительно совпадаетъ съ такими же явленіями въ области древне-шведскаго, изъ языческой еще эпохи, зодчества.

жаемы въ оригинальномъ и роскошномъ пользованіи мотивомъ этой поверхности, обыкновенно изображающей треугольникъ. Хотя декоративныя средства иногда непрактичны, не всегда оправдываются условіями климата, цѣлесообразности и прочности, часто свидѣтельствуютъ о безумной расточительности и объ отсутствіи красоты, тѣмъ не менѣе всегда проявляются въ такой роскоши мотивовъ архитектуры, орнамента и раскраски, что просто поражаютъ въ произведеніяхъ даровитыхъ художниковъ, какъ напримѣръ, Котовъ, Ропеттъ и Петровъ.

Еще одна характерная черта въ русской архитектурѣ заключается въ обычаѣ воздвигать башни надъ зданіями, въ видѣ декоративнаго украшенія. Башни эти на большинствѣ построекъ не столько вызваны указаніями архитектурной необходимости, сколько отвѣчаютъ запросамъ вкуса, понятіямъ о красотѣ и общечеловѣческому стремленію къ роскоши. Вообще, на сколько мало придаютъ въ Россіи значенія фундаментамъ зданій, обыкновенно не высокимъ, на столько же гребень крыши, фасадъ, шпили и т. д. отличаются богатствомъ, сложностью и красотою рисунка.

Качества деревянныхъ построекъ не удовлетворяютъ автора статьи, какъ отсутствіемъ сообразительности и небрежностью въ работѣ, такъ и непрочностью и дороговизною. Преклоняясь предъ поразительною способностью русскихъ плотниковъ извлекать изъ топора, какъ самаго грубаго орудія, возможность примѣненія его къ самымъ сложнымъ и тонкимъ пріемамъ работы, Аренбергъ тѣмъ не менѣе обвиняетъ русскіе срубы, стропила и крыши въ небрежности, недоконченности, спѣшности работы, а равно и въ несоблюденіи точности въ пропорціяхъ и въ мелочной отдѣлкѣ. Крестообразныя связи вѣнцовъ по угламъ избъ кажутся ему недостаточно обезпечивающими дерево отъ вліянія сырости и загниванія; роскошныя дачи, при малѣйшей осадкѣ зданія или при усыханіи лѣса, изъ котораго построены, склоняются какъ то на бокъ. Недостатки строенія проявляются и въ небрежной обдѣлкѣ карнизовъ и дверныхъ и оконныхъ косяковъ, пропускающихъ влагу въ трещины пазовъ.

Статья Аренберга заканчивается слѣдующими заключительными выводами.

„Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мы имѣемъ право признать за русскимъ зодчествомъ значеніе новаго архитектурнаго стиля, такъ какъ въ немъ слились въ новый укладъ мотивы византійскій, татарскій, финскій и скандинавскій. Никогда не слѣдуетъ забывать, что формы не изобрѣтаются, но развиваются изъ наличныхъ формъ, при чемъ весь вопросъ заключается не въ источникѣ заимствованія, но въ способности примѣненія и обработки съ цѣлью ихъ присвоенія.

Сліяніе и обработка чужихъ мотивовъ совершается такимъ путемъ, что матеріалъ, которымъ пользуются, вполнѣ отвѣчаетъ задачамъ своего примѣненія. Планъ расположенія и устройство строенія вполнѣ соображаются съ потребностями человѣка и условіями климата. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе единства и гармоніи съ окружающею строеніе природою и соотвѣтствія не только съ понятіями строителя о красотѣ, но и вообще съ общими законами вліянія чувства гармоніи на человѣка.

Часто замѣчаемыя неправильности въ исполненіи работы составляютъ слабую сторону въ русскомъ стилѣ, который страдаетъ также недостаткомъ развитія (mognad) и тонкости.

Западно-европейское искусство нашего времени, въ особенности зодчество и художественная промышленность (konstindustri), съ Англіею во главѣ движенія, несомнѣнно стремится къ изобрѣтенію новыхъ формъ, къ созданію новыхъ способовъ удовлетворенія потребностямъ нашей культуры; всѣ эти изобрѣтенія, всѣ эти новые способы отмѣчены однообразіемъ въ формахъ и скромностью въ употребленіи красокъ. Тѣмъ поразительнѣе одновременное и совсѣмъ противоположное направленіе восточной Европы, художественное творчество которой щеголяетъ богатствомъ формъ и роскошью красокъ.

Чѣмъ болѣе русскій народъ будетъ углубляться въ себя на пути самосознанія и пониманія своей исторіи, тѣмъ болѣе будетъ онъ въ состояніи выработать свой собственный художественный стиль.

Мнѣ кажется, что русское зодчество проходитъ теперь такой же фазисъ своего развитія, какой французской архитектурѣ выпалъ на долю въ эпоху Франциска I, когда закатъ итальянскаго искусства возвѣщалъ восходъ лучей Возрожденія.

Во Франціи и Италіи того вѣка архитектура стояла выше родственныхъ ей искусствъ. То же самое видимъ мы и въ нынѣшней Россіи. Русское зодчество въ своихъ успѣхахъ далеко превзошло русскую живопись, уже не говоря о скульптурѣ. Въ Россіи, за нѣкоторыми исключеніями, ваяніе уже находится въ полномъ разрывѣ съ византійскимъ вліяніемъ и съ преданіями старины. Въ московскомъ храмѣ, воздвигнутомъ въ память войны 1812 г., можно всего лучше убѣдиться въ вѣрности нашихъ словъ. На иконахъ этой церкви уже не видно нигдѣ золотого фона; образцами для нихъ послужили сокровища живописи въ Вѣнѣ, Римѣ и Парижѣ, а архитекторы вполнѣ примѣнились къ смыслу финской пословицы, которая говоритъ: „внимай шуму сосенъ, у корня которыхъ ты живешь“.

Предоставляемъ читателю исправить явные промахи въ изложенномъ шведскомъ очеркѣ, въ родѣ неправильнаго обозначенія Монигетти создателемъ національнаго направленія въ архитектурѣ, которымъ скорѣе надо признать Рихтера. Мы остановимся лишь на поразительномъ противорѣчіи, въ которое впадаетъ авторъ въ заключительномъ выводѣ, сравнительно съ основнымъ положеніемъ. Хваля русское зодчество за національность стиля, онъ разсматриваетъ этотъ стиль исключительно какъ плодъ воздѣйствія четырехъ (византійскаго, татарскаго, финскаго и скандинавскаго) чуждыхъ элементовъ. Собственно для славянскаго элемента въ русской архитектурѣ Аренбергъ не указываетъ никакого мѣста. Но онъ очевидно забываетъ при этомъ, что матеріалъ построекъ вызываетъ такія условія зодчества, которыя болѣе или менѣе одинаково удовлетворяются всякою, живущею среди лѣсовъ, народностью. Преувеличивая значеніе финскаго и скандинавскаго вліяній, онъ не затрогиваетъ даже вопроса о характерѣ исконныхъ деревянныхъ построекъ древнихъ славянъ. Изъ словъ Аренберга вытекаетъ, что русское зодчество, за отсутствіемъ собственной почвы, развилось лишь благодаря заимствованіямъ.

Къ статьѣ Аренберга приложено 26 рисунковъ, расположенныхъ на 15 таблицахъ. Рисунки эти изображаютъ: 1) четыре образца кладки различныхъ сводовъ; 2) три примѣра византійскаго орнамента; 3) фасадъ собора Покрова св. Богородицы, во Владимірѣ на Клязьмѣ; 4) три плана церквей, въ томъ числѣ и названнаго собора; 5) видъ Строгановской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ; 6 и 7) три примѣра столбовъ, для сличенія русской архитектуры съ древней восточно-индійской; 8) подробности мавританскаго свода; 9) двѣ главы собора Василія Блаженнаго и одну церкви Рождества Богородицы въ Путинкахъ; 10) два образца орнамента русскаго и норманскаго изъ рукописныхъ заставокъ; 11) видъ Дмитровской башни въ Нижнемъ-Новгородѣ; 12) видъ выставочнаго павильона тамъ же; 13) фасадъ Московской городской думы; 14) видъ дачи Чернова по проэкту архитектора Гогена и 15) видъ собора въ Баку, построеннаго архитекторомъ Марфельдомъ.

М. Веневитиновъ.

III.

Бронзовая ручка изъ Недвиговскаго городища.

Многоуважаемый сочленъ нашъ Н. Е. Бранденбургъ прислалъ мнѣ изъ Новочеркасскаго музея фотографическій снимокъ съ весьма интересной бронзовой ручки, отъ неизвѣстнаго предмета, добытой лѣтомъ истекшаго года на Недвиговскомъ городищѣ, на Мертвомъ Донцѣ, неутомимымъ изслѣдователемъ древностей Донской области Харит. Иван. Поповымъ.

Ручка имѣетъ 22 сант. въ длину, совершенно прямая, круглая, покрыта правильными, продольными, параллельными ложбинами и заканчивается на одномъ концѣ художественно сформованною бараньей головой съ рельефно выдѣланными очертаніями рта, ноздрей, глазъ, волосъ вокругъ ушей и закрученныхъ и прижатыхъ къ головѣ роговъ. Другой конецъ ручки, представляющій двухлопастное плоское расширеніе, украшенъ рельефными изображеніями двухъ горшечниковъ, занятыхъ своей работой. Работники сидятъ одинъ напротивъ другого, какъ бы на уступахъ ямы въ землѣ, въ однородныхъ позахъ, и занимаются формованіемъ глиняныхъ сосудовъ, причемъ одной рукой поддерживаютъ сосудъ снизу, а другой выглаживаютъ его извнутри. Оба субъекта имѣютъ одинаковый типъ, съ длинными волосами въ скобку и съ бородами, и одѣты въ перехваченную поясомъ рубашку (?), края которой отчасти приподняты и заткнуты за поясъ; нижней одежды и обуви нѣтъ. По срединѣ, между работниками стоитъ на гончарномъ кругѣ большой сосудъ съ узкимъ дномъ, а кругомъ его стоятъ маленькіе горшки. Сцена вообще очень интересна, какъ выхваченная изъ жизни, хотя нѣсколько и подогнанная подъ требованіе симметріи.

Н. Е. Бранденбургъ опредѣляетъ эпоху этого предмета, предположительно, IV вѣкомъ и высказываетъ догадку, что здѣсь изобра-

жены горшечника-скиѳы. Однако костюмъ и типъ едва ли могутъ быть признаны за скиѳскіе; это—костюмъ вообще греческаго работника. Во всякомъ случаѣ найденный художественный предметъ заслуживаетъ, не-

сомнѣнно, вниманія, какъ по своей работѣ, такъ и по изображенному на немъ сюжету.

Графиня Уварова.

IV.

Археологическая хроника.

—— **Курганы Воронежской губерніи**. Воронежская губернія усѣяна курганами, особенно въ юго-восточной части. По даннымъ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, опубликованнымъ въ 1887 году, всего въ губерніи насчитывается 1,307 собственно кургановъ и 83 городища. (Матеріалы для исторіи Воронежа и сосѣднихъ губерній, томъ I, стр. 412 и слѣд.). Какой обильный матеріалъ для археологическихъ работъ! Нельзя въ виду этого не привѣтствовать высказанное на послѣднемъ Археологическомъ Съѣздѣ желаніе представителей русской археологической науки собраться въ 1902 году на XII Археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ, вблизи Донского бассейна,

включивъ въ программу предварительныхъ работъ изслѣдованіе „мѣстностей по Дону“. Въ воронежскихъ газетахъ уже появился призывъ къ археологическимъ работамъ; но мѣстныя силы нуждаются въ руководствованіи и, при желаніи работать, не имѣютъ матеріальныхъ средствъ на раскопки. Единичныя пособія для этой цѣли выдавались раньше и въ текущемъ году были выданы Императорскою Археологическою коммиссіей.

На средства и по предложенію Императорской Археологической коммиссіи производятся въ настоящее время дѣйствительнымъ членомъ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета священникомъ С. Е. Звѣревымъ раскопки въ Новохоперскомъ уѣздѣ. Весною прошлаго года въ селѣ Мазуркѣ крестьянами Рощупкиными разрытъ былъ громадный курганъ на ихъ гумнѣ. Курганъ этотъ высился надо всѣмъ селомъ, лежащимъ въ котловинѣ, въ окружности онъ имѣлъ 20 саженъ, при $2^1/_2$ саженной глубинѣ. Рощупкины разными способами старались воспользоваться занимаемою курганомъ обширною площадью: то устраивали въ немъ картофельныя ямы, то сооружали въ глубинѣ его баню, то, наконецъ, рѣшили копать погребъ. Восемь человѣкъ землекоповъ-крестьянъ увлеклись своею работой въ курганѣ и, быть можетъ, по какимъ-либо внутреннимъ признакамъ убѣдились, что въ курганѣ есть „что-то“, кромѣ земли. Это неизвѣстное „что-то“ такъ воодушевило рабочихъ, что они прорыли въ сѣверо-восточной части кургана глубокій ровъ аршина въ два шириной и продолжали его подъ угломъ къ сѣверо-западу, обогнувъ центральную часть кургана. Работа продолжалась цѣлую недѣлю. Мѣстныя власти отобрали впослѣдствіи у крестьянъ Рощупкиныхъ „металлическія и каменныя вещи“, добытыя ими изъ кургана. 12 горшковъ глиняныхъ были перебиты Рощупкиными тотчасъ же послѣ ихъ находки, быть можетъ, съ досады, что въ горшкахъ не оказалось никакого „клада“, котораго они такъ искали....

Мазурскій курганъ, по научномъ изслѣдованіи его, оказался однако же не совершенно расхищеннымъ. Отцомъ Звѣревымъ констатировано въ этомъ курганѣ типичное для данной мѣстности погребеніе съ конемъ. При скелетѣ найдена плоская продолговатая костяная бляшка съ просверленнымъ отверстіемъ; около конскаго остова, въ головахъ, большой бронзовый сосудъ (11 вершковъ вышины, діаметръ 9 вершковъ), неизвѣстнаго назначенія, по поясу сосуда линейный орнаментъ; въ ногахъ покойника битая посуда (отдѣльные черепки съ орнаментомъ). Вся находка, по окончаніи раскопокъ, будетъ представлена въ Императорскую Археологическую коммиссію. („М. В.“).

—— **Борисовъ камень.** Во время послѣдняго посѣщенія города

Сѣнна г. начальникомъ Могилевской губерніи т. с. Н. А. Зиновьевымъ между прочимъ предложено мѣстной администраціи озаботиться принятіемъ мѣръ къ сохраненію рѣдкаго памятника нашей русской старины, находящагося въ с. Высокомъ Городцѣ, Сѣнненскаго уѣзда. Здѣсь, какъ извѣстно, находится Борисовъ камень.

Открытіе его сдѣлано въ 1886 году нынѣшнимъ редакторомъ „Могил. Губ. Вѣд.“ Е. Р. Романовымъ. Описаніе памятника помѣщено имъ тогда же въ „Мог. Губ. Вѣд.“ (№ 42) и въ „Древностяхъ“ (т. XIII). Въ послѣднемъ изданіи данъ и рисунокъ камня. По характеру буквъ и расположенію надписи высокогородецкій камень имѣетъ большое сходство съ камнемъ Рогволода 1171 г., находящимся близъ с. Голошевки, Оршанскаго уѣзда. Средина обоихъ этихъ камней занята изображеніемъ креста, а по краямъ изсѣчены надписи, чѣмъ они и отличаются отъ *двинскихъ* Борисовыхъ камней, на которыхъ надписи изсѣчены по сторонамъ креста.

Высокогородецкій камень находится въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, и сильно пострадалъ отъ вліянія атмосферы и отъ рукъ невѣжественнаго населенія. Отъ влаги и морозовъ онъ далъ много трещинъ; каменотесы дѣлали попытки разбить его на жернова и скололи часть надписи; ночлежники жгутъ на немъ свои костры и тѣмъ превращаютъ верхній слой въ жерству.

Тѣмъ не менѣе, на камнѣ явственно сохранились слѣды креста и уцѣлѣла часть надписи:

...ЗИ РАБУ
СВОІЄМУ БО . ИСУ

и нѣсколько отдѣльныхъ буквъ, изъ которыхъ трудно уже составить цѣлыя слова.

На двинскихъ камняхъ обычныя надписи:

Гй помози
рабꙋ своемꙋ
борисꙋ.

На голошевскомъ надпись:

В лѣ ѕХОѲ мца маиа в З днь
доспенъ кръ сиі
гй помози рбꙋ
своіємꙋ василію в кръсни
именемь рогволодꙋ
сынꙋ борисовꙋ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что высокородецкій камень относится также къ числу этихъ многознаменательныхъ памятниковъ нашей старины и, вѣроятно, изсѣченъ полоцкимъ княземъ *Борисомъ Всеславовичемъ*, строителемъ близкаго къ Высокому Городцу города Борисова.

Рогволодъ называетъ себя сыномъ Бориса; Борисъ же умеръ въ 1128 году. Такимъ образомъ, высокогородецкій камень древнѣе голошевскаго по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ лѣтъ и является поэтому въ нашемъ краѣ *самымъ древнимъ памятникомъ русской старины*. Вотъ почему нельзя горячо не привѣтствовать просвѣщеннаго распоряженія Н. А. Зиновьева.

Не сомнѣваемся, что мѣстная администрація, мѣстное духовенство и мѣстные землевладѣльцы приложатъ все стараніе, чтобы спасти памятникъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Однимъ изъ удобнѣйшихъ средствъ было бы сооруженіе надъ камнемъ небольшой часовни, какъ это сдѣлано было въ свое время въ Голошевкѣ. („Могил. Вѣд.“).

—— **Владимірская ученая архивная коммиссія** обратилась недавно въ „Вѣстникѣ Владимірскаго Земства“ съ просьбой къ мѣстнымъ фабрикантамъ, заводчикамъ, городамъ и сословнымъ учрежденіямъ и вообще ко всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія о содѣйствіи по организаціи *губернскаго музея*. Въ этомъ музеѣ предполагается сосредоточить не только памятники старины, но и образцы производствъ современной промышленности въ губерніи, а также и образцы почвъ и другихъ естественныхъ богатствъ края. Коммиссія предполагаетъ представить образцы такъ, чтобы они могли наглядно изобразить историческое развитіе промышленности, а въ будущемъ вносить тѣ видоизмѣненія, какія будутъ происходить въ той или иной отрасли промышленности благодаря усовершенствованію техники.

—— **Раскопки въ Казанской губерніи** предприняты были въ августѣ текущаго года членомъ казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи П. А. Пономаревымъ въ мѣстностяхъ Маклашевскаго городища и Курана, находящихся на высокомъ берегу р. Утки, при впаденіи ея въ Волгу, на границѣ Казанской и Симбирской губ. Всѣ ранѣе производившіяся по Волгѣ раскопки не обнаружили существованія какого бы то ни было доисторическаго народа, жившаго по среднему теченію Волги, ниже Камскаго устья, т. е. села Богородска. Теперь, когда найдено Маклашевское городище, территорія, занимаемая исчезнувшими племенами, значительно увеличивается. По словамъ корреспондента „Перм. Вѣд.“, въ этомъ городищѣ, „культурный слой“

(земля съ остатками человѣка) котораго очень неглубокъ (около 2-хъ аршинъ), найдены во множествѣ предметы домашняго обихода, какъ-то: посуда, состоящая изъ глиняныхъ необожженныхъ горшковъ съ яйцевиднымъ и круглымъ дномъ, обломки желѣзныхъ ножей, женскія украшенія, въ родѣ ожерелій и перстней, желѣзный обломокъ, напоминающій мотыгу, два—три какіе-то обломка съ вставками мѣди и пр. Найдены также во множествѣ кухонные остатки, и среди нихъ кости домашнихъ животныхъ: собакъ, лошадей и коровъ. На основаніи этихъ костей можно предположить, что камскіе болгары занимались скотоводствомъ, хотя въ наукѣ существуетъ мнѣніе, что они жили исключительно звѣроловствомъ и охотой. („Пр. В.").

—— **Интересный кладъ** былъ найденъ въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Льва И. Бродскаго, на Екатерининской улицѣ, № 9, въ Липкахъ, 28 августа 1899 года, рабочими-каменщиками при выкопкѣ ямы для извести, на глубинѣ около аршина. Кладъ, повидимому, хранился въ глиняномъ горшкѣ, который оказался разбитымъ на мелкія части. Изъ-подъ земли извлечены были слѣдующіе предметы: 16 золотыхъ монетъ, 3 золотыхъ браслета, 2 массивныя полосы золота, на подобіе палочекъ сургуча, заржавленный желѣзный замокъ и ручка отъ глиняннаго горшка. 31 августа владѣлецъ усадьбы, въ которой найденъ былъ кладъ, Левъ И. Бродскій возвратился въ Кіевъ и обратился къ В. В. Вельяминову-Зернову и проф. В. Б. Антоновичу съ просьбой высказать свое мнѣніе о значеніи найденнаго клада. По ихъ мнѣнію, найденный кладъ представляетъ особенный интересъ какъ по древности монетъ X—XI вѣковъ, найденныхъ на территоріи Кіева, такъ и по золотымъ гривнамъ, Находка золотыхъ гривенъ представляетъ особенный интересъ, такъ какъ о существованіи подобныхъ гривенъ на древней Руси имѣются самыя неопредѣленныя и разнорѣчивыя указанія. Въ сочиненіяхъ восточныхъ мусульманскихъ писателей сохранились указанія, что при возвращеніи на родину участниковъ походовъ Тамерлана, ими были принесены съ собой не только серебряные, но и золотые слитки. Находка золотыхъ гривенъ въ Кіевѣ подтверждаетъ, что дѣйствительно въ древности находились въ обращеніи на территоріи Руси золотые слитки. Такихъ гривенъ, конечно, въ обращеніи было ограниченное число, такъ какъ золото въ X и XI вѣкахъ было значительно дороже, чѣмъ въ настоящее время При этомъ не безынтересно напомнить, что стоимость серебра, напр., въ началѣ XV вѣка, до открытія Америки, превышала нынѣшнюю его стоимость почти въ восемь разъ. Еще дороже было золото. Этимъ отчасти объясняется ненахожденіе золотыхъ гривенъ до послѣдняго времени. Впрочемъ, въ нумизматической литера-

турѣ существуютъ указанія, что въ нѣкоторыхъ цѣнныхъ собраніяхъ были единичные экземпляры золотыхъ гривенъ. Упоминается также о золотыхъ гривнахъ, бывшихъ въ обращеніи въ Новгородѣ.

Сообщаемъ краткое описаніе предметовъ клада. Обѣ золотыя гривны представляютъ куски литого золота на подобіе палочекъ сургуча. Оба слитка продолговатой формы, немного приплюснутые. Большая гривна вѣситъ 33 зол. и 56 дол., меньшая 22 зол. 30 дол. Большая гривна около 3 верш. длины, меньшая немного короче. Оба конца меньшей гривны закругленные, у большой же только одинъ конецъ закругленный, другой же конецъ представляется какъ бы отрубленнымъ. На большой гривнѣ имѣются какія-то насѣчки.

Два золотыхъ обруча, служившіе, очевидно, браслетами, представляютъ согнутый въ кругъ золотой стержень, толщиной въ карандашъ. Концы согнутаго стержня немного не соприкасаются. Работа этихъ браслетовъ самая примитивная, безъ всякой отдѣлки. Большой браслетъ вѣситъ 27 зол. 32 дол., меньшій 23 зол. 32 дол.

Третій браслетъ, также изъ золота, представляетъ значительный интересъ въ художественномъ отношеніи. Онъ состоитъ также изъ золотого стержня, согнутаго въ кругъ. Но стержень этотъ предварительно свернутъ былъ спиралью, вмѣстѣ съ болѣе тонкой спиральной проволокой, также изъ золота. Вѣсъ браслета 10 зол. 20 дол. Такіе браслеты находили и въ другихъ кіевскихъ кладахъ.

Изъ 16 найденныхъ монетъ 15 византійскихъ X и XI вѣка и одна западнаго калифата. Монеты величиной въ нынѣшніе 15 руб. и 10 р., вѣсомъ отъ 1 зол. 7 дол. до 66 дол. Нѣкоторыя изъ монетъ вогнуты. На монетахъ имѣются прекрасно сохранившіяся греческія надписи и изображенія крестовъ и фигуръ. На нѣкоторыхъ монетахъ есть изображенія Спасителя и Богоматери, благословляющихъ.

Византійскія монеты опредѣлены проф. В. Б. Антоновичемъ и относятся къ слѣдующимъ византійскимъ императорамъ: 1) Никифора II Фоки (963—969 гг.), 2) Василія II и Константина XI (976—1025 гг.), 3) три монеты Василія II и Константина XI (976—1025 гг.), 4) три другія монеты Василія II и Константина XI (976—1025 гг.), 5) двѣ монеты Романа III (1028—1034 гг.), 6) одна монета Константина XII Мономаха (1042—1055 гг.), 7) 4 монеты Исаака Комнена (1057—1059 гг.).

Монета западнаго калифата, по опредѣленію В. В. Вельяминова-Зернова, принадлежитъ къ монетамъ испанскихъ мавровъ, династіи Хамудидовъ, халифа Яхья (1033 г. христіанской эры).

Весьма характерно, что вмѣстѣ съ монетами вырытъ заржавѣвшій

желѣзный замокъ. Такой же замокъ найденъ въ извѣстномъ кладѣ Есикорскаго, вырытомъ въ 1885 году въ Рыльскомъ переулкѣ, на Старомъ Кіевѣ. Обломокъ ручки горшка, въ которомъ найденъ кладъ въ усадьбѣ Бродскаго, также напоминаетъ ручку горшка, вырытаго въ усадьбѣ Есикорскаго.

Владѣлецъ клада Левъ И. Бродскій выразилъ согласіе предоставить найденную цѣнную находку въ полное распоряженіе Императорскаго Эрмитажа. („Кіевлянинъ“ 1899, № 252).

—— **Кіевскій музей древностей и искусствъ.** Кіевское общество древностей и искусствъ обратилось недавно въ кіевское городское управленіе съ ходатайствомъ объ ассигнованіи средствъ на содержаніе учреждаемаго имъ музея древностей и искусствъ, такъ какъ теперешнія средства названнаго общества ограничиваются членскими взносами, достигающими приблизительно лишь до 600 руб. въ годъ. При этомъ въ городскую управу препровожденъ былъ „проектъ положенія о кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ“. Музей — какъ говорится въ этомъ положеніи — имѣетъ цѣлью собираніе и храненіе коллекцій: архивной, исторической, художественной и художественно-промышленной. Въ зданіи музея отводятся особыя залы для помѣщенія выставокъ картинъ и предметовъ художествъ, а также и для занятій художниковъ. При музеѣ, съ разрѣшенія начальства, могутъ быть устраиваемы временныя выставки, а также и публичныя чтенія по предметамъ исторіи и искусствъ. Коллекціи, помѣщающіяся въ музеѣ, составляютъ собственность музея, собственность частныхъ лицъ или учрежденій и могутъ быть помѣщаемы на особыхъ условіяхъ. Зданіе, равно предметы и имущество, пріобрѣтаемые музеемъ, составляютъ общую нераздѣльную собственность кіевскаго общества древностей и искусствъ города Кіева: они не подлежатъ отчужденію и не должны измѣнять своему назначенію служить просвѣщенію общества. Музей состоитъ подъ покровительствомъ г. кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, которому ввѣряется особенное попеченіе о сохраненіи музея и его коллекцій. Въ случаѣ ликвидаціи общества въ права его вступаетъ государство. Общее завѣдываніе дѣлами музея лежитъ на правленіи общества. Для ближайшаго завѣдыванія музеемъ и храненія его коллекцій правленіемъ общества избирается директоръ музея. Постановленія правленія объ избраніи директора препровождаются на утвержденіе министра Двора Его Императорскаго Величества. Должности директора музея присвоиваются права государственной службы по министерству Двора. Директоръ музея состоитъ по должности и по шитью на мундирѣ въ VI классѣ. На должность директора музея избирается лицо,

окончившее курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и притомъ спеціально знакомое съ русскими древностями и искусствами. (На первое время директоромъ музея можетъ быть назначено и лицо, не окончившее курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, но извѣстное своими учеными трудами въ области русской археологіи). Въ помощь директору музея правленіемъ общества избирается помощникъ директора музея, который также утверждается въ должности министромъ Двора Его Императорскаго Величества. Должности помощника директора присваиваются права государственной службы по министерству Двора. Помощникъ директора состоитъ по должности и шитью на мундирѣ въ VIII классѣ. На должность помощника директора можетъ быть избрано лицо и безъ высшаго образованія, но спеціально знакомое съ русскими древностями.—Въ заключеніе приводится смѣта на содержаніе музея. Директору музея—1800 руб. въ годъ; помощнику—600 руб.; обоимъ квартиры въ зданіи музея; затѣмъ, на канцелярію—500 р.; на наемъ швейцара—240 р.; двухъ служителей (по 180 р.)—360 р.; обмундированіе швейцара и служителей—150 р.; на ремонтъ и чистоту—600 р.; на отопленіе и освѣщеніе—1920 р. Всего—6530 р. въ годъ. („Ж. и И.").

—— **О результатахъ научнаго путешествія въ Арменію,** совершоннаго докторами Леманомъ и Вальдемаромъ Белькомъ, былъ прочитанъ докладъ въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій берлинскаго антропологическаго общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ профессора Вирхова. Цѣль экспедиціи заключалась главнымъ образомъ въ болѣе подробномъ изслѣдованіи мѣстныхъ памятниковъ эпохъ доармянской и клинообразныхъ надписей. Результаты оказались весьма значительными. Прежде всего, удалось исправить по надписямъ на памятникахъ принятое въ археологіи правописаніе множества историческихъ именъ Попутно опредѣлено множество высотъ. Археологу Леману посчастливилось съ точностью опредѣлить тѣ пути, по которымъ древніе халдейцы двигались при переселеніи своемъ въ Арменію. Обратный походъ 10,000 грековъ подъ предводительствомъ Ксенофонта, былъ прослѣженъ по сохранившимся признакамъ и измѣренъ до той точки, гдѣ они переправились черезъ Кентритъ. Во время путешествія въ Моссулъ, которое Леманъ совершилъ одинъ, онъ открылъ многочисленныя ассирійскія надписи. Особенно его поразилъ близъ Хассанкефа видъ множества пещеръ, очевидно служившихъ жилищемъ. Пещеры эти въ скалахъ и расположены одна надъ другою. Встрѣчающіяся въ древней Арменіи пещерныя жилища бываютъ двухъ видовъ: безъ внѣшней отѣлки, или обыкновенныя, и пещеры, богато украшенныя орнаментами. Хассанкефскія пещеры представляютъ болѣе первобытную форму скалистыхъ пещеръ,

несомнѣнно халдейскаго происхожденія. Докладчикъ особенно восторгается величественными водопроводными сооруженіями, покрывающими всю древне-халдейскую область, а также безчисленными памятниками съ надписями, которыми отмѣченъ весь путь до рѣки Тигра. Всѣ попытки Лемана открыть слѣды древне-халдейскаго нарѣчія среди уцѣлѣвшихъ племенъ этой страны ни къ чему не привели: народность, очевидно, исчесла безъ остатка. Хотя рабочіе, прибывающіе изъ-за Трапезунда, съ цѣлью предложить свои услуги, и называются мѣстными жителями „халдеями", но съ настоящими халдеями ничего общаго не имѣютъ. („Пр. В.").

—— **Археологическія находки въ Вавилоніи.** Въ истекшемъ году, общество германскихъ оріенталистовъ снарядило на свой счетъ и отправило въ Вавилонію, т. е. въ южную часть нынѣшней Месопотаміи, экспедицію подъ руководствомъ извѣстнаго востоковѣда, доктора Кольдевея. Экспедиція прибыла въ концѣ лѣта къ мѣсту своего назначенія и приступила къ археологическимъ изслѣдованіямъ крѣпостныхъ развалинъ на холмѣ Касръ, главнымъ образомъ, сѣверо-восточнаго угла бывшей крѣпости, гдѣ ей посчастливилось, сдѣлать два замѣчательныхъ въ научномъ отношеніи открытія.

Первое изъ этихъ открытій было сдѣлано 22-го августа. Въ упомянутый день, экспедиція, углубившись въ развалины, отрыла превосходно сохранившуюся колонну изъ долерита, вышиною 1,28 метра и шириною 0,53 метра; на плоской лицевой сторонѣ этого памятника глубокой древности оказалось изображеніе хеттическаго божества (хеттиты — одно изъ племенъ, обитавшихъ въ странѣ Ханаанской). Изъ рисунка, снятаго однимъ изъ членовъ экспедиціи, германскимъ правительственнымъ архитекторомъ Андрэ, видно, что изображеніе представляетъ бородатое божество въ положеніи идущаго вправо. Обѣ его руки приподняты: въ лѣвой оно держитъ трезубецъ, въ правой — тяжелый молотъ; фигура опоясана мечемъ. Съ головы, покрытой фригійскою шапочкой, спускается вдоль спины коса; верхнее одѣяніе, украшенное бахромою, едва достигаетъ колѣнъ; ноги обуты въ сандаліи съ носками заостренными въ видѣ птичьяго клюва.

Что рельефъ изображаетъ хеттическое божество, а именно хеттическаго бога—громовержца, о томъ неопровержимо свидѣтельствуютъ, какъ головная прическа, одежда и обувь, такъ равно и форма рукоятки меча и топора; но помимо того, сказанное подтверждается еще хеттическою надписью, сдѣланною въ шесть строкъ на задней сторонѣ памятника. Хотя въ Вавилонѣ уже давно найдена чаша, края которой обрамлены хеттическими письменными знаками, тѣмъ не менѣе трудно

было ожидать, что первою находкой при возобновленныхъ раскопкахъ на территоріи древней Вавилоніи и въ столицѣ Навуходоносора явится хеттическое божество. Найденный въ 1888 году въ Сенджирли рельефъ, покрывавшій одну изъ башенныхъ стѣнъ дворца, представляетъ точное изображеніе только что найденнаго хеттическаго божества, до малѣйшихъ подробностей. Фактъ этотъ служитъ цѣннымъ указаніемъ на предѣлы территоріальныхъ завоеваній древнихъ вавилонянъ и ихъ обычай украшать свою столицу предметами искусства, доставшимися имъ въ качествѣ военной добычи.

Другая изъ упомянутыхъ находокъ была сдѣлана 14-го сентября, приблизительно въ десяти метрахъ разстоянія къ западу отъ только что упомянутаго мѣста находки хеттическаго памятника. Находка эта представляетъ массивную плиту изъ известковаго камня, длиною 1,33 метра и шириною 1,21 метра; рельефъ, на ней изображенный, необычайно тонкой, изящной работы, исполненъ художественно. На снимкѣ съ рельефа, сдѣланномъ Андрэ, видна стоящая по лѣвой сторонѣ богиня Истаръ; обратившись лицомъ вправо и поднявъ кверху правую руку, она лѣвою опирается на лукъ. Передъ нею стоитъ болѣе рослый, сравнительно съ нею, богъ, также обращенный лицомъ вправо: это богъ Гададъ или Рамманъ, держащій по двѣ молніи въ каждой рукѣ; передъ нимъ съ приподнятою для мольбы правою рукою изображенъ небольшаго роста человѣкъ, позади котораго виднѣется другое божество, по росту равное богу Рамману; послѣдняя фигура, къ сожалѣнію, уже сильно повреждена. Краткія надписи, имѣющіяся подъ каждою фигурою, знакомятъ съ сущностью каждаго изображенія; надписи гласятъ: „изображеніе бога Гадада“, „изображеніе богини Истаръ“, подъ фигурою молящагося человѣка: „изображеніе Самасъ-сакну, мужа изъ странъ Çуху и Мару“. Въ промежуткѣ между изображеніями молящагося человѣка и бога Гадада имѣется слѣдующая надпись: „Одну мѣру муки, одну мѣру вина я поставилъ подъ каменную плиту; кто сторожитъ дворецъ, тотъ пусть ими воспользуется!“

Влѣво отъ рельефа и непосредственно подъ нимъ въ пяти столбчикахъ изображена надпись на ново-вавилонскомъ языкѣ. Извѣстный знатокъ вавилонскихъ древностей и языка, проф. Мейснеръ разобралъ эту надпись, которая въ его переводѣ оказывается перечнемъ всего того, что сдѣлано Самасъ-сакну на благо и для экономическаго преуспѣянія его родины. Однимъ изъ важнѣйшихъ его дѣяній было возстановленіе засорившагося водопроводнаго канала въ странѣ Суху, прочистка трубъ и расширеніе самаго канала на 22 локтя. Далѣе имъ учреждены укрѣпленные пункты, заложены пальмовыя плантаціи; послѣдними онъ пре-

имущественно украсилъ дворецъ въ своей столицѣ Габбарини, а также и дворцы въ другихъ выдающихся городахъ его страны. Въ заключеніе перечня своихъ славныхъ дѣяній, Самасъ-сакну воздаетъ себѣ особенную хвалу за то, что онъ вывезъ изъ чужихъ земель и развелъ въ странѣ Суху, гдѣ-то въ горахъ близъ Діарберкира, какое-то необыкновенно цѣнное дерево. Упоминаемая имъ страна, какъ видно изъ многочисленныхъ надписей на памятникахъ ассирійскаго царя Асурпацирпала, находилась по обоимъ берегамъ рѣки Евфрата, вверхъ по ея теченію; слѣдовательно, это была для вавилонянъ ближайшая къ Месопотаміи страна и съ незапамятныхъ временъ была имъ подвластна. Уже подъ 880 годомъ до Р. X., въ исторіи этой страны упоминаются вавилонскіе намѣстники; страна была занята вавилонскими войсками и вообще вліяніе этого государства сказывалось во всемъ. Трудно пока съ точностью опредѣлить, къ какому времени относится обозначенный на плитѣ упомянутымъ Самасъ-сакну 13-й годъ, а также пока нельзя сказать ничего положительнаго о томъ, какими путями каменная плита попала въ Вавилонъ и кѣмъ она была завезена туда. Для современной археологіи плита эта, во всякомъ случаѣ, представляетъ высокій научный интересъ по количеству географическихъ новинокъ, сообщаемыхъ надписью; плита любопытна еще и въ томъ отношеніи, что она происходитъ, повидимому, изъ той древне-библейской страны, которая упоминается въ книгѣ Іова, какъ родина друга его Бильдада. („Пр. В.“).

—— **Раскопки въ Бахчисараѣ.** Въ октябрѣ 1899 г. здѣсь былъ разрытъ въ Ханской долинѣ очень интересный мавзолей. Когда входъ въ него былъ освобожденъ отъ земли и рабочіе вошли въ этотъ мавзолей, то въ этомъ куполообразномъ подземномъ зданіи найдено тринадцать гробовъ или, вѣрнѣе, надгробныхъ деревянныхъ ящиковъ, покрывающихъ костяки; гробы эти покрыты богатою парчей, которая на глазахъ присутствующихъ начала быстро истлѣвать подъ вліяніемъ ворвавшагося въ могильное жилище свѣжаго воздуха. На парчѣ одного изъ гробовъ замѣтна была вышитая шелкомъ надпись по-татарски (арабскія) „Киримъ Гир......“ Быть можетъ, эта надпись означаетъ имя извѣстнаго хана Крымъ-Гирея, во всякомъ случаѣ, надпись эта очень интересна, и ее тщательно скопировали, опасаясь, что и она можетъ стать жертвой тлѣнія. Среди мавзолея найденъ массивный желѣзный четыреножникъ. Предполагаютъ, что это жаровня для куренія благовонныхъ травъ. Въ виду важности находки, руководитель работъ не рѣшился приступить къ болѣе тщательному изслѣдованію, но распорядился задѣлать входъ въ мавзолей въ ожиданіи пріѣзда спеціалистовъ-археологовъ. („Югъ“).

—— **Объ археологическихъ раскопкахъ на островѣ Кипрѣ** предпринявшій ихъ по порученію британскаго королевскаго общества, докторъ А. С. Муррей сдѣлалъ предварительное сообщеніе, 20-го ноября, въ засѣданіи „Royal Institute of British Architects". Мѣстомъ для археологическихъ раскопокъ былъ избранъ древній прибрежный городъ Саламисъ, основанный, по преданію, греками по возвращеніи изъ Трои и названный по имени ихъ родного острова. Надѣялись найти въ нижнихъ слояхъ почвы, на которой находится древній городъ, какіе-либо остатки первобытныхъ поселеній, но эта надежда не оправдалась; по мѣрѣ же удаленія отъ берега внутрь острова при раскопкахъ начали попадаться на извѣстной глубинѣ древнія гробницы, принадлежащія, по своему внѣшнему виду, къ микенскимъ памятникамъ, т.-е. къ древнѣйшимъ до-греческой культуры, слѣдовательно принадлежащимъ первобытнымъ поселенцамъ острова. Обнаруженіемъ этихъ гробницъ наука обязана счастливой случайности, такъ какъ по поверхности почвы, подъ которой онѣ находятся, не имѣется никакихъ культурныхъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы предположить о существованіи на глубинѣ подобныхъ гробницъ; но однажды, вечеромъ, запряженный въ плугъ волъ провалился въ образовавшееся въ одномъ мѣстѣ этого поля отверстіе въ землѣ, и пахарь-крестьянинъ надоумилъ археолога попытать счастья, такъ какъ, по его мнѣнію, ранѣе небывавшій здѣсь провалъ почвы указываетъ на существованіе подземелья. Разрыли землю, и подъ нею оказалась гробница; дальнѣйшими раскопками на этомъ полѣ обнаружено свыше ста, микенской эпохи, гробницъ, заключающихъ прахъ, по всей вѣроятности, первыхъ греческихъ колонистовъ на этомъ островѣ. По многимъ признакамъ можно было съ увѣренностью заключить, что гробницы были нѣкогда расхищены римлянами, но, къ счастью, оказалось столько пощаженныхъ ими гробницъ, что найденные въ нихъ Мурреемъ золотые предметы въ количественномъ отношеніи едва ли уступаютъ знаменитымъ находкамъ Шлиманна въ Микенахъ; что же касается открытыхъ Мурреемъ издѣлій изъ слоновой кости и глины, то они въ отношеніи цѣнности, какъ и въ количественномъ отношеніи, значительно превосходятъ микенскія находки; по мнѣнію названнаго англійскаго археолога, кипрскія находки относятся къ 800 г. до Рожд. Хр. Кромѣ перечисленныхъ туземнаго производства предметовъ, было найдено и много такихъ, которые были вывезены сюда непосредственно изъ Египта; имѣются также издѣлія смѣшанной египетской и ассирійской культуръ, привезенныя финикіянами. Муррей полагаетъ, что ново-греческій элементъ перенесенъ сюда съ мало-азіатскаго побережья, куда эллинскія философія, поэзія и искусство проникли ра-

нѣе, чѣмъ въ другія страны; въ особенности изящны издѣлія изъ бронзы: между прочимъ имѣется бронзовый кубъ, на четырехъ сторонахъ котораго находятся по двѣ женскихъ головки, глядящія въ окно; издѣлія изъ золота представляютъ, большею частью, предметы женскихъ головныхъ украшеній; найдены также египетской работы женская золотая пряжка, украшенная разноцвѣтными стеклянными камнями, и золотая фибула, которою греческія женщины застегивали свои платья на плечахъ. На найденныхъ на Кипрѣ урнахъ, вазахъ и прочихъ сосудахъ изъ золота и другихъ металловъ имѣются изображенія животныхъ какихъ-то нынѣ неизвѣстныхъ формъ. Совокупность этихъ находокъ привела доктора Муррея къ заключенію, что онѣ относятся къ той отдаленной отъ насъ эпохѣ, когда вся восточная часть Средиземнаго моря служила театромъ безпрерывныхъ войнъ за господство надъ этимъ моремъ между греческими и полугреческими народностями. Муррей въ настоящее время заканчиваетъ обширный отчетъ объ этихъ замѣчательныхъ раскопкахъ, который появится въ „Трудахъ“, издаваемыхъ британскимъ музеемъ. („Пр. В.“).

—— **Катастрофа съ Карнакскимъ храмомъ** въ Египтѣ вызвала сильную тревогу въ Каирѣ и преимущественно въ средѣ египтологовъ. Карнакскій храмъ представлялъ въ древности, по размѣрамъ, единственное въ своемъ родѣ колоссальное сооруженіе, не имѣвшее себѣ подобнаго на всемъ протяженіи долины Нила, въ предѣлахъ древняго царства фараоновъ. Работы по возстановленію этого грандіознаго памятника египетскаго зодчества, потребовавшія большой затраты денегъ и труда, дали прекрасные результаты. Величественныя колоннады храма теперь уже красуются въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были расположены десятки вѣковъ тому назадъ, но въ октябрѣ прошлаго года одна изъ востановленныхъ колоннъ знаменитаго зала Рамзеса, вышиною въ 27 метровъ, неожиданно рухнула, да притомъ еще такъ несчастливо, что опрокинула своимъ паденіемъ десять другихъ колоннъ, свалившихся одна на другую. Огромныя архитравы, непосредственно лежавшія надъ капителями колоннъ и соединявшіе послѣднія правильными рядами, въ свою очередь рухнули вслѣдъ за повалившимися на бокъ ихъ подпорами и заполнили обломками всю средину зала Рамзеса. Назначенная хедивомъ коммиссія для разслѣдованія причины крушенія колоннъ Карнакскаго храма пришла къ предположенію, что настоящею причиною несчастія было землетрясеніе. По другимъ предположеніямъ— во всемъ виноватъ Нилъ, воды котораго, просочившіяся сквозь почву, способствовали ея разрыхленію. Коммиссія опредѣлила въ 100,000 франковъ кредитъ, необходимый для исправленія поврежденій, причиненныхъ

Карнакскому храму крушеніемъ его десяти колоннъ. По болѣе позднимъ извѣстіямъ, рухнуло всего четырнадцать колоннъ; изъ нихъ одиннадцать лежатъ опрокинутыми, а остальныя три были задержаны въ своемъ паденіи уцѣлѣвшими колоннами. Необходимо замѣтить, что помѣщеніе, въ которомъ разливомъ Нила причинено бѣдствіе, представляетъ огромный залъ, образуемый 134 колоннами. Неизбѣжность гибели этихъ колоннъ была въ свое время предсказана однимъ извѣстнымъ археологомъ, но осенній подъемъ Нила въ истекшемъ году былъ сравнительно не великъ, всего два съ половиною метра выше уровня, и никому въ голову не пришло, что, при подобной незначительной высотѣ, воды Нила въ состояніи будутъ прорвать плотину. Гибель этихъ колоннъ, представляющихъ собою верхъ совершенства и красоты въ области архитектуры, вызываетъ тѣмъ большее сожалѣніе, что Карнакскій храмъ благополучно просуществовалъ многіе вѣка и безъ всякихъ поврежденій пережилъ безчисленныя стихійныя бѣдствія и подвергся разрушенію именно тогда, когда европейская цивилизація приняла мѣры къ его сохраненію. Съ цѣлью упрочить его фундаментъ, разобрали полъ и вынули землю до самаго основанія; вслѣдствіе этого колонны потеряли равновѣсіе и не могли противостоять сильному напору воды. Въ настоящее время ученые озабочены вопросомъ, какъ спасти то, что уцѣлѣло отъ разрушительнаго дѣйствія воды. Для выясненія размѣровъ поврежденій, причиненныхъ половодьемъ, египетское правительство назначило коммиссію изъ шести высшихъ чиновниковъ вѣдомства министерства публичныхъ работъ, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго секретаря Никуръ-Бея. Храмъ Аммона, составляющій только часть храмовъ карнакскихъ, длиною, не считая пристроекъ, 350 метровъ, а вмѣстѣ съ послѣдними 550, ширина его достигаетъ 110 метровъ; огромная колоннада, пострадавшая отъ наводненія, занимаетъ одна, сама по себѣ, поверхность въ 5,000 кв. метровъ. („Пр. В.“).

—— **Анурадапура, древній гигантскій городъ на островѣ Цейлонѣ,** представляетъ важное открытіе въ области археологіи. Островъ этотъ, имѣющій въ настоящее время до трехъ милліоновъ жителей, въ древности, какъ свидѣтельствуютъ мѣстная исторія и археологическія изысканія, имѣлъ населеніе въ десять разъ большее. Историческія свѣдѣнія основываются на древней хроникѣ страны, называющейся „могаванзо“. Она начинается съ 543 г. до Р. Хр. и доведена многочисленными продолжателями до 1758 года. Книга написана на неизвѣстномъ языкѣ и долгое время оставалась недоступною для ученыхъ, пока въ 1826 г. путешественникъ Турнуръ не отыскалъ ключъ къ загадочнымъ письменамъ, что дало возможность ознакомиться съ историческимъ прош-

лымъ страны. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ островѣ были привезены въ Европу англійскимъ путешественникомъ Кноксомъ, посѣтившимъ Цейлонъ въ XVII столѣтіи. Съ 1795 года, когда англичане завладѣли островомъ, началось болѣе близкое ознакомленіе съ прошлымъ новаго владѣнія, завершившееся открытіемъ древней столицы—Анурадапура. Этотъ городъ оказался покрытымъ слоемъ земли отъ 2 до 5 метровъ, заросшей густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Городъ находится въ сѣверной части острова, самой необитаемой и лишенной путей сообщенія. Названная англичанами по имени древней столицы вся провинція Анурадапура насчитываетъ не болѣе 75,000 жителей, а на мѣстѣ самого города лишь нѣсколько тысячъ сингалезовъ раскинули свои хижины. Кромѣ правительственнаго коммиссара, изъ европейцевъ тамъ живетъ только руководящій раскопками археологъ Бэлль. Недавно его посѣтилъ бельгійскій ученый Жюль Леклеркъ, давшій подробное описаніе производящихся тамъ работъ, напечатанное въ отчетѣ Брюссельской академіи. По размѣрамъ, Анурадапура не имѣлъ себѣ подобнаго между современными ему городами: онъ занималъ 25 кв. километровъ; на главной улицѣ, какъ говоритъ древняя лѣтопись, находились 11,000 домовъ. Сравнить этотъ гигантскій городъ можно развѣ только съ стовратными Ѳивами Египта, тѣмъ болѣе, что у него оказались свои пирамиды, называвшіяся „Дагоба". Это—возведенныя изъ кирпича конусообразныя постройки, сооруженныя королями въ честь предковъ. Въ чертѣ города такихъ „Дагоба" насчитывается семь, изъ нихъ самая древняя относится къ 307 г. до Р. Хр., а новѣйшая построена уже въ началѣ IV вѣка по нашему лѣтосчисленію; первая изъ нихъ не превосходила 20 метровъ въ вышину, тогда какъ послѣдняя достигала уже 120 метровъ. Сохранившійся до настоящаго времени одинъ изъ наиболѣе высокихъ конусовъ имѣетъ въ объемѣ 76 метровъ, при чемъ на эту постройку потребовалось свыше 20 милліоновъ кубическихъ футовъ кирпичей—количество, достаточное для постройки цѣлаго города. Въ лѣтописи сооруженіе одной изъ наиболѣе значительныхъ „Дагобъ" описывается слѣдующимъ образомъ: для закладки фундамента почва была углублена на 50 метровъ, углубленіе заложено камнями, которые были залиты цементомъ; затѣмъ положенъ слой извести, покрытый желѣзными плитами, поверхъ которыхъ насыпанъ слой руды, толщиною въ 8 дюймовъ. Только тогда было приступлено къ возведенію кирпичной постройки, вершину которой увѣнчали стеклявнымъ шпицомъ, долженствовавшимъ служить громоотводомъ, изъ чего ясно, что сингалезамъ уже въ то время было извѣстно, что стекло служитъ плохимъ проводникомъ электричества. До сихъ поръ еще сохранились остатки статуй,

изображавшихъ гигантскихъ слоновъ, стоявшихъ на обширныхъ террасахъ по бокамъ Дагобы. Цементъ, употреблявшійся при этой постройкѣ, сохранился прекрасно, но Леклерку не удалось до сихъ поръ опредѣлить его состава. Обжиганіе кирпича и возведеніе стѣнъ лежало на обязанности всего населенія, за исключеніемъ духовной касты. До сихъ поръ съ точностью неизвѣстно, былъ ли городъ Анурадапура королевскою или духовною столицей Цейлона. Китайскіе путешественники называютъ его „священнымъ“ городомъ, въ одномъ храмѣ котораго, по ихъ словамъ, находилось 13,000 жрецовъ. По свидѣтельству лѣтописи, въ 164 г. до Р. Хр. былъ основанъ монастырь, который въ своихъ девяти этажахъ заключалъ 9,000 монашескихъ келій. Для омовеній жрецовъ были устроены обширныя купальни, въ 40 метровъ длиною и 15 метровъ шириной и ежедневно три каменныхъ котла, величиною въ 19 метровъ, наполнялись пищею, предназначавшеюся для жрецовъ буддійскаго храма. Многочисленные останки запрудъ и водопроводовъ свидѣтельствуютъ о благосостояніи страны, бывшей въ состояніи прокормить многомилліонное населеніе, теперь же обширныя болота покрываютъ эту нѣкогда здоровую цвѣтущую область, а дѣвственный лѣсъ все глубже укореняется въ каменныя постройки, подтачиваемыя разрушительными дѣйствіями воды. („Пр. В.“).

—— **Диссертація о готахъ.** 16 января, въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета, лекторъ нѣмецкаго языка, магистръ германской филологіи, Ѳ. Браунъ публично защищалъ диссертацію на тему „Разысканіе въ области гото-славянскихъ отношеній. Часть первая. Готы и ихъ сосѣди до V-го вѣка“, представленную имъ въ совѣтъ историко-филологическаго факультета для полученія степени магистра всеобщей литературы. Диссертантъ, еще будучи студентомъ, крайне заинтересовался вопросомъ о готахъ и славянахъ и посвятилъ не мало трудовъ выясненію темнаго вопроса о вліяніи готовъ на славянскую культуру и на опредѣленіе точныхъ границъ этого вліянія. Въ первой части представленнаго имъ труда на соисканіе степени магистра всеобщей литературы содержится подробная исторія германскихъ и славянскихъ народовъ, населявшихъ южную и среднюю части нынѣшней Россіи, Венгрію и Германію, въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ христіанской эры. Офиціальными оппонентами выступили заслуженный ординарный профессоръ В. И. Ламанскій и ординарный профессоръ А. Н. Веселовскій. Оба оппонента съ большой похвалой отзывались о диссертаціи, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ скудную науку по исторіи славянъ и готовъ. Ошибкой автора было не вполнѣ объективное изложеніе своего предмета и способность увлекаться и идеализировать, благодаря чему авторъ дѣлалъ

иногда не тѣ выводы, которые подсказывались находившимися въ его распоряженіи данными. Изъ неофиціальныхъ оппонентовъ принималъ участіе въ преніяхъ А. А. Погодинъ. По окончаніи преній факультетъ единогласно призналъ Брауна достойнымъ степени магистра всеобщей литературы. Наполнявшая огромный актовый залъ университета публика шумно привѣтствовала постановленіе факультета. („С. К.“).

—— **Французская археологическая школа въ Аѳинахъ.** На этихъ дняхъ французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано весьма важное распоряженіе, которое должно будетъ значительно расширить сферу дѣятельности французской археологической школы въ Аѳинахъ (Ecole française d'Athènes). Именно въ *Jonrnal Officiel* опубликованъ декретъ министровъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ, въ силу котораго при аѳинской французской школѣ учреждается особое „иностранное отдѣленіе“ (section étrangère), въ которое будутъ приниматься ученые всѣхъ тѣхъ странъ, которыя войдутъ въ особое по этому предмету соглашеніе съ французскимъ правительствомъ. Эти иностранные ученые будутъ пользоваться научными пособіями (библіотека, археологическія собранія), находящимися при школѣ, равно какъ будутъ допущены къ слушанію лекцій, научнымъ занятіямъ, участію въ раскопкахъ и къ научнымъ экскурсіямъ.

Что касается самой французской археологической школы въ Аѳинахъ, то она является однимъ изъ наиболѣе старинныхъ иностранныхъ учрежденій греческой столицы, будучи основана болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ. Особенно важны заслуги французской школы передъ археологическою наукой за послѣдніе годы, такъ какъ, благодаря предпринятымъ въ Дельфахъ раскопкамъ (въ которыхъ случайнымъ образомъ принималъ участіе нѣкоторое время и Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ), былъ обнаруженъ весьма значительный въ количественномъ и важный въ качественномъ отношеніи археологическій матеріалъ (надписи, скульптуры и пр.). Французская школа издаетъ также спеціальный органъ по греческой археологіи, подъ заглавіемъ— *Bulletin de correspondance hellénique*. Во главѣ школы стоитъ извѣстный французскій эллинистъ Th. Homolle.

Помимо французской школы, въ Аѳинахъ существуютъ также археологическія школы, основанныя правительствами Германіи (Kais. Deutsches Archaeologisches Institut), Англіи (British School at Athens) и Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (American School of Classical Studies) („Мос. Вѣд.“).

—— **Раскопки на мѣстѣ древняго римскаго форума,** и въ особенности вокругъ церкви св. Адріана, продолжаютъ сосредоточивать

на себѣ вниманіе археологовъ. Въ настоящее время вполнѣ открытъ весь фасадъ зданія Куріи, древность котораго восходитъ къ началу IV вѣка по христіанскому лѣтосчисленію. Открыты также многія средневѣковыя гробницы. Возлѣ нихъ найденъ складъ человѣческихъ костей и череповъ, а подъ плитою лицевого фасада Куріи, обращенной впослѣдствіи въ церковь св. Адріана, — превосходно сохранившійся женскій скелетъ. Вмѣстѣ съ фасадомъ Куріи была открыта и часть окружавшей это зданіе панели, состоявшей изъ мраморныхъ плитъ. Нѣкоторые изъ саркофаговъ покрыты мраморными плитами, изъ которыхъ многія, очевидно, принадлежали къ очень древнимъ надгробнымъ памятникамъ. Между гробницами найденъ широкій мраморный пьедесталъ, надпись котораго свидѣтельствуетъ, что на немъ, въ свое время, красовалась статуя Марса Побѣдоноснаго, воздвигнутая въ честь основателей Рима императоромъ Максентіемъ, въ 308 году по Р. Х. Археологи полагаютъ, что на томъ же цоколѣ стояла передъ тѣмъ статуя Антонина Благочестиваго. Послѣ открытія древней „Via Sacra“, возлѣ базилики Константина, были произведены раскопки въ самой церкви „Santa Francesca Romana“, построенной на мѣстѣ развалинъ храмовъ Венеры и Ромула. Работы въ этомъ направленіи привели къ открытію значительнаго участка нероновской „Via Sacra“, относящейся къ историческому періоду, предшествовавшему сооруженію на томъ же мѣстѣ императоромъ Адріаномъ обоихъ храмовъ Венеры и Ромула. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того же мѣста были отрыты остатки двухъ бассейновъ бань, примыкавшихъ къ „Domus Aurea“ императора Нерона. Рабочіе, сооружавшіе каменную ограду вдоль Тибра, нашли нѣсколько мраморныхъ осколковъ и мраморный бюстъ одного изъ римскихъ императоровъ въ шлемѣ и кольчугѣ. Въ Агро-Верано, близъ „Via Tiburtina“ найденъ осколокъ превосходной мозаики, составлявшей, какъ должно полагать, часть плиты, прикрывавшей одну изъ гробницъ знатнаго римлянина въ IV-мъ столѣтіи по Р. Х. („Пр. В.“).

V.

Засѣданія Обществъ.

20 сентября состоялось первое осеннее засѣданіе **Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества**, въ коемъ доложены были два реферата. Первый принадлежалъ проф. А. И. Кирпичникову и носилъ заглавіе „Сказанія о Богородицѣ въ народной поэзіи". Вслѣдствіе отсутствія референта изъ Москвы докладъ былъ прочитанъ проф. М. И. Соколовымъ. Вторымъ читалъ предсѣдатель Общества, гр. П. С. Уварова, представившая „Отчетъ о дѣятельности XI Археологическаго Съѣзда", бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1899 г. Послѣ того послѣдовало закрытое засѣданіе, въ которомъ обсуждались способы приведенія въ дѣйствіе постановленій XI Археологическаго Съѣзда, исполненіе коихъ возложено на Московское Археологическое Общество.

Въ засѣданіи **того же Общества** 1 декабря, А. А. Потаповъ сдѣлалъ сообщеніе: „Очеркъ древне-русской гражданской архитектуры", сопровождавшееся демонстраціей свыше 70 таблицъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 200 снимковъ съ памятниковъ, ихъ плановъ, разрѣзовъ и т. п. Въ виду обширности изслѣдованія, докладчикъ ограничился изложеніемъ содержанія первой главы, заключающей въ себѣ общій обзоръ древней архитектуры, а затѣмъ прочелъ одну изъ главъ дальнѣйшаго текста, касающуюся древнихъ зданій Троицкой Лавры, между прочимъ древняго царскаго дворца, нынѣ зданіе Духовной академіи. Важность и интересъ труда г. Потапова вызвали единогласное постановленіе—принять мѣры къ возможно скорѣйшему изданію всего этого изслѣдованія. Второе сообщеніе принадлежало предсѣдателю Общества гр. П. С. Уваровой—„Архитектурные памятники юго-западнаго края", также илюстрированное фотографіями, рисунками, чертежами и снимками съ этихъ памятниковъ. Въ докладѣ своемъ авторъ констатировалъ систематическое уничтоженіе и искаженіе древнихъ памятниковъ, бывшихъ нѣкогда католическими и уніатскими; гибнутъ не только памятники стариннаго искусства, напр. надгробные, но и цѣлыя зданія, якобы реставрируемыя въ древнемъ стилѣ. Не избѣгаютъ этой участи даже иконы. Въ томъ же засѣданіи предсѣдатель сообщилъ о пожертвованіи Н. А. Терещенко 8 тысячъ руб., изъ коихъ 3 тысячи предназначаются на усиленіе средствъ по изданію „Трудовъ" XI Археологическаго Съѣзда, а 5 тысячъ на пріобрѣтеніе для Кіевскаго городского музея коллекціи вещей изъ Трипольскихъ раскопокъ г. В. В. Хвойко.

Въ засѣданіи **того же общества**, 16 декабря, изволилъ присутствовать Е. И. В. Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Были прочитаны слѣдующія сообщенія. М. В. Никольскій прочелъ о „Научныхъ результатахъ поѣздки на Кавказъ, въ Персію и Турцію нѣмецкихъ ученыхъ Лемана и Белька въ 1898—99 гг." Цѣль поѣздки была—поиски памятниковъ древней Ванской культуры (клинообразныя надписи). На Кавказѣ и въ Персіи ученые ничего не нашли новаго и ограничились пересвятіемъ, очень неудачнымъ, надписей открытыхъ и изданныхъ референтомъ; въ Турціи же они были счастливѣе и имъ удалось открыть порядочное количество еще неизвѣстныхъ надписей, нынѣ подготовляемыхъ къ изданію. По ходатайству Московскаго Археологическаго Общества, несмотря на хлопоты о томъ Р. Вирхова, гг. Леману и Бельку были воспрещены раскопки на Кавказѣ и увозъ оттуда древностей.—Второе сообщеніе сдѣлалъ С. У. Соловьевъ—„О работахъ коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за лѣто 1899 г.", составляющее отрывокъ изъ годичнаго отчета по этой коммиссіи, а затѣмъ проф. М. В. Духовской, очертивъ вкратцѣ значеніе не только для науки, но и для современныхъ

на себѣ вниманіе археологовъ. Въ настоящее время вполнѣ открытъ весь фасадъ зданія Куріи, древность котораго восходитъ къ началу IV вѣка по христіанскому лѣтосчисленію. Открыты также многія средневѣковыя гробницы. Возлѣ нихъ найденъ складъ человѣческихъ костей и череповъ, а подъ плитою лицевого фасада Куріи, обращенной впослѣдствіи въ церковь св. Адріана, — превосходно сохранившійся женскій скелетъ. Вмѣстѣ съ фасадомъ Куріи была открыта и часть окружавшей это зданіе панели, состоявшей изъ мраморныхъ плитъ. Нѣкоторые изъ саркофаговъ покрыты мраморными плитами, изъ которыхъ многія, очевидно, принадлежали къ очень древнимъ надгробнымъ памятникамъ. Между гробницами найденъ широкій мраморный пьедесталъ, надпись котораго свидѣтельствуетъ, что на немъ, въ свое время, красовалась статуя Марса Побѣдоноснаго, воздвигнутая въ честь основателей Рима императоромъ Максентіемъ, въ 308 году по Р. Х. Археологи полагаютъ, что на томъ же цоколѣ стояла передъ тѣмъ статуя Антонина Благочестиваго. Послѣ открытія древней „Via Sacra", возлѣ базилики Константина, были произведены раскопки въ самой церкви „Santa Francesca Romana", построенной на мѣстѣ развалинъ храмовъ Венеры и Ромула. Работы въ этомъ направленіи привели къ открытію значительнаго участка нероновской „Via Sacra", относящейся къ историческому періоду, предшествовавшему сооруженію на томъ же мѣстѣ императоромъ Адріаномъ обоихъ храмовъ Венеры и Ромула. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того же мѣста были отрыты остатки двухъ бассейновъ бань, примыкавшихъ къ „Domus Aurea" императора Нерона. Рабочіе, сооружавшіе каменную ограду вдоль Тибра, нашли нѣсколько мраморныхъ осколковъ и мраморный бюстъ одного изъ римскихъ императоровъ въ шлемѣ и кольчугѣ. Въ Агро-Верано, близъ „Via Tiburtina" найденъ осколокъ превосходной мозаики, составлявшей, какъ должно полагать, часть плиты, прикрывавшей одну изъ гробницъ знатнаго римлянина въ IV-мъ столѣтіи по Р. Х. („Пр. В.").

условій жизни архивовъ волостныхъ крестьянскихъ учрежденій, просилъ объ исходатайствованіи принятія мѣръ къ сохраненію этихъ архивовъ отъ уничтоженія, что и было принято Обществомъ единогласно къ исполненію.—Третій рефератъ прочелъ В. Н. Щепкинъ „Къ исторіи русской миніатюры" и въ заключеніе С. Н. Кологривовъ демонстрировалъ принадлежащую ему лицевую рукопись (не полную) автобіографіи Султана Бабера (XV—XVI в.) на персидскомъ языкѣ. Рукопись эта по богатству рисунковъ — unicum, хотя, по всей вѣроятности, она не древнѣе конца XVII в. или даже XVIII в. Въ томъ же засѣданіи доложено было разрѣшеніе г. министра Народнаго Просвѣщенія на созывъ съ 4—8 января 1900 г. при Обществѣ Предварительнаго комитета по устройству въ 1902 г. въ г. Харьковѣ XII Археологическаго Съѣзда.

Въ засѣданіи **того же общества** 19 января 1900 г. гр. П. С. Уварова, открывая засѣданіе доложила Высочайшую Его Императорскаго Величества телеграмму, послѣдовавшую въ отвѣтъ на вѣрноподданическія поздравленія по случаю Новаго года, принесенныя Ихъ Величествамъ графиней отъ имени Общества, а именно: „Императрица и Я сердечно благодаримъ васъ графиня за выраженныя вами пожеланія. Прошу также передать Мою благодарность предсѣдательствуемому вами Обществу, труды котораго столь плодотворны для отечественной археологіи.

Николай".

Затѣмъ В. Н. Щепкинъ доложилъ краткія сообщенія иногороднихъ членовъ Общества: Д. В. Айналова—Реставрація стѣнописи Свіяжскаго монастыря; И. Д. Четыркина—Печать епископа Досиѳея Крутицкаго, и Белла де Пошта (изъ Буда-Пешта)—Славяно-греческія древности Венгерскаго музея, а гр. П. С. Уварова—О случайныхъ раскопкахъ въ области войска Донского и о древностяхъ, присланныхъ для опредѣленія въ Общество. Изъ послѣднихъ, вещи Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича, найденныя въ Тверской губ., относятся къ каменному вѣку, а Курскаго Статистическаго комитета оказались частью XI в. (бронзовыя), частью древне-греческаго происхожденія, работы III—IV в. до Р. Х. Въ томъ же засѣданіи рѣшено принять участіе въ чествованіи проф. В. Ѳ. Миллера по случаю 30-лѣтія его научной дѣятельности и 25-лѣтія его участія въ занятіяхъ Общества въ качествѣ члена послѣдняго, и въ засѣданіи въ память М. С. Корелина, устраиваемаго Историческимъ Обществомъ при Московскомъ университетѣ. Въ заключеніе разсмотрѣнъ былъ вопросъ о продолженіи изданія „Археолог. Изв. и Зам." и съ 1900 г. рѣшено изданіе это прекратить, принявъ мѣры къ болѣе аккуратному, срочному выпуску издаваемыхъ Обществомъ „Древностей".

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи** Имп. Моск. Археолог. Общ. въ ноябрѣ 1899 г. В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе „О семитскомъ элементѣ въ татскомъ нарѣчіи горскихъ евреевъ". Горскіе евреи (дагъ-чуфутъ) живутъ въ аулахъ и нѣкоторыхъ городахъ Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губерніи Бакинской и говорятъ поднарѣчіемъ татскаго языка, одного изъ новоперсидскихъ діалектовъ. Общее число ихъ доходило въ 1886 г., по Анненкову, до 21 т.; но въ древнее время, по указаніямъ преимущественно топографическихъ именъ, собранныхъ у В. Ѳ—ча въ „Матеріалахъ для изученія еврейско-татскаго языка" (СПБ. 1892), число еврейскихъ поселеній на восточномъ Кавказѣ было значительно больше нынѣшняго. По свѣдѣніямъ Масуди, Ибн-Хаукаля, исторіи Дербента, арабы при завоеваніи Дагестана въ первой половинѣ VIII вѣка уже нашли тамъ евреевъ. Свидѣтельство Эльдада-га-Дани и свидѣтельство самого языка указываютъ, что пришли они на Кавказъ изъ Адербайжана,—вѣроятно, вслѣдствіе гоненій въ сассанидской Персіи, особенно сильныхъ въ V вѣкѣ. Языкъ ихъ можно характеризовать какъ иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, а отчасти морфологически на тюркскій ладъ. Черты семитизма докладчикъ предполагалъ въ чуждыхъ иранству эмфатическихъ: тетъ

(t), дадъ (d), кофъ (q), далѣе hедъ (ḥ), айнъ (ع) и въ особомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукѣ р (r). Звуки эти употребляются горскими евреями какъ въ персидскихъ, такъ и въ тюркскихъ и еврейскихъ (обрядовыхъ) словахъ и вліяютъ на смежный гласный звукъ: вмѣсто ӓ, ӱ, і при нихъ являются: а, ӧ, ӱ и v. Докладчикъ привелъ рядъ примѣровъ, а въ заключеніе отмѣтилъ мимоходомъ нѣкоторыя отличія татскаго нарѣчія матрасинскихъ армянъ, гдѣ нѣтъ указанныхъ особенностей, но являются армянскія черты.

При обсужденія доклада М. В. Никольскій и Ѳ. Е. Коршъ сомнѣвались въ семитизмѣ указываемыхъ докладчикомъ чертъ. Ѳ. Е. Коршъ въ собранныхъ примѣрахъ находитъ полное соотвѣтствіе тюркскому закону, гдѣ широкой гласной соотвѣтствуетъ болѣе грубый согласный звукъ.

С. Н. Кологривовъ представилъ разсмотрѣнію Коммисіи листки лицевой персидской рукописи „Записокъ султана Бабера", принадлежавшей книгохранилищу шаха и подаренной матерью шаха Насръ-Эддина русскому послу кн. Долгорукову. При разсмотрѣніи этихъ 48 миніатюръ (съ текстомъ на оборотѣ), обращалось вниманіе на красоту и тонкость рисунка, на тщательность въ передачѣ различныхъ типовъ (тюркскій типъ Бабера и его дружины, типы индусовъ и т. п.), въ изображеніи животныхъ, растеній, подробностей обстановки.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 25 ноября 1899 г., М. В. Никольскимъ сдѣлано сообщеніе о недавно вышедшемъ въ свѣтъ изданіи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, подъ заглавіемъ: „Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Вост. яз., Вып. I. Книги Паралипоменонъ въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ".

Далѣе М. В. Никольскій доложилъ, что получилъ оттискъ статьи г. Басмаджана изъ Парижа, содержащей изслѣдованіе о вновь открытой въ Закавказьѣ клинообразной надписи. Эта статья, какъ сообщилъ присутствовавшій въ засѣданіи А. С. Хахановъ, есть докладъ г. Басмаджана на послѣднемъ Международномъ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1898 г. въ Парижѣ, на которомъ присутствовалъ и г. Х—въ. Надпись найдена около селенія Шагріаръ, Эриванской губ., Эчміадзинскаго уѣзда. Она идетъ вокругъ большого круглаго камня, составлявшаго базу колоны и напоминаетъ и по матеріалу и по содержанію надпись въ Газанчи, изданную М. В. Никольскимъ (Мат. по археол. Кавказа, вып. V, стр. 59—60). Г. Басмаджанъ дѣлаетъ свое чтеніе и толкованіе по мало удачному снимку архіеп. Месропа, присланному ему изъ Закавказья, и находитъ ее интересною по двумъ новымъ словамъ, обогащающимъ, по его мнѣнію ванскій вокабулярій, именно zui, arhuiabi. Но въ дѣйствительности, по мнѣнію референта, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ текстомъ, совершенно тожественнымъ съ надписью Газанчи, но неудачно прочитаннымъ г. Басмаджаномъ. Мало того, референтъ не прочь допустить здѣсь недоразумѣніе съ самымъ памятникомъ, такъ какъ есть основаніе думать, что онъ также тожественъ съ найденнымъ въ Газанчи.

Г. А. Муркосъ сдѣлалъ сообщеніе о рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али. Докладчикъ подробно изложилъ содержаніе этихъ рѣчей, при чемъ слѣдовалъ тексту принадлежащей ему рукописи начала XVIII в., выгодно отличающейся отъ бейрутскаго изданія 1885 г. (между прочимъ полнотою комментарія). Рѣчи эти разнообразны по содержанію: однѣ выражаютъ образъ міросозерцанія автора, его воззрѣніе на Божество и на отношеніе Божества къ міру и человѣку, другія передаютъ его религіозно-нравственныя воззрѣнія; третьи касаются личныхъ отношеній Али къ противникамъ (апологія), къ жителямъ подвластныхъ ему провинцій (обличительныя за неискренность къ нему и къ исламу, и увѣщательныя), къ ближайшимъ приверженцамъ и дружинѣ (возбужденіе къ храбрости, упреки за малодушіе). Слогъ тяжелъ и своеобразенъ; вы-

раженія часто необыкновенно лаконичны, часто обильны метафорами и сравненіями изъ обыденной жизни древнихъ арабовъ.

Въ догматически-богословскихъ рѣчахъ Али представляется первымъ *какъ бы* систематизаторомъ, пытающимся по возможности выяснить, осмыслить мусульманскія представленія о Божествѣ (въ Коранѣ находимъ лишь отрывочныя, часто повторяющіяся фразы о Богѣ великомъ, милосердомъ и всемогущемъ, о сотвореніи Имъ міра и человѣка). Вотъ нѣкоторыя изъ мѣстъ, приведенныхъ докладчикомъ: „Богъ неопредѣлимъ и неописуемъ". „Правовѣрный долженъ представлять Бога отрѣшеннымъ отъ всякаго аттрибута, или свойства". Такъ какъ свойство (сыфатун) есть нѣчто отдѣльное отъ того, къ чему оно прилагается, то „примѣнять къ Богу свойства—значитъ раздвоять Божество. Богъ существуетъ внѣ предѣловъ, пространства и времени, во всемъ и отдѣльно отъ всего, — и есть самосущій... Это существо единичное, которому ничье присутствіе не можетъ доставить прибыли и ничье отсутствіе не можетъ причинить убыли".—„Богъ такъ превзошелъ все высотою, что нѣтъ ничего выше его, и такъ превзошелъ все близостью, что нѣтъ ничего ближе его. Но ни высокость Его не удаляетъ Его отъ Своихъ тварей, ни близость Его не совмѣщаетъ ихъ съ Нимъ въ одномъ мѣстѣ" и т. д. О міротвореніи и промышленіи говорится въ существѣ дѣла не болѣе, чѣмъ въ Коранѣ, но съ большей стройностью и послѣдовательностью.

Особено интересны религіозно-нравственныя рѣчи, ибо воззрѣнія, высказанныя въ нихъ, имѣли огромное вліяніе на мусульманство. Характеръ этихъ рѣчей преимущественно аскетическій; презрѣніе къ этому міру, ко внѣшнимъ благамъ и удовольствіямъ здѣшней жизни ради будущей, а равно преданность и повиновеніе Богу стоятъ на первомъ планѣ. Все мірское есть ничтожество, ложь и обманъ; міръ—это ходячій обманъ, свѣтъ исчезающій, тѣнь скоропреходящая. Мусульманскій мудрецъ долженъ стоять выше всего скоропреходящаго и быть постоянно проникнутъ преданностью и благодарностью Аллаху. Докладчикъ, отмѣчая высокія и прекрасныя стороны въ этой морали, указалъ и на мрачный характеръ ея въ общемъ, на суровыя, жесткія и узкія черты въ ней, какова ненависть ко всему немусульманскому и требованіе священной войны, и на крайне узкіе предѣлы и матеріальныя, эгоистическія цѣли въ благотворительности.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 27 января 1900 г. было сдѣлано три сообщенія. Г. А. Муркосъ прочелъ докладъ: „О подлинности сочиненій, приписываемыхъ халифу Али". Приводя рядъ арабскихъ цитатъ, докладчикъ указывалъ стихи, несомнѣнно, неподлинные, отмѣчалъ обычай расширеній и дополненій текста переписчиками, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

На основаніи тождества въ слогѣ и на основаніи внутренняго смысла *рѣчей*, приписываемыхъ Али, можно утверждать, что большинство ихъ принадлежатъ одному перу и въ основѣ своей имѣютъ дѣйствительно сказанное Али. Содержаніе и направленіе ихъ соотвѣтствуютъ историческимъ свѣдѣніямъ объ Али, и въ нихъ отражается личность Али съ тѣми характерными особенностями, съ какими представляютъ его безпристрастные историки. Что касается *сентенцій* Али, то многія изъ нихъ извлечены собирателями изъ рѣчей его, хотя слѣдуетъ допустить, особенно для болѣе достовѣрно принадлежащихъ ему сентенцій, что онѣ со своей стороны служили темою для распространенія ихъ въ рѣчь. Рѣчи же давали достаточно матеріала и для *стиховъ*, которые потомъ стали приписываться самому Али. И то и другое обстоятельство говорятъ въ пользу авторитетности рѣчей Али, и сомнѣваться въ относительной ихъ подлинности нѣтъ достаточныхъ основаній. Но при этомъ отнюдь не должно смотрѣть на нихъ, какъ на произведенія вышедшія непосредственно изъ-подъ пера Али: это устныя рѣчи, записанныя по преданію, а можетъ быть, и современниками, и позднѣе получившія извѣстный порядокъ и обработку. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ разныя редакціи

рѣчей, тожественныхъ по содержанію, такъ и несвойственныя эпохѣ Али: систематичное изложеніе (вмѣсто отрывочныхъ сентенцій и стиховъ), вліяніе неоплатонической философской школы, нѣкоторыя особенности языка и стиля.

Такъ какъ и тѣ сентенціи, которыя не содержатся въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ, согласны съ духомъ и стилемъ болѣе достовѣрныхъ сентенцій, то докладчикъ склоненъ и относительно нихъ слѣдовать преданію, возводящему ихъ къ Али. Напротивъ, подлинность стиховъ крайне проблематична, хотя докладчикъ не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній, какъ мнѣніе Аль-Мазани, отвергавшаго всѣ стихи, кромѣ двухъ.

М. О. Аттая, посѣтившій въ маѣ 1899 г. гору Ѳаворъ, обратилъ вниманіе на раскопки, которыя дѣятельно производятся тамъ на участкѣ католическаго монастыря; находки не показываются посѣтителямъ, и все отправляется во Францію; въ одномъ мѣстѣ раскапываютъ христіанскую церковь, въ другомъ, повидимому, римскій храмъ. На участкѣ православнаго монастыря докладчикъ списалъ три арабскія надписи (одна плита вдѣлана уже въ недавно сложенную ограду, остальныя сложены на дворѣ, какъ матеріалъ; одна разбита на двѣ плиты). Надписи свидѣтельствуютъ: о постройкѣ знаменитымъ, султаномъ Сиріи и Египта Аль-'Адилемъ Сейф-ед-диномъ Абу-Бекромъ (1196—1218), крѣпости въ 607 г. (=1210 отъ Р. Х.), и постройкѣ сыномъ его Аль-Муаззилемъ (султанъ 1218—1227 г.) мечети въ 611 (=1214) и крѣпости въ 612 (=1215) году. Ново наименованіе Аль-Муаззиля султаномъ еще до 1218 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что Аль-Адиль при жизни своей поставилъ его султаномъ Сиріи. Указанія надписей о постройкѣ укрѣпленій г. Аттая освѣтилъ свѣдѣніями изъ борьбы мѣстныхъ султановъ съ крестоносцами.

Предсѣдатель прочелъ сообщеніе М. В. Рябинина, присланное изъ Петербурга: „Нѣсколько замѣчаній объ иранскомъ элементѣ въ угро-финской группѣ“. Отчасти дополняя указанія бар. Штакельберга въ Древн. Вост., т. I, авторъ даетъ рядъ новыхъ и интересныхъ примѣровъ, съ обильными параллелями изъ языковъ финскаго (суоми), пермскихъ и мадьярскаго. На нѣкоторыя изъ сближеній В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ ограничительныя замѣчанія.

Въ засѣданіи **Славянской Коммиссіи** Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 25 января 1899 года было сдѣлано три сообщенія:

Н. Н. Дурново сообщилъ: „О нѣкоторыхъ именахъ въ славянскомъ переводѣ повѣсти объ Акирѣ“, по поводу доклада, читаннаго въ послѣднемъ засѣданіи предыдущаго года А. Д. Григорьевымъ. Докладчикъ отрицалъ необходимость объясненія этихъ именъ съ армянскаго. Имя Акира въ Египтѣ въ первоначальномъ текстѣ славянскаго перевода было не Абикамъ, какъ думаетъ г. Григорьевъ, а Амбекамъ (см. списокъ Общ. Ист. и др. Р. № 189; сп. Сол.; глаг. сп. сербск. ред. XV в.); для Анабуилъ (лишь въ двухъ спискахъ, по одному разу, въ позднихъ русскихъ Анбугилъ) можно предположить описку: *б* вм. *в*; Арапаръ можетъ восходить къ сирскому Araĭar; Алонъ въ сирскому названію страны Elam, средне-греч. Ἐλώμ.

В. А. Погорѣловъ прочелъ о „Лексическихъ трудахъ XVII в. по рукописямъ Типографской библіотеки“. Еще съ XIII в. появились объяснительные словарики, которые постепенно развивались и къ концу XVI—началу XVII вѣка обратились въ такія произведенія, какъ Лексисъ Лавр. Зизанія, Азбуковники и Лексиконъ Памвы Берынды. Докладчикомъ были указаны: 1. Азбуковникъ Тип. Библ., въ заглавіи приписанный Зиновію Отенскому и отнесенный къ 7060 г.—свидѣтельство недостовѣрное. 2. Лексиконъ латино-слав. XVII в., переводный съ Лексикона Амвросія Калепина и приписываемый въ спискахъ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ Епифанію Славинецкому и Арсенію Сатановскому и относимый въ одномъ спискѣ къ 1643 г., въ другомъ—къ 1650 г. Поправки рукою Юрія Крижанича на Типографскомъ спискѣ и отчасти вошедшія въ Архивные списки, указываютъ, что первый служилъ оригиналомъ для послѣднихъ (вѣ-

условій жизни архивовъ волостныхъ крестьянскихъ учрежденій, просилъ объ исходатайствованіи принятія мѣръ къ сохраненію этихъ архивовъ отъ уничтоженія, что и было принято Обществомъ единогласно къ исполненію.—Третій рефератъ прочелъ В. Н. Щепкинъ „—Къ исторіи русской миніатюры" и въ заключеніе С. Н. Кологривовъ демонстрировалъ принадлежащую ему лицевую рукопись (не полную) автобіографіи Султана Бабера (XV—XVI в.) на персидскомъ языкѣ. Рукопись эта по богатству рисунковъ — unicum, хотя, по всей вѣроятности, она не древнѣе конца XVII в. или даже XVIII в. Въ томъ же засѣданіи доложено было разрѣшеніе г. министра Народнаго Просвѣщенія на созывъ съ 4–8 января 1900 г. при Обществѣ Предварительнаго комитета по устройству въ 1902 г. въ г. Харьковѣ XII Археологическаго Съѣзда.

Въ засѣданіи **того же общества** 19 января 1900 г. гр. П. С. Уварова, открывая засѣданіе доложила Высочайшую Его Императорскаго Величества телеграмму, послѣдовавшую въ отвѣтъ на вѣрноподданическія поздравленія по случаю Новаго года, принесенныя Ихъ Величествамъ графиней отъ имени Общества, а именно: „Императрица и Я сердечно благодаримъ васъ графиня за выраженныя вами пожеланія. Прошу также передать Мою благодарность предсѣдательствуемому вами Обществу, труды котораго столь плодотворны для отечественной археологіи.

Николай".

Затѣмъ В. Н. Щепкинъ доложилъ краткія сообщенія иногороднихъ членовъ Общества: Д. В. Айналова—Реставрація стѣнописи Свіяжскаго монастыря; И. Д. Четыркина—Печать епископа Досиѳея Крутицкаго, и Белла де Пошта (изъ Буда-Пешта)—Славяно-греческія древности Венгерскаго музея, а гр. П. С. Уварова—О случайныхъ раскопкахъ въ области войска Донского и о древностяхъ, присланныхъ для опредѣленія въ Общество. Изъ послѣднихъ, вещи Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича, найденныя въ Тверской губ., относятся къ каменному вѣку, а Курскаго Статистическаго комитета оказались частью XI в. (бронзовыя), частью древне-греческаго происхожденія, работы III—IV в. до Р. Х. Въ томъ же засѣданіи рѣшено принять участіе въ чествованіи проф. В. Ѳ. Миллера по случаю 30-лѣтія его научной дѣятельности и 25-лѣтія его участія въ занятіяхъ Общества въ качествѣ члена послѣдняго, и въ засѣданіи въ память М. С. Корелина, устраиваемаго Историческимъ Обществомъ при Московскомъ университетѣ. Въ заключеніе разсмотрѣнъ былъ вопросъ о продолженіи изданія „Археолог. Изв. и Зам." и съ 1900 г. рѣшено изданіе это прекратить, принявъ мѣры къ болѣе аккуратному, срочному выпуску издаваемыхъ Обществомъ „Древностей".

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи** Имп. Моск. Археолог. Общ. въ ноябрѣ 1899 г. В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе „О семитскомъ элементѣ въ татскомъ нарѣчіи горскихъ евреевъ". Горскіе евреи (дагъ-чуфутъ) живутъ въ аулахъ и нѣкоторыхъ городахъ Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губерніи Бакинской и говорятъ поднарѣчіемъ татскаго языка, одного изъ новоперсидскихъ діалектовъ. Общее число ихъ доходило въ 1886 г., по Анненкову, до 21 т.; но въ древнее время, по указаніямъ преимущественно топографическихъ именъ, собранныхъ у В. Ѳ—ча въ „Матеріалахъ для изученія еврейско-татскаго языка" (СПБ. 1892), число еврейскихъ поселеній на восточномъ Кавказѣ было значительно больше нынѣшняго. По свѣдѣніямъ Масуди, Ибн-Хаукаля, исторіи Дербента, арабы при завоеваніи Дагестана въ первой половинѣ VIII вѣка уже нашли тамъ евреевъ. Свидѣтельство Эльдада-га-Дани и свидѣтельство самого языка указываютъ, что пришли они на Кавказъ изъ Адербайжана,—вѣроятно, вслѣдствіе гоненій въ сассанидской Персіи, особенно сильныхъ въ V вѣкѣ. Языкъ ихъ можно характеризовать какъ иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, а отчасти морфологически на тюркскій ладъ. Черты семитизма докладчикъ предполагалъ въ чуждыхъ иранству эмфатическихъ: тетъ

(ṭ), дадъ (ḍ), кофъ (q), далѣе hедъ (ḥ), айнъ (ʿ) и въ особомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукѣ р (r). Звуки эти употребляются горскими евреями какъ въ персидскихъ, такъ и въ тюркскихъ и еврейскихъ (обрядовыхъ) словахъ и вліяютъ на смежный гласный звукъ: вмѣсто ä, ÿ, i при нихъ являются: a, ŏ, ẙ и v, Докладчикъ привелъ рядъ примѣровъ, а въ заключеніе отмѣтилъ мимоходомъ нѣкоторыя отличія татскаго нарѣчія матрасинскихъ армянъ, гдѣ нѣтъ указанныхъ особенностей, но являются армянскія черты.

При обсужденія доклада М. В. Никольскій и Ѳ. Е. Коршъ сомнѣвались въ семитизмѣ указываемыхъ докладчикомъ чертъ. Ѳ. Е. Коршъ въ собранныхъ примѣрахъ находитъ полное соотвѣтствіе тюркскому закону, гдѣ широкой гласной соотвѣтствуетъ болѣе грубый согласный звукъ.

С. Н. Кологривовъ представилъ разсмотрѣнію Коммисіи листки лицевой персидской рукописи „Записокъ султана Бабера", принадлежавшей книгохранилищу шаха и подаренной матерью шаха Насръ-Эддина русскому послу кн. Долгорукову. При разсмотрѣніи этихъ 48 миніатюръ (съ текстомъ на оборотѣ), обращалось вниманіе на красоту и тонкость рисунка, на тщательность въ передачѣ различныхъ типовъ (тюркскій типъ Бабера и его дружины, типы индусовъ и т. п.), въ изображеніи животныхъ, растеній, подробностей обстановки.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 25 ноября 1899 г., М. В. Никольскимъ сдѣлано сообщеніе о недавно вышедшемъ въ свѣтъ изданіи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, подъ заглавіемъ: „Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Вост. яз., Вып. I. Книги Паралипоменонъ въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ".

Далѣе М. В. Никольскій доложилъ, что получилъ оттискъ статьи г. Басмаджана изъ Парижа, содержащей изслѣдованіе о вновь открытой въ Закавказьѣ клинообразной надписи. Эта статья, какъ сообщилъ присутствовавшій въ засѣданіи А. С. Хахановъ, есть докладъ г. Басмаджана на послѣднемъ Международномъ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1898 г. въ Парижѣ, на которомъ присутствовалъ и г. Х—въ. Надпись найдена около селенія Шагріаръ, Эриванской губ., Эчміадзинскаго уѣзда. Она идетъ вокругъ большого круглаго камня, составлявшаго базу колоны и напоминаетъ и по матеріалу и по содержанію надпись въ Газанчи, изданную М. В. Никольскимъ (Мат. по археол. Кавказа, вып. V, стр. 59—60). Г. Басмаджанъ дѣлаетъ свое чтеніе и толкованіе по мало удачному снимку архіеп. Месропа, присланному ему изъ Закавказья, и находитъ ее интересною по двумъ новымъ словамъ, обогащающимъ, по его мнѣнію ванскій вокабулярій, именно zui, arḫuiani. Но въ дѣйствительности, по мнѣнію референта, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ текстомъ, совершенно тожественнымъ съ надписью Газанчи, но неудачно прочитаннымъ г. Басмаджаномъ. Мало того, референтъ не прочь допустить здѣсь недоразумѣніе съ самымъ памятникомъ, такъ какъ есть основаніе думать, что онъ также тожественъ съ найденнымъ въ Газанчи.

Г. А. Муркосъ сдѣлалъ сообщеніе о рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али. Докладчикъ подробно изложилъ содержаніе этихъ рѣчей, при чемъ слѣдовалъ тексту принадлежащей ему рукописи начала XVIII в., выгодно отличающейся отъ бейрутскаго изданія 1885 г. (между прочимъ полнотою комментарія). Рѣчи эти разнообразны по содержанію: однѣ выражаютъ образъ міросозерцанія автора, его воззрѣніе на Божество и на отношеніе Божества къ міру и человѣку, другія передаютъ его религіозно-нравственныя воззрѣнія; третьи касаются личныхъ отношеній Али къ противникамъ (апологіи), къ жителямъ подвластныхъ ему провинцій (обличительныя за неискренность къ нему и къ исламу, и увѣщательныя), къ ближайшимъ приверженцамъ и дружинѣ (возбужденіе къ храбрости, упреки за малодушіе). Слогъ тяжелъ и своеобразенъ; вы-

раженія часто необыкновенно лаконичны, часто обильны метафорами и сравненіями изъ обыденной жизни древнихъ арабовъ.

Въ догматически-богословскихъ рѣчахъ Али представляется первымъ *какъ бы* систематизаторомъ, пытающимся по возможности выяснить, осмыслить мусульманскія представленія о Божествѣ (въ Коранѣ находимъ лишь отрывочныя, часто повторяющіяся фразы о Богѣ великомъ, милосердомъ и всемогущемъ, о сотвореніи Имъ міра и человѣка). Вотъ нѣкоторыя изъ мѣстъ, приведенныхъ докладчикомъ: „Богъ неопредѣлимъ и неописуемъ". „Правовѣрный долженъ представлять Бога отрѣшеннымъ отъ всякаго аттрибута, или свойства". Такъ какъ свойство (сыфатун) есть нѣчто отдѣльное отъ того, къ чему оно прилагается, то „примѣнять къ Богу свойства—значитъ раздвоять Божество. Богъ существуетъ внѣ предѣловъ, пространства и времени, во всемъ и отдѣльно отъ всего, — и есть самосущій... Это существо единичное, которому ничье присутствіе не можетъ доставить прибыли и ничье отсутствіе не можетъ причинить убыли".—„Богъ такъ превзошелъ все высотою, что нѣтъ ничего выше его, и такъ превзошелъ все близостью, что нѣтъ ничего ближе его. Но ни высокость Его не удаляетъ Его отъ Своихъ тварей, ни близость Его не совмѣщаетъ ихъ съ Нимъ въ одномъ мѣстѣ" и т. д. О міротвореніи и промышленіи говорится въ существѣ дѣла не болѣе, чѣмъ въ Коранѣ, но съ большей стройностью и послѣдовательностью.

Особено интересны религіозно-нравственныя рѣчи, ибо воззрѣнія, высказанныя въ нихъ, имѣли огромное вліяніе на мусульманство. Характеръ этихъ рѣчей преимущественно аскетическій; презрѣніе къ этому міру, ко внѣшнимъ благамъ и удовольствіямъ здѣшней жизни ради будущей, а равно преданность и повиновеніе Богу стоятъ на первомъ планѣ. Все мірское есть ничтожество, ложь и обманъ; міръ—это ходячій обманъ, свѣтъ исчезающій, тѣнь скоропреходящая. Мусульманскій мудрецъ долженъ стоять выше всего скоропреходящаго и быть постоянно проникнутъ преданностью и благодарностью Аллаху. Докладчикъ, отмѣчая высокія и прекрасныя стороны въ этой морали, указалъ и на мрачный характеръ ея въ общемъ, на суровыя, жесткія и узкія черты въ ней, какова ненависть ко всему немусульманскому и требованіе священной войны, и на крайне узкіе предѣлы и матеріальныя, эгоистическія цѣли въ благотворительности.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 27 января 1900 г. было сдѣлано три сообщенія. Г. А. Муркосъ прочелъ докладъ: „О подлинности сочиненій, приписываемыхъ халифу Али". Приводя рядъ арабскихъ цитатъ, докладчикъ указывалъ стихи, несомнѣнно, неподлинные, отмѣчалъ обычай расширеній и дополненій текста переписчиками, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

На основаніи тождества въ слогѣ и на основаніи внутренняго смысла *рѣчей*, приписываемыхъ Али, можно утверждать, что большинство ихъ принадлежатъ одному перу и въ основѣ своей имѣютъ дѣйствительно сказанное Али. Содержаніе и направленіе ихъ соотвѣтствуютъ историческимъ свѣдѣніямъ объ Али, и въ нихъ отражается личность Али съ тѣми характерными особенностями, съ какими представляютъ его безпристрастные историки. Что касается *сентенцій* Али, то многія изъ нихъ извлечены собирателями изъ рѣчей его, хотя слѣдуетъ допустить, особенно для болѣе достовѣрно принадлежащихъ ему сентенцій, что онѣ со своей стороны служили темою для распространенія ихъ въ рѣчь. Рѣчи же давали достаточно матеріала и для *стиховъ*, которые потомъ стали приписываться самому Али. И то и другое обстоятельство говоритъ въ пользу авторитетности рѣчей Али, и сомнѣваться въ относительной ихъ подлинности нѣтъ достаточныхъ основаній. Но при этомъ отнюдь не должно смотрѣть на нихъ, какъ на произведенія вышедшія непосредственно изъ-подъ пера Али: это устныя рѣчи, записанныя по преданію, а можетъ быть, и современниками, и позднѣе получившія извѣстный порядокъ и обработку. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ разныя редакціи

рѣчей, тожественныхъ по содержанію, такъ и несвойственныя эпохѣ Али: систематичное изложеніе (вмѣсто отрывочныхъ сентенцій и стиховъ), вліяніе неоплатонической философской школы, нѣкоторыя особенности языка и стиля.

Такъ какъ и тѣ сентенціи, которыя не содержатся въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ, согласны съ духомъ и стилемъ болѣе достовѣрныхъ сентенцій, то докладчикъ склоненъ и относительно нихъ слѣдовать преданію, возводящему ихъ къ Али. Напротивъ, подлинность стиховъ крайне проблематична, хотя докладчикъ не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній, какъ мнѣніе Аль-Мазани, отвергавшаго всѣ стихи, кромѣ двухъ.

М. О. Аттая, посѣтившій въ маѣ 1899 г. гору Ѳаворъ, обратилъ вниманіе на раскопки, которыя дѣятельно производятся тамъ на участкѣ католическаго монастыря; находки не показываются посѣтителямъ, и все отправляется во Францію; въ одномъ мѣстѣ раскапываютъ христіанскую церковь, въ другомъ, повидимому, римскій храмъ. На участкѣ православнаго монастыря докладчикъ списалъ три арабскія надписи (одна плита вдѣлана уже въ недавно сложенную ограду, остальныя сложены на дворѣ, какъ матеріалъ; одна разбита на двѣ плиты). Надписи свидѣтельствуютъ: о постройкѣ знаменитымъ, султаномъ Сиріи и Египта Аль-'Адилемъ Сейф-ед-диномъ Абу-Бекромъ (1196—1218), крѣпости въ 607 г. (=1210 отъ Р. Х.); и постройкѣ сыномъ его Аль-Муаззилемъ (султанъ 1218—1227 г.) мечети въ 611 (=1214) и крѣпости въ 612 (=1215) году. Ново наименованіе Аль-Муаззиля султаномъ еще до 1218 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что Аль-Адиль при жизни своей поставилъ его султаномъ Сиріи. Указанія надписей о постройкѣ укрѣпленій г. Аттая освѣтилъ свѣдѣніями изъ борьбы мѣстныхъ султановъ съ крестоносцами.

Предсѣдатель прочелъ сообщеніе М. В. Рябинина, присланное изъ Петербурга: „Нѣсколько замѣчаній объ иранскомъ элементѣ въ угро-финской группѣ". Отчасти дополняя указанія бар. Штакельберга въ Древн. Вост., т. I, авторъ даетъ рядъ новыхъ и интересныхъ примѣровъ, съ обильными параллелями изъ языковъ финскаго (суоми), пермскихъ и мадьярскаго. На нѣкоторыя изъ сближеній В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ ограничительныя замѣчанія.

Въ засѣданіи **Славянской Коммиссіи** Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 25 января 1899 года было сдѣлано три сообщенія:

Н. Н. Дурново сообщилъ: „О нѣкоторыхъ именахъ въ славянскомъ переводѣ повѣсти объ Акирѣ", по поводу доклада, читаннаго въ послѣднемъ засѣданіи предыдущаго года А. Д. Григорьевымъ. Докладчикъ отрицалъ необходимость объясненія этихъ именъ съ армянскаго. Имя Акира въ Египтѣ въ первоначальномъ текстѣ славянскаго перевода было не Абикамъ, какъ думаетъ г. Григорьевъ, а Амбекамъ (см. списокъ Общ. Ист. и др. Р. № 189; сп. Сол.; глаг. сп. сербск. ред. XV в.); для Анабуилъ (лишь въ двухъ спискахъ, по одному разу, въ позднихъ русскихъ Анбугилъ) можно предположить описку: *б* вм. *в*; Арапаръ можетъ восходить къ сирскому Agáfar; Алонъ въ сирскому названію страны Elam, средне-греч. *Ἐλώμ*.

В. А. Погорѣловъ прочелъ о „Лексическихъ трудахъ XVII в. по рукописямъ Типографской библіотеки". Еще съ XIII в. появились объяснительные словарики, которые постепенно развивались и къ концу XVI—началу XVII вѣка обратились въ такія произведенія, какъ Лексисъ Лавр. Зизанія, Азбуковники и Лексиконъ Памвы Берынды. Докладчикомъ были указаны: 1. Азбуковникъ Тип. Библ., въ заглавіи приписанный Зиновію Отенскому и отнесенный къ 7060 г.—свидѣтельство недостовѣрное. 2. Лексиконъ латино-слав. XVII в., переводный съ Лексикона Амвросія Калепина и приписываемый въ спискахъ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ Епифанію Славинецкому и Арсенію Сатановскому и относимый въ одномъ спискѣ къ 1643 г., въ другомъ—къ 1650 г. Поправки рукою Юрія Крижанича на Типографскомъ спискѣ и отчасти вошедшія въ Архивные списки, указываютъ, что первый служилъ оригиналомъ для послѣднихъ (вѣ-

роятно, не непосредственнымъ); языкъ указываетъ на западно-русское происхожденіе переводчика. 3. Лексиковъ польско-славянскій 1670 г., съ любопытнымъ предисловіемъ, гдѣ происхожденіе польскаго изъ славянскаго объяснено „ухитрованіемъ-вмѣшеніемъ латинскаго и французскаго"; самый словарь есть переводъ польско-латинскаго лексикона Кнапскаго, сдѣланный при посредствѣ лексикона Калепина; переводчикъ западно-русскій (языкъ). 4. Черновые рукописные оригиналы треязычнаго лексикона Өедора Поликарпова не даютъ возможности прослѣдить постепенную работу составителя; слѣдуетъ предполагать, что составитель пользовался не Епифаніемъ Славинецкимъ (Пекарскій), а Памвой Берындой и, можетъ быть, Азбуковниками [1]). При обсужденіи доклада С. А. Бѣлокуровъ сообщилъ выдержки о составленіи Крижаничемъ словаря и грамматики, изъ дѣлъ Моск. гл. Архива Мин. Иностр. дѣлъ.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи**, 23 февраля 1899 г., М. В. Довнаръ-Запольскій прочелъ докладъ: „Вас. Никол. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе", сообщивъ данныя о жизни Т—скаго и о цѣли его перевода.

И. М. Тарабринъ сообщилъ „новыя данныя о Симеонѣ Полоцкомъ", изложивъ содержаніе рукописей съ его произведеніями Син. Библ. 389 и 1800, отчасти автографныхъ. Первая, 1664—1671 г., содержитъ стихи и рѣчь на случай, копіи съ грамотъ и документовъ, особенно по дѣлу Никона (нѣсколько листовъ ея случайно попали въ рук. 48 и признаны еще Горскимъ и Невостр. за автографъ Сим. Пол.). Во второй— нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ произведеній Симеона: акаѳисты Пр. Богородицѣ и Іисусу—въ стихахъ на польскомъ языкѣ; сатирическое привѣтствіе Амфиногену Крыжановскому въ 1651 г.; привѣтствіе царю Алексѣю Михайловичу, царицѣ и царевичу въ 1656 г.; привѣтствіе еп. Каллисту 1657 г., съ нелестными помѣтками Симеона на поляхъ. Въ той же рукописи отмѣчена замѣтка Симеона о заключеніи его въ 1659 г. по распоряженію Никона въ оковы и помѣщеніи въ крѣпость, а затѣмъ на скотный дворъ. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія: объ убійствѣ брата Симеона, Исаакія; о строительствѣ Симеономъ Заиконоспасскаго мон.; о датѣ кончины Симеона—въ среду 25 августа 1680 г., въ 9-мъ часу ночи, 52 лѣтъ, при чемъ указано мірское имя его „Самуилъ"—„по нѣкоихъ Сахва".

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 26 марта 1899 г. сдѣлано два сообщенія. А. И. Бѣличъ прочелъ докладъ: „къ двойственному числу въ старо-славянскомъ языкѣ". Существительныя: *очи*, *уши* въ старо-славянск. языкѣ стоятъ въ формѣ двойств. числа и тогда, когда они относятся къ множественному числу лицъ; докладчикъ объясняетъ это тѣмъ, что существительныя эти получены старо-слав. языкомъ только въ формѣ двойственнаго числа, такъ что новообразованіе было невозможно (у остальныхъ существительныхъ, обозначающихъ парные предметы рядомъ съ двойств. числомъ получено было и единственное). Сопоставленіе фактовъ языка старо-слав. съ остальными слав. языками приводитъ къ выводу, что въ обще-славянск. языкѣ при указанныхъ условіяхъ употреблялось только двойственное число, которое, благодаря этому, получило въ нѣкоторыхъ слав. язык. (отъ этихъ существительныхъ) значеніе множ. ч. Далѣе, коснувшись двойств. основъ на *й*, докладчикъ остановился на случаяхъ (правда, рѣдкихъ) смѣшенія двойств. и множ. чиселъ въ мѣстоим. личныхъ. По его мнѣнію, началомъ смѣшенія послужила утрата вин. пад. двойств. ч. мѣст. 1 л. *вѣ*, можетъ быть, благодаря тому, что вслѣдствіе перенесенія его на глагольное окончаніе, онъ получилъ значеніе исключительно вин. пад. (ср. *мы: вѣмы* при *насъ* и *ны* въ вин. пад. и т. п.) и замѣна его вин. падежомъ

---

[1]) Докладъ вошелъ въ описаніе рукописей Библ. Моск. Син. Тип., вып. II. Сборники и Лексиконы. М. 1899 г.

множ. числа (ср., например, словенскій языкъ, гдѣ двойств. число въ однихъ падежахъ сохраняется, въ другихъ замѣняется множественнымъ).

И. Е. Евсѣевъ прочелъ докладъ: „Слѣды утраченнаго первоначальнаго полнаго перевода пророческихъ книгъ на славянскій языкъ“. Кромѣ извѣстныхъ уже въ наукѣ переводовъ пророческихъ книгъ В. З.—неполнаго паремійнаго и полнаго толковаго—докладчику удалось найти еще одинъ древній полный переводъ для шести пророческихъ книгъ (Іереміи, Даніила, Аггея, Софоніи, Захаріи и Малахіи). Книга Іереміи (не всѣ главы) и книга Даніила находятся въ Сборникѣ XV в. Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ № 903 /1468, въ которомъ содержится хроника Малалы; книги четырехъ малыхъ пророковъ—въ спискахъ толковыхъ пророчествъ, гдѣ эти книги приведены безъ толкованій. Новооткрытый переводъ совершенно несходенъ съ переводомъ толковымъ, и напротивъ, какъ по языку и пріемамъ перевода (древнія формы, особенности словыраженія и т. д.), такъ и по слѣдованію оффиціальной константинопольской церковной версіи (константинопольско-лукіановской; толковый переводъ слѣдуетъ версіи александрійско-исихіевской)—весьма сходенъ съ богослужебными паремійными чтеніями; только меньшая, по мѣстамъ удачность перевода — особенно въ осмысливаніи собственныхъ именъ—мѣшала бы отнести новооткрытый полный переводъ къ рукѣ первоначальнаго переводчика (автора паремійнаго перевода). Докладчикъ признаетъ въ немъ восполненіе первоначальнаго, паремійнаго перевода. Новый переводъ былъ извѣстенъ автору толковаго перевода, и слѣдовательно былъ сдѣланъ не позднѣе 927 года и долженъ быть приписанъ первоначальнымъ дѣятелямъ славянской письменности, изъ коихъ докладчикъ останавливается на имени св. Меѳодія, ибо тогда особенно удобно объяснима поразительная близость этого перевода къ труду св. Кирилла, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалось бы свидѣтельство о св. Меѳодіи, какъ переводчикѣ всѣхъ священныхъ книгъ *исполнь*[1]).

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 30 ноября 1899 года В. Ѳ. Миллеръ доложилъ о „новооткрытомъ интермедіи XVIII в.“. Въ рукописи второй половины XVIII вѣка, докладчикъ нашелъ два интермедія, изъ коихъ одинъ—„Могильщикъ и кобылякъ“—уже напечатанъ по другой рукописи, а другой—„Шапочникъ и мужикъ“—былъ доселѣ неизвѣстенъ. Отмѣтивъ отличія перваго отъ печатнаго текста, докладчикъ прочелъ цѣликомъ второй интермедій и указалъ въ немъ особенности мѣстнаго (вологодскаго) говора, главнымъ образомъ, въ рѣчи мужика.

Н. Н. Дурново прочелъ, о „Словѣ о разсѣченіи человѣческаго естества“, памятникѣ конца XVII в., гдѣ, въ 55-ти главахъ, человѣкъ уподобляется по своимъ нравственнымъ качествамъ разнымъ предметамъ видимаго міра, начиная съ неба и кончая животными (послѣднимъ посвящено сорокъ главъ, 16—55). Источникомъ для первыхъ 15-ти главъ и отчасти для послѣдующихъ послужила главнымъ образомъ богослужебная символика и творенія аскетическихъ писателей. Наиболѣе ясными источниками свѣдѣній о звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ были: „отъ шестидневца избрано о животныхъ“ и азбуковники. (Въ авторѣ докладчикъ предполагалъ бы видѣть раскольника). При обсужденіи доклада М. И. Соколовъ возражалъ противъ послѣдняго мнѣнія и указалъ для одного мѣста болѣе правильное распредѣленіе знаковъ препинанія („человѣкъ! не человѣкъ еси—небо; не небо еси — человѣкъ“). В. Ѳ. Миллеръ напомнилъ объ объясненіи русскихъ сказаній объ инорогѣ, которое онъ далъ въ Древностяхъ Моск. Археол. Общества: находимые въ сѣверной Россіи остатки мамонта естественно давали поводъ къ повѣрію, что подъ землей живетъ страшный звѣрь съ огромными рогами. Обезьяна была извѣстна на Руси въ XVII в. благодаря постоянной торговлѣ съ Персіей.

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1899 г.

Засѣданіе **Археографической Коммиссіи** Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 2 ноября 1899 года. Прочитаны 2 доклада. Первый рефератъ *П. П. Никольскаго*: Объ архивѣ тульскаго оружейнаго завода.

Архивъ помѣщается въ двухъ комнатахъ каменнаго корпуса. Дѣла сохраняются на полкахъ въ шкафахъ, въ коробкахъ; общее количество дѣлъ 5½ т. Дѣла касаются какъ функціонирующихъ учрежденій завода, такъ и прекратившихъ существованіе съ 1713 по 90-е годы. Кромѣ дѣлъ, имѣется 22 номера свитковъ XVII в., касающихся заводскихъ земель и ихъ обитателей, и 10 номеровъ грамотъ XVIII в. Заводъ при храненіи и уничтоженіи своихъ документовъ руководствуется общими правилами, изложенными въ приказахъ по военному вѣдомству (1872 г. № 55). Дѣламъ ведется опись въ томъ или другомъ столѣ; въ архивѣ по мѣрѣ поступленія въ него дѣлъ составляется имъ своя архивная опись. При архивѣ состоитъ одинъ архиваріусъ, должность котораго считается казенною.

Второй докладъ прочитанъ К. П. Алексѣевымъ обюджетахъ разряда въ 1650—1651 гг. Двѣ приходорасходныя росписи разряда на 158—159 г. даютъ, хотя не совсѣмъ полное, но достаточно наглядное представленіе о денежныхъ средствахъ и оборотахъ этого центральнаго учрежденія за указанное время. Особенно это можно сказать о второй росписи. Въ ней приведены всѣ расходы Разряда за годъ и всѣ доходы, кромѣ поступленій изъ приказовъ. Изъ названныхъ росписей мы видимъ, что доходы разряда состояли изъ окладныхъ (таможенные, кабацкіе и оброчные сборы), неокладныхъ, недоимочныхъ и другихъ сборовъ и поступленій изъ приказовъ. Если исключить поступленія изъ приказовъ, которыя составляли 84,2% всѣхъ доходовъ, то собственные сборы Разряда, по степени важности, можно расположить въ такомъ порядкѣ: недоимки 49%, неокладные 36%, окладные 16%. Въ 158 г. доходовъ въ Разрядъ поступило вмѣстѣ съ поступленіемъ изъ приказовъ 50.523 р. 18 а. 1½ д. Въ 159 же г., безъ поступленія изъ приказовъ, поступило въ разрядъ 7.862 р. 21 а. 3½ д.

Расходы Разряда дѣлились на расходы въ Москвѣ и расходы въ городахъ. Въ 158 г. всего было израсходовано 44.843 р. 17 а. 5½ д., въ томъ числѣ 92,3% въ Москвѣ, остальное въ городахъ. Въ 159 году 7.816 р. 24 а. Употреблены были доходы Разряда главнымъ образомъ на уплату жалованья служилымъ людямъ.

Въ томъ же засѣданіи *Г. Н. Шмелевъ* прочелъ докладъ „объ источникахъ Соборнаго Уложенія 1649 г.“. Прежде всего докладчикъ остановился на вопросѣ о томъ, принимали-ли участіе члены Земскаго Собора и въ какой степени въ составленіи Уложенія 49 г. Онъ считаетъ необходимымъ примкнуть къ тѣмъ ученымъ, которые думаютъ, что выборные люди принимали дѣятельное участіе въ составленіи Уложенія; это участіе проявлялось двоякимъ путемъ: во-1), путемъ подачи челобитныхъ и во-2), путемъ обсужденія законопроектовъ. Такимъ образомъ, однимъ изъ источниковъ Уложенія нужно признать мнѣнія и челобитья выборныхъ. Затѣмъ референтъ разсмотрѣлъ 4 источника Уложенія: 2 иноземныхъ—Литовскій Статутъ и Номоканонъ и 2 туземныхъ—Царскій Судебникъ и дополнительные къ нему указы и Стоглавъ. Изъ всѣхъ этихъ источниковъ самымъ важнымъ слѣдуетъ признать указанныя книги приказовъ, заключающія въ себѣ дополнительные къ Судебнику указы; большая часть Уложенія взята изъ этого источника; достаточно указать, что XVI и XVII главы Уложенія (о помѣстьяхъ и вотчинахъ) цѣликомъ взяты изъ указной книги помѣстнаго приказа. Важнымъ источникомъ является и Литовскій Статутъ, пользованіе которымъ началось задолго до Уложенія. Составители Уложенія относились къ этому источнику, какъ и къ Номоканону, вполнѣ сознательно и свободно. Источники византійскаго права имѣли тоже значительное вліяніе на Уложеніе, въ особенности на его уголовное право. Разсмотрѣніе источниковъ Уложенія показываетъ, что этотъ законодательный памятникъ нельзя назвать „строго—національнымъ кодексомъ“.

Секретарь коммиссіи М. В. Довнаръ-Запольскій сдѣлалъ второе сообщеніе объ опи-

саніяхъ (ревизіяхъ) староствъ въ Литовско-русскомъ государствѣ въ пол. XVI ст. Референтъ началъ свой докладъ съ краткаго изложенія ряда спеціально-экономическихъ измѣненій, происшедшихъ въ Литовско-русскомъ государствѣ въ XVI в. и повліявшихъ на измѣненіе изстариннаго русскаго быта. Къ половинѣ XVI в. уже образовался сословный строй, въ экономическомъ быту начался переходъ къ денежному хозяйству въ связи съ измѣненіями характера торговли и образованіемъ крупныхъ земельныхъ хозяйствъ. Эти измѣненія отразились и на измѣненіяхъ податной системы въ великокняжескихъ доменахъ. Въ послѣднихъ является такъ наз. волочная система. Изложивъ характерныя черты ея, референтъ указалъ на связь волочной системы съ хозяйствомъ королевы Боны и на то, что система эта вызвала потребность въ особомъ кадастрѣ. Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ изложенію идей, которыми руководились составители ревизіи и къ детальному описанію производства кадастра. Измѣреніе земель производилось на мѣстѣ, при чемъ тщательно провѣрялось. При производствѣ помѣры не мало труда представляло уничтоженіе черезполосности владѣній. Затѣмъ ревизіи отличали качество земли. Производство земельнаго кадастра, по своей точности, можетъ удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ современной статистики. Между тѣмъ статистика населенія страдаетъ существеннымъ недостаткомъ (отмѣчались только имена домохозяевъ). Статистическія свѣдѣнія о состояніи хозяйственнаго инвентаря (воловъ, лошадей) отмѣчены, къ сожалѣнію, не во всѣхъ памятникахъ ревизій. Въ заключеніе референтъ сопоставилъ требованія современной статистики и указалъ на тѣ стороны зап.-русскихъ ревизій, которыя удовлетворяютъ имъ и на тѣ, которыя можно признать неудовлетворительными.

Засѣданіе **той же Коммиссіи** 9 ноября, посвящено было чтенію пяти сообщеній. М. А. Веневитиновъ прочелъ докладъ о рѣдкостяхъ Стокгольмской королевской библіотеки. Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію библіотеки и указавъ на ея размѣры (гораздо меньше Имп. Публ. библ. и Румянц. музея), докладчикъ описалъ устройство выставочной залы и находящіеся здѣсь предметы. Образцы рукописей и библіографическихъ рѣдкостей расположены здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ. Особенное вниманіе обращаютъ образцы рукописей. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь Codex aureus, относящійся къ 600 гг., ирландскаго происхожденія, съ богатой орнаментаціей и интересными палеографическими особенностями. Описывая нѣкоторыя др. рукописи, докладчикъ остановилъ вниманіе на двухъ рукописяхъ — на такъ наз. Дьявольской Библіи, написанной въ нач. XII в. чехомъ Сбиславомъ на ослиной кожѣ; съ этой рукописью связано интересное преданіе о томъ, что она написана въ одну ночь, съ помощью дьявола. Эта рукопись — самая большая въ свѣтѣ. Антиподъ ея — рукопись-крошка въ $2^1/_2$ вершка, находящаяся въ той же витринѣ; она относится къ XIV в., вывезена изъ Испаніи и украшена богатыми миніатюрами. Затѣмъ докладчикъ описалъ рукописи Вестготской и Остготской Правдъ XIII в., тутъ же показалъ замѣчательное ихъ воспроизведеніе посредствомъ фототипіи, изданное Берцелемъ. Кромѣ рукописнаго отдѣленія обращаютъ на себя вниманіе на выставкѣ коллекціи автографовъ, древнихъ переплетовъ и старопечатныхъ изданій. Выставка устроена съ большимъ вкусомъ. Затѣмъ М. А. Веневитиновымъ былъ прочитанъ докладъ С. В. Арсеньева (изъ Стокгольма) о вестготскихъ законахъ, сравнительно съ Русской Правдой. Въ своемъ докладѣ С. В. Арсеньевъ привелъ взгляды современной шведской науки о Вестготской Правдѣ и сдѣлалъ нѣкоторыя сопоставленія съ статьями Русской Правды. — Д. И. Иловайскій внесъ предложеніе о собираніи матеріаловъ для словаря юридическихъ древностей. Докладчикъ, исходя изъ того, что въ современной наукѣ наблюдается весьма важный пробѣлъ въ справочномъ руководствѣ по юридическимъ древностямъ, на нѣсколькихъ примѣрахъ иллюстрировалъ значеніе этого недостатка. Поэтому онъ полагаетъ необходимымъ приступить къ собиранію матеріаловъ для словаря и предложилъ коммиссіи направить свои

силы на эту работу. При этомъ Д. И. Иловайскій подробно изложилъ методъ составленія словаря и въ видѣ примѣра прочелъ докладъ о должности окольничаго. Затѣмъ И. Н. Миклашевскій сдѣлалъ краткое сообщеніе объ интересной книгѣ денежныхъ раздачъ 1637 г. служилымъ иностранцамъ, хранящейся въ Моск. Арх. Мин. Юст., а С. Н. Кологривовъ передалъ содержаніе писемъ нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей XVIII в. (изъ своего собранія)—Петра В., Н. Долгоруковой, Бирона, имп. Павла I др.; письма нигдѣ не напечатаны. Докладчикъ тутъ же демонстрировалъ письма съ замѣчаніями о характерѣ почерка разныхъ лицъ.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 28 ноября 1899 г. Л. Д. Воронцова прочла докладъ: „Къ вопросу о монастырскомъ бытѣ XVII—XVIII ст.“ Докладъ посвященъ разбору документовъ Серпуховского Владычнаго монастыря. По своему содержанію документы распадаются на двѣ группы: одни касаются внѣшней общественной жизни монастыря, другіе — домашней. Обязанности монастыря къ государству и правительству сводятся къ уплатѣ денежныхъ и натуральныхъ податей, размѣры которыхъ указываются въ предлагаемомъ матеріалѣ, при этомъ замѣтно стремленіе замѣнить первыми всѣ виды платежей. Сверхъ того, монастырскіе люди отбываютъ различныя мѣстныя службы. На самомъ монастырѣ лежали постои и содержаніе отставныхъ стрѣльцовъ. Общеніе съ сосѣдями—землевладѣльцами обусловливалось, главнымъ образомъ, столкновеніемъ хозяйственныхъ интересовъ. Особымъ разнообразіемъ въ юридическомъ отношеніи отличаются сдѣлки о крестьянахъ, такъ какъ здѣсь все зависѣло отъ взаимнаго соглашенія. Между прочимъ дѣла и указы даютъ любопытныя свѣдѣнія о вѣдомствѣ патр. Разряда, изъ которыхъ явствуетъ, что дѣятельность Рязряда была довольно разносторонняя. Второго рода документы затрогиваютъ экономическое положеніе монастырскихъ крестьянъ, бобылей и служекъ, а также рисуютъ нравственный обликъ монашествующихъ XVII–XVIII вв. съ отрицательной стороны.

Второй докладъ прочтенъ Г. А. Ряжскимъ объ архивѣ Суздальскаго архіерейскаго дома. Архивъ этотъ можно раздѣлить на два отдѣла: на дѣла, носящія судебный, и на дѣла, носящія административный характеръ; первыя распадаются на дѣла, касающіяся духовенства, церковныхъ служивыхъ людей и крестьянъ, и на дѣла, касающіяся мірскихъ людей по проступкамъ, подвѣдомственнымъ духовному суду, вторыя — относятся къ управленію епархіей. Судебныя дѣла крайне разнообразны: одни изъ нихъ носятъ уголовный характеръ, состоя изъ производствъ о ссорахъ между духовными, о неисполненіи ими пастырскихъ обязанностей и т. п. проступкахъ ихъ, о преступленіяхъ мірянъ противъ нравственности, о чернокнижіи и волшебствѣ, другія—гражданской—взысканія, раздѣлъ доходовъ, земельныя дѣла. Административныя дѣла состоятъ изъ производствъ о перемѣщеніяхъ духовныхъ, о сборѣ на церкви и ихъ постройкахъ, изъ архіерейскихъ распоряженій по епархіи и т. п. Особенный интересъ представляетъ дѣло о мощахъ кн. Θеодора Стародубскаго.

Засѣданіе **той же Коммиссіи** 17 декабря. Въ немъ былъ прочтенъ годичный отчетъ о дѣятельности коммиссіи, и произведены выборы должностныхъ лицъ коммиссіи, при чемъ выбраннымъ оказался прежній составъ бюро, т. е. предсѣдателемъ А. И. Кирпичниковъ, товарищемъ предсѣдателя В. И. Холмогоровъ и секретаремъ М. В. Довнаръ-Запольскій. Затѣмъ прочтены два доклада. Первымъ читалъ С. О. Долговъ о древнерусскихъ юридическихъ пародіяхъ. Докладчикъ привелъ нѣсколько неизданныхъ пародій XVI—XVII вв. и затѣмъ подробнѣе остановился на анализѣ пародій о Ершѣ сынѣ Щетинниковѣ, изложивъ при этомъ содержаніе вновь найденнаго имъ списка.

Ю. В. Арсеньевъ сдѣлалъ второй докладъ „О дѣлопроизводствѣ Каширскихъ губныхъ старостъ во 2-й половинѣ XVII вѣка“, на основаніи собранныхъ имъ неизданныхъ актовъ г. Каширы. Сдѣлавши краткій обзоръ законодательныхъ актовъ XVII в.,

относящихся къ губному управленію, докладчикъ замѣтилъ, что выборная должность губнаго старосты получила въ XVII вѣкѣ строго приказный характеръ и подтвердилъ этотъ выводъ выдержками изъ подлиннаго дѣлопроизводства Каширскихъ губныхъ старостъ, а именно изъ черновыхъ отписокъ этихъ должностныхъ лицъ въ Разбойный и другіе приказы, грамотъ и другихъ отрывковъ дѣлопроизводства за періодъ съ 1653—93 гг. Губные старосты въ XVII вѣкѣ исполняли почти всѣ обязанности, возлагавшіяся и на воеводъ, и Московское Правительство, сохраняя тѣхъ и другихъ въ областномъ управленіи, кажется находило для себя удобнымъ такой порядокъ, чтобы имѣть средство контролировать одною властію другую. Скудость средствъ и обстановки уѣздныхъ губныхъ учрежденій, которую рисуютъ Каширскіе акты, далеко не соотвѣтствовала сложности обязанностей, возлагавшихся на губныхъ старостъ. Имѣя также въ виду ихъ полузависимое положеніе относительно воеводъ, становится понятнымъ, что должность губныхъ старостъ не пользовалась въ XVII вѣкѣ особеннымъ почетомъ.

---

27 ноября 1899 г. въ домѣ Московскаго Генералъ-Губернатора состоялось торжественное годичное засѣданіе **Комитета по сооруженію Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III при Московскомъ Университетѣ.** Предсѣдательствовалъ Е. И. В. Великій Князь Сергѣй Александровичъ.

Предметами засѣданія служили: 1) излагаемый ниже докладъ о дѣятельности Комитета за истекшій годъ, прочитанный секретаремъ Комитета И. В. Цвѣтаевымъ, 2) техническій и денежный отчеты по постройкѣ зданія Музея за строительный періодъ 1898—1899 года, прочитанные А. Н. Демосѳеновымъ, и 3) рѣчь товарища августѣйшаго Предсѣдателя Комитета Ю. С. Нечаева-Мальцева по вопросу объ историческомъ значеніи живописи и надписей Керченской катакомбы, предназначаемыхъ къ перенесенію въ Музей Изящныхъ Искусствъ Имени Императора Александра III.

Изъ доклада А. Н. Демосѳенова выяснилось, что на постройку было отпущено изъ разныхъ источниковъ 290.510 р. 71 к., изъ которыхъ израсходовано 201.663 р. 80 коп.

Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ заявилъ о желательности перенесенія въ цѣломъ видѣ въ Музей Изящныхъ Искусствъ катакомбы II вѣка по Р. Х., находящейся на сѣверной сторонѣ Митридатовой горы близъ Керчи. Въ своемъ интересномъ докладѣ Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ указалъ на то, что въ этой катакомбѣ замѣтны слѣды двухъ культуръ, такъ какъ изъ-подъ фресковой живописи въ одномъ мѣстѣ видны надписи, несомнѣнно болѣе ранняго происхожденія и принадлежавшія неизвѣстному народу.

Августѣйшій Предсѣдатель Комитета соизволилъ выразить Свою полную готовность содѣйствовать успѣшному разрѣшенію переговоровъ о перенесеніи этой катакомбы въ Москву.

Приводимъ свѣдѣнія изъ подробнаго доклада, прочитаннаго И. В. Цвѣтаевымъ.

17 августа 1898 годъ Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благоволили заложить первые камни зданія Музея, „на памяти русскихъ университетовъ безпримѣрный праздникъ высшаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ“. Высочайше повелѣно отпустить изъ средствъ Государственнаго Казначейства 200 т. рублей на сооруженіе Музея; Всемилостивѣйше пожалованы ордена двумъ иностраннымъ ученымъ, способствовавшимъ пріобрѣтенію коллекцій: Э. Бругшъ-бею въ Каирѣ и проф. О. Марукки въ Римѣ и пожизненная пенсія въ 1200 р. русскому художнику Ѳ. П. Рейману за снимки живописи, дѣлаемые имъ въ римскихъ катакомбахъ. Ихъ Высочества Великій Князь Сергѣй и Павелъ Александровичи приняли на себя стоимость сооруженія зала „Парѳенонъ“ въ память Великой Княгини Александры Георгіевны. Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, Великія Княгини Елизавета Ѳеодоровна и Евгенія Максимиліановна, Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ, Павелъ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ состоятъ почетными членами Комитета.

Московская Городская Дума пожертвовала подъ Музей площадь бывшаго Колымажнаго двора—участокъ въ 2701 сажень, лучшей части города, съ массой ничѣмъ не заграждаемаго свѣта. Министерство финансовъ разрѣшило Комитету безпошлинное получение желѣзныхъ строительныхъ матеріаловъ изъ-за границы.

Вслѣдъ за почином душеприказчиковъ В. А. Алексѣевой, еще въ 1894 г. возбудившихъ ходатайство объ устройствѣ при Моск. унив. Музея изящныхъ искусствъ имени Александра III, и принесшихъ университету для сей цѣли 150000, стали поступать ко дню открытія дѣйствій Комитета (28 апрѣля 1898 г.) заявленія о сооруженіи *именныхъ* залъ. Заявленія продолжаются до послѣдняго времени, и вслѣдствіе сего, изъ общаго числа 22-хъ залъ Музея (не считая здѣсь центральнаго зала и двухъ крытыхъ стекломъ дворовъ) сооружаются 17 залъ на частныя средства и Египетскій на общія средства Комитета; остаются свободными лишь четыре залы. Именные залы, сооружаются членами Комитета: С. А. Протопоповымъ „Ассирійскій"; Д. Ѳ. Кондратьевымъ и И. В. Титовымъ въ память Е. И. Бенардаки „Греческій архаической поры"; А. Е., Е. Е. и Э. Е. Армандъ, въ память Е. И. Армандъ, „Антикварій"; И. К. Прове „Библіотека"; И. А. Колесниковымъ „Читальный залъ"; И. М. Рукавишниковымъ „Олимпія" и „Пергамъ"; Л. С. Поляковымъ „Греческихъ рельефовъ V и IV вв. до Р. Х."; М. С. Скребицкой въ память С. А. Юрьевича „Пракситель"; Л. М. и Е. Н. Муромцевыми, въ память Н. Л. Муромцева, „Ніоба"; П. Г. Шелапутинымъ „Лисиппъ"; М. А. Морозовымъ „Венера Милосская и Лаокоонъ; княг. З. Н. и княг. Ф. Ф. Юсуповыми, въ память кн. Н. Б. Юсупова, „Римскій"; Л. В. Протосовой въ память С. Я. Протасова „Возрожденіе"; М. Н. Журавлевымъ „Скульптуры новаго времени". Н. И. Пастуховъ внесъ средства на сооруженіе „Ассирійскаго" зала, но такъ какъ этотъ залъ былъ ранѣе занятъ С. А. Протопоповымъ, то, по соглашенію съ жертвователемъ будетъ сооруженъ иной залъ. Заламъ „Пергама", „Олимпіи" „Лаокоона и Венеры Милосской" и „Ассирійскому", согласно ходатайству жертвователей, присвоены имена Государынь Императрицъ, Вел. Кн. Сергѣя Александровича и Вел. Кн. Елизаветы Ѳеодоровны. Общая стоимость поименованныхъ, сооружаемыхъ частными лицами, залъ составляетъ выше 500,000 рублей. Кромѣ того, К. Ѳ. Колесниковъ пожертвовалъ 15000 на устройство въ подвалахъ Музея модели римскихъ катакомбъ 2—3 коридоровъ и 3—4 криптъ.

Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ принялъ на себя *каменную* облицовку фасадовъ съ гранитнымъ цоколемъ вокругъ всего зданія, съ портиками, многочисленными колоннами и полуколоннами древне-іоническаго стиля, а также съ длиннымъ скульптурнымъ фризомъ по фасаду, имѣющимъ представить повтореніе лучшихъ частей знаменитаго фриза Парѳенона. О высокой стоимости этого необычайнаго дара можно судить по тому, что гранитъ, облицовочный камень и каменныя работы оцѣнены, по заключеннымъ подрядамъ, въ 430,000 руб., не считая особыхъ и большихъ издержекъ, которыя повлечетъ за собою изготовленіе каменнаго скульптурнаго фриза.

Для этихъ работъ возобновлены коломенскія каменоломни, заброшенныя съ окончанія постройки Храма Спасителя.

Независимо отъ сего, Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ принесъ въ даръ Музею: а) обширную коллекцію памятниковъ древне-египетскаго искусства и предметовъ общественнаго быта и религіознаго культа древнихъ египтянъ, составленную подъ руководствомъ египтолога Э. Бругшъ-бея въ Каирѣ и Луксорѣ; б) обширную мозаическую копію одного изъ фризовъ собора Св. Марка въ Венеціи, представляющую подвиги изъ житія сего святаго; эта единственная въ мірѣ мозаика (сдѣланная для самого собора, съ цѣлью замѣны оригинала, начинавшаго осыпаться) займетъ въ Средневѣковомъ залѣ Музея около 35 аршинъ длины, при 2 аршинахъ высоты, и в) расходъ свыше 6.500 р. по содержанію канцеляріи Комитета, по изготовленію акварельныхъ художественныхъ рисунковъ для дипломовъ и нагрудныхъ знаковъ Комитета и по издержкамъ закладки Музея.

Обогащеніе Музея *художественными коллекціями* и *предметами* составляетъ заботу слѣдующихъ дарителей.

1) А. Г. Подгорѣцкая, рожденная Захарьина, уполномочила управленіе Музея пріобрѣсти гипсовые слѣпки со всѣхъ необходимыхъ памятниковъ скульптуры эпохи Возрожденія. Въ виду сложности этого дара, уже теперь приступлено къ первымъ заказамъ въ Луврѣ. въ Берлинскомъ Музеѣ, Южно-Кенсингтонскомъ въ Лондонѣ и начаты сношенія съ Флоренціей—по отдѣлу портретовъ XV и XVI ст. въ Италіи, Франціи и Германіи.

2) Князь Ф. Ф. Юсуповъ поддерживаетъ матеріально художника Ѳ. П. Реймана въ его работахъ для Музея, посылая ему по 6.000 франковъ въ годъ.

3) Ф. О. Шехтель принялъ на себя пріобрѣтеніе скульптуръ для Пергамскаго зала и модели знаменитаго въ древности Пергамскаго алтаря Зевеса.

4) Баронесса К. Л. Леви, изъ Рима, приноситъ Музею копію съ главныхъ дверей Баптистерія во Флоренціи, знаменитыхъ своими скульптурами Гиберти, въ натуральную ихъ величину. Этого драгоцѣннаго памятника флорентійскаго ваянія XV вѣка терпѣливо ждутъ даже такіе западно-европейскіе музеи, какъ Альбертинумъ въ Дрезденѣ.

5) К. К. Банза, Ф. М. фонъ-Вогау и Г. М. Маркъ принесли Музею 10,000 р. на его нужды.

6) К. К. Одно лицо, пожелавше пока остаться неизвѣстнымъ, приняло на себя стоимость гипсовыхъ отливокъ со скульптуръ Пареенона.

7) И. Ю. Шульцъ принесъ въ даръ золотыя и серебряныя монеты (на сумму 900 руб.) послѣдняго чекана, которыя были опущены 17 августа 1898 года въ землю при закладкѣ Музея.

8) Графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ уполномочилъ Комитетъ пріобрѣсти какой-либо образецъ древне-христіанскаго искусства, стоимостью въ 1.500 руб.

О назначеніи однимъ давнишнимъ другомъ нашего дѣла, желающимъ остаться неизвѣстнымъ,—100,000 р. въ неприкосновенный капиталъ Музея на постоянное увеличеніе художественныхъ и научныхъ собраній докладывалось при открытіи Комитета.

Денежныя средства Музея опредѣляются къ настоящему времени въ суммѣ свыше 1.367.000 руб.

Въ засѣданіи **Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности** 10 декабря 1899 г., подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева, послѣ рѣчей предсѣдателя и Д. Ѳ. Кобеко, посвященныхъ недавно скончавшимся почетнымъ членамъ общества: А. Ѳ. Бычкову, В. Г. Васильевскому и Т. И. Филиппову, было прочтено сообщеніе Н. Д. Чечулина, представляющее собой анализъ одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ литературы XVIII в., впервые появляющагося въ свѣтъ. Это — „Путешествіе въ Офирскую землю“ кн. Щербатова, одного изъ первыхъ русскихъ историковъ, написанное въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Оно представляетъ собой соціальный романъ, въ которомъ авторъ постоянно имѣетъ въ виду современную ему Россію, ея нравы, жизнь, законодательство и администрацію. Объ этомъ говоритъ и то, что названіе мѣстностей и рѣкъ Офирской земли являются обыкновенно анаграмой соотвѣтствующихъ русскихъ названій, напр., Квамо — Москва, Евки—Кіевъ и т. п. Изъ разсмотрѣнія „путешествія“ очевидно, что кн. Щербатовъ до извѣстной степени слѣдовалъ слѣдующимъ соціальнымъ романамъ: „Königreich Ophir“ 1699 г. неизвѣстнаго автора, „Histoire des Sevarambes“ Верасса 1677 г. и „Entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala“, 1753 г. Станислава Лещинскаго. До нѣкоторой степени въ „Путешествіи“ замѣтно также вліяніе Фенелонова „Телемака“ и „Государства“ Платона и др. подобныхъ сочиненій, но ни одному изъ этихъ образцовъ кн. Щербатовъ не слѣдовалъ вполнѣ: онъ вложилъ въ свое произведеніе собственное содержаніе. Главная

цѣль его — указать недостатки современнаго положенія Россіи и средства ихъ избѣгнуть. „Путешествіе“ представляетъ интересъ, какъ единственный извѣстный пока соціальный романъ въ Россіи XVIII в., а также, какъ наиболѣе полное и послѣдовательное выраженіе нѣкоторыхъ идеаловъ автора, который и тутъ, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, является крайнимъ приверженцемъ сословнаго строя и дворянскихъ привилегій. („С. К.“).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 21 янв. 1900 г., состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Въ этомъ засѣданіи В. В. Майковымъ было прочитано присланное М. Н. Сперанскимъ сообщеніе о „Лопаточникѣ“, памятникѣ, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ только по упоминанію о немъ въ индексѣ книгъ истинныхъ и ложныхъ и отожествлялся, обыкновенно, съ „Трепетникомъ“. Референту удалось найти въ бѣлорусской рукописи виленской публичной библіотеки текстъ, вполнѣ имѣющій право въ силу содержанія носить названіе „Лопаточника“. Изслѣдованіе этого текста привело М. Н. Сперанскаго къ слѣдующимъ выводамъ: „Лопаточникъ“, — апокрифическая книжка, содержащая гаданія по черточкамъ, пятнышкамъ и цвѣту лопатки овцы (или иного животнаго), въ славяно-русской письменности должна считаться памятникомъ XIV—XV вѣка, переведеннымъ, вѣроятнѣе всего, въ Болгаріи съ греческаго, до сихъ поръ не разысканнаго, текста. Выражаетъ же „Лопаточникъ“ тотъ видъ гаданія, который стоитъ въ связи съ жертвеннымъ гаданіемъ и гаданіемъ по черточкамъ и точкамъ. Гаданіе это особенно распространено на востокѣ, откуда въ весьма древнее время могло распространиться на западѣ и въ Византіи, черезъ нее у юго-славянъ, а отъ нихъ у насъ. Затѣмъ П. Н. Шефферъ сдѣлалъ сообщеніе о рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, присланномъ Л. Н. Майкову А. И. Яцимирскимъ и переданномъ Л. Н. Майковымъ референту для доклада обществу. Вкратцѣ указавъ на составъ сборника и на то, что большинство текстовъ сборника восходитъ къ болѣе старымъ оригиналамъ, докладчикъ подробнѣе остановился на помѣщенной въ сборникѣ „Повѣсти о бранденбургскомъ и португальскомъ мудрецахъ“. Отмѣтивъ точки соприкосновенія этой повѣсти, представляющей, повидимому, русскую переработку чужого оригинала, съ „Словомъ о вѣрѣ христіанской и жидовской“ и съ вопросо-отвѣтною литературой, докладчикъ охарактеризовалъ разсматриваемый текстъ, какъ любопытный образчикъ свѣтской повѣсти, построенной, главнымъ образомъ, на данныхъ литературнаго матеріала, обращавшагося въ до-петровской Руси. („Пр. В.“).

Въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ, 21 янв. 1900 г., состоялось засѣданіе членовъ русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова. Проф. Н. И. Веселовскій прочелъ докладъ „Къ вопросу о крашеныхъ костякахъ“, — вопросъ, который вызвалъ оживленныя пренія на нѣсколькихъ засѣданіяхъ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Почти всѣ, производящіе раскопки на югѣ Россіи, наталкиваются на погребенія въ согнутомъ положеніи съ окрашенными костяками. Окраска костяковъ представляетъ 4 вида: бурая, ярко-красная, розовая и бѣлая. Составъ первыхъ двухъ красокъ: охра и сурикъ. Различіе цвѣта окраски обусловливаютъ различныя вещи, находимыя при костякахъ; такъ, при бурой окраскѣ погребальная обстановка очень бѣдна, встрѣчаются тамъ большею частью каменныя орудія, рѣдко бронзовыя, почти нѣтъ желѣза; при розовой окраскѣ встрѣчается въ небольшомъ количествѣ золото, но самая богатая обстановка при костякахъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Очень рѣдко попадается желтый цвѣтъ, и то только въ скиѳскихъ могилахъ. Наиболѣе важно рѣшеніе вопроса, къ какому времени можно отнести эти погребенія. Многіе археологи относятъ ихъ къ каменному вѣку или къ переходному времени отъ каменнаго къ бронзовому. По мнѣнію Н. И. Веселовскаго, едва ли возможно отнести ихъ къ каменному періоду. Находки кремневыхъ орудій не есть необходимое условіе

каменнаго вѣка. Люди, въ силу обычая, уже въ эпоху металлическую клали каменныя орудія въ могилы „по старинѣ". Докладчикъ, приведя еще нѣсколько теоретическихъ доказательствъ своего мнѣнія, сообщилъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ одного кургана съ крашеными костяками, гдѣ внизу болѣе древнія погребенія имѣли металлическія орудія, а открытое наверху, очевидно, болѣе позднее, имѣло кремневыя. Рисунокъ кургана и найденныя въ немъ вещи иллюстрировали въ высшей степени интересное сообщеніе Н. И. Веселовскаго. Проф. С. Ѳ. Платоновъ, занимавшійся въ послѣднее время рукописями лѣтописнаго характера, сообщилъ о сдѣланныхъ имъ нѣкоторыхъ любопытныхъ наблюденіяхъ („Пр. В.").

Въ засѣданіи **того же Общества** 27 января 1900 г., состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Разсмотрѣнъ и утвержденъ отчетъ по отдѣленію за 1899 годъ. Изъ отчета видно, что засѣданій въ 1899 г. было 7, сдѣлано на нихъ 16 сообщеній. Затѣмъ секретаремъ отдѣленія прочитана записка трехъ членовъ общества объ организаціи археологической экспедиціи въ бассейнъ Тарима. Предсѣдателемъ Императорской археологической коммиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ сдѣлано сообщеніе „О новыхъ изслѣдованіяхъ въ Сузахъ". Профессоръ Н. И. Веселовскій сообщилъ „О находкѣ глиняныхъ гробовъ въ Самаркандѣ" и Б. А. Тураевъ—„О двухъ клинописныхъ табличкахъ музея кіевской духовной академіи". Экспедиція въ мѣстность бассейна Тарима вызывается богатствомъ археологическихъ памятниковъ, которое обнаружено путешественникомъ Пржевальскимъ и многими случайными изслѣдователями. Остатки исчезнувшихъ культуръ, погибшихъ городовъ, фрагменты рукописей на неизвѣстныхъ языкахъ, пещерные храмы—все это съ заселеніемъ края расхищается и исчезаетъ для науки. Такъ, штукатурки стѣнъ древнихъ зданій и храмовъ идутъ на удобреніе полей. Случайныя экспедиціи возрождаютъ въ населеніи старинную легенду о скрытыхъ сокровищахъ и побуждаютъ къ розыскамъ. Изслѣдованія въ этихъ мѣстностяхъ облегчаются тѣмъ, что мѣстность находится въ сферѣ русскаго политическаго и торговаго вліянія. Экспедиція будетъ состоять изъ 5 человѣкъ, въ томъ числѣ изъ 2 художниковъ, и раздѣлится на 2 группы. По приблизительному разсчету, расходы по экспедиціи опредѣляются въ суммѣ около 30,000 руб. Графъ А. А. Бобринскій сообщилъ о появившихся въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ извѣстіяхъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ на мѣстѣ древнихъ Сузъ. Произведенными извѣстнымъ изслѣдователемъ Де-Моргономъ раскопками обнаружены чрезвычайно интересныя остатки различныхъ человѣческихъ культуръ, причемъ наиболѣе древняя можетъ быть отнесена къ отдаленнѣйшимъ временамъ отъ 4 до 5000 лѣтъ до Р. Х. Проф. Н. И. Веселовскій сообщилъ объ открытіи цѣлаго кладбища, а именно, ряда глиняныхъ гробовъ небольшой величины, наполненныхъ костями. Уже давно находили чрезвычайно загадочные черепки этихъ гробовъ, но не было яснаго доказательства, что черепки эти представляютъ обломки гробовъ. Въ настоящее время послѣдними открытіями блестяще подтверждается это предположеніе. Гробы имѣютъ своеобразную орнаментацію. Нѣкоторыя фактическія дополненія по поводу открытія гробовъ сдѣлалъ, по просьбѣ предсѣдателя, осматривавшій кладбище на мѣстѣ А. А. Половцовъ. Клинописныя глиняныя таблички, найденныя близъ холма Телло въ Южной Вавилоніи, относятся къ крайне отдаленному времени 3—4000 лѣтъ до Р. Х. („Пр. В.").

Въ засѣданіи **того же Общества**, 2-го февраля, проф. Н. И. Веселовскимъ сообщены свѣдѣнія о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1899 г. раскопкахъ въ Кубанской области, на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до р. Кубани. Интересны эти раскопки тѣмъ, что по характеру находокъ онѣ сходны съ нѣкоторыми ранѣе произведенными, изъ сопоставленій съ ними даютъ возможность сдѣлать выводы о времени, къ которому находки относятся, и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, какой именно народъ жилъ въ

то время на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ. Проф. Н. И. Веселовскій выводитъ заключеніе, что открытыя имъ находки относятся ко времени II—III вѣковъ; послѣ Р. Х. Большинство предметовъ, по мнѣнію профессора, вышли изъ рукъ греческихъ и римскихъ художниковъ, но есть и работы варваровъ. Найденное золото туземнаго издѣлія не уступаетъ греческому. Явленіе, совершенно не встрѣчающееся до Р. Х.—это найденные здѣсь желѣзные предметы, обдѣланные въ золото, сосуды съ ручками подобны многочисленнымъ сосудамъ Помпеи. Встрѣчающееся во всѣхъ могилахъ хорошее стекло также относится къ болѣе позднему времени, какъ и кольчатые панцыры (въ болѣе глубокой древности чешуйчатые). Часть находки передана уже въ Императорскій Эрмитажъ, часть же была демонстрирована референтомъ передъ собраніемъ. Изъ наиболѣе интересныхъ предметовъ должно отмѣтить: въ женской могилѣ съ одного кургана четырехугольныя бляшки—украшеніе ушей, маленькая застежка съ миніатюрнымъ изображеніемъ зайчика, бусы, жукъ изъ бѣлаго камня и отшлифованный каменный топоръ. Въ мужской могилѣ каменный топоръ былъ на желѣзной ручкѣ, лежавшей вдоль костяка, такъ что топоръ приходился на плечѣ. Въ Воздвиженской станицѣ по угламъ одной могилы возвышались 4 столба; въ этой могилѣ лежалъ костякъ мужчины, оружіе и другіе предметы погребальной обстановки; у пояса—точилка, сбоку панцырь желѣзный кольчатый, въ ногахъ серебряныя блюдца, на одномъ изъ которыхъ изображеніе горнаго козла, терзаемаго гидрою.

VI.

Библіографія.

Карлъ Крумбахеръ. Переработка у Романа-Сладкопѣвца съ приложеніемъ замѣтки о времени жизни Романа. Мюнхенъ 1899 (Karl Krumbacher, Umarbeitungen bei Romanos mit einem Anhang über das Zeitalter des Romanos. München).

Эта небольшая (156 страницъ), но очень содержательная и цѣнная работа, доложенная 6 мая въ засѣданіи Баварской Академіи, воочію показываетъ, въ особенности своими послѣдними страницами (142 и слѣд.), какъ еще много недодѣланнаго и неопредѣленнаго, несмотря на энергичныя работы послѣднихъ лѣтъ, остается даже въ важнѣйшихъ областяхъ византиновѣдѣнія. Давно ли профессоръ Крумбахеръ, взвѣсивъ съ такою тщательностью всѣ доводы *pro* и *contra*, убѣдительно доказалъ, что величайшій византійскій церковный поэтъ, имѣющій такое огромное значеніе въ исторіи литургики православнаго востока, поэтъ, тщательное изученіе произведеній котораго такъ важно для уясненія важнѣйшихъ вопросовъ византійской, а стало быть и русской иконографіи, жилъ при Анастасіи I (491—518, см. Geschichte der byz. Litteratur München, 1897, стр. 663 и слѣд.). Теперь одно внимательно обслѣдованное мѣсто въ гимнѣ бл. Романа на тему притчи о десяти дѣвахъ (что гимнъ принадлежитъ ему, ясно изъ акростиха) приводитъ того же честнаго и осторожнаго изслѣдователя къ положительному выводу, что Романъ жилъ на 200 лѣтъ позднѣе при Анастасіи II (713—716).

Остальная часть работы знаменитаго византиста—вполнѣ достойное продолженіе его Studien zu Romanos, которые онъ издалъ въ 1898 г. *А. К.*

Іосифъ Стшиговскій. Живописный циклъ греческаго физіолога, Космы Индикоплевста и Восьми-книжія по рук. Смирнской библіотеки съ 40 таблицами и 3 рисунками въ текстѣ. Лейпцигъ 1899. (Ioseph Strzygowski, Der Bilderkreis des griechischen Phisiologus, des Kosmas Indikopleustes und Oktateuch nach Handschriften der Bibliothek zu Smyrna. Byzantinisches Archiv als Ergänzung der Byz. Zeitschrift in zwanglosen Heften hsgb. von Karl Krumbacher. Heft. 2).

Если бы по какой-нибудь несчастной случайности нѣмецкій народъ вдругъ обѣднѣлъ до послѣдней крайности учеными талантами, все же европейцамъ другихъ странъ и американцамъ еще цѣлый рядъ поколѣній пришлось бы учиться у нѣмецкихъ Bücherwurm'овъ ученой техникѣ. Какъ, напр., остроуменъ и цѣлесообразенъ тотъ внѣшній пріемъ, образчикъ котораго мы имѣемъ, въ трудахъ современныхъ византиновѣдовъ, въ сравн. хоть съ тѣмъ, что дѣлается у насъ или даже во Франціи? У насъ и у французовъ спеціальныя болѣе или менѣе періодическія изданія рѣзко распадаются на двѣ категоріи: одни, имѣющія цѣлью слѣдить за прогрессомъ въ извѣстной научной области, представляютъ небольшія тетрадки съ хроникой, библіографіей, коротенькими рефератами по отдѣльнымъ вопросамъ; если редакція считаетъ полезнымъ помѣстить въ такое обозрѣніе хорошую работу, объемомъ хоть въ 3—4 печатныхъ листа, она въ большомъ затрудненіи; она должна разбить ее на два №№, отчего пострадаетъ и работа и хроника, если же размѣры ея потребуютъ бóльшаго расчлененія, приходится отъ нея совсѣмъ отказываться, ждать, пока она выйдетъ въ другомъ изданіи и дать объ ней только отчетъ. Изданія другого рода (образцами ихъ могутъ служить знаменитыя и заслуженныя „Чтенія" въ Общ. Ист. и Древн.) принимаютъ работы огромныя и печатаютъ ихъ цѣликомъ или частями съ отдѣльною нумераціей; въ такомъ случаѣ они или отказываются отъ хроники, библіографіи, пріобрѣтаютъ характеръ сборниковъ, періодическое появленіе которыхъ оказывается плохо-мотивированнымъ или (какъ, напр., École des Chartes, des hautes Études и др.) хроника оказывается въ нихъ скорѣе лѣтописью учрежденія, чѣмъ науки, и является только какъ бы случайно *пристегнутой* къ нѣсколькимъ изслѣдованіямъ. Посмотрите, какой простой, но удобный порядокъ выработали нѣмцы! Вотъ уже 8 лѣтъ съ честью выходитъ спеціальный органъ Byz. Zeitschrift, дающій въ своемъ критико-библіографическомъ отдѣлѣ весьма полную хронику византиновѣдѣнія и кромѣ того, рядъ цѣнныхъ спеціальныхъ работъ въ отдѣлѣ первомъ. Но вотъ редакторъ узнаетъ о готовящейся большой работѣ по какому-либо отдѣлу, работѣ, настолько важной, что каждой византиновѣдъ сочтетъ своимъ пріятнымъ долгомъ имѣть ее у себя почти настольною книгой; только объемъ ея таковъ, что для помѣщенія въ журналѣ ее пришлось бы разбить на цѣлый

годъ. Недолго думая, редакторъ, съ согласія издателя, при періодическомъ Zeischrift открываетъ непеpіодическое изданіе: Archiv, который и пускаетъ отдѣльными книгами для подписчиковъ журнала *по уменьшенной цѣнѣ*. Доволенъ авторъ, что трудъ его не разбитъ на куски; доволенъ издатель, такъ какъ этотъ Archiv не служитъ безплатнымъ приложеніемъ и, стало быть, не вводитъ его въ убытокъ; доволенъ редакторъ, что не упустилъ изъ рукъ крупной и хорошей работы, и довольна публика.

Задача книги г. Стшиговскаго видна изъ вышеприведеннаго ея заглавія; что же касается до того, какъ она исполнена и что́ даетъ его работа для исторіи русской литературы и искусства, слѣдуетъ поговорить въ особомъ рефератѣ. *А. К.*

Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіеп. Тверского и Кашинскаго († окт. 1896 г.), Томъ первый (1819—1850 гг.). Сергіевъ Посадъ, 1898.

Тоже, Томъ второй (1851—1862 гг.). Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1899.

Мы должны признаться, что хотя всегда питали и питаемъ глубокое уваженіе къ покойному архіеп. Саввѣ, какъ къ ученому вообще и одному изъ наиболѣе заслуженныхъ археологовъ въ частности, отъ его автобіографіи мы ожидали весьма умѣреннаго интереса для археологической науки. Конечно, бывшій синодальный ризничій и описатель риз. Синодальной библіотеки долженъ былъ занести въ хронику своей жизни нѣкоторые факты изъ исторіи русской науки. Но было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что, обрабатывая записки въ маститой старости, почти на покоѣ, почтенный авторъ остановился съ особенною подробностью на годахъ своего дѣтства и юности, въ описаніи которыхъ будетъ не малый культурно-историческій интересъ, но, по крайней мѣрѣ въ первомъ томѣ, интересъ археологическій будетъ совсѣмъ отсутствовать.

Къ счастью, наше предположеніе оказалось рѣшительно ошибочнымъ. Высокопреосв. Савва оставался до конца дней своихъ истиннымъ ученымъ, вся духовная жизнь котораго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ любимой наукою. Работая надъ своими записками, онъ окружилъ себя всевозможными справочными книгами и, кромѣ того, постоянно рылся въ неизсякаемой сокровищницѣ рѣдкой своей памяти не только для того, чтобы припомнить личныя впечатлѣнія, а чтобы обставить послѣднія интереснымъ фактическимъ матеріаломъ. Такъ, упомянувъ на первой же страницѣ о своемъ дѣдушкѣ дьяконѣ села Палеха, высокопочтенный авторъ немедленно (на стр. 2) указываетъ на происхожденіе палеховской иконописной школы и даетъ рядъ подробностей о раздѣленіи труда въ суздальской и палеховской иконописи. Вспоминая храмъ, монастырь, въ которомъ онъ бывалъ въ дѣтствѣ или при которомъ состоялъ кто-нибудь изъ его родственниковъ, высокопреосв. Савва, сообщаетъ все, что онъ могъ собрать по исторіи этого храма или монастыря

и сообщаетъ о древностяхъ, тамъ находившихся. Такимъ образомъ и первый томъ его автобіографіи оказывается переполненнымъ цѣнными, а иногда и прямо драгоцѣнными археологическими данными. Такъ, отмѣтимъ въ немъ для исторіи иконописи стр. 2, 9, 17, 27, 32—33 *) и пр. пр.; по другимъ отдѣламъ русской археологіи стр. 10—11 (любопытная параллель къ знаменитымъ запискамъ Ріð), 14, 17, 18, 23—4 (Николо-Шартомскій монастырь, 26—28 (г. Шуя), 83 (с. Лежнево), 85 (Суздаль) и т. д. и т. д. Излишне говорить, насколько подобные археологическіе экскурсы усиливаются и количественно и качественно во II томѣ, когда авторъ самъ начинаетъ серьезно заниматься археологіей.

Оба тома, нынѣ появившіеся, изданы прекрасно и снабжены каждый указателемъ личныхъ именъ. Было бы крайне желательно имѣть, кромѣ того, *предметный указатель* при окончаніи изданія. *А. К.*

Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изд. Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. К. 1899. Въ листъ.

Это заслуживающее вниманія изданіе было вызвано устройствомъ въ Кіевѣ, въ зданіи университета, историко-картографической выставки по случаю бывшаго тамъ, въ августѣ 1899 г., XI археологическаго съѣзда. Какъ выставка, такъ и вызванное ею изданіе были обязаны трудамъ библіотекаря университета св. Владиміра В. А. Кордта, обладающаго большими свѣдѣніями въ исторіи картографіи. Первый выпускъ „Матеріаловъ" заключаетъ въ себѣ 32 факсимиле картъ XV—XVII вв., начиная отъ карты Чернаго моря изъ портолана гр. Бенникасы 1474 г., карты Евр. Сарматіи изъ „Птоломея", изд. 1513 г., карты Россіи Бат. Агнезе 1525 г., продолжая затѣмъ картами Гастальдо, Вида, Себ. Мюнстера, Герберштейна, Дженкинсона, Пограбія и др., и кончая картами Россіи Нейгебауера, Массы, Г. Герритса, и картой Украйны Боплана, 1650 г. Къ картамъ приложенъ пояснительный текстъ на 15 страницахъ.

Палеографическій Изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV — XVIII вв., изд. Кіев. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Вып. 1. К. 1899. Въ листъ.

Изданіе это, обязанное трудамъ И. М. Каманина, также было вызвано XI археологическимъ съѣздомъ и устроенной ко времени его выставки памятниковъ южно-русской письменности. На 20 таблицахъ представленъ 81 снимокъ съ памятниковъ, охватывающихъ время съ 1554 по 1771 г. Къ снимкамъ приложена интересная статья г. Каманина: „Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV — XVIII вѣкахъ". Изданіе украшено нѣсколькими виньетками.

*) Въ высокой степени любопытно извѣстіе о греческой иконѣ Успенія съ греческою надписью 1556 г.

Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Өедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900.

Сборникъ этотъ, составляющій т. XIV „Трудовъ" Этногр. Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и изданный по случаю исполнившагося 30-лѣтія научной дѣятельности проф. В. Ө. Миллера, заключаетъ въ себѣ рядъ статей по языкознанію, этнографіи, исторіи словесности, востоковѣдѣнію и т. д. Изъ статей, болѣе касающихся археологіи, укажемъ: Ө. Г. Мищенко—„О бытѣ геродотовыхъ будиновъ", Н. Н. Харузинъ—„Знамена" у мордвы въ XVI—XVII вв. (съ 168 снимками), С. К. Шамбинаго—„Древне-русское жилище по былинамъ", П. Н. Милюковъ—Что такое „море Вирянское" и „городъ Леденецъ"? и др. Въ началѣ помѣщенъ „Краткій очеркъ научной дѣятельности В. Ө. Миллера" (съ портретомъ), сост. В. М. Михайловскимъ и „Библіографическій перечень печатныхъ трудовъ В. Ө. Миллера".

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Шестая часть. Изд. П. И. Щукина. М. 1900. 4⁰.

Азбучный и хронологическій указатели къ 6 частямъ сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. М. 1900. 8⁰.

Нельзя не поблагодарить П. И. Щукина, что онъ, собирая старинные документы, не хранитъ ихъ подъ спудомъ, а дѣлаетъ общимъ достояніемъ, прекрасно издавая въ рядѣ выпусковъ, первая серія коихъ нынѣ закончилась и дополнена азбучнымъ и хронологическимъ къ нимъ указателями. Въ этихъ документахъ, несомнѣнно, найдется много цѣннаго для исторіи нашей культуры и быта, и напр. документами, касающимися 1812-го года, уже отчасти воспользовались для иллюстраціи московскихъ событій того времени. Но масса другихъ бумагъ также заключаетъ въ себѣ многія интересныя подробности для характеристики различныхъ эпохъ, личностей, сторонъ быта. Остается пожелать, чтобы г. Щукинъ и впредь не оставлялъ знакомить любителей нашей старины съ тѣми документами, которые найдутъ мѣсто въ его собраніи.

Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina, her. v. Bosnisch-Hercegov. Landesmuseum in Sarajevo, redigirt v. *d-r M. Hoernes.* VI Band. Mit 28 Tafeln und 737 Abbildungen im Text. Wien. 1899. gr 8⁰.

Босно-герцеговинскій музей въ Сераевѣ не перестаетъ обогащать науку новыми данными о тѣхъ областяхъ, для храненія произведеній и древностей которыхъ онъ учрежденъ. Наиболѣе мѣста отдается въ этихъ „Mitteilungen" археологіи. Такъ, и въ нынѣ вышедшемъ VI томѣ помѣщенъ рядъ статей о неолитическихъ стоянкахъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ находкахъ, изслѣдованіяхъ доисторическихъ могильниковъ, римскихъ древностяхъ, найденныхъ монетахъ, надписяхъ и пр. Имѣется однако и отдѣлъ, посвященный этнографіи (Volkskunde) — съ статьями и замѣтками о народныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ, о

тюркскомъ элементѣ въ южно-славянской музыкѣ, о народномъ врачеванiи, нѣкоторыя легенды и т. п. Наконецъ, есть еще 3-й отдѣлъ — „Естествознанiе“ — со статьями по географiи, геологiи, палеонтологiи, ботаникѣ, зоологiи — обѣихъ областей, а отчасти и вообще Балканскаго полуострова. Главное содержанiе „Извѣстiй“ однако археологическое, и въ этомъ отношенiи оно очень важно для археологiи края.

Н. И. Вулычовъ. Журналъ раскопокъ 1898 г. по берегамъ Оки. М. 1899, 4⁰. Съ 7 таблицами-фототипiями и картою.

Раскопки производились около с. Добраго и с. Гремячаго (близь г. Перемышля), въ курганахъ и на городищѣ. Интересны особенно предметы, добытые изъ „бугра“ на берегу Оки, около с. Гремячаго; тутъ найдены бронзовые (мелкiе) предметы, глиняные (пряслицы, черепки, ложки (для литья?), костяные, желѣзные; любопытна одна бронз. фибула (?) изъ проволоки (таб. I, рис. 8—9). Въ числѣ желѣзныхъ предметовъ есть серпы.

Н. И. Вулычовъ. Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Дона. М. 1899, 4⁰. Съ 34 таблицами-фототипiями и 3 картами.

Раскопки были произведены въ Калужской и прилегающей части Смоленской губ., по рр. Пополтѣ, Перекшѣ, Ресѣ, Нигвѣ, Серенѣ, въ курганахъ у Леонова (подвѣски московскаго типа), близь Шанкова и Поченокъ (характерны двойныя бронзовыя фибулы) (табл. II, 6, 10), близь Дубровки (черный сосудъ съ углемъ, нижняя челюсть медвѣдя), въ Мощинскомъ городцѣ (Масальскаго у.). У подошвы послѣдняго, лѣтомъ 1888 г. былъ найденъ замѣчательный кладъ варварской эпохи, по опредѣленiю проф. Кондакова I—V вв. нашей эры, состоящiй изъ разныхъ предметовъ человѣческаго и конскаго убора, съ тонкимъ, прорѣзнымъ геометрическимъ узоромъ, съ красною и бирюзовою эмалью. Вещи эти, находящiяся въ Имп. Историч. музеѣ, относятся многими къ такъ наз. готскому стилю. На таблицахъ предметовъ изъ этой мѣстности изображены у г. Булычова: желѣзныя наконечники копiй, ножи, стрѣлки, крючки, удила, огнива, пряжки; каменный молотокъ; грубые горшки; витыя и пластинчатыя бронзовыя гривны; знаменитый конскiй (?) прорѣзной уборъ съ эмалью; кольца, привѣски; бронзовыя бусы и спиральки, бусы глиняныя и изъ пасты, браслеты; пряслицы, черепки съ прямымъ и волнистымъ узоромъ, желѣзные топоры. Далѣе слѣдуютъ вещи изъ Спасскаго городца, у с. Спасъ-Перекша (бронзовые витые браслеты, подвѣски московскаго типа, фибула готскаго типа, но безъ эмали, крестикъ, костяныя издѣлiя съ орнаментомъ и пр.), изъ группы кургановъ по рр. Б. и М. Нигвѣ (стеклянные браслеты, крестики, цѣпочка съ маленькимъ гребешкомъ, шпора). Изъ притоковъ Днѣпра раскопки производились по рр. Болвѣ, Снопоту, Шуицѣ; предметы представляютъ большей частью сходство съ извѣстными изъ московскихъ кургановъ. Во всякомъ случаѣ, раскопки и на-

ходки г. Булычова отчасти пояснили предѣлы распространенія культуры московскихъ кургановъ, отчасти указали на любопытные слѣды въ средней Россіи какого-то чуждаго культурнаго вліянія (готскаго?), что особенно примѣнимо ко кладу изъ Мощинскаго городца.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

съ іюля 1899 г. по февраль 1900 г.

Aarboger for Nordisk oldkyndighed og historei. Raenke 11. Bind 14. Hefte 1, 2, 3. Kjobenhavn. 1899.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества. Т. I, вып. 1 и 2. Москва. 1899.

Талько-Грынцевичъ, Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище въ Ильмовой пади Троицкосавскаго округа, Забайкальской области. Москва. 1899.

Труды II Съѣзда русскихъ зодчихъ въ Москвѣ. Изд. Московскаго Архитектурнаго Общества. Москва. 1899.

Српска Книжевна Задруга. Кн. 1—50. Београд. 1893—1898.

Годишнак Српска Кральевске Академиje. XI, XII. 1897. Београд. 1899.

Глас Српске Кральевске Академиje. LV. Други разред. 36. Београд. 1899; LVII. Први разред. 21.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, № 2, 3, 4. Юрьевъ. 1899.

Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія. Іюнь, іюль, авг., сент., окт., ноябрь и декабрь и январь 1900 г. Петербургъ. 1899—1900.

Обозрѣніе лекцій въ Юрьевскомъ Университетѣ за 1898—1899 годъ. Юрьевъ. 1898, 1899.

Планъ храма Воскресенія и окружающихъ его мѣстностей, сост. Шикъ. Изд. Православнаго Палестин. Общ. Спб. 1899.

Рубинштейнъ, С. Ф. Десятилѣтняя земская давность по литовскому статуту и по общимъ законамъ Имперіи.

Онъ же. Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ Западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малороссіи за 240 л. (1652—1892). Вильна. 1894.

Вѣстникъ „Народнаго Дома", №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Львовъ. 1899.

Národní Hlásnik. Ročník XXXII. Čislo 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24. Roč. XXXIII. C. 1, 2. Turč. Sw. Martin. 1899—1900.

Slovenské Pohlády, časopis zábavno-poučny. Ročník XIX. Sošit 7, 8, 9, 10, 11, 12. Roč. XX. S. 1, 2. Turč. Sw. Martin. 1899—1900.

Bachholtj Anton. Geschichte der Juden in Riga. Riga. 1899.

А. Бриллiантовъ. Влiянiе восточнаго богословiя на западное въ произведенiяхъ Iоанна Скота Эригены. Спб. 1898.

Харламновичъ, К. Западно-русскiя православныя школы XVI и начала XVII в., отношенiе ихъ къ инославнымъ. Казань. 1898.

Нестора Дагаева. Исторiя Ветхозавѣтнаго Канона. Спб. 1898.

Алфавитный указатель книгъ и рукописей Библiотеки Петерб. Дух. Академiи за 94—95; 96—97 гг. Спб. 1897—1898.

Notizie degli Scavi di Antichità comunicate alla R. Accademia dei Lincei, №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Roma. 1899.

Пѣсни русскаго народа, собраны въ губ. Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 г.; записали слова О. М. Истоминъ, напѣвы С. М. Ляпуновъ. Изд. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1899.

Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1898 г. Спб. 1899.

Справочная книжка Самаркандской области 1898 г., вып. 6. Самаркандъ. 1899.

Записки Восточнаго Отдѣленiя Импер. Русск. Археол. Общества. Т. XI, вып. 1—6; т. XII, вып. 1, 2, 3. Спб. 1899.

Д-г Лујо Кнеj Воjновитч. Дубровник и Османско Царство. Кн. 1. Београд. 1898.

Книжныя новости, № 2. Спб. 1899.

Успенскiе, М. И. и *В. И.* Молитва на дьявола. Спб. 1899.

L'Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme. T. X, №№ 3, 4, 5. Paris. 1899.

Извѣстiя Историко-Филол. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVII. Нѣжинъ. 1899.

Сборникъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко. Т. II. Нѣжинъ. 1899.

Записки Наукового Товариства Iмени Шевченка. Вып. 3, т. XXIX, XXXI, XXXII, кн. 5 и 6. Львов. 1899.

Кн. Н. Туркестановъ. Каталогъ иностранной литературы въ Россiи (1740—1810) изъ Сопиковой библiографiи. Москва. 1894.

Онъ же. Московскiй Адресъ Календарь на 1792 г. Спб. 1898.

Собранiе сочиненiй И. А. Голышева, подъ редакцiей А. Э. Мальмгрена. Т. I, вып. 2. Спб. 1899.

Византiйскiй временникъ, изд. при Импер. Акад. Наукъ. Т. V, вып. 3, 4; т. VI, вып. 1—2. Спб. 1898—1899.

Записки Императорской Академiи Наукъ. VIII серiя, т. III, вып. 2, 3, 4, 5. Спб. 1898—1899.

Летопис Матице Српске свеска 3, 4, книга 199, 200. У Новоме Саду. 1899.

Матерiалы для каталога Пушкинской Юбилейной Выставки въ г. Ярославлѣ. 26—28 мая, 1899 г. Изд. Ярославской Уч. Архивной Коммиссiи. Ярославль. 1899.

К. Д. Головщиковъ. Дѣятели Ярославскаго края. Изд. Ярославской Уч. Арх. Ком. Вып. II. Ярославль. 1899.

Siebenter Internationales Geographen. Kongress. Berlin. 1899.

Извѣстiя Импер. Русскаго Географическаго Общества. Т. XXXIV, вып. 6, 1898; т. XXXV, вып. 1, 2, 3, 1899. Спб. 1898, 1899.

Михайло Грушевьницький. Украiнсько-Руський Унiверзитет. Памяткова Книжка. Львов. 1899.

Извѣстiя Общ. Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Казанскомъ Университетѣ. Т. XV, вып. 4, 5—6; т. XVI, вып. 1. Казань. 1899.

Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. Nouvelle série. 1898, 1899. Copenhague.

Филологическiя записки. Вып. 1—2. 3—4, 5. Воронежъ. 1899.

Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ г. Кіевѣ 1—20 августа, 1899 г. Кіевъ. 1899 г.

Каталогъ Выставки XI Археол. Съѣзда въ Кіевѣ. Кіевъ. 1899.

Извѣстія Общества Любителей изученія Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодаръ. 1899.

Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XII. Helsingfors. 1899.

Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. XVI. Helsingissä. 1899.

Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. Изд. Кіевской Ком. по разб. др. акт. Вып. 1. Кіевъ. 1899.

Матеріалы по исторіи русской картографіи. Изд. Ком. по разбору др. актовъ. Вып. 1. Кіевъ. 1899.

Кулаковскій, Ю. Карта Европейской Сарматіи по Птоломею. Кіевъ. 1899.

Лапинъ, С. А. Русско-Узбекскій словарь. Изд. Самаркандскаго Статист. Комитета. Самаркандъ. 1899.

Карта Средне-Азіятской желѣзной дороги. Изд. Самаркандскаго Статист. Комитета. Самаркандъ. 1899.

Бѣляшевскій, Н. Отчетъ Городецкаго Музея Волынской губ., барона О. Р. Штейнгель за первый годъ 1896—1897. Варшава. 1898.

Mittel Gabriel. Inscriptions Bysantines de Mistra. Athènes. 1899.

Thomsen Wilh. Inscriptions de l'Orkhon. Helsinfors. 1896.

Сообщенія Импер. Православнаго Палестинскаго Общества. Янв., февр., мартъ—апрѣль, май—авг. Спб. 1899.

Сирія, Ливанъ и Палестина по В. Кюине. Вып. 1. Спб. 1899.

Bulletin of the New-Jork Public Library. Volume III, № 9. New-Jork.

А. Вороновъ. Къ вопросу о положеніи архивнаго дѣла во Франціи. Спб. 1898.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. V. Оренбургъ. 1899.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ. Т. II. Юрьевъ. 1899.

Записки Историко-Филологическаго факультета Петербургскаго Университета. Т. XLIX, L, LII, вып. 1. Спб. 1899.

Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву. Изд. Археографич. Ком. Спб. 1898.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Т. 77, 78. Одесса. 1899.

Academia Romȃna. Publicatiunile fondubui Vasilie Adamachi, №№ 1, 2, 3, 4. Bucuresci. 1898—1899.

Журналы засѣданій Общихъ собраній членовъ Костромской Уч. Арх. Коммиссіи, 25 іюня и 23 сент. 1898 г.

Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимірѣ. Владиміръ. 1899.

Труды Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи. Кн. 1. Владиміръ. 1899.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. Кн. 26. Омскъ. 1899 г.

Короленко, П. П. Екатеринодарскій войсковой соборъ времени Екатерины Великой.

Библіотека Москов. Синодальной Типографіи. Ч. I, вып. 2. Сборники и лексиконы. Москва. 1899.

Бурцевъ, Е. Къ исторіи Кокшенги.

Булычевъ, Н. И. Журналъ раскопокъ 1898 г. по бер. р. Оки и по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра. Москва. 1899.

Матица Српска. Живот и род Іована Хацитча Светитча. У Новом Саду. 1899.

Матеріалы по археологіи Восточныхъ губерній. Т. III. Москва. 1899.

Бесѣды, №№ 1—11. Изд. Прав. Палест. Общ. Спб. 1899.

Щукинъ, П. И. Русскіе портреты изъ собранія Щукина въ Москвѣ. Вып. 1. Москва. 1899.

Мальмгренъ, А. Э. Къ вопросу о названіяхъ поселенныхъ и другихъ мѣстъ Петербургской губ. Спб. 1899.

Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи. Изд. Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Москва. 1899.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. 2, 3. Москва. 1899.

Минхъ, А. Н. Историко-Географическій словарь Саратовской губ. Т. 1, вып. 2. Саратовъ. 1898.

Analele Academiei Romane. Seria II, t. XX, XXI. Bucuresci. 1899.

Zamfir C. Arbure. Basarabia in secolul. XIX. Bucuresci. 1899.

D-r D. Brandza. Flora Dabrogei. Bucuresci. 1898.

Отчетъ о состояніи Общественной Астраханской Библіотеки за 1898 г. Астрахань. 1899.

Отчетъ Иваново-Вознесенской Общественной Публичной Библіотеки за 1898 годъ. Владиміръ. 1899.

Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. XLIII. Тамбовъ. 1899.

Труды Орловской Уч. Арх. Коммиссіи. Вып. 1. Орелъ. 1899.

Айналовъ и *Рѣдинъ*. Древніе памятники искусства Кіева. Харьковъ. 1899.

Памятная книжка и адресъ календарь Лифляндской губерніи на 1900 г. Рига. 1900 г.

Foreningen til Norske Fortidsmindesmerkers Bevaring. 1897. Kristiania. 1898.

Kunst og Haandverk fra Norges fortid. ved. N. Nicolaysen. Anden Raenne Tredie Hefte. Kristiania. 1898.

Norges indskrifter med de aeldre Runer, udgivne for det Norske Historisne Kildeskrift fond. Christiania. 1898. 4 de Hefte.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1900 г. Ковно. 1899.

Указатели къ изданнымъ Москов. Городск. Управленіемъ переписнымъ и межевымъ книгамъ XVII и XVIII ст. Москва. 1894.

Переписи Московскихъ дворовъ XVII и XVII ст. Москва. 1896.

Переписныя книги г. Москвы 1737—1745 гг., 1638 г., 1665—1676 гг. Москва. 1881—1893.

Переписныя книги г. Москвы, тома II—VIII. Москва. 1881—1891.

Забѣлинъ, И. Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы. Ч. I, II. Москва. 1884—1891.

Труды по Востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ. Вып. 1. Москва. 1899.

Селивановъ, А. По поводу проекта архивной реформы.

Етнографічний Збірник, видає Етнографічна Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VI. Львов. 1899.

Искусство и Художественная промышленность, №№ 9—10, 11, 12, 13, 14, 15. Спб. 1899.

Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. Т. II, вып. 1. Москва. 1899.

Upsala Universitets Årsskrift. 1898. Upsala. 1898.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е. Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. II. Спб. 1899 г.

Краткое описаніе памятниковъ древности, поступившихъ въ Волынское Епархіальное Древлехранилище, съ 1893—1898 гг. Почаевъ. 1898.

Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien. Band. CXLI. Wien. 1899.

Бѣляшевскій, Н. Ф. Археологическая лѣтопись Южной Россіи. Декабрь,
Кіевъ. 1899.

Титовъ, А. Акты Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря. Мо
1898 г.

Азбучный и Хронологическій Указатель Сборника старинныхъ бумагъ Музе
кина. Москва. 1900.

Щукинъ, П. И. Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ Щу
Ч. VI. Москва. 1900.

Романовъ, Е. Р. Указатель къ неофиціальной части „Могилевскихъ Губ. В
мостей", съ 1839—1898 гг. Могилевъ. 1899.

Чтенія о Святой землѣ, №№ 22—30; XLVIII, L, LI, LII. Спб. 1899.

Палестинскій листокъ, №№ 1—8. Спб. 1899.

Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 51. Спб. 1899.

Сборникъ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Т. X
Тифлисъ. 1899.

Споменик. XXXIV. Други разред 31. Београд. 1898.

Журналъ XLVI засѣданія Нижегородской Уч. Арх. Коммиссіи 22 окт., 189

Тураевъ, Б. А. Коптскія ostraca коллекціи В. С. Голенищева. Спб. 1899.

Онъ же. Эфіопскій стихъ въ честь Апостоловъ.

Онъ же. Богъ Тотъ. Лейпцигъ. 1898.

Онъ же. Описаніе египетскихъ памятниковъ въ русскихъ музеяхъ и собран
Вып. 1, 2.

Catalogue d'une collection importante de livres et cartes géographiques et d
tes et plans publiées séparément. Copenhague. 1899.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Т
вып. 1, 2. Софія. 1899.

Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Т. XXI. Ека
бургъ. 1899.

Щукинъ, П. Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г. Ч. IV. М
1899 г.

Памятки Украінсько - Руськоï мови і літератури, видаэ Археографічна К
Товариства імени Шевченка. Т. II. Львов. 1899.

Возстановленіе древней православной святыни. Мстиславовъ храмъ Успен
жіей Матери во Владимірѣ-Волынскомъ. Спб. 1896.

К. Болсуновскій. Каталогъ предметовъ, выставленныхъ въ Университетѣ С
диміра во время XI Археол. Съѣзда въ г. Кіевѣ. Витрина А. Кіевъ. 1899.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Вып. 6. Изданіе
миссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1899.

Извѣстія Импер. Общ. Любит. Ест. Антр. и Этногр. при Московскомъ У
ситетѣ. Т. XCV. Москва. 1899.

Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Импер. Археол. Коммиссіею, №№ 2
Спб. 1899.

В. Ляскоронскій. Иностранныя карты и атласы XVI и XVII вв., относящі
Южной Россіи.

Успенскій, В. И. Очерки по исторіи иконописанія. Спб. 1899.

Museum Caucasicum. I, сост. докторъ Радде. Тифлисъ. 1899.

Арсеньевъ, Ю. В. „Тульская старина". Сборникъ древнихъ актовъ по и
Тульскаго края въ XVII в. Тула. 1899.

D-r J. L. Píč. Kotázce o původu typu hradištného.

Проф. И. А. Сикорскій. О вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье и
ственность населенія Россіи. Кіевъ. 1899.

Онъ же. О дѣйствіи алкоголя на психическую сферу. Кіевъ. 1898.

Онъ же. Защита оскорбленной чести и неузаконенная психіатрическая экспертиза на судѣ. Кіевъ. 1898.

Онъ же. Объ успѣхахъ медицины въ дѣлѣ охраненія высшихъ сторонъ здоровья. Кіевъ. 1898.

Онъ же. Простѣйшіе акты познанія и вниманія. Кіевъ. 1898.

Онъ же. Физіологія нравственныхъ страданій. Кіевъ. 1890.

Онъ же. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. Кіевъ. 1897.

Фотографическій альбомъ изъ Герцеговины.

D-r Ciro Truhelka. Documents préhistoriques de Bosnie-Hercigovine. Sarayévo. 1899.

А. Г. Хатемкинъ. Къ памятникамъ недавней старины въ г. Козельцѣ. Кіевъ. 1898 г.

П. Лашкаревъ. Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. Кіевъ. 1898.

Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ церковно-историческомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Т. IV. Почаевъ. 1899.

D-r E. von Nottbeck und d-r W. Neumann. Geschichte und Kunstdenkmäler der Stadt Reval. Reval. 1899.

Плошанскій, В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII в. и др. источникамъ. I. Вильна. 1899.

Ученыя записки Импер. Казанскаго Университета. Кн. 7, 8, 9, 10, 11, 12. Казань. 1899.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ. VII. Византійское отдѣленіе. IV. Одесса. 1899.

Записки Крымскаго Горнаго клуба въ г. Одессѣ, №№ 5—6, 7—12. Одесса. 1899.

Basmadjian M. K. J. Une nouvelle inscription arminiaque ou vannique. Paris. 1899.

Basmadjian M. K. J. Une nouvelle inscription byzantine. Paris. 1899.

Н. И. Петровъ. Типикъ о церковномъ и о настѣнномъ письмѣ, Епископа Нектарія изъ Сербскаго града Велеса 1599 г. и значеніе его въ исторіи русской иконописи. Спб. 1899.

Чтенія въ Церковно-Археологическомъ Обществѣ. Вып. II. Кіевъ. 1899.

Отчетъ Александровской Публичной Библіотеки въ г. Самарѣ за 1898 г. Самара. 1899 г.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка Любителей Археологіи (зас. 11 дек. 1898 г.—11 дек. 1899 г.). Самаркандъ. 1899.

Живая Старина, изд. Этнографическаго отдѣленія Импер. Русск. Геогр. Общ. Вып. 1, 2, 3. Спб. 1899.

Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Trinaesti svezak. U Zagrebu. 1899.

Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Knjiga 138, 51. U Zagrebu. 1899.

М. И. и В. И. Успенскіе. Образцы древнерусской иконописи. Спб. 1899.

Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София. Книжка 59, 60. София. 1899.

С. А. Геппенеръ. Матеріалы для статистическаго описанія Ферганской области. Н. Маргеланъ. 1899.

Folk-Lore in Borneo, a sketch by William Henry Furness. Pennsylvania. 1899.

Записки Пріамурскаго отдѣла Импер. Русскаго Геогр. Общества. Т. V, вып. 1. Хабаровскъ. 1899.

Free Museum of Science and Art. Department of Archaeology and Paleontology University of Pennsylvania. Vol. II, № 2. Philadelphia. 1899.

Троицкій, Н. И. Тульская старина, №№ 3, 3, 5—6. Тула. 1899.

Годичный актъ въ Петербургской Духовной Академіи въ 1899 г. Спб. 1899.

Журналы засѣданій Совѣта Петербургской Духовной Академіи за 1896—1897 г. Спб. 1898.

Древности. Труды Археографической Коммиссіи Импер. Москов. Археол. Общества. Т. I, вып. 3. Москва. 1899.

Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1898. Riga. 1899.

Archeografo Triestino, edito per cura della Societa del Gabinetto di Minerva. Nuova Serie vol. XXII. Fasc. 2. Trieste. 1899.

Mittheilungen aus des livländischen Geschichte. Band. XVII, Heft. 2. Riga. 1899.

Eranos. Acta philologica suecana. 1898—1899. Upsaliae. 1899.

Památky archaeologické a mistopisné Dílu. XVIII, sešit III—IV, V. V Praze. 1898—1899.

Starožitnosti Země české. Díl I. Čechy předhistorické na základě praehistorické sbírky Musea Král. Českého. Svarek I. V Praze. 1899.

Университетскія Извѣстія, №№ 6, 7, 8, 9—11. Кіевъ. 1899.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Heft. III, IV, V. Wien. 1899.

Личный составъ Импер. Юрьевскаго Университета къ 15 октября 1898 г. Юрьевъ. 1898 г.

Otto Seesemann. Die Aeltesten im alten Testament. Jurjew. 1899.

Обзоръ Ферганской области за 1897 г. Нов. Маргелонъ. 1899.

Juliusz Hr. Ostrowski. Księga herbowa rodów Polskich. Leszyt VI. Warszawa. 1899.

Пушкинская Выставка 1899 г. Указатель, изд. Москов. Публ. и Румянц. музеевъ. Москва. 1899.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи 1899 г. Вып. 1, 2. Калуга. 1899.

Ιεροσολυμιτικη Βιβλιοτηκη. Изд. Правосл. Палестинскаго Общества, *τομος Δ'. Εν Πετροπολει.* 1899.

Справочникъ и адресъ-календарь Самаркандской области 1899 г. Самаркандъ. 1899 г.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Т. X, №№ 3, 4, 5; т. XI, №№ 1, 2. Спб. 1899.

Матеріалы для исторіи Московскаго купечества. Общественные приговоры. Т. IV. Москва. 1899.

Указатель къ VIII т. актовыхъ книгъ, 1751—55 гг. Москва. 1899.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Томы I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II, Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р. Т. IV. Ц. 9 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2—3 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2, 3, и 5-й по 6 р.; вып. 4-й—ц. 8 р. 50 к.; вып. 7-й—ц.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 5 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., Ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
Томъ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три вып. по 4 р. Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I, Ц. 4 р. 50 к. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Археографической Коммиссіи. Т. I, вып. 1 и 2-й по 1 р. 50 к. вып.

Древности Ярославскія и Ростовскія. Ц. 3 р.

Археологическая карта Кіевской губерніи. 1897. Ц. 2 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соедин. засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти арх. Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Ц. 1 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Памяти арх. Саввы, проф. Павинскаго и гр. Толстаго. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1898 по 1 р. 50 к., всѣ вмѣстѣ—7 р.; при подпискѣ на 1899 г., т. е за 1893—99 г., всего 10 руб.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р. Продается безъ уступки.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большого Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1899-мъ году (7-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ,

подъ редакціей Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

Прежніе года (1893—98) могутъ быть получаемы, при выпискѣ изъ Московскаго Археологическаго Общества, по 1 р. 50 к. за годъ, а всѣ вмѣстѣ за 7 рублей, при условіи подписки и на 1899 годъ (т.-е. всѣ года съ 1899-мъ включительно за 10 рублей).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.
